

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

А К В И Л О Н

МОСКВА

ISTORICHESKAIA GEOGRAFIIA

VOLUME 2

edited by
Irina G. KONOVALOVA

АКВИЛОН

MOSCOW 2014

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

ТОМ 2

Ответственный редактор
И.Г. КОНОВАЛОВА

А К В И Л О Н

МОСКВА 2014

УДК 913.1
ББК 63.3
И 73

РЕДКОЛЛЕГИЯ

к.геогр.н. В.Э. Булатов, д.и.н. М.Д. Бухарин,
к.и.н. Т.П. Гусарова, д.и.н. И.Н. Данилевский,
д.и.н. И.Г. Коновалова (отв. ред.), к.и.н. Ф.С. Корандей,
д.и.н. Е.А. Мельникова, д.и.н. М.С. Петрова,
д.и.н. Ар.А. Улунян, к.и.н. А.А. Фролов,
д.геогр.н. Л.С. Чекин, к.и.н. А.С. Щавелев

И 73 ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Том 2 / Отв. ред.
И.Г. Коновалова. — М.: Аквилон, 2014. — 560 с.

Во втором томе сборника «Историческая география» помещены исследования, посвященные исторической географии путей сообщения и землевладения Древней Руси; географическим образам стран и регионов; истории картографии XVI – начала XVII века; новым архивным источникам по истории землепользования и лесного дела; исторической топонимике; роли геоисторических конструктов в современной внешнеполитической мысли. В сборнике также представлен обзор основных направлений и парадигм российской географии, рецензии на последние издания и хроника наиболее заметных научных событий в области исторической географии.

Издание представляет интерес не только для специалистов по исторической географии как таковой, но и предназначено для историков, географов, страноведов, историков географии и картографии, культурологов.

Научное издание

В оформлении обложки использована
фотография Сан-Марино Ф.А. Коновалова

- © И.Г. Коновалова, общая редакция, составление, 2014
- © Коллектив авторов, 2014
- © Ф.А. Коновалов, фото, 2014
- © Институт всеобщей истории РАН, 2014
- © Издательство «Аквилон», 2014

ISBN 978–5–906578–02–0
ISSN 2307–8200

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без письменного соглашения с издательством запрещается*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>А.С. ЩАВЕЛЕВ, А.А. ФЕТИСОВ</i> К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века: Карта кладов и конфигурация торговых путей.....	7
<i>А.А. ФРОЛОВ</i> Некоторые итоги и перспективы историко-географического изучения средневековых волостей Буйцы и Лопастыцы.....	54
<i>А.Л. ГРЯЗНОВ</i> Родовое землевладение князей Шелешпальских в XV–XVI веках.....	105

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ

<i>Т.Н. ДЖАКСОН</i> Скифия Адама Бременского. Формирование образа.....	152
<i>Т.В. ГИМОН, З.Ю. МЕТЛИЦКАЯ</i> Границы ойкумены летописца. Сообщения англо-саксонских, ирланд- ских и древнерусских анналов о событиях за пределами своих стран.....	171
<i>Ф.С. КОРАНДЕЙ</i> Колокольный завод Конрада Мальт-Бруна. География Западной Сибири во французских путевых описаниях второй половины XIX века.....	201

ИСТОРИЯ КАРТОГРАФИИ

<i>Ч. ВАН ДУЗЕР</i> Тексты о России на «Морской карте» Мартина Вальдземюллера 1516 года.....	236
<i>О.В. ОКУНЕВА</i> Карта Бразилии Джакомо Гастальди из третьего тома собрания Джован- ни Баттиста Рамузио «О плаваниях и путешествиях» (1556, 1565, 1606)...	268

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

<i>Е.Н. НАСЕДКИН</i> Рукописные лесные карты Среднего Поволжья XVIII века как источник по истории землепользования и лесного дела.....	302
--	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИКА

<i>М.Д. БУХАРИН</i> Πόντος Εὐξεινος, Πόντος Ἀξεινος и «чернота» Черного моря: вопрос в истории, история вопроса.....	330
--	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.А. УЛУНЯН

Общенациональный турецкий дискурс «геоисторического конструирования» во внешнеполитической мысли современной Турции.....	389
--	-----

ОБЗОРЫ

С.В. РАССКАЗОВ

Основные направления и парадигмы российской географии. Краткий путеводитель для историков.....	436
--	-----

Ф.С. КОРАНДЕЙ

Историческая география рек.....	468
---------------------------------	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>И.И. Еремеев, О.Ф. Дзюба.</i> Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки: археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с., ил. (Труды Ин-та истории материальной культуры. Т. XXXIII) (В.С. НЕФЕДОВ, А.А. ФРОЛОВ).....	484
---	-----

<i>Van Gestel-van het Schip P., Kaashoek J., Molenaar J., Poelijoe R., Schipper H., van der Zwan H.</i> Maps in Books of Russia and Poland Published in the Netherlands to 1800. Houten: HES & De Graaf, 2011. 724 p. (Research Programme Explokart. Utrecht Studies in the History of Cartography. Vol. 13) (Л.С. ЧЕКИН).....	503
--	-----

ХРОНИКА

XV международная конференция по исторической географии. Прага, 6–10 августа 2012 г. (И.Г. КОНОВАЛОВА, М.Е. ПРОСКУРЯКОВА, С.В. РАССКАЗОВ, А.А. ФРОЛОВ).....	520
--	-----

25 th International Conference on the History of Cartography. Helsinki, June 30 to July 5, 2013 (СНЕТ VAN DUZER).....	526
--	-----

Конференция «Границы и приграничье. Проблемы сегодняшнего дня и завтрашние перспективы» (М.Е. ПРОСКУРЯКОВА, В. КАЙСТО).....	530
---	-----

Конференция «Образовательные и профессиональные границы в Европе Нового времени. Идентичность, обмен, сопротивление» (Е.С. ТОКАРЕВА).....	537
---	-----

Третий международный географический симпозиум (А.А. ФРОЛОВ).....	541
--	-----

СОКРАЩЕНИЯ.....	545
-----------------	-----

ABSTRACTS.....	546
----------------	-----

CONTENTS.....	553
---------------	-----

ОБ АВТОРАХ.....	555
-----------------	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А.С. ЩАВЕЛЕВ, А.А. ФЕТИСОВ

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ IX – НАЧАЛА X ВЕКА

КАРТА КЛАДОВ И КОНФИГУРАЦИЯ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ

Аннотация: Статья посвящена проблемам исторической географии Восточной Европы IX – начала X в. В статье представлена карта кладов IX в. на восточнославянских территориях. Предложена реконструкция этапов и хронологии становления пути «из варяг в греки» в конце IX–X в. Доказывается, что путь «из варяг в греки и из грек» как транзитная торговая магистраль сформировался в середине X в. На археологическом материале уточнена хронология становления «русской земли в узком смысле», то есть «домена киевских князей», формирование которого шло в течение X в. Анализ археологических и историко-географических данных показывает, что в IX в. логистика торговых путей Восточной Европы существенно отличалась от последующего периода X в. Процесс складывания экономической инфраструктуры древней Руси начался только на рубеже IX и X столетий и протекал в первой половине X века.

Ключевые слова: историческая география, историческая археология, карта кладов Восточной Европы, торговый путь, путь «из варяг в греки», домен киевских князей.

Система транзитных торговых путей Восточной Европы была одним из ключевых факторов, предопределивших географические границы и территориальную структуру Руси X – начала XI вв. Древнерусское государство этого периода было политической проекцией мира-экономики, сложившейся в IX в. и достиг-

шей своего исторического максимума в X в.¹. Опорными точками этой сети трасс международной торговли стали так называемые «открытые торгово-ремесленные поселения»², типологически близкие «караванным городам»³. Функционально они представляли собой классические эмпории (*τὸ ἐμπόριον, emporium*)⁴. Обь-

¹ Ойкумену экспансии норманнов как пример «мир-экономики» приводит создатель термина и стоящей за ним концепции Ф. Бродель (Бродель 2007: 4). На пространстве Восточной Европе в конце VIII – начале XI в. сложилась своеобразная часть глобальной экономики Евразии и Северной Африки. Именно в этом пространственном континууме экономических систем (Византия, Халифат, Франкская империя, циркумбалтийский мир, культурно-лингвистическая общность славян и т.д.) были заложены факторы, которые обусловили характер генезиса древнерусского государства X в. До сих пор в отдельных исследованиях древнерусское государство представляется как некий «рукотворный проект». Например, «проект» князя Рюрика, который якобы обладал политическим опытом, вынесенным из Франкской империи (Горский 2012: 108–109, 112). В исследованиях идет целенаправленный поиск признаков политических структур на разных территориях Восточной Европы, мы же пытаемся еще раз посмотреть на первые этапы древнерусского государства и предшествовавших ему «политий» с точки зрения логистики базовых ресурсов политогенеза (ср.: Лебедев 1985: 140–149). Ведь в IX в. на территории Восточной Европы еще не было полноценных государств, а связи между территориями и потестарными политиями носили по преимуществу не *политический*, а *торгово-экономический* характер. «Русь» еще не оформилась в «этносоциальную категорию» «империи Рюриковичей», а была совокупностью специфических военизированных «этнографических групп» (Лебедев 1978; Шинаков, Гурьянов 2002; Шинаков 2009: 166–172; Щавелев 2013), представители которых формировали и контролировали новую систему коммуникаций.

² См. одну из последних обобщающих работ: Михайлов 2012: 5–20. Сам термин «открытое торгово-ремесленное поселение» (ОТРП) восходит к статье: Булкин, Лебедев 1974: 11–17.

³ Ср. впечатления М.И. Ростовцева о таких городах: Ростовцев 2010. Причем, караванная система Азии и речная система Восточной Европы были плотно состыкованы (Кропоткин 1973: 226–230). Точно также на севере восточноевропейская речная и волоковая система была сопряжена с циркумбалтийским морским миром (Лебедев 2005: 222–279). Собственно ОТРП Восточной Европы были полностью изоморфны практически любому эмпорию эпохи викингов (Voguski 2009: 151–165).

⁴ Эмпориями мы считаем города (или самостоятельные «пригороды» городских поселений) и поселки, главная функция которых — осуществление торговли. Остальные функции поселения («оборонительная», «производст-

яснение роли торговых пунктов на международных путях в генезисе Руси было сформулировано еще В.О. Ключевским⁵, и предельно заострено В.В. Святловским и М.И. Ростовцевым⁶. Идея В.О. Ключевского о «гидрографическом основании» древнерусского государства не потеряла своего значения и «живет» и в современной историографии⁷.

Исходя из этих апробированных теоретических подходов и доказанных исторических выводов, мы попытаемся на основе данных письменных источников и археологического материала прояснить структуру торговых путей Восточной Европы в IX – начале X в., обозначить ее основные отличия от системы коммуникаций, сложившейся с середины X в., то есть во время успешной военно-политической экспансии киевских Рюриковичей.

В качестве традиционного базового источника для реконструкции исторической географии торговых путей IX столетия нами используются монетные и денежно-вещевые клады, собранные в сводах, составленных В.Л. Яниным, В.П. Даркевичем, В.В. Кропоткиным, А.В. Фоминым, Т. Нунаном, А.Е. Леонтьевым. Добавлены отдельные публикации кладов, в основном, 1990-х и 2000-х годов⁸.

При картографировании кладов мы опираемся на принципы исследования торговых путей Восточной Европы IX в., предло-

венная», «социально-коммунальная», «сакральная» и др.) были вторичны, либо отсутствовали вовсе. О путях урбанизации в «Балтийской цивилизации» и «вике» как типе города см.: Булкин, Герд, Лебедев, Седых 1999: 171, 174–181.

⁵ Ключевский 1987: 80–82, 137–141, 144–148, 161–162, 167–171. У Ключевского наиболее плодотворна идея «естественного» эволюционного процесса складывания сначала торговой сети («мир-экономики» в терминологии Ф. Броделя), а затем трансформация ее в общественно-политические структуры разного уровня.

⁶ Ростовцев 2004: 15; Святловский 1914: 140–263, 302.

⁷ Носов 1999: 157–170.

⁸ Voguski 2010: 351 – 361; Callmer 1976: 175–185; Noonan 1998; Гомзин 2001: 65–67; Гомзин 2006: 252–273; Даркевич 1976; Енуков 2005; Корзухина 1954; Кропоткин 1968: 72–79; Кропоткин 1967; Кропоткин 1962; Леонтьев 1986: 3–9; Нунан, Ковалев 2000: 206–213; Нунан, Ковалев 2003: 149–160; Петров, Калинин 2000: 171–221; Рябцевич 1998: 66–81; Соколова 1971: 16–26; Фомин 1982: 81–87; Янин 2009.

женные А.Е. Леонтьевым⁹. Он совершенно справедливо указал, что при картографировании кладов необходимо обязательно разделять карты кладов IX и X вв.¹⁰. Геополитическая ситуация в X в. принципиально изменилась¹¹, и в результате этого кардинально сместились многие торговые маршруты. Совокупное картографирование кладов IX–X вв. совершенно не отражает динамику функционирования торговых путей. Точно так же нельзя распределять клады по хронологическим периодам обращения разных эмиссий дирхамов. Динамика денежных эмиссий Халифата и Византии имела свои причины и логику, а динамика торговых путей Восточной Европы развивалась по своим законам¹². Именно поэтому необходимо не только разделять клады IX в. и X в., но и разделять карты торговых путей этих двух столетий¹³.

Всего нами нанесено на карту 90 комплексов IX в. (см. Карты 1, 1а *на вкладке*). Из них 68 имеют точную дату, традиционно определяемую по младшей монете¹⁴. Наша карта кладов IX в. бы-

⁹ Леонтьев 1986: 3–4.

¹⁰ Даркевич 1976: Табл. 52.

¹¹ Здесь сыграли роль разные факторы, но ключевым из них была военная экспансия киевских Рюриковичей, апофеозом которой стали походы Святослава Игоревича, в результате которых Волжский путь временно пришел в упадок (Лебедев 1985: 234).

¹² Леонтьев 1986: 3. Обозначение на карте А.Е. Леонтьева торгового пути по Днепру — лишь дань историографической традиции, не подтвержденная какими-либо материалами его статьи (Леонтьев 1986: 4).

¹³ В последнем фундаментальном археологическом издании карты кладов IX и X вв. разделены, но карта торговых путей Восточной Европы снова дана совокупно: Леонтьев, Носов 2012: 397.

¹⁴ Датировка по младшей монете, конечно, условна, клады в реальности могут иногда датироваться несколькими годами позже. О перспективах системного анализа нумизматического материала см.: Шувалов 1999; Потин 1993. Отметим, что «клады длительного накопления» — очевидная редкость, большинство комплексов, которые считались примерами «кладов длительного накопления», на поверку таковыми не оказываются (Шувалов 1999: 377; Потин 1993: 174–178). Пока сплошной передатировки комплексов кладов по их составу не произведено (см. отдельные примеры: Кулешов 2011; Кулешов 2012б) мы продолжаем пользоваться условными датами «младшей монеты». Возможный сдвиг только в одну хронологическую сторону («омоложения») позволяет считать, что у нас есть «естественная выборка», которая нейтрализует теоретически возможные флуктуации дат отдельных комплексов.

ла представлена на международной конференции «Древняя Русь и средневековая Европа: возникновения государств» 29 ноября 2012 г. в рамках доклада «Русь в IX – первой половине X в.: некоторые проблемы историко-археологической реконструкции этнополитических процессов». Почти сразу после этого была опубликована карта В.С. Кулешова¹⁵. Поскольку наши данные и данные В.С. Кулешова практически полностью совпали, мы можем констатировать, что на сегодняшний день есть точная и *независимо верифицированная двумя параллельными сводами комплексов* карта кладов IX века.

К несомненным достоинствам карты В.С. Кулешова следует отнести более широкий географический охват, а также уточнение хронологии кладов на основе анализа состава монетных комплексов. Мы же, в свою очередь, сосредоточились на проверке географической идентификации мест находок кладов. Эта проверка локализаций кладов выявила ошибки в определении мест их находок на различных картах, в том числе и на последней карте В.С. Кулешова. Таким образом, мы видим наш вклад в исследование кладов IX в. в уточнении их топографии. Географическая точность вообще не очень свойственна исследователям путей распространения серебра в Европе. Карта кладов дирхамов С. Братера, скорее, представляет собой схему, отражающую места концентрации монетных кладов и количество монет («объемы серебра»), которые их составляют¹⁶. Карта-схема С. Братера хорошо показывает скопления кладов и масс монеты в разных регионах¹⁷. Но для выявления торговых путей и зон обращения монет она служить не может. Точно такая же сводная и абсолютно схематичная карта приведена К. Килгером¹⁸. В этих исследовани-

¹⁵ Леонтьев, Носов 2012: 387–389.

¹⁶ Brather 2010: 145. Совсем схематичная, карта опубликована С. Братером в его монографии (Brather 2008: 224). Основополагающая статья С. Братера (Brather 1997) содержит более подробные карты-схемы, которые все-таки больше ориентированы на наглядное отображение «масс» монеты в разных регионах, а не на географическое расположение кладов. Мы получили эту статью Братера только после завершения работы над нашей статьей и не в полной мере успели учесть ее данные.

¹⁷ См. также: ME 2008: 208.

¹⁸ ME 2008: 201.

ях представлена серьезная аналитическая работа по синхронизации процессов поступления «арабского серебра» из Восточной Европы в Северную и Центральную, но проблемы логистики торговых путей самой Восточной Европы практически не рассматриваются с необходимой конкретностью¹⁹.

Нами была создана оригинальная географическая основа — карта речных систем Восточной Европы. Проверка мест находок кладов проводилась в сервисе *Google-maps*. Благодаря этому нам удалось исправить ряд неточностей в локализации кладов В.Л. Яниным и В.С. Кулешовым. Мы производили необходимую топографическую корректировку в тех случаях, когда ошибка была принципиальна для реконструкции системы коммуникаций²⁰. Мы приводим примеры неточных локализаций кладов,

¹⁹ На статьи С. Братера и К. Килгера в ходе дискуссии на конференции «Древняя Русь и средневековая Европа: возникновения государств» нам указала Н.В. Ениосова, за что мы ей чрезвычайно признательны.

²⁰ Клад № 21 по нашей сводке (Нижняя Сыроватка, Сумского района Сумской области) у В.С. Кулешова размещен на правом берегу р. Псел, хотя на самом деле должен находиться на левом. Клад № 25 (Новая Лазаревка Херсонского уезда) у В.Л. Янина ошибочно расположен на левом берегу Днепра. Клад № 28 (Погребное, Комаровский район Сумской области, оз. Малая Семча) у В.С. Кулешова ошибочно расположен на правом берегу р. Псел, на самом деле клад найден на левом. Клад № 37 (Девица, Коротоякского района Воронежской области) и у В.Л. Янина и у В.С. Кулешова локализован ошибочно при впадении р. Воронеж в Дон, а на самом деле его реальное местоположение локализуется гораздо южнее. Клад № 53 (Ахремцы Верхнедвинского района Витебской области) у В.С. Кулешова ошибочно локализован на Левобережье Западной Двины при слиянии с р. Дисна. На самом деле он найден у современного села Ахремцы на притоке Западной Двины р. Дрисе, на Правобережье Западной Двины. Клад № 60 (Литвиновичи Кормянского района Гомельской области) у В.С. Кулешова ошибочно локализован при слиянии р. Сож и Днепра на правом берегу Днепра. Реальное местоположение клада — гораздо севернее на правом берегу р. Сож. Клад № 68 (Нижние Новоселки Трубчевского района Брянской области) у В.С. Кулешова ошибочно локализован севернее его реального местоположения. Клад № 73 (г. Торопец, озеро Зеликовье) у В.С. Кулешова локализован ошибочно у истоков Западной Двины, на самом деле он найден на берегу озера Зеликовье на Правобережье Западной Двины. Клад № 89 и № 90 (Выжегша Юрьев-Польского района Владимирской области) у В.С. Кулешова расположен северо-восточнее от р. Нерль, на самом деле клады найдены в междуречье рр. Клязма и Нерль.

прежде всего для того, чтобы обратить внимание исследователей на эту проблему накопления ошибочной информации географического характера в историографии. Вполне возможно, какие-то ошибки есть и будут найдены на нашей карте, нам же важно сейчас показать *принципиальную необходимость взаимной проверки и перепроверки разными исследователями географии найденных кладов* с помощью современных электронных карт.

В историографии установлено, что для VIII–IX вв. ключевыми путями поступления арабского серебра были Волга и Дон, причем, оба пути проходили через Хазарию²¹. Целая серия кладов зафиксирована в бассейне Верхней Волги и связана с Волжским торговым путем. Отчетливо маркируются два широтных торговых пути. Первый путь — через Поочье и крупный контрольно-административный центр Хазарского каганата Супруты на Донской торговый путь²². И второй — с Балтики по Западной Двине на север Руси с выходом на Волжский торговый путь. Хорошо идентифицируется северный отрезок будущего «пути из варяг в греки» (в Поволховье). Одиночные клады немного к югу от Верхнего Поднепровья не могут быть включены в реконструируемую систему торговых путей. Объяснение их появления — отдельная не решенная сейчас проблема. Еще ниже по течению Днепра — в Среднем Поднепровье — никаких кладов нет.

Мы можем дополнить аргументацию А.В. Назаренко о существовании в IX–X вв. широтного пути «из немец в хазары»²³. На Правобережье Днепра зафиксирован один клад (№ 59 по нашей сводке — «Тернополь»²⁴), который условно датируется на-

²¹ Леонтьев, Носов 2012: 386.

²² Серия кладов на Левобережье Днепра связана с формирующимся протогосударством северян (см. подробнее: Григорьев 2000). Клады расположены хаотично и не концентрируются вдоль какого-то транзитного торгового пути — явный индикатор внутренней экономической активности на данной территории.

²³ Назаренко 2001: 76–112.

²⁴ Этот клад остался практически не замеченным в исследованиях, поскольку он был найден в 1926 г. и не дошел до наших дней. Известно, что это был горшок с монетами, которые были разобраны находчиками. Только одна золотая византийская монета Ирины (797–802 гг.) была продана местному ювелиру и определена (Кропоткин 1962: 37). Этот клад был отмечен на карте Й. Хермана (Славяне. 1986: 84–85). Можно предполагать, что это был клад,

чалом IX в. по золотой византийской монете 802 г. Западнее на этом предполагаемом торговом маршруте расположено городище Подгорцы (летописный Плеснек), где исследованы яркие дружинные погребения второй половиной X в., связанные с моравской военно-дружинной традицией²⁵. На самом памятнике есть материалы IX в.²⁶. До сих пор считалось, что эти богатые дружинные захоронения связаны с борьбой за Червенские города, но можно предположить, что экономический базис Подгорцев формировался и за счет широтного пути IX–X вв. (см. Карту 2, с. 15).

На одном из ключевых участков этого широтного пути — Великой Моравии (Прага, Козоеды, Микульчицы, Раквице, Старе Место, Нитра, Девин, Либице и др.: см. Карту 3, с. 16) — зафиксированы византийские монеты и шелк в погребениях²⁷. Поэтому, видимо, в остатках клада 802 г. № 59 на торговом маршруте осталась как раз золотая византийская монета. Длительный сухопутный широтный торговый путь накладывает серьезные ограничения на объемы и виды перемещаемых товаров. Они должны обладать высокой стоимостью и транспортабельностью. А этим параметрам идеально соответствуют золотые монеты и шелк.

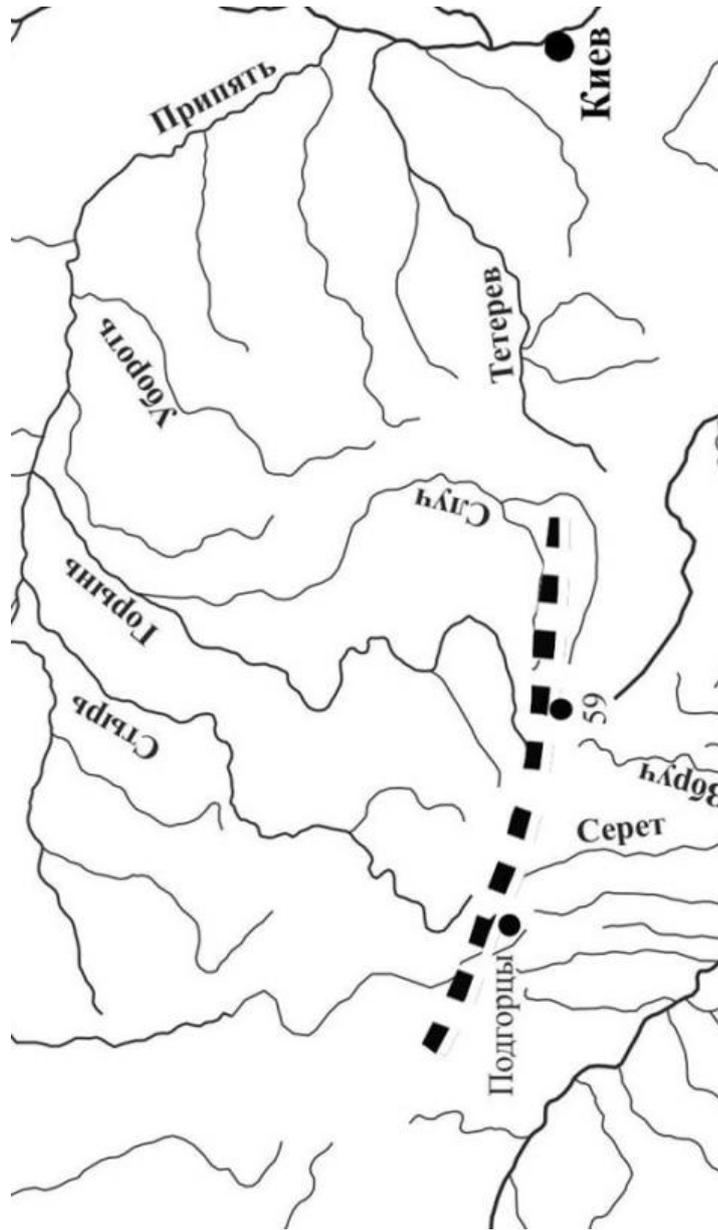
Совершенно отчетливо по карте кладов IX в. читается полное отсутствие признаков функционирования пути «из варяг в греки» как единой транзитной торговой магистрали от Балтики до Причерноморья. В современной историографии утвердилась точка зрения, что активные торговые связи Руси с Константинополем и Херсоном сложились уже во второй половине – конце IX в.

расположенный на идентифицированном торговом пути. Похожий клад X в. найден у дер. Коробкино Курской области, который, видимо, находился на отрезке (ответвлении) этого же широтного пути. Клад состоял из золотой византийской монеты Романа I, Константина VII и Христофора (921–944) и семи серебряных браслетов (Кропоткин 1962: 25).

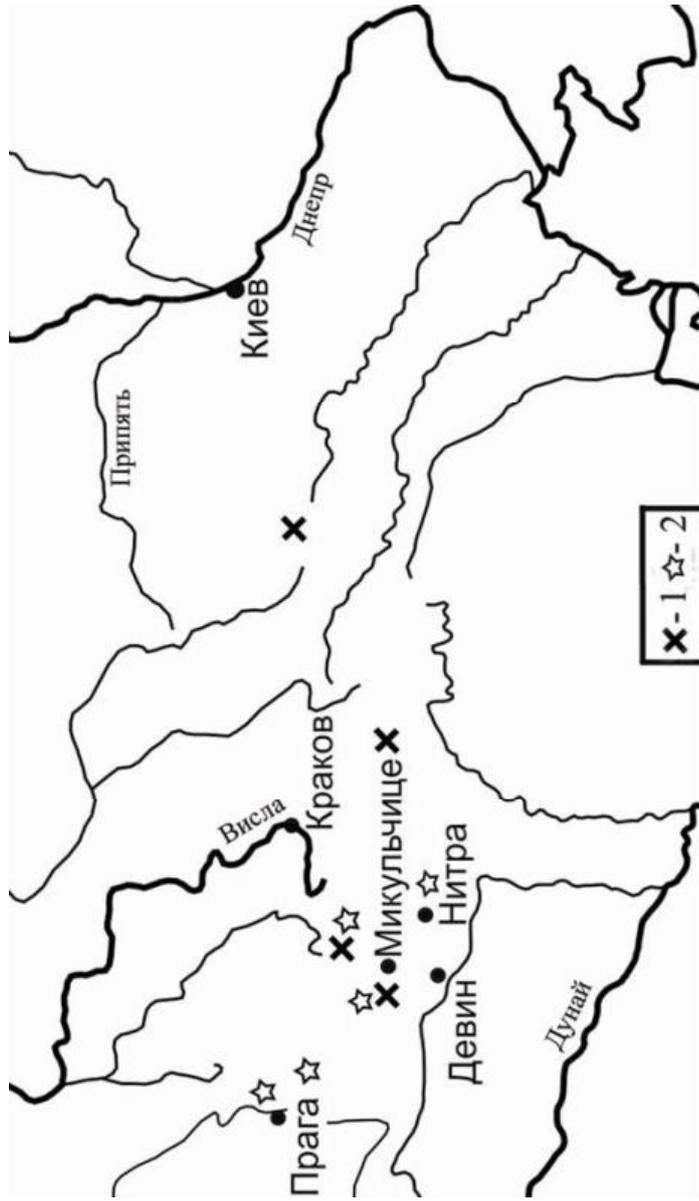
²⁵ См.: Liwoch 2007.

²⁶ Куза 1996: 201–202.

²⁷ Карта составлена на основе работ: Славяне. 1986: 84–85 и Profantova 2009: 582, 594. В Праге X в. арабский путешественник Ибн Якуб застал «платки» как средства платежа (Вестберг 1903: 144). А.В. Назаренко показал на основе исторических и лингвистических данных, что шелк был одним из приоритетных товаров на этом пути и действительно мог использоваться как средство платежа у славян от Киева до Праги (Назаренко 2001: 110–111).

Карта 2
Отрезок пути «из немец в хазары» на Правобережье Днепра.

Карта 3
 Распространение византийских импортов в Моравии
 (1 — византийские монеты; 2 — шелковые ткани).

Эта версия восходит к построениям Г.Г. Литаврина²⁸. Между тем, еще Т. Нунан отмечал, что роль русско-византийской торговли в IX–X вв. в историографии традиционно сильно преувеличивается: в IX в. никаких однозначных свидетельств такой торговли нет, а в X в. ее масштабы были гораздо скромнее, чем обычно считается²⁹. Г.Г. Литаврин упоминает некие клады IX в. без каких-либо доказательств и ссылок на археологическую литературу³⁰. Интенсивность контактов Руси с Херсоном он пытается доказать и якобы многочисленными находками византийской амфорной тары конца IX в. «вдоль всего Днепровского пути от устья до Киева», указав лишь ссылку на публикацию раскопок на острове Хортица. Но упоминаемое хортицкое погребение, в котором найдена амфорная тара, датируется авторами раскопок XII–XIII в. А нижняя дата всего памятника — X век³¹.

Сейчас можно констатировать, что функционирование отдельных отрезков будущего пути «из варяг в греки» началось в IX в. И.И. Еремеев показал формирование системы переходов из Ловати в Днепр, маркированных скандинавскими находками в этот период³². В IX – первой половине X в. Волховско-Днепровская магистраль долгое время существовала лишь в виде нескольких самостоятельных и не связанных отрезков³³.

²⁸ Литаврин 1999: 421–429. В другой работе Г.Г. Литаврин относит освоение коммуникации по Днепру славянами к «глубокой древности», якобы V–VI вв., упоминая при этом почему-то позднесредневековых казаков. А превращение Днепра в торговую артерию датирует исключительно точно: 830-ми годами. В качестве аргумента приводится факт «исчезновения кладов в Нижнем и Среднем Поднепровье» как «...верный (sic! — А.Щ., А.Ф.) показатель оживления экономической активности...» (Литаврин 2000: 11). Здесь сразу возникают два вопроса: как может исчезнуть что-то, чего никогда не было раньше? И почему отсутствие кладов — показатель, да еще и «верный», экономической активности. До того момента, как будут найдены ответы на эти вопросы, мы считаем аргументацию Г.Г. Литаврина неубедительной.

²⁹ Noonan 1987: 399.

³⁰ Литаврин 1999: 422.

³¹ Сокульский, Шевченко, Бодянский, Рогожкина 1977: 373–374.

³² Еремеев 2005: 98–123; Еремеев, Дзюба 2010: 487–491.

³³ Ср. устаревшие в ключевых звеньях реконструкции: особенно — Дубов 1989; в меньшей степени — Лебедев 2005: 534–569. Еще одна реконструкция северного отрезка пути «из варяг в греки» принадлежит Ю.М. Лесма-

Для разрешения вопроса о времени становления пути «из варяг в греки» как пути *inter ambo maria* ключевую роль играет хронология крупнейшего торгово-ремесленного поселения Гнездово. Сейчас вполне выяснено, что генезис Гнездова должен датироваться началом X в., а не «концом IX-го»³⁴.

До середины X в. меридиональный путь «из варяг в греки» существовал в виде отдельных северного и южного отрезков³⁵. Ключевой пункт на днепровском пути — Гнездово — на ранних этапах своего существования в большей мере был сориентирован на «широтный» путь³⁶, шедший с побережья Балтики через Западную Двину (см. Карту 4, на вкладке)³⁷. В Гнездове подавляющее большинство предметов византийского импорта относится лишь к середине – второй половине X в. Только во второй половине X в. здесь фиксируются византийские находки, которые являются не просто уникальным, «ситуативным» импортом, а своего рода «массовым материалом», свидетельствующим о регулярных торговых контактах — амфорная тара и стеклянная посуда³⁸.

ну (Лесман 2003). Он сосредоточился лишь на проблеме реконструкции путей в «волоковой зоне» от Днепра до Ловати. В частности, он правильно отмечал необходимость уточнения хронологии ритмов функционирования и изменчивости конкретных трасс пути в разное время, но рассматривал период IX–X вв. совокупно.

³⁴ Можно предполагать, что наиболее ранние погребения появляются в Гнездовском некрополе только в первой четверти X в. Хорошо стратифицированный и датированный материал исследований Гнездовской поймы (поселение) позволил идентифицировать слои и объекты не ранее первой четверти X в. См. сводку данных об этом: Фетисов 2013.

³⁵ Толочко, Толочко 1998: 20–26; Андрощук 2001: 133; Леонтьев 1986: 3–9.

³⁶ Булкин, Дубов, Лебедев, 1978: 52. Для северной системы торговых путей — широтного по Западной Двине и северного отрезка пути «из варяг в греки» — варианты переходов из бассейна Ловати в бассейн Западной Двины и в Верхнее Поднепровье наиболее подробно рассмотрены Ю.М. Лесманом (Лесман 2003).

³⁷ По одной из версий, Верхнее Поднепровье соединялось с р. Окой через р. Угру. Этот вариант отражен и в нашей схеме (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 20).

³⁸ Мурашева, Довгалюк, Фетисов 2009: 530–555. Взгляды на торговые связи Руси и Константинополя в IX – первой половине X вв. до сих пор запрограммированы определенной историографической традицией, несмотря

На сегодняшний день наиболее полный и подробный обзор находок византийского происхождения из Гнездова сделан Н.В. Ениосовой и Т.А. Пушкиной³⁹. Н.В. Ениосова и Т.А. Пушкина считают, что на основании археологических материалов начало функционирования транзитного пути «из варяг в греки» можно датировать концом IX – первой половиной X века.

В качестве доказательств они приводят только ряд находок уникального характера. Но такие артефакты не способны выступать в качестве товаров и, следовательно, не отражают этапы развития *торговли*. Это свинцовая печать с Рюрикова городища, энколпион из Старой Ладogi, пряжка из сопки в урочище Плакун⁴⁰, а также одиночные византийские монеты, найденные на Рюриковом городище и в Гнездове⁴¹. Кроме того, нельзя забывать, что

на очевидное противоречие с реальным археологическим материалом. Так, в докладе о византийских связях Гнездова на конференции «Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура», Н.В. Ениосова и Т.А. Пушкина специально отметили, что практически все находки византийского происхождения в Гнездово относятся ко второй половине X в, а к первой половине — лишь одиночные византийские импорты. При этом авторы, тем не менее, парадоксальным образом делают вывод, об «особом месте Гнездова в отношении с Константинополем уже с первых десятилетий X столетия» (Ениосова, Пушкина 2012a).

³⁹ Ениосова, Пушкина 2012б: 34 – 85.

⁴⁰ Ениосова, Пушкина 2012б: 76. Более убедительным примером торгового импорта являются амфора и поливной сосуд из кургана Л-13 в Гнездове. Но курган Л-13 скорее должен датироваться серединой X в. (Нефедов 2001: 64–67). Таким образом, материалы этого погребения не являются прочным подтверждением функционирования транзитного пути «из варяг в греки» в первой половине X века.

⁴¹ Т. Нунан специально отмечает, что византийские монеты вообще не являются индикаторами отношений Руси с Византией или Херсонесом (Noonan 1987: 398). Эти монеты не играли какой-либо существенной роли в экономической жизни раннегородских центров Древней Руси, а значит динамика их распространения в это время в отрыве от остального византийского импорта ничего не говорит о масштабах русско-византийских торговых связей. Попадавшие на древнерусские памятники византийские медные и золотые монеты были скорее своего рода «сувенирами» как метко их назвала Т.А. Пушкина (Пушкина 2007: 325–331), привезенными из поездок и походов. Необходимо помнить и то, что изображение на византийских монетах креста, образов Христа или Богородицы могло быть чем-то вроде «символа веры» для ранних христиан Древней Руси (Богуславский 1990: 61; Бутырский

эти одиночные предметы могли поступать в Северную Русь самыми разными путями, помимо «днепровского».

Повторим — мы считаем, что в Гнездове надежным показателем функционирования торгового пути «из варяг в греки» (и как частного случая — торговых контактов с Византией) может служить *только появление массового византийского импорта* — амфорной тары (более 50 фрагментов) и стеклянных сосудов (более 30 фрагментов). Амфорная тара и стеклянные сосуды появляются в Гнездове лишь во второй половине X в. Показательно, что к этому же времени относится и большинство более редких византийских находок в Гнездове (текстиль, изделия из кости и металла), на что в свою очередь обращают внимание Н.В. Ениосова и Т.А. Пушкина⁴².

Отдельно следует прокомментировать вопрос о византийском происхождении привозных изделий из стекла. Анализируя многочисленные находки фрагментов стеклянных сосудов второй половины X в., Н.В. Ениосова и Т.А. Пушкина отмечают, что пока невозможно делать достоверные выводы о происхождении импортных стеклянных изделий на территории Древней Руси. Поскольку неясно до конца, что отличало византийские сосуды VII–XI вв. от продукции исламских центров стеклоделия того же времени⁴³.

Между тем, химический анализ фрагментов стеклянных сосудов из Гнездовской поймы показал низкое содержание щелочных земель и использование соды или золы растений пустынной зоны в качестве щелочного сырья⁴⁴. А это, по мнению Ю.Л. Щаповой, является особенностью химического состава стекол византийского происхождения⁴⁵.

2000; Мусин 2002: 172). Такое использование византийских монет зафиксировано и в Гнездово. А.А. Молчанов и Т.А. Пушкина ранее отдельно отмечали «явное употребление обитателями Гнездовского поселения значительной части медных византийских монет в качестве украшений или амулетов» (Молчанов, Пушкина 2003: 53). Ср. еще более яркий пример: Лабутина и др. 2009: 400–401.

⁴² Ениосова, Пушкина 2012б: 45–74.

⁴³ Ениосова, Пушкина 2012б: 69.

⁴⁴ Мурашева, Довгалюк, Фетисов 2009: 538.

⁴⁵ Щапова 1998: 94–99. Дополнительным подтверждением византийского происхождения гнездовских стеклянных сосудов может являться полное

Примечательно, что, обрисовав сложности в определении происхождения стеклянных изделий-импортов, Н.В. Ениосова и Т.А. Пушкина в другом месте своей статьи все же включают стеклянные сосуды пойменной части Гнездова в круг вещей византийского происхождения⁴⁶.

Некоторые возражения вызывает историческая экспликация⁴⁷, которая должна аранжировать и завершить основную археологическую часть статьи. Сразу же вызывает недоумение фраза: «Даже после заключения договоров 907 и 911 гг. русско-византийскую торговлю нельзя назвать процветающей⁴⁸. Незначительным было и число участников экспедиций (sic! — А.Щ., А.Ф.) в Константинополь — пять и пятнадцать в первом и втором договорах... (курсив наш — А.Щ., А.Ф.)». Получается, что Н.В. Ениосова и Т.А. Пушкина считают, что какие-то византийские вещи смогли купить или приобрести только вошедшие в Константинополь послы, заключавшие договоры? И этим торговля и другие формы приобретения местных товаров русью ограничивалась в эти годы? Между тем, пять и пятнадцать — это только лишь число *послов* Олега, упомянутых в договорах, а отнюдь не количество купцов. Как число послов, зашедших в столицу Византии ратифицировать договор, должно характеризовать *объемы торговли и число торговцев* нам совершенно не понятно. Вряд ли эти послы успели «отовариться» в столице империи, а полученные ими дары, если таковые не додуманы *post factum* летописцем в этикетных целях, никак не могут быть единственными приобретениями участников походов. Тем более что войско Олега, четко исчисленное в раннем летописании, было по-своему более чем внушительным, и получило значительную контрибуцию, не говоря уже о грабежах окрестностей⁴⁹.

хронологическое совпадение их появления и распространения с распространением в Гнездове византийской амфорной тары во второй половине X века.

⁴⁶ Ениосова, Пушкина 2012б: 75.

⁴⁷ Ениосова, Пушкина 2012б: 76–77.

⁴⁸ С этим утверждением, которое было сделано Дж. Шепардом и было приведено Н.В. Ениосовой и Т.А. Пушкиной, мы согласны.

⁴⁹ ПВЛ 1996: 16–17; ПСРЛ 2000: 107–108. Уточнение конкретной цифры числа воинов и объемов выплат в данном случае неважно.

Между тем, у Дж. Шепарда, на которого ссылаются Н.В. Ениосова и Т.А. Пушкина, речь идет о *50 русах*, которые должны были, согласно договорам 907 и 944 гг., входить в столицу Византии для торговли⁵⁰. Кроме того, в договорах речь идет, кажется, не о предельном числе русов-купцов вообще, а о формировании групп «по 50 человек» для входа в Константинополь. Совершенно ясно, что договоры Олега начала X в. открывают период регулярной и вполне полноценной, хотя, действительно, «не процветающей» торговли Киева с Константинополем.

Следует учитывать, что включение в договор 907 г. перечня городов, из которых якобы приходят русы (Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и некие прочие города), скорее всего, является результатом позднейшего осмысления летописцем истории похода Олега и реконструкции им некоего идеального объема его власти⁵¹. В лучше сохранившемся тексте договора 911 г. все эти города вообще не упоминаются⁵². С большой натяжкой можно допустить теоретическую возможность упоминания в аутентичном тексте договора 907 г. «Киева, Чернигова и Переяславля», поскольку эта тройка городов есть в договоре 944 г. При столь шатких основаниях включать в число «прочих городов», с которыми якобы заключались договоры, еще и Гнездово — очень смелое исследовательское решение.

Итак, в первой половине X в. письменные источники, а именно — договоры с греками, фиксируют однозначно только торговлю Киева с Константинополем. Договоры дают возможность гипотетически предположить участие в этой торговле еще Чернигова⁵³

⁵⁰ Shepard 1995: 253; ПВЛ 1996: 17; ПРП 1952: 65. Такая же норма есть и в договоре 944 года.

⁵¹ Шахматов 1915: 395–396; Насонов 1951: 29; Горский 2005: 147–152; Горский 2009: 82–86. Города Полоцк, Ростов, Любеч взяты из предшествующих летописных статей, в которых описаны деяния Рюрика и Олега.

⁵² В данном случае, мы не вдаемся в незаконченный спор о реальности существования отдельного договора 907 г., раз уж в статье Н.В. Ениосовой и Т.А. Пушкиной выбран был именно вариант двух договоров 907 и 911 гг. (ср. Свердлов 1996: 601). Признание договора 907 г. литературным конструктом практически снимает необходимость какой-либо полемики о данных письменных источников о торговле древнерусских городов, кроме Киева, с Византией в первой половине X века.

⁵³ Основная масса византийской амфорной тары в Чернигове и его окру-

и Переяславля⁵⁴, то есть *городов южной Руси*. Но никаких веских оснований для расширения списка городов, участвовавших в торговле с Византией до 944 г., нет. Более того, сравнение хорошо сохранившихся текстов (а не их «летописного обрамления») договоров 911 и 944 гг. подтверждает нашу версию о том, что в 911 г. торговля велется только с Киевом. А в 944 г. к торговле подключается точно Чернигов, а, возможно, еще и Переяславль.

Т.А. Пушкина пересмотрела свою трактовку Гнездова как «погоста» и опорного пункта киевских князей⁵⁵ и вместе с Н.В. Ениосовой поддержала идею «неизвестной, могущественной и достаточно независимой скандинавской династии» в раннегородском центре Гнездове⁵⁶.

Н.В. Ениосова и Т.А. Пушкина считают, что исчезновение упоминаний «князей» из договоров 907, 911 и 944 гг., помимо киевского, из договора Святослава Игоревича 971 г. якобы «указывает на установление единства Руси только в последней четверти X в.». К этому же времени они относят и ликвидацию «гнездовского» суверенитета.

Но даже беглое обращение к политическому контексту процесса заключения и формуляру договора Святослава Игоревича показывает, что этот договор был заключен в экстремальных обстоятельствах и не был ратифицирован по полной процедуре.

ге появляется с середины X в., и лишь небольшая ее часть не ранее начала X в. (Коваленко 2006).

⁵⁴ Хотя археологически Переяславль в это время не существует (Колибенко 2004).

⁵⁵ Пушкина, Петрухин 1979: 105–108.

⁵⁶ Ениосова, Пушкина 2012б: 77. При этом теоретически вполне возможен и вариант какой-то другой, «олигархической» или корпоративной «военно-демократической» организации управления в Гнездове. Но это тема отдельного и сложного сравнительно-типологического исследования. Об отдельной «династии», кроме хрестоматийных примеров из Повести временных лет в Полоцке и Турове, мы можем более уверенно рассуждать только применительно к Чернигову, где есть возможность гипотетически идентифицировать хотя бы имя похороненного в «большом кургане» Черная могила правителя (Щавелев 2007). О принадлежности правителя по имени Чернь(ь) не к роду Рюриковичей косвенно свидетельствует отсутствие его имени в ономастиконе этой династии, хотя само имя зафиксировано на Руси. В Гнездове возможности делать даже такие гипотетические выводы, мы пока лишены.

А главное — договор 971 г. содержал в основном личные политические обязательства Святослава⁵⁷, а не закреплял разносторонние итоги международных переговоров⁵⁸. Фактически в 971 г. мы имеем дело с личной «распиской» Святослава, в которой и не могло, и не должно было быть упоминаний других политических лидеров Руси. Поэтому совершенно невозможно на этом основании продлевать правление в Гнездове этой «неизвестной могущественной династии» до «последних десятилетий X в.».

Представленный археологический материал и исторические экскурсии Н.В. Ениосовой и Т.А. Пушкиной не позволяют согласиться с тем, что Гнездово было центром торговли с Византией в первой половине X в., и соответственно реконструировать транзитный путь «из варяг в греки» в этот период.

Необходимо особо отметить, что середина X в. для Гнездова — рубеж не столько в экономическом, сколько в политическом развитии. По археологическим данным, именно в этот период (около 950-х гг.) устанавливается прямая зависимость Гнездова от власти киевских князей⁵⁹. Некоторые участки гнездовской застройки в это время гибнут в пожаре, что свидетельствует о вероятном насильственном характере этого подчинения. В Гнездове после этих событий распространяются вещи среднеднепровского происхождения и привносятся гончарные южнорусские традиции⁶⁰. Именно подчинением Гнездова, как ключевого пункта на Днепровском пути, киевские князья и открывают возможность для *интенсивного транзитного* пути «из варяг в греки», что обеспечило максимальный расцвет и самого Гнездова во второй половине X века⁶¹.

⁵⁷ Это выражено в тексте даже грамматически — обязательства перед византийцами даны в единственном числе от лица Святослава: «кляхъся и утверждаю на свѣщаньѣ семь роту свою» и «якоже кляхъся» (ПРП 1952: 58–60). В летописном обрамлении договор обозначен как записанные на пергамен «речи Святослава».

⁵⁸ См.: Каштанов 1972: 213–215; Сахаров 1982: 183–203; Каштанов 1996: 4–57; Малингуди 1996: 58–61.

⁵⁹ Нефедов 1998: 41.

⁶⁰ Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007: 70.

⁶¹ Реконструкции этапов развития пути «из варяг в греки» по материалам Гнездова и его окружи посвящена специальная статья В.С. Нефедова. Он, следуя историографической традиции, относит функционирование пути к

К северу от Гнездова — в Приладожье — византийские серебряные монеты впервые попадают в 950–980-е гг.⁶². Проникновение арабского серебра на северный отрезок Днепровско-Балтийского пути и в районы Новгородской земли и Ладоги происходило, согласно выводам А.Е. Леонтьева, не с юга по Днепру, а через Северский Донец по Пслу и Сейму, или же с Оки через Десну⁶³. Характерно, что Т. Нунан относит появление первых византийских монет в Киеве опять же лишь к середине X века⁶⁴.

Появление в 920–970 гг. в Приладожье вещей «дунайского круга» О.И. Богуславский, вслед за Г.С. Лебедевым, связывает с Волжским путем. Они считают, что варяги-наемники, проведя какое-то время в Византии, возвращались на север «кружным путем» через Каспий⁶⁵. При этом наибольшее число вещей венгерско-дунайского круга попадает в Приладожье лишь в 950–980-х гг.⁶⁶.

На основании археологических материалов становится ясно, что либо только около середины X в. путь «из варяг в греки» начал функционировать как единая сплошная транзитная торговая магистраль от Балтики до Черного моря (а не в виде отдельных отрезков), либо — в середине X в. происходит значительное многократное увеличение объемов торговли на Днепровско-Балтийском пути⁶⁷.

В IX в. на территории Среднего Поднепровья наблюдается почти абсолютный экономический вакуум. Единственное возможное исключение — клад № 25 «Новая Лазаревка» 893 г. в ни-

концу IX в. Однако, приводимые им материалы (клады междуречья Днепра, Ловати и Западной Двины) в этот период скорее являются отражением широтного пути, связанного с Гнездовом, и северного отрезка пути «из варяг», а не маршрутов, ведущих на юг. Путь, ведущий на юг по Сожу, как отмечает сам В.С. Нефедов, оформился только около середины X в. (Нефедов 1998: 31–42).

⁶² Богуславский 1997: 8; Андрощук 2001: 132.

⁶³ Леонтьев 1986: 7.

⁶⁴ Noonan 1987: 398.

⁶⁵ Богуславский 1997: 7; Лебедев 1985: 252–255.

⁶⁶ Богуславский 1997: 8.

⁶⁷ Последняя точка зрения была высказана впервые Д.А. Авдусиным на основании анализа хронологии гнездовского могильника (Авдусин 1972: 165), а затем поддержана исследователями, которые датировали складывание пути «из варяг в греки» IX в. (Булкин, Герд, Лебедев, Седых 1999: 181–182).

зовьях Днепра, который может и не быть связан с торговой активностью руси. Не менее характерно появление застройки киевского Подола, то есть торговой зоны, Киева лишь в конце IX в.⁶⁸. Именно появление Подола как торгового поселения вписывает Киев в типологию «торгово-ремесленных поселений», ориентированных на Днепр как торговую артерию (сближая его топографию с образцовым торгово-портовым поселением такого типа как Гнездово). С этого времени в Киеве начинает формироваться древнерусский курганный могильник и появляются скандинавские находки⁶⁹.

В X в. ситуация в Поднепровье резко меняется — на территории Среднего Поднепровья найдено четыре клада⁷⁰, развивается портовая зона киевского Подола, формируется значительный древнерусский могильник, собрана представительная коллекция скандинавских предметов, включающая в себя оружие и торговый инвентарь. Виден диссонанс четко читаемых археологических следов руси X в. и полного отсутствия аналогичных признаков руси более раннего периода (причем, речь идет даже не о маркерах этнических скандинавов, а об элементарных следах какой-либо военной, административной и торговой деятельности).

Отсутствие археологических следов скандинавов, которые предприняли поход на Византию 860 г.⁷¹, в Среднем Поднепровье может быть связано с тем, что скандинавы использовали Киев (или любое другое место на Днепре) как сезонную остановку⁷².

⁶⁸ Sahaydak 2005; Комар 2005: 133–134.

⁶⁹ Андрощук 2003; Callmer 2000: 79–80.

⁷⁰ Кулешов 2012а: 390–392.

⁷¹ Назаренко 2012а 18–22.

⁷² Русь могла вполне прибыть к Константинополю и с севера Восточной Европы, например, из Ладogi, поскольку вызывает серьезные сомнения один из ключевых аргументов о локализации базы похода 860 г. в Киеве — расчеты А.В. Назаренко о сроках плавания по Днепру. В частности, он пишет: «Известно, что в 860 г. «русские» ладьи появились под стенами Царьграда 18 июня. В середине X в. плавание большого каравана судов от Киева до Константинополя занимало больше месяца, причем с учетом времени на сбор кораблей, в июне караван успевал только отправиться. Прибавив три недели плавания от Волхова до Киева, получим, что сборы флота в Ладоге или Рюрикове городище должны были прийти на март-апрель — как раз на то время, когда только происходит вскрытие Днепра в его верховьях, тогда как судоходство начинается двумя-четырьмя неделями позднее» (Назаренко

Такое присутствие может не оставить никаких материальных следов. Мы имеем лишь один уникальный случай, когда такой «сезонный лагерь гостей» зафиксирован археологически — это памятник Сарское-2⁷³.

Комплекс археологических данных в принципе должен исключить дискуссии о любых ориентированных на международную торговлю и тем более международную дипломатию политических и экономических образований в данном регионе. Между тем, В.Н. Зоценко попытался найти доказательства интенсивной торгово-экономической деятельности «на юге Руси»⁷⁴. Чтобы обосновать свою концепцию «южного круга обращения дирхамов» «Полянского союза — Руси» В.Н. Зоценко пришлось пойти на нетривиальные ухищрения: фактически отказаться от датировки кладов по младшей монете, признав ее «формальной»; собрать все единичные находки дирхамов, объявив их следами экономи-

2012а: 33; Назаренко 2012б: 43–44). А.В. Назаренко не учитывает климатические реалии исследуемого исторического периода. Между тем, известно, что в IX–X вв. климат был значительно теплее, чем сейчас. Именно в это время наступает так называемый климатический оптимум (самое теплое время в течение теплого периода между «малыми ледниковыми периодами»). Соответственно, температуры были выше, а зимы короче. Климат Северной Руси в этот период примерно соответствовал климату современной Южной Германии (Фурасьев 2002: 70–73.), где сейчас средние зимние температуры составляют от 0 до –1 гр. по Цельсию, а весенние — от +4 до +15 гр. Соответственно, восточноевропейские реки освобождались ото льда намного раньше, чем сейчас, или даже чем в позднее Средневековье и Новое время (XIV–XIX вв. — так называемый «малый ледниковый период»). Палеоклиматические реконструкции полностью подтверждает текст трактата императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», который прямо свидетельствует, что в X в. лед на реке Днепр сходил «начиная с месяца апреля», именно тогда росы возвращались с *севера в Киев* из своего зимнего полудья (DAI 1967: 62–63). Попутно отметим, что, например, Днепр в районе Гнездова не замерзает полностью в январе-феврале даже в настоящее время.

⁷³ Леонтьев 1996: 99–103. Древнейшая дендродата Подола — 887 г., теоретически самый нижний слой может максимально отстоять от этой даты на 70 лет (Комар, Хамайко 2012). Предполагаем, что все-таки меньше, в любом случае 860-е гг. могут быть примерной датой «нулевой фазы» функционирования Подола.

⁷⁴ Зоценко 1996. Мы рассматриваем только выводы автора о ситуации в IX веке.

ческой активности VIII–IX вв. и проигнорировав возможность их выпадения в слой в X в. А также разделять поздние клады на части, и датировать эти их отдельные части более раннем временем, чем сам клад. В частности, киевский клад 1913 г., который В.Н. Зоценко датирует IX в., следует отнести к 906/907 годам⁷⁵.

Привлекать единичные находки в качестве самостоятельного источника мы считаем методологически неверным, в случае если не известен, либо не определен период выпадения этих монет в слой конкретного памятника⁷⁶. Необходимо также отказаться от «порочного круга», когда недоказанный, а лишь декларируемый постулат о якобы наибольшей развитости Среднего Поднепровья требует поиска признаков этого экономического развития в виде отдельных монет, а затем доказывается с помощью их наличия. А полное отсутствие кладов на этой территории объясняется их «отливом» в земли торговых партнеров Киева⁷⁷.

Итоги работы В.Н. Зоценко крайне показательны. Всего им собрано в Среднем Поднепровье 12 монет (11 дирхамов и фельс) с середины VIII в. до 833 г. Из них шесть — в самом Киеве. Каким образом это количество единичных находок должно иллюстрировать «постоянный приток арабской монеты в Среднее Поднепровье»⁷⁸ совсем не ясно. Все клады, рассмотренные В.Н. Зоценко применительно к экономической ситуации в IX в., либо *не находятся на территории Среднего Поднепровья, либо датируются началом X в.* (отражая ситуацию в лучшем случае рубежа IX–X вв.). Все это возвращает нас к дате *становления* Киева как центра торговли только в начале X века.

Аналогичная ситуация вырисовывается на основе анализа распространения в древней Руси херсоно-византийских монет⁷⁹. Согласно наблюдениям А.Е. Мусина, можно заметить поступление на Русь херсоно-византийских монет 860–880 гг., *которые выпадают в культурный слой в первой трети – второй четвер-*

⁷⁵ Кулешов 2012а: 391. Ср.: Зоценко 1996: 58–63.

⁷⁶ Ср.: Зоценко 1996: 55.

⁷⁷ Зоценко 1996: 55–56.

⁷⁸ Зоценко 1996: 53. Хотя данный клад хорошо маркирует старт Киева как международного эмпория на рубеже IX и X веков.

⁷⁹ Мусин 2010: 35–45.

ти X в.⁸⁰. То есть анализ распространения этих монет на территории Руси дает близкий рубеж первой трети – второй четверти X в. в качестве времени первых очень слабых контактов Руси с Причерноморьем⁸¹.

Становление пути «из варяг в греки» только лишь в X в. объясняется еще и геополитической ситуацией в Причерноморье, поскольку исследователями общепризнано, что ведущими торговыми магистралями VIII–IX вв., по которым шло серебро, были Волжский (Волго-Балтийский) и Донской торговые пути⁸². Эти пути контролировались Хазарским каганатом, который получал значительные дивиденды от монополии на транзитную торговлю⁸³. Принципиально важно, что хазары в VIII–IX вв. осваивают и контролируют Причерноморье и, в частности, Крым. Можно спорить о формальной стороне политического господства хазар на разных причерноморских территориях. Но вполне можно думать, что хазары имели все возможности для предотвращения торговли по Днепру⁸⁴.

Само Черное море между 40-ми и 80-ми гг. IX в. Ибн Хордадбех называет «бахр ал-хазар», то есть «хазарским»⁸⁵. Возможно, немного странная логистика пути вокруг Крымского полуост-

⁸⁰ Мусин 2010: 39.

⁸¹ При этом, учитывая путь из Крыма на Дон, Волгу и Каспийское море, эти монеты могли попасть на север Руси и Волжским путем (см. ниже).

⁸² Леонтьев, Носов 2012: 386.

⁸³ А также использовали эту монополию как фактор политического давления (Noonan 1985; Петрухин 1995а: 93–94).

⁸⁴ Хотя, как отмечает А.П. Новосельцев, у хазар не было флота, они практически полностью контролировали северное причерноморское и крымское побережье, а значит, могли предотвращать каботажные плавания в «нежелательном» для них направлении (Новосельцев 1990: 109–111). Здесь следует оговориться, что представление о том, что у хазар совсем не было флота, не может считаться абсолютно точным. У них не было настоящего флота, сравнимого с морскими силами сверхдержавы того времени — Византии. Но хазарские города стоят на речных и морских побережьях, то есть являются *портовыми*. В число доходов хазарского царя входила «морская пошлина» (Бартольд 1973: 544). У хазар были «челны», способные ходить по Волге (Минорский 1963: 195–196).

⁸⁵ Новосельцев 1982: 125–126; Коновалова 2006: 16–17; Джаксон, Калинина, Коновалова, Подосинов 2007: 113, 121–126.

рова в Азовское, а затем в Каспийское море, описанная в «Книге стран», составленной около 903 г. Ибн ал-Факихом⁸⁶, отражает как раз ранний этап торговли южных восточнославянских территорий («южный отрезок пути из варяг в греки») с Причерноморьем, когда после Днепра купцы направлялись в Херсон (или другой византийский город в Крыму), а затем перенаправлялись в «Самкарш» (Таматарху-Тмуторокань), то есть обратно в пределы Хазарии. Можно предполагать, что одну пошлину у купцов-славян брали византийцы где-то в пределах Крыма⁸⁷, а вторую пошлину собирали уже хазары. Этот пример отлично характеризует «кондоминиум» Византии и Хазарии в Крыму, их своеобразный политический и торговый паритет в Причерноморье.

Хазарское присутствие продолжалось в Крыму с VIII по начало – середину X в.⁸⁸ Но максимальное хазарское политическое влияние в Причерноморье длилось до конца первой трети IX в.⁸⁹ Затем соотношение сил и пространство геополитического контроля Хазарского каганата и Византийской империи в Северном Причерноморье менялось в течение IX в.⁹⁰ И в начале X в. Византия, видимо, окончательно восстанавливает свои позиции в Крыму: «К рубежу IX–X вв. он (Крымский полуостров. — *А.Ш., А.Ф.*) был уже охвачен фемной моделью управления и “пентархией” христианских епископий»⁹¹. И вот только после этого днепровский путь действительно мог выводить купцов «в греки», до этого времени он выводил, как и Волжский и Донской — «в хазары»⁹².

⁸⁶ Древняя Русь 2009: 33, 35.

⁸⁷ Коновалова 2006: 24–27.

⁸⁸ Крым 2003 53–67.

⁸⁹ Виноградов, Комар 2005: 54.

⁹⁰ Сорочан 2005: 1159–1162, 1182–1188, 1219–1220. Разброс датировок ухода хазар из Крыма колеблется между 880-ми гг. и серединой X в. (Цукерман 1998: 676–677).

⁹¹ Науменко 2004: 22. См. также: Науменко 2012: 189–196; Науменко 2005: 239.

⁹² Нельзя не отметить еще один синхронный политико-экономический конфликт — «торговую войну» Болгарии с Византией в 894–895 гг. (ПФ 2009: 223). Возможно, византийцы стали утеснять болгарских купцов, перенеся торговлю в Фессалоники, в связи с появлением новых контрагентов из Восточной Европы с похожим ассортиментом предлагаемых товаров.

Кочевники-печенеги в X в. представляли собой стохастическую угрозу нападений, но сами они целенаправленных действий по контролю транзитной торговли не предпринимали. Хазары же были конкурентами византийцев, не даром и те, и другие собирали свои пошлины. Поэтому мы считаем, что в IX в. путь «в греки» был закрыт хазарами. А Ибн ал-Факих зафиксировал в начале X в. редкую промежуточную ситуацию, когда купцы славян приходят к Черному морю по Днепру, а затем перенаправляются обратно в земли хазар.

Значительную роль причерноморских и крымских территорий в функционировании пути «из варяг в греки» показывает текст трактата «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного. В его IX главе есть ремарка о переправе «Крария», на которой «херсониты из Руси» (*οἱ Χερσωνῖται ἀπο Ρωσίας*) и печенеги на пути в Херсон переходят Днепр с правого берега на левый. Речь идет явно о сухопутном пути⁹³. Видимо, именно этим путем ушел в 971 г. «на конихъ» Свенельд, оставив князя Святослава Игоревича на порогах⁹⁴. Собственно, ситуация Святослава и Свенельда проясняет разницу двух параллельных путей в Киев — по одному шли на конях, а по второму можно было везти грузы, в данном случае — добычу⁹⁵. Ясно, что сухопутный путь вел из Киева в Причерноморье, видимо, он был древнее, и стал прообразом южного отрезка водного пути «в греки».

Дополнительные материалы дает договор Руси с Византией, заключенный при князе Игоре Рюриковиче (в 944 г.), он содержит специальную статью «о странѣ Корсуньстѣй»⁹⁶. Согласно договору 944 г. «люди» из Херсона занимаются рыболовством в устье Днепра, а русы создают им угрозу. Именно в рамках этой статьи договора руси запрещено зимовать в устье Днепра⁹⁷. Само появление статьи о Херсоне только в договоре 944 г. говорит о том, что в начале X в. при князе Олеге русь еще не освоилась

⁹³ DAI 1967: 61; DAI 1962: 52–53.

⁹⁴ ПВЛ 1996: 35.

⁹⁵ «Имение много... и полонь бещисленъ» (ПВЛ 1996: 33).

⁹⁶ ПВЛ 1996: 25, 433; ПРП 1952: 33, 47, 59, 62.

⁹⁷ Так, как сделал Святослав в 971 г. (ПВЛ 1996: 35). Как раз «херсониты» («корсунци») и болгары посылали известие в Константинополь о приближении войск Игоря Рюриковича (ПВЛ 1996: 22–23).

в Причерноморье и не вызвала опасений византийской администрации. В 907 и 911 гг. еще не стоит вопрос об угрозе византийским рыбацким артелям⁹⁸ и причерноморских зимовках руси.

Путь «из варяг в греки и из грек» изначально, с конца IX до середины X в., сложился в качестве двух самостоятельных отрезков — «северного» и «южного» (см. Карту 4, *на вкладке*). Северный отрезок был ориентирован на систему торговых связей с Балтикой через Западную Двину и через Ладогу. В него входило в это время крупнейшее торгово-ремесленное поселение Гнездово. Южный отрезок сложился в конце IX – первой половине X в., он представлял собой магистраль от Среднего Поднепровья до Черного моря. Южный отрезок стал формироваться, когда Византия восстановила свои позиции в Причерноморье, оттеснив хазар. Два отрезка будущего пути «из варяг в греки» представляли собой две самостоятельные системы торговых связей. Между этими двумя отрезками обнаруживается территориальная лакуна, где нет признаков торгово-экономической активности.

К середине X в. «южный» и «северный» отрезки объединяются в единую транзитную международную торговую магистраль — путь «из варяг в греки и из грек», как он описан в Повести временных лет⁹⁹. Тогда же русь осваивается в Причерноморье, о чем мы узнаем из договора князя Игоря Рюриковича (и о чем нет никакой информации в договоре князя Олега). Все предшествующие проходы по Днепру носили ситуативный характер, и были связаны в основном с разовыми военными кампаниями¹⁰⁰.

Изложенные выводы возвращают нас к еще одной историко-географической проблеме: времени сложения домена киевских князей, так называемой «Русской земли в узком смысле слова». Этот феномен выявлен на материале письменных источников XI–XIII вв.¹⁰¹. Между тем, есть возможность верифицировать и уточнить летописные данные с помощью археологических источников: на основе анализе ареала распространения и хронологии дружинных погребений. Подробная характеристика дружинных погребений

⁹⁸ Шангин 1941: 111.

⁹⁹ ПВЛ 1996: 8–9.

¹⁰⁰ О чем писал еще Г.С. Лебедев (Лебедев 1985: 234).

¹⁰¹ Насонов 1951; Рыбаков 1982: 55–90; Кучкин 1995: 74–100; Ведюшкина 1995: 101–116; Моця 2008.

ний и вопросы их хронологии разобраны нами в ряде предшествующих публикаций¹⁰². Методологическая основа поиска археологических маркеров княжеского домена — соотнесение топографии погребальных памятников, содержащих предметы вооружения, так называемых «дружинных курганов», с границами «Русской земли в узком смысле слова», очерченными А.Н. Насоновым¹⁰³.

В Среднем Поднепровье удастся выделить ряд «дружинных курганов», которые могут быть охарактеризованы как «пограничные» для «Русской земли в узком смысле»¹⁰⁴ (см. Карту 7, с. 37). Сеть «пограничных» памятников достаточно точно совпадает с очерченными А.Н. Насоновым пределами¹⁰⁵.

Появление дружинных погребений отражает динамику формирования территории княжеского домена. Безусловно, эта территория не возникла изначально в тех пределах, в каких ее реконструировал А.Н. Насонов. Археологический материал позволяет выделить этапы формирования княжеского домена.

В конце IX – начале X в. эта территория существует только в пределах Киево-Черниговского ядра, включая Среднее Поднепровье (Киев [1]¹⁰⁶, Китаево [2]) и участок междуречья Днестра и Десны (Чернигов [8], Любеч [9], Шестовица [4], Выползов [3], Табаевка [5], Клонов [10], Звеничев, Пересаж [7], Гуцин [6], Седнев [11]; см. Карту 5, с. 35).

¹⁰² Фетисов 2004: 48–57; Фетисов, Щавелев 2004: 282–289; Фетисов, Щавелев 2012: 122–129; Фетисов 2012: 406–436.

¹⁰³ Насонов 1951: 34.

¹⁰⁴ В.Я. Петрухин впервые поставил вопрос о связи камерных погребений X – рубежа X–XI вв. с очерченной А.Н. Насоновым территорией «Русской земли». Он отметил, что камерные погребения концентрируются в «ядре» «Русской земли» (Днепровско-Деснинское междуречье и Киевское Поднепровье) и на северо-восточной ее окраине (Левинка и Кветунь) (Петрухин 1989: 26–35; Петрухин 1995: 117–125; Петрухин 1995: 87).

¹⁰⁵ К «пограничным» памятникам мы относим: могильник Подгорцы [38] (у летописного Плеснеска); Коростышев [32] и Быково [31] на Тетере (древлянская граница «русской земли»); Микуличи [12] выше устья Припяти и ряд могильников на Днестре севернее устья Сожа [13–19]; Левенка [20] и Кветунь [21] на северо-востоке; Липовое [22] на востоке в западной части ареала северян; Леплява [23] южнее Трубежа; ряд могильников в бассейне Роси (содержащие кочевнические погребения) [24–30].

¹⁰⁶ В квадратных скобках указаны соответствующие памятникам номера на Картах 5–7.

Во второй половине X в. постепенно начинается экспансия руси на восток (на племенные территории северян), на северо-восток по Снови и Десне, и на запад (на территории древлян) (см. Карту 6, с. 36).

Лишь в конце X – начале XI в. границы «русской земли в узком смысле» оформляются в том виде, в каком они реконструируются по письменным источникам (см. Карту 7, с. 37). А большая часть дружинных пунктов X в. в Днепро-Деснинском междуречье (раннем ядре домена киевских Рюриковичей) в конце X – начала XI в. приходит в упадок или исчезает. Так, например, Табаевка [5] и, вероятно, Пересаж [7], определяющие границы «Русской земли» в X в., приходят в запустение на следующем этапе, когда эта граница отодвигается выше по Днепру и маркируется воинскими погребениями XI в. (Микуличи [12] и могильники севернее устья Сожа¹⁰⁷ [13–19]).

Археологические материалы, таким образом, опровергают принятый в историографии вывод А.Н. Насонова о формировании «Русской земли в узком смысле» в IX в. «Домен» киевских князей — феномен, появившийся в X веке.

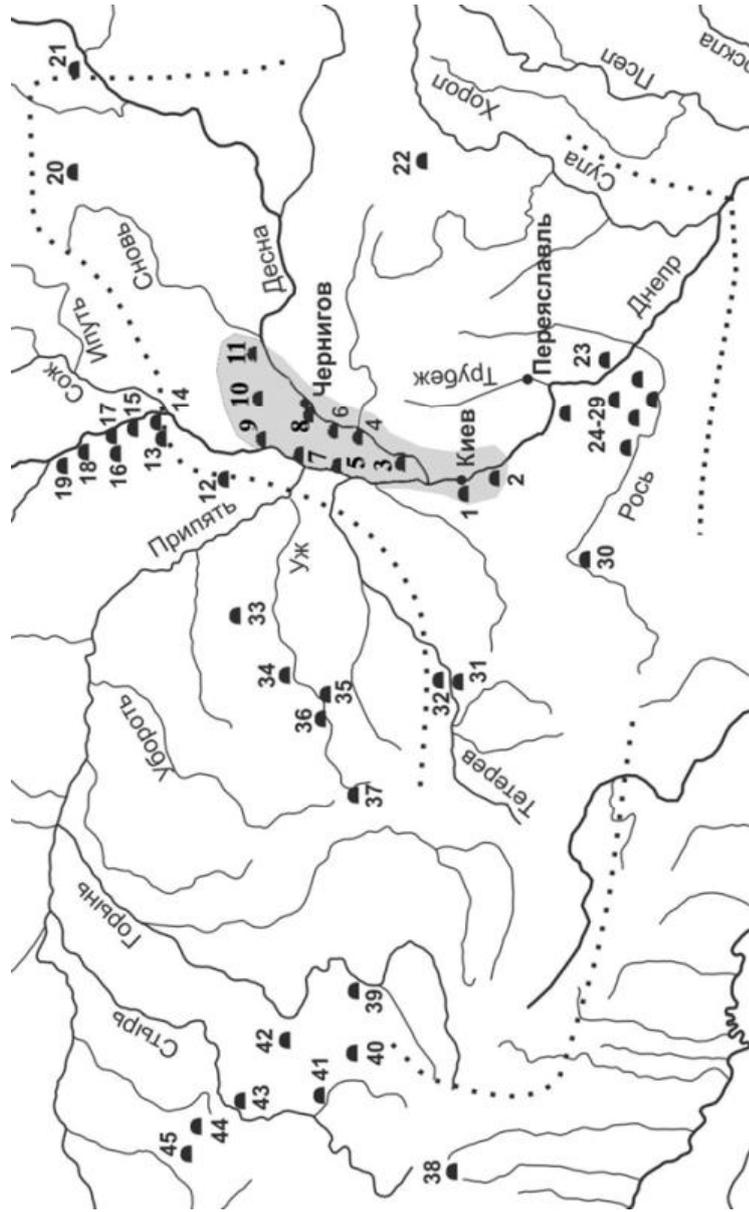
Противоположную точку зрения отстаивает А.В. Назаренко¹⁰⁸. Существование «Русской земли в узком смысле» в IX в. А.В. Назаренко аргументирует весьма необычным способом: «Судя по тому, что такая Русская земля не включала Новгородчины и Смоленщины, а также племенной территории древлян (к северо-западу от Киева, за Тетеревом), это должно было быть время не позднее появления Олега в Киеве»¹⁰⁹. Вопрос о включении Новгородчины и Смоленщины в состав «Русской земли в узком смысле» вообще выглядит парадоксально, и не поднимался ни одним исследователем. Домен киевских князей формировался вокруг Киева, что естественно, в Новгороде, например, формировалась (и менялась в X–XI вв.) своя специфическая инфраструктура, связанная с присутствием князя¹¹⁰.

¹⁰⁷ Их подробную характеристику см.: Фетисов, Щавелев 2004: 282–289; Фетисов, Щавелев 2012: 122–129.

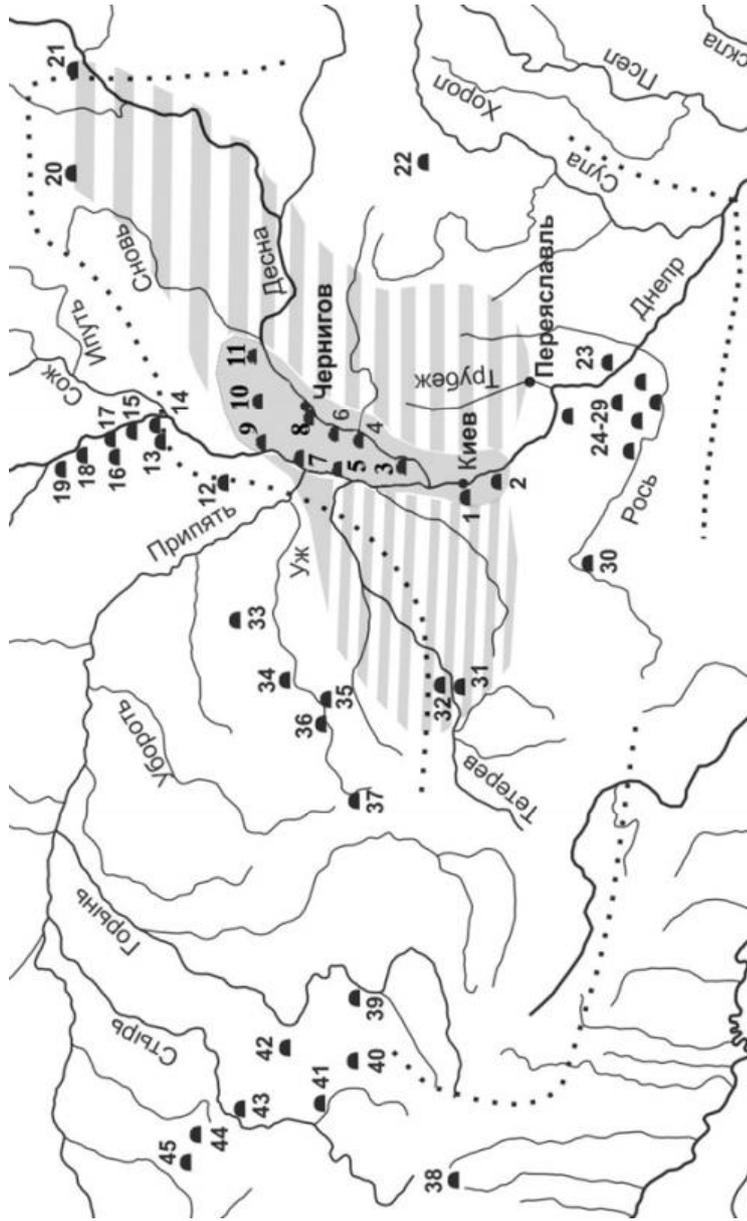
¹⁰⁸ Назаренко 2002; Назаренко 2012б.

¹⁰⁹ Назаренко 2012б: 43.

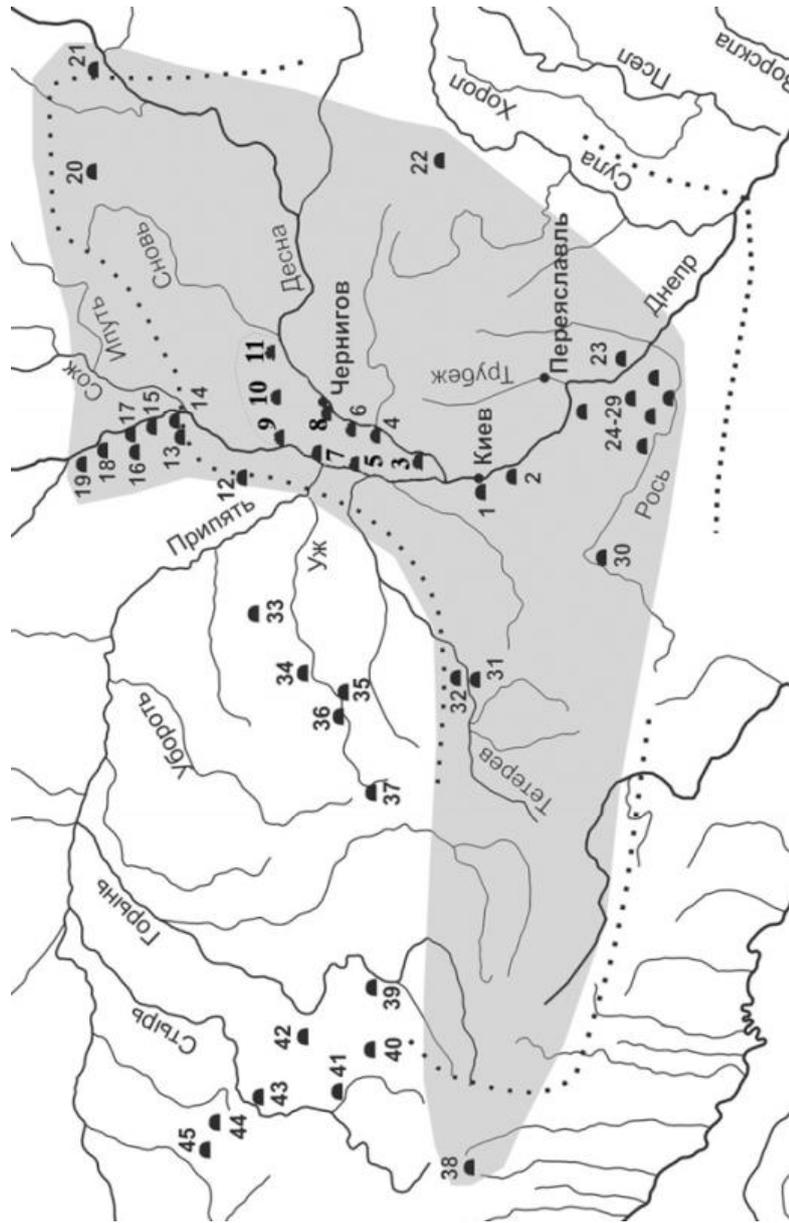
¹¹⁰ Янин 1987: 131–132; Носов 1990: 195–199; Буров 1994: 83–96; ВНЭС 2007: 548–550.

Карта 5
«Русская земля» в конце IX – начале X вв.

Карта 6
«Русская земля» во второй половине X в.

Карта 7
«Русская земля» в конце X – начале XI вв.

Отсутствие же древлянских территорий в составе княжеского домена никак не может доказывать формирование этого домена в IX в. По логике А.В. Назаренко, если древляне подчинены (Олегом или Ольгой), значит, их племенная территория непременно должна войти в княжеский домен; если эта территория не входит «Русскую землю в узком смысле» — значит, в случае с киевским княжеским доменом мы имеем дело с реалиями IX в. Но А.В. Назаренко обходит вниманием тот факт, что летописное известие о «покорении» племени и обложении его данью вовсе не означает политическое господство или включение этого племени в состав раннегосударственной территории Руси. Так, например, «подчинение» Олегом северян в условном летописном 882 г. и реальное включение северянских территорий в состав Руси (что фиксируется по угасанию Роменской культуры на Левобережье Днепра и насильственному (пожары на большинстве городищ) проникновению сюда культуры древнерусской в конце X – начале XI в.¹¹¹) отдалены друг от друга почти на столетие; вятичей русские князья «покоряли» дважды (Святослав Игоревич и Владимир Святославич), да и самих древлян сначала как-то «примучил» с возложением дани Олег, с ними воевал потом Игорь Рюрикович, затем собирал там дань Свенельд, а *территорию* древлян завоевала только Ольга¹¹².

Таким образом, отсутствие древлянской земли в составе княжеского домена вовсе не иллюстрирует наличие / отсутствие власти Киева над древлянами и не может являться хронологическим маркером в динамике формирования границ княжеского домена. Формирование базовой инфраструктуры киевских князей вокруг «столицы» Киева и формирование системы даннических взаимоотношений со славянами — совершенно разные процессы.

Как мы показали, граница «Русской земли» действительно обходит с юга по Тетереву древлянские территории, но, судя по расположенным здесь «пограничным» дружинным памятникам, оформляется эта граница только в конце X – начале XI в. (исходя

¹¹¹ Григорьев 2000: 186–223; Енуков 2005: 257–275; Зорин 2003: 371–380.

¹¹² ПВЛ 1996: 14, 27–29; ПСРЛ 2000: 109–112. Археологическое подтверждение именно такого варианта развития событий: Звіздецький 2008: 51, 76–80, 97.

из датировок захоронений на могильниках Коростышев [32] и Быково [31]). Причем, судя по набору вооружения в погребальном инвентаре (ланцетовидные копья) в качестве «гарнизона» здесь находились какие-то скандинавы.

Реконструкция А.В. Назаренко исходит из его общего методологического подхода — убежденности в отсутствии археологических свидетельств большинства реконструируемых им процессов, проходящих в Южной Руси в IX в.¹¹³ Это было бы теоретически верно, если бы *те же самые процессы* формирования доменной инфраструктуры вокруг Киева не фиксировались в X в. Между тем, в X в. мы видим не только яркие археологические маркеры домена, но и *динамику его роста* с начала X в. до первой половины XI в. Если принять реконструкцию А.В. Назаренко, то получается, что сформировавшись в IX в. в своих максимальных границах, киевский домен в начале X в. сузился до киево-черниговского ядра. А затем постепенно разросся до своих прежних границ только к XI в. Такой вариант развития событий нам кажется странным. Вообще же, маловероятна ситуация, когда такой домен, ясно и системно обозначенный определенным видом археологических памятников в X в., вдруг совершенно перестает фиксироваться в IX в.¹¹⁴ Еще более маловероятно и то, что

¹¹³ Мы не рассматриваем здесь вопрос о присутствии «руси» в Киеве в IX в. (Назаренко 2012а). Это отдельная сложная проблема. Мы лишь пытаемся показать, что «Русская земля в узком смысле слова» сформировалась в X в., а значит аргументом в спорах об этнокультурных процессах IX в. быть не может.

¹¹⁴ «Русская земля в узком смысле» никак не совпадает и с племенной территорией полян (Назаренко 2012б: 51), так как территория полян была гораздо уже (Фетисов, Щавелев 2008: 369–372). Включение же в «русскую землю в узком смысле слова» Чернигова, в принципе исключает его отождествление с полянской племенной территорией. Этот факт также исключает отнесение данного феномена ранее X в., поскольку Чернигов возникает в VIII–IX вв. как северянский поселок (город), а затем только лишь в X в. становится древнерусским городом (Моця, Казаков 2011: 14–15, 262; Комар 2012: 338–343). Включение в «русскую землю» северянского города выглядит необъяснимым. Нет и свидетельств о какой-либо связи, или тем более зависимости Чернигова от Киева в IX в. Включение в «Русскую землю в узком смысле» еще и Переяславля опять же приводит нас только во вторую половину X в. («не ранее конца X в.»), когда этот город и был основан (Колибенко 2004: 153–158).

памятники, могильники которых содержат дружинные погребения с оружием, *случайно* окружают Киев, и *случайно* в итоге *совпали* с границами княжеского домена, известного по письменным источникам.

При этом мы полностью разделяем идею А.В. Назаренко о том, что западный «язык» на карте «Русской земли в узком смысле» действительно был связан с решением стратегической задачи киевских князей поставить под свой контроль широтный торговый путь, функционировавший с IX в. и позже. Но это было осуществлено только после того, как русью был освоен днепровский меридиональный путь, и отстроена базовая инфраструктура вокруг Киева, то есть во второй половине X века.

СПИСОК КАРТ

- Карта 1а. Монетные и денежно-вещевые клады Восточной Европы — см. *на вкладке*.
 Карта 1. Монетные и денежно-вещевые клады на восточнославянских территориях — см. *на вкладке*.
 Карта 2. Отрезок пути «из немец в хазары» на Правобережье Днепра.
 Карта 3. Распространение византийских импортов в Моравии (1 — византийские монеты; 2 — шелковые ткани).
 Карта 4. Основные направления торговых путей IX – первой половины X вв. — см. *на вкладке*.
 Карта 5. «Русская земля» в конце IX – начале X вв.
 Карта 6. «Русская земля» во второй половине X в.
 Карта 7. «Русская земля» в конце X – начале XI вв.

ЛЕГЕНДА К КАРТАМ 5–7

1 — Киев, 2 — Китаев, 3 — Выползов, 4 — Шестовица, 5 — Табаевка, 6 — Гуцин, 7 — Пересаж, 8 — Чернигов, 9 — Любеч, 10 — Клонов, 11 — Седнев, 12 — Микуличи, 13 — Колпень, 14 — Сенское, 15 — Мохово, 16 — Дубовицы, 17 — Заужелье, 18 — Козлово-Курганье, 19 — Гориводы, 20 — Левенка, 21 — Кветунь, 22 — Липовое, 23 — Леплява, 24 — Зеленки, 25 — Бурты, 26 — Краснополка, 27 — Поток, 28 — Липовец, 29 — Кагарлык, 30 — Яблоновка, 31 — Быково, 32 — Коростышев, 33 — Овруч, 34 — Сингаи, 35 — Барды, 36 — Коростень, 37 — Андреевичи, 38 — Подгорцы, 39 — Старожуков, 40 — Белев, 41 — Мокрое, 42 — Пересопница, 43 — Теремное, 44 — Горка Полонная, 45 — Усичи, 46 — Ставок.

Пунктиром обозначены границы «Русской земли» по А.Н. Насонову.

СПИСОК КЛАДОВ IX В. К КАРТАМ № 1А И № 1

1. Таргу	31. Протасово	61. Добрино, 842 г.
2. Старая Ладога, 786 г.	32. Мишнево, 869 г.	62. Калининград
3. Княшино, 808 г.	33. Острогов, 870 г.	63. Прейсиш Эйлау
4. Вылеги, 807 г.	34. Гручино	64. Либагу Сарайи
5. Демянск, 825 г.	35. Хитровка, 873 г.	65. Лелеки, 803 г.
6. Набатово, 816 г.	36. Растовец, 864 г.	66. Новотроицкое, 819 г.
7. Загородье, 831 г.	37. Девица, 838 г.	67. Правобережное Цимлянское, 810 г.
8. Углич, 829 г.	38. Железницы, 878 г.	68. Нижние Новоселки, 812 г.
9. Угодичи, 813 г.	39. Борки, 817 г.	69. Кремлевское, 813 г.
10. Сарское городище	40. Борки	70. Глухово
11. Семенов Городок	41. Москва	71. Тимерево, 865 г.
12. Борки, 817 г.	42. Вятка	72. Тимерево, 867 г.
13. Баскач, 808 г.	43. Ягошуры, 843 г.	73. Торопец (Зеликовье), 867 г.
14. Лапотково, 817 г.	44. Кузнецкое, 870 г.	74. Старая Ладога, 808 г.
15. Скопинский у.	45. Панкино, 863 г.	75. Старая Ладога, 786 г.
16. Минская губ., 816 г.	46. Потерпельцы, 866 г.	76. Элмед, 821 г.
17. Могилев, 815 г.	47. Старая Ладога, 847 г.	77. Богомолец, 866 г.
18. Супруты, 867 г.	48. Новгород, 864 г.	78. Кислая, перв. треть IX в.
19. Ярыловичи, 821 г.	49. Шумилово, 871 г.	79. Богушевский, 823 г.
20. Паристовский хутор	50. Лучесы, 863 г.	80. Петергоф, 805 г. — граффити Захариас
21. Нижняя Сыроватка, 813 г.	51. Поречье, 854 г.	81. Иловец
22. Заваличино, 810 г.	52. Витебская губ., 860-е гг.	82. Тимерево, 869 г.
23. Кривянская, 806 г.	53. Ахремцы, 852 г.	83. Рюриково городище, сер. IX в.
24. Херсонес, 870 г.	54. Лифляндская губ., 872 г.	84. Рюриково городище, 867 г.
25. Новая Лазаревка, 893 г.	55. Гробин	85. Соболево, 850–860 гг.
26. Вешенская	56. Псковский уезд	86. Шнидкино, 853 г.
27. Полтава, 883 г.	57. Пейпус, 862 г.	87. Глазуново, сер. IX в.
28. Погребное, 876 г.	58. Кохтла-Ярве, 838 г.	88. Выжегша, 842 г.
29. Моисеево, 870 г.	59. Тернополь, младшая сохранившаяся золотая византийская монета — 802 г.	89. Выжегша, 842 г.
30. Бобыли, 876 г.	60. Литвиновичи, 824 г.	

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авдусин 1972 — *Авдусин Д.А.* Гнездово и Днепровский путь // Новое в археологии. М., 1972. С. 159–169.
- Андрощук 2001 — *Андрощук Ф.А.* Днепровский путь и финал Бирки // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. М., 2001. Вып. 124. С. 126–135.
- Андрощук 2003 — *Андрощук Ф.* Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // *Ruthenica*. 2003. Т. III. С. 7–47.
- Богуславский 1990 — *Богуславский О.И.* О находках византийских монет в Южном Приладожье // Новгород и Новгородская земля. Новгород. 1990. Вып. 3. С. 59–61.
- Богуславский 1993 — *Богуславский О.И.* Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX–XII вв. // Древности Северо-запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 132–157.
- Бартольд 1973 — *Бартольд В.В.* Введение к изданию *Худуд ал-'алам* // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 504–545.
- Бродель 2007 — *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 2007. Т. III.
- Булкин, Герд, Лебедев, Седых 1999 — *Булкин В.А., Герд А.С., Лебедев Г.С., Седых В.Н.* Основания регионалистики. Формирование историко-культурных зон / Под ред. А.С. Герда и Г.С. Лебедева. СПб., 1999.
- Булкин, Дубов, Лебедев 1978 — *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX–X вв. Л., 1978.
- Булкин, Лебедев 1974 — *Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Гнездово и Бирка (к проблеме становления города // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11–17.
- Буров 1994 — *Буров В.А.* Очерки истории и археологии Новгорода. М., 1994.
- Бутырский 2000 — *Бутырский М.Н.* Сакральная иконография византийских монет // Нумизматический Альманах. 2001. № 4(15). С. 5–10.
- Ведюшкина 1995 — *Ведюшкина И.В.* «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII вв. // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 101–116.
- Вестберг 1903 — *Вестберг Ф.* Комментарий на записку Ибрагима Ибн-Якуба о славянах. СПб., 1903.

- Виноградов, Комар 2005 — *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна и хазары в юго-западном Крыму VIII – начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II. С. 38–56.
- ВНЭС 2007 — Великий Новгород. История и культура IX–XVII вв. Энциклопедический словарь. СПб., 2007.
- Гомзин 2001 — *Гомзин А.А.* Борковские клады куфических монет // IX Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 65–67.
- Гомзин 2006 — *Гомзин А.А.* Об особенностях топографии находок куфических монет VIII–IX вв. в восточной части Среднего Поочья // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси). Рязань, 2006. С. 252–273.
- Горский 2005 — *Горский А.А.* Летописный контекст русско-византийских договоров и проблема «договора 907 г.» // Ad fontem / У источника. Сб. статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 147–152.
- Горский 2009 — *Горский А.А.* Об упоминании Переяславля в русско-византийских договорах X в. // ВЕДС. 2009. С. 82–86.
- Горский 2012 — *Горский А.А.* Первое столетие Руси // Средневековая Русь / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2012. Вып. 10.
- Григорьев 2000 — *Григорьев А.В.* Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.
- Даркевич 1976 — *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М., 1976.
- Джаксон, Калинина, Коновалова, Подосинов 2007 — *Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В.* «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007.
- Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991 — *Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К.* Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.
- Древняя Русь 2009 — Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2009. Т. III: Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин.
- Дубов 1989. — *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л., 1989.
- Ениосова, Пушкина 2012а — *Ениосова Н.В., Пушкина Т.А.* Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Русь

- в IX–X вв.: общество, государство, культура. Тез. международной конференции. М., 2012. С. 18–29.
- Ениосова, Пушкина 2012б — *Ениосова Н.В., Пушкина Т.А.* Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2012. Вып. V. С. 34–85.
- Енуков 2005 — *Енуков В.В.* Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
- Еремеев 2005 — *Еремеев И.И.* Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги // Археологические вести. СПб., 2005. № 12. С. 98–123.
- Еремеев, Дзюба 2010 — *Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб., 2010.
- Звіздецький 2008 — *Городища IX – XIII ст. на території літописних древлян.* Київ, 2008.
- Зорин 2003 — *Зорин А.В.* Укрепления северян и осадная тактика киевских дружин в X – начале XI вв. (по материалам городища Капыстичи) // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула, 2003. Т. II. С. 371–380.
- Зоценко 1996 — *Зоценко В.Н.* Южный круг обращения дирхемов в Восточной Европе VIII–X вв. // Białoruś, Litwa, Polska, Ukraina. Wspólne Dzieje Pieniądza. Materiały z I Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Warszawa, 1996. S. 51–76.
- Каштанов 1972 — *Каштанов С.М.* О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Л.В. Черепнину. М., 1972. С. 209–215.
- Каштанов 1996 — *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996.
- Ключевский 1987 — *Ключевский В.О.* Сочинения в 9-ти тт. М., 1987. Т. I. Курс русской истории. Ч. I.
- Коваленко 2006 — *Коваленко В.П.* Новые византийские находки из Чернигова и его округа // Русь на перехресті світів (Міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст. Матеріали міжнародного польового археологічного семінару. Чернігів, 2006. С. 89–97.

- Колибенко 2004 — *Колибенко А.В.* До питання про час виникнення Перяславля Руського // *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.* Київ, 2004. С. 153–158.
- Комар 2005 — *Комар А.В.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // *Ruthenica.* 2005. Т IV. С. 115–137.
- Комар 2012 — *Комар А.В.* Чернигов и Нижнее Подесенье // *РАП.* 2012. С. 334–365.
- Комар, Хамайко 2012 — *Комар А.В., Хамайко А.В.* Киевский Подол в IX–X веках: этапы формирования // *Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура.* Тез. докладов международной научной конференции. М., 2012. С. 33–35.
- Коновалова 2006 — *Коновалова И.Г.* Путь купцов-русов на восток // *Средневековая Русь / Отв. ред. А.А. Горский.* М., 2006. Вып. 6. С. 9–28.
- Кропоткин 1962 — *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962.
- Кропоткин 1967 — *Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н.э. М., 1967.
- Кропоткин 1968 — *Кропоткин В.В.* Новые данные по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII – первой половине IX в. // *Славяне и Русь. К 60-летию акад. Б.А. Рыбакова.* М., 1968. С. 72–79.
- Кропоткин 1973 — *Кропоткин В.В.* Караванные пути в Восточной Европе // *Кавказ и Восточная Европа в древности.* Памяти Е.И. Крупнова. М., 1973. С. 226–230.
- Крым 2003 — Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003.
- Куза 1996 — *Куза А.В.* Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996.
- Кулешов 2011 — *Кулешов В.С.* Шумиловский клад // *Нумизматика и эпиграфика.* М., 2011. Вып. XVIII. С. 191–231.
- Кулешов 2012а — *Кулешов В.С.* О композиции и датировке Баклинского клада 1999 // II Международный нумизматический симпозиум «ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка». Тез. докладов. Севастополь, 2012. С. 24–26.
- Кулешов 2012б — *Кулешов В.С.* Карта восточноевропейских кладов куфических монет X в. и кладов XI–XII вв., содержащих исламские монеты // *РАП* 2012. С. 387–393.

- Кучкин 1995 — *Кучкин В.А.* «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII вв. // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 74–100.
- Лабутина и др. 2009 — *Лабутина И.К., Малышева Н.Н., Закурина Т.Ю., Яковлева Е.А., Михайлов А.В.* Древнерусский некрополь Пскова // Археологические открытия 1991–2004. Европейская Россия. М., 2009. С. 386–407.
- Лебедев 1978 — *Лебедев Г.С.* Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах // Из истории феодальной России. Статьи и очерки. К 70-летию В.В. Мавродина. Л., 1978. С. 21–24.
- Лебедев 1985 — *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- Лебедев 2005 — *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
- Леонтьев 1986 — *Леонтьев А.Е.* Волжско-Балтийский путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183. Средневековая археология Восточной Европы. М., 1986. С. 3–9.
- Леонтьев 1996 — *Леонтьев А.Е.* Археология мери. К предыстории северо-восточной Руси. М., 1996.
- Леонтьев Носов 2012 — *Леонтьев А.Е., Носов Е.Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X в. // РАП 2012. С. 380–401.
- Лесман 2003 — *Лесман Ю.М.* «Из варяг в греки»: хронологические варианты пути // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 2003. Вып. 6. С. 54–72.
- Литаврин 1999 — *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. Сб. статей. СПб., 1999.
- Литаврин 2000 — *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.
- Малингуди 1996 — *Малингуди Я.* Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики // ВВ. 1996. Т. 57. С. 58–87.
- Михайлов 2012 — *Михайлов К.А.* Сравнительная топография первых древнерусских городов IX–X вв. (к юбилею одной статьи) // Северная Русь и проблемы формирования древнерусского государства. Сб. материалов. Вологда, 2012. С. 5–20.
- Минорский 1963 — *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963.
- Молчанов, Пушкина 2003 — *Молчанов А.А., Пушкина Т.А.* Новые находки византийских монет на Гнездовском селище // 11 Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докладов. СПб., 2003. С. 52–53.

- Моця 2008 — *Моця А.П.* Южная «Русская земля». Киев; Сумы, 2008.
- Моця, Казаков 2011 — *Моця О., Казаков А.* Давньоруський Чернігів. Київ, 2011.
- Мурашева, Довгалоук, Фетисов 2009 — *Мурашева В.В., Довгалоук Н.П., Фетисов А.А.* Византийские импорты с территории пойменной части Гнездовского поселения // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. СПб., 2009. Т. 1. С. 530–555.
- Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007 — *Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А.* Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 31–77.
- Мусин 2002 — *Мусин А.Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. СПб., 2002.
- Мусин 2010 — *Мусин А.Е.* Находки херсоно-византийских монет на территории Руси и «Путь из варяг в греки» // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию Е.Н. Носова. СПб., 2010. С. 35–45.
- Назаренко 2001 — *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Назаренко 2002 — *Назаренко А.В.* Две Руси // Родина. 2002. № 11–12. С. 16–22.
- Назаренко 2012а — *Назаренко А.В.* Русь IX в.: обзор письменных источников // РАП 2012. С. 12–35.
- Назаренко 2012б — *Назаренко А.В.* Русь IX в.: север и юг // 1150 лет Российской государственности и культуры. Материалы к общему собранию Российской академии наук, посвященному году российской истории. М., 2012. С. 38–52.
- Насонов 1982 — *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
- Науменко 2004 — *Науменко В.Е.* Таврика у контексті византийсько-хазарських відносин: політико-адміністративний аспект. Автореф. дисс. ... канд. іст. н. Київ, 2004.
- Науменко 2005 — *Науменко В.Е.* Византийско-хазарские отношения в середине IX в. // Хазары. М., Иерусалим, 2005. С. 231–244 (Евреи и славяне. Т. 16.).
- Науменко 2012 — *Науменко В.Е.* От фемы климатов к феме Херсон: особенности византийской военно-административной модели в Таврике в середине IX – начале X в. // Древняя Русь и средневековая Европа:

- возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012. С. 189–196.
- Нефедов 1998 — *Нефедов В.С.* Гнездовский археологический комплекс и путь «из варяг в греки» // Гнездово: история и современность. Смоленск, 1998. С. 31–42.
- Нефедов 2001 — *Нефедов В.С.* Археологический контекст «древнейшей русской надписи» из Гнездова // Гнездово. 125 лет исследования памятника. М., 2001. С. 64–67 (Труды ГИМ 124).
- Новосельцев 1982 — *Новосельцев А.П.* Арабский географии Ибн Хордадбех о Восточной Европе // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 125–126.
- Носов 1990 — *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов 1999 — *Носов Е.Н.* Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории Средневековой Европы. К 75-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 157–170.
- Нунан Ковалев 2000 — *Нунан Т.С., Ковалев Р.К.* Неизвестный клад IX в. из имения М.А. Оболенского Дмитровского уезда Московской губернии // Археологические вести. СПб., 2000. Вып. 7. С. 206–213.
- Нунан, Ковалев 2003 — *Нунан Т.С., Ковалев Р.К.* Большой клад дирхемов ранней эпохи викингов, найденный в 2000 г. в г. Козельске // Археологические вести. СПб., 2003. Вып. 10. С. 149–160.
- ПВЛ 1996 — Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статья и комментарий Д.С. Лихачёва, Б.А. Романова, под ред. В.А. Адриановой-Перетц. 2-е изд. подг. М.Б. Свердлов. СПб., 1996.
- Петров, Калинин 2000 — *Петров П.Н., Калинин В.А.* Клады куфических дирхемов // Нумизматический сборник. М., 2000. Т. 2: Древности Поволжья и других регионов. Вып. 3. С. 171–221.
- Петрухин 1989 — *Петрухин В.Я.* К проблеме формирования «русской земли» в Среднем Поднепровье // ДГ. 1987. М., 1989. С. 26–35.
- Петрухин 1995а — *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М., 1995.
- Петрухин 1995б — *Петрухин В.Я.* Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 117–125.
- Потин 1993 — *Потин В.М.* Монеты, клады, коллекции. Очерки нумизматики. СПб., 1993.

- ПРП 1952 — Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Подг. изд. А.А. Зимина.
- ПСРЛ 2000 — Полное собрание русских летописей. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. Т. 3.
- Пушкина 2007 — *Пушкина Т.А.* Сувениры Аустрвег // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища. Историко-археологический сборник. СПб., 2007. С. 325–331.
- Пушкина, Петрухин 1979 — *Пушкина Т.А., Петрухин В.Я.* К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 100–112.
- ПФ 2009 — Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Пер. и коммент. Я.Н. Любарского. СПб., 2009.
- РАП 2012 — Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012.
- Ростовцев 2004 — *Ростовцев М.И.* Происхождение Киевской Руси // Miscellanea: из журналов русского зарубежья (1920–1939) / Подг. текста и перевод К.А. Аветисян. СПб., 2004. С. 14–20.
- Ростовцев 2010 — *Ростовцев М.И.* Караванные города / Под ред. К.А. Аветисян. СПб., 2010.
- Рыбаков 1982 — *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
- Рыдзевская 1978 — *Рыдзевская Е.А.* К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (материалы и исследования). М., 1978. С. 159–236.
- Рябцевич 1998 — *Рябцевич В.Н.* Дирхамы арабского халифата в денежном хозяйстве полоцкой земли (IX–X вв.) // Славяне и их соседи. Археология, нумизматика, этнология. Минск, 1998. С. 66–81.
- Сахаров 1982 — *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982.
- Свердлов 1996 — *Свердлов М.Б.* Дополнения // ПВЛ 1996. С. 584–665.
- Святловский 1914 — *Святловский В.В.* Примитивно-торговое государство как форма быта / Записки историко-филологического факультета императорского Санкт-Петербургского университета. СПб. 1914. Ч. СХVIII.
- Славяне 1986 — Славяне и скандинавы / Под ред. А.Е. Мельниковой. М., 1986.
- Соколова 1971 — *Соколова И.В.* Клад Херсонских монет середины IX в. // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1971. Вып. XII. С. 16–26.

- Сокульский, Шевченко, Бодянский, Рогожкина 1977 — *Сокульский А.Л., Шевченко Т.К., Бодянский А.В., Рогожкина Л.В.* Раскопки славянского поселения на острове Хортица // Археологические открытия. 1976. М., 1977. С. 373–374.
- Сорочан 2005 — *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 2.
- Толочко, Толочко 1998 — *Толочко О.П., Толочко П.П.* Київська Русь. Київ, 1998.
- Фетисов 2004 — *Фетисов А.А.* Формирование территории «Русской Земли» по археологическим данным // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Курск, 2004. Вып. 5. Ч. 1. С. 48–57.
- Фетисов 2012 — *Фетисов А.А.* Дружинная культура Древней Руси // ДГ. 2010 г. М., 2012. С. 406–436.
- Фетисов 2013 — *Фетисов А.А.* К вопросу о нижней дате Гнездовского археологического комплекса и времени функционирования пути «из варяг в греки» // Грани гуманитарного знания. Сб. статей к 60-летию С.П. Щавелева. Курск, 2013 (в печати).
- Фетисов, Щавелев 2004 — *Фетисов А.А., Щавелев А.С.* Русь и радимичи: история взаимоотношений в X–XI вв. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X столетия. Збірка наукових праць. Київ, 2004. С. 282–289.
- Фетисов, Щавелев 2008 — *Фетисов А.А., Щавелев А.С.* «Племя» полян по летописным известиям и данным археологии // История и практика археологических исследований. Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, проф. А.А. Спицына. Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г. СПб., 2008. С. 369–372.
- Фетисов, Щавелев 2012 — *Фетисов А.А., Щавелев А.С.* Русь и радимичи: история взаимоотношений в X–XI вв. // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 5 (13): Начала Древнерусского государства. М., 2012. С. 122–129.
- Фомин 1982 — *Фомин А.В.* К вопросу о характере распространения куфических монет в IX в. // Вестник МГУ. Сер. История. 1982. № 1. С. 81–87.
- Фурасьев 2002 — *Фурасьев А.Г.* Климат Северо-Запада России в период славянской колонизации VIII–X веков // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 70–73.
- Цукерман 1998 — *Цукерман К.С.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // Материалы по

- археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1998. Т. VI. С. 663–688.
- Шангин 1941 — *Шангин М.А.* Комментарий к двум статьям договора Игоря с греками 945 г. // Историк-марксист. 1941. № 5. С. 111.
- Шахматов 1915 — *Шахматов А.А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки Неофилологического общества при Имп. Петроградском университете. Пг., 1915. Вып. VIII. Сб. в честь проф. Ф.А. Брауна / Под. ред. Д.К. Петрова и Ф.А. Тиандера. С. 385–407.
- Шинаков 2009 — *Шинаков Е.А.* Образование древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. М., 2009.
- Шинаков, Гурьянов 2002 — *Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н.* Контент-анализ терминов «славяне» и «русы» в восточных источниках // Русский сборник. Сб. научных трудов к 25-летию исторического факультета БГУ им. И.Г. Петровского. Брянск, 2002. С. 186–208.
- Шувалов 1999 — *Шувалов П.В.* Монеты между археологией и нумизматикой // Археологические вести. СПб., 1999. № 6. С. 374–403.
- Щавелев 2007 — *Щавелев А.С.* Известие Ипатьевской летописи о Черной могиле (К вопросу об имени погребенного князя) // Чернігів у сереньовічній та ранньомодерній історії центрально-східної Європи. Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів, 2007. С. 100–106.
- Щавелев 2013 — *Щавелев А.С.* Русы / росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX – X в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 122–130.
- Щапова 1998 — *Щапова Ю.Л.* Византийское стекло. Очерки истории. М. 1998.
- Янин 1987 — *Янин В.Л.* Княжеский домен в Новгородской земле // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 119–134.
- Янин 2009 — *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.
- Vogucki 2009 — *Vogucki M.* Viking Age Emporia around the Baltic Sea — A Cul-de-sac of European Urbanization? // Making a Medieval Town. Patterns of Early Medieval Urbanization. Warszawa, 2009. P. 151–165.
- Vogucki 2010 — *Vogucki M.* The Beginning of the Dirham Import to the Baltic Sea Zone and the Question of the Early Emporia // Worlds Apart.

- Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age. København; Warszawa, 2010. P. 351–361.
- Brather 1997 — *Brather S.* Frühmittelalterliche Dirham-Schatzfunde in Europa. Probleme ihrer wirtschaftsgeschichtlichen Interpretation aus archäologischer Perspektive // *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*. 1997. Nr. 23/24 (1995/96). S. 73–153.
- Brather 2008 — *Brather S.* Archäologie der westlichen Slawen. Siedlung, Wirtschaft und Gesellschaft im früh- und hochmittelalterlichen Ostmitteleuropa. Berlin; N.Y., 2008.
- Brather 2010 — *Brather S.* Silver, weights and scales around the Baltic, 8th to 11th centuries // *Trade and Communication Networks of the First Millennium AD in the northern part of Central Europe. Central Places, Beach Markets, Landing Places and Trading Centres / Neue Studien zur Sachsenforschung*. Stuttgart, 2010. Bd. 1. P. 143–164.
- Callmer 1976 — *Callmer J.* Oriental coins and the beginning of the Viking period // *Fornvännen*, 1976. Vol. 71. P. 175–185.
- Callmer 2000 — *Callmer J.* From West to East. The Penetration of Scandinavians into Eastern Europe ca. 500–900 // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Éd. par M. Kazanski, A. Nercessian et C. Zukerman*. Paris, 2000. P. 45–94 (*Réalités Byzantines*, 7).
- DAI 1962 — *Constantine Porphyrogenitus*. De Administrando Imperio. London, 1962. Vol. II. Commentary / Ed. by R.G.H. Jenkins.
- DAI 1967 — *Constantine Porphyrogenitus*. De Administrando Imperio. Washington., 1967. Vol. I. Greek Text and English Translation / Ed. by R.G.H. Jenkins & Gy. Moravcsik.
- Liwoch 2007 — *Liwoch R.* Wielkie kurhany latopisowego Piłsniska // *Матеріали и дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. 2007. Вип. 11. С. 367–378.
- ME 2008 — *Means of Exchange. Dealing with Silver in the Viking Age / Ed. Dagfinn Skre (Kaupang Excavation Project*. Oslo, 2008. Vol. II (*Norske Oldfunn XXII*).
- Noonan 1985 — *Noonan T.S.* The First Major Silver Crisis in Russia and the Baltic, ca. 875–900 // *Hikuin*. 1985. Vol. 11 P. 41–50.
- Noonan 1987 — *Noonan T.* Monetary history of Kiev in the pre-Mongol period // *Harvard Ukrainian studies*. 1987. Vol. XI. No. 3–4. P. 384–443.
- Noonan 1998 — *Noonan T.S.* The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900. The Numismatic Evidence. Aldershot, 1998.

- Profantova 2009 — *Profantova N.* Byzantine coins from the 9th–10th century from the Czech Republic // *Byzantine Coins in Central Europe between the 5th and 10th century* / Ed. by M. Wołoszyn. Kraków, 2009. P. 581–598.
- Sahaydak M. 2005 — *Sahaydak M.* Medieval Kiev from the Perspective of an Archaeological Study of the Podol District // *Ruthenica*. 2005. T. IV. P. 139–160.
- Shepard 1995 — *Shepard J.* Constantinople — gateway to the north: the Russians // *Constantinople and Its Hinterland* / Ed. by C. Mango, G. Dagron, G. Greatrex. Cambridge, 1995. P. 243–260.

А.А. ФРОЛОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВОЛОСТЕЙ БУЙЦЫ И ЛОПАСТИЦЫ*

Аннотация: В статье изложены первые результаты анализа географической информации письменных источников русского средневековья и Нового времени по истории двух волостей южной окраины Новгородской земли. Картографирование волостных границ, землевладельческой структуры, системы расселения микрорегиона в XV–XVIII вв. проливает свет на такие проблемы истории русского феодализма, как содержание грамоты князя Мстислава 1130 г. и феномен «чернокунства» на новгородско-литовском пограничье. Сделанные наблюдения ставят ряд новых вопросов, решение которых необходимо для дальнейшей разработки указанной проблематики. Так, известные по соглашениям XV в. чернокунцы рассматриваются как небольшая группа населения, существовавшая в рамках «служебной организации» и платившая «черную куну» пушниной. Как она была интегрирована в систему новгородского государственно-корпоративного управления волостями, предстоит выяснить в дальнейшем. Представленные данные обозначают также новую перспективу изучения объема прав, переданных Юрьеву монастырю около 1130 г. по знаменитой «Мстиславовой грамоте».

Ключевые слова: историческая география средневековья, южное пограничье Новгородской земли, административная система, «служебная организация», землевладение, расселение.

Волости Буйцы и Лопастницы расположены на южной окраине Новгородской земли (Илл. 1). До XIV в. они находились на погра-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00098а. Автор искренне признателен д.и.н. С.З. Чернову (Институт археологии РАН, Москва), который взял на себя нелегкий труд первого читателя и высказал ряд ценных замечаний.

ниче Новгорода со Смоленским княжеством, с XIV в. — с Великим княжеством Литовским. Известия средневековых источников сделали их предметом изучения в контексте ряда интереснейших проблем отечественной медиевистики.

Наибольшие дискуссии вызвал характер пожалования князя Мстислава Владимировича и его сына, князя Всеволода Мстиславича, Юрьеву монастырю. Грамота на Буйцы — древнейшая сохранившаяся в подлиннике жалованная грамота, датируемая временем около 1130 г. Пожалование в ней описано следующим образом: «Се аз Мьстислав Володимирь сынъ, държа Русьску землю, въ свое княжение повелел есмь сыну своему Всеволоду отдати Буице... с данию и с вирами, и с продажами... А яз дал рукою своею и осеннее полюдие даровное полтретиядесяте гривен святому же Георгиеви. А се я Всеволодъ далъ есмь блюдо серебряно въ 30 гривнъ серебра святому же Георгиеви»¹. Одни историки рассматривают грамоту как свидетельство передачи земли в вотчину, которая сохранилась за Юрьевым монастырем вплоть до составления писцовых книг в конце XV в.² Другие трактуют пожалование как передачу лишь доходов или права на сбор доходов с Буйцов, которая позднее трансформировалась в вотчину³.

В концепции В.Л. Янина «Мстиславова грамота» — свидетельство особых княжеских прав на земли южной окраины Новгородской земли и аргумент в пользу существования здесь домениальных владений потомков князя Мстислава Владимировича. Выбор территории под княжеский домен, по Янину, был обусловлен географическим положением Буйцов и соседних волостей. Во-первых, они занимали ключевые позиции на пути из Новгорода в Южную Русь и, во-вторых, находились на стыке Новгородской, Смоленской и Ростово-Суздальской земель⁴. Изначально исследователь полагал, что домен был выделен из состава новгородских территорий, но в монографии 1998 г. обосновал гипотезу о выделении домена из состава Смоленской земли⁵.

¹ ГВНП 1949: № 81.

² Греков 1929: 13–21; Тараканова-Белкина 1939: 59; Черепнин 1951: 113–114; Данилова 1955: 55; Щапов 1989: 152, 153; Янин 1981: 239–249.

³ См., напр.: Пресняков 1909: 295; Аграрная история 1971: 68, 85; Фроянов 1974: 10, 78–79; Свердлов 1983: 147; Платонова 2012: 358–359.

⁴ Янин 1981: 239–249.

⁵ Янин 1998б.

Специальный историко-археологический комментарий к грамоте опубликовал Е.Н. Носов.⁶ Одним из основных его выводов было то, что буецкие земли располагались на большой дороге из Смоленска в Новгород. «Возможность контроля над сухопутным путем из Новгорода на юг сыграла важнейшую роль при первоначальном включении территории погоста Ляховичи и волости Буйцы в состав княжеского домена»⁷. Впрочем, границы волости были проведены исследователем весьма условно, что ограничивает возможности интерпретации археологической карты микрорегиона, составленной им.

С.М. Каштанов оценил мысль авторов «Аграрной истории» о пожаловании Юрьеву монастырю не вотчины, а кормления как плодотворную. Однако он отметил, что кормление можно видеть не во всем комплексе прав, закрепленных за монастырем. По его мнению, близким к кормлению было право на сбор полюдья, которое поступало с территории, более обширной, чем земля села Буйцы с данями, вирами и продажами⁸.

К мысли о том, что различные права, переданные монастырю, относятся к различной территории, приходит и И.Я. Фроянов. В его интерпретации это выглядит как передача земель, прилегающих к озеру Буйцы и заселенных смердами — с данями — и передача «права сбора вир и продаж с остального располагающегося там свободного люда»⁹. Н.И. Платонова отмечает также, что право получения судебных пошлин еще не равнозначно праву судопроизводства¹⁰.

А.А. Гиппиус предпринял анализ языка и структуры жалованной грамоты и пришел к выводу, что «первоначальный проект документа представлял собой объединение двух актов. Первым Мстислав приказывал Всеволоду передать во владение Юрьева монастыря волость Буйцы с данью, вирами и продажами. Вторым актом Всеволод жаловал монастырю серебряное блюдо... В ходе обсуждения проекта Всеволод, сочтя собственное пожалование слишком незначительным по сравнению с отцовским, добавил к

⁶ Носов 1994: 41–56.

⁷ Носов 1994: 55.

⁸ Каштанов 1999: 21–26.

⁹ Фроянов 2010: 189.

¹⁰ Платонова 2012: 358.

последнему от своего имени еще и осеннее полюдь, принадлежавшее ему как новгородскому князю»¹¹. Такое прочтение предполагает, что князь Всеволод передавал Юрьеву монастырю только то, чем мог распоряжаться в новгородских волостях князь, приглашенный новгородцами, и позднее — судя по договорам середины XIII–XV в. Таким образом, Гиппиус наиболее убедительно объяснил противопоставление в тексте Буицов с данями, вирами и продажами с одной стороны и осеннего полюдя даровного — с другой. Однако предложенное им чтение, на мой взгляд, не лишает привлекательности перспективу установить соответствие различных прав, полученных монастырем, различными территориям в округе с. Буйцы.

Новгородские волости Буйцы и Лопастницы фигурируют в новгородско-литовских соглашениях 1430–1440-х гг. и проекте соглашения 1471 г., согласно которым в названных волостях жили представители особой группы податного населения — чернокунды, платившие черную куну великим князьям литовским. Ниже нам придется вкратце коснуться вопроса о том, что такое вообще феномен чернокунства, поэтому приведу соответствующий фрагмент соглашений целиком (по наиболее полному и исправному соглашению 1441 / 1442 г.):

«А на Молвятичохъ взяти ми, князю великому, два рубля, а тиуну рубль за петровщину; на Куньску взяти мне, князю великому, рубль, а тиуну полтина; на Березовчи взяти мне, князю великому, полтора рубля, да тритчатъ куничъ; на Стержи тритчатъ куничъ да шестьдесятъ бель, а петровщине рубль; в Мореве сорокъ куничъ да два сорока бель, да петровщине рубль; а в осенине поль рубля; а в Жабне дватчатъ куничъ да сорокъ бель, да петровщине рубль, а пиво с перевары, а мед сытити по силе; а на Лопастичохъ и на Буичохъ у чорнокунчовъ по две куници, да по две беле; а слугамъ тремъ по беле; а на Лукахъ нашъ тиунъ, а вашъ други: судъ имъ наполь; а торопечкому тиуну по новгородской волости не судити, ни ржевскому; а в Любокове и в Заклиньи по две куници да по две беле; а за петровщину сорокъ бель; а во Ржеве по две куници да по две беле, а медъ по силе сытити с перевары. А тивуну ездити по переварамъ в пятинатчати человекъ, а по чернокунчемъ

¹¹ Гиппиус 2008: 120.

также в пятнадцать человек. А в Новгородской волости не надоби ни что иное Литви, ни на Демяне, ни на Сне, ни на Полонове, не надоби брати чорна куна, ни иное ничто же»¹².

Исследование того, что это за население и почему право взимать с него платежи имела Литва, актуально в контексте изучения и проблемы «системы совладений», окружавших ядро земель средневекового Новгорода практически со всех сторон¹³, и проблемы происхождения княжеского домена в Новгородской земле¹⁴.

В историографии укоренился стереотип, что чернокунцами являлось все сельское население этих волостей. А.М. Гневушев рассмотрел проблему в недопустимо урезанном виде: он попытался объяснить, почему Буйцы и Лопастыцы, упомянутые в проекте договора с Казимиром IV, через четверть века записаны были в писцовой книге за Юрьевым и Аркажским монастырями. Для этого он предположил, что монастыри получили эти государственные земли, обещанные ранее Казимиру, после того, как договор с ним не состоялся¹⁵. При этом без внимания осталась формулировка текста источника: «черна куна имати **по старым грамотам** и по сеи крестной грамоте». Кроме того, Мстиславова грамота свидетельствует о правах Юрьева монастыря на Буйцы уже в XII веке.

Авторы «Аграрной истории Северо-Запада», в соответствии со своим пониманием характера пожалования Буйцов князем Мстиславом, считали «черную куну» чертой, которая связывала юрьевскую вотчину в Буйцах с прошлым кормленской волости¹⁶. И.Я. Фроянов писал, что упоминание Буйцов в новгородско-литовских соглашениях свидетельствует, будто «Буйцы временами выходили из-под власти монастыря, и население ее «тянуло» черными кунками уже не к юрьевским монахам, а к тому, кому Господин Великий Новгород предоставлял право их сбора»¹⁷.

То, что «черной кунной» в Буйцах облагалась каждая деревня, по мнению В.Л. Янина, подтверждают расчеты¹⁸. Однако эти рас-

¹² ГВНП 1949: 70.

¹³ Подробнее см.: Фролов 2012: 110–154.

¹⁴ Янин 1998.

¹⁵ Гневушев 1915: 262–263.

¹⁶ Аграрная история 1971: 85.

¹⁷ Фроянов 1974: 79.

¹⁸ Исследователь предположил, что литовская «черная куна» в Буйцах

четы опираются на цепочку допущений, не вполне надежных, — прежде всего о том, что сумма сбора с чернокунцев была неизменной с 1130 г. до 1470-х гг. Следуя предлагаемой логике, мы должны будем признать, что норма, взимаемая с чернокунца (две куницы и две белы), предопределяла количество деревень в волости по меньшей мере с 1430-х по 1470-е гг., поскольку точно такая же норма применялась в соседних Лопастичах, Ржеве, Лубоково и Заклинье (а значит сама норма не могла определяться общим количеством селений в волости)!

И только В.А. Егоров в рецензии на исследование А.М. Гневушева (которую, кажется, до сих пор историография не заметила) предположил, что далеко не все население Буйцов и Лопастич являлось чернокунцами¹⁹. На это указывает хотя бы формулировка соглашений: «а на Лопастичох и на Буичох у чорнокунчов по две куницы, да по две беле, а слугам трем по беле», в то время как в большинстве случаев черная куна взималась с волости в целом. По мнению Егорова, в волостях Буйцы и Лопастичи часть земель была государственной (с них и шла черная куна), а часть владельческая (монастырская). Впрочем, исследователь трактует норму платежа с чернокунца как всю сумму, поступавшую с волости, с чем невозможно согласиться.

Мне представляется, что именно мнение В.А. Егорова о чернокунцах как некоторой части населения волостей может служить основой для дальнейшего исследования феномена. Однако неустановленным пока остается то, учтены ли (а если учтены, то как) земли чернокунцев в древнейшей писцовой книге письма 1495–1496 гг., согласно которой Буйцы были взяты великим князем Иваном III у новгородского Юрьева монастыря, а Лопастичи — у новгородского Аркажского монастыря. В писцовом описании кон-

тождественна петровщине. Согласно тем же новгородско-литовским соглашениям, петровщина превышает вдвое осенину. Предположив, что осенина XV в. в денежном выражении равна «осеннему полюдью даровному» Мстиславовой грамоты 1130 г., исследователь нашел общий размер «черной куны» и вычислил количество чернокунцев в волости путем деления этой общей суммы на норму платежа с чернокунца (две куницы и две белы), понятую как денежную сумму, равную 30 новгородским деньгам. Полученная цифра примерно равна числу деревень в Буйцах конца XV в. (Янин 1998б: 8–10).

¹⁹ Егоров 1917: 98–99.

кретных крестьянских хозяйств нет прямых свидетельств того, что население платило какой-либо особый сбор, соотносимый с «черной куной»²⁰. В то же время, обобщающие итоговые данные по волостям содержат ряд элементов, неким образом связанных с особым статусом волостей.

Очевидно, что многие вопросы, возникающие при обсуждении средневековых известий о Буйцах и Лопастихах, не получают уже дальнейшей разработки без расширения методической и источниковой базы исследований. Несомненным приоритетом здесь обладает историко-географический анализ, необходимый, в первую очередь, для определения пространственных пределов земель, о которых идет речь, и локализации структур землевладения. Значительный шаг в этом направлении был сделан В.Л. Яниным и Л.А. Бассалыго, которые составили карту селений новгородско-литовского пограничья по писцовым книгам новгородской Деревской пятины, уезда Ржевы Володимеровой, Торопецкого уезда и ряда других территорий. К сожалению, эта локализация опирается лишь на трехверстные карты Генштаба второй половины XIX в., где показаны только населенные пункты этого времени.

Более точная локализация селений конца XV в. — в масштабе всей Деревской пятины — оказалась возможна на базе сведений планов дач Генерального межевания (далее — ГМ) конца XVIII в., где зафиксирована топонимика не только населенных пунктов, но и пустошей. Кроме того, при подготовке исторического атласа Деревской пятины нами были учтены данные и более поздних писцовых описаний. Но даже несмотря на это приложенных усилий оказалось недостаточно, чтобы должным образом реконструировать объем земель и поселенческую структуру волостей Буйцы и Лопастихи в конце XV века.

Дело в том, что писцовая книга Деревской пятины конца XV в. зафиксировала в них «загадочную» систему описания поселений: большинство их не имело собственных имен, а обозначалось только по названию ближайшего озера. Вот пример описания нескольких деревень волости Лопастихи: «Д. На озере на Любине: дв. Савка Ивашков, дв. свояк его Спиридко, сеют ржы пол-3 коробы, а сена косят 15 копен, обжа; дохода 12 денег, коробья ржы,

²⁰ НПК 1862: 784–826.

коробья овса, пол-коробьи пшеницы, пол-коробьи ячмени, боран, сыр, куря, горсть льну, острамок сена; а ключнику денга, пол-четвертки ржы, пол-четвертки овса, сыр.

Д. На Любине озере: дв. Нефедко Офоносов, сын его Савка, сеет ржы 2 коробьи, сена косит 10 копен, обжа; дохода 12 денег, коробья ржы, коробья овса, пол-коробьи пшеницы, пол-коробьи ячмени, боран, куря, сыр, горсть льну, поярок, острамок сена; ключнику денга, пол-четвертки ржы, пол-четвертки овса, сыр.

Д. На Любине ж озере: дв. Оноско, дв. сын его Огафоник, дв. Микитка Туров, дв. Фомка Потка, зять его Гридка, сеют ржы 8 коробей, сена косит 50 копен, 4 обжы; дохода пол-4 гривны без денги, 4 коробьи ржы, 4 коробьи овса, 2 коробьи пшеницы, 2 коробьи ячмени, 4 бораны, 4 куров, 4 сыры, 4 горсти льну, 4 поярки, 4 острамки сена; а ключнику 4 денги, пол-коробьи ржы, пол-коробьи овса, 4 сыры»²¹.

В целом перечень селений волостей выглядит следующим образом (в скобках указано число повторяющихся подряд идентичных названий).

«Волость великого князя Лопастницы, бывала Пречистые Аркажова монастыря, за поместьицики: за Ондреем да за Федором, да за Иваном, да за Васильем, да за Григорьем, да за Олександром, за княжими Олександровыми детми Шемякиными Шоховского.

Погост Лопастница; *деревни* на озере на Любине (3); на Любине ж озере Михеево; Горуша; Заобретенье над Оноталцом; Заход; на Любине озере; Заход; над Кочюжим озером; Закочюжье; Оманино; Тешатино; над Кочюжом озером; у Креста; Загороденье; над озером над Погореловым; Новоселье на Любине озере; Новоселье; Горуша; над Оталцом озером; на Любине ж озере (3); на Ведши; Засенье; Залесье; Заселье; Заход (3); Горуша (3); Заход (2); над озером над Бологом (3); над озером над Луком; Столп (5); над Оталцом озером; на Любине озере; Столп; Замосовье (2); Замосовье же; Заобретенье на озере на Обретенье; Заобретенье ж; на Обретенье на озере (2); Омосово; над Ведшы; на Володке; на озере на Володке ж; на Волотке ж (3); Столп; *починки* на Ветши (3); *деревня* на Каменом; *пустошь* Бородулино;

В Лопастнице ж за Олексейком Михайловым сыном Чирикова, великого князя деревни в поместье. Деревни Курган; Свя-

²¹ НПК 1862: 784–785.

тица; Колотилово; Исачково; над Лучяном озером; Молкино над Лучяном озером (2); на Ручье; Дубровка над Лучяном же озером; Святица над Лучяном же озером; Обрадово над Лучяном же озером; Кузнецово; Заборовье; Микишкино; Заборовье (2);

В Лопастнице ж за Ивашком за Ивановым сыном Зеленого великого князя деревни в поместье Аркажа ж монастыря.

Деревни Внучки; Микишкино (2); Внучки (3); за рекою Внучки же; Внучки ж (2); на Острову; на озере на Волотке²².

Волость великого князя Буец, бывала Юрьева монастыря, за Микифором да за Михалем, да за Степанком, да за Гридкою, да за Илейкою, да за Захаром, Ивановыми детми Языкова в поместье. *Погост* Буец; *деревни* Илигово на Виложгом; над Илиговым же (2); Заход; над Илиговым же (2); Заход (5); Поддубье; Осечно (2); на Осечне ж; над Елным озером (5); над Лучяном озером (3); Горка (2); Боброво; Иванково (3); Городно (6); на озере на Либинице; над озером над Долостцом (4); над Бросном озером; над Бросном же Гушино; над Бросном же (7); над Долостьцом озером (3); на Попове над Долостьцом же; над Долостьцом же (2); Горица; над Долостьцом же; на Переволоке; на Бросном же; над Долостьцом же; над Бросном же (5); над Боином (5); над Буицом (9); Кропивино; Селцо; Малышово; Селца (5); Рогово ж; на Каменом (3); над Лучяном; Осечно ж; Рог; над Лучяном озером; Колотилово (2); над Вибыным озером (4); Колпино; над Елным же; *починок* над Долостьцом; *пустые деревни* над Шиговым; Печишо в Заходе; Селца; Горка; над Долостьцом (2); над Долостьцом же Росляковы; Заразино; над Буицом же; над Бросном; *дворы пустые в деревнях* Иванково; Горица; Колпино; Бойно; Селцо (2); на погосте²³.

Таким образом при некоторых озерах описано до 15 селений. Поэтому хоть сколько-нибудь определенная реконструкция поселенческой структуры конца XV в. оказывается возможной только при еще более детальном исследовании всей совокупности исторических данных, в том числе и с привлечением новых, нестандартных, методик. В настоящее время степень изученности исторической географии микрорегиона позволяет представить первые результаты.

²² НПК 1862: 784–806.

²³ НПК 1862: 806–826.

* * *

Помимо планов дач ГМ²⁴ и писцовой книги Деревской пятины конца XV в.²⁵ для работы были привлечены писцовые и межевые книги Холмского, Торопецкого и Ржевы Володимировой уездов 1620-х гг.²⁶, список 1640-х гг. писцовой книги уезда Ржевы Володимировой 1588–1589 гг.²⁷, обыскная книга Деревской пятины и Холмского уезда 1562 г.²⁸, платежная книга Деревской пятины 1543 г.²⁹, торопецкая писцовая книга 1540 г. (список 1580-х гг.)³⁰, и ряд других, менее значимых для темы источников. Интеграция собранных сведений этих источников осуществлялась с помощью программного обеспечения QuantumGIS версии 1.7.4³¹. В качестве картографической подосновы взята крупномасштабная карта (масштаб 1:50000), листы которой отражают состояние местности на 1980–1988 гг., система координат Пулково 1942 года.

Историко-географическое исследование проводилось методом ретроспективного картографирования описанных в перечисленных источниках объектов путем соотнесения их с древнейшими планами земельных дач Осташковского уезда Тверской губернии (1778–1779 гг.) и Холмского уезда Псковской губернии (1784–1786 гг.), составленных в ходе ГМ, а также путем взаимного

²⁴ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 1095. Псковская губерния; РГАДА. Ф. 1354. Оп. 1265. Тверская губерния.

²⁵ НПК, 1862: 784–826.

²⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 522. Межевая книга Торопецкого у. межевания Д. Воейкова и подьячего Ф. Протопопова. 1628–1630 гг.; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. 888. Список с писцовой книги Торопецкого у. письма и меры Д. Воейкова и подьячего Ф. Протопопова; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 833. Писцовая книга Ржевы Володимировы князь Дмитриевы стороны Ивановича писма и меры И.Н. Лачинова и подьячего Г. Семенова. 1623–1625 гг.; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 906. Л. 1–291. Писцовая и межевая книга Холмского у. Д. Воейкова и подьячего Ф. Протопопова. 1627–1629 годы.

²⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 70.

²⁸ ПKNЗ 2004б: 336–417.

²⁹ ПKNЗ 2004а: 343–500.

³⁰ ПKNЗ 2004а: 501–682.

³¹ Это открытая ГИС, которая разрабатывается силами заинтересованного сообщества программистов из разных стран мира. — Электронный ресурс [режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Quantum_GIS, дата обращения — 20.01.2014].

сопоставления названий этих объектов. При этом были привлечены методы источниковедения, исследована история землевладения, проанализирована владельческая принадлежность озерных угодий. Локализация земельных дач ГМ осуществлялась по специальной методике, опирающейся на результаты полевых замеров, выполненных землемерами Генерального межевания, длины каждого отрезка межи и угла поворота межи³².

Важнейшим результатом работы является достаточно точное определение волостных территорий в разные периоды³³. С конца XV в. до середины 1560-х гг. объем земель волостей Буйцы и Лопастницы сохранялся почти неизменным. На момент, когда волости принадлежали Юрьеву и Аркажскому монастырям, их границы реконструируются в следующем виде (Илл. 2).

Центр волости Лопастницы локализуется между озерами Лопастницы и Закочужье. Восточные пределы волости точно определяются благодаря разводной грамоте новгородско-ржевских земель (около 1484 г.), которой посвящена специальная литература³⁴. От р. Ржавицы, впадающей в оз. Корино, граница пересекала р. Городню в ее верхнем течении, затем р. Сырыченкой выходила на р. Кудь, поднималась вверх по течению Куди до оз. Долгое.

Далее соседство Лопастниц со ржевскими землями заканчивалось. Здесь на берега озер, образующих исток р. Кудь, выходили узкой полосой земли торопецкой волости Дубна.

Затем начиналось соседство Лопастниц с Буйцами — по-видимому, по озерам Витьбино и Лопастницы и далее — от северной

³² Фролов 2008: 363–372.

³³ Необходимо оговорить, что границы новгородских волостей — вещь достаточно условная не только для XII, но даже для конца XV в., особенно в данной ситуации: межа восточной окраины Лопастниц была впервые задокументирована лишь в середине 1480-х гг., для основной территории микрорегиона этого не произошло и спустя несколько десятилетий. Не случайно писцы В. Пушкин и К. Раков в 1520-х или даже 1530-х гг. отписывали у буюцких помещиков спорные земли к Торопцу (ПКНЗ 2004а: 653, 657, 682). В реалиях финала новгородской независимости и первых лет московской власти отсутствие представлений у новгородской администрации об объеме земель, подконтрольных центру волости, было одной из черт, отличающих волости от погостов, входивших в систему присудов (Фролов 2012: 143–145).

³⁴ Современное состояние вопроса см.: Кучкин 1984: 165–176; Баранов 2000: 85–97; Фролов, Пиотух 2008: 10–11.

оконечности оз. Лопастницы, через течение р. Моссовицы, на оз. Илиговское, а с него, в основном придерживаясь русла р. Илиговки, в оз. Лучанское. При том, что земли к востоку от Лучанского озера есть основания считать буюцкими, небольшой участок на самом берегу, урочище «Лучане» и его окрестности, принадлежал все-таки Лопастницам. На юго-западном берегу оз. Лучанского лопастницкие земли отделялись от буюцких в районе впадения р. Каменец, далее по водоразделу до нижнего течения р. Говшицы. По р. Говшице и далее, от ее устья вверх по р. Волкоте, затем от р. Волкоты до устья р. Бросницы, впадающей в оз. Бросно, Лопастницы граничили вновь с торопецкими землями. Лопастницким считался небольшой участок земли на западном берегу оз. Бросно, соприкасавшийся с землями волости Буйцы. От северо-западной оконечности оз. Бросно условная граница с буюцкими землями шла на север — пересекая оз. Волкота, через водораздел в систему озер Вшивец, Гнидовец, Круглое, Долгое, огибая с запада и севера оз. Каменное.

Севернее оз. Каменного лопастницкими были только левый берег р. Пестовки (правого притока Большого Тудра) и правый берег р. Прудовки (левого притока Пола). Здесь верховья названных рек подходят очень близко друг к другу, обозначая одну из вершин водораздела Ловати и Пола. На данном участке в последней четверти XV в. волость Лопастницы соприкасалась, предположительно, с буюцкими землями. Наименее определенные данные о северных пределах волости: от течения р. Пола до р. Ржавицы шла полоса земель, смежных с новгородской волостью Велила, однако топонимика этого участка сохранилась очень плохо: межевые описания 1620-х гг. для него не сохранились, материалы ГМ не зафиксировали названий пустошей, входивших в земельные дачи (кроме названий «титულных» пустошей, по которым обозначалась вся дача), на планах ГМ нет сведений о бывшей принадлежности дач к Буюцкой или Лопастницкой волостям.

Северо-восточные пределы волости Буйцы определяются по ориентирам, указанным в жалобе, представленной великому князю московскому Ивану III в 1489 г. литовским послом князем Тимофеем Владимировичем Мосальским, на захват вселуцким наместником северной части волости Дубна³⁵. Дубна находилась восточ-

³⁵ Сб. РИО 1882: 36.

нее волости Буйцы³⁶. Ее земли включали левый берег р. Полянки, впадающей с севера в оз. Колпинское, волость Буйцы — правый берег. Буецкими были земли в районе истока р. Заелинки из оз. Ордоникольское и истока р. Гореньки, впадающей в р. Волкота, южный берег оз. Лучанское. От оз. Витьбино до р. Говшицы буецкие земли соприкасались с торопецкими, от р. Говшицы до северной оконечности оз. Лопастницы — с лопастицкими. Данный массив буецких земель образует анклав, удаленный от центральной части волости на 7–8 км.

Погост Буйцы — центр волости — находится на берегу оз. Бакановского. В нескольких сотнях метров восточнее начинаются земли торопецких волостей. Восточной границей волостных земель здесь служат воды озер Бакановского, Боино и Бросно и система проток между ними. Южные пределы буецких земель простираются до озера Кропивно и отделены от торопецких земель системой небольших лесных ручьев, затем, также по ручьям, выходят на озеро Струдно. Между озерами Струдно и Долосец межевые описания 1620-х гг. в качестве межевых ориентиров называют р. Рубежницу и р. Марянку. От северной оконечности оз. Долосец до оз. Городно и далее, до места истока р. Волкота из оз. Макаровского, буецкие и торопецкие земли соприкасались через лесные угодья, иногда болота, с небольшим количеством лесных ручьев. В районе истока р. Волкота в нее слева впадает р. Лиговка, левобережье которой также принадлежало волости Буйцы. В верхнем течении р. Лиговки буецкие земли смыкались с лопастицкими.

Еще один анклав буецких земель предположительно выделяется севернее оз. Каменное. Он соприкасается с Торопецкой землей по р. Прудовка (на северо-западе) и с волостью Лопастницы по

³⁶ Локализация этой границы, предложенная В.Н. Темушевым, не вполне точна. Исследователь почему-то называет волость Дубну волостью Буец. Не замечая на современной карте реки Полянки, исследователь для локализации р. Поляницы документа 1489 г. безосновательно использует примерное созвучие с р. Полутней. Вследствие этого граница Буйцов и Дубны показана им на карте восточнее. В настоящее время окончательный вариант статьи опубликован только в сети Интернет: *Темушев В.Н.* Ржевский участок литовско-московской границы в конце XIV – начале XVI в. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.hist-geo.net/index.php?p=49&more=1&c=1&tb=1-&pb=1>, дата обращения — 20.01.2014].

р. Поле (на северо-востоке) и р. Пестовке (на юго-востоке). Эти земли были отписаны к Торопцу в конце 1520-х или 1530-х гг.,³⁷ однако не вполне ясно, принадлежала ли эта территория ранее Торопцу (и была захвачена буецкими помещиками, но неизвестно — до писцового описания 1495–1496 гг. или после) или это были изначально буецкие земли, которые по каким-то причинам отошли к Торопецкому уезду.

С начала XVI в. Буйцы и Лопастницы, вместе с другими волостями юга Новгородской земли, образуют самостоятельный Холмский уезд, но каких-либо территориальных изменений, связанных с этим, выявить не удается.

Во второй половине 1560-х гг. соседний Ржевский уезд, если не полностью, то по меньшей мере частично, был взят царем Иваном Грозным в опричнину. В связи с этим часть территории Холмского уезда, так же как и части Торопецкого, Бельского, Новгородского и, возможно, Новоторжского уездов, были переданы в состав Ржевы. Локализовать на карте эти изменения в интересующем нас микрорегионе несложно: межевые описания 1620-х гг. упоминают Ржевский рубеж, который соответствует границе XVIII в. между Холмским уездом Псковской губернии и Осташковским уездом Тверской губернии и современной границе между Андреапольским и Пеновским районами Тверской области (Илл. 3).

Невосполнимые потери понесла в результате опричного передела волость Лопастницы: сам погост с Никольским храмом оказался на территории Вселуцкой и Стержской волости Ржевы Володимировой. В те же, вероятно, десятилетия (но во всяком случае не позднее 1620-х гг.) некоторые лопастницкие земли стали считаться буецкими. Тем не менее, в писцовой документации XVII в. волость Лопастницкая продолжает существовать как самостоятельная единица. Буецкая волость лишилась в результате тех же событий своей северо-восточной окраины.

В десятилетия хозяйственного кризиса второй половины XVI века, а затем во время Смуты многие земли были полностью заброшены. Видимо поэтому волостная принадлежность некоторых земель микрорегиона была не вполне ясна уже в 1620-е гг.

³⁷ ПКНЗ 2004а: 653–654. Датировка работ в Торопецком уезде В. Пушкина и К. Ракова предложена В.Б. Кобриным (Кобрин 1985: 128).

(Илл. 4). Позднее это неопределенное положение отразилось и в материалах Генерального межевания 1780-х гг. (Илл. 5).

Реконструкция территориальных границ микрорегиона позволяет говорить о географических и ландшафтных условиях, в которых располагались волости (Илл. 1). Выдающейся чертой, которая характеризует расположение микрорегиона, является нахождение на гребне водораздела рек Полы и Ловати Ильменского бассейна, рек Волкоты и Торопы Западнодвинского бассейна и р. Кудь Волжского бассейна. Территория волостей находится на стыке двух крупных геоморфологических областей Русской Равнины: Прибалтийской низменности и Средне-Русской возвышенности. Микрорегион приходится на западный уступ Валдайской возвышенности (выделяемой как часть Средне-Русской возвышенности), носящий название Ревеницких гор.

В физико-географическом отношении центральная часть волости Буйцы и западная половина волости Лопастницы принадлежат к Шейно-Бологовскому району, для которого характерны высокая степень расчленения рельефа и наличие многочисленных озерных котловин. Горизонтальную структуру данного физико-географического района определяет сочетание холмистых, грядово-холмистых и волнистых, преимущественно валунно-суглинистых моренных равнин, на которых широко распространены елово-широколиственные леса на дерново-слабо- и среднеподзолистых почвах. В настоящее время район характеризуется высокой облесенностью (64,8%) и небольшим процентом сельскохозяйственных угодий (19,2%)³⁸.

Восточная половина волости Лопастницы и восточный анклав волости Буйцы, примерно по границе между Холмским и Осташковским уездами XVIII в., относятся к Селигерскому физико-географическому району, где доминируют относительно дренированные холмистые, местами холмисто-рядовые, с многочисленными озерными котловинами и неоднородными поверхностными отложениями моренные равнины с сосново-еловыми и елово-мелколиственными лесами на дерново-средне- и сильноподзолистых почвах разного механического состава. В части района, приходящейся на восточную окраину исследуемого микрорегиона,

³⁸ Дорофеев 1992: 91–92.

расположены ложбинообразные понижения с фрагментами волнистых преимущественно песчаных Валдайских зандров и в полузамкнутых котловинах — комплексы плоских песчано-глинистых озерно-ледниковых равнин с характерными сосновыми и вторичными мелколиственными лесами на дерново-подзолисто-глеевых почвах.

Юго-восточная граница микрорегиона соответствует природной границе, которая отделяет его от Охватского физико-географического района, где преобладают недренированные плоские песчано-глинистые озерно-ледниковые равнины с сосновыми и мелколиственными лесами на дерново-подзолисто-глеевых и торфяно-подзолисто-глеевых песчаных почвах.

На западе и севере Ревеницкие горы довольно круто обрываются к северо-западу, к Ловатской низине. Здесь доминируют плоские недренированные песчано-глинистые озерно-ледниковые равнины преимущественно с сосняками, чернично-сфагновыми и мелколиственными лесами на дерново-подзолисто-глеевых и торфянисто-подзолисто-глеевых почвах.

К юго-западу, в районе г. Торопца, ландшафты микрорегиона сменяются ландшафтами Торопо-Западнодвинского района, для которого характерна полоса зандров, сложенных песками и имеющих, как правило, волнистый рельеф. Здесь преобладают сосновые ассоциации на дерново-подзолистых почвах. И только к югу от микрорегиона, также в пределах Торопо-Западнодвинского физико-географического района, ландшафтные условия не менее благоприятны для расселения и ведения сельского хозяйства, чем в исследуемом микрорегионе. Здесь расположены относительно дренированные волнистые, с участками холмистого рельефа, преимущественно валунно-суглинистые моренные равнины с елово-широколиственными лесами на дерново-слабо- и среднеподзолистых почвах³⁹.

Помимо состава почв лучшего качества, микрорегион выгодно отличается от территории к востоку, юго-востоку и западу и в отношении микроклимата. В силу возвышенного положения местности и малого количества болот здесь чуть менее выражены суточные колебания температур, несколько ниже влажность в хо-

³⁹ Дорофеев 1992: 86–93.

лодную часть суток, безморозный период немного длиннее⁴⁰. Закономерным образом плотность средневекового населения в микрорегионе оказывается высокой, о чем свидетельствует высокая концентрация памятников археологии конца I — первой половины II тысячелетий⁴¹.

* * *

Помимо изменений волостной принадлежности земель микрорегиона удастся также проследить эволюцию землевладельческих структур с конца XV в. До ликвидации независимости Новгорода в 1478 г. Лопастницы считались волостью Аркажского монастыря, Буйцы — Юрьева. Вопрос о времени перехода волостей в распоряжение великого князя требует дополнительного изучения. С одной стороны, источники молчат о каких-либо конфискациях церковных земель между 1478 и 1499 гг.⁴², поэтому принадлежность Юрьева и Аркажского монастырей к числу новгородских монастырей-магистратов, лишившихся половины своих земель уже в 1478 г., и наличие в волости в момент писцового описания 1495–1496 гг. дворов великокняжеских помещиков, намекает на то, что конфискация имела место уже в 1478 году.

С другой стороны, новгородско-ржевская разводная грамота, датированная 1484 г. или чуть более поздним временем, считает волость Лопастницы еще аркажской. Известно также, что взамен Лопастниц Аркажский монастырь получил землю в Егорьевском Кожельском погосте Обонежской пятины⁴³, значит изъятие этих земель не являлось конфискацией.

Так или иначе, к моменту писцового описания в 1495 или 1496 г. волость Буйцы целиком была передана в поместье сыновьям Ивана Языкова. Волость Лопастницы была отдана главным образом сыновьям князя Александра Андреевича Шемяки Шаховского, небольшие участки земли (между озерами Лучанское и Волкота) получили другие помещики. Часть этих участков уже к 1540-м гг.

⁴⁰ Галахов 1949: 78–80.

⁴¹ Археологическая карта 2012: 186–249; Еремеев, Дзюба 2010: 62–63, рис. 6.

⁴² Фролов 2004: 54–62.

⁴³ ПКНЗ 1999: 113. Прим. 153.

также оказалась во владении князей Шаховских. История землевладения микрорегиона до середины 1560-х гг. представляется в основном как переход земель от поколения к поколению Языковых и князей Шаховских.

Резкая смена землевладельцев происходит, видимо, в связи с опричными потрясениями: всего лишь одно поместье в этом микрорегионе остается у Языковых — теперь уже на территории Ржевы. Из князей Шаховских остаются служить с тех же лопастицких земель только Ивановичи — потомки третьего из братьев, владевших волостью в конце XV в. Значительно расширяется землевладение помещиков Зеленых. Но из-за запустения земель к 1620-м гг. отдельные пустоши раздаются уже и холмским, и торопецким помещикам, среди которых есть служившие по Торопцу представители Шаховских, Веригиных, Кушелевых, Шамшевых, Зеленых, Глазовых и др. (Илл. 6, 7).

Анализ истории землевладения микрорегиона позволил значительно продвинуться в локализации селений микрорегиона по описаниям писцовых книг путем соотнесения разновременных серий топонимов и обоснованного сужения области поиска возможных соответствий. Оказалось, что в основу названий селений и пустошей 1560-х гг. легли как раз имена крестьян из писцовой книги конца XV в. Например, деревня Бесищева 1562 г. соотносится с деревней Горуша конца XV в., в которой жил Гридка Бесищев, пустошь над озером над Любиным Зехнова Дятлова — с деревней На Любине, в которой жил в конце XV в. Зехно Дятлов и т.д.⁴⁴. Очень близкая аналогия этому явлению содержится в комплексе писцовых книг Обонежской пятины⁴⁵. Сходство обнаруживается и

⁴⁴ Фролов 2013: 153–201.

⁴⁵ В древнейшей из них — книге Ю.К. Сабурова (1495–1496 гг.) целые группы селений обозначены одним именем, часто принадлежащим элементу ландшафта, например, озеру (Писцовые книги 1930: 1–56), а в описании соответствующих селений в книге А. Лихачева 1563/64 г. (датировка документа уточнена К.В. Барановым: (ПКНЗ 1999: VII, XI) эти деревни приобретают дополнительное обозначение, неизменно апеллирующее именно к книге Ю. Сабурова (напр., «дер. На низу слово Галашовская на Порошке: во дв. Третьячко Левонтьев» — ср. в книге конца XV в.: «дер. На Низу: во дв. Галашко Якушев»). На эту закономерность обратил внимание еще М.В. Витов (Витов 1962: 141).

в том, что в Обонежье и Заонежье через общий локатив (обычно это также название озера) очень часто именовались группы деревень.

М.В. Витов доказывал соответствие такого «гнезда» поселений на Русском Севере общине, состоящей из родственной группы земледельцев, восходящей к патронимии — группе больших и малых семей. Эти селения произошли от сегментации или разделения одной большой семьи, сохраняющей хозяйственное, общественное и идеологическое единство⁴⁶. Здесь названия гнезд часто нерусского происхождения, некоторые — русского с патронимическими окончаниями, что свидетельствует о большей древности этих названий в сравнении с названиями каждой отдельной деревни⁴⁷. Примеры, приведенные Витовым и другими исследователями, свидетельствуют, что жители таких близлежащих деревень часто представляли собой родственников и в XV, и в XVI в. и пользовались правом наследственного владения землей⁴⁸.

Локативные топонимы ПКДП «на Бросне», «на Городне» и т.д. в исследуемом микрорегионе также указывают не столько на непосредственную топографическую связь деревень с озером, сколько на принадлежность к некоторой общности, которая располагает землями, действительно, главным образом (но не обязательно) вокруг соответствующего озера⁴⁹.

⁴⁶ Витов 1962: 159–184.

⁴⁷ Витов 1962: 160.

⁴⁸ Витов 1962: 166–167; Витов, Власова 1974: 152–153. Например, сопоставление имен «шунжан», которые владели землями Шунгского погоста (ГВНП 1949: № 323, датированная В.Л. Яниным в пределах середины 70-х – 80-х гг. XV в.), — кто вместе со своими «детьми и племянem», кто «с братьею», обнаружило соответствие большинства этих имен названиям соседствующих селений в центре Шунгского погоста по писцовой книге Обонежской пятины конца XV века.

⁴⁹ Например, одна из пустошей Михайловых детей Языкова обозначена как «над озером над Должинцом на Бросне, а бывала деревня, Смыкова» (ПКНЗ 2004б: 405). Очевидно, что два «озерных» элемента этой топонимической конструкции неравнозначны. Если первый элемент, «над озером над Должинцом», определяет топографическую близость бывшей деревни Смыкова, то второй, «на Бросне», отражает принадлежность к какой-то более крупной территориальной общности. Сходным образом, вероятно, в книге появилась пустошь «на Бросне, а там ее зовут на Городне, Омосова» (ПКНЗ

В свою очередь, работа по локализации селений конца XV в. и 1560-х гг. позволяет судить о географии землевладения князей Шаховских в Лопастичах и Языковых в Буйцах. Редкой особенностью структуры землевладения (особенно ярко выраженной в Буйцах) является чересполосица земель, выделенных разным ветвям этих родов из общего владения. У большинства потомков братьев Шаховских и братьев Языковых, получивших поместья в Лопастичах и Буйцах, имелись земли в каждой из групп деревень, обозначенных по одному озеру (Илл. 8, 9).

* * *

Историко-географический анализ сведений источников XV–XVIII вв. дает дополнительные основания для характеристики феодальных отношений, сложившихся к последней четверти XV в. в Буйцах и Лопастичах. В Новгородской земле наиболее распространенной в XIV–XV вв. была модель поземельных отношений феодала и крестьянина, при которой вотчинник «называл» крестьянина на деревню, предоставляя ему поначалу льготу, но крестьянин сохранял мобильность и мог уйти к другому феодалу, рассчитавшись с предыдущим. Об этом повествуют и многие новгородские берестяные грамоты, и актовый материал⁵⁰. Сохранился даже текст на бересте, трактуемый как договор между господином и земледельцем о размере сеньориальной ренты (новгородская грамота № 136)⁵¹. Конечно, в этих взаимоотношениях важную роль должна была играть и крестьянская организация, однако очевидно, что данная модель не предполагает у «порядившегося» крестьянина каких бы то ни было прав на владение землей.

Данные, имеющиеся по Буйцам и Лопастичам, свидетельствуют о существовании здесь иных механизмов. Исследователи давно обнаружили, что помимо владений, где перечень крестьянских платежей в пользу землевладельца определяется стандартной формулой о денежном и мелком доходе владельцу и его предста-

2004б: 404), которая на местности локализуется рядом с оз. Городно вдалеке от берегов озера Бросно, в 8 км к северо-западу.

⁵⁰ Черепнин 1969: 164–183; Янин 1998а: 119–130, 171–173.

⁵¹ Арциховский, Борковский 1958: 76–78; Черепнин 1969: 240–241; Янин 1998а: 136.

вителю на месте (ключнику), встречаются и другие владения: перечень получателей платежей с них принципиально иной, а выплаты с крестьян и нормы обложения отличаются архаикой⁵². К числу таких земель относятся и Буйцы с Лопастичами. В.Д. Назаров детально проанализировал состав и статус пошлинников, перечисленных в описаниях этой группы владений и пришел к выводу, что принципы обеспечения пошлинников — это принципы системы кормлений, которая прямо связана с практикой владычного или настоятельского подъезда с большой свитой⁵³. В писцовых книгах все земли, на которых зафиксирована эта практика, записаны за новгородским владыкой, Юрьевым, Аркажским и другими монастырями, которые, как показал В.Л. Янин, занимали особое место в структуре Новгородского государства. Это были кончанские монастыри-магистраты, землевладение которых в значительной части имело не вотчинный, а государственно-корпоративный характер⁵⁴.

Из рядной грамоты крестьян села Робичицы с властями Юрьева монастыря (1460–1470-е гг., по В.Л. Янину⁵⁵) выясняется, что в подобных случаях договор о размере выплат в пользу монастыря заключался между монастырскими властями и крестьянской общиной. В случае непосильности оговоренных платежей архимандрит должен был «уведаться» с крестьянами по неким старым княжьим и новгородским грамотам⁵⁶. Как бы ни трактовались эти грамоты с точки зрения организации политической системы Новгорода, ясно, что в них был зафиксированы первоначальные формы и размер рентных платежей, взимавшихся с Робичиц.

Ближние аналогии механизмам, которые регулировали монастырский доход в робичицкой «рядной», обнаружил Б.Н. Флоря в польских материалах XIII–XIV вв. Выявленные случаи польская историография рассматривает как свидетельства специфики государственных пожалований церкви на раннем этапе формирования церковной земельной собственности — без передачи монастырю права устанавливать по своему усмотрению повинности с новых подданных. При этом в дальнейшем такие отношения могли со-

⁵² Аграрная история 1971: 61–65; Янин 1981: 229–249 и др.

⁵³ Назаров 1986: 26–54.

⁵⁴ Янин 1978: 142–148; Янин 1998в: 911–922.

⁵⁵ Янин 1991: 223.

⁵⁶ ГВНП 1949: № 115.

храняться длительное время.⁵⁷ В любом случае данная модель должна рассматриваться как более архаичная, вытесняемая новыми отношениями вотчинника и крестьянина по мере ликвидации наследственного права общинников на свою землю. А существование «Мстиславовой грамоты», выданной около 1130 г., дает даже основания предполагать значительную древность этого порядка в Буйцах.

Из писцовой книги мы узнаем, что обежный оклад села Робищиц и по «старому», и по «новому» письму огромен — 27 беж. После Юрьева монастыря село досталось группе помещиков-ивангородцев («пятибежников»)⁵⁸. При том, что большинство помещиков родственниками друг другу не приходится, они имели лишь право делить между собой совокупный доход с этих беж в пропорции, заданной соотношением их обежных окладов, однако не имели права брать доход с конкретных дворов⁵⁹. Три пустые обжи были отданы тем же помещикам «на подел», следовательно, даже обжи, которые не могли увеличить оклад «пятибежника», не могли все же быть и отторгнуты от остального оклада сельца⁶⁰. Подобным же образом отношения землевладельцев и крестьян строились и в остальных селениях, записанных по «старому письму» за Юрьевым монастырем во Врудском погосте⁶¹.

Ровно то же самое мы видим в Буйцах и Лопастичах. Судя по географии поместного землевладения, возможности землевладельцев были ограничены договорными отношениями прежнего владельца, монастыря, со всей крестьянской общиной, которая населяла группу деревень, обозначенную по одному озеру. Только эти

⁵⁷ Флоря 1990: 326–329.

⁵⁸ НПК 1868: 855–856.

⁵⁹ На это исследователи уже обращали внимание, однако объясняли спецификой статуса «пятибежников» (Базилевич 1952: 79; Бернадский 1961: 330–331).

⁶⁰ В.Н. Бернадский указывал на близость такой формы держания к кормлению — с той разницей, что речь шла «о предоставлении земли не во временное пользование, а о прочном владении с тенденцией превращения его в наследственное» (Бернадский 1961: 331). Но ведь и в Буйцах с Лопастичами династии Языковых и князей Шаховских владели большей частью земель до опричных переделов.

⁶¹ НПК 1868: 852–858.

волости были даны не группам помещиков-пятибежников, а целым родам (Языковых и князей Шаховских), члены которых еще в 1540-е гг. делят фискальную ответственность перед государством по равным долям, а в дальнейшем, как свидетельствует география землевладения середины XVI в., вынуждены делить уже деревни и пустоши — в каждом из «гнезд» поселений по отдельности.

В данном контексте загадка «безымянной» системы обозначения селений в писцовой книге может быть раскрыта. Для этого необходимо ответить на вопрос — каково происхождение в древнейших писцовых книгах сведений о названиях селений? Чтобы найти ответ, вспомним, как великий князь Иван III познакомился с системой землевладения и налогообложения вечевое в недавнем прошлом Новгорода.

Важнейшим вопросом на переговорах января 1478 г. была конфискация части земель у старых новгородских владельцев в пользу великого князя. 6 января «князь великы владыце и посадником велел ити во град и написати на список половину волостей владычных да и монастырских, а не утаили бы ничего, а что утаить, ино то земли великих князей». И уже 7 января «прииде к великому князю владыка и с посадники и з житиими, и списки принесли владычных волостей половину, так же и монастырских...»⁶². Предъявленные списки содержали данные о тяглоспособности волостей, выраженной в обжах и сохах — с точностью до обжи (эти цифры приведены в летописном рассказе). Изготовление по указу великого князя финансовой документации, сообщающей точные сведения о тяглоспособности всех владений владыки и монастырей в Новгородской земле заняло всего лишь один день. При этом на основании предоставленных списков великому князю удалось тут же определить подлежащие конфискации земли. Все это указывает на лапидарность документации, отражавшей данные о тяглоспособности новгородских земель.

Следующим вопросом на переговорах было налогообложение с неконфискованных земель. Новгородцы били челом великому князю, «пожаловал бы государь на Новгородскую душу, а скажут всех, колко у кого сох будет, да сами, събрав дань, отдадут по крестному целованию без хитрости тому, кому князи великие прика-

⁶² Московский летописный свод 2004: 319.

жуть отдати в Новгороде»⁶³. При этом совершенно естественным для новгородцев (и приемлемым для великого князя) оказалась подача сведений о размере тягла самими землевладельцами-новгородцами и самостоятельный сбор ими обежной дани. Очевидно, что именно такой механизм сбора дани был нормой для новгородцев⁶⁴.

Таким образом, институты Новгородского государства не нуждались в информации о каждом отдельном селении, именах крестьян, количестве посевов и покосов, которую мы находим в писцовых книгах. Во всей Древней Руси до середины XV в., по-видимому, документация о доходах в пользу государства имела вид «доходных списков», которые состояли только из записей общих сумм платежей⁶⁵. Сведения о доходности и тяглоспособности конкретных участков имели жизненно важное значение только для вотчинника. Предметом его забот были конкретные земельные участки, на которых сидели конкретные земледельцы. Не случайно информация о доходности земель попадала в древнейшую писцовую книгу Деревской пятины только после конфискации их у новгородского «старого владельца»⁶⁶. Именно вотчинная документация должна была хранить те данные, которые составляли основной объем «старых книг», использованных в качестве приправочных при изготовлении известных нам писцовых книг рубежа XV–XVI вв., в том числе и названия селений. Ведь если великий князь новгородцев «пожаловал» и согласился не посылать на их земли своих писцов, значит, в соответствии с достигнутой в январе 1478 г. договоренностью, новгородцы предоставили ему свои собственные данные.

⁶³ Московский летописный свод 2004: 320.

⁶⁴ Об этом, на мой взгляд, свидетельствует, например, грамота сиротам Терпилова погоста 1422–1423 г. (Янин 1991: 304–306). Посадник, тысяцкий и вече устанавливали лишь норму платежа, в то время как о количестве окладных единиц в грамоте не говорится. Гарантией от произвольного занижения числа таких единиц землевладельцем служила прямая зависимость от количества окладных единиц его собственного дохода. По-видимому, сбор налогов землевладельцем — это вообще распространенная практика для государств Восточной Европы. См., напр.: Каштанов 1988: 12; АЗР 1846: 88.

⁶⁵ Зенченко 2012: 491.

⁶⁶ Фролов 2010: 227–262.

Обнаруженные нами механизмы взаимодействия монастырских властей и крестьянского населения в Буйцах и Лопастичах не требовали той подробности, с которой документировались данные о земельных участках в вотчинах. Размеры сборов фиксировались соглашениями, по которым ответственность нес крестьянский коллектив, соотносимый с группой деревень, обозначенной по ближайшему озеру.

В Лопастичах в конце XV в. наблюдается процесс разрушения этой архаичной структуры (Илл. 9): на землях, отданных в поместье А.М. Чирикову и И.И. Зеленому, хоть и располагаются группы деревень с общим названием, но эти топонимы уже не локативные (по озерам), а квалитативные (Внучки, Заборовье и т.д.). Сам факт, что эти земли были отделены от основного массива волостной территории и переданы конкретным помещикам индивидуально, а в дальнейшем с легкостью расчленились и перераспределялись среди помещиков, вполне красноречив. В пространственном отношении эти земли расположены на периферии волости — также черта, характеризующая общую тенденцию в превращении волостной необояренной территории в сеньориальные владения — правда, в более ранний период (XIII–XIV вв.)⁶⁷. Однако, не следует забывать, что нахождение в поле сместной новгородско-литовской юрисдикции, закрепленной в международных договорах, способствовало консервации социального облика микрорегиона. На консервативность в Новгородской земле той модели, которая зафиксирована в Робичицах, Буйцах и Лопастичах, указывает и существование уже упомянутых польских аналогий XIII–XIV веков.

Таким образом, порядки, существовавшие в Буйцах в XV в., не позволяют трактовать грамоту князя Мстислава Владимировича как пожалование в вотчину значительной территории с полным судебно-податным иммунитетом. Возможно, дальнейшее изучение историко-географического материала позволит уточнить, на какую территорию простирался объем прав, определяемых как кормление или весьма сходная с ним форма владения, а на какую распространялось вотчинное право (если таковое вообще имело место). Отправной точкой такого исследования может стать наблюдение о

⁶⁷ Чернов 2007: 247–259.

чересполосном расположении земель Буйцов и Лопастец. Дело в том, что Аркажский монастырь был основан спустя четверть века после пожалования Юрьеву монастырю Буйцов, в 1153 г., а значит у него те или иные права на здешние земли возникли заведомо позднее, чем у Юрьева монастыря. И несмотря на это, буюцкие земли располагаются не компактно, а разделены землями волости Лопастецы. Данное обстоятельство позволяет предполагать различные варианты происхождения сложной конфигурации юрьевских владений, однако сейчас выбор между ними сделать невозможно. В значительной степени прояснению этого вопроса будет способствовать исследование другого сюжета — о том, с каких земель в Буйцах и Лопастецах шла черная куна Литве по новгородско-литовским соглашениям XV в. и, вообще, что такое «чернокунство».

* * *

В источниках XII–XIII вв. куны называются «черными», когда необходимо подчеркнуть, что речь идет о пушнине, а не о деньгах — просто «кунах»⁶⁸. На это указывает контекст упоминаний в источниках, например: «А у Торопчи урока 40 грив(ен) и 15 лисиць, и 10 черных кун, невод, тре[...]ица, бредник, трои сани рыбы, полавачник, две скатерти, три убрусы, берковеск меду»⁶⁹ (запись «А се погородие» комплекса документов Смоленской епархии)⁷⁰; «На Городьцькем погород(ье): дани 30 гр(и)вн бежицкая, църных кун 40, меду 3 берковьске, яловице 3, дару 2 гривьне, децькым... (гри)вне, польти 2, г(ърнь)ць масла, сани, 2 попон(е), 2 меха, 2 клетища» (новгородская берестяная грамота № 718)⁷¹. В новгородской берестяной грамоте № 2 (стратиграфическая дата — 1340–1380-е гг.) куницы и белки (белы) — основная форма платежей с ряда лиц и селений. Присутствие в том же перечне белой

⁶⁸ Темушев 2010: 326–329.

⁶⁹ Древнерусские княжеские уставы 1976: 146

⁷⁰ Я.Н. Шапов датирует запись концом XII – первой половиной XIII в. (Шапов 1972: 146); Л.В. Алексеев — 1210-ми годами (Алексеев 1980: 23–24); В.Л. Янин считает возможной датировку временем, близким к середине – третьей четверти XII в. (Янин 1998б: 42–45).

⁷¹ Янин, Зализняк 2000: 16–18. Датирована первым сорокалетием XIII в.

росомахи убеждает, что речь идет не о деньгах. Упоминание «дара» позволяет трактовать эти платежи как разновидность дани. При этом большинство «чернокунцев» грамоты выплачивает по две куницы, что соответствует и норме новгородско-литовских соглашений XV века⁷².

Безусловно, превратившись в разновидность рентного сбора, черная куна могла конвертироваться и в денежный эквивалент, однако само название подразумевает, что первоначально с чернокунцев собирались «куницы шерстью». «Запись о Ржевской дани» 1479 г. устанавливает денежный эквивалент «белкам шерстью», взимаемых с некоторых «жеребьев»⁷³. Новгородско-литовские грамоты свидетельствуют, что в XV в. практиковалась и та, и другая форма, но в Буйцах и Лопастичах сбор указан именно в натуральной форме: куницами и белками⁷⁴.

Обращает на себя внимание, что в Молвотицах и Кунско, плативших черную куну деньгами, петровщина ровно вдвое меньше черной куны (в денежном эквиваленте). Предположив, что та же пропорция существовала в волостях, плативших по общей норме с чернокунца (две куницы и две белы), мы можем оценить количество чернокунцев в Лубоково и Заклинье — одной из волостей чернокунства, для которой указана еще и петровщина — также пушнина (40 бел). Очевидно, что стоимость меха куницы не менее чем вдвое превышала цену белки, а число чернокунцев может быть выражено только натуральными числами. Нехитрое арифметическое уравнение с этими условиями⁷⁵ позволяет рассчитать, что в Лубоково и Заклинье находилось максимум 13 чернокунцев (тогда куница и белка соотносятся по стоимости как 2:1), но более вероятным является еще меньшее количество чернокунцев. Ясно, что чернокунцы составляли лишь небольшую часть податного населения.

Для Буйцов и Лопастич максимальное количество чернокунцев можно смоделировать другим способом: путем вычисления

⁷² Янин 1986: 220–221; Зализняк 1995: 523–524.

⁷³ АЗР 1846: 88, 91.

⁷⁴ ГВНП 1949: № 63, 70, 77.

⁷⁵ $N = (40b \times 2) / (2k + 2b)$, где N — число чернокунцев, числитель — предполагаемая сумма черной куны (удвоенная петровщина), знаменатель — норма платежа с одного чернокунца (k — куницы, b — белки).

предельно возможной численности популяции куницы в этих волостях. Известно, что лесная куница живет оседло, используя достаточно обширные участки (прежде всего — ельники всех типов), неблагоприятное влияние на населенность оказывает распаханность и фрагментирование лесных массивов⁷⁶. Она ведет одиночный образ жизни, пары образуются только в сезон размножения. Площадь участка обитания куницы определяется, в первую очередь, состоянием кормовой базы (обилие мелких млекопитающих, птиц, растительных кормов). В Псковской области, по современной статистике, средний размер участка оценивается в 900 га лесных угодий (от 300 до 3000 га)⁷⁷, для Центрально-Лесного заповедника в Тверской области — от 600 до 2200 га⁷⁸, однако участки самца и самки могут пересекаться и частично совпадать. Реальная плотность для Псковской области колеблется от 0,7 до 1,1 куницы на 1000 га. По другим данным, в начале промыслового сезона в 1967–1975 гг. плотность населения лесной куницы в Смоленской, Псковской, Калининской областях колебалась от 1,1 до 1,5 зверька на 1000 га⁷⁹.

Исследователи отмечают, что если популяции кунных охраняются или эксплуатируются незначительно, то стабильное состояние их численности характеризует заполнение экологической емкости⁸⁰. Поэтому, ориентируясь на фактическую плотность населения лесной куницы на современных охраняемых территориях, можно оценить и предельно возможную численность популяции в соответствующем регионе. Плотность современной популяции куницы в Центрально-Лесном государственном природном биосферном заповеднике (от границ микрорегиона он удален на 45 км к востоку-юго-востоку) составляет 2,1 зверька на 1000 га лесных угодий⁸¹. Допуская, что кормовая база лесной куницы в XV в. была

⁷⁶ По подсчету белорусских исследователей, детерминация обилия лесной куницы лесопокрывной площадью и сложностью структуры лесных массивов составляет около 98% (Куньи в Беларуси: 75). Сходные наблюдения: (Данилов, Туманов 1976: 131; Граков 1981: 82–86).

⁷⁷ Данилов, Туманов 1976: 133.

⁷⁸ Кончиц 1935.

⁷⁹ Граков 1981: 25.

⁸⁰ Куньи в Беларуси 1997: 17.

⁸¹ Динамика явлений 2011: 216.

несколько богаче современной, для дальнейших расчетов по территории волостей Буйцы и Лопастницы мы примем как предельное значение, обусловленное биологией вида, плотность в 2,5 зверька на 1000 га лесных угодий.

Площадь территории волостей достаточно точно установлена — 240 кв. км в Буйцах и 290 кв. км в Лопастницах. Точно рассчитать площадь лесных угодий, естественно, невозможно, однако примерная площадь пашни, приходившаяся на обжу в XVI в., составляла 15 га в трех полях. По «старому письму» в Буйцах насчитывалось 226 обож, в Лопастницах — 173 обжи. Соответственно, территория обитания куницы в волостях может быть оценена примерно в 205 и 265 кв. км, и при заданной максимальной плотности популяция куницы в Буйцах составляла не более 51 особи, в Лопастницах — не более 66.

Ясно, что объем сезонного промысла, при котором сохраняется возможность воспроизводства вида, составляет значительно меньше 100% численности популяции. Рекомендуемые нормы промысла лесной куницы, выработанные наукой на основе изучения половозрастного состава популяций лесной куницы, плодовитости самок и других биологических показателей, составляют от 30% до 56% от предпромысловой численности — при оптимальных условиях обитания⁸². По статистике Новгородской и Псковской областей 1960–1970-х гг., на практике к концу промыслового сезона плотность куницы снижается в 2–2,5 раза — вероятно, это предельно возможные масштабы промысла⁸³. Опираясь на эти цифры, получаем, что в Буйцах добывать ежегодно могли до 31 шкурки, в Лопастницах — до 40. Это «потолок», обусловленный ресурсной базой данных волостей.

Таким образом, в Буйцах черную куну Литве могли отдавать максимум 15–16 чернокунцев, в Лопастницах — не более 20. Известно, добывалась ли здесь пушнина помимо «черной куны», но если добывалась, то чернокунцев в волостях должно было быть еще меньше — иначе деятельность охотников вела к перепромыслу и резкому сокращению популяции лесной куницы. Получается, что в Буйцах и Лопастницах черную куну, так же как и в Лубоково

⁸² Граков 1969: 3–18.

⁸³ Данилов, Туманов 1976: 131.

и Заклинье, не могло платить все население волостей — в силу ограниченности ресурсов пушнины.

Об адекватности предлагаемого алгоритма расчета свидетельствуют результаты его применения для расчета ресурсной базы в волостях, где по новгородско-литовским соглашениям известен общий размер «черной куны» (см. Табл. 1).

Таблица 1

ВОЗМОЖНОСТИ РЕСУРСНОЙ БАЗЫ И ОБЩИЙ РАЗМЕР
ВЫПЛАТ «ЧЕРНОЙ КУНОЙ» В ВОЛОСТЯХ ЧЕРНОКУНСТВА.

	Площадь территории (кв. км)	Число обож «старого письма»	Площадь лесных уго- дий (кв. км)	Популяция куниц	Охотничья добыча	Черная куна за выче- том «брака»	Число куниц по согла- шениям XV в.
Березовец	407	282	364,7	91	55	49	30
Стерж	410	216	377,6	94	57	51	30
Морева	536	491	462,4	116	69	62	40
Жабенский	1950	749	1837,7	459	276	248	20

Как видим, в Березовце, Стерже и Мореве смоделированный максимум черной куны четко коррелирует с размером черной куны по соглашениям, причем наш расчет закономерно превышает зафиксированные нормы во всех волостях. Это может говорить либо о том, что реальная добыча куницы здесь была несколько ниже расчетной (напомню, алгоритм расчета исходит из оптимистической оценки параметров, то есть скорее преувеличивает, чем преуменьшает возможности ресурсной базы), либо о том, что реальная добыча шла не только на уплату подати Литве. Но в обоих случаях мы видим лимитированность «выхода» пушнины, зафиксированного в соглашениях, ресурсной базой соответствующих территорий.

Поскольку черная куна поступала в Литву, уместно сопоставление этого феномена с практиками налогообложения Великого княжества Литовского. Здесь известна категория сельского населения, для которого главной службой являлся платеж куницами. Они назывались «куничниками», их земли «куничными»⁸⁴. Норма платежей различалась в разных регионах, но колебалась в основном между одной и тремя куницами, что сопоставимо с нормой новгородско-литовских соглашений в Буйцах, Лопастичах и на других территориях.

Для понимания того, что за население обозначалось как «чернокунцы» в Буйцах и Лопастичах, взглянем шире на этот феномен новгородско-литовских соглашений XV в.⁸⁵ Конечно, он требует специального исследования, но некоторые наблюдения можно сделать уже сейчас.

Во-первых, для чернокунских земель характерна специфическая организация населения. Текст соглашений противопоставляет посещение тиуном с 15-ю слугами чернокунцев и перевар. Если посещение чернокунцев естественно связать с волостями, где действовала норма сбора с одного чернокунца, то перевары следует искать в тех волостях, где указана общая сумма черной куны, тем более, что фраза соглашений «а пиво с перевары, а мед сытити по силе» замыкает как раз тот раздел, где перечислены все эти волости. Согласно писцовому описанию, в Березовце находилось 35 перевар (о них известно только из итогов, соотнесение их с группами деревень пока не проводилось)⁸⁶. В Мореве писцовая книга фиксирует деление на «десятки». Новейшие исследования десятичной системы в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси свидетельствуют, что это элемент организационной структуры княжеского, прежде всего, хозяйства, включавшего так называемые «служебные организации»⁸⁷. Определенной спецификой обладает и деление владычной волости Жабна (помимо ближайшей округи погоста здесь в 1490-е гг. находилось несколько «концов»)⁸⁸, трактовка которого требует, на мой

⁸⁴ Любавский 1892: 340–341.

⁸⁵ ГВНП 1949: № 63, 70, 77.

⁸⁶ НПК 1859: 651.

⁸⁷ Кучкин 2004: 171–251.

⁸⁸ НПК 1859: 612–629.

взгляд, дополнительного анализа историко-географических сведений источников⁸⁹.

Во-вторых, мы видим изначально промысловый характер этого явления. Только в наиболее удаленных от Литвы Молвотицах и Куньско (локализация последней волости спорна⁹⁰) в первой половине XV в. черная куна оценена в денежном эквиваленте. Волость Березовец сочетает и натуральную и денежную форму сбора. Однако уже во второй половине XV в. размер выplat черной куны пушниной сокращается. Волость Березовец вовсе исчезает из проекта соглашения 1471 г., что может быть связано с превращением ее в вотчину Марфы Исаковой Борецкой⁹¹. В писцовом описании волости Морева в итогах упомянута черная куна, но оценена она уже не в куницах и белках, а в денежном выражении⁹². Вместе с тем, акцент на промыслах в Мореве и Березовце сохраняется и по писцовой книге: в первой доход в пользу великого князя (после князя Федора Бельского) с каждого «десятка» включал мед. В волости Березовец писцовая книга упоминает о плате тиуну «въезджщого», подробно описывает регламент ловли на князя (Ивана Юрьевича Патрикеева, получившего эту волость в кормление после конфискации у М. Борецкой) и на его тиуна рыбы (для Селигера специализация прибрежных хозяйств на рыбной ловле более чем предсказуема).

В-третьих, есть основания предполагать, что в тех волостях, где черную куну платили перевары, в Литву уходила лишь часть ее. В Мореве, согласно писцовому описанию, черная куна со-

⁸⁹ Пристальное внимание этому феномену уделил В.А. Буров (Буров 1994). Однако, трактовка «концов» волости как феномена, однотипного с кончанской организацией Новгорода, представляется спорной. Не вдаваясь здесь в детали анализа сведений источников, отмечу лишь, что ближе к истине, на мой взгляд, был А.В. Куза, который отметил, что структура волости Жабна сложилась, по-видимому, не в результате объединения семи или восьми общин-концов, а в ходе расщепления некогда компактного ядра. «В концы, вероятно, формировались группы деревень, имевшие общее происхождение. Однако центростремительные силы среди них начинают действовать с появлением погоста, сосредоточившего в себе административно-хозяйственную деятельность» (Куза 1978: 289).

⁹⁰ Фролов 2002.

⁹¹ Янин 1998: 6.

⁹² НПК 1862: 735.

ставляла сумму 16,5 рубля, что в несколько раз превышает размер выплат в Литву мехом по стоимости. Следовательно, в период действия новгородско-литовских соглашений часть черной куны доставалась, вероятно, Новгороду, хотя о выплатах пушной можно говорить только применительно к литовской доле.

Связь черной куны с княжеским хозяйством и аналогии со службами «куничников» в Литве, особенности организации населения, изначальная связь с промысловой деятельностью, раздел дохода с перевары (вероятно, в силу невозможности разделить «перевару») позволяют трактовать феномен чернокунства новгородско-литовских соглашений как остатки «служебной организации». «Служебная организация» исследована на материалах Польши, Чехии, Северо-Восточной Руси, где она предшествовала широкому распространению вотчинного землевладения с середины XIV века⁹³.

В.А. Егоров предпринял попытку выделить среди земель, описанных в писцовой книге, те земли, которые могли платить в Литву черную куну. Он обратил внимание на формулировки, использованные составителем книги для характеристики статуса земель, переданных в Лопастичах А.М. Чирикову (здесь не указано, что старым владельцем был Аркажский монастырь), и старого дохода, шедшего великому князю *после монастыря* в Буйцах⁹⁴ (подразумевая, что остальные земли в волости платили великому князю не *после монастыря*). Следует признать, что данные формулировки, действительно, нестандартны, однако на этом основании было бы преждевременно выделять земли, платившие Литве.

Дело в том, что в обеих волостях в итогах «старого письма» с волости фигурируют еще и нестандартные единицы обложения: в Лопастичах — «дым», в Буйцах — «куница», причем в последнем случае платежи исчисляются в грошах — явные признаки связи с литовскими порядками. Но с другой стороны, эти единицы обложения из итогов «старого письма» не соотносятся напрямую с конкретными селениями и вообще не ясно, относится ли этот старый доход ко всей волости или только к ее части. Решение данной

⁹³ Флоря 1987; Флоря 1992; Чернов 2005.

⁹⁴ НПК 1862: 824.

проблемы необходимо для дальнейшего исследования феномена чернокунства на южном пограничье Новгородской земли, однако она должна рассматриваться в несколько более широком контексте: в пределах Новгородской земли существует порядка двух десятков волостей и волосток, принадлежавших по «старому письму» новгородскому владыке или монастырям-магистратам, где употреблялись нестандартные единицы обложения. Так же, как и в Буйцах и Лопастичах, формуляр писцовых книг имеет здесь свою специфику и так же неясно, к какой части владения итоги «старого письма» относятся. Поэтому в ближайшей перспективе исследование феномена чернокунства потребует ответа на вопрос, каким было назначение этой системы «нестандартного обложения» и каким образом феномен вписывался в административную систему волостей, записанных в «старом письме» писцовых книг за архиепископом и монастырями-магистратами.

* * *

Итак, историко-географический анализ комплекса исторических источников по Буйцам и Лопастичам позволяет проследить развитие различных территориальных структур микрорегиона и, посредством этого, более предметно подойти к решению дискутируемых в историографии вопросов. Прежде всего, достаточно точно удастся установить объем земель этих двух волостей в конце XV–XVII вв. и, соответственно, проследить динамику территориальных изменений. Особенностью структуры волости Буйцы является наличие одного или двух анклавных участков, отделенных от основной территории лопастичскими землями. Чересполосица земельных владений одновременно является здесь и чересполосицей территорий двух административных округов. Выдающейся чертой географии микрорегиона является нахождение на гребне водораздела рек бассейна оз. Ильмень, Западнодвинского и Волжского речных бассейнов. Анализ преобладающих здесь ландшафтов обнаруживает привлекательность буецких и лопастичских земель для земледельческого населения — в отношении как качества почв, так и микроклимата.

Известно, что селения здесь группировались вокруг крупных озер, образуя «гнезда». Реконструкция системы средневекового

расселения по писцовым описаниям и древнейшим картам в силу специфики средневековой документации далека от полноты. Однако, достигнутый результат позволяет исследовать пространственные изменения землевладельческой структуры микрорегиона. Чрезвычайно важным представляется вывод о том, что при разделе земель между потомками первых помещиков, получивших волости Буйцы (род Языковых) и Лопастницы (род князей Шаховских) после новгородских монастырей, у большинства этих потомков оказались земли в каждом из «гнезд» деревень, обозначенных по одному озеру. По-видимому, возможности землевладельцев были ограничены здесь договорными отношениями прежнего владельца, монастыря, со всей крестьянской общиной, которая населяла «гнездо» деревень, обозначенное по озеру. Изначально же, в конце XV в. и первые десятилетия XVI в., помещики делили не земли волости, а лишь доход с нее.

Поскольку в волостях Буйцы и Лопастницы ответственность по платежам в пользу помещика нес, вероятно, крестьянский коллектив, населявший «гнездо» деревень, то в писцовой документации конкретные названия деревень отражения не нашли. Таким образом объясняется происхождение загадочной системы описания селений в Буйцах и Лопастницах в древнейшей писцовой книге.

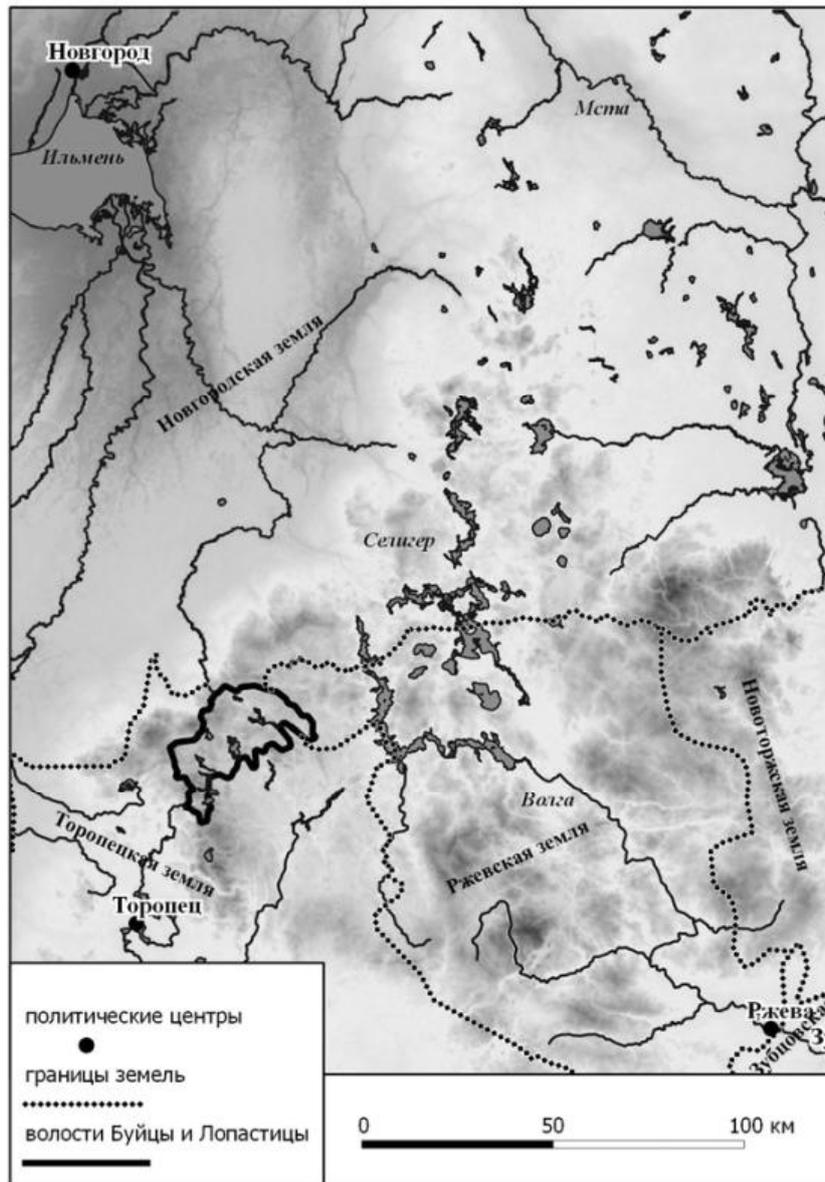
Порядки, существовавшие в исследуемых волостях в XV в., не позволяют считать эти земли Юрьева и Аркажского монастыря обычными вотчинами. Гораздо больше здесь черт кормления, однако нельзя исключать, что на различных территориях монастыри пользовались различным объемом прав. Установить связь конкретных частей волостных территорий с определенными режимами юрисдикции пока не удалось, но к решению этой задачи приближает исследование вопроса о том, что такое «чернокунство». Этот феномен трактуется как остатки «служебной организации», включавшей очень небольшое количество хозяйств, плативших подати пушниной в казну великого князя Литовского. Возможно, в дальнейшем удастся локализовать эти хозяйства и соотнести их расположение с уже выявленными особенностями волостной и владельческой структуры XV века.

Такое соотнесение не может быть механическим, оно требует решения прежде некоторых вопросов, в основном историко-географических и источниковедческих. В первую очередь, необхо-

димо добиться большей ясности в представлениях о феномене чернокунства как таковом — по данным новгородско-литовских соглашений XV в. и новгородско-писцовых книг рубежа XV – XVI вв. Во-вторых, требуется выяснить, каким образом феномен чернокунства функционировал в рамках системы государственно-корпоративного землевладения новгородского владыки и монастырей-магистратов, какие особенности этой системы отражены в новгородских писцовых книгах рубежа XV–XVI вв. и как эти особенности могут характеризовать феномен чернокунства.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Илл. 1. Волости Буйцы и Лопатицы на карте новгородско-литовского пограничья конца XV века.
- Илл. 2. Границы волостей Буйцы и Лопатицы в сер. 1490-х – сер. 1560-х гг.
- Илл. 3. «Опричные» изменения границ волостей Буйцы и Лопатицы (сер. 1560-х гг.)
- Илл. 4. Волостная принадлежность земель микрорегиона по писцовым книгам 1620-х гг.
- Илл. 5. Волостная принадлежность земельных дач Генерального межевания 1770–1780-х гг. в микрорегионе
- Илл. 6. География землевладения в волости Буйцы по писцовой и межевой книгам Холмского уезда 1627–1629 гг.
- Илл. 7. География землевладения в волости Лопатицы по писцовой и межевой книгам Холмского уезда 1627–1629 гг.
- Илл. 8. География землевладения в волости Буйцы в сер. XVI в.
- Илл. 9. География землевладения в волости Лопатицы в сер. XVI в. и топонимы южной части волости, упомянутые в книге конца XV в. в поместьях А.М. Чирикова и И.И. Зеленого.

Илл. 1
 Волости Буйцы и Лопастицы
 на карте новгородско-литовского пограничья кон. XV в.

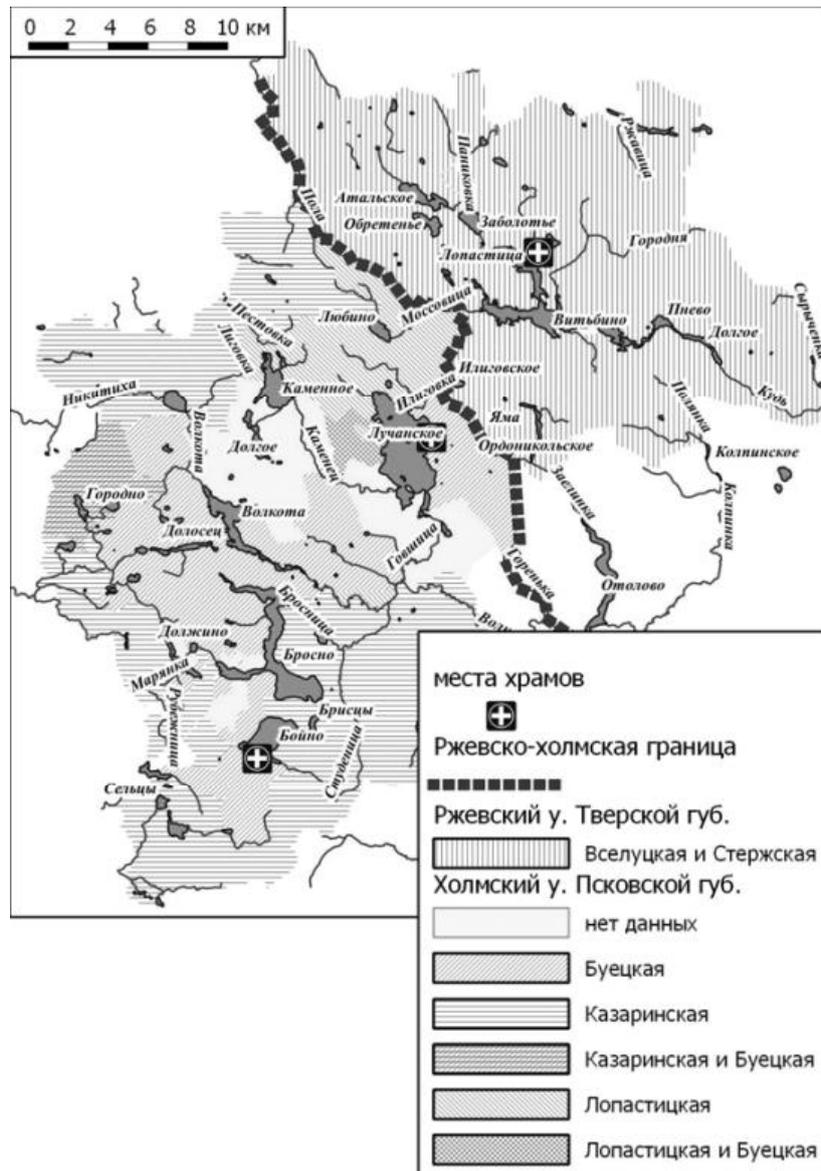
Илл. 2
Границы волостей Буйцы и Лопастыцы
в сер. 1490-х – сер. 1560-х гг.

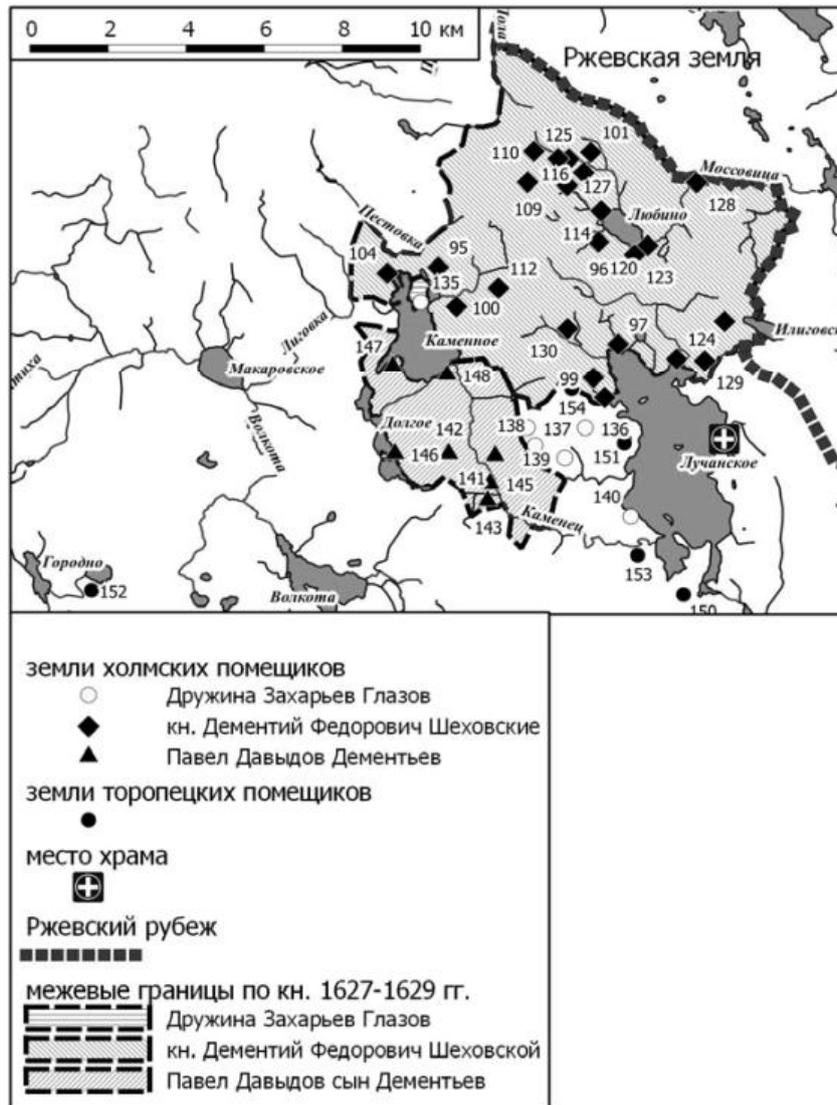
Илл. 3
«Опричные» изменения границ волостей Буйцы и Лопастичи
(сер. 1560-х гг.).

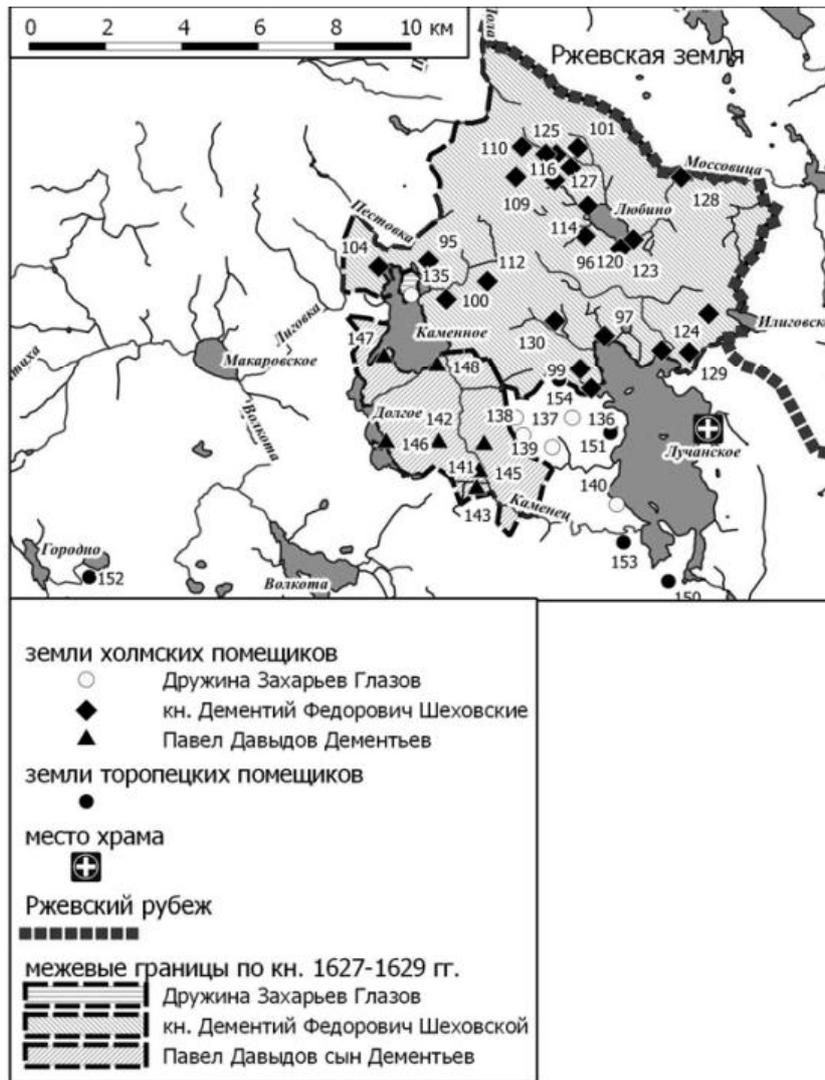
Илл. 4
Волостная принадлежность земель микрорегиона
по писцовым книгам 1620-х гг.

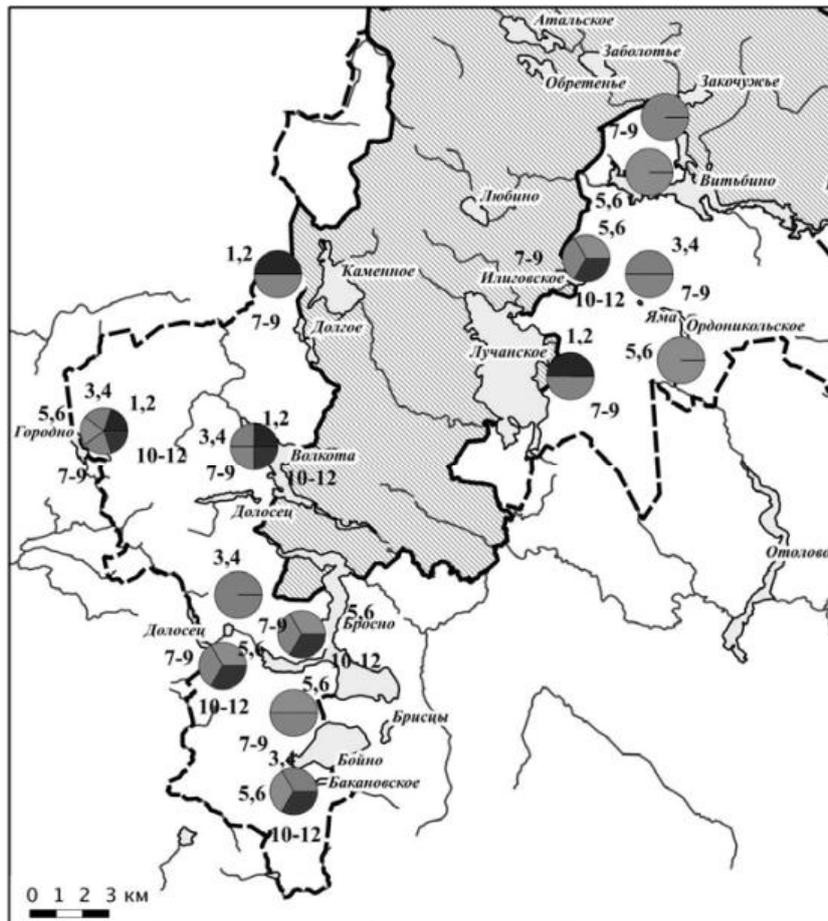
Илл. 5
 Волостная принадлежность земельных дач Генерального межевания
 1770–1780-х гг. в микрорегионе.

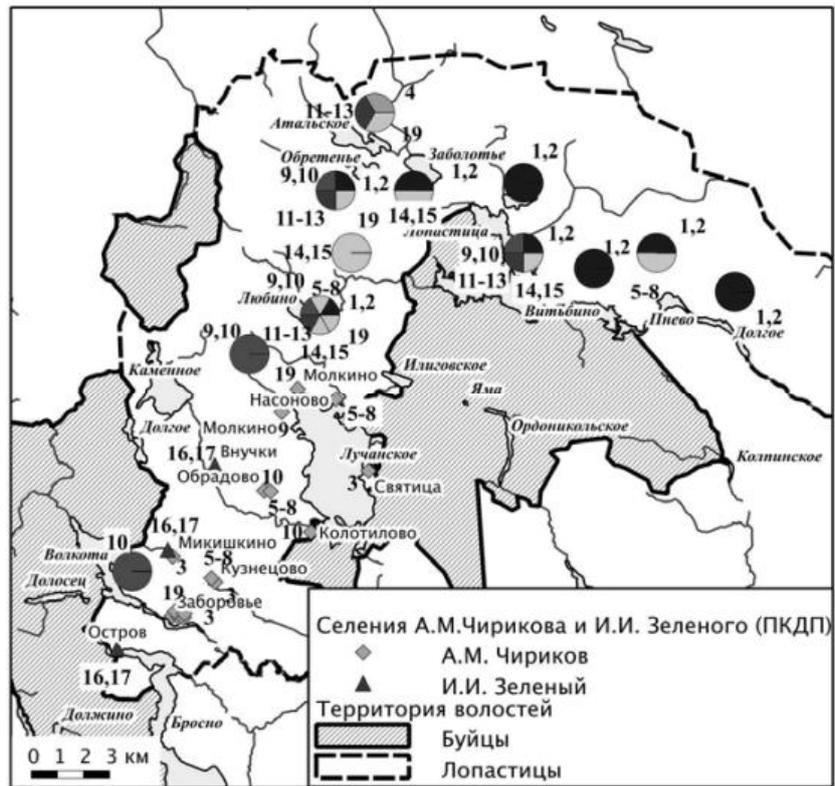
Илл. 6
 География землевладения в волости Буйцы
 по писцовой и межевой книгам Холмского уезда 1627–1629 гг.

Илл. 7
География землевладения в волости Лопастицы
по писцовой и межевой книгам Холмского уезда 1627–1629 гг.

Илл. 8
География землевладения в волости Буйцы в сер. XVI в.

Илл. 9

География землевладения в волости Лопастницы в сер. XVI в. и топонимы южной части волости, упомянутые в книге конца XV в. в поместьях А.М. Чирикова и И.И. Зеленого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аграрная история 1971 — Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971.
- АЗР 1846 — Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. 1.
- Алексеев 1980 — *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980.
- Археологическая карта 2012 — Археологическая карта России. Тверская область. М., 2012. Ч. 4: Бологовский, Осташковский, Пеновский, Удомельский, Фировский районы / Ред. А.В. Кашкин.
- Арциховский, Борковский 1958 — *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (1953–1954 гг.). М., 1958.
- Базилевич 1952 — *Базилевич К.В.* Новгородские помещики из послужильцев в конце XV века // Исторические записки. М., 1952. Т. 14. С. 62–80.
- Баранов 2000 — *Баранов К.В.* Новые сведения о первых писцовых описаниях Новгородской земли // Очерки феодальной России / Ред. С.Н. Кистерев. М., 2000. Вып. 4. С. 85–97.
- Бернадский 1961 — *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.
- Буров 1994 — *Буров В.А.* «А погост Жабна пуст...». М., 1994.
- Витов 1962 — *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. М., 1962.
- Витов, Власова 1974 — *Витов М.В., Власова И.В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М., 1974.
- Галахов 1949 — *Галахов Н.Н.* Влияние местных географических условий на климат // Северо-Запад РСФСР: физико-географическое описание. М.; Л. 1949. С. 78–82.
- ГВНП 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Гиппиус 2008 — *Гиппиус А.А.* Загадки Мстиславовой грамоты // *Miscellanea Slavica*. Сб. статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского / Сост. Ф.Б. Успенский. М., 2008. С. 109–129.
- Гневушев 1915 — *Гневушев А.М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. Т. I. Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495–1505 гг. Ч. 1.
- Граков 1969 — *Граков Н.Н.* Половая, возрастная структура и прирост популяции лесной куницы // Труды ВНИИ животного сырья и пуш-

- нины. 1969. Вып. 22. Вопросы экологии промысловых животных. С. 3–18.
- Граков 1981 — *Граков Н.Н.* Лесная куница. М., 1981.
- Греков 1929 — *Греков Б.Д.* Революция в Новгороде Великом в XII веке // Ученые записки Института истории РАН ИОН. М., 1929. Т. 4. С. 13–21.
- Данилов, Туманов 1976 — *Данилов П.И., Туманов И.Л.* Куницы Северо-Запада СССР. Л., 1976.
- Данилова 1955 — *Данилова Л.В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955.
- Динамика явлений 2011 — Динамика явлений и процессов в природном комплексе заповедника. Летопись природы. 2010 г. Пос. Заповедный, 2011. Кн. 50. — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.clgz.ru/page.php?al=sci_lp, дата обращения — 20.01.2014).
- Дорофеев 1992 — *Дорофеев А.А.* Физико-географические районы Тверской области и их природоохранная характеристика // Экологические проблемы природопользования / Отв. ред. А.Ю. Щербаков. Тверь, 1992. С. 86–106.
- Древнерусские княжеские уставы 1976 — Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Подг. Я.Н. Шапов. М., 1976.
- Егоров 1917 — *Егоров В.А.* Новое исследование новгородских писцовых книг // ЖМНП. 1917. Ч. 71. № 9. С. 89–107.
- Еремеев, Дзюба 2010 — *Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки: археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб., 2010 (Труды ИИМК. Т. XXXIII).
- Зализняк 1995 — *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зенченко 2012 — *Зенченко М.Ю.* «...Хотят татарове тамги и десятины» (по поводу спорности бесспорных мнений о «татарском наследии» на Руси) // Одиссей: Человек в истории. 2010 / 2011: Школа и образование в Средние века и Новое время. М., 2012. С. 487–502.
- Каштанов 1988 — *Каштанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988.
- Каштанов 1999 — *Каштанов С.М.* Жалованные акты на Руси XII–XIV вв. // Средневековая Русь / Отв. ред. А.А. Горский. М., 1999. Вып. 2. С. 21–45.
- Кобрин 1985 — *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985.

- Куза 1978 — *Куза А.В.* [Рец.]: Русский город: (Историко-методологический сборник). М., 1976 // Советская археология. 1978. № 4. С. 288–291.
- Куньи в Беларуси — *Куньи в Беларуси: Эволюционная биология, демография и биоценотические связи* / Науч. ред. В.Е. Сидорович. Минск, 1997.
- Кучкин 1984 — *Кучкин В.А.* Межевание 1483 г. и вопрос о древней новгородско-смоленской границе // Новгородский исторический сборник / Отв. ред. В.Л. Янин. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 165–176.
- Кучкин 2004 — *Кучкин В.А.* Десятские средневековой Руси // Средневековая Русь / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2004. Вып. 4. С. 171–251.
- Любавский 1892 — *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания Первого литовского статута. М., 1892.
- Московский летописный свод 2004 — *Московский летописный свод конца XV в.* М., 2004 (ПСРЛ. Т. XXV).
- Назаров 1986 — *Назаров В.Д.* Из истории землевладения и хозяйства монастырей Новгорода в XV в. (к особенностям новгородской социальной структуры) // Аграрный строй в феодальной России. XV – начало XVIII в. М., 1986. С. 26–54.
- Носов 1994 — *Носов Е.Н.* Новгородская волость Буйцы: историко-археологический комментарий // Вспомогательные исторические дисциплины / Отв. ред. В.А. Шишкин. СПб., 1994. Т. XXV. С. 41–56.
- НПК 1859 — Новгородские писцовые книги. СПб., 1859. Т. I. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. Первая половина.
- НПК 1862 — Новгородские писцовые книги. СПб., 1862. Т. II. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. Вторая половина.
- НПК 1868 — Новгородские писцовые книги. СПб., 1868. Т. III. Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 года. Первая половина.
- Писцовые книги 1930 — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 1–56.
- ПКНЗ 1999 — Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 2.
- ПКНЗ 2004а — Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004. Т. 4.
- ПКНЗ 2004б — Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004. Т. 5.
- Платонова 2012 — *Платонова Н.И.* Древнерусские погосты — новая старая проблема // ДГ. 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древ-

- нерусского государства / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012. С. 328–388.
- Пресняков 1909 — *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII ст. СПб., 1909.
- ПСРЛ 1949 — Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. XXV.
- Сб. РИО 1882 — Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35.
- Свердлов 1983 — *Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
- Тараканова-Белкина 1939 — *Тараканова-Белкина С.А.* Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939.
- Темушев 2010 — *Темушев С.Н.* Опыт прочтения летописного известия о дани восточных славян хазарам // *Працы гістарычнага факультэта БДУ. Мінск, 2010. Навук. зб. Вып. 5. С. 324–332.*
- Флоря 1987 — *Флоря Б.Н.* «Служебная организация» у восточных славян // *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 142–150.*
- Флоря 1990 — *Флоря Б.Н.* Из комментария к рядной крестьян Робичинской волости с Юрьевым монастырем // *Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Новосибирск, 1990. С. 326–329.*
- Флоря 1992 — *Флоря Б.Н.* «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // *Отечественная история. 1992. № 2. С. 56–74.*
- Фролов 2002 — *Фролов А.А.* Изменения в численности и составе погостов и волостей Деревской пятины во второй половине XV века // *Вестник Московского университета. 2002. № 1. С. 61–75.*
- Фролов 2004 — *Фролов А.А.* Конфискации вотчин новгородского владыки и монастырей в последней четверти XV века // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 54–62.*
- Фролов 2008 — *Фролов А.А.* Дополнительные возможности использования материалов Генерального межевания для изучения исторических ландшафтов русского Средневековья // *Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М., 2008. С. 363–372.*
- Фролов 2010 — *Фролов А.А.* Источники ретроспективной информации писцовой книги новгородской Деревской пятины конца XV в. (све-

- дения о доходах) // Очерки феодальной России / Ред. С.Н. Кистерев. М.; СПб., 2010. Вып. 14. С. 227–262.
- Фролов 2012 — *Фролов А.А.* Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2012. Т. 1. С. 110–154.
- Фролов 2013 — *Фролов А.А.* Волости Буйцы и Лопастыцы: опыт соотнесения топонимов обыскной книги 1562 г. со сведениями письма 1495–1496 гг. и проблема «домосковского» земельного кадастра // Очерки феодальной России / Ред. С.Н. Кистерев. М.; СПб., 2013. Вып. 16. С. 153–201.
- Фролов, Пиотух 2008 — *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 гг.). М.; СПб., 2008. Т. 1–3.
- Фроянов 1974 — *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: очерки по социально-экономической истории. Л., 1974.
- Фроянов 2010 — *Фроянов И.Я.* Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб., 2010.
- Черепнин 1951 — *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы. М., 1951. Ч. 2.
- Черепнин 1969 — *Черепнин Л.В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
- Чернов 2005 — *Чернов С.З.* Домен московских князей в городских стенах. 1271–1505 годы. М., 2005.
- Чернов 2007 — *Чернов С.З.* Микрорегиональные исследования исторических территорий средневековой Руси: Новые возможности, проблемы, перспективы // Средневековая Русь / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2007. Вып. 7. С. 247–259.
- Щапов 1972 — *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.
- Щапов 1989 — *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
- Янин 1978 — *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1978.
- Янин 1981 — *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.
- Янин 1991 — *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991.
- Янин 1986 — *Янин В.Л.* Поправки и замечания к чтениям берестяных грамот // *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. Т. VIII. С. 220–251.

Янин 1998а — Янин В.Л. «Я послал тебе бересту...». Изд. 3-е. М., 1998.

Янин 1998б — Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.

Янин 1998в — Янин В.Л. Монастыри средневекового Новгорода в структуре государственных институтов // ПОЛУТРОПОН. М., 1998. С. 911–922.

Янин, Зализняк 2000 — Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000. Т. X.

А.Л. ГРЯЗНОВ

РОДОВОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ КНЯЗЕЙ ШЕЛЕСПАЛЬСКИХ В XV–XVI ВЕКАХ

Аннотация: Статья посвящена анализу актов XVI в., относящихся к родовому землевладению князей Шелеспальских. На основе локализации топонимов, упоминаемых в документах XV–XVIII вв. реконструируются границы вотчин князей Шелеспальских и их история. В свою очередь это дает достоверный материал и проверенную методику для сравнительного изучения родового землевладения других княжеских родов Северо-Восточной Руси.

Ключевые слова: феодализм, землевладение, княжество, удел, князья, акты.

Наследственные земельные владения — один из неотъемлемых атрибутов элиты Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Важность этого социально-экономического института выразилась, в том числе, и в особом юридическом статусе родовых вотчин. В отечественной историографии делались неоднократные попытки выяснить смысл законодательных новелл середины – второй половины XVI в., касающихся родовых княжеских вотчин. Однако очевидно, что более адекватная оценка как направления эволюции родового землевладения, так и предполагаемых законодателем последствий его регулирования возможна только при более тщательной реконструкции истории конкретных земельных владений наибольшего числа феодальных семейств. Применительно к реалиям Северо-Восточной Руси самые достоверные результаты достижимы в сфере реконструкции родового княжеского землевладения. Связано это, в первую очередь, с двумя определяющими факторами — наличием для большинства княжеских династий сравнительно полных родословных росписей и надежной

связью княжеских фамилий с соответствующими волостями в пределах их бывших уделов. Именно в установлении таких характеристик, как время возникновения, размер, логика и возможные направления эволюции родовых вотчин для наибольшего количества княжеских фамилий по единой методике, видится наиболее перспективное направление изучения феодального землевладения в настоящее время.

Князья Шелешпальские, как и большинство других представителей рода Белозерских князей, сохраняли на протяжении XV–XVI вв. земельные владения, образовавшиеся в конце XIV в. в результате дробления Белозерского княжества. Истории этого рода уже была посвящена наша специальная статья, в которой соответствующее место занял и раздел о землевладении¹. Тем не менее, введение в научный оборот новых источников по родовому землевладению Белозерских князей позволяет вновь обратиться к этой теме. Данная работа посвящена землевладению старшей ветви рода, собственно князей Шелешпальских и является историко-географическим комментарием сохранившихся источников XVI века.

Всего в настоящее время нами выявлено более 130 актов по землевладению Белозерских Рюриковичей в XIV–XVI вв., из которых 17 относятся к князьям Шелешпальским. Причем родового землевладения собственно Шелешпальских (то есть старшей ветви рода) касаются только пять актов, а остальные относятся к землевладению князей Угольских. Казалось бы, сравнительно небольшое число актов заставляет усомниться в успешности реконструкции землевладения целого рода. Тем не менее, на наш взгляд, такая возможность существует.

Первые конкретные шаги в этом направлении были сделаны В.А. Кучкиным. Для локализации вотчин Шелешпальских им были привлечены два документа, опубликованных в Актах Юридических². В результате их анализа В.А. Кучкин сделал вывод о наличии двух массивов земель Шелешпальских — с. Никольское Кукобой (на правобережье р. Ухтомы) и у р. Шелекши³.

¹ Грязнов 1998.

² АЮ 1838: № 78, № 147.

³ Кучкин 1984: 311.

Важным представляется то, что было отмечено отсутствие каких-либо документальных подтверждений существования села Шелешпань (о котором писали генеалоги XIX в.) и сделано предположение, что основным владением Шелешпальских было с. Никольское Кукобой.

В тщательно изученной С.М. Каштановым копийной книге Павло-Обнорского монастыря содержится пять актов XVI в. по землевладению князей Шелешпальских. Эти акты были опубликованы в двух работах исследователя⁴. В первой публикации были изданы два акта, относящихся к землевладению младшей ветви Шелешпальских — князей Угольских. Вторая публикация документов предварялась статьей по землевладению Белозерских князей в Пошехонье. Соответствующее внимание в ней было уделено князьям Шелешпальским и их операциям с землями с. Крутое. С.М. Каштанов локализовал упоминаемые в актах топонимы, высказал суждения о географии и эволюции землевладения Шелешпальских.

Казалось бы, что еще можно добавить по такой узкой теме? Однако при более внимательном рассмотрении проблемы оказывается, что она еще далеко не исчерпана.

Актов, которые должны были оседать в архивах Шелешпальских, обнаружить не удалось; видимо, они не сохранились. Два акта начала XVI в. происходят из архивов других фамилий Белозерских князей. Это разъезжая князей Семена Ухтомского и Василия Головина Шелешпальского (1509 г.)⁵ и разъезжая князей Ахметека Согорского и Семена Андреевича Шелешпальского (1518/19 г.)⁶. Обе грамоты отложились в архиве Кирилло-Белозерского монастыря, попав туда в 1560-е гг. вместе с другой владельческой документацией Ухтомских и Согорских. Еще три акта середины XVI в. сохранились в копийной книге Павло-Обнорского монастыря. Это две данных княгини Марии Дябринской (урожденной Шелешпальской) на части ее приданой вотчины — д. Васюково с деревнями (1563/54 г.)⁷ и сц. Крутое с дерев-

⁴ Грамоты 1996; Каштанов 2006.

⁵ АЮ 1838: № 146.

⁶ АЮ 1838: № 147.

⁷ Каштанов 2006: 243–244 (№ 7).

нями (1567/68 г.)⁸ — и одна межевая память ее сына князя А.И. Дябринского на земли, переданные в Павлов монастырь по первой данной княгини Марии (1564 г.)⁹. Еще шесть актов, касающихся родового землевладения Шелешпальских, известны по упоминаниям. Это межевая князей Ивана Головы Андреевича Шелешпальского и Семена Васильевича Ухтомского (между 1495 и 1509 гг.)¹⁰, духовная Ивана Головы Андреевича Шелешпальского (ранее 1509 г.)¹¹, духовная Семена Андреевича Шелешпальского (между 1518 и 1526 гг.)¹², данная князя Семена Шелешпальского в Павло-Обнорский монастырь на с. Инжевар (до 1526 г.)¹³ и закладные княгини Марии Дябринской у Павло-Обнорского монастыря и своего сына Никиты Ивановича Дябринского (до 1568 г.)¹⁴.

Более точная реконструкция состава и географии вотчин, утраченных Шелешпальскими в XVI в., возможна при использовании актов, относящихся к землевладению князей Кемских, некоторое время владевших частью родовых вотчин Шелешпальских. Это купчая князя Ивана Нащоки Кемского на с. Никольское Кукобой у преподобного Корнилия Комельского (1525/26 г.)¹⁵, духовная князя Ивана Нащоки Кемского (1533 г.)¹⁶, межевая между владениями князя Александра Ивановича Нащокина-Кемского и Павло-Обнорского монастыря (1537/38 г.)¹⁷, «память» кирилловских старцев о передаваемых в монастырь деревнях князем Александром Кемским¹⁸ и купчая игумена Кирилло-Белозерского монастыря Матфея у князя А.И. Нащокина-Кемского на с. Никольское Кукобой с деревнями (1556/57 г.)¹⁹. Правая грамота, по которой Иван Нащока выкупил с. Поляниново у Т.Б. Слизнева,

⁸ Каштанов 2006: 245–247 (№ 9).

⁹ Каштанов 2006: 244–245 (№ 8).

¹⁰ АЮ 1838: № 146.

¹¹ Каштанов 2006: 245 (№ 9).

¹² АЮ 1838 № 78.

¹³ Грамоты 1996: 155 (№ 12).

¹⁴ Каштанов 2006: 246 (№ 9).

¹⁵ АЮ 1838: № 78.

¹⁶ ОР РНБ. СПБ ДА. А1/16. Л. 906 об.–914 об.

¹⁷ ОР РНБ. СПБ ДА. А1/17. Л. 197 об.–199.

¹⁸ ОР СПб. ИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 16.

¹⁹ ОР РНБ. СПБ ДА. А1/17. Л. 164–164 об.

упоминается в духовной грамоте Ивана²⁰. О составе вотчины, переданной князем Семеном Ивановичем Шелешпальским в Павло-Обнорский монастырь, известно из великокняжеской жалованной грамоты 1546 г.²¹. В общей сложности можно опираться на сведения 18 актов XVI в., как сохранившихся, так и утраченных.

Какие еще источники, кроме собственно актов, можно привлечь для наиболее точной реконструкции землевладения князей Шелешпальских в XV–XVI вв.? Ни летописи, ни духовные и договорные грамоты князей московского дома не упоминают каких-либо владений Шелешпальских. Вполне естественно обращение к писцовым и переписным книгам Пошехонского уезда XVII в., в которых можно обнаружить описания владений Шелешпальских и на основе этого попытаться реконструировать владения рода в более раннее время. Еще более важными для локализации объектов, упомянутых в письменных источниках, являются сведения, содержащиеся в картографических материалах XVIII–XIX вв. Это Генеральный уездный план по Пошехонскому уезду²², Экономические примечания к Генеральному межеванию по Пошехонскому уезду²³ и Топографическая карта Ярославской губернии, составленная под руководством генерал-майора А.И. Менде²⁴. Одновременное привлечение этих материалов позволяет

²⁰ ОР РНБ. СПб ДА. А1/16. Л. 908 об.

²¹ Грамоты 1996: 155 (№ 12).

²² Пошехонский уезд. Генеральный уездный план. 1792 г. Масштаб 1:42000 (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 6665). При всей ценности, а зачастую и уникальности информации, даваемой материалами Генерального межевания, пользоваться ими желательно только после проверки другими источниками. Поскольку основной целью Генерального межевания была фиксация границ владений, точность нанесения на карту местоположения отдельных селений могла сильно страдать. Особенно это характерно для крупных владений с более чем десятком деревень. В частности, если сравнить местоположение деревень в районе р. Ухтомы с данными более поздних карт (Менде и Генерального штаба), можно выявить следующие неточности: д. Алонино отмечена при впадении в Ухтому речки Людинки (тогда как на самом деле Алонино располагалось северо-западнее); д. Беляевское отмечена на правом берегу ручья, впадающего в Людинку (на самом деле Беляевское расположено на его левом берегу).

²³ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2105.

²⁴ Топографическая межевая карта Ярославской губернии. 1855–1857. Масштаб 1:42000. (РГАДА. Ф. 1357. Оп. 2. Д. 357–381).

добиться высокой степени достоверности при соотнесении топонимов, упоминаемых в источниках XVI–XVII вв., с картами XIX–XX вв., более надежно реконструировать границы вотчин²⁵.

Князья Шелешпальские происходят от второго сына князя Василия Согорского — князя Афанасия, который во всех родословных именуется Шелешпальским. Единственным сыном Афанасия называется Иван, у которого было четверо сыновей. Род продолжили двое старших. От Юрия пошли собственно князья Шелешпальские, а от Дмитрия Судицы — князья Угольские, которые в конце XVI в. вновь стали именоваться Шелешпальскими.

В ранних росписях родословная Шелешпальских доводилась до внуков князя Юрия Ивановича. Наиболее исправные чтения содержатся в Румянцевской редакции родословных книг²⁶. В родословце князя А.И. Вадбольского появилось замечание о бездетности князя Афанасия Юрьевича (в Румянцевской редакции были названы двое его сыновей), а его племянник Иван Голова назван Иваном Головиным²⁷. В Бархатной книге по старшей ветви Шелешпальских пополнена информация только о потомках одного из сыновей князя Федора Бедры — Василия. Об остальных Шелешпальских его поколения сказано, что они бездетны. Однако акты и другие источники XVI–XVII вв. свидетельствуют, что на самом деле потомство было, по крайней мере, у одного из братьев Василия и у двоих его двоюродных братьев. В частности, у старшего сына Андрея Шило князя Ивана Головы был сын Василий и дочь Мария. Дети Ивана Бедрина, скорее всего, были Григорий и Петр Ивановичи Шелешпальские, а от одного из сыновей Афанасия Юрьевича пошла ветвь Калитиных-Шелешпальских, прослеживающаяся до XVIII века.

Усилиями исследователей на сегодняшний день определен район расположения вотчин князей Шелешпальских, локализован ряд населенных пунктов в этих вотчинах, высказаны предположения об эволюции землевладения этой княжеской ветви. В частности, установлено, что некоторые вотчины Шелешпальских пе-

²⁵ Методика сопоставления сведений актов XV–XVI вв. и топонимической номенклатуры кадастров XVII в. и материалов Генерального межевания апробирована в более ранней работе: Грязнов 2012.

²⁶ РИИР 1977: 161.

²⁷ ОР СПб ИИ. Ф. 115. Д. 106. Л. 5 об.

решили в монастыри (Кирилло-Белозерский и Павло-Обнорский). Это села Никольское Кукобой, Инжевар и Крутое. Соответственно, есть возможность соотнесения этих монастырских вотчин, территории которых зафиксированы как в писцовых описаниях XVII в., так и в картографических материалах XVIII в., с княжескими вотчинами XVI века.

Карта 1 (с. 140)

Изучение землевладения Шелешпальских целесообразнее начать с наиболее известной их вотчины — с. Никольское Кукобой. Впервые в источниках Кукобой упоминается в купчей крупнейшего белозерского землевладельца того времени — князя Ивана Нащоки Кемского. Он выкупил у преподобного Корнилия Комельского село, ранее переданное в монастырь по своей душе князем Семеном Андреевичем Шелешпальским²⁸. На тот момент кроме Кукобая в вотчине значились еще одно сельцо и 10 деревень. Позднее Иван Нащока завещал весь комплекс своему сыну Александру, который в 1556 г. продал село с 14 деревнями в Кирилло-Белозерский монастырь²⁹. В монастырском архиве хранилась «память», составленная незадолго до этой сделки. В ней указывалось, что вотчину князь Александр передает монастырю за долг, а состав вотчины несколько отличается от указанного в купчей³⁰. Дальнейшая история этого комплекса связана с Кирилловым монастырем. Опираясь на акты и монастырскую документацию, можно локализовать часть населенных пунктов, упомянутых в источниках, и провести границы этой вотчины. Изме-

²⁸ АЮ 1838: 121–122 (№ 78). Видимо, вклад Семена Шелешпальского был первым княжеским вкладом в Корнильев монастырь.

²⁹ ОР РНБ. СПб ДА. АИ/17. Л. 164–164 об. Кроме Кукобая по этой же купчей Александр продал располагавшиеся рядом вотчины на Кодобое и в Дябрине. Собственно, именно эта сделка послужила толчком к образованию в данном районе обширной латифундии Кирилло-Белозерского монастыря, который до этого времени не проявлял никакого интереса к родовым княжеским вотчинам в Пошехонье. На следующий год последовала покупка вотчины у князей Ухтомских, а затем еще пять сделок на общую сумму в несколько сотен рублей.

³⁰ В кукобойской вотчине не указано село и несколько деревень, которые, видимо, должны были остаться у князя Александра, и вотчина сц. Билбякино, которая по купчей 1556 г. тоже отошла монастырю (ОР СПб. ИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 16).

нения в ее составе на протяжении XVI–XVIII вв. можно проследить, сведя данные актов, писцовой книги³¹ и Экономических примечаний в таблицу (см. Табл. 1, с. 138–139)³².

В источниках встречается несколько поселений, которые фигурируют только один-два раза, затем исчезая. Возможно, они связаны с поселениями, появляющимися в источниках позднее под другими названиями, но отождествления в этих случаях произведены предположительно.

На карте кроме Кукобоя локализуются деревни Редриково, Панкино, Лысухино, Тютрюмово, Рябинино и Фомино. Кроме того, в конце XVI – начале XVII в. на территории этого вотчинного комплекса возникли деревни Юшково, Ивановское, Хабарово. Все эти населенные пункты располагались на правом берегу Ухтомы. Практически на равном расстоянии от северной и южной границ вотчины находились погост Кукобой и с. Кукобой (на карте Менде — Старое Село)³³. По Экономическим примечаниям удастся обнаружить два небольших анклава, тянувших к Кукобою. Это починок Антонов XVI в., ставший в XVIII в. пустошью, и участок поперстного леса³⁴. Оба они располагались на противоположном — левом берегу Ухтомы. Починок Антонов находился напротив деревни Трофимовой, а поперстный лес — на левом берегу р. Кемы, поблизости от ее впадения в Ухтому. По писцовой книге Пошехонского уезда 1626–1631 гг., четыре поселения вотчины стояли на берегу р. Куваки, обозначенной на межевом плане (ручей Паньков в Атласе Менде). На ней стоят деревни Панкино и Фомино; очевидно, что поблизости от них находились и деревни Дюкусово и Колесово. Исходя из порядка перечисления этих деревень в актах XVI в., условно определяем их местоположение. Еще три пустоши (Демкино, Осеево и Лисицино) по

³¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12574.

³² Таблица составлена на основе: АЮ 1838: № 78; ОР СПб. ИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 16; ОР РНБ. СПб. ДА. АИ/17. Л. 164–164 об.; ВХК 1983: 274–278; ВХК 1983: 406–408; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12574. Л. 1513–1526; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2105. Л. 203 об.

³³ РГАДА. Ф. 1357. Оп. 2. Д. 371. Л. 2. Кроме того, у деревни Редриково на карте Менде зафиксировано второе название — Кукобой.

³⁴ В Экономических примечаниях указано, что эти участки тянули к с. Кукобой (РГАДА. Ф. 1355. Д. 2105. Л. 204, 236 об.).

писцовой книге находились на берегу Ухтомы. Их также можно локализовать условно, учитывая порядок перечисления поселений в актах XVI в. Остальные поселения, судя по всему, располагались на некотором удалении от Ухтомы. Какой-либо более точной информации об их местоположении источники не сообщают, поэтому возможна только условная локализация по внешним признакам, в местах, наиболее подходящих для поселения.

Карта 2 (с. 141)

Ниже по течению Ухтомы располагалась другая вотчина князя Семена Андреевича Шелешпальского. Об этом известно благодаря его вкладу, который упоминается в жалованной грамоте Ивана IV Павлову монастырю от 11 февраля 1546 г. В ней среди владений монастыря перечисляются деревни, «что им дал по душе князь Семен Шелешпальской»³⁵. Из 12 деревень, названных в жалованной грамоте, на карте локализуются семь. Наибольшее значение из этих деревень приобретает Инжевар, ставший позднее селом. При взгляде на карту становится очевидным, что Павловская вотчина (Инжевар) непосредственно граничила с Кирилловской (Кукобой). Подтверждается это межевой грамотой 1537/38 г. между владениями Павло-Обнорского монастыря и князя Александра Ивановича Кемского³⁶. Следовательно, западная граница вотчины Кукобой была одновременно восточной границей Инжевара. Очевидно, что ранее эти две соседние вотчины были частью одного целого, поскольку первоначально принадлежали князю С.А. Шелешпальскому. Будучи бездетным, он разделил свою вотчину пополам, передав одну ее часть в Корнильев монастырь (с. Кукобой), а другую — в Павлов (дер. Инжевар)³⁷. Таким обра-

³⁵ Грамоты 1996: 155 (№ 12).

³⁶ ОР РНБ. СПб ДА. А1/17. Л. 197 об.–199. Противень Павло-Обнорского монастыря в копийной книге Павлова монастыря отсутствует. Однако имеется отсылка на эту грамоту в более позднем документе: на съезде представителей Кириллова и Павлова монастырей в 1677 г. между провели выборные крестьяне сел Инжевар и Кукобой в соответствии с прежней межевой записью 1537/38 г., «что межевали Павлова монастыря бывшей игумен Протасей со княземъ Александром Ивановичем Кемским лета 7046-го село Кукобой з деревнями да их село Инжевар з деревнями» (ГМЗРК. Р-169. Л. 210).

³⁷ В каждой из этих половин на момент передачи в монастыри было по двенадцать деревень. Тем не менее, площадь Кукобойской вотчины оказалась

зом, появляется возможность реконструировать не только монастырские вотчины, но и определить границы вотчины Семена Андреевича в начале XVI века.

В начале XVII в. в состав инжеварской вотчины входило 20 деревень и пустошей, часть из которых на данный момент надежно локализовать не удастся. Тем не менее, поскольку площадь вотчины составляла около 20 км², ясно, что, по крайней мере, во второй половине XVI в. плотность в этом районе составляла примерно одно поселение на 1 км². Согласно писцовой книге, деревни Заречье и Борисовка располагались на Ухтоме. Обратим внимание на порядок их расположения относительно других деревень вотчины. Для д. Заречье это: Инжевар — Высокое — Токарево — Заречье, то есть перечисление идет с запада на восток, да и само название деревни говорит, что она должна находиться за какой-то рекой. Действительно, напротив Токарево, на противоположном берегу Ухтомы обнаруживаем небольшой анклав инжеваровской вотчины (граничащий с левобережным анклавом кукобойской вотчины). Очевидно, что именно здесь, на левом берегу Ухтомы, и находилась деревня Заречье³⁸. Для д. Борисовки ряд следующий: Подорваново — Грибунино — Вараково — Борисовка — Кононцово. В этом случае перечисление идет с востока на запад, и Борисовка оказывается самой западной из деревень, располагавшихся на Ухтоме (Кононцово уже на суходоле). Учитывая это, а также то, что примерно в двух километрах ниже по течению Ухтомы находилась деревня Михалево, тянувшая к другому вотчинному комплексу, есть все основания локализовать Борисовку на правом берегу Ухтомы, между Вараково и Михалево. Упомянутая следующей д. Кононцово также должна была располагаться где-то поблизости, но на некотором удалении от Ухтомы. Локализуем ее севернее Ва-

больше Инжеварской за счет поперстного леса. Кроме того, в Павловской вотчине первоначально не было ни села, ни сельца, в монастырь были переданы только деревни, следовательно, административный центр вотчины при князе Семене располагался в Кукобое. Вместе с тем, вклад почти равных долей в два местных монастыря свидетельствует об их фактически равном статусе на тот момент, несмотря на то, что Корнильев монастырь возник гораздо позднее Павлова.

³⁸ Симптоматично, что именно в этом месте функционировала переправа через Ухтому, а сейчас там построен мост и проходит главная районная дорога.

раково и Борисовки. Местоположение остальных девяти пустошей определяем гипотетически, в наиболее вероятных местах³⁹.

Карта 3 (с. 142)

В 60-е годы XVI в. в руки Павло-Обнорского монастыря перешла еще одна крупная вотчина Шелешпальских. Произошло это в два этапа. Сначала, в 1563/64 г. княгиня Мария Ивановна Дябринская (племянница Семена Андреевича) дала в Павлов монастырь четыре деревни и починок⁴⁰. Ее сын Андрей Иванович Дябринский произвел отвод этих земель весной 1564 г.⁴¹ А уже в 1567/68 г. Мария передала монастырю основную часть своей вотчины — село Крутое с 12 деревнями и одной пустошью⁴².

С.М. Каштанов провел значительную работу по локализации упомянутых в этих трех документах деревень⁴³. В целом его выводы можно признать верными, и, кроме того, имеется возможность обозначить на карте деревни, не отмеченные на позднейших картах.

Большинство деревень, тянувших к с. Крутое, обнаруживаются по берегам р. Людинки. Западная граница вотчины, переданной в монастырь в 1567 г., обозначена на уездном плане Генерального межевания и Атласе Менде, тогда как восточную приходится восстанавливать в некоторой степени условно (поскольку обе вотчины на значительном протяжении были смежными). Особняком стоит вотчина, данная в монастырь княгиней Марией в 1563/64 г. При ее локализации возникают серьезные трудности. Из более чем десятка деревень, перечисленных в данной и обводной грамотах, С.М. Каштанову удалось локализовать только четыре, причем из этих четырех лишь одна принадлежала комплексу, передаваемому монастырю, а остальные находились в межах с этой вотчиной. Следовательно, ее местоположение и границы пока определены

³⁹ Если в дальнейшем эти пустоши удастся обнаружить археологическими методами, то для более уверенного отождествления можно будет использовать жалованную грамоту Ивана IV от 11 февраля 1546 г. В ней перечислены все поселения вотчины, существовавшие на тот момент, причем в строгой последовательности.

⁴⁰ Каштанов 2006: 243–244 (№ 7).

⁴¹ Каштанов 2006: 244–245 (№ 8).

⁴² Каштанов 2006: 245–247 (№ 9).

⁴³ Каштанов 2006: 207–214.

крайне условно. Более или менее надежными привязками послужили упомянутые в актах речки, но конфигурация вотчины, ее реальные границы и площадь остались в сфере предположений⁴⁴.

Тем не менее, благодаря обводной можно реконструировать и эту небольшую вотчину. В данной княгини Марии Дябринской названо пять деревень. В обводной указаны не только они, но и восемь деревень, находящихся с ними в межах. Удобнее всего взаимное расположение деревень выразить в табличной форме (см. Табл. 2). В левом столбце указываются деревни, передаваемые в монастырь, в правом — граничащие с монастырской вотчиной. Жирным шрифтом выделены деревни, локализуемые по картам. Друг напротив друга расположены деревни, между которыми проходила граница.

Таблица 2

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ ПО ОБВОДНОЙ 1564 ГОДА.

Княжеские деревни, передаваемые в монастырь	Граничащие деревни
	Михалево
	Борисовская
Ивановское	Вольново
	Новинка
Кузнецово	Батманово
	Вор
Васюково	Олюнино
Андроново	
Катафанов	Беляево

Если из пяти монастырских деревень локализуется только одна, то из княжеских восьми — целых четыре. Еще одна деревня — Борисовская, тянула к сц. Инжевар и, соответственно, уже

⁴⁴ Каштанов 2006: 211–213.

локализована. Благодаря этому в принципе можно наметить предварительную границу вотчины.

Карта 4 (с. 143)

Сравнив полученный результат с Планом Генерального межевания и Атласом Менде⁴⁵, видим фактическое совпадение части реконструированной нами границы вотчины с юго-западной границей вотчины Павло-Обнорского монастыря. Действительно, Ивановское было самой юго-западной точкой вотчины Павлова монастыря в этом районе, а соседние земли (в частности, с. Новинка) в XVI–XVII вв. оставались в руках других владельцев. Значит, граница, проведенная в 1564 г., оставалась реальным рубежом монастырской вотчины и в последующее время, что нашло соответствующее отражение на Планах Генерального межевания. После корректировки западной границы вотчины в соответствии с картографическими материалами XVIII–XIX вв. появляется возможность наметить расположение деревень, упомянутых в обводной, но не отмеченных на позднейших картах. Дополнительным подспорьем в реконструкции является то, что часть деревень, которые по обводной 1564 г. указаны как пограничные новой монастырской вотчине, в начале XVII в. находились во владении Корнильево-Комельского монастыря. По Писцовой книге 1626–31 гг., это пустоши Новинка, Батманово и Вор⁴⁶. Границы этой небольшой вотчины зафиксированы на межевом плане⁴⁷. Так, становится известно местоположение не только возрожденных во второй половине XVII в. Новинок, но и соседних с ними Батманово и Вор.

Следуя за князем Андреем Ивановичем Дябринским, указывавшим между вотчины по приказу матери, попробуем наметить местоположение как монастырских, так и княжеских деревень. Надежной опорой в этом служат деревни, отмеченные на карте, и уже установленная граница вотчины. Межа начинается от деревень Михалевой и Борисовской, идет вниз по р. Ухтоме до д. Ивановской, проходит между Ивановской и Волюново, поворачивает к Новинкам, пересекает р. Индроксу между Ивановской и Новинкой. С Новинкой граничила и д. Кузнецова, находившаяся

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 6673; Ф. 1357. Оп. 2. Д. 371. Л. 2.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12574. Л. 1586 об.–1587.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 6665. Межевая дача № 1113.

в межах с княжескими деревнями Батманово и Вор. По этому фрагменту обводной можно определить положение д. Вольново. Она располагалась вблизи Новинки и Ивановской. Около Ивановской и рядом с Ухтомой располагалась д. Кузнецова. Единственным направлением, где она могла находиться, было северное (поскольку самой южной точкой вотчины была д. Ивановская, на востоке протекала р. Ухтома, а на западе находилась княжеская д. Новинка)⁴⁸. В межах с д. Кузнецовой находились деревни Батманово и Вор. Скорее всего, они располагались недалеко от границы вотчины, севернее Новинки.

Северный участок границы этой вотчины шел от д. Алюнино, мимо дер. Беляевское к р. Людинке. Немаловажно, что межа от Вора к Людинке шла между деревенскими полями, а не по берегу р. Алюгинки. И речка, и обе деревни есть даже на современных картах, поэтому границу удастся провести довольно легко. Расположение деревень Васюково, Андроново и Катафанов Починок определяется следующим образом. Межа шла с запада на восток, поэтому можно считать, что упомянутое первым Васюково было самой западной деревней, а Катафанов Починок — самым восточным поселением вотчины. Первые две деревни находились в межах с д. Алюнино, а Катафанов Починок — с д. Беляевское. В Писцовой книге указано, что Катафанов и Андроново располагались на Людинке. Исходя из этого, можно наметить их примерное местоположение. Таким образом, удастся восстановить не только границы и площадь этой небольшой, всего в 3–4 км² вотчины, но и определить расположение восьми деревень, не зафиксированных на картах⁴⁹.

Карта 5 (с. 144)

Как уже говорилось, основная часть приданой вотчины княгини Марии Дябринской перешла в Павло-Обнорский монастырь

⁴⁸ Как отметил С.М. Каштанов, Кузнецово по писцовым описаниям XVII в. располагалось на р. Ухтоме (Каштанов 2006: 212), что полностью согласуется с нашей локализацией этой деревни (поскольку Кузнецово находилось в 200–300 м от Ухтомы). Ср. например: «Вертково, Кузнецово тож, на реке Ухтоме» (РГАДА. Ф. 1209. Д. 12517. Л. 703).

⁴⁹ Ошибочными являются локализации С.М. Каштанова относительно деревень Алюнино, Андроново и Васюково. Не совсем точно определено местоположение д. Кузнецово.

по ее вкладу в 1567 г. Условия вклада предусматривали пожизненное владение княгиней с. Крутым и д. Пантелеево, а также выкуп монастырскими властями деревень Дядинское, Парфеново и Антипино у ее сына Никиты⁵⁰. Из 14 населенных пунктов, упомянутых в данной, на карте локализуются 12. Неопределенным остается местоположение только деревень Пантелеево и Антипино. Границы вотчины устанавливаются уверенно: южная — от Алюнино до Беляевской проведена по обводной 1564 г., западная и северная — по Планам Генерального межевания. Несколько условной остается восточная граница, поскольку с этой стороны вотчина с. Крутое примыкала к Павловской же вотчине с. Инжевар, и поэтому картографические материалы XVIII–XIX вв. не могут помочь в ее определении. Остается провести условную границу по левому берегу Людинки между деревнями Сальково, Малино и Погорелкой (тянувшим к с. Крутому), с одной стороны, и деревнями Дергалово, Любилово и Вараково (тянувшим к с. Инжевар) — с другой.

Локализовать Пантелеево и Антипино сравнительно легко. В данной княгини Марии Дябринской все жилые поселения перечислены в строгой последовательности и образуют непрерывную цепочку из расположенных по соседству друг с другом деревень. Поэтому, зная, между какими деревнями названы Пантелеево и Антипино, и учитывая направление перечисления, а также указание Писцовой книги на сухоходльное расположение Пантелеево и приуроченность Антипино к р. Людинке, мы можем уверенно обозначить местоположение их обеих.

Так вырисовывается вотчина княгини Марии. Но кроме описанных выше двух частей в начале XVII в. в состав вотчины с. Крутое входило еще несколько поселений. По писцовой книге, это починок Коноплев (на Людинке), д. Ивашово (на Ухтоме) и пустоши Михалево (на Ухтоме) и Кузнецово (на сухоходе). Местоположение Михалево нам уже известно. Очевидно, что д. Ивашово располагалась где-то поблизости от Михалево, вероятнее всего, недалеко от впадения в Ухтому Людинки. Поскольку в межевой князя Андрея Дябринского Ивашово не упомянуто, то, скорее всего, она возникла уже после 1564 г. Починок Коноплев

⁵⁰ Каштанов 2006: 245–247 (№ 9).

наверняка также возник уже после перехода с. Крутое в руки Павло-Обнорского монастыря. В писцовой книге он назван между деревнями Гавриловская и Малино, поэтому локализуем его на левом берегу Людинки, севернее Малино. Пустошь Кузнецово в писцовой книге названа после пустошей Чиняково (Ченково) и Сальково, а поскольку перечисление пустошей вотчины с. Крутое шло с юга на север, то, вероятнее всего, Кузнецово располагалась на северной окраине вотчины, рядом с Ченково.

Карта 6 (с. 145)

Из составленной карты видно, что судьба нескольких деревень на правобережье Ухтомы никак не отражена в источниках XVI в. Имеются в виду деревни, названные в межевой 1564 г. как граничащие с монастырской вотчиной. Они оставались во владении детей княгини Марии, позднее часть их вошла в состав вотчины Павлова монастыря (Михалева), часть — Корнильево-Комельского (Новинки, Батманово, Вор), а часть осталась в руках светских землевладельцев (Вольново). Локализации поселений вотчины княгини Марии Дябринской позволяют обозначить приблизительные границы тех небольших вотчин, которые отдельно обозначены в ее данной 1567/68 г. Это с. Крутое с д. Пантелеево, которые остались в пользовании княгини Марии, и Дядинское, Парфеньево и Антипино, находившиеся на тот момент в закладе у князя Н.И. Дябринского.

Рядом с с. Крутое, тоже на правом берегу Ухтомы, находилась вотчина князя Василия Ивановича Головина Шелешпальского, родного брата княгини Марии Дябринской. Сохранилась грамота, по которой Василий Шелешпальский и Семен Ухтомский обязывались произвести межевание своих вотчин, причем между обоим князьям должен был указывать уже известный нам князь Семен Андреевич Шелешпальский, дядя Василия Головина и Марии Дябринской. Грамота датируется 1509 г. и, хотя самого текста отвода в ней не содержится, там вскользь упоминается несколько пунктов, между которыми проходила граница княжеских вотчин: «а розъехати те земли и леси князю Семену Шелешпалескому, промеже Бояринцова и Репнева, промежи Патокина и Власцева»⁵¹.

⁵¹ Зафиксированы и следы встречного колонизационного движения, шедшего из двух белозерских уделов: «а что в моих землях во княжо Семено-

Ни одной из названных деревень на картах обнаружить не удастся, ясно только, что они располагались где-то недалеко от Ухтомы. В Экономических примечаниях по Пошехонскому уезду оказалась зафиксирована пустошь Патокино⁵² по соседству с пустошью Черниково, которую в 1540–1550-х гг. предположительно выкупил у Корнильево-Комельского монастыря князь Василий Семенович Ухтомский. В конце XVIII в. обеими этими пустошами, также как и соседним с. Васильевское, владел князь И.М. Ухтомский, прямой потомок князя С.В. Ухтомского. Первоначальное местоположение деревни в пределах дачи пустоши Патокино уверенно определяется на юго-восточной окраине межевой дачи (между ее южной границей и ручьем, впадающим в Ухтому). Локализация Патокино позволяет, в свою очередь, определить и местоположение д. Власцево, которая граничила с ней и находилась уже во владении князя Василия Шелешпальского.

Неясным пока остается расположение деревень Бояринцево и Репнево. Поскольку обе они в разъезжей названы раньше, чем Патокино и Власцево, а направление межи шло от р. Ухтомы к разъезжей березе (за которой начинался неделенный лес), то очевидно, что Бояринцево и Репнево находились на небольшом участке между Ухтомой и Патокино с Власцево. Подтверждение этому мы находим в писцовой книге Пошехонского уезда. Праправнук Семена Васильевича, Иван Тимофеевич Ухтомский, владел сц. Бояринцево, дер. Миткино и пятью пустошами. В писцовой указано, что сельцо и деревня располагались на р. Ухтоме⁵³. Собственно, именно это указание и позволяет надежно локализовать Бояринцево и Миткино. Земли с. Васильевское в XVIII в. доходили до р. Ухтомы, причем самый восточный участок отделял от Ухтомы пустошь Патокино, а восточные границы дач с. Васильевского и пустоши Патокино в этом месте образовывали единую линию, шедшую от Ухтомы в северном направлении. Очевидно, что Бояринцево должно было располагаться рядом

вых Ухтомского князя Василиевы наволоки Шелешпальского, два наволока, Сосновец да Согойдини, на реке на Ухтоме». Однако на большей части границы владений Ухтомских и Шелешпальских, судя по этой обводной, проходили по неделенному лесу: АЮ 1838: 164 (№ 146).

⁵² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2105. Л. 162 об. № 1111.

⁵³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12574. Л. 1458–1462.

с Патокино. В свою очередь, локализация Бояринцево позволяет со значительной долей уверенности определить местоположение д. Репнево, которой в 1509 г. владел Василий Шелешпальский. Она, надо полагать, так же находилась недалеко от Ухтомы, южнее Патокино и Власцево.

По Генеральному уездному плану пустошь Патокино почти на всем протяжении своей восточной границы была смежна с землями, относящимися к с. Великое (стоявшему на левом берегу Ухтомы). Очевидно, что именно эти земли в начале XVI в. принадлежали Василию Головину Шелешпальскому. Прямых ответов на вопрос, как далеко простирались его владения и сопоставимы ли они с вотчиной его сестры Марии, источники XVI в. не дают, но некоторый свет на это могут пролить документы XVII–XVIII вв. В Пошехонской писцовой книге за князем Михаилом Ивановичем Шелешпальским записана «старинная родовая вотчина село Новинка с двумя деревнями и 12 пустошами»⁵⁴. Хотя кроме Новинки пунктов, названных в писцовой, на картах найти не удастся (их нет ни на современных картах, ни на планах Генерального межевания), по Экономическим примечаниям локализуются пустоши Филинская, Федорово и Самойловская⁵⁵, причем в границах дач этих пустошей располагалось еще не менее шести пустошей⁵⁶. Эти земли тянулись довольно широкой полосой от северных границ вотчины Марии Дябринской и шли в южном направлении между ее владениями и вотчинами князей Ухтомских. Поскольку западная граница этих пустошей выходила к неделенному лесу, описанному в межевой 1509 г., то, скорее всего, все эти земли, вплоть до Ухтомы, ранее принадлежали Василию Головину. Хотя о владельческом центре данной вотчины пока сказать ничего невозможно, ясно, что она примерно равна по площади вотчине с. Крутое.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12574. Л. 1303 об.–1311.

⁵⁵ По Экономическим примечаниям, это соответственно Филина (№ 1104), Федотова (№ 1105) и Самуйлова (№ 1378) (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2105. Л. 161 об., 162, 203 об.).

⁵⁶ В пределах дачи пустоши Филиной это Сыроежкина и Гарь, а в двух других дачах количество точно не обозначено, но пустоши названы во множественном числе, то есть в обоих случаях их было не менее двух.

Карта 7 (с. 146)

На основе приведенных данных можно реконструировать вотчину отца Василия и Марии Головиных князя Ивана Головы Андреевича Шелешпальского. Она находилась на правом берегу Ухтомы и занимала всю территорию между владениями старшей ветви Ухтомских и вотчиной Семена Андреевича Шелешпальского, а ее центром, судя по всему, было с. Крутое.

Таким образом, реконструируются уже две крупные и практически равные по площади вотчины рубежа XV–XVI вв. Первая — вотчина Ивана Головы, с центром в с. Крутое, а вторая — его младшего брата Семена, с центром в с. Кукобой.

Ограничивалось ли рассмотренными вотчинами родовое землевладение князей Шелешпальских? Как оказывается, нет. 1518/19 годом датируется разъезжая грамота между владениями князей Семена Андреевича Шелешпальского и Ахметека (Иоакима) Ивановича Согорского⁵⁷. Казалось бы, нам уже известно местоположение вотчины Семена Андреевича — на правом берегу Ухтомы в округе с. Кукобой. Однако межевание проходило совсем в другом районе. Выясняется это следующим образом. В межевой грамоте названо несколько деревень, принадлежавших князю Ахметеку Согорскому. Судя по актам середины XVI в., позднее они принадлежали его сыну Константину и внучке Соломониде Константиновне. В ее рядной 1541/42 г. содержится наиболее полное перечисление деревень, входивших в состав этой вотчины (с центром в с. Тутаново)⁵⁸. Позднее (в 1568 г.), овдовев второй раз, бездетная Соломонида передала свою приданую вотчину в Кириллов монастырь⁵⁹. Благодаря этому мы знаем, где находилась тутановская вотчина, а по картам XVIII–XIX вв. становятся известны ее рубежи. Следовательно, остается определить, какой участок границы вотчины описан в межевой 1518/19 г. и соответствует ли граница владений, зафиксированная картографическими материалами XVIII–XIX вв., реалиям, описанным в рассматриваемой межевой.

⁵⁷ АЮ 1838: № 147.

⁵⁸ АЮ 1838: № 392.

⁵⁹ ОР РНБ. СПб ДА. А1/17. Л. 141 об.

Локализация владений князей Согорских не вызывает особых затруднений. На картах удается найти с. Тутаново и еще 15 деревень, тянувших к нему по рядной 1541/42 г. Получившиеся контуры вотчины уточняются по Генеральному уездному плану и Атласу Менде. А поскольку в XVI–XVII вв. эта вотчина не округлялась, то можно уверенно утверждать, что границы XVIII в. практически точно соответствуют границам XVI в. На северном рубеже этой вотчины и обнаруживаются деревни, принадлежавшие Семену Шелешпальскому по межевой 1518/19 г. Взаимное расположение деревень было следующим (полужирным выделены деревни, отмеченные на картах XVIII–XX вв.) (см. Табл. 3).

Таблица 3

ПОСЕЛЕНИЯ ПО МЕЖЕВОЙ 1518/19 ГОДА.

Вотчина С.А. Шелешпальского	Вотчина А.И. Согорского
Поляниново	Шилово
	Тутаново
Селинское	
Петроково	Телешово
Костино	Демидково
Сопотово	Сонин починок
Сауткино	
Есипово	Серково

Из селений Ахметека Согорского нелокализованным остается только Сонин починок. Из семи упомянутых деревень Семена Шелешпальского локализуются четыре. Благодаря этому очерчиваются контуры еще одной вотчины Семена Шелешпальского. На юге она граничила с вотчиной князей Согорских, на востоке доходила до р. Шелекши, по которой, вероятно, шла восточная граница, а на западе не доходила до р. Копши. Можно установить крайнюю западную точку, от которой начинается описание гра-

ницы между Поляниново и Тутаново. Межа начинается «от Искринские земли изгородю». На картах в этом районе нет дер. Искринской, не обнаруживается и пустоши с похожим названием в Экономических примечаниях. Однако, как выясняется, дача с. Поляниново стояла на правой стороне ручья Искренского, а дача с. Тутаново — на левой стороне этого же ручья⁶⁰. Таким образом, становится ясным, что по этому ручью проходила часть границы между двумя земельными владениями. Непосредственно ручей можно обнаружить на межевом плане и на современных картах. По нему и проходила граница между дачами в XVIII в. и, скорее всего, здесь же или в непосредственной близости — в начале XVI в. Самой северной точкой этой вотчины была д. Есипово, в двух километрах севернее уже находилось с. Все-хвятское, которое было центром вотчины другой ветви Шелешпальских. Всего по картам XVIII–XX вв. в этом районе локализуется село и семь деревень. Если учесть, что обычно удается локализовать 50–70% населенных пунктов XVI–XVII вв., то, по всей видимости, это была средняя по своим размерам вотчина, немного уступавшая по населенности вотчинам Ивана Головы и Семена Андреевича.

Можно попробовать наметить местоположение тех четырех деревень, которые упомянуты в обводной 1518/19 г., но не отмечены на карте. Если следовать пути межевщика, то первыми нелокализованными деревнями оказываются упомянутые сразу после Поляниново Селинское и Петроково. Они находились в межах с Тутаново, Телешево и Дубравой. Следом за ними на стороне Семена Шелешпальского назван починок Костин, обозначенный на картах северо-восточнее Поляниново. Следовательно, Селинское и Петроково находились в непосредственной близости от границы вотчины где-то между Поляниново и Костино. В конце XVIII в. это были уже пустоши, границы которых обозначены на картах именно на участке между Поляниново и Костино⁶¹. Небольшая площадь этих пустошей дает возможность точно определить расположение деревень начала XVI в. Местоположение починка Сонины так же устанавливается в межах с дер. Сопотово,

⁶⁰ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2105. Л. 164 об.–165.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2105. № 1393, 1394. Л. 205 об.

очевидно несколько севернее д. Демидково (таким образом, починок Сонин был самой северной точкой во владениях Ахметека Согорского). По другую сторону границы, в вотчине Семена Шелешпальского, назван Сауткин починок. На картах он не обозначен, но, скорее всего, тождественен позднейшей д. Бурово (или же располагался в непосредственной близости от нее). Таким образом, устанавливается местоположение всех населенных пунктов, упомянутых в межевой 1518/19 г., и становится возможным провести точную границу между двумя княжескими вотчинами (которая в более раннее время была частью границы между уделами Белозерских князей Согорзой и Шелешпалом). Кроме упомянутых в межевой пунктов в состав вотчины с. Поляниново включаем деревни Тимошкино и Ушаково, а также пустошь Трухино с тянувшими к ней пустошами.

Так по косвенным признакам определяются состав, границы и площадь еще одной крупной вотчины князей Шелешпальских⁶². В общей сложности можно говорить об одном селе и не менее чем 12 деревнях, которые удастся соотнести с этой вотчиной князя С.А. Шелешпальского. Такое же количество поселений входило в состав еще одного вотчинного комплекса в этом районе. По писцовой книге, за братьями Григорием и Алексеем Шипуновыми было поместье их отца — сц. Шульгино с 12 пустошами⁶³. Поскольку владения Шипуновых появились в Ухтомской волости в 1574–1575 гг. на основе бывших вотчинных комплексов белозерских князей, то, скорее всего, и это поместье также ранее было вотчиной. Судя по расположению этого комплекса и учитывая сравнительно небольшую площадь земель, тянувших к Поляниново, можно предположить, что первоначально Шульгино входило в состав владений Шелешпальских и составляло единый владельческий комплекс с с. Поляниново.

⁶² Межа между вотчинами заканчивается не у р. Шелекши, а не доходя до нее у «Кодобоиские межи». В XVIII в. на левый берег Шелекши заходили земли с. Трофимово, которое в начале XVI в. входило в состав вотчины с. Гридинское Кодобой. Следовательно, и в этом случае мы наблюдаем преемственность границ начала XVI и конца XVIII веков.

⁶³ Сельцо и часть пустошей были разделены пополам, а некоторыми пустошами братья владели индивидуально (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12574. Л. 1423–1430).

Карта 8 (с. 147)

Село Всехсвятское, расположенное севернее Поляниново, было центром другой вотчины Шелешпальских. Им владели потомки Федора Бедры, младшего брата Андрея Шило. В XVI в. Всехсвятское принадлежало семье кн. Василия Федоровича Шелешпальского (двоюродного брата Ивана Головы и Семена Андреевичей). Земельных вкладов в монастыри эта ветвь Шелешпальских не совершала; не сохранилось ни духовных, ни деловых грамот на земли этой вотчины. В первой половине XVII в. частями старинной родовой вотчины владели внуки и правнуки Василия Федоровича. Центром по-прежнему оставалось с. Всехсвятское. Кроме того, в писцовых и переписных книгах перечисляется около десятка деревень и пустошей, тянувших к нему. Оказывается, что вотчина распространялась и на правый берег Шелекши. Кроме части самого села на правой стороне Шелекши, на левом берегу Ухтомы находились деревни Онкудиново и Сухотина⁶⁴, которые можно отождествить с позднейшими деревнями Анкудиново и Сухерка. Поэтому закономерным будет вопрос о южных границах восточной части этой вотчины. В 2,5 км на юго-запад от дер. Сухотиной находилось с. Гридинское. Уже на рубеже XV–XVI вв. оно принадлежало князьям Кемским. Таким образом, граница между вотчинами князей Шелешпальских и Кемских проходила где-то в 1–1,5 км южнее р. Ухтомы. Уточнить ее можно по картам XVIII–XIX вв. На них проведены границы трех частей, на которые был разделен комплекс с. Гридинское между тремя ветвями Кемских еще в 1515 г.⁶⁵ Сопоставление границ на картах с деловой князей Кемских показывает практически полное тождество границ первой половины XVI в. и середины XIX в.⁶⁶ Следовательно, и северная граница этих трех

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1209. Д. 12517. Л. 582 об. 585; Д. 12518. Л. 535 об.–541; Д. 12574. Л. 1303 об.–1315.

⁶⁵ ОР ГПБ. СПб ДА. АИ/17. Л. 202–204об.

⁶⁶ Атлас Менде. Ярославская губерния. Лист NOF-2 (РГАДА. Ф. 1357. Оп. 2. Д. 371). Фактически единственным изменением в составе и границах вотчин по сравнению с XVI в. стало то, что на межевом плане и карте Менде в отдельное владение выделено с. Патрикеево, которое в XVI–XVII вв. входило в состав вотчины, тянувшей к сц. Билбякино. В остальном реалии XVIII в. точно соответствуют описанию деловой 1515 года.

вотчин в XVIII–XIX вв., скорее всего, проходила там же, где и в XVI в. Подтверждает это и межевая, составленная князем М.И. Шелешпальским и властями Кириллова монастыря в 1635 г. Стороны уточнили межу между кирилловской вотчиной сц. Билбякино и родовой вотчиной князя Михаила в районе д. Сухотино⁶⁷. Благодаря этому можно уверенно провести границу всего комплекса с. Всехсвятское.

Карта 9 (с. 148)

Дальше на восток, по берегам р. Кемы и выше ее впадения в Ухтому, находилась Дябринская волость. Следовательно, рассмотренными выше вотчинами, видимо, ограничивались владения старшей ветви князей Шелешпальских. Этому выводу, казалось бы, противоречит мнение С.М. Каштанова о принадлежности роду князей Шелешпальских комплекса с. Никольское в Дябринской волости⁶⁸. Никольское с несколькими тянувшими к нему деревнями в 20-х годах XVII в. принадлежало князю М.И. Шелешпальскому, а затем в качестве приданого за его дочерью перешло во владение И.Т. Племянникову. С.М. Каштанов предположил, что Никольское было крайним восточным пунктом владений Шелешпальских в XVI–XVII вв. В том, что в XVII в. Никольское было вотчиной Шелешпальских, сомнений нет, но судьба этого комплекса в XVI в. представляется совсем в ином свете. Источники позволяют детально восстановить ее историю.

В первую очередь, необходимо особо отметить, что Никольское с тянувшими к нему деревнями в XVII в. входило в состав Дябринской волости Пошехонского уезда и, следовательно, не имело отношения к Шелешпалу. Кроме того, эта вотчина не была родовой для М.И. Шелешпальского. Он получил ее за московское осадное сиденье (соседней вотчиной на тех же основаниях владел его брат Семен)⁶⁹, а прилегающие к вотчинам земельные участки находились у братьев в поместье⁷⁰.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 281. Д. 9736. По этой межевой определяется местоположение княжеской пустоши Озяблое, располагавшейся рядом с дер. Сухеркой.

⁶⁸ Каштанов 2006: 216–217.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12574. Л. 1724–1730, 1718–1723 об.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12574. Л. 1658–1661 об., 1699 об.–1701 об.

В XV в. эта территория принадлежала князьям Дябринским (первоначально составляя их удел). На рубеже XV–XVI вв. один из князей Дябринских (возможно, Иван) продал князю Ахметеку Согорскому значительную часть своих владений (не менее $\frac{1}{4}$ от всех владений Дябринских в то время). Центром этой вотчины в начале XVI в. называется с. Ахметеково (позднее Зиновьевское). В 1528/29 г. дети Ахметека Константин и Федор разделили между собой обширные владения отца в Согорзе и Дябрине. Южная половина дябринской вотчины досталась Константину (с. Зиновьевское), а северная — Федору (с. Никольское). Константин Ахметекович не оставил мужского потомства, и его вотчины перешли в качестве приданого дочерям. Село Тутаново в Согорзе — Соломонида, а с. Зиновьевское в Дябрине — Евдокии. В свою очередь, позднее Соломонида и Евдокия передали эти вотчины в монастыри (Кирилло-Белозерский и Павло-Обнорский соответственно). Благодаря этому границы Зиновьевской вотчины определяются по материалам Генерального межевания⁷¹.

Судьба другой половины дябринской вотчины Ахметека Согорского сложилась несколько иначе. У Федора Ахметековича было двое сыновей — Иван и Дмитрий, которые, очевидно, унаследовали владения отца, в том числе и с. Никольское в Дябрине. В 1550/51 г. Иван и Дмитрий продали за 200 руб. своему дяде князю Александру Ивановичу Кемскому часть этой вотчины (четыре деревни, четыре починка и две пустоши)⁷². Само село с несколькими деревнями осталось во владении братьев. В 1556/57 г. А.И. Кемский продал дябринскую вотчину вместе с другими своими пошехонскими владениями Кирилло-Белозерскому монастырю⁷³. Владельческая судьба самого с. Никольского в последние десятилетия XVI в. остается неизвестной. Во всяком случае, оно не попало в монастыри и находилось в руках светских землевладельцев. Вполне вероятно, что во время опричнины Николь-

⁷¹ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 6665; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2105. Л. 243 об. № 1632; Ф. 1357. Оп. 2. Д. 371. Лист NOF-2.

⁷² ОР РНБ. СПб ДА. А1/17. Л. 164 об.–165, 166–166 об.

⁷³ Тем не менее, после смерти Александра его вдова владела в Дябрине вотчиной, часть которой передала своему внучатому племяннику Степану Дмитриевичу Согорскому: Каштанов 2006: 247–248 (№ 10).

ское, как и значительная часть других владений Белозерских князей, было конфисковано, а в начале XVII в. попало в поместную раздачу⁷⁴.

* * *

После определения состава родовых вотчин Шелешпальских и реконструкции их границ становится возможным проследить, хотя бы в общих чертах, историю вотчин князей Шелешпальских.

В первую очередь, необходимо остановиться на названии самой территории, где находились родовые владения князей Шелешпальских. В.А. Кучкин упрекнул своих предшественников в том, что «все написанное о Шелешпани не имеет документальных подтверждений». Однако сам он не предложил своей этимологии названия этого удела, ограничившись утверждением о том, что основным владением Шелешпальских было с. Никольское Кукобой⁷⁵. С.М. Каштанов, опираясь на анализ актов и картографических материалов, предположил, что фамилия Шелешпанских произошла от названия р. Шелекши или Шелешпы⁷⁶. Оба историка придерживались написания фамилии Шелешпанский, никак не объясняя, почему ими был выбран именно этот вариант, характерный для генеалогических трудов XIX в. Это тем более странно, что в источниках, которыми пользовались исследователи, фамилия всегда писалась через букву *л* — Шелешпальский. Формант *-ский* указывает на владельческое происхождение фамилии. Об этом, применительно ко всем фамилиям Белозерских князей,

⁷⁴ Стоит отметить, что поместья, полученные Белозерскими князьями в конце XVI – начале XVII в., очень часто находились на территории бывших белозерских уделов, а в ряде случаев на месте прежних родовых вотчин. Это характерно для всех фамилий Белозерских князей, переживших Смуту (Андомских, Вадбольских, Ухтомских, Шелешпальских). Исключение в этом плане составили князья Дябринские, утратившие родовые вотчины и получившие поместья в соседнем Вологодском уезде. Примечательно, что князья Белосельские, потерявшие не только родовые вотчины, но и служебную связь с Белозерьем еще в XV в., также в начале XVII в. получили поместья в своем бывшем уделе — Белосельской волости.

⁷⁵ Кучкин 1984: 311.

⁷⁶ Каштанов 2006: 216. Стоит отметить, что р. Шелекша в известных нам источниках Шелешпой не называлась ни разу. Поэтому предположение С.М. Каштанова не выглядит сколько-нибудь убедительным.

писал еще В.Б. Кобрин⁷⁷. Следовательно, основатель рода князей Шелешпальских Афанасий Васильевич владел некоей территорией с названием Шелешпал (название это получаем, отбросив формант). Действительно, обо всех владениях князей Шелешпальских в актах XVI в. говорится, что они располагались в Шелешпале или Шелешпалех⁷⁸. В нескольких межевых указываются шелешпальские межи. В Шелешпале находилось и с. Крутое, и Никольское Кукобой, и Инжевар, и Всехсвятское. Даже в писцовой книге Пошехонского уезда 30-х годов XVII в. было указано, что родовая вотчина князя Якова Шелешпальского находилась в Шелешпале⁷⁹. Из этого можно сделать следующие выводы. Впервые в качестве обособленного владения, а точнее удела, Шелешпал оказался в конце XIV – начале XV в. у князя Афанасия Васильевича. Именно он в родословных первым фигурирует с прозвищем Шелешпальский. От названия этого удела и произошла фамилия Шелешпальских, которые вплоть до XVII в. владели здесь родовыми вотчинами.

Первым князем, владения которого ограничивались исключительно Шелешпалом, был внук Афанасия Юрий Иванович. Он как старший в семье получил от отца Шелешпал, а его младший брат Дмитрий стал владельцем соседней волости Углеца. Между потомками Юрия и будет происходить дальнейшее дробление бывшего удела, ставшего родовой вотчиной. По родословной у Юрия было пятеро сыновей. В принципе его владения должны были бы быть разделены между всеми наследниками. Однако в первой половине XVI в. у Шелешпальских прослеживается всего четыре крупных вотчины. Это Никольское Кукобой (Семена Андреевича), Крутое (Ивана Головы), Поляниново (Семена Андреевича) и Всехсвятское (Василия Федоровича), причем три из них принадлежали детям старшего Юрьевича — Андрея Шило. С другим сыном Юрия — Федором — можно связать вотчину с. Всехсвятское. Неужели уже в конце XV в. у Шелешпальских наблюдается та же диспропорция при выделении долей между

⁷⁷ Кобрин 1977: 98–100.

⁷⁸ Единственным исключением в этом ряду является комплекс с. Поляниново.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12574. Л. 1062.

сыновьями, что и у московских князей (когда старший из них получал несравненно большую часть отцовского наследия)? Скорее всего, нет. Один из младших сыновей Юрия известен источникам под именем Геласия и был в начале XVI в. келарем Кирилло-Белозерского монастыря. Как постриженник Кириллова монастыря он фигурирует уже в конце XV в. В начале XVI в., являясь старшим в роде Шелешпальских, он, несмотря на духовное звание, сохранял тесную связь с родственниками и некоторые прерогативы присущие главе княжеского рода. Например, Геласий упомянут в качестве гаранта проведения межевания в разъезжей Василия Шелешпальского и Семена Ухтомского⁸⁰.

Вплоть до 20-х годов XVI в. Белозерские князья (за исключением пресекшихся Карголомских) не совершили своими родовыми вотчинами ни одного вклада в монастыри (попытку вклада в 1515 г. пресекли Кемские). Вотчина Геласия (если таковая была) не попала при его пострижении в монастырь в конце XV в., но все же вышла из рода, а определяющим в ее поиске должно являться то, что она, очевидно, должна была располагаться в межах с уже выявленными вотчинами Шелешпальских. Фактически почти на всем протяжении граница владений Шелешпальских документируется актами, и мы можем быть уверены во владельческой принадлежности земель по другую сторону границы. Единственным местом, по которому такой уверенности нет, является территория владельческого комплекса с. Гридинское Кодобой. В начале XVI в. это село принадлежало князьям Кемским. В 1508 г. трое братьев Кемских выиграли суд у вдовы своего дяди Федора Давыдовича, который продал им вотчину с правом пожизненного проживания в ней. В одной из деловых грамот, составленных после смерти князя Давыда Семеновича Кемского, говорится, что кроме Ильинской стороны Кемы князя Афанасий и Федор вместе с матерью Федосьей должны были получить доли в некоем прикупе Давыда Семеновича, причем Афанасий и Федосья сступались своими долями прикупа в пользу Федора⁸¹. Сохранилась купчая грамота, по которой Афанасий выкупал у Фе-

⁸⁰ АЮ 1838: № 146.

⁸¹ АСЭИ 1958: № 264.

дора его удел в Кеме⁸², а значит, остававшееся после этой операции во владении Федора с. Гридинское и было тем самым прикупом князя Давыда Семеновича⁸³. Следовательно, с. Гридинское перешло во владение Кемских примерно в 1460-80-е годы, а ранее принадлежало какой-то другой ветви Белозерских князей.

Территория этой вотчины восстанавливается по целому ряду актов, документирующих ее довольно сложную владельческую судьбу. Причем оказывается, что участок леса на левом берегу Ухтомы, тянувший в XVIII в. к с. Кукобой, ранее, в XVI в., тянул к сц. Билбякино, первоначально входившему в состав комплекса с. Гридинское. По актам выявляется более 20 деревень, располагавшихся на территории гридинского комплекса, а его размер лишь незначительно уступает площади комплексов сел Крутое и Кукобой. Следовательно, очень вероятно, что все пять реконструируемых комплексов возникли в одно время и принадлежали пяти сыновьям князя Юрия Ивановича Шелешпальского.

Карта 10 (с. 149)

Если предположения о составе и количестве вотчинных комплексов верно, то первоначальное распределение вотчин между сыновьями Юрия Ивановича (учитывая их старшинство по родословной росписи), скорее всего, выглядело следующим образом. Крутое принадлежало Андрею, Кукобой — Василию, Гридинское — Геласию, Всехвятское — Федору, а Поляниново — Афанасию. Двое братьев не оставили потомства, и их вотчины были проданы. Вотчину Геласия выкупил Давыд Семенович Кемский, а Василия — его старший брат Андрей Шило. Он же, вероятно, приобрел и часть вотчины младшего из братьев — Афанасия. Владения Афанасия и его потомков по актам не прослеживаются, однако до рубежа XVI–XVII вв. они, видимо, сохраняли какую-то часть родовой вотчины (скорее всего, земли, тянувшие к Шульгино) и тесную связь с потомками Василия Федоровича. Выразилось это, прежде всего, в поминальном культе. Несколько Калитиных Шелешпальских (потомков Афанасия) были занесены в семейный синодик рода Шелешпальских. Все-

⁸² АСЭИ 1958: № 295.

⁸³ Об этом же свидетельствует и обязательство братьев Юрьевичей не продавать Гридинское «мимо своих дядь».

хсвятское и его округа оставались во владении потомков Федора Бедры, а вотчина Андрея Шило, составлявшая почти $\frac{3}{4}$ Шелешпала, была разделена между тремя его сыновьями. Старшему, Ивану Голове, досталось с. Крутое, Василию Хвосту, скорее всего, — с. Кукобой, а младшему, Семену, — с. Поляниново. Бездетность Василия Хвоста и создала ту конфигурацию вотчин, известную нам по актам первой половины XVI в., когда дети Ивана Головы Василий и Мария владели землями с. Крутое, а селами Кукобой и Поляниново владел его брат Семен.

Поскольку сам Семен Андреевич, судя по родословным был бездетным, то его обширные владения были проданы (с. Поляниново) или завещаны в местные монастыри (с. Кукобой и с. Инжевар). Однако из рода Белозерских князей в результате вышел только комплекс с. Инжевар. Две другие части вотчины князя Семена выкупил Иван Нащока Кемский (Кукобой — у Корнильева монастыря, а Поляниново — у Тимофея Булгакова сына Слизнева⁸⁴). Село Крутое было разделено между детьми Ивана Головы. Возможно, после бездетной смерти Василия Головина (если он действительно не имел мужского потомства) его вотчина была конфискована в соответствии с положениями указов о княжеских вотчинах. Большая часть вотчины его сестры Марии в 1560-е годы перешла в Павло-Обнорский монастырь, а за Дябринскими сохранилась незначительная часть, которая, как и остальные вотчины Дябринских, скорее всего, была конфискована во время опричнины. Небольшой кусок вотчины детей княгини Марии попал в Корнильево-Комельский монастырь (видимо, в середине 1560-х годов). Всехсвятское принадлежало потомкам Василия Федоровича и в XVI, и в XVII вв. (возможно с небольшим перерывом во время опричнины).

Карта 11 (с. 150)

Остается открытым вопрос о центре Шелешпальского удела в XV в. На его роль могут претендовать несколько сел — центров вотчин в XVI в. (Кукобой, Всехсвятское, Крутое, Поляниново,

⁸⁴ ОР РНБ. СПб ДА. А1/16. Л. 909 об. О Тимофее и его ближайших родственниках см.: Зимин 1988: 205. Прим. 95. Еще в 1540 / 41 г. Тимофей вместе с другими Слизневыми был послухом в купчей на с. Бутаково: АФЗХ 1983: 77 (№ 65).

Гридинское). В первую очередь, из списка претендентов можно исключить с. Поляниново. Оно находилось на самой окраине Шелешпала, вдали от крупных рек, и из-за своего географического положения меньше всего подходит на роль центра удела, то есть одного из древнейших поселений региона. На другом конце Шелешпала, тоже фактически на самой его окраине находилось с. Кукобой. Его географическое положение с этой точки зрения немного лучше, чем положение Полянинова (очевидно одно неоспоримое преимущество — расположение на основной водной артерии региона, р. Ухтоме). Тем не менее, Кукобой из-за своего крайнего положения также не очень подходит на роль центра удела. Село Крутое было расположено на некотором удалении от Ухтомы в центре куста деревень, которые позднее тянули к нему и, опять же, вблизи от границы Шелешпала. Посвящение церкви Георгию Победоносцу позволяет связать возникновение села с именем князя Юрия Ивановича. Расположение с. Гридинское аналогично местоположению с. Крутое.

Более предпочтительным является положение с. Всехсвятское. Оно находится почти в географическом центре Шелешпала, всего в полукилометре от Ухтомы на берегах р. Шелекши. В церкви Всех Святых находилась родовая усыпальница Шелешпальских, в которой на протяжении XVI–XVII в. было похоронено большинство представителей старшей ветви рода (в семейном синодике говорится о погребении во Всехсвятской церкви Василия Федоровича и его потомков). Возможно, здесь же находились могилы Шелешпальских XV в., по крайней мере, священники ежегодно в день смерти каждого из князей (начиная с Юрия Ивановича) обязаны были «творити ... память неотложно, обедня служить, и понахида пети, и монастырь кормити»⁸⁵.

Выявление полного состава родовых вотчин князей Шелешпальских, а на основе этого определение первоначальной территории Шелешпальского удела позволяет высказать некоторые суждения о развитии вотчинного землевладения князей Шелешпальских в XV–XVI веках.

Владения первого Шелешпальского князя Афанасия Васильевича охватывали всю территорию Шелешпала (а кроме того,

⁸⁵ Синодик 1998: 122–123.

еще ряд соседних территорий). Ему наследовали сын Иван и внук Юрий. В последней трети XV в. территория Шелешпала была разделена между пятью сыновьями Юрия. Следы этого первоначального дробления будут сохраняться последующие несколько десятилетий. В результате внутрисемейных переделов (напрямую не отраженных в источниках)⁸⁶ в руках детей старшего из князей Шелешпальских Андрея Юрьевича сосредоточилось почти $\frac{3}{4}$ территории Шелешпала. Это обусловлено следующими причинами: князья Шелешпальские, как и все остальные Белозерские князья в XV – первых десятилетиях XVI в., продолжали владеть своими родовыми вотчинами, причем вторжение других землевладельцев на эти территории активно пресекалось. Таким образом, бездетная смерть какого-либо представителя рода не влекла за собой выход его вотчины из рода. Обедневшие представители Шелешпальских, видимо, при необходимости могли заложить или продать свою вотчину ближайшим родственникам. В расположении вотчин Шелешпальских прослеживаются определенные закономерности. Всего выявлено пять вотчинных комплексов. Они занимали равную площадь на левом и правом берегах Ухтомы, но на левом берегу находилось две вотчины, а на правом — три. Именно поэтому вотчины младших Юрьевичей, судя по выполненной реконструкции их территории, оказываются меньше по размеру вотчин их старших братьев.

Обстоятельства, сложившиеся в 20-х гг. XVI в., привели к сравнительно быстрому разрушению родового землевладения Шелешпальских. Бездетная смерть всех мужских представителей старшей линии Шелешпальских, в руках которых находилось почти $\frac{3}{4}$ родовых вотчин, привела к переходу в местные монастыри и другим землевладельцам большей части этих вотчин. Непосредственно в руках Шелешпальских оставалось только с. Всехсвятское и, возможно, земли, тянувшие к сд. Шульгино. Село Крутое до конца 60-х гг. XVI в. было во владении княгини Марии Дябринской, а две вотчины Шелешпальских, воспользовавшись правом родового выкупа, приобрел князь Иван Нащока

⁸⁶ Об интенсивности операций с родовыми вотчинами можно судить на примере князей Кемских, вотчинный архив которых сохранился несравненно лучше, чем у Шелешпальских (см.: Грязнов 2006).

Кемский. Из владений Шелешпальских сформировалась сравнительно крупная вотчина Павло-Обнорского монастыря (сц. Инжевар и Крутое). Ко времени введения опричнины Шелешпальские фактически потеряли даже теоретическую возможность восстановить контроль над своими бывшими вотчинами. В их руках по-прежнему оставалось только с. Всехсвятское, остальные вотчины находились во владении монастырей или других землевладельцев. Законодательство о княжеском родовом землевладении существенного влияния на судьбу вотчин Шелешпальских не оказало.

Очевидна и уязвимость стратегии Шелешпальских в сфере родового землевладения. Суть этой стратегии — концентрация вотчин в руках одной из линий рода. В результате чего при бездетности владельцев крупных вотчин остальные Шелешпальские уже не в состоянии были выкупать выморочные вотчины. Более успешную стратегию реализовывали князья Кемские. Выморочные вотчины и расходы на их выкуп делились в равных долях между всеми ветвями рода. Поэтому все ветви Кемских сохраняли возможность не только поддерживать целостность родового землевладения, но и осуществлять экспансию за пределы своего родового гнезда. Однако физическое истребление всего рода Кемских во второй половине XVI в. естественным образом положило конец их родовому землевладению. Маловотчинные же Шелешпальские смогли пережить и опричнину, и Смутное время, сохранили родовые вотчины и даже немного расширили их за счет вотчин ближайших родственников в результате кампании по возвращению части родовых вотчин в послеопричный период.

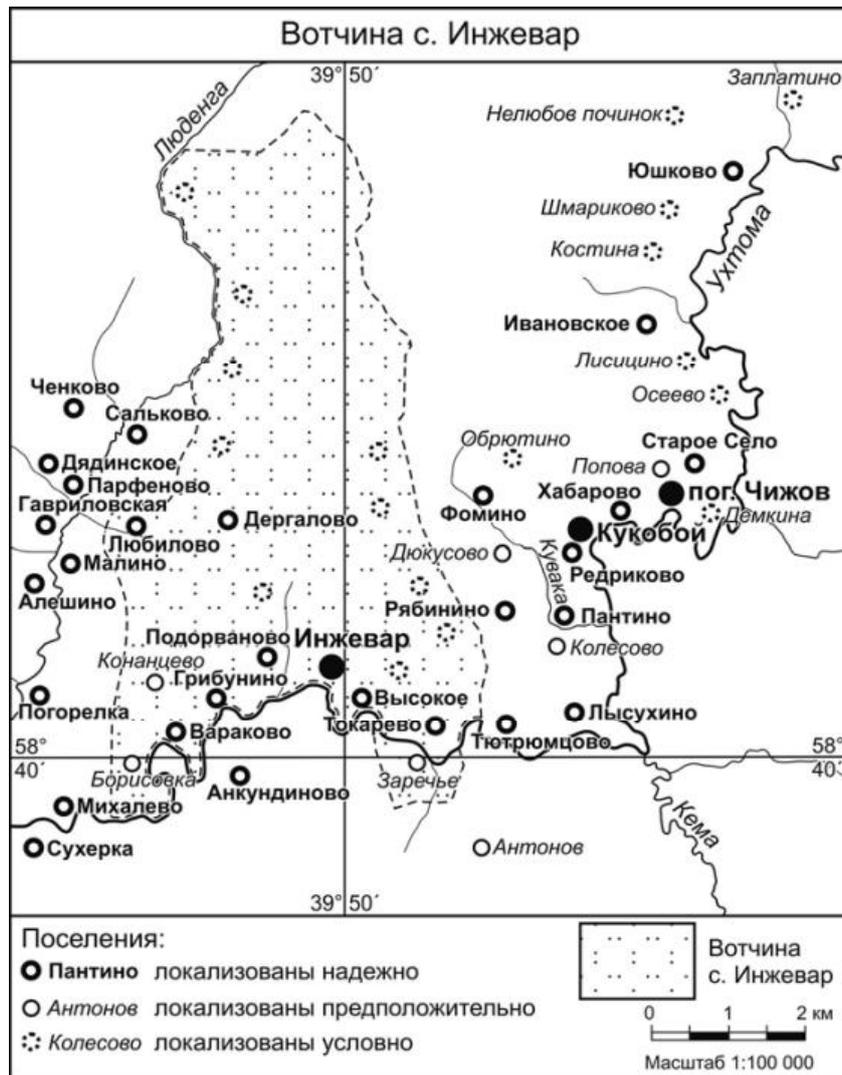
Общая площадь Шелешпала в конце XV в. (в то время, когда им владел Юрий Иванович) составляла около 220 км². В середине XVI в. на его территории находилось не менее 150 деревень, а значит, в начале XVI в. их было около сотни. Для сравнения, владения князей Кемских в Кеме занимали площадь приблизительно 1000 км², а число деревень превышало несколько сотен.

Таблица 1

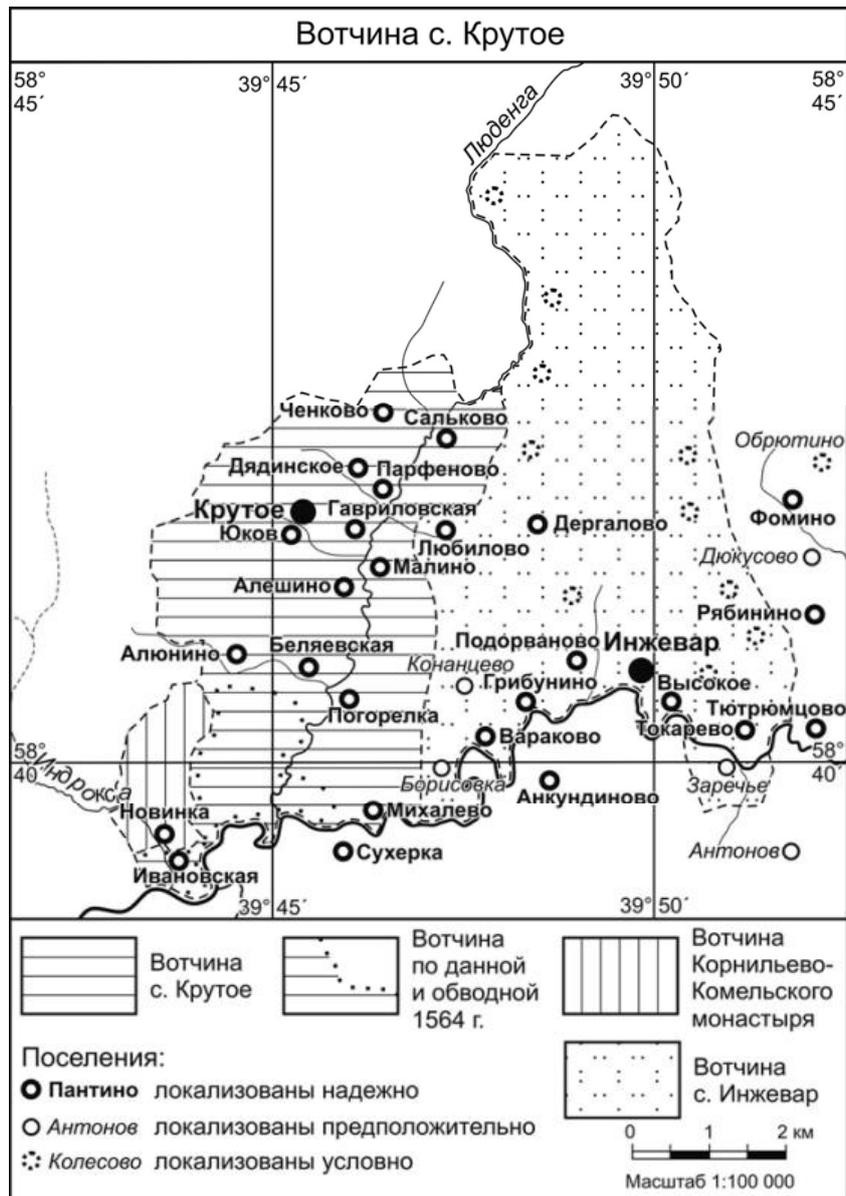
ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ ВОТЧИНЫ С. НИКОЛЬСКОЕ КУКОВОЙ В XVI–XVIII ВВ.

Купчая 1525/26 г. Кукобой	Память 1556/57 г.	Купчая 1556/57 г. Кукобой	ВХК 1560-е гг. Кукобой	Переписная 1601 г. Кукобой	Писцовая книга / Редрягина / Кукобой	Экономические примечания Кукобой
Пантино	Пантино	Пантино	Пантино	Пантино	Панкино / Понкино	Панкино
Тютрюмцово	Тютрюмово	Тютрюмово	Тютрюмово	Тютрюмово	Тютрюмово	Тютрюмова
Лысухино	Лысухино	Лысухино	Лысухино	Лысухино	Лысухино	Лысухина
Рябинино	Рябинино	Рябинино	Рябинино	Рябинино	Рябино	Рябинино
Дюкусова		Дюкусова	Дюкусово	Дюкузово	Дюкусово	
Редрухино		Редрухино			Редрягина / Кукобой	Редрикова
Обрютино		Обрютино	Обрютино		Обрютина	
Пшеничное	Фомино	Фомино	Фомино	Фомино	Фомино	Фомина
Чижово			Чижово		Чижов	
Демкино	Демино	Демякино	Демкино	Демкино	Деминка	
					Нелюбов Починок	

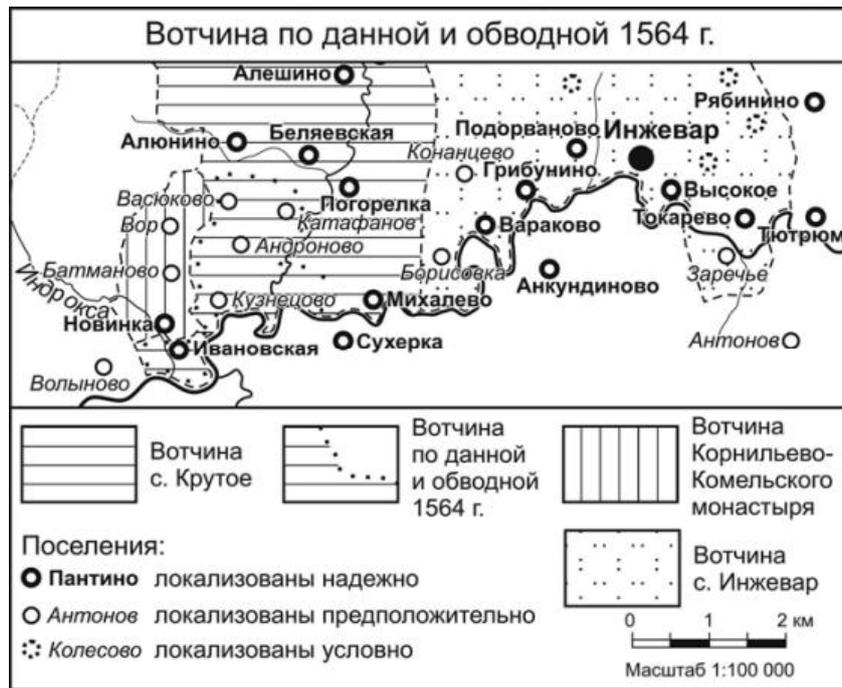
Неклюдово	Неклюдово	Неклюдово	Неклюдово	Неклюдово	Неклюдово	Старое	Старое Селцо	Старое Село
	Ильин	Ильино	Лисицино	Лисицино	Лисицино	Лисицино	Лискив / Лисицын	
	Красное	Лисиево	Лисеево	Лисеево	Лисеево		Осеево / Осютино	
	Костино	Костянино					Костина	
	Онтонов	Онтонов	Антоново	Антоново	Онтоново	Онтоново	Онтоново	
			Кузнецово	Кузнецово	Ивановское	Ивановская	Ивановская	Ивановская
					Хабарово	Хабарово	Хабарово	Хабарово
					Попова	Беляцино		
					Заплатино	Заплатина		
					Колосово	Колесово	Колесово	
					Ошмариково	Шмариково		
					Юшково	Юшкова		Юшкова
						Нелобов Починок		

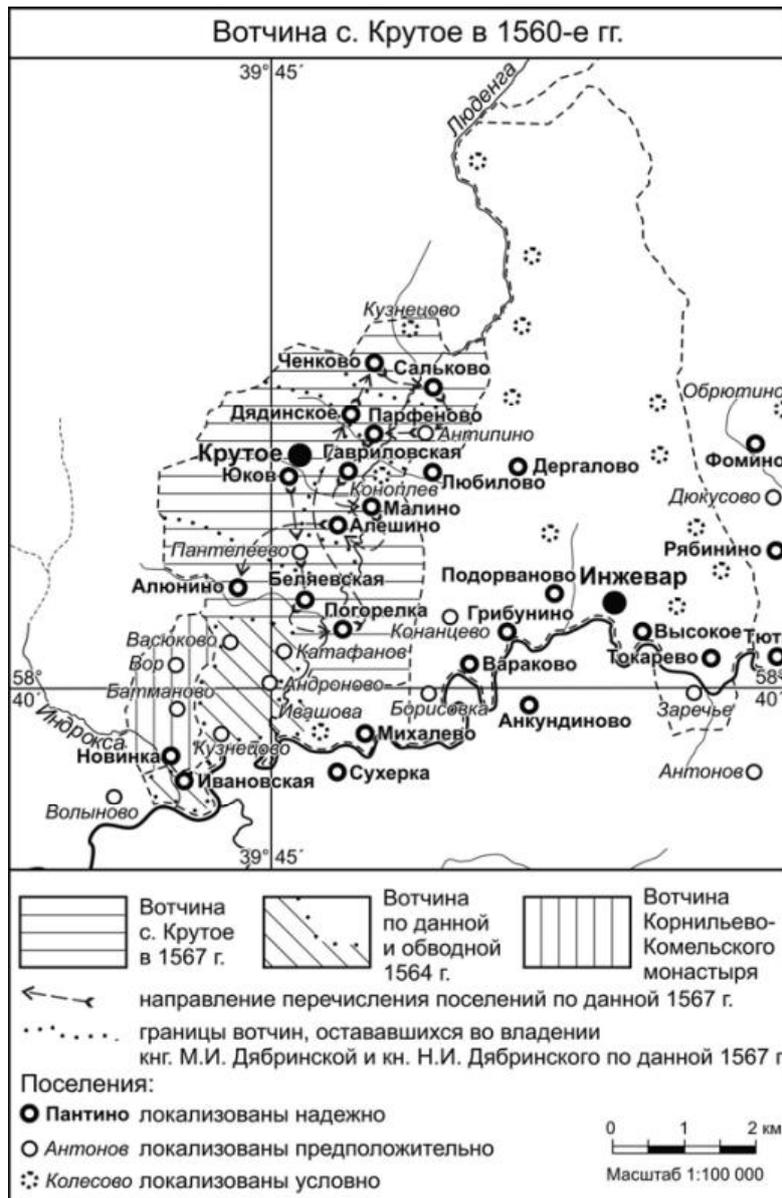
Карта 3
Вотчина с. Инжевар.

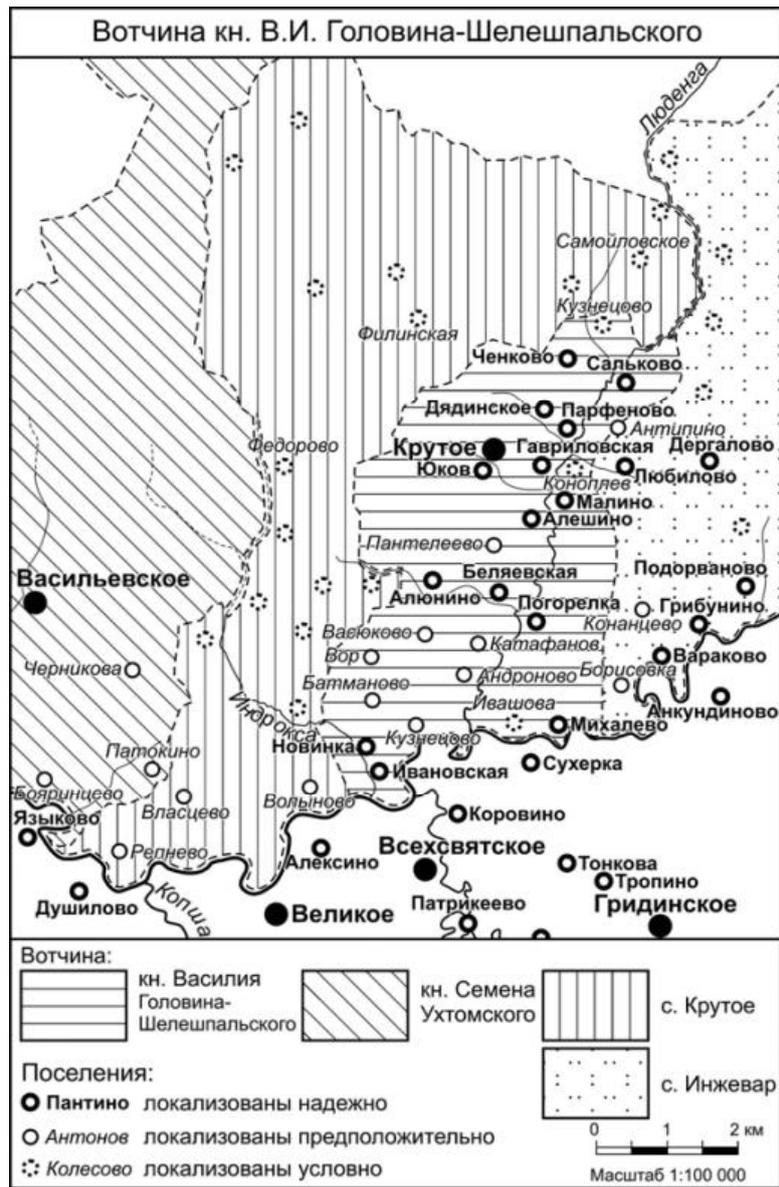
Карта 4
Вотчина с. Крутое.

Карта 5
Вотчина по данной и обводной 1564 г.

Карта 6
Вотчина с. Крутое.

Карта 7
Вотчина кн. В.И. Головина-Шелешпальского.

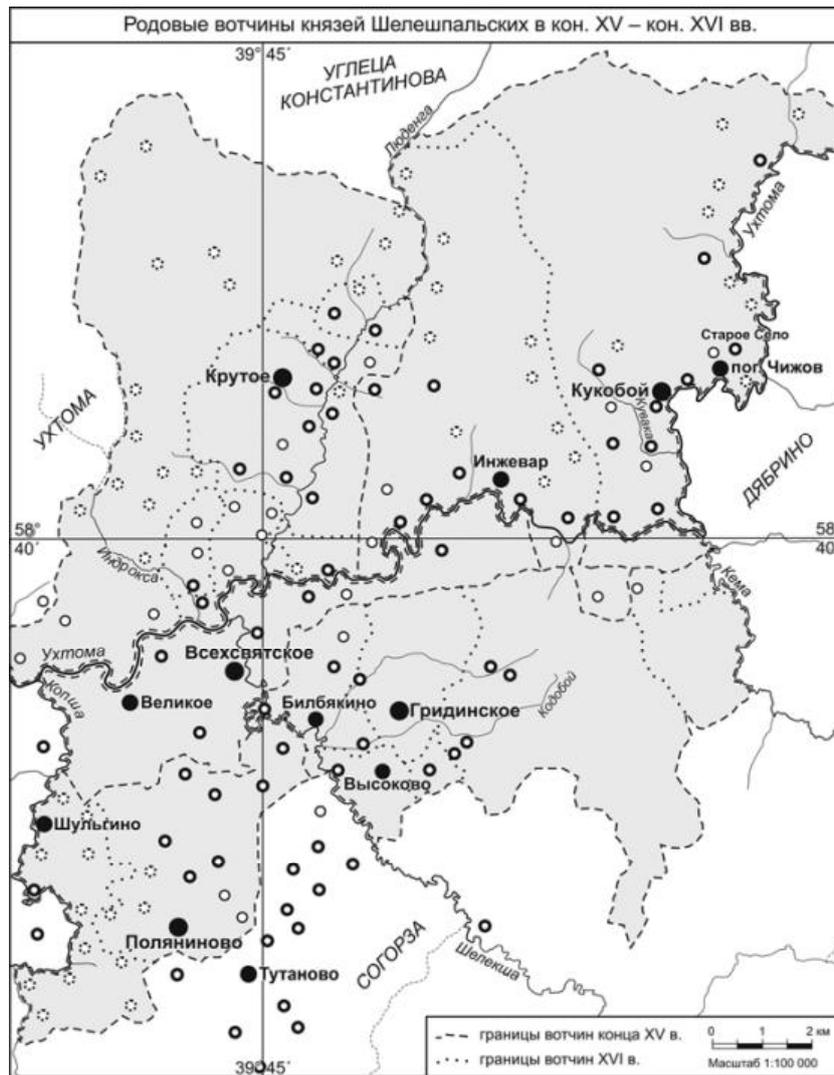
Карта 8
Вотчина с. Поляниново.

Карта 9
Вотчина с. Всехсвятское.

Карта 10
Вотчинный комплекс с. Гридинское Кодобой.

Карта 11
 Родовые вотчины князей Шелешпальских в конце XV – конце XVI в.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АСЭИ 1958 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1958. Т. II: Акты монастырей Кириллова, Ферапонтова, Московского Симонова, Суздальского Спасо-Евфимиева.
- АФЗХ 1983 — Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). Л., 1983.
- АЮ 1838 — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.
- ВХК 1983 — Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. 1559–1601 гг. М.;Л., 1983.
- Грамоты 1996 — Грамоты из архива Павлова Обнорского монастыря // *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 139–165.
- Грязнов 1998 — *Грязнов А.Л.* Князья Шелешпанские в XV–XVII веках // Белозерье. Краеведческий альманах. Вологда, 1998. Вып. 2. С. 93–117.
- Грязнов 2006 — *Грязнов А.Л.* Землевладение князей Кемских в XV–XVI вв. // Исследования по истории Средневековой Руси. СПб., 2006. С. 273–298.
- Грязнов 2012 — *Грязнов А.Л.* Родовое землевладение князей Ухтомских. Вотчинные комплексы сел Карповское и Ескино // Вестник РГГУ. 2012. № 21 (101). Серия «Исторические науки. Историография. Историковедение. Методы исторических исследований». С. 41–63.
- Зимин 1988 — *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
- Каштанов 2006 — *Каштанов С.М.* Белозерско-пошехонские князья и другие вкладчики Павлова Обнорского монастыря // История и культура Ростовской земли. 2005 г. Ростов, 2006. С. 207–248.
- Кобрин 1977 — *Кобрин В.Б.* Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV–XVI вв.) // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 80–115.
- Кучкин 1984 — *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- РИИР 1977 — Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2: Новые родословные книги XVI в.
- Синодик 1998 — Синодик князей Шелешпанских (публ. Ю.С. Васильева, А.Л. Грязнова) // Белозерье. Краеведческий альманах. Вологда, 1998. Вып. 2. С. 118–127.

Т.Н. ДЖАКСОН

СКИФИЯ АДАМА БРЕМЕНСКОГО ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА*

Аннотация: В труде Адама Бременского «Деяния архиепископов гамбургской церкви» (в авторском тексте и схолиях, ни одна из которых — в интересующем нас случае — не принадлежит перу самого Адама) «скифские имена» представлены этнонимом *скифы* (*Scythae, Scytae, Scitae*) (3+1 употребления), хоронимами *Скифия* (*Scythia, Scithia, Scitia*) (3+3) и *Скифские области* (*Scithicae regiones*) (1+0), гидронимами *Скифское море* (*pelagus Scythicum/Sciticum, mare Scythicum/Scithicum*) (3+2), *Скифские, или Меотийские, болота* (*Scyticae paludes, Scithicae vel Meoticae paludes*) (2+1), названием *Скифский берег* (*Scithicum littus*) (1+1); также в цитате из Лукана фигурирует *скифская Диана* (*Scythica Diana*) (1+0). Тематически можно выделить четыре блока информации, в которых используется «скифская лексика». В статье исследуются пути формирования этой лексики и связанных с ней историко-географических образов.

Ключевые слова: Адам Бременский, Скифия, Балтийское море, Меотийские болота, историко-географические образы.

Адам Бременский, автор знаменитой хроники «Деяния архиепископов гамбургской церкви» (1070-е гг.)¹, был, перефразируя Жака ле Гоффа, подлинным интеллектуалом XI века, который подражал древним, питался ими, взгромождался им на плечи². Мало кто из средневековых историков был столь хорошо знаком с письменными источниками, как магистр Адам Бременский. Его географические горизонты оказались гораздо шире горизонтов хорошо известных ему античных авторов, хотя многие его географические образы и представления сформировались именно на

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 11-01-00382а.

¹ См.: Назаренко 2010: 122–151.

² Ле Гофф 1997.

основе античной традиции. В настоящей статье мы посмотрим, как видоизменилась под пером Адама *Скифия* античных источников и какие к этому имелись основания.

В труде Адама (авторском тексте и схолиях, ни одна из которых — в интересующем нас случае — не принадлежит перу самого Адама) «скифские имена» представлены этнонимом *скифы* (*Scythae, Scytae, Scitae*) (3+1 употребления), хоронимами *Скифия* (*Scythia, Scithia, Scitia*) (3+3) и *Скифские области* (*Scithicae regiones*) (1+0), гидронимами *Скифское море* (*pelagus Scythicum/Sciticum, mare Scythicum/Scithicum*) (3+2), *Скифские, или Меотийские, болота* (*Scyticae paludes, Scithicae vel Meoticae paludes*) (2+1), названием *Скифский берег* (*Scithicum littus*) (1+1); также в цитате из Лукана фигурирует *скифская Диана* (*Scythica Diana*) (1+0). Тематически можно выделить четыре блока информации, в которых используется «скифская лексика».

I

Первая группа «скифских» фрагментов невелика. Это литературные аллюзии или прямые цитаты. Так, в главе II, 50³ Адам пишет о епископе Унване, что тот, «будучи мужем славнейшим», «следовал примеру святого Ангария, а также некоего Теотима, епископа *скифов* из “Церковной истории”»⁴, демонстрируя свое знакомство с «Церковной историей в трех частях» (IX, 47) Кассиодора (около 487–578 гг.). В главе IV, 44, в пространной характеристике северных народов, Адам, среди прочего, пишет: «[И] се: ужасная страна эта, всегда недоступная из-за почитания идолов, *чей лик не добрей, чем у скифской Дианы*, теперь, забыв природную жестокость, допускает везде проповедников истины, разрушив жертвенники ложных богов, воздвигает здесь и там церк-

³ Отсылки к тексту Адама в статье и латинские цитаты в сносках даны по изданию Б. Шмайdlера (Adam 1917); русские переводы — В.В. Рыбакова (Адам 2012).

⁴ Адам 2012: 355–356; “Unwanus igitur cum esset vir nobilissimus, aequè nobilem ac sufficientem liberalitati suae sortitus est episcopatum, in quo et magnitudinem animi posset ostendere et necessitati ecclesiae simul prodesse. [...] Credo etiam secutus exemplum sancti Ansgarii et cuiusdam in Ecclesiastica Hystoria Theotimi, Scytarum episcopi, quorum alter legitur incredulos reges donis placasse, alter vero barbaros natura feroces epulis muneribusque mansuefecisse laudatur” (Adam 1917: 111). Курсив в цитатах здесь и далее мой. — Т. Д.

ви, и все [в ней] дружно превозносят имя Христа»⁵. Выделенный мною оборот — «чей лик не добрей, чем у скифской Дианы» — заимствован Адамом у римского поэта I в. н. э. Лукана (Phars. I, 446), где полностью фраза звучит так: «Также и те, что привыкли поить человеческой кровью // Еза ужасный алтарь или дикого в злобе Тевтата, // Иль Тараниса, чей лик не добрей, чем у скифской Дианы»⁶.

II

Вторая группа «скифских» фрагментов, на которой мы остановимся, связана с норвежским конунгом Харальдом Суrowым Правителем (1046–1066) и относится ко времени его службы в дружине византийского императора (около 1034–1043 гг.). В главе III, 13 Адам сообщает, что «некий Харальд, брат короля-мученика Олава, еще при жизни брата покинул родину [и] изгнанником отправился в Константинополь. Там он сделался рыцарем императора [и как предводитель] участвовал во многих битвах с сарацинами на море и [со] *скифами* на суше, прославившись храбростью и весьма разбогатев [...]»⁷. А в III, 17, порицая жестокость этого короля, Адам припоминает его прежние военные успехи: «он уже прежде вел много войн с варварами в Греции (Византии. — *Т. Д.*) и областях *Скифии*»⁸.

Можно сравнить сведения Адама с рассказами других источников о Харальде и попытаться понять, кого Адам обозначил этнонимом *скифы*. Византийский полководец XI в. Кекавмен в

⁵ Адам 2012: 447; “Ecce patria illa horribilis, semper inaccessa propter cultum ydolorum, — ‘et Scythicae non mitior ara Dianae’, deposito iam naturali furore praedicatores veritatis ubique certatim admittit, destructisque demonum aris ecclesiae passim eriguntur, et nomen Christi communi ab omnibus effertur preconio” (Adam 1917: 280).

⁶ Марк Анней Лукан 1951: 19–20 (ст. 444–446): “et quibus inmitis placatur sanguine diro / Teutates horrensque feris altaribus Esus / et Taranis Scythicae non mitior ara Dianae”.

⁷ Адам 2012: 379; “Haroldus quidam, frater Olaph regis et martyris, vivente adhuc germano patriam egressus Constantinopolim exul abiit. Ubi miles imperatoris effectus multa prelia contra Sarracenos in mari et Scitas in terra gessit, fortitudine clarus et divitiis auctus vehementer” (Adam 1917: 153–154).

⁸ Адам 2012: 381; “Erat [autem] vir potens et clarus victoriis, qui prius in Grecia et in Scythiae regionibus multa contra barbaros prelia confecit” (Adam 1917: 159).

«Советах и рассказах», вопреки целому ряду неточностей, дает достойное внимания описание пребывания Харальда в Византии, чему он, как следует из его текста, был очевидцем, и указывает на два военных предприятия Харальда (которого он называет *Аральт*) на службе у Михаила Пафлагонянина — поход на «Сицилию (ибо там находились ромейские военные силы, ведя войну на острове)» и подавление «мятежа Деляна в Болгарии» и покорение Болгарии⁹. Саги о конунге Харальде, основанные на скальдических стихах и устной традиции, повествуют об участии Харальда в военной операции против пиратов в Эгейском море, в византийской военной экспедиции на Сицилии, в подавлении восстания Деляна в Болгарии и о путешествии Харальда в Иерусалим. Саги также сообщают, что он провел «много зим в Африке». Снорри Стурлусон, в частности, пишет: «отправился он тогда со своим войском на запад в Африку, которую вэринги называют Серкландом»¹⁰. *Серкланд* древнескандинавских источников обычно трактуется как «Земля сарацин» — название некоторых областей в Северной Африке и Передней Азии¹¹. Сигфус Блэндаль, однако, отмечает, что *Серкланд* не может в этом контексте обозначать Африку, поскольку в греческих источниках нет сведений о каких-либо экспедициях в Африку во время правления Михаила IV. Но поскольку, утверждает он, этноним *Serkir* нередко употребляется в древнескандинавских источниках как синоним *арабов* или арабо-говорящих народов, не будет большим допущением заключить, что скальдические строфы, на которых основано это известие саг, относятся к византийско-арабским военным действиям в Малой Азии, каковых было немало в годы правления Михаила IV¹². Итак, участие Харальда в двух кампаниях за время его византийской службы (на Сицилии и в Болгарии) отмечают и Кекавмен, и саги. На участие Харальда в подавлении весной-летом 1041 г. восстания Деляна в Болгарии указывает, кроме того, и прозвище, данное Харальду скальдом Тьодольвом Арнорссоном, *Bolgara brennir* «уничтожитель болгар».

⁹ Советы и рассказы 1972: 283, 285.

¹⁰ Snorri Sturluson 1951: 74.

¹¹ Baetke 1987: 57; Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1957: 523; Metzenthin 1941: 94–95.

¹² Sigfús Blöndal 1978: 60–62, 66.

Одна из версий чуда святого Олава в битве с язычниками (сохранившаяся в «Гнилой коже» и «Хульде») тоже трактуется как отражение участия отряда Харальда в подавлении восстания Деяна. С этим военным предприятием связывают и руническую надпись на пирейском льве, перечисляющую ряд имен, среди которых фигурирует имя Харальда Высокого¹³. Болгарская кампания в свете сказанного предстает как самое широко известное военное предприятие Харальда. Как указывает М.В. Бибиков, в большинстве текстов конца X – начала XI в. ««скифами» византийцы именовали болгар»¹⁴. Скорее всего, в соответствии с присущим античности противопоставлением скифов (то есть северных варваров) и средиземноморской цивилизации, а также с вытекающей отсюда «византийской архаизирующей традицией»¹⁵, Адам обозначил термином *скифы* тех противников империи, с которыми довелось сражаться Харальду, а именно болгар.

III

Третья группа «скифских сюжетов» — повествование о миссионерской деятельности гамбургско-бременского архиепископа Унни (916–936). Ему посвящена заключительная часть книги I (гл. 54–63)¹⁶, в которой рисуется предыстория северной миссии во времена Каролингов: говорится об основании северной миссии и первом путешествии Ангария, об основании, подъеме и закате Гамбургского архиепископства, об объединении Бремена с Гамбургом и, наконец, о миссии архиепископа Унни. Этот ранний период представлен как время противостояния христиан и северных язычников, преимущественно датчан. Дания выступает в книге I как цель христианской миссии и как основное пространство, на котором разворачиваются события¹⁷. Адам, естественно, пишет об этом времени ретроспективно. Однако имеется целый ряд современных/близких событиям источников, на основании которых с уверенностью можно говорить о том, что вскоре после похода Генриха I Птицелова (934 г.) началась миссионерская дея-

¹³ Подробнее и литературу см.: Джаксон 2012: 471–474.

¹⁴ Бибиков 2010: 187.

¹⁵ Бибиков 1999: 80.

¹⁶ Унни также упоминается в гл. 1 книги II.

¹⁷ Garipzanov 2011: 13–29.

тельность в северных странах, куда был направлен архиепископ Унни, скончавшийся там, согласно «Корвейским анналам» (“*Annales Corbeienses*”), в 936 г.¹⁸. На какие источники опирался в этой части своего рассказа Адам? В главе I, 35, говоря о том, что «святой Римберт сидел XXIII года», он отмечает, что «годы его [епископства] и [время] кончины его предшественника *мы узнали из одного сборника (computus), полученного из Корвея*»¹⁹. На этом основании В. Трильмих заключил, что «из Корвеи он велел доставить себе более подробные, чем те, что дошли до нас, анналы»²⁰. В главе I, 52, упомянув восшествие (в 911 г.) на престол Восточно-Франкского королевства Конрада I, Адам пишет: «До этого времени и доведена “История франков”. [То,] что мы намереваемся писать дальше, *мы узнали из разных других нелживых книг. А кое-что по нашей просьбе рассказал нам светлейший король данов [Свен Эстридсен]*»²¹. В главе I, 54 рассказ об Унни Адам начинает такими словами: «Архиепископ Унни сидел XVIII лет. Годы его [жизни] и [время] кончины я узнал [там же,] где и раньше. Братья помнят, что, когда умер Рeginвард, клир и народ избрали [на его место] настоятеля бременского капитула Лейдрада. Он, используя Унни в качестве капеллана, явился ко двору. Но король Конрад, вдохновленный, как полагают, свыше, презрев важного Лейдрада, вручил пастырский жезл [совсем еще] ребенку Унни, которого заметил стоящим позади [Лейдрада]. Папа Иоанн X, как указано в привилегии, даровал ему, [Унни,] паллий»²². Остальные отсылки к источникам на протяжении означенных

¹⁸ *Annales Corbeienses* 1839: 4.

¹⁹ Адам 2012: 318; “*Sanctus Rimbertus sedit annos XXIII. Annos eius et obitum decessoris sui repperimus in quodam compoto a Corbeia delato*” (Adam 1917: 38).

²⁰ Трильмих 2011: 499.

²¹ Адам 2012: 326; “*Hactenus etiam Francorum tendit Historia. Quae deinceps dicturi sumus, in aliis et aliis repperimus non mendacibus libris. Aliqua vero recitavit nobis clarissimus rex Danorum ita rogantibus...*” (Adam 1917: 52–53).

²² Адам 2012 : 327–328; “*Unni archiepiscopus sedit annos XVIII. Annos eius obitumque ut supra cognovi. Memoriae traditum est a fratribus, cum Reginwardus transisset, Leidradum, Bremensis chori prepositum a clero et populo electum. Qui hoc Unni pro capellano utens ad curiam venit. Rex autem Conradus divino, ut creditur, spiritu afflatus, contempta Leidradi specie parvulo Unni, quem retro stare conspexerat, virgam pastorem optulit. Cui etiam papa Iohannes decimus, ut privilegium indicat, palleum dedit*” (Adam 1917: 55).

глав таковы: «мы благоговейно пересказываем всё это для [членов] нашей церкви истинно так, как *сообщил нам один епископ данов, муж сведущий*» (I, 57), «*говорят*» (I, 59), «*как пишут*» (I, 60), «*от многократно упоминавшегося короля данов Свена мы узнали, что...*» (I, 61), «*...о которых упоминается в “Деяниях святого Ансгария”*» (I, 61)²³. Как видим, Адам соединяет в своем изложении событий материал многочисленных устных и письменных источников, по возможности оговаривая их использование, он творчески подходит к сбору источников и их осмыслению.

Скифия и *скифы* упоминаются в этом сюжете следующим образом.

В главе I, 60, в рассказе о том, как Унни — по стопам Ансгария — переплыл Балтийское море и приехал в Бирку, «город готов», Адам сообщает, кем регулярно посещается это торговое поселение: «В это место, так как оно является самым надежным в приморских областях Свеонии, имеют обыкновение регулярно съезжаться по разнообразным торговым надобностям все суда данов, или норманнов, равно как и склавов и сембов, [там] также [бывают] *другие народы Скифии*»²⁴. Весьма велика вероятность того, что этот фрагмент Адам выстраивал, основываясь на «Житии святого Ансгария», чья миссия к свеям (свеонам) привела его в первую очередь именно в Бирку. Сходный перечень народов мы находим в словах Римберта, которыми открывается житие: «Начинается книга, содержащая житие, или деяния и кончину, Ансгария, первого архиепископа нордальбингов и легата святой папской кафедры к свеонам и данам, а также славам и остальным народам северных стран, до сих пор придерживающимся языческого обычая»²⁵.

Что дало Адаму основание заменить «народы северных стран» Римберта на «народы Скифии»? Вне сомнения, воспри-

²³ Адам 2012: 328–330; “*Haec omnia referente quodam episcopo Danorum, prudenti viro, nos veraciter ut accepimus, sic fideliter ecclesiae nostrae tradimus*”; “*fertur*”; “*ut legimus*”; “*Accepimus a sepe dicto rege Danorum Suein*”; “*de quibus in Gestis sancti Ansgarii legitur*” (Adam 1917: 57–59).

²⁴ Адам 2012: 329; “*Ad quam stationem, quia tutissima est in maritimis Suevoniae regionibus, solent omnes Danorum vel Nortmannorum itemque Sclavorum ac Semborum naves alique Scithiae populi pro diversis commerciorum necessitatibus sollempniter convenire*” (Adam 1917: 58).

²⁵ Житие 1997: 30–31.

ятие северных земель как Скифии было унаследовано Адамом из хорошо известных ему трудов античности и раннего средневековья. Исследователи Адама подчеркивают, что «то, что он черпал информацию... из античных произведений и данных поэзии, соответствовало практике его времени. Так, у него встречаются цитаты из Саллюстия, Горация, Вергилия, Лукана...»²⁶. А знаток античной Скифии М.В. Скржинская подчеркивает, что «для большинства античных писателей Скифия — это символ крайнего севера, “ледяная, заснеженная страна”, о которой мало что известно рядовому греку и римлянину, не знающему многих трудов историков и географов. С таким образом Скифии, имеющим мало общего с реальной страной», можно, по ее свидетельству, встретиться «у прославленных римских поэтов Вергилия, Горация, Проперция и даже у Овидия»²⁷. Итак, литературные познания Адама могли сформировать тот образ *Скифии*, к народам которой, как следует из главы I, 60, он относит и свеев (жителей Свеонии), и датчан, и норвежцев, и славян, и пруссов, то есть весь европейский север вокруг Балтийского моря (о котором речь у нас пойдет ниже)²⁸.

В главе I, 62 Адам рассказывает о том, как Унни заболел и умер в Бирке, тело его погребли там же, а голову привезли в Бремен, в собор св. Петра. Далее, еще раз упомянув кончину проповедника, Адам уточняет ее место и время: «Скончался же он, завершив путь подвига доброго, в *Скифии*, как пишут, в СМXXXVI год от воплощения Господня, в IX [год] индикта около середины сентября. Это был первый год [правления] Оттона Великого, CXLVIII [год] после смерти первого бременского епископа святого Виллехада»²⁹. Вряд ли стоит думать, что здесь (с интервалом в одну главу и в рамках одного сюжета) *Скифия* употреблена

²⁶ Трильмих 2001: 499–500.

²⁷ Скржинская 2001: 9.

²⁸ Адаму следует и схолиаст (IV, 21, Schol. 130): «Данов, свеонов, норманнов и прочие народы Скифии римляне именовали гипербореями»; “Dani, Sueones et Nordmanni et reliqui Scithiae populi a Romanis Yperborei vocantur” (Адам 2012: 433; Adam 1917: 250).

²⁹ Адам 2012: 330; “Obiit autem peracto boni certaminis cursu in Scitia, ut scribitur, anno dominicae incarnationis DCCCCXXXVI, indictione IX, circa medium Septembrem. Hic est annus Ottonis Magni primus, a transitu sancti Willehadi primi Bremensis episcopi CXLVIII” (Adam 1917: 60).

Адамом в ином, более узком, значении (а именно как наименование Швеции), и тем более без соответствующих оговорок подменять один хороним другим, как это сделано в английском переводе памятника³⁰. При том, что в следующей главе — последней главе книги I (I, 63) — Адам, наставляя нерадивых епископов, лишний раз подчеркивает, что архиепископ Унни, преодолев великие опасности моря и суши, «объехал [области] диких северных народов» со своей миссией и «умер на краю земли»³¹, положив жизнь свою за Христа. Напомним, что, согласно Адаму, Унни, собравшись «объехать просторы своего диоцеза», начал свой миссионерский подвиг в Дании, где «привлек своей проповедью» короля Харальда Гормссона, так что тот позволил ему «публично исповедовать христианство» и он «обошел все острова данов, благовествуя язычникам слово Божье»³². Соответственно, в глазах Адама не Швеция была целью христианской миссии архиепископа Унни, а в главе II, 1 Адам вновь назовет Унни «легатом к скифам», то есть к северным народам, а Ф. Чан вновь переведет это так, что «Unni was on his mission to the Swedes»³³. Мы же на основании этого блока информации остановимся на том выводе, что *Скифия* для Адама — как следствие его высокой образованности — синоним *северных земель*, хотя *его* северные земли лежат гораздо севернее тех, которые замыкали горизонт античного мира.

IV

Четвертая (и последняя) тематически вычлняемая группа «скифских» фрагментов связана с именованим и описанием Бал-

³⁰ “Unni died in Sweden” (Adam 2002: 53).

³¹ Адам 2012: 331; “...cum per tanta pericula maris et terrae feroces aquilonis populos ipse pertransiens ministerium legationis suae tanto impleret studio, ut in ultimis terrae finibus exspirans animam suam poneret pro Christo” (Adam 1917: 60).

³² Адам 2012: 328–329; “...latitudinem suae diocesis per se ipsum elegit circuire”, “...filium autem regis Haroldum sua dicitur praedicatione lucratus. Quem ita fidelem Christo perfecit, ut christianitatem, quam pater eius semper odio habuit, ipse haberi publice permetteret, quamvis nondum baptismi sacramentum percepit. [...] Cuius etiam fultus adiutorio et legato omnes Danorum insulas penetravit, euangelizans verbum Dei gentilibus et fideles, quos invenit illic captivatos, in Christo confortans” (Adam 1917: 57–58 [I, 58, 59]).

³³ Adam 2002: 54.

тийского моря. Адам называет его *Балтийским морем*³⁴, *Варварским морем*, *Скифским морем*, а также *Скифскими, или Меотийскими, болотами, Гетскими пустынями* или *Скифским берегом*.

Упомянув в главе II, 18 *Скифское море* как границу Саксонии, Адам ссылается на свой источник знаний об этом море («О природе этого моря кратко пишет Эйнхард в “Деяниях Карла”, когда говорит о Склаванской войне») и в главе II, 19 приводит из него пространную цитату: «От Западного океана, — говорит он, — на восток простирается некий залив, на неизвестную притом длину, ширина же [его] нигде не превышает ста миль, а во многих местах, как обнаруживается, [даже] меньше. Вокруг этого залива обитают многие народы. Ведь северное побережье и все острова на нем занимают даны и свеоны, которых мы именуем норманнами. Южный же берег населяют склавы и разные другие народы, среди которых самые главные — [как раз те,] на кого король тогда пошел войной — вильцы, которых он разбил и покорил за один поход, который он совершил самолично, так что они ко всему прочему решили [также] никоим образом не отказываться исполнять [королевские] повеления»³⁵. Любопытно, что *Балтийское море* Адам называет здесь *Скифским* и дословно цитирует далее Эйнхарда³⁶, который не дает этому морю вообще

³⁴ «Кстати говоря, Адам — первый, кто употребляет название “Балтийское море” — *mare Balteum*» (Назаренко 1999: 275).

³⁵ Адам 2012: 337–338; “De cuius freti natura breviter in Gestis Karoli meminit Einhardus, cum de bello diceret Sclavanico”; “Sinus, ait, quidam ab occidentali oceano orientem versus porrigitur, longitudinis quidem incomptae, latitudinis vero, quae nusquam C milia passuum excedat, cum in multis locis contractior inveniatur. Hunc multae circumsident nationes. Dani siquidem ac Sueones, quos Nortmannos vocamus, et septentrionale litus et omnes in eo insulas tenent. At litus australe Sclavi et aliae diversae incolunt nationes, inter quos vel precipui sunt, quibus tunc a rege bellum inferebatur, Wilzi. Quos ille una tantum et quam per se gesserat, expeditione ita contudit ac domuit, ut ulterius imperata facere minime rennuendum iudicaret” (Adam 1917: 74–75).

³⁶ Ср.: «От западного океана на Восток протянулся некий залив, длина которого неизвестна, а ширина не превышает сто тысяч шагов, хотя во многих местах он и более узок. Вокруг него живет множество народов: даны, так же как и свеоны, которых мы называем норманнами, владеют северным побережьем и всеми его островами. На восточном берегу живут славяне, эсты и различные другие народы, между которыми главные велатабы, с которыми тогда Карл вел войну. Всего лишь одним походом, которым он сам руководил, Карл так разбил и укротил [велатабов], что в дальнейшем те считали, что

никакого названия, да и скифов на его берегах не помещает — о скифах у Эйнхарда речь вообще не идет нигде. Однако, согласно Эйнхарду, «северное побережье и все острова на нем занимают даны и свеоны», а, как мы видели выше, Адам уже обозначил миссию архиепископа Унни к северным народам (конкретнее — как раз к данам и свеям) как проповедь слова Божьего *скифам*. Значит, для Адама насельники данной области — не *норманны*, как их называет Эйнхард, но *скифы*, а море, на берегах которого они живут, — *Скифское*. Ниже, в главе IV, 10, Адам озвучит этот способ именованя водных пространств по обитателям прилегающих территорий, причем применительно именно к Балтийскому морю: «Его также именуют морем Варварским или Скифским по варварским народам, которые обитают на его берегах»³⁷. Соответственно, и в II, 18 *Скифское море* — термин Адама (а не его источника)³⁸, что подтверждается его комментариями в двух следующих главах, где он лишний раз подчеркивает, что это было описание Эйнхарда, а дальше он будет говорить от себя (II, 20: «Это он. Мы же, коль скоро столько раз [уже] заходила речь о склавах, полагаем, что будет нелишним, если мы скажем...»), и тут же называет северной границей Склавании («обширной области Германии», населенной «винулами») *Скифское море* (II, 21)³⁹.

Еще одна характеристика Балтийского моря в тексте Эйнхарда породила, на мой взгляд, еще одну ментальную конструкцию Адама, в которой путем логических размышлений он соеди-

им не следует более отказываться от исполнения приказов [короля]» (Эйнхард 1999: 18).

³⁷ Адам 2012: 426; “idemque mare Barbarum seu pelagus Sciticum vocatur a gentibus, quas alluit, barbaris” (Adam 1917: 238).

³⁸ Впрочем, термин *Скифское море* (но не Балтийское) есть у Лукана в «Фарсалии» (I, 18: *Scythicus Pontus*). Вслед за Адамом *Скифское море* (= Балтийское) — у Оттона Фрайзингенского (сер. XII в.); у Хельмольда из Бозау (до 1177 г.) — прямое заимствование из Адама.

³⁹ Адам 2012: 338; “Haec ille; nos autem, quoniam mentio Sclavorum totiens incidit, non ab re arbitramur, si de natura et gentibus Sclavaniae historico aliquid dicemus compendio, eo quod Sclavi eo tempore studio nostri pontificis Adaldagi narrantur ad christianam religionem fere omnes conversi”; “Sclavania igitur, amplissima Germaniae provintia, a Winulis incolitur, qui olim dicti sunt Wandali... Eius latitudo est a meridie in boream, hoc est ab Albia fluvio usque ad mare Scythicum” (Adam 1917: 75–76).

нил конкретный источниковый материал со своими абстрактными литературными познаниями. Я имею в виду приводимые Адамом в II, 19 слова Эйнхарда о том, что «от Западного океана... на восток простирается некий залив, на неизвестную притом длину». В главе IV, 10, применяя, как он сам говорит, «способ разъяснения», т. е. излагая «более полно» то, что Эйнхард «обрисовывает вкратце», Адам так трактует название этого моря: «Этот залив [местные] жители называют Балтийским, потому что он тянется на большое расстояние через скифские области вплоть до Греции, наподобие пояса. Его также именуют морем Варварским или Скифским по варварским народам, которые обитают на его берегах»⁴⁰. Действительно, лат. *balteus* — это «пояс», и такое народно-этимологическое толкование Адама вполне понятно⁴¹. Почему залив тянется «через *скифские* области» и называется *Скифским морем*, — мы выше выяснили. Но почему «вплоть до Греции»? Причем, это — не разовая оговорка: в IV, 1 сообщается, что из Шлезвига «обыкновенно отправляются корабли в Склаванию, либо в Сведию, либо в Семланд *вплоть до Греции*»⁴²; в IV, 16 — что с острова Борнхольм плывут «к варварам и в *Грецию*», а в Курланд съезжаются «со всего света... за пророчествами, а больше всего *из Испании и Греции*»⁴³.

Отвергая весьма правдоподобные возможные объяснения, А.В. Назаренко подчеркивает, что поскольку «картина мира» средневекового человека «покоилась на традиции и авторитете», ему «было крайне трудно вообразить, что на земле есть уголок, о котором ничего не написано у Плиния, Солина, Орозия, Исидора и т.п.». Так и Адам нашел по данному вопросу авторитетное суждение римского ученого-компилятора V в. н. э. Марциана Капеллы, «что “Меотийские болота” (античное название Азовского моря) являются “заливом Северного океана”. Результатом стало

⁴⁰ Адам 2012: 426; “Sinus ille ab incolis appellatur Balticus, eo quod in modum baltei longo tractu per Scithicas regiones tendatur usque in Greciam, idemque mare Barbarum seu pelagus Sciticum vocatur a gentibus, quas alluit, barbaris” (Adam 1917: 238).

⁴¹ Ср.: Svennung 1953.

⁴² Адам 2012: 421; “Ex eo portu naves emitti solent in Sclavianiam vel in Suediam vel ad Semland usque in Greciam” (Adam 1917: 228).

⁴³ Адам 2012: 429; “ad barbaros et in Greciam”; “A toto orbe ibi responsa petuntur, maxime ab Hispanis et Grecis” (Adam 1917: 243–244).

прямое отождествление Балтики и Меотиды со ссылкой на Марциана, фундаментальное для всей географической картины Адама Бременского»⁴⁴. Менее категоричен (и, как мне представляется, гораздо более близок к истине) автор был в более ранней своей работе: одной из причин уникального для средневековой географической литературы отождествления Балтики и Меотиды он назвал контаминацию сведений информаторов-современников с данными ученой традиции (и в частности, того же Марциана — *De Nuptiis*. VI, 619), а главной — противоречивость реальной информации Адама, согласно которой можно было доплыть на восток и до Руси, и до Греции⁴⁵. В приведенной же формулировке из работы 1999 г. акценты у А.В. Назаренко, по моему мнению, несколько смещены. Во-первых, *не* при отождествлении Балтики и Меотиды Адам ссылается на Марциана⁴⁶. Приведем цитату из Адама: «Вот то, что я хотел сказать об этом Балтийском, [или Варварском,] заливе. Я не встречал о нем никаких упоминаний ни у кого из ученых [мужей], кроме как у одного, о котором мы писали выше, у Эйнхарда. Полагаю, что древние [римляне] знали это море под именами Скифских, или Меотийских болот, “гетских пустынь”, а также “скифского берега”, который, по словам Марциана, “густо населен множеством разнообразных варваров”. “Там, — пишет он, — геты, даки, сарматы, аланы, {неутры,} гелоны, антропофаги, троглодиты”» (IV, 20)⁴⁷. Во-

⁴⁴ Назаренко 1999: 276.

⁴⁵ Назаренко 1989: 114–115.

⁴⁶ Кстати заметим, что представление о Меотиде как о заливе Северного океана Адам мог обнаружить и в другом своем источнике — «Фарсалиях» Лукана (*Phars.* III, 277).

⁴⁷ Адам 2012: 431; “*Haec habui, quae de sinu illo Baltico [vel Barbaro] dicerem, cuius nullam mentionem audivi quempiam fecisse doctorum nisi solum, de quo supra diximus, Einhardum. Et fortasse mutatis nominibus arbitror illud fretum ab antiquis [Romanis] vocari paludes Scithicas vel Meoticas, sive deserta Getharum, aut litus Scithicum, quod Martianus ait confertum esse multiplici diversitate barbarorum. Illic, inquit, Gethae, Daci, Sarmatae, Alani, [Neutri,] Geloni, Antropofagi, Trogoditae*” (Adam 1917: 248–249). Аналогично у схолиаста (IV, 10, Schol. 116): «Восточное море, море Варварское, море Скифское или море Балтийское — [это] одно и то же море, которое Марциан и [другие] древние римляне называют Скифскими, или Меотийскими, болотами, Гетскими пустынями или Скифским берегом»; “*Mare orientale seu mare Barbaricum sive*

вторых, Адам упомянул в этом абзаце одного лишь Марциана, но, как отмечают издатели, переводчики и комментаторы его текста, Марциану здесь принадлежат слова о варварах, населяющих *скифский берег*, и следующее далее их перечисление (De Nuptiis. VI, 663); *Гетскую пустыню* Адам заимствовал из «Георгик» Вергилия (III, 462), *Меотийские болота* — у Орозия (I, 2, 5.52) или у Иордана (38; 44). *Скифских болот* нет ни в одном известном источнике Адама, однако стоит обратить внимание на рассказ Иордана (38) о начальном расселении готов («Мы читали, что первое расселение [готов] было в Скифской земле, около Мэотийского болота; второе — в Мизии, Фракии и Дакии; третье — на Понтийском море, снова в Скифии...»⁴⁸), где в связь поставлены *Скифская земля* и *Меотийское болото*. Именно этот, не упомянутый Адамом (однако выявляемый исследователями) источник, и мог дать ему основание для «сотворения» *Скифских болот*⁴⁹, тождественных, с одной стороны, его собственному *Скифскому морю* (то есть Балтийскому), а с другой стороны, — *Меотиде* античных авторов.

В результате Шлезвиг, Борнхольм, Юмне (Волин)⁵⁰, «Острогард России»⁵¹ и Греция оказались для Адама маршрутами одно-

mare Scithicum vel mare Balticum unum et idem mare est, quod Marcianus et antiqui romani Scithicas vel Meoticas paludes sive deserta Getharum aut Scithicum littus appellant” (Адам 2012: 426–427; Adam 1917: 237).

⁴⁸ Иордан 1997: 68.

⁴⁹ Ср. также II, 22: «<...> река Одер <...> В ее устье, омывающем Скифские болота, прославленный город Юмне, [Волин,] предоставляет варварам и грекам, которые находятся в округе, [свою] весьма часто посещаемую гавань»; “In cuius ostio, qua Scythicas alluit paludes, nobilissima civitas Iumne celeberrimam prestat stationem Barbaris et Grecis, qui sunt in circuitu” (Адам 2012: 339; Adam 1917: 79).

⁵⁰ II, 22: «По ту сторону [области] лютичей, которые по-другому именуется вильдами, течет река Одер, самая благодатная река страны Склавании. В ее устье, омывающем Скифские болота, прославленный город Юмне, [Волин,] предоставляет варварам и грекам, которые находятся в округе, [свою] весьма часто посещаемую гавань»; “Ultra Leuticios, qui alio nomine Wilzi dicuntur, Oddara flumen occurit, ditissimus amnis Sclavaniae regionis. In cuius ostio, qua Scythicas alluit paludes, nobilissima civitas Iumne celeberrimam prestat stationem barbaris et Graecis, qui sunt in circuitu” (Адам 2012: 339; Adam 1917: 79).

⁵¹ II, 22: «Направив паруса от этого города, [Юмне,] на XIV день достигнешь Острогарда России, главным городом (либо — митрополией. — В. Р.)

го водного пути. Я с известной долей скептицизма отношусь к утверждению, что «наряду с реальной топографией, где Русь замыкает Балтику с востока, возникает своеобразная “теневая” топография, в которой Меотида как бы спроецирована на Балтийское море, а Греция — на Русь»⁵². Скорее, на мой взгляд, стоит говорить не о некоей «проекции», словно бы подразумевая при этом современную карту, а, напротив, принимать ментальную карту ученого клирика, не совершавшего дальних плаваний, как смешение сведений, добытых путем не только основательного изучения всех доступных ему сочинений, но и обстоятельных расспросов современников. Именно эти расспросы, и в первую очередь его скандинавских информантов, должны были приоткрыть перед Адамом ту отразившуюся в памятниках древнескандинавской письменности картину мира, в которой ойкумена делилась на четыре четверти — южную, северную, западную и восточную⁵³. Эти четверти можно представить как четыре сектора земного круга (*kringla heimsins*) с центром либо на северной оконечности датских островов, либо в Южной Скандинавии⁵⁴. Дания и Германия относятся к южной четверти; Норвегия и Финмарк — к северной; западная четверть — это вся Атлантика — Англия, Исландия, Оркнейские и Шетландские острова, Франция, Испания и даже Африка; восточная четверть — все земли по берегам Балтийского моря, которое в древнескандинавской письменности носило название Восточного моря (*Eystrasalt* или *austan haf*), и земли в глубине Восточной Европы. На востоке тем самым оказывались Швеция, земли финнов, эстов, куршей, карел, прибалтийских славян, Польша, Русь, а также Константинополь и Рим, куда ездили «Восточным путем»⁵⁵. Движение из одной области в другую определялось не по реальным показаниям компаса, а в соответствии с принятыми наименованиями этих областей,

которой является Киев, соперничающий с властью Константинополя, пре-славная гордость Греции». “Ab ipsa urbe vela tendens XIIIcimo die ascendens ad Ostrogard Ruzziae. Cuius metropolis civitas est Chive, aemula sceptri Constantino-politani, clarissimum decus Graeciae” (Адам 2012: 340; Adam 1917: 80).

⁵² Назаренко 1999: 277.

⁵³ Подробнее см.: Джаксон 1994: 54–64.

⁵⁴ См.: Джаксон, Подосинов 2000: 113–132.

⁵⁵ См.: Джаксон 1997: 62–66.

то есть направление движения было выражено в терминах цели. Так, плавание из Швеции в Данию было плаванием «на юг», потому что Дания принадлежала южному сектору ментальной карты, либо путешествием «с востока», поскольку Швеция относилась к восточному сектору. Движение в пределах четвертой тоже описывалось в соответствии не с показаниями компаса, а с названиями четвертей. Скажем, движение внутри восточной четверти, из одной точки в любую другую, почти всегда обозначалось как движение «на восток» (или «с востока»). Именно такое мировидение, подкрепленное к тому же знанием о существовании активно функционирующего водного пути, по которому можно добраться «из варяг в греки», и должно было, на мой взгляд, найти отражение в труде Адама Бременского в форме *Балтийского моря / Скифского моря / Скифского болота / Меотийского болота*, протянувшегося от Скандинавии далеко на восток, вплоть до Руси и Греции.

* * *

Итак, отвечая на поставленный в начале статьи вопрос, как видоизменилась под пером Адама *Скифия* античных источников и какие к этому имелись основания, надо, в первую очередь, констатировать, что она значительно протянулась (или даже несколько сместилась) к северу, поскольку и сам бременский каноник Адам жил много севернее своих ученых предшественников, и географические горизонты за разделяющие их века сильно раздвинулись, в частности в северном направлении. Тем не менее, *Скифия* осталась для Адама синонимом *северных земель*, хотя и более северных, чем те, что замыкали горизонт античного мира. *Скифия* также сохранила в качестве составляющей своего значения «инаковость, варварство», что позволило Адаму обозначить этим географическим термином земли противников Византийской империи — болгар, с одной стороны, и территории северных язычников, являвшиеся объектом миссионерской деятельности гамбургско-бременского архиепископства, — с другой. Как следствие перечисленных причин, античная *Скифия*, в представлении Адама, увеличила свою территорию настолько, что включила в себя также обширные циркумбалтийские территории. По имени насельников-скифов Адам обозначил Балтийское море как

Скифское море. И самым естественным образом это *Скифское море*, или даже *Скифское болото*, протянулось через всю «новую» («увеличенную») *Скифию* (так сказать, «из варяг в греки»), соединяя — в духе античной традиции — в общий водный массив северные воды (*Северный океан* древних, *Балтийское море* Адама), и Меотиду⁵⁶, которая составляла один бассейн с Понтом (Черным морем), Пропонтидой (Мраморным) и Внутренним (Средиземным) морем. Так, творчески переосмыслив книжное знание и устную информацию, высоко образованный интеллектуал XI в. создал свою новую *Скифию*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адам 2012 — *Адам Бременский*. Деяния архиепископов гамбургской церкви / Пер. В.В. Рыбакова // *Немецкие анналы и хроники X–XI столетий*. М., 2012.
- Бибиков 1999 — *Бибиков М.В.* Византийские источники // *Древняя Русь в свете зарубежных источников* / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 69–168.
- Бибиков 2010 — *Бибиков М.В.* Иоанн Геометр (Кириот) // *Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия* / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2010. Т. II: Византийские источники / Составитель М.В. Бибиков. С. 186–188.
- Джаксон 1994 — *Джаксон Т.Н.* Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // *Одиссей. Человек в истории*. 1994. М., 1994. С. 54–64.
- Джаксон 1997 — *Джаксон Т.Н.* «Восточная часть мира»: ментальная карта средневекового скандинава // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 1997. № 3. С. 62–66.
- Джаксон 2012 — *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. М., 2012.
- Джаксон, Подосинов 2000 — *Джаксон Т.Н., Подосинов А.В.* Норвегия глазами древних скандинавов: к вопросу о специфике древнескандинавской ориентации по странам света // *Другие средние века: К 75-летию А.Я. Гуревича*. М.; СПб., 2000. С. 113–132.

⁵⁶ См.: Подосинов 2007: 40–42.

- Житие 1997 — Житие святого Ангария, написанное Римбертом и еще одним учеником Ангария / Пер. В.В. Рыбакова // Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы. М., 1997.
- Иордан 1997 — *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. “*Getica*” / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб., 1997.
- Ле Гофф 1997 — *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в средние века / Пер. А. Руткевича. Долгопрудный, 1997.
- Марк Анней Лукан 1951 — *Марк Анней Лукан*. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне / Перевод Л.Е. Остроумова. М.; Л., 1951. Кн. I.
- Назаренко 1989 — *Назаренко А.В.* Реальность и ученая традиция в представлениях Адама Бременского (XI в.) о Северной и Восточной Европе // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 1989. Ч. 1. С. 114–115.
- Назаренко 1999 — *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 259–407.
- Назаренко 2010 — *Назаренко А.В.* Адам Бременский. «Деяния гамбургских архиепископов» (1070-е гг.) // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2010. Т. IV: Западные европейские источники / Составление, перевод и комментарий А.В. Назаренко. С. 122–151.
- Подосинов 2007 — *Подосинов А.В.* Античные и раннесредневековые представления о речных путях, соединяющих бассейны Балтийского и Черного морей // *Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В.* «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 11–97.
- Скржинская 2001 — *Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 2001.
- Советы и рассказы 1972 — Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI века / Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г.Г. Литаврина. М., 1972.
- Трилльмих 2001 — *Трилльмих В.* «Деяния епископов гамбургской церкви» Адама Бременского [*Trillmich W.* Adam von Bremen. Bischofsgeschichte der hamburger Kirche // Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der hamburgischen Kirche und des Reiches. Berlin, 1961. Bd. II] / Пер. с нем. и дополнения И.В. Дья-

- конова // *Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский*. Славянские хроники. М., 2011. С. 491–507.
- Эйнхард 1999 — *Эйнхард*. Жизнь Карла Великого / Пер. с лат. М.С. Петровой // *Историки эпохи Каролингов*. М., 1999.
- Adam 1917 — *Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* / В. Schmeidler // MGH SRG. Hannover; Leipzig, 1917.
- Adam 2002 — *Adam of Bremen*. History of the Archbishops of Hamburg-Bremen / Tr. with an Introduction and Notes by F.J. Tschan, with a new Introduction and Selected bibliography by Th. Reuter. N.Y., 2002.
- Annales Corbienses 1839 — *Annales Corbeienses* // MGH SS. T. 3. 1839.
- Baetke 1987 — *Baetke W.* Wörterbuch zur altnordischen Prosaliteratur. 4. Aufl. B., 1987.
- Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1957 — *Cleasby R., Gudbrand Vigfusson*. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957.
- Garipzanov 2011 — *Garipzanov I.* Christianity and Paganism in Adam of Bremen's Narrative // *Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200)* / Ed. by I. Garipzanov. Turnhout, 2011. P. 13–29.
- Metzenthin 1941 — *Metzenthin E.M.* Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania, 1941.
- Sigfús Blöndal 1978 — *Sigfús Blöndal*. The Varangians of Byzantium. An aspect of Byzantine military history / Translated, revised and rewritten by Benedikt S. Benedikz. Cambridge, 1978.
- Snorri Sturluson 1951 — *Snorri Sturluson*. Heimskringla / Bjarni Aðalbjarnarson (Íslenzk fornrit. B. XXVIII). Reykjavík, 1951.
- Svennung 1953 — *Svennung J.G.A.* Belt und Baltisch: Ostseeische Namenstudien mit besonderer Rücksicht auf Adam von Bremen. Uppsala, 1953 (Uppsala Universitets Årsskrift, 4).

Т.В. ГИМОН, З.Ю. МЕТЛИЦКАЯ

ГРАНИЦЫ ОЙКУМЕНИ ЛЕТОПИСЦА СООБЩЕНИЯ АНГЛО-САКСОНСКИХ, ИРЛАНДСКИХ И ДРЕВНЕРУССКИХ АННАЛОВ О СОБЫТИЯХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СВОИХ СТРАН*

Аннотация: В статье исследуются англо-саксонские анналы конца IX – первой половины XII в., ирландские анналы (текст до середины XII в.) и древнерусские летописи XI – начала XIV в. Автор интересуется тем, в каких случаях летописцы фиксировали события, происходившие за пределами их родных стран. Подобных известий сравнительно немного во всех трех изучаемых традициях, однако больше всего — в ирландской (прежде всего — о событиях на Британских островах). Англо-саксонские и, особенно, древнерусские летописцы редко фиксировали события за пределами своих стран; как правило, появление таких известий на страницах летописей объясняется политическими или династическими связями или даже конкретной связью того или иного «инострannого» события с событиями в родной стране летописца. Наибольший интерес к зарубежным событиям виден в начальной части летописей всех трех стран, где летописцы стремились вписать историю своей страны в контекст истории христианского мира, опираясь при этом на данные письменных источников.

Ключевые слова: Средние века, анналы, летописи, Англия, Ирландия, Русь, компаративистика.

Почти в любой средневековой летописи можно найти известия о событиях, происходивших как в непосредственной близости от места работы летописца, так и вдали от него, в других городах, регионах и даже странах. Разумеется, у отдаленного события было меньше шансов попасть на страницы летописи, однако эти шансы увеличивались, если событие было почему-либо значимо для летописца, или же было зафиксировано в использовавшемся им источнике.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-01-00328 «Средневековая анналистика: Сравнительное исследование (Англия, Ирландия, Русь)».

На наш взгляд, вопрос о том, какие события и почему попадали на страницы той или иной летописи, заслуживает специального внимания и при этом почти никогда систематически не исследовался¹. В настоящей статье нас интересует географический аспект этой проблемы: как и почему на страницы средневековой летописи попадали сообщения о событиях, происходивших за пределами родной страны летописца? Мы будем исследовать этот вопрос на материале трех раннесредневековых летописных традиций: английской, ирландской и древнерусской.

Мы рассматриваем здесь только сообщения о событиях *за пределами своей страны*. Понятие «страна» применительно к раннему Средневековью, разумеется, довольно условно. Однако в случае с Ирландией (остров, населенный людьми, говорящими на одном языке), Англо-Саксонской Англией (часть острова, заселенная англо-саксами, а не кельтами; с X в. — Королевство Англия) и Древней Русью до XIV в. (государство Киевская Русь и княжества, на которые оно разделилось; со всех сторон окруженное иноязычными и / или иноконфессиональными соседями) границы «страны», как кажется, довольно очевидны, и, более того, были вполне очевидны людям того времени. Нас будут интересовать только сообщения о событиях, в которых не принимали непосредственного участия правители или военные отряды из рассматриваемых стран (например, сообщение о походе русских князей в Половецкие степи мы не относим к известиям «о событиях за пределами Руси», а сообщение о смерти половецкого «князя» — относим к таковым).

Мы также исключили из рассмотрения известия о событиях, *более ранних*, нежели собственно история данной страны, и заимствованных составителями из других хроник (например, сведения начальной части Англо-Саксонской хроники по раннехристианской истории и истории Римской империи, а также истории Британии до появления здесь англо-саксов, или так называемую «Всемирную хронику», охватывающую период от Сотворения мира до V в. н.э. и предваряющую ирландские анналы). При этом

¹ Помимо наших работ (Метлицкая 2008: 157–161, 196–201; Гимон 2003; Гимон 2012а: 140–160; Гимон 2012б), назовем, пожалуй, только: Квирквелия 1986. Мы планируем в скором будущем опубликовать сопоставительное исследование тематики сообщений анналов Англии, Ирландии и Руси.

известия, заимствованные из сочинений других авторов, но вплетенные в рассказ о собственной истории Англии, Ирландии или Руси, мы рассматривали.

Применительно к Англии определенную сложность представляют те периоды, когда она входила в состав «объединенных королевств», а именно правление Кнута Могучего (1016–1035), который властвовал одновременно в Англии, Дании и Норвегии, а также эпоха после Нормандского завоевания (1066 г.), когда английские короли были одновременно герцогами Нормандии. В обоих случаях земли, входившие в состав одного королевства, воспринимались современниками как разные *страны*. Поэтому мы приняли решение рассматривать в качестве «иностранных» известия о событиях, скажем, в Нормандии, не связанных с действиями короля, и, наоборот, не считать таковыми те сообщения, в которых идет речь о событиях с участием правителя «объединенного королевства».

Англо-саксонские анналы

Под англо-саксонскими анналами мы имеем в виду группу близкородственных летописей, известную как Англо-Саксонская хроника. Поскольку общие сведения об этом памятнике неоднократно излагались нами в различных работах, позволим себе отослать читателя к этим публикациям² и привести здесь только краткие сведения о рассматриваемых нами здесь рукописях³.

Рукопись *A* (Cambridge, Corpus Christi College, 173, f. 1–32) — самая древняя из рукописей Хроники. В ней выявляются почерки не менее чем 13 писцов, причем погодные статьи вплоть до 891 г. написаны одним почерком рубежа IX–X вв. Начиная с 924 г. погодные статьи рукописи *A* кратки и немногочисленны. В какой-то момент в первой половине XI в. рукопись была передана из Винчестера в кафедральный приорат Кентербери. Скуд-

² См.: АХ 2010: 16–40; Гимон 2012а: 96–101 и др.

³ Рукопись *B* по составу известий не отличается от *C* и ее нет смысла рассматривать отдельно в рамках данного исследования; то же самое относится и к рукописи *G*, представляющей собой копию, сделанную с *A* до того, как она была передана в Кентербери (рукопись очень сильно пострадала при пожаре в 1731 г. и реконструируется по копии, снятой с нее в XVI в.). В рукописи *H*, которая представляет собой один лист с записями за 1113–1114 гг., известий о событиях вне Англии нет.

ные погодные записи периода после 1001 г. и многочисленные вставки в более ранний текст, касающиеся Кентербери, были, вероятно, сделаны в конце XI – начале XII в. Текст в *A* доведен до 1070 года⁴.

Рукопись *C* (London, British Library, Cotton Tiberius B. i, f. 115–164) датируется XI веком. Погодные статьи до 1044 г., по видимому, были написаны единовременно, а статьи 1045–1066 гг. — в несколько приемов, из года в год. Рукопись *C* обрывается на погодной статье 1066 г., на середине описания битвы у Стэмфордского моста; возможно, часть ее была утрачена⁵.

Рукопись *D* (London, British Library, Cotton Tiberius B. iv) датируется, предположительно, концом XI в. В ранней своей части она восходит к «северной версии» Англо-Саксонской хроники, создатели которой дополнили летопись, составленную при уэссекском дворе (так называемый *common stock*, доведший свое изложение до 892 г. и легший в основу всех рукописей Хроники), заимствованиями из «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенного и нортумбрийских монастырских анналов. Рукопись заканчивается статьей 1080 г. В кодексе в том виде, в каком он до нас дошел, потеряна одна тетрадь и, соответственно, отсутствуют погодные статьи 262–692 гг.; статья 693 г. начинается с середины. В заключительной части рукописи (со статьи 1054 г.) имеют место частые смены почерков, однако ряд сообщений как будто свидетельствует о том, что весь кодекс был написан единовременно около 1080 г. или даже позже. В текстологическом отношении в *D* чередуются фрагменты, сходные с *C* и сходные с *E*⁶.

Рукопись *E* (Oxford, Bodleian Library, Laud 636) создавалась на протяжении 1121–1154 гг. в монастыре Питерборо. Первый писец скопировал погодные статьи до 1121 г. с протографа, написанного, предположительно, в монастыре св. Августина в Кентербери, дополнив летопись материалами, почерпнутыми из грамот Питерборо, краткими сообщениями о местных событиях и

⁴ Издание и исследование *A* см.: ASC. Vol. 3. Русский перевод *A* см.: АХ 2010: 44–96. Об истории сложения этого кодекса см.: Гимон 2012а: 338–375.

⁵ Издание и исследование *C* см.: ASC. Vol. 5.

⁶ Издание и исследование *D* см.: ASC. Vol. 6. О рукописях *C* и *D* и проблемах соотношения их текстов за XI в. см. также: Гимон 2012а: 376–477.

отдельными пассажами на латыни, касающиеся общецерковных дел и политических событий на континенте. Погодные статьи 1122–1131 гг. составлены тем же писцом, однако написаны из года в год. Другой писец пополнил летопись погодными статьями 1132–1154 гг. единовременно, причем сделал это уже после коронации Генриха II (1154 г.)⁷.

Рукопись *F* (London, British Library, Cotton Domitian, A. viii, f. 30–70) написана в Кентербери, одним почерком, в начале XII в. Она обрывается на погодной статье 1058 г. на полуслове; возможно, конец рукописи потерян. За каждой погодной статьей на древнеанглийском языке следует ее перевод на латынь. Текст *F* близок к тексту *E* (хотя существенно сокращен по сравнению с ним); вероятно, эти две рукописи имели общий протограф⁸.

Общие данные об известиях, фиксирующих события за пределами Англии, представлены в Табл. 1.

Таблица 1

ИЗВЕСТИЯ О СОБЫТИЯХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ АНГЛИИ
В АНГЛО-САКСОНСКОЙ ХРОНИКЕ

Рукопись	Годы, под которыми известия помещены в рукописи	Всего
<i>A</i>	565, 606, 780, 794, 797, 812, 814, 816, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 890, 891	17
<i>C</i>	565, 606, 780, 794, 797, 812, 814, 816, 882 ⁹ (881 — <i>A, D, E</i>), 883 (882 — <i>A, D, E</i>), 884 (883 — <i>A, D, E</i>), 885 (884 — <i>A, D, E</i>), 886 (885 — <i>A, D, E</i>), 887 (886 — <i>A, D, E</i>), 888 (887 — <i>A, D, E, F</i>), 891 (890 — <i>A, D, E, F</i>), 892 (891 — <i>A</i>), 982, 1030, 1049, 1056	21
<i>D</i>	779 (780 — <i>A, C</i>), 794, 797, 812, 814, 816, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 890, 892 (891 — <i>A</i>), 1030, 1046* ¹⁰ , 1047*, 1048, 1049, 1050 (1049 — <i>C</i>), 1054, 1056, 1057, 1058, 1059, 1060, 1061, 1077	28
<i>E</i>	565, 583, 605 (606 — <i>A, C</i>), 769 ¹¹ , 779 (780 — <i>A, C</i>), 788, 794, 797, 800, 810, 812, 812, 814, 815 (816 — <i>A</i> ,	53

⁷ Издание и исследование *E* см.: ASC. Vol. 7.

⁸ Издание и исследование *F* см.: ASC. Vol. 8.

⁹ Хронология разных рукописей Англо-Саксонской хроники расходится. В тех случаях, когда речь идет об одних и тех же известиях, упомянутых в рукописях под разными датами, мы указываем варианты в скобках.

¹⁰ Известия, помеченные*, не совпадают с известиями, помещенными под тем же годом в других рукописях.

¹¹ Известия, выделенные курсивом, написаны на латыни.

	<i>C, D</i>), 876, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 890, 928, 942, 994, 1024, 1030, 1031, 1046, 1047, 1054, 1054, 1056, 1057, 1058, 1059, 1060, 1062, 1076 (1077 — <i>D</i>), 1093, 1094, 1096, 1007, 1008, 1118, 1119, 1120, 1124, 1124, 1127, 1128, 1129	
<i>F</i> ¹²	482, 509, 565, 583, 605 (606 — <i>A, C</i>), 685, 714, 715, 767, 794, 799 (797 — <i>A, C, D, E</i>), 812, 814, 817 (816 — <i>A, C, D, E</i>), 840, 876, 880 (881 — <i>A, D, E</i> ; 882 — <i>C</i>), 882, 883, 885, 887, 890, 928, 942, 994, 1031, 1048 (1046 — <i>E</i>), 1049 (1047 — <i>E</i>), 1054, 1057, 1058	31

Всего в Англо-Саксонской хронике содержится (без учета сообщений, повторяющихся в разных рукописях) 71 известие, которое мы, в соответствии с изложенными выше принципами, классифицировали как сообщения о событиях за пределами Англии. Подавляющее большинство каталогизированных нами известий попадает в одну из следующих категорий:

- события, касающиеся папства, — 17 (14 сообщений о смертях и назначениях пап, сообщение о чудесном спасении папы Льва [797 г.] и два известия о папских соборах, в которых принимали участие англо-саксонские епископы [1046*E*, 1047*E*]);
- военно-политические события на территории Каролингской и Священной Римской империй — 25;
- военно-политические события в других странах и регионах — 23 (из них пять относятся к соседям англо-саксов на Британских островах; шесть — к Скандинавии; 10 — к Нормандии [все они содержатся в поздних рукописях *E* и *F*]; два — к Франции и Фландрии).

Имеется также небольшое количество известий, которые трудно отнести к какой-либо из перечисленных категорий:

- о начале правления византийского императора Маврикия (583*EF*);
- о начале деятельности и смерти Бенедикта Нурсийского (482*F*, 509*F*);
- сообщение о начале крестового похода (1096*E*), нисхождении небесного огня в Иерусалиме (1020*E*) и прибытии в Европу Гуго де Пайена (1128*E*).

¹² Курсивом помечены известия, которые присутствуют только в латинском тексте, полужирным шрифтом — присутствующие только в древнеанглийском.

Тематика известий достаточно сильно варьируется от рукописи к рукописи и от периода к периоду. Относительно часто сообщается о смертях и сменах римских пап — 14 известий по всем рукописям: 606AC (605EF), 794, 814, 816ACD (815E, 817F), 885ADE (886C), 1054DEF, 1057DEF, 1058DEF, 1059DE, 1061D, 1118E, 1119E, 1124E, 1129E. Как мы видим, бóльшая часть известий о сменах римских пап содержится в *common stock* (то есть в тексте до конца IX в.) или, наоборот, в наиболее поздних рукописях D, E и F, причем не на всем их протяжении, а только в статьях за 1050-е — начало 1060-х годов (во всех трех кодексах) и 1110–1120-е годы (в E). В рукописи C, если не считать известий из *common stock*, никаких сообщений о делах папства нет. Ни одного известия о сменах пап нет в тексте Хроники между концом IX и серединой XI века¹³.

Бóльшая часть (48 из 71) «иностраных» известий Англо-Саксонской хроники относится к военно-политическим событиям на территории Каролингской и, впоследствии, Священной Римской империи и в других регионах. Распределение этих известий по периодам и рукописям указывает, как кажется, на то, что выбор летописцев был обусловлен актуальностью того или иного региона для политической элиты Англии. В завершающих статьях *common stock* присутствует целый блок сообщений о войнах с викингами в каролингских королевствах: 881ADE (882C), 882ADE (883C), 883ADE (884C), 884ADE (885C), 885ADE (886C), 886ADE (887C), 887ADE (888C), 890ADE (891C), 891ADE (892C). В погодной статье 885ADE (886C) сообщается также о смерти «Карла» (на самом деле — Карломана, короля Западно-Франкского королевства) и воспроизводится его генеалогия, которая возводится к Пипину Короткому. При этом особо упоминается «Карл, отец Юдифи, которую взял (в жены) король Этельвульф». Как известно, отец короля Альфреда, при дворе которого составлялась *common stock*, в конце своей жизни женился на дочери Карла Лысого; кроме того, среди приближенных Альфреда, с большой вероятностью, были по крайней мере двое книжников из этого региона — Гримбальд Сен-Бертенский и Иоанн Старый Сакс.

¹³ Особенно показательны 1040-е годы, для которых в дошедших до нас рукописях отразились, вероятно, сразу три летописи, ведшиеся параллельно из года в год (в Абингдоне, Вустере и Кентербери). В 1040-е годы имело место сразу несколько смен римских пап, однако ни в одной из рукописей Хроники они не упомянуты (см.: Гимон 2012а: 150–152, 376–469).

Интерес к каролингской истории прослеживается также в двух поздних рукописях — *E* и *F*. В *E*, помимо присутствующего в погодной статье 812 г. *common stock* известия о смерти Карла Великого, имеются вставки на латыни, сообщающие о начале его правления (769), его походе в Баварию (788), императорской коронации Карла (800), мирном договоре с императором Никифором (810) и прибытии посланцев от «Киринаея»¹⁴ (812, известие дописано к погодной статье из *common stock* и следует, таким образом, за сообщением о смерти Карла). В рукописи *F* присутствуют известия о смерти франкских королей Пипина Среднего (714), Дагоберта (715), Карломана (767) и Людовика Благочестивого (840). Как мы знаем, рукопись *F*, как и латинские вставки в *E*, создавалась уже в правление Нормандской династии, представители которой, будучи властителями Англии, одновременно находились в эпицентре политических событий, разворачивавшихся на территории бывшей Каролингской империи. Присутствие в тех же рукописях латинских вставок, относящихся к истории нормандских герцогов, едва ли требует дополнительных объяснений. Эти известия сообщают о приходе Ролло в Нормандию (876*EF*), начале правления Вильгельма Длинное Копье (928*EF*), начале правления Ричарда Старого (942*EF*), смерти Ричарда Старого и начале правления Ричарда II (994*EF*), смерти Ричарда II, после которого правили Ричард III и Роберт (1024*E*), смерти Роберта, которому наследовал Вильгельм (1031*E*), битве при Вал-ес-Дюне (1046*E*), битве при Мортемере (1054*E*), подчинении графства Мен (*Synnotannia*) герцогу Вильгельму (1062*E*).

Таким образом, фиксация континентальных событий в той части Англо-Саксонской хроники, которая относится к событиям до 1066 г., сводится, в общем, к двум текстологическим пластам: *common stock* конца IX в. и латинским дополнениям в рукописях *E* и *F*, появившимся уже после Нормандского завоевания. Исключения составляют два сообщения о смертях континентальных правителей: германского императора Генриха III (1056 г.; правда, в *C* и *D* он назван странным именем *Sona*¹⁵; в *E* сообщение о его

¹⁴ Не совсем понятно, кто имеется в виду.

¹⁵ Быть может, следует обратить внимание на то, что в ирландских анналах под именем *Suana* фигурирует император Конрад. Но как интерпретировать данный факт, мы пока не знаем.

смерти представляет собой латинскую вставку, и там имя названо правильно) и французского короля Генриха I (под 1060 г. в *D* и *E*). Заметим, что эти два исключения приходятся на тот же период (вторая половина 50-х – начало 60-х годов XI в.), когда англо-саксонские летописцы вдруг начинают интересоваться сменами римских пап.

Еще одним любопытным исключением является известие 982 г. рукописи *C*¹⁶ о неудачной битве императора Оттона II с сарацинами и смерти на обратном пути из этого похода Оттона I, герцога Швабии, внука Оттона Великого¹⁷. В целом в рукописи *C* прослеживается определенный интерес к делам Священной Римской империи; помимо погодной статьи 982 г. и указанного выше сообщения о смерти императора Генриха (1056 г.) в ней говорится о войне в 1049 г. того же императора против графа Фландрии (в которой, правда, косвенно принимал участие английский флот). Данный факт достоин тем большего внимания, что рукопись *C*, вообще говоря, очень скупа на сообщения о событиях за пределами страны; если не брать в расчет *common stock*, помимо перечисленных выше в ней содержится только еще одно известие — о гибели в Норвегии короля Олафа Святого (под 1030 г.).

Вполне объяснимо, что в период правления датской династии и последующие десятилетия, когда датские властители, по крайней мере теоретически, могли претендовать на английский трон, в фокус интересов летописцев попадает Скандинавия. Наибольшее количество «скандинавских» известий содержится в рукописи *D* (1030*DE*, 1047*D*, 1049*D*, 1077*D*), причем их можно предположительно возвести к утраченным Вустерским анналам. Не исключено, что местом ведения этих анналов был не сам Вустер, но близлежащее аббатство Ившем¹⁸; Ч. Пламмер, впервые выдвинувший гипотезу о ведении летописи в Ившеме, как раз и обращал внимание на связи этого аббатства со Скандинавией, а точнее с Оденсе (Дания)¹⁹.

¹⁶ Подробное обсуждение этого известия см.: Whitbread 1959: 577–589.

¹⁷ Отцом Оттона I Швабского был Людольф, сын Оттона Великого от его первой жены, Эдит, дочери англо-саксонского короля Эдварда Старшего.

¹⁸ См. об этом: Гимон 2012а: 378–379, 440–446.

¹⁹ Plummer 1899: LXXV–XLXXVII.

В части рукописи *E* за начало XII в. появляются известия о перипетиях политических взаимоотношений Нормандии с Францией и Фландрией (1108, 1127 гг.). Напомним, что Нормандия и Англия в этот период были частями одного королевства, управлявшегося представителями Нормандской династии, поэтому внимание к событиям по другую сторону Ла-Манша в этот период не должно удивлять.

Следует отметить в качестве некоего парадокса тот факт, что англо-саксонские летописцы не проявляют практически никакого интереса к событиям, происходившим у их ближайших соседей по Британским островам. В Англо-Саксонской хронике нет ни одного известия, относящегося к внутренней жизни Ирландии; Уэльс упоминается только в связи с военными набегами валлийских властителей на Англию и наоборот. В *common stock* имеется сообщение об основании монастыря Иона св. Колумбой. В рукописи *E*, правда, есть четыре известия о сменах шотландских властителей и политической борьбе в Шотландии (1093, 1094, 1107, 1124 гг.). Можно, однако, вспомнить, что в конце XI в. английские короли активно стремятся распространить свое влияние в Шотландии, а в 1000 г. Генрих I заключает брак с представительницей шотландского королевского дома. Так что и здесь работает тот же критерий «политической актуальности», а не какие-то иные соображения.

Подводя итог, можно сказать, что англо-саксонские летописцы, в целом, мало интересовались событиями за пределами Англии. Чаще всего объектами их внимания становились две наиболее «универсальные» силы в Европе того времени — империя (Каролингская и ее преемница — Священная Римская) и папство, но даже связанные с ними события отмечались лишь эпизодически. Интерес к континентальным делам фиксируется, главным образом, в *common stock* конца IX в., в летописных статьях середины XI в., а также в рукописях, составившихся уже после Нормандского завоевания; в остальных фрагментах Хроники известий о событиях вне Англии очень мало. В статьях XI в. рукописи *D* можно отметить определенный интерес к событиям в Скандинавии, а в статьях *E* за конец XI – начало XII в. — в Шотландии. Как кажется, во всех случаях в летописях отмечались события, попадавшие в орбиту политических интересов правящей элиты, а оп-

ределяющим фактором в формировании приоритетов являлись династические связи. Так, как мы знаем, до начала XII в. между англо-саксонскими правящими домами и правителями кельтских королевств таких связей не было, что сказалось на отсутствии в Хронике до конца XI в. интереса к событиям у «кельтских соседей» англо-саксов.

Ирландские анналы

Главная методологическая сложность, возникающая при работе с ирландскими анналами, состоит в том, что практически все они (за исключением Инишфалленских) дошли до нас в очень поздних рукописях; при этом сохранившиеся летописи и фрагменты (а они охватывают период от Адама до XVII в.) находятся в крайне сложных текстологических взаимоотношениях, картина которых (в отличие от ситуации с Англо-Саксонской хроникой) еще не вполне ясна²⁰. Исходя из текстологических параллелей, встречающихся в тех или иных частях анналов и указывающих на то, что на определенном этапе они восходили к одному источнику, принято выделять среди имеющихся летописей несколько групп, а именно «группу Куана» (Ульстерские анналы, Анналы Бойле), «группу Клонмакнойса» (Анналы Тигернаха, Инишфалленские анналы, Хроника скотов, Анналы Роскреа) и «группу Коннахта» (Анналы Лох Ке, Анналы Коннахта)²¹. (Следует заметить, что перечень имеющихся в нашем распоряжении ирландских летописей отнюдь не исчерпывается названными здесь; всего их насчитывается более 15-ти). Выбор текстов для сопоставления с англо-саксонскими и древнерусскими летописями представляет в такой ситуации определенные сложности и потребовал нескольких «волевых» решений. На данном этапе мы ограничили свое исследование фрагментами, охватывающими период V–XII вв. (хронологически совпадающими, более или менее, с периодом, отраженным в Англо-Саксонской хронике). Ради большей представительности мы стремились выбрать для рассмотре-

²⁰ В качестве основополагающих работ на эту тему можно назвать: Hughes 1972: 99–159; MacNiocaill 1975; Grabowski, Dumville 1984. Стоит также упомянуть появившиеся недавно исследования: McCarthy 2008; Evans 2010.

²¹ См., например: McCarthy 2008: 10–17. Маккарти относит Инишфалленские анналы к «группе Куана».

ния летописи, принадлежащие к разным «группам». Немаловажным фактором, влиявшим на наш выбор, было наличие как можно более ранней рукописи летописи. В результате мы избрали для анализа Ульстерские анналы и Анналы Тигернаха. В качестве дополнительного материала были привлечены Инишфалленские анналы; причины для этого будут объяснены далее. Из Ульстерских анналов был выбран фрагмент до первой невосполнимой лакуны (см. ниже), то есть до 1131 г. В качестве хронологической границы в двух других летописях мы условно избрали 1154 г., до которого доходит рукопись *E* Англо-Саксонской хроники.

Ульстерские анналы (*AU*) дошли до нас в двух списках, датируемых, соответственно, XV и XVI вв. Более ранняя рукопись (Dublin, Trinity College Library, 1282) написана одним писцом ок. 1489 г., а позднее (в 1510-х годах) в нее вносились дополнения. В рукописи имеются лакуны: 1102–1108, 1115–1162 и 1374–1378 гг. Погодные статьи 1102–1108 и 1115–1131 гг. могут быть восстановлены на основании второй сохранившейся рукописи (Oxford, Bodleian Library, Rawlinson B 489), но фрагмента за 1131–1162 гг. в ней также нет²².

Интересующий нас фрагмент Анналов Тигернаха (*AT*) сохранился в единственной рукописи XIV в. (Oxford, Bodleian Library, Rawlinson B 488, f. 7r–26v). В тексте имеются две лакуны: 766–973 и 1003–1018 годы²³.

Инишфалленские анналы (*AI*) дошли до нас в одной рукописи (Oxford, Bodleian Library, Rawlinson B 503), однако, в отличие от первых двух взятых нами летописей, эта рукопись достаточно ранняя (XI в.). До 1092 г. она написана одним почерком, а далее в ней выявляются почерки 18 писцов, из которых только шестеро

²² Мы пользовались текстом, опубликованным на сайте университета Корка — Электронный ресурс [режим доступа: www.ucc.ie/celt/online/-T100001A, дата обращения — 20.01.2014]. Это издание подготовили D. O’Cognain, M. Coirane. Основой для него в интересующей нас части послужила публикация: AU 1983.

²³ Мы пользовались текстом, опубликованным на том же сайте — Электронный ресурс [режим доступа: www.ucc.ie/celt/online/G100002, дата обращения — 20.01.2014], основой для которого послужила публикация: AT 1895–1897, куда был внесен ряд уточнений, базирующихся на современных исследованиях; в частности, отчасти была уточнена хронология в соответствии с результатами, полученными Д. Маккарти.

написали крупные фрагменты текста. Предполагается, что на протяжении XII–XIII вв. кодекс регулярно пополнялся новыми записями²⁴.

Рассматриваемые фрагменты ирландских анналов написаны на латыни и на ирландском языке; часто два эти языка смешиваются в пределах одной фразы, например, титул (король, епископ) приведен по-ирландски, а сообщение о смерти дается на латыни. Бывают, однако, и более сложные комбинации²⁵.

Одна из принципиальных трудностей, с которой сталкивается исследователь при попытке анализировать содержание ирландских анналов, заключается в том, что поколения переписчиков, копируя раз за разом текст, нередко дополняли его материалами из имевшихся у них источников; кроме того, позднейшие читатели летописи могли оставить на полях рукописи собственные глоссы, которые при следующем копировании с большой вероятностью включались в основной текст анналов. Таким образом, мы вынуждены иметь дело с напластованиями различных вставок, и определить, на каком этапе попало в летопись то или иное известие (а разброс возможных дат, напомним, от VIII до XVII в.), во многих случаях затруднительно. При работе с большими массивами известий (например, при общем анализе тематики сообщений анналов) проблема отчасти нивелируется за счет того, что неаутентичных, поздних известий все-таки намного меньше; но при рассмотрении таких категорий сообщений, как известия о событиях вне родной страны, которые исчисляются десятками, а не сотнями, вопрос о возможности такого рода подсчетов и достоверности полученных результатов встает со всей остротой.

Для того чтобы хоть как-то оценить ситуацию, мы привлекли к рассмотрению Инишфалленские анналы, включающие в себя большой блок текста, восходящего к тому же источнику, что и Ульстерские анналы. Поскольку Инишфалленские анналы сохранились в рукописи, начальная часть которой написана в конце

²⁴ При проведении нашего исследования мы пользовались публикацией — Электронный ресурс [режим доступа: www.ucc.ie/celt/online/T100004, дата обращения — 20.01.2014], основанной на: AI 1951.

²⁵ Детальному анализу соотношения этих двух языков в Ульстерских анналах посвящена статья: Dumville 1982.

XI в., то известия, содержащиеся и в Инишфалленских, и в Ульстерских анналах, очевидно, попали в летопись не позднее этого времени и могут, в контексте нашего исследования, считаться аутентичными. К сожалению, отсутствие какого-либо известия в Инишфалленских анналах еще не говорит о его «неаутентичности», поскольку создатель этой летописи существенно сокращал свой протограф, а такие известия, как сообщения о событиях за пределами Ирландии, легко могли показаться ему неактуальными.

Следует также заметить, что большой процент известий, относящихся к событиям за пределами родной страны, повторяется либо во всех трех рукописях, либо в Ульстерских анналах и Анналах Тигернаха. Иногда сообщения повторяют друг друга практически дословно; в некоторых случаях об одном и том же событии сказано разными словами (порой в Анналах Тигернаха сообщение дается на ирландском, а в Ульстерских анналах — на латыни). Как уже говорилось выше, текстологические взаимоотношения между разными рукописями и группами ирландских анналов, особенно для фрагментов за X–XII вв., пока недостаточно исследованы. Нам трудно судить даже о том, в каких случаях совпадения обусловлены тем, что составители летописей пользовались одним источником (например, «Большой» и «Малой» хрониками Беды Достопочтенного), а в каких — наличием общего ирландского протографа. Однако исследование этой крайне сложной проблемы не входит в наши задачи в данной статье, в частности, потому, что оно предполагает анализ всего текста, а не отдельных извлеченных из него известий²⁶. В связи с этим мы не стали исключать при подсчетах повторяющиеся в разных рукописях известия (в отличие от приведенных выше результатов по Англо-Саксонской хронике), хотя некоторые данные по поводу такого рода «повторений» мы приведем ниже.

Итак, со всеми сделанными оговорками, мы все же рискнем представить здесь итоги проведенного нами анализа (см. Табл. 2).

²⁶ Совсем недавно Н. Эванс провел исследование совпадений между Ульстерскими анналами и летописями Клонмакнойской группы для фрагмента за 912–1110 гг. (Evans 2010: 91–114).

Таблица 2

ИЗВЕСТИЯ О СОБЫТИЯХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИРЛАНДИИ
В ИРЛАНДСКИХ АННАЛАХ²⁷

Рукопись	Годы, под которыми известия помещены в рукописи	Всего
Ульстерские анналы	493, 497, 498, 499, 515, 518, 525, 527, 528, 529, 531, 533, 534, 536, 538, 539, 540, 540, 556, 566, 567, 570, 574, 577, 579, 580, 583, 584, 593, 600, 606, 608, 613, 613, 618, 627, 629, 629, 631, 632, 633, 639, 639, 642, 642, 643, 650 , 650, 651, 653, 656, 656, 657, 659, 664, 669, 671, 672, 673, 675, 676, 680, 685, 686, 690, 691, 693, 698, 699, 702, 704, 710, 711, 711 , 712, 713, 716, 718, 720, 728, 729 , 730, 731, 735, 750, 757, 761, 775, 780, 789, 796, 813, 821, 840, 854, 856, 858, 862, 865, 867 , 872, 875, 876, 877 , 878, 878, 893, 900 , 913 , 918, 918 , 937, 939 , 950 , 952, 952, 954 , 965 , 967, 971, 975 , 975 , 977, 986, 986, 987, 995 , 997 , 1005, 1006 , 1020 , 1023, 1023 , 1027, 1034 , 1035, 1038, 1039 , 1040 , 1040 , 1045, 1048, 1054, 1058, 1058, 1064, 1072, 1085 , 1093, 1093 , 1094 , 1106 , 1116, 1118, 1118 , 1118 , 1124 , 1130	158
Инишфалленские анналы	491, 491, 518, 518, 527, 529, 538, 554, 562, 567 , 604, 614 , 619, 633 , 644, 670 , 685, 691 , 699 , 705, 706, 735, 858, 861 , 900 , 905, 906, 986, 995, 1093, 1093, 1094 , 1130	33 (20 «повторов» с Ульстерскими анналами; девять «повторов» с Анналами Тигернаха; все они повторяются и в Ульстерских анналах)
Анналы Тигернаха	490, 491, 492, 493, 496, 497, 498, 499, 501, 506, 506, 514, 518, 518, 522, 523, 524, 525, 525, 525, 525, 526, 529, 530, 531, 533, 535, 536,	178 (84 «повтора» с Ульстерскими анналами; девять «повторов» с Иниш-

²⁷ Полужирным шрифтом выделены известия, написанные на ирландском и латыни, курсивом — на ирландском языке.

	537, 538, 539, 539, 539, 554, 559, 559, 562, 563, 563, 566, 573, 575, 575, 577, 578, 581, 581, 582, 582, 591, 597, 597, 598, 603, 604, 605, 605, 608, 610, 611, 611, 617, 626, 628, 631, 633, 634, 634, 635, 635, 636, 637, 641, 641, 641, 643, 643, 646, 647, 647, 650, 651, 651, 652, 653, 654, 654, 655, 656, 658, 662, 664, 669, 671, 673, 673, 677, 680, 682, 683, 685, 686, 686, 686, 686, 690, 690, 691, 693, 698, 699, 699, 701, 701, 701, 704, 704, 705, 705, 705, 710, 711, 712, 713, 716, 717, 718, 720, 724, 726, 727, 728, 728, 729, 729, 729, 729, 731, 732, 735, 736, 749, 750, 752, 757, 759, 761, 764, 975, 975, 977, 988, 989, 995, 997, 997 997, 1023, 1023, 1027, 1029, 1030, 1031, 1032, 1032, 1034, 1035, 1038, 1039, 1040, 1045, 1045, 1054, 1055, 1058, 1058, 1058, 1093, 1099	фалленскими анналами; все они повторяются и в Ульстерских анналах)
--	---	--

Представления о тематике сообщений дает Табл. 3.

Таблица 3

ТЕМАТИКА «ИНОСТРАННЫХ» СООБЩЕНИЙ ИРЛАНДСКИХ АННАЛОВ

Тема известий	Ульстерские анналы	Анналы Тигернаха	Инишфалленские анналы
Смены пап и другие события, связанные с папством	493, 497, 499, 515, 525, 528, 533, 534, 536, 538, 539, 540, 540, 556, 567, 579, 583, 593, 606, 608, 1048, 1118 Всего: 22	493, 496, 497, 498, 499, 501, 514, 522, 523, 524, 525, 530, 531, 533, 535, 536, 538, 539, 539, 554, 566, 577, 581, 591, 652, 683, 1032 Всего: 27	538, 604, 706 Всего: 3
События в Византии и на Востоке	518, 527, 566, 577, 584, 613, 642, 643, 673, 690, 702, 710, 720 Всего: 13	490, 491, 518, 523, 525, 526, 563, 575, 603, 605, 605, 610, 611, 611, 641,	491, 518, 527, 554, 562

		643, 686, 690, 693, 699, 701, 704, 705, 710, 720 Всего: 25	
События в кельтских королевства (Дал Риادا, Страдсклайд, Шотландия, Уэльс)	570, 574, 580, 613, 627, 629, 629, 631, 632, 633, 657, 664, 669, 673, 676, 685, 698, 711, 711, 728, 750, 761, 775, 789, 854, 858, 862, 865, 872, 875, 876, 877, 878, 878, 900, 918, 950, 952, 952, 954, 965, 967, 971, 975, 977, 986, 987, 995, 997, 1005, 1006, 1020, 1023, 1027, 1034, 1039, 1040, 1045, 1054, 1058, 1058, 1064, 1072, 1085, 1093, 1094, 1106, 1116, 1118, 1118, 1124, 1130 Всего: 72	506, 506, 537, 559, 559, 578, 597, 611, 628, 631, 634, 635, 636, 646, 653, 654, 656, 669, 673, 686, 698, 704, 711, 717, 724, 726, 726, 727, 728, 728, 729, 729, 731, 736, 749, 750, 759, 761, 975, 977, 989, 995, 997, 997, 997, 1023, 1029, 1030, 1034, 1039, 1040, 1045, 1054, 1055, 1058, 1058, 1093, 1099 Всего: 59	567, 614, 633, 685, 691, 699, 858, 861, 900, 906, 980, 995, 1093, 1093, 1094, 1130
События в Англии	600, 632, 639, 650, 650, 651, 656, 656, 671, 675, 680, 686, 691, 693, 699, 704, 716, 718, 729, 730, 731, 735, 757, 780, 796, 858, 867, 893, 913, 918, 937, 939, 975, 1035, 1040 Всего: 35	597, 598, 626, 633, 635, 637, 643, 647, 650, 651, 651, 655, 671, 680, 685, 691, 704, 712, 716, 718, 729, 729, 731, 732, 735, 764, 975, 988, 1032, 1035, 1058 Всего: 31	644, 670, 705 Всего: 3
События в континентальной Европе (исключая Рим)	498, 531, 618, 659, 813, 840, 1023, 1038, 1118 Всего: 9	492, 498, 525, 563, 575, 582, 617, 658, 686, 686, 699, 701, 705, 1023, 1027, 1038, 1045 Всего: 17	529, 619, 905 Всего: 3

Главная особенность, которая бросается в глаза (особенно по сравнению с Англо-Саксонской хроникой), — последовательный интерес летописцев к событиям на Британских островах (но вне Ирландии). Подавляющее большинство среди этих известий составляют сообщения о битвах (как междоусобных, так и с внешними врагами), а также о смертях властителей или членов королевского рода. В Ульстерских анналах содержится: 41 известие о смертях властителей кельтских королевств и их родичей; 18 сообщений о битвах в этих землях. Для известий о событиях в Англии соответствующие цифры: 19 и 13. В Анналах Тигернаха содержится 42 известия о смертях кельтских властителей и членов их семей; 14 сообщений о битвах (соответственно, 11 и 13 для известий об Англии). При этом фактически отсутствуют известия, касающиеся церковных дел, в частности смен церковных иерархов, которые для самой Ирландии фиксируются достаточно последовательно. Сообщения, касающиеся Англии, до 731 г. основаны, очевидно, на сведениях из «Церковной истории» Беда Достопочтенного. Источник сообщений о событиях в Англии середины VIII–XI в. не столь очевиден. Так, Ульстерские анналы сообщают о смерти мерсийских королей Этельбальда (757) и Оффы (796), короля Уэссекса Этельвульфа (858), о захвате викингами Йорка и гибели нортумбрийского короля Элле (867), о большой битве между «саксами» и «черными чужеземцами» (то есть викингами) (893), о смерти Этельфлед, правительницы Мерсии (918), о большой битве 937 г., известной как битва при Брунанбурге, о смерти английских королей Этельстана (939), Эдгара (975), Кнута (1035) и Харальда (1040). Особо стоит упомянуть известие о смерти «Этельвальда, короля северных саксов», в 913 г. Среди известных нам персоналий англо-саксонской истории такого правителя нет, но, возможно, имеется в виду Этельвольд, сын старшего брата Альфреда Великого, короля Этельреда. Этельвольд попытался после смерти Альфреда предъявить свои права на трон, но безуспешно; после этого он вынужден был бежать в Нортумбрию, где, как говорится в Англо-Саксонской хронике (901*D*), «его признали королем». Если речь действительно идет об этом Этельвольде, датировка в Ульстерских анналах ошибочна: он погиб в 902 году.

Имеются сообщения о бедствиях на территории Англии (которые, кстати, не зафиксированы в Англо-Саксонской хронике):

эпидемии (видимо, ящура) среди скота (699*AU*) и пожаре в Йорке (1032*AT*). Упоминается также о рождении Беды (AT685), о его смерти (735*AU*, AT, AI), а также о написанных им книгах (712*AU*, AT, 731*AU*, AT).

Обращает на себя внимание и тот факт, что с середины XI до середины XII в. из всех событий за пределами Ирландии летописцы фиксируют почти исключительно те, что происходили в Шотландии.

Смены римских пап, как видно из таблицы, указаны только для раннего периода; считается, что ирландские летописцы опирались в данном случае на одну из версий “*Liber Pontificalis*”. Сведения о смене византийских императоров могли быть почерпнуты из «Большой» и «Малой» хроник Исидора Севильского, либо из одноименных хроник Беды; впрочем, согласия между исследователями в этом вопросе нет²⁸.

В ирландских анналах практически нет упоминаний о событиях в Каролингской и Священной Римской империях. Они ограничиваются сообщениями о смерти Карла Великого (813*AU*) и Людовика Благочестивого («Флориака») (840*AU*), а также императора Генриха в 1023 г. (1023*AU*, AT) и битве между Конрадом и Оттоном (1038). Из других событий, относящихся к континентальной Европе, трижды говорится о землетрясениях (498*AU*, AT, 618*AU*/617*AT*, 1118*AU*), а также о неурожае во Франции (1045*AT*). Можно упомянуть также сообщения о разорении Гебридов (672*AU*) и Оркнейских островов (709*AU*).

Итак, как мы видим, ирландские летописцы проявляли интерес к событиям за пределами их страны более последовательно, чем их английские «коллеги», однако этот интерес ограничивался, по сути, только Британскими островами. В остальных случаях, как кажется, освещение тех или иных событий определялось исключительно имевшимися в распоряжении летописцев источниками (здесь следует напомнить, что, как говорилось выше, мы не можем сказать с уверенностью, в какой момент были внесены в летопись те или иные пласты известий). Возможно, интерес к событиям на острове Великобритания был связан с тем, что там в VI–IX вв. существовало ирландское королевство Дал Риада, имевшее тесные связи с Ульстером; территории Дал Риады позд-

²⁸ Различные точки зрения см.: McCarthy 2008; Evans 2010.

нее вошли в состав Шотландии. Но даже если внимание летописцев к происходящему на соседнем острове было обусловлено отчасти этим обстоятельством, едва ли в данном случае можно говорить о какой-то политической подоплеке их интереса.

Нельзя исключать, однако, что сведения, касающиеся Англии, Шотландии и Уэльса, были внесены в летопись на позднем этапе, уже после того, как Ирландия попала в сферу влияния английских королей. Тогда надо признать, что, как и в случае Англо-Саксонской хроники, интересы переписчиков и редакторов в большой степени определялись «актуальностью» того или иного региона с точки зрения современных им политических реалий.

Древнерусские летописи

Нами были полностью просмотрены три главных летописных свода, отражающих древнерусское летописание древнейшего времени.

Лаврентьевская летопись (Лавр.) представляет собой кодекс, написанный тремя писцами в 1377 г. и скопированный, видимо, с протографа 1305 г. (до этого года доведен текст). Лавр. включает в себя киевскую «Повесть временных лет» (ПВЛ), доведенную до 1110 г. и продолженную вначале (до середины XII в.) летописанием Южной Руси, а затем — со второй половины XII в. — летописанием Руси Северо-Восточной²⁹.

Ипатьевская летопись (Ипат.) сохранилась в ряде списков, древнейший из которых (собственно Ипатьевский) датируется временем около 1418 г. Ипат. также включает в себя ПВЛ (с рядом дополнительных известий в сравнении с Лавр., которые нами тоже были учтены), продолженную Киевской летописью, доведенной до 1200 г., вобравшей в себя летописные записи ряда городов и имеющей немало текстуальных параллелей с Лавр. Текст Ипат. за XIII в. — так называемая Галицко-Волынская летопись — нами не рассматривался, поскольку он первоначально не был разделен на погодные статьи, то есть представлял собой историографическое произведение иного, нежели летопись или анналы, жанра³⁰.

²⁹ ПСРЛ 1997 (дипломатическое издание); факсимиле — Электронный ресурс [режим доступа: <http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/>, дата обращения — 20.01.2014].

³⁰ Издание Ипат. см.: ПСРЛ 1998.

Синодальный список Новгородской I летописи (Син.) — сложносоставная рукопись, первая часть которой создана, вероятно, около 1234 г., вторая — около 1330 г., а затем было сделано еще несколько приписок за 1330–1352 гг. В Син. утрачено начало; он начинается на полуслове в статье 1016 г. Текст за XI – начало XII в. очень краток и сочетает в себе выписки из ПВЛ (или, скорее, предшествовавшего ей киевского свода) и краткие новгородские известия. С 1110-х годов Син. отражает ведущуюся из года в год в Новгороде архиепископскую летопись³¹.

Общие данные об «иностранных» известиях в этих трех летописях представлены в Табл. 4.

Таблица 4

ИЗВЕСТИЯ О СОБЫТИЯХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РУСИ
В ЛАВР., ИПАТ. И СИН.

Летопись	Годы, под которыми известия помещены в рукописи	Всего
Лавр.	858 ³² , 868, 869, 887, 898 (2), 902, 913, 914, 915, 920, 929, 942, 943, 1030, 1082, 1095, 1116, 1119, 1229 (2), 1232, 1236, 1241	24
Ипат.	858, 868, 869, 887, 898 (2), 902, 913, 914, 915, 920, 929, 934, 942, 943, 1030, 1082, 1095, 1102, 1116, 1117 (Лавр. — 1119), 1117 (Лавр. — нет.), 1187, 1190	24
Син.	1204, 1236, 165	3

Значительная часть сообщений Лавр. и Ипат., впрочем, совпадают (восходя к общему протографу — ПВЛ), поэтому общее число сообщений о событиях вне Руси в этих трех летописях может быть определено как 32. Речь идет, подчеркнем, только о событиях за пределами Руси и без участия русских князей или войск (намного более многочисленные известия о дальних походах русских князей и т.п. нами не рассматривались³³). По нашему

³¹ НХЛ 1964 (факсимиле); ПСРЛ 2000: 15–100 (дипломатическое издание).

³² Курсивом отмечены известия, взятые создателем ПВЛ из хроники Продолжателя Амартола (см. ниже).

³³ Не учтены здесь также сообщения о военных событиях с участием карел — войнах карелы с емью и т.д. (о них см.: Гимон 2011). В XII в. и позже карелы, по-видимому, являлись данниками Новгородской земли, а значит — события с их участием — не вполне «внешние» по отношению к Руси.

условному подсчету, эти 32 сообщения составляют всего 1,5% от всех известий трех рассматриваемых летописей³⁴.

Из этих 32 сообщений 15, то есть почти половина, приходятся на начальную часть ПВЛ, а именно на текст за вторую половину IX – первую половину X в. В свою очередь, 12 из них взяты летописцем из иностранного источника — славянского перевода византийской хроники Георгия Амартола с продолжением, доведенным до 948 г. Эти 12 сообщений говорят о сменах византийских императоров и войнах между Византией, Болгарией и Венгрией³⁵. Все они отсутствуют в Новгородской I летописи младшего извода, а значит — скорее всего, отсутствовали в предшествовавшем ПВЛ Начальном своде и были внесены непосредственно создателем ПВЛ в 1110-х годах. Поскольку хроника Амартола не имела характерной для летописи погодной структуры, датировки многих событий в ПВЛ оказались не вполне точными³⁶. Как бы то ни было, видно стремление создателя ПВЛ синхронизировать раннюю историю Руси с событиями всемирной (в первую очередь, византийской) истории.

Кроме того, в начальной части ПВЛ содержатся еще три фрагмента, говорящих о событиях вне Руси, но не восходящих к Продолжателю Амартола. Это краткое известие о крещении Болгарской земли под 869 г. и два тематически связанных рассказа, составляющих статью 898 г.: рассказ о приходе венгров в Паннонию и так называемое «Сказание о преложении книг на славянский язык». Оба эти повествования нельзя в полной мере отнести к категории сообщений «о событиях вне Руси»: рассказ о венграх начинается словами «Идоша угри мимо Киевъ горою», а в сказании о славянской письменности подчеркивается единство языка славян и руси. «Сказание о преложении книг», как считает значительная часть ученых, составлено не на Руси, но где-то в западнославянском мире, а автор ПВЛ лишь дополнил его собственными комментариями³⁷. Как бы то ни было, здесь снова видно все

³⁴ Общее число сообщений составляет 2176 (при этом известия ПВЛ подсчитаны только один раз, а не отдельно для Лавр. и Ипат.).

³⁵ Под 858, 868, 887, 902, 913, 914, 915, 920, 929, 934 (нет в Лавр., но есть в Ипат.), 942 и 943 гг.

³⁶ См. комментарии Д.С. Лихачёва в: ПВЛ 1996: 397, 406–407, 411, 414, 426–428, 430.

³⁷ См.: ПВЛ 1996: 411–412, 599–600. Дата, под которой это сказание по-

то же стремление создателя ПВЛ синхронизировать начальную историю Руси и соседних народов, указать на истоки не только Древнерусского государства и династии, но и принятой на Руси славянской письменности.

Из остальных 17 сообщений о событиях вне Руси семь приходится на текст ПВЛ за XI – начало XII в. (причем пять читаются во всех списках ПВЛ, а два — только в Ипат.), два — на статьи Ипат. (Киевской летописи) за конец XII в., пять — на текст Лавр. за вторую четверть XIII в. и, наконец, три — на статьи Син. за XIII в. Таким образом, речь идет об очень немногочисленных известиях, которые почти не образуют каких-либо рядов или компактных групп, в то время как значительные фрагменты летописей вообще лишены «иностранных» сообщений. Имеет смысл прокомментировать каждое из этих известий отдельно; сгруппируем их по региональному принципу.

Дважды русские летописи сообщают о событиях в Польше: под 1030 г. (в ПВЛ по всем спискам) говорится о смерти Болеслава I Храброго и мятеже в Польше, под 1102 г. (только в Ипат.) — о смерти Владислава I Германа. Причина, по которой на страницы ПВЛ попало первое сообщение, очевидна: под следующим годом рассказывается о походе Ярослава Мудрого и его брата Мстислава в Польшу, то есть известие 1130 г. дает как бы предысторию событий, непосредственно связанных с Русью. Дата, под которой ПВЛ сообщает о смерти Болеслава, ошибочна: в действительности он умер 17 июня 1025 г.³⁸ Очевидно, что летописец вставил это известие ретроспективно, ориентируясь на дату похода 1031 г., уже имевшуюся в его источнике; последняя, в отличие от даты смерти Болеслава, по-видимому, точна³⁹. Известие 1102 г., быть может, попало на страницы летописи потому, что дочь Владислава была замужем за кем-то из русских князей. Правда, имя русского мужа этой княгини неизвестно⁴⁰, так что объяснить нахождение данного известия среди дополнений третьей редакции ПВЛ (то есть сообщений, добавленных в ПВЛ в

мещено в ПВЛ, к действительности отношения не имеет: к 898 г. в живых не было уже ни Кирилла, ни Мефодия.

³⁸ Jasiński 1992: 83.

³⁹ См.: Назаренко 1999: 342–345.

⁴⁰ Jasiński 1992: 194–197.

конце 1110-х годов⁴¹) пока не представляется возможным. Однако важно отметить хронологическую точность этого известия: Владислав I действительно умер 4 июня 1102 года⁴².

Под 1082 г. ПВЛ сообщает о смерти половецкого «князя» Осеня. Под 1117 г. Ипат. говорит об отравлении половецких «князей» Аепы и других «болгарским князем». Больше сообщений о половецах (без прямой связи с Русью) мы не встретим, хотя известий о половецах *в связи с Русью* в летописях очень много — о военных конфликтах, брачных союзах и т.д.

В тексте ПВЛ и за конец XI – начало XII в. имеются три известия из истории Византии: под 1095 г. — о неудачном походе половецев и «Девгениевича» на Византию; под 1116 г. — о походе «царевича» Леона (того же Девгениевича) на Византию и его гибели; под 1117 г.⁴³ — о смерти императора Алексея I Комнина и воцарении Иоанна II⁴⁴. Интерес летописца к личности Леона (Девгениевича) объясняется тем, что он был женат на дочери Владимира Мономаха, о чем прямо упомянуто в известии 1116 г. («Леонъ Диогениевичъ, зять Володимерь»; цит. по Лавр.). Кроме того, наличие подобных известий в заключительных статьях ПВЛ в определенном смысле перекликается с интересом к Византии и Болгарии в начальной части этой летописи, о котором шла речь выше⁴⁵.

В тексте Ипат. за конец XII в. находим два известия о событиях в Палестине, связанных с крестовыми походами. Под 1187 г. говорится о взятии мусульманами Иерусалима (причем это сообщение вписано в рассуждение о знаменьях, отправной точкой которому служит сообщение о солнечном затмении, которое наблюдалось на Руси и в день которого якобы был захвачен Иерусалим⁴⁶). Под 1190 г. Ипат. весьма сочувственно сообщает о выступлении германского императора Фридриха I Барбароссы в Третий крестовый поход и о лишениях, которые претерпели его участники (впрочем, о гибели самого императора прямо не говорится). Как и

⁴¹ О них см.: Гиппиус 2007: 36–37 и сл.

⁴² Jasiński 1992: 162.

⁴³ Так в Ипат., в Лавр. под 1119 г.

⁴⁴ См. также комментарий к этим известиям: ПВЛ. С. 509, 547–548.

⁴⁵ Правда, последние два известия, скорее, появились не под пером создателя основного текста ПВЛ, но в ходе ее пополнения в 1117 или 1118 г. (о работе над ПВЛ в 1110-х годах см.: Гиппиус 2007–2008).

⁴⁶ В Ипат. затмение датируется 15 сентября, в действительности оно было 4 сентября (Святский 2007: 50), а Иерусалим был взят 2 октября.

в предыдущем случае, данное сообщение о событии, имевшем место далеко от Руси, стоит в некоторой связи с собственно русскими делами: прямо перед этим летописец излагает приключения князя Владимира Ярославича Галицкого, нашедшего убежище и помощь как раз при дворе Фридриха Барбароссы⁴⁷.

В Син. под 1204 г. читается знаменитая «Повесть о взятии Царьграда фрягами» — очень подробный и ценный рассказ о предыстории Четвертого крестового похода и непосредственно о захвате Константинополя⁴⁸. В Новгородской I летописи младшего извода находим другое, краткое известие на ту же тему, в Син. отсутствующее. Весьма вероятно, первоначально в Новгороде было записано именно это краткое известие, а несколько позже (скорее всего, в архиепископство Антония, то есть после 1211 г.) в летопись была добавлена пространная «Повесть»⁴⁹.

В Лавр. под 1229 г. подробно рассказывается о мученичестве Авраамия, убитого в Волжской Булгарии. На следующий год, как пишет та же Лавр., его останки были привезены во Владимир, так что это событие находится в прямой связи с историей русской церкви.

Целый ряд известий связан с монголо-татарским нашествием. Конечно, само нашествие на Русь никак не относится к числу событий «за пределами Руси», однако пять известий (четыре в Лавр. и одно в Син.) говорят о военных действиях, происходивших вне ее, до и после нашествия Батыя на Русь. Под 1229 г. Лавр. сообщает о том, что под натиском татар в пределы Волжской Булгарии бежали «саксини» и половцы, а затем татары напали на болгарское пограничье близ реки Яик. Под 1232 г. та же летопись говорит о зимовке татар на подступах к болгарскому Великому Городу. Под 1236 г. и Лавр., и Син. сообщают о завоевании татарами Волжской Булгарии. Перед нами, скорее всего,

⁴⁷ Который, кстати, в обоих известиях не назван по имени, а просто обозначен как «цесарь Немѣцкыи».

⁴⁸ См. об этом тексте: Мещерский 1954; Творогов 1987; Лучицкая 2006.

⁴⁹ См.: Гимон 2006: 91–92, 101–102. В свою очередь, краткое известие, возможно, имеет своим источником владимирскую летопись (несколько отличное от этого краткое известие о Четвертом крестовом походе под 1204 г. было в Троицкой летописи — Присёлков 2002: 287), т.е. не исключено, что самая первая запись о взятии Царьграда была сделана не в Новгороде, а в Северо-Восточной Руси.

две независимых записи (сделанные, соответственно, в Ростове и Новгороде) одного и того же события⁵⁰, что тем более подтверждает его значение для летописцев. Под 1241 г. — уже после рассказа о походах Батыя на Русь — Лавр. коротко сообщает о завоевании татарами Венгрии.

Наконец, в статьях Син. 1263–1266 гг. читается ряд взаимосвязанных сообщений о событиях в Пскове и Литве. В целом этот комплекс известий тесно связан с политическими интересами Новгорода и Пскова⁵¹, однако если рассматривать каждый фрагмент изолированно, то один из них, а именно рассказ о мятеже в Литве и князе-христианине Войшелке (под 1265 г.), непосредственно с Русью никак не связан.

Таким образом, древнерусские летописи (за исключением начального фрагмента ПВЛ, создатель которого опирался на Продолжателя Амартола и стремился вписать историю Руси во всемирно-исторический контекст) обнаруживают весьма слабый интерес к событиям за пределами Руси. Древнерусские летописи лишь эпизодически сообщают о внутренних делах Византии, Польши, Литвы или половцев; никогда — о внутренних событиях в Скандинавии, Волжской Булгарии и других соседних странах (несмотря на то, что отношения с этими странами — как военные, так и торговые — были весьма интенсивными, о чем в тех же летописях многократно упоминается⁵²). Ни разу в летописях не отмечены смены константинопольских патриархов (хотя киевские митрополиты находились в это время у них в подчинении). В большинстве случаев сообщения о событиях вне Руси оказываются все-таки так или иначе связанными с собственно русскими делами — такую связь легко увидеть, если посмотреть содержание соседних погодных статей или даже других известий, записанных под тем же годом. В других случаях такой очевидной связи нет, однако ясно, почему то или иное событие было важно для Руси (наиболее яркий пример — завоевание Константинополя крестоносцами в 1204 г.).

⁵⁰ Противоречий между двумя известиями нет, но нет и ярких текстуальных параллелей. О том, что у Син. за эти годы вряд ли был новгородский источник, см.: Гимон 2012а: 504–506.

⁵¹ См.: Гимон 2003: 343.

⁵² Ср. анализ летописных упоминаний о Волжской Булгарии в работе: Коновалова 1999.

* * *

Сравним наши наблюдения над тремя летописными традициями — английской, ирландской и древнерусской. Наиболее слабый интерес к событиям за пределами своей страны мы видим у древнерусских летописцев. Исключение составляет начальный фрагмент «Повести временных лет», где летописец начала XII в. пытался, опираясь на византийский источник, вписать историю Руси в контекст истории Византии и других соседних стран. В остальном русские летописи фиксировали «иностранные» события лишь эпизодически, причем в большинстве случаев легко понять, почему то или иное событие показалось летописцу важным и чем именно оно было связано с событиями собственно русскими. Если англо-саксонские и ирландские летописцы иногда фиксировали смены римских пап, то в русских летописях, как это ни странно, мы не найдем ни одного сообщения о Константинопольском патриархате.

Несколько больший интерес к «иностранным» событиям прослеживается в Англо-Саксонской хронике. Однако и здесь известия о событиях вне Англии не слишком многочисленны. В своем большинстве они находятся или в *common stock* конца IX в. (общем протографе всех версий Хроники, где, как и в «Повести временных лет», видно стремление вписать английскую историю в более широкий контекст), или, наоборот, в рукописях E и F, созданных уже после Нормандского завоевания. Фиксируются смены римских пап, политические события на Континенте и др., однако ни в одном случае фиксация не является сколь-либо последовательной. Создается впечатление, что появление известий об «иностранных» событиях на страницах Хроники было так или иначе связано с политической конъюнктурой — политическими и / или династическими связями Англии с другими государствами.

Наибольший интерес к «иностранным» событиям характерен для ирландских анналов. Однако любопытно, что в основном там фиксировали события, имевшие место на Британских островах (в Англии, Шотландии и т.д. — и, наоборот, очень мало интересовались континентальными делами — за исключением, опять же, начальной части анналов). Часть из этих сообщений восходит к известным письменным источникам (сочинениям Беды и др.),

однако это не отменяет того факта, что «ойкумену» ирландских анналистов (по крайней мере, некоторых из них) составлял, похоже, весь Британский архипелаг. Этот интерес (в противоположность тому, что мы видели у англо-саксонских и, тем более, древнерусских летописцев) вряд ли был вызван конкретными политическими связями. В то же время, поскольку текстология ирландских анналов остается довольно запутанной, нельзя исключать того, что какие-то из этих известий были вписаны в анналы уже в период, когда Ирландия попала в сферу влияния Английского королевства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АХ 2010 — Англосаксонская хроника, IX–XI века / Изд. подгот. З.Ю. Метлицкой. СПб., 2010.
- Гимон 2003 — *Гимон Т.В.* Новгородское летописание XII–XIII вв.: Проблема отбора событий для фиксации // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени.* М., 2003. С. 334–348.
- Гимон 2006 — *Гимон Т.В.* Новгородское летописание первой четверти XIII в.: хронология и процесс пополнения летописи // *Средневековая Русь.* М., 2006. Вып. 6. С. 80–118.
- Гимон 2011 — *Гимон Т.В.* Военная история Балтийского региона в XII–XIII вв. и новгородская летопись // *Висы дружбы: Сб. ст. в честь Т.Н. Джаксон.* М., 2011. С. 74–82.
- Гимон 2012а — *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Гимон 2012б — *Гимон Т.В.* Тематика сообщений Лаврентьевской летописи (текст за 1156–1263 гг.) // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского.* 2012. № 6. Ч. 3. С. 42–47.
- Гиппиус 2007–2008 — *Гиппиус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет // *Славяноведение.* 2007. № 5. С. 20–44; 2008. № 2. С. 3–24.
- Квирквелия 1986 — *Квирквелия О.Р.* Методика анализа системы умолчания Новгородской I летописи // *Математика в изучении средневековых повествовательных источников: Сб. ст. М., 1986.* С. 83–97.
- Коновалова 1999 — *Коновалова И.Г.* Древняя Русь и Волжская Булгария: Торговля и политика в восприятии древнерусских летописцев // *Восточная Европа в древности и средневековье: Контакты,*

зоны контактов и контактные зоны: XI чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто (Москва, 14–16 апреля 1999 г.): Мат-лы конф. М., 1999. С. 75–81.

Лучицкая 2006 — *Лучицкая С.И.* Четвертый крестовый поход глазами русского современника // *Византийский временник*. М., 2006. Т. 65 (90). С. 107–124.

Метлицкая 2008 — *Метлицкая З.Ю.* История в хрониках: Историческое сознание англосаксонской Англии // *Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории*. М., 2008. С. 149–201.

Мещерский 1954 — *Мещерский Н.А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. // *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом)*. Л., 1954. Т. 10. С. 120–135.

Назаренко 1999 — *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники // *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. М., 1999. С. 259–407.

НХЛ 1964 — *Новгородская харатейная летопись* / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1964.

ПВЛ 1996 — *Повесть временных лет* / Подгот. текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва; Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.

Присёлков 2002 — *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002.

ПСРЛ 1997 — *Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись*. М., 1997. Т. 1.

ПСРЛ 1998 — *Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись*. М., 1998. Т. 2.

ПСРЛ 2000 — *Полное собрание русских летописей. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М., 2000. Т. 3.

Святский 2007 — *Святский Д.О.* Астрономия Древней Руси. С каталогом астрономических известий в русских летописях, составленным М.Л. Городецким. М., 2007.

Творогов 1987 — *Творогов О.В.* Повесть о взятии Царьграда фрягами // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1987. Вып. 1. С. 352–354.

AI 1951 — *The Annals of Inisfallen (MS Rawlinson B 503)* / Ed. with transl. and indices by S. MacAirt. Dublin, 1951.

ASC — *The Anglo-Saxon Chronicle: A collaborative edition*. Cambridge. Vol. 3: MS A: A semi-diplomatic edition with introduction and indices / Ed. by J.M. Bately. 1986.

- Vol. 5: MS. C: A semi-diplomatic edition with introduction and indices / Ed. K. O'Brien O'Keefe. 2001.
- Vol. 6: MS D: A semi-diplomatic edition with introduction and indices / Ed. by G.P. Cubbin. 1996.
- Vol. 7: MS. E: A semi-diplomatic edition with introduction and indices / Ed. by S. Irvine. 2004.
- Vol. 8: MS F: A semi-diplomatic edition with intr. and indices / Ed. by P.S. Baker. 2000.
- AT 1895–1897 — The annals of Tigernach / Ed. W. Stokes // *Revue celtique*. 1895–1897. Vol. 16–18.
- AU 1983 — The Annals of Ulster / Ed. S. Mac Airt, G. Mac Niocaill. Dublin, 1983.
- Bately 1979 — *Bately J.M.* World history in the *Anglo-Saxon Chronicle*: Its sources and its separateness from the Old English Orosius // *Anglo-Saxon England*. Cambridge, 1979. Vol. 8. P. 177–194.
- Dumville 1982 — *Dumville D.* Latin and Irish in the Annals of Ulster, AD 431–1050 // *Ireland in early medieval Europe*. Cambridge, 1982. P. 320–341.
- Evans 2010 — *Evans N.* The present and the past in medieval Irish Chronicles. Woodbridge, 2010.
- Grabowski, Dumville 1984 — *Grabowski K., Dumville D.* Chronicles and annals of medieval Ireland and Wales: the Clonmacnoise group of texts. Woodbridge, 1984.
- Hughes 1972 — *Hughes K.* Early Christian Ireland: introduction to the sources. L., 1972.
- Jasiński 1992 — *Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. Warszawa; Wrocław, [1992].
- McCarthy 2008 — *McCarthy D.P.* The Irish Annals: their genesis, evolution and history. Dublin, 2008. P. 10–17.
- MacNiocaill 1975 — *MacNiocaill G.* The medieval Irish annals. Dublin, 1975.
- Plummer 1899 — Two of the Saxon Chronicles Parallel: A revised text / Ed., with intr., notes, appendices and glossary by Ch. Plummer; On the basis of an edition by J. Earle. Oxford, 1899. Vol. 2.
- Whitbread 1959 — *Whitbread L.* Æthelweard and the Anglo-Saxon chronicle // *The English Historical Review*. 1959. Vol. 74. P. 577–589.

Ф.С. КОРАНДЕЙ

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗАВОД КОНРАДА МАЛЬТ-БРУНА

ГЕОГРАФИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ПУТЕВЫХ ОПИСАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА*

Аннотация: В статье на материале французских путевых описаний 1860–1880-х годов, посвященных путешествиям по Сибири, рассматриваются механизмы трансляции элементов академического географического нарратива («Обозрения всеобщей географии» К. Мальт-Бруна и Э. Реклю) в жанры, предназначенные для широкой публики. Предметом исследования является история стереотипных описаний пути между Тюменью и Екатеринбургом в сочинениях К. де Бурбулон, Ж. Верна, Ф. Петручелли делла Гаттина, Р. Леклида и Э. Котто, устойчивые страноведческие приемы, при помощи которых юго-западная часть Сибири конструировалась как пограничный район, чьи характерные черты метонимически переносились на всю Сибирь в целом.

Ключевые слова: Сибирь, историческая география географического знания, историческая география географических образов, критическая литературная география, путевые описания, сибирский тракт, Тюмень, Екатеринбург, Конрад Мальт-Брун, Элизе Реклю, мадам де Бурбулон, Эдмон Котто.

Flumen est Arar, quod per fines Haeduarum et Sequanorum in Rhodanum influit, incredibili lenitate, ita ut oculis in utram partem fluat iudicari non possit.

(Caesar. De Bello Gallico, I, 12)¹.

* Работа выполнена при финансовом содействии РГНФ (проект № 14-31-01248).

¹ «По земле эдуев и секванов протекает и впадает в Родан река Арар. Ее течение поразительно медленно, так что невозможно разглядеть, в каком направлении она течет» (Пер. М.М. Покровского).

En sortant de l'hôtel, je me trouve sur les bords de la Toura. La berge, très escarpée, s'élève à 25 mètres au-dessus de la rivière, dont le courant est si peu sensible que j'ai peine à en reconnaître la direction.

(Cotteau, 1888, p. 106)².

География или литература?

В первом десятилетии настоящего века в географической литературе продолжалась дискуссия о литературных аспектах географического знания³. Одним из характерных эпизодов дискуссии явились работы британского литературоведа Э. Такера, посвященные описаниям перемещений в пространстве и путешествий как таковых в модернистской художественной литературе (1910–1939). Комплекс проблем, исследовавшихся в его монографии 2003 г. и в статье 2005 г., был обозначен как «критическая литературная география» (*critical literary geography*)⁴. Термин, несомненно, не был нов, однако его интерпретация, предложенная Такером, который обращался при ее разработке к тем же достижениям пространственной теории, что и современная *human geography*, представляется довольно актуальной именно с точки зрения этой науки. Литературоведческая концепция Такера вполне отвечает тем принципам, которые разрабатывались в последнее десятилетие некоторыми географами, прежде всего Д. Ливингстоном, М. Огборном и Ч. Уизерсом в русле так называемой «исторической географии географического знания»⁵. В недавнем историографическом очерке А. Сандерса названы и другие многочисленные работы данного ряда, отражающие интерес литера-

² «Выйдя из гостиницы, я оказываюсь на берегу Туры. Обрыв, очень крутой, в двадцать пять метров высоту, вздымается на рекой, течение которой едва различимо, так что трудно определить, в каком направлении она течет» (здесь и далее, все переводы, кроме особо оговоренных, наши. — Ф. К.).

³ См. очерк развития диалога между *literary studies* и *human geography* в последние десятилетия: Jones 2008.

⁴ Thacker 2003; Thacker 2005.

⁵ См. работу М. Огборна, посвященную производству географического знания в канцелярском дискурсе Ост-Индской компании XVII–XVIII вв., статью Ч. Уизерса и И. Кейрена, в которой исследовались механизмы индустрии путевых описаний в Великобритании XIX в., сборник «Географии книги», представляющий проблему на широком хронологическом материале: Ogborn 2007; Geographies of the Book 2010; Withers, Keighren 2011.

туроведения и *human geography* к проблемам, которые в равной степени принадлежат и истории литературы, и исторической географии⁶.

Особенное значение имеют исследования географических текстов, помещающихся в пространстве между художественной литературой, ориентированной на вымысел, и полноценным академическим дискурсом, связанным конвенциями релевантности, валидности и т.п. Именно к этой области должен быть отнесен жанр путевых описаний (англ. *travel-writing*, фр. *littérature des voyages*), к истории одной из локальных традиций которого мы предполагаем обратиться в данной статье. Важной тенденцией в современной историографии вопроса является признание того, что фундаментальные различия текстов, репрезентирующих «чистое» географическое знание, и текстов художественной литературы как таковой, связаны не столько с их поэтикой, сколько с социальными практиками, определяющими бытование того и другого вида текстов. Из этого же тезиса следует, что академический нарратив и художественная литература вовсе не отделены друг от друга непроницаемой стеной, но способны порождать в конкретных исторических контекстах эпохи колонизации гибридные формы, связанные со специфическими политическими целями, которые преследовали их авторы.

«Знание» с этой точки зрения не является синонимом «науки»: наибольший интерес для исследователей путевых описаний представляет собой история производства и потребления «обыденных» географических представлений, метафор, стереотипов и заблуждений. Интерпретация «литературной географии», предложенная в вышеупомянутых работах Э. Такера, представляется примечательной именно потому, что наиболее ясно описывает диалектические отношения между формой географического текста и социальным пространством, в котором текст существует. «Критическая литературная география должна <...> описывать социальное пространство; то есть то, каким образом история социального пространства определяет пространственную форму литературного текста»⁷. «Не достаточно показать, как простран-

⁶ Saunders 2010.

⁷ Thacker 2003: 40.

ства, описываемые в литературных текстах, связаны с пространствами материального мира (*material spaces*), но также, изменив вектор движения, нужно показать, какое влияние эти социальные пространства оказывают на литературную форму текстов»⁸.

В данной статье мы бы хотели обратиться к диалектике литературной формы и исторического контекста французских путевых описаний XIX в., посвященных путешествиям по юго-западной Сибири.

Тема и метод исследования

Методологически данное исследование опирается на принципы исторической географии географического знания в том виде, в котором они были разработаны в работах Д. Ливингстона, М. Огборна и Ч. Уизерса. Под исторической географией географического знания понимаются укорененные во французской культуре XIX в. механизмы производства и потребления географических текстов, в диапазоне от академических до литературных. На примере частного случая, а именно — описаний и само-описаний въезда французских путешественников в Западную Сибирь, мы предполагаем продемонстрировать некоторые способы трансляции академического географического дискурса в жанры, предназначенные для широкой публики, обратить внимание на те страноведческие приемы, с помощью которых пограничная юго-западная часть Сибири конструировалась в текстах как район, географическое единство, чьи характерные черты метонимически переносились на всю Сибирь в целом.

В качестве *case-study* нами был избран небольшой эпизод, связанный с пересечением путешествующими границы Пермской и Тобольской губерний и первой значительной остановкой в уездном городе Тюмени. Объем корпуса французских путевых описаний, а также ориентированных на воспроизведение этого жанра литературных произведений, включающих в себя данный эпизод, невелик. Это предоставляет замечательную возможность для текстологического анализа традиции. Мы полагаем, что на содержательную основу любого «тюменского» текста во французской традиции путевых описаний XIX в., как правило, оказывали влияние академические географические произведения, а

⁸ Thacker 2005: 61.

именно центральные для французской региональной школы «Обозрения всемирной географии» К. Мальт-Бруна, а затем Э. Реклю. Кроме того, тюменская глава в сочинениях французских авторов, при всей ее эпизодичности, иногда обнаруживала зависимость от литературных источников, восходящих к той же самой франкофонной традиции. Зачастую небольшой объем текста может быть в буквальном смысле разъят на эти составляющие. Оказывается, что на описание непосредственных туристических впечатлений оказывают влияние описания, составленные десятилетиями ранее. Путешествуя по Сибири настоящей, французские путешественники одновременно передвигались и по Сибири литературной, которая в данном случае сводилась к нескольким известным французским текстам.

Отношение авторов к своим источникам, одни из которых называются прямо, другие остаются скрытыми, дополнительные комментарии или умолчания, допускаемые авторами, позволяют коснуться некоторых конструктивистских аспектов формирования знания о Сибири во французской традиции. В этом смысле особенный интерес представляет вершина данной традиции — путевое описание Эдмона Котто, изданное в 1883 г. в Париже по мотивам трансконтинентального путешествия 1881 года⁹. Фактически, этот довольно продолжительный текст представляет собой синтез всей предшествующей традиции. Деконструкция данного путевого описания усложняет вопрос о его жанровой принадлежности и способна в известной мере поколебать привычные представления о степени объективности документов такого рода.

В первой части нашей работы мы рассмотрим гипотетическое влияние «Обозрения всемирной географии» Конрада Мальт-Бруна на «тюменские» тексты французской традиции, в частности на текст путевых записок К. де Бурбулон и ее последователей¹⁰.

Вторая часть статьи посвящена анализу источников «тюменской» главы сочинения Эдмона Котто «Из Парижа в Японию через Сибирь», характеристике страноведческих приемов и нарративных стратегий, которые Котто использовал при создании данного эпизода своей книги.

⁹ Cotteau 1888.

¹⁰ Poussielgue 1866.

**Описание Тюмени в
«Очертании всеобщей географии» Мальт-Бруна**

Начало традиции французских «Обзрений всеобщей географии» (*Géographies universelles*), как известно, положил Конрад Мальт-Брун, в 1810 г. издавший первый том своего «Очертания всеобщей географии» (*Précis de la Géographie universelle*)¹¹. Исполненный великой эрудиции и литературного таланта труд Мальт-Бруна приобрел прочный авторитет как в научных кругах, так и среди широкой публики. Как отмечала А.М. Годлевска, переиздания шеститомника служили постоянной моделью для французской географической литературы до последних десятилетий девятнадцатого столетия¹². Мы можем убедиться в этом, проследив литературную судьбу «тюменского» эпизода во французских книгах этой эпохи, посвященных Сибири. Интересующий нас эпизод был частью описания сибирских городов, опубликованного в 135 книге пятого тома «Очертания». Названные источники, которые использовал Мальт-Брун при составлении этой части, хорошо известны — это сочинения П.С. Палласа, И.Г. Георги и А.Ф. Бюшинга. Некоторые сложности представляет собой остальная часть описания, которая, по всей видимости, восходит к тексту «Историко-географического словаря Российской Империи», составленного Н.С. Всеволожским на французском языке, и изданного в 1813 г. в Москве (см. Табл. 1, с. 206–207)¹³. Как представляется, Мальт-Брун в данном месте почти буквально воспроизводит более пространственный текст Всеволожского.

Таблица 1

ОБЩИЕ МЕСТА «ТЮМЕНСКОГО» ТЕКСТА
В «ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ» Н.С. ВСЕВОЛОЖСКОГО
(1813) И В «ОЧЕРТАНИИ ВСЕОБЩЕЙ ГЕОГРАФИИ»
К. МАЛЬТ-БРУНА (1817)

Сочинение	Текст	Перевод
“Dictionnaire géographique-historique” Н.С. Всеволожского (1813, II, р. 303)	Tumène (Тюмень) ville du gouv. de Tobolsk <...> La ville actuelle fut bâtie en	Тюмень, город Тобольской губернии <...> Нынешний город был выстроен в 1586 г. на

¹¹ Malte-Brun 1845.

¹² Godlewska 2001: 109–111.

¹³ Vsevolozhsky 1813:303.

	<p>1586 sur l'emplacement de la ville tatare dont on voit encore des restes. Elle a un faubourg sur la rive oppose du meme fleuve, vis-à-vis de la ville, et dont les habitants sont, pour la plus grande partie, des Tatares et des Boukhares. <...> On y trouve en outre 800 maisons, une fonderie de cloches, des fabriques de savon et des tanneries considérables font sa principale richesse. Tumène a été la première ville bâtie par les Russes en Sibérie <...>¹⁴</p>	<p>месте татарского города, останки которого доселе еще видны. На противоположном берегу реки, против города, расположен пригород, населенный по большей части татарами и бухарцами <...> В городе находится свыше 800 домов, колокольный завод, мыловаренные заведения и значительные дубильни составляют его основное богатство. Тюмень была первым городом, который основали в Сибири русские <...></p>
<p>“Précis de la Géographie universelle” К. Мальт-Бруна (1817, V, p. 53)</p>	<p><...> Tioumen, ville florissante, sur la rive droite de la Toura, a 10 000 habitants, y compris les Tatares qui habitent son faubourg, des manufactures de très jolis tapis, des fonderies de cloches, des fabriques de savons et des tanneries considérables. Cette ville est la première que les Russes bâtirent en Sibérie. En 1586, elle s'éleva sur l'emplacement d'une cité tatare, dont on voit encore quelques débris. <...></p>	<p><...> Тюмень, процветающий город на правом берегу Туры, имеет 10 000 жителей, включая сюда и татар, которые населяют свою слободу, мануфактуры по выделке весьма красивых ковров, колокольные заводы, мыловаренные заведения и значительные дубильни. Это первый город, основанный русскими в Сибири. Он был воздвигнут в 1586 г. на месте татарского города, руины которого доселе еще видимы. <...></p>

¹⁴ Цитата, как и все остальные далее, обозначенные знаком <...>, приводится с купюрами. В данном случае показаны лишь общие места.

Западная Сибирь в описании мадам де Бурбулон

Следующей вехой истории интересующего нас эпизода являются известные записки жены французского консула в Китае, госпожи де Бурбулон (урожденная Кэтрин Фанни Мак-Леод, 1827–1865) (Илл. 1).

Илл. 1
Портрет госпожи де Бурбулон
в дорожном костюме (фронтиспис издания 1866 г.).

Материалы трансконтинентального путешествия, которое совершили супруги де Бурбулон, в 1862 г. проехавшие из Китая через всю Азиатскую Россию, были изданы Ахиллом Пуссьельгом в 1866 г., и оказали значительное влияние на последующий корпус французских текстов о Сибири¹⁵.

Популярность сочинения, как кажется, была совсем не случайной. Во-первых, текст записок де Бурбулон обладал неоспоримыми достоинствами сам по себе. Книга повествовала об истории, географии, культуре и политике территорий, малоизвестных западноевропейскому читателю 1860-х годов, от лица непосредственного участника событий, человека весьма наблюдательного и одаренного литературно, да вдобавок, еще и женщины. Во-вторых, что, на наш взгляд, является в данном случае определяющим обстоятельством, книга де Бурбулон оказалась удачным издательским проектом, бестселлером, на создание которого работала вся французская индустрия производства популярного географического знания, в центре которой в 1860-е годы находилось издательство Луи Ашетта. К литературной славе книгу привел А. Пуссьельг (1829–1869), в разное время опубликовавший в издательстве «Ашетт» целый ряд собственных сочинений. В течение ряда лет он осуществлял литературную обработку китайских, а затем и сибирских дневников и писем К. де Бурбулон, которые затем публиковались в знаменитом иллюстрированном еженедельнике «Вокруг Света» (*Le Tour du Monde*) в числе отчетов о множестве других путешествий. Описание путешествия де Бурбулон через Западную Сибирь впервые также было опубликовано в «Вокруг света»¹⁶.

Как представляется, именно на этапе этой редакции в сибирских дневниках де Бурбулон появляются сведения научно-популярного характера, и, в частности, географические характеристики сибирских городов, заимствованные из «Обозрения географии» Мальт-Бруна, или, здесь нужно сделать оговорку, из *другого подобного источника*. Мы не можем быть категоричными, например, по следующей причине.

Описание Тюмени, включенное в дневник де Бурбулон, содержало настоящий маркер, присутствующий впоследствии только

¹⁵ Poussielgue 1866.

¹⁶ Poussielgue 1865: 234–272.

французским географическим описаниям первого сибирского города. Говоря о тюменской промышленности, де Бурбулон упоминает в числе прочих заводов *une fonderie de cloches*, колокольный завод (см. Табл. 2, с. 210–211).

Таблица 2

УПОМИНАНИЕ «КОЛОКОЛЬНОГО ЗАВОДА»
ВО ФРАНЦУЗСКИХ ОПИСАНИЯХ ТЮМЕНИ 1860–1880-Х ГОДОВ

Сочинение	Текст	Перевод
“Précis de la Géographie universelle” К. Мальт-Бруна (V, p. 53)	Tioumen, ville florissante, sur la rive droite de la Toura, a 10 000 habitants, y compris les Tatars qui habitent son faubourg, des manufactures de très jolis tapis, <i>des fonderies de cloches</i> , des fabriques de savons et des tanneries considérables. Cette ville est la première que les Russes bâtirent en Sibérie.	Тюмень, процветающий город на правом берегу Туры, имеет 10 000 жителей, включая сюда и татар, которые населяют свою слободу, мануфактуры по выделке весьма красивых ковров, <i>колокольные заводы</i> , мыловаренные заведения и значительные дубильни. Это первый город, основанный русскими в Сибири.
“Voyage en Chine et en Mongolie” К. де Бурбулон под ред. А. Пусьельга (1862, p. 436)	Tioumen, où j’écris ces mots, est une ville assez importante (On compte à Tioumen 10 000 habitants), où on trouve des usines métallurgiques et <i>une fonderie de cloches</i> . C’est le premier centre de population fondé par les Russes en Sibérie.	Тюмень, где я пишу эти слова, довольно большой город (В Тюмени насчитывается 10000 жителей. — прим. автора), в нем расположены металлургические заводы и <i>колокольный завод</i> . Это первое поселение, которое было основано русскими в Сибири.
“Michel Strogoff” Ж. Верна (1876, p. 119)	Tioumen, dont la population normale est de dix mille habitants, en comptait alors le double. Cette ville, premier centre industriel que les Russes créèrent en Sibérie, dont on remarque les belles usines métallurgiques et	Население Тюмени, в которой обычно проживает десять тысяч человек, увеличилось тогда вдвое. Этот город, первый промышленный центр, который русские основали в Сибири, известный своими литейными и <i>колокольным</i>

	<i>la fonderie de cloches, n'avait jamais présenté une telle animation.</i>	<i>заводами, никогда еще не был столь оживленным.</i>
De Paris au Japon à travers la Sibérie» Э. Котто (1883, p. 106)	Tiumen existait déjà à l'époque de l'arrivée des Russes dans le pays, en 1580. C'est aujourd'hui, au point de vue commercial et industriel, la plus importante cité de la Sibérie occidentale. Elle possède un atelier de construction de machines à vapeur, dirigé par des ingénieurs anglais, <i>une fonderie de cloches</i> , plusieurs tanneries et beaucoup d'autres usines dont le nombre s'accroît chaque année.	Город Тюмень, основанный еще до начала русского заселения Сибири в 1580 г., ныне, с точки зрения промышленной и торговой, является важнейшим из городов Западной Сибири. Здесь есть завод паровых машин, возглавляемый английскими инженерами, <i>колокольный завод</i> , несколько кожевенных и множество других фабрик, число которых с каждым годом растёт.

То обстоятельство, что де Бурбулон, а вслед за ней и некоторые другие авторы французской традиции, речь о которых пойдет ниже, упоминают в Тюмени один колокольный завод (а не «колокольные заводы», как Мальт-Брун), ставит под сомнение нашу гипотезу о том, что книга Мальт-Бруна была главным или единственным источником всех последующих вариантов данного эпизода. В этом смысле текст де Бурбулон ближе к записи Н.С. Всеволожского, который сообщал об одном заводе.

Словарь Всеволожского был, несомненно, точнее. В Тюмени первой половины XIX в. был один крупный колокольный завод, основанный П. Гилевым в 1807 г., и просуществовавший более столетия. Тюмень была известна как центр колокольного промысла, снабжавший необходимыми атрибутами сибирский ямской путь. «Тюмень для Сибири, что Валдай для России — мать всех колокольцев», писал в 1863 г. в «Тобольских губернских ведомостях» сибирский журналист И.И. Завалишин¹⁷. Несомненно, однако, что в данном случае мы имеем дело не столько с непосредственным наблюдением, сколько с устойчивой деталью гео-

¹⁷ Завалишин 2000: 59.

графической характеристики. Важно отметить, что сообщение о существовании в Тюмени колокольного завода, как правило, не включалось в статистические описания территории, составленные на русском языке в интересующий нас период. В 1862 г., когда К. де Бурбулон проехала верхом, в брюках и широкополой шляпе по пыльным улицам сибирского городка, колокольное дело не составляло какой-то существенной доли в его экономике. К примеру, «Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г.» сообщает о 67 городских и 19 окружных кожевенных заводах Тюмени (по И.И. Завалишину — 95 заводов¹⁸), шести мыловарнях и 30 гончарных мастерских, шести канатных фабриках, двух кирпичных заводах, заводе для выделки кали и клееваренном заводе, но не упоминает колокольного завода¹⁹.

Итак, текст А. Пусьельга о колокольном заводе, скорее всего, восходит к давнему франкоязычному прототипу, который не имеет отношения ни к непосредственному сибирскому опыту французских путешественников 1862 г., ни к современной для них русской статистической литературе. Источник этого свидетельства нам теперь не совсем ясен, но более важным представляется то обстоятельство, что именно книга де Бурбулон формирует основу следующего этапа популярной французской географической традиции, становится источником устойчивого комплекса фактов, с помощью которого различные авторы характеризовали в своих писаниях территорию юга Западной Сибири.

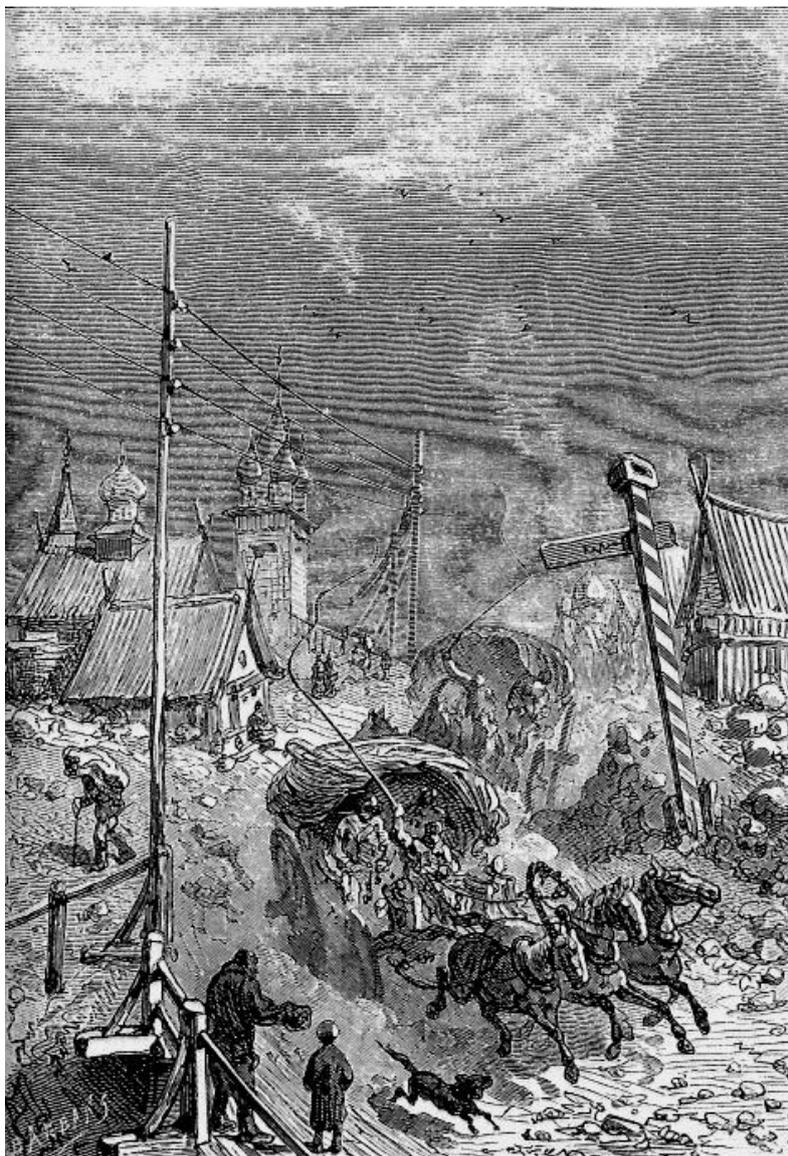
Самым известным из таких текстов является «Михаил Строгов» Жюль Верна (1876)²⁰. Влияние книги де Бурбулон на замысел и творческую историю романа несомненно²¹. Сам Жюль Верн неоднократно ссылается в тексте романа на описания де Бурбулон. Весь немногочисленный тюменский антураж XII главы романа списан с «Путешествия» де Бурбулон (см. Таблицу 2): герои Жюль Верна даже прибывают в город 22 июля (Илл. 2, с. 213), почти в то же самое время, что де Бурбулон, чья тюменская запись датируется 24 июля.

¹⁸ Завалишин 1862: 213.

¹⁹ Памятная книжка 1864: 81.

²⁰ Verne 1876.

²¹ Neboit-Mombet 2005: 30–50.

Илл. 2
Прибытие в Тюмень.
Иллюстрация Жюль Фера (Jules-Descartes Férat) к первому изданию
«Мишеля Строгова» Жюль Верна.

Интересно отметить, что влияние текста де Бурбулон на последующую традицию не исчерпывается трансляцией популярно-географических сведений из «Всеобщей географии». Образы путешествия 1862 г. активно используются позднейшими авторами в целях создания сибирского антуража их собственных произведений. Показательно сопоставление текста трех июльских записей де Бурбулон, посвященных пути от Тюмени до Екатеринбурга с текстами популярных французских романов, действие которых происходит на той же территории.

**Путешествие К. де Бурбулон из Тюмени в Екатеринбург.
Июль 1862 г. План записей**

Запись от 24 июля, Тюмень (р. 436–437).

<...>

Прибытие в Тюмень и характеристика города.

Купеческий прием.

Правила сибирской учтивости.

Меню торжественного обеда.

Комическое завершение обеда.

Запись от 25 июля, Тугулым (р. 437–438)

Происшествие в доме тугулымского старосты.

Характеристика сибирских крестьян.

Их бледность, объясняемая зимним затворничеством.

Запись от 27 июля, Атиг? (р. 438–439)

Констатация прибытия в Европу.

Описание Екатеринбурга.

Легкость передвижения по легнему Уралу.

Выше представлен план содержания трех страниц книги К. де Бурбулон, в которых рассказывается о переезде французских путешественников из Тюмени в Екатеринбург. Текст, несомненно, может быть разят на отдельные эпизоды, которые использовались последующими французскими авторами для характеристики сибирских природы и нравов. Таковы, к примеру, утверждение о бледности местных крестьян, объясняемой их вынужденным затворничеством (см. Табл. 3, с. 215–216), характерная эмоционально окрашенная констатация пересечения границы Азии и Европы, описание Екатеринбурга, более близкое к описанию Всеволожского, чем Мальт-Бруна (см. Табл. 4, с. 216–118).

Таблица 3

ВЛИЯНИЕ ТЕКСТА К. ДЕ БУРБУЛОН
НА ПОСЛЕДУЮЩУЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ ТРАДИЦИЮ:
«БЛЕДНОСТЬ, ОБЪЯСНЯЕМАЯ ЗИМНИМ ЗАТВОРНИЧЕСТВОМ»

Сочинение	Текст	Перевод
“Voyage en Chine et en Mongolie” К. де Бурбулон под ред. А. Пусьельга (1862, p. 436)	Leur figure est régulière, mais extrêmement pâle et décolorée, ce qu’il faut attribuer à leur réclusion forcée pendant huit mois d’hiver, sans air, dans des pièces excessivement chauffées.	Лица их правильны чертами, но до крайности бледны и бесцветны, что должно приписывать их вынужденному затворничеству в течение восьми зимних месяцев, без свежего воздуха, в чрезвычайно натопленных комнатах.
“Les soirées des émigrés a Londres” Ф. Петручелли дела Гаттина (1869, p. 303)	Les traits du Sibérien sont réguliers, mais très-pâles. On ne s’enferme pas impunément pendant huit mois de l’année dans des pièces fort chauffées et peu ou mal aérées.	Лица сибиряков правильны чертами, но весьма бледны. Им не проходят даром те ежегодные восемь месяцев, что проводят они в комнатах жарко натопленных, но слабо или плохо вентилируемых.
“Le tour du monde en vélocipède” Р. Леклид (1870, p. 248–249)	Les habitants de ces tristes régions sont enfermés dans leurs mures comme des marmottes et n’en sortent presque jamais. Leur teint est d’un blanc mat maladif; on voit que le soleil ne leur a jamais doré l’épiderme. Victorine, devant ces misères de la nature, murmure de temps en temps: “Comment peut-on vivre ici?”	Обитатели этих печальных областей запираются в своих лачугах, как сурки, и почти никогда их не покидают. Лица их бледные и болезненные: по всей видимости, солнце никогда не золотит их кожи. Очуться пред нищетою этой природы, Викторина время от времени бормочет: «Как тут вообще можно жить?»
“De Paris au Japon à travers la Sibérie” Э. Котто (1883, p. 103–104)	Il fait encore très froid cette nuit. En revanche l’intérieur des maisons de poste, où nous de-	Ночью по прежнему довольно холодно. Однако на почтовых станциях, где мы каждый

	<p>scendons à chaque relai pour prendre le thé, est chauffé à outrance. On y étouffe littéralement; car jamais les Sibériens n'ouvrent leurs fenêtres. Du reste, il y a une bonne raison pour cela; elles sont doubles, calfeutrées avec soin, et scellées à la muraille. On a parfois ménagé un carreau grand comme la main, avec charnière, mais je n'en ai pas encore vu un d'ouvert.</p>	<p>раз при смене лошадей выпиваем по чашке чаю, наоборот, нещадно на-топлено. Дышать там буквально нечем, поскольку сибиряки никогда не отпирают своих окон. Впрочем, у них на то достаточно оснований: окна всегда двойные, щели в них тщательно заделаны и замазаны. Иногда бывает и форточка размером с руку, и на шарнире, но я ни разу не видел, чтобы их открывали.</p>
--	--	---

Таблица 4

ВЛИЯНИЕ ТЕКСТА К. ДЕ БУРБУЛОН
НА ПОСЛЕДУЮЩУЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ ТРАДИЦИЮ:
КОНСТАТАЦИЯ ПРИБЫТИЯ В ЕВРОПУ И ОПИСАНИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА

Сочинение	Текст	Перевод
<p>“Voyage en Chine et en Mongolie” К. де Бурбулон под ред. А. Пусьельга (1862, р. 438–439)</p>	<p>Nous voici donc en Europe! <...> Nous avons passé hier à Ekaterimbou, ville située sur la pente orientale des Ourals, qui est géographiquement en Asie, quoiqu'elle dépende administrativement du gouvernement européen de Perm: c'est une place forte avec chancellerie, douane, arsenal, hôtel des monnaies, fonderie de canon, fabriques d'armes, de coutelleries, etc., etc., qui est le centre d'un commerce considérable de peaux, de suifs, de cuirs, de pierres précieuses (j'y ai acheté de superbes améthystes ve-</p>	<p>Итак, мы в Европе! <...> Вчера мы прибыли в Екатеринбург, город, который располагается на восточных склонах Урала, то есть географически в Азии, хотя и включается административно в европейскую Пермскую губернию; это крепость, в которой есть канцелярия, таможня, арсенал, монетный двор, пушечный завод и ружейная фабрика, ножевые фабрики и т.д.; это центр значительной кожевенной торговли и торговли драгоценными камнями (я приобрела здесь превосходные</p>

	nant de l'Oural.) La contrée environnante est très-industrielle; on y trouve beaucoup de forges, et des lavages d'or et de platine.	уральские аметисты). Окрестности города чрезвычайно развиты в промышленном отношении; здесь находится множество металлургических заводов, золотых и платиновых приисков.
“Les soirées des émigrés a Londres” Ф. Петручелли дела Гаттина (1869, p. 302–303)	Les Ourals sont traversés: nous sommes à Ekaterinenbourg, au pied du versant opposé, le versant oriental: nous sommes en Asie, nous sommes en Sibérie. La ville a quelques beaux édifices: l'hôtel de la Monnaie, l'établissement de la Direction des mines, l'Arsenal où l'on fond des canons et fabrique des armes, la Douane... il y a un grand mouvement industriel et commercial: des forges, des usines, des ateliers de pierres précieuses, des lavages d'or et de platine...	Урал преодолен: теперь мы в Екатеринбурге, у подножия противоположной стороны, восточного склона; теперь мы в Азии, в Сибири. В этом городе есть несколько превосходных зданий: Монетный Двор, Главное управление горных заводов, Арсенал, где льют пушки и производят оружие, Таможня... Здесь повсюду большое промышленное и коммерческое движение: сталелитейни, заводы, мастерские, где обрабатываются драгоценные камни, золотые и платиновые прииски...
“Le tour du monde en vélocipède” Р. Леклид (1870, p. 238, 241)	C'était Ekaterimbourg. Nous entrons en Asie. <...> Lés lumières d'Ekaterimbourg se multipliaient peu à peu et nous donnaient bonne opinion de l'importance de la ville. C'est une place forte dépendant du gouvernement de Perm et qui fait un commerce considérable. On y lave des sables de l'Oural où l'on trouve de l'or, du platine et des pierres précieuses. Cela parut fort	То был Екатеринбург. Мы въехали в Азию. <...> Огни Екатеринбурга понемногу умножались, хорошо свидетельствуя о значении этого города. Это крепость, которая входит в Пермскую губернию, весьма значительна в коммерческом отношении. Здесь, в поисках золота, платины и драгоценных камней промываются уральские пески. Все

	étonner Victorine qui se figurait que l'or se fabriquait à la Monnaie et les diamants chez les bijoutiers.	это весьма удивляло Викторину, которая думала, что золото делается на монетном дворе, а бриллианты у ювелиров.
“Michel Strogoff” Ж. Верн (1876, p. 118)	Ekaterinbourg, géographiquement, est une ville d'Asie, car elle est située au-delà des monts Ourals, sur les dernières pentes orientales de la chaîne... À Ekaterinbourg, s'élève le premier Hôtel des monnaies de tout l'empire; là est concentrée la direction générale des mines.	С точки зрения географии Екатеринбург является азиатским городом, поскольку он находится за Уральскими горами, на последних восточных отрогах хребта... В Екатеринбурге находится главный Монетный двор империи; здесь сосредоточено управление всеми горными заводами.

На этих пробных образцах традиции сибирских описаний мы можем проследить дальнейшие трансформации в целом нейтрального по стилю текста К. де Бурбулон во французской литературе 1860–1870-х годов. Из всех известных нам авторов спокойный благожелательный настрой по отношению к описываемой территории и ее населению в целом сохраняет только Ж. Верн. Два других произведения созданы, скорее, в духе пропитанной ориентализмом критики Российской Империи и интересны как документы массовой культуры, воспроизводившие характерные стереотипы восприятия азиатских колоний русского царя. Скажем несколько слов об этих произведениях.

Содержавшая в себе описание сибирского путешествия часть романа «Эмигрантские вечера в Лондоне» (*Les soirées des émigrés à Londres*) была впервые издана итальянским писателем и журналистом Ф. Петручелли делла Гаттина (1815–1890) на французском языке в нескольких номерах журнала «Современное обозрение» (*Revue Moderne*) за 1869 г.²² Роман представлял собой своеобразный декамерон европейских эмигрантов, вспоминавших драматические обстоятельства своего изгнания. Простран-

²² Petruccelli de la Gattina 1869.

ные автобиографии персонажей романа, повествовавших о событиях революции 1848 г. в Венгрии и Калабрии, а также о польском восстании 1863–1864 годов, представляли собой литературную обработку ряда подлинных мемуаров.

Интересующая нас часть, посвященная обстоятельствам сибирской ссылки вымышленного графа Лавановича (*Jean Lawanowicz*), была, по большей части, основана на воспоминаниях Руфина Пиотровского (1806–1872), известнейшего деятеля борьбы за польскую независимость. Они были изданы на польском языке в Познани в 1860 г. и к концу десятилетия переведены на основные европейские языки. Однако составленное Пиотровским описание пути из Екатеринбурга в Тюмень, известное нам по английскому переводу «Записок» (польский текст не был нам доступен, а в сокращенном русском переводе 1863 г. описание пути Пиотровского между Казанью и Омском опущено)²³, оказавшееся полезным для итальянского писателя в качестве источника драматического развития сюжета, не содержало особенно живописных географических подробностей, и Петручелли делла Гаттина, по всей видимости, воспользовался здесь книгой де Бурбулон. Таким образом, события, участником которых оказывается выдуманный граф Лаванович на границе Европы и Азии, воспроизводятся в «Эмигрантских вечерах» по Пиотровскому (см. Табл. 5, с. 219–220), а для характеристики ландшафтов и географических пунктов используются записки де Бурбулон.

Таблица 5

«ЗАПИСКИ» Р. ПИОТРОВСКОГО
КАК ИСТОЧНИК СИБИРСКОГО ТЕКСТА
В «ЭМИГРАНТСКИХ ВЕЧЕРАХ» Ф. ПЕТРУЧЕЛЛИ ДЕЛЛА ГАТТИНА

“My Escape from Siberia” Р. Пиотровского (1863, p.198) ²⁴	“Les soirées des émigrés a Londres” Ф. Петручелли делла Гаттина (1869, p. 302–303)
На предпоследней станции не доезжая Омска, я увидел несколько солдат, расхаживавших по двору; пока перепрягали лошадей, я вышел из	И снова равнина. Мы переезжаем Исеть, затем Туру, на которой лежит Тюмень. Пока меняли лошадей, я собирался выйти из кибитки и пойти

²³ Piotrowski 1863.

²⁴ Цит. по русскому переводу: Записки Руфина Пиотровского 1863: 102.

<p>повозки и стал бродить по двору, на сколько кандалы позволяли мне ходить. Один из солдат насвистывал очень отчетливо и верно: <i>Jesze Polska nie sginęła!</i> (Еще Польша не погибла!). Трудно представить себе впечатление, которое произвела на меня эта мелодия, напоминающая и все наши несчастья, и все наши надежды, надежды, которые поляки, загнанные в далекие сибирские снега, не перестают питать в сердцах своих. Я подошел к солдату, который насвистывал нашу народную песню и уставился в него глазами, будучи убежден что он поляк. Он заметил это и тотчас подошел ко мне. Это был действительно поляк, принимавший участи в революции 1830-го года и служивший в народном ополчении; он был отдан в солдаты, без выслуги в сибирские батальоны. Он говорил очень хорошо по-польски, с большим одушевлением, и был родом из Мазовецкой области. Я говорил с ним с великим удовольствием, когда на нас внезапно наскочил волостной писарь, схватил за ворот моего несчастного земляка, тряс его и варварским образом оттолкнул его от меня, говоря: «Как ты смеешь разговаривать с политическим преступником?»</p>	<p>пообедать, но увидел в дверях почтовой станции нескольких русских офицеров и сел обратно. Заметив мое движение, они обратились к жандармам с вопросом, кто я такой.</p> <p>— Несчастный — отвечали жандармы, — поляк, политический.</p> <p>То были офицеры, принадлежавшие к полку, много лет стоявшему гарнизоном в Польше. Они были сосланы в Сибирь в наказание за то, что не желали нас истреблять. Капитан их приблизился и просил меня, в самой вежливой форме и изысканных выражениях, отобедать с ними. Я смутился: все это было столь неожиданно, внезапно, так не соответствовало всему течению моих мыслей. Я согласился. Десять рук протянулись, чтобы помочь мне сойти. Все запели Домбровского: «<i>Еще Польша не погибла!</i>» Не знаю, был ли тот обед плох или хорош, я был, как во сне. С кем сажу я за столом: среди русских офицеров или в республиканском клубе? Меня поразило одно слово: это было слово «программа», может быть даже «программа будущего»!</p>
--	--

Описание въезда в Сибирь в тексте Пиотровского-Петручелли делла Гаттина, который представляет собой один из ранних образцов традиции литературно-публицистических описаний сибирской ссылки, расцвет которой приходится на 1880-е – начало 1890-х годов²⁵, выдержано совсем в иных тонах, нежели страницы записок де Бурбулон, которая готовится навсегда попрощаться с Сибирью. Почти идентичные по своему содержанию сообщения, используемые для характеристики территории, на которой разворачиваются действие (см. Табл. 3, с. 215–216), помеща-

²⁵ Корандей 2012.

ются авторами в противоположный контекст. Текст Петручелли делла Гаттина приобретает в этом случае оттенок путешествия по дантовскому аду. Отправившись из Екатеринбурга в Европу, К. де Бурбулон восклицает в записи, составленной на дорожной станции среди поросших лесом Уральских гор: «Мы в Европе! Мое сердце бьется, когда я пишу эти строки...» (*Mon coeur bat en écrivant ces lignes*)²⁶; ссыльный герой итальянского журналиста, описывая словами де Бурбулон город Екатеринбург, проявляет не меньшую эмоциональность, утверждая, что более не способен быть отважным: «Но что мне до этого? Я утратил дух» (*Que m'importe tout cela? je ne suis plus une âme*)²⁷.

Подобное же восклицание вкладывает в уста своей героини Ришар Леклид (Richard Lesclide, 1825–1892) автор еще одного воображаемого сибирского путешествия, составленного по мотивам записок де Бурбулон: «Как тут вообще можно жить?» (*Comment peut-on vivre ici?*), вздыхает, въезжая в Сибирь, юная велосипедистка, участница кругосветного велопробега, инициированного американским миллионером Джонатаном Шоппом. Французский писатель и журналист, в течение долгого времени служивший секретарем В. Гюго, Р. Леклид издал в 1870 г. первый том романа «Вокруг света на велосипеде» (*Le tour du monde en vélocipède*)²⁸. Сюжет этого произведения, близкого по жанру и аудитории развлекательно-познавательным эпопеям Ж. Верна и Л. Буссенара, также покоился на каркасе географического описания де Бурбулон, сохраняя даже характерную календарную структуру. Подобно ссыльному Жану Лавановичу, персонажи Леклида также двигались в сторону, противоположную движению де Бурбулон. Повествование Леклида имело инвертированный по отношению к повествованию де Бурбулон характер: велосипедисты ехали не «из Сибири», но «в Сибирь», и не в середине лета, но в начале зимы (Тюмень они миновали, согласно Леклиду, 10 декабря 1867 г.). Избранные время года и направление, несомненно, более соответствовали представлениям потенциальных читателей о путешествии по мрачной Азиатской России. Порой

²⁶ Poussielgue 1866: 438.

²⁷ Petruccelli de la Gattina 1869: 303.

²⁸ Lesclide 1870.

Леклид выстраивал повествование, инвертируя содержание соответствующего сообщения де Бурбулон. Так, несколько слов де Бурбулон о том, что путешествие через Уральские горы проходит без происшествий, поскольку снега растаяли, превращаются у Леклида в несколько страниц, посвященных опасным приключениям велосипедистов на заснеженных горных склонах в окрестностях Екатеринбурга (Илл. 3)²⁹.

Илл. 3

Велосипедисты изучают маршрут сибирского путешествия, начертанный на глобусе, вылепленном из снега. Иллюстрация Феликса Регамея (Félix Regamey) к изданию романа Р. Леклида «Вокруг света на велосипеде» (1870).

²⁹ Poussielgue 1866:439; Lesclide 1870: 241–245.

Западная Сибирь в описании Эдмона Котто

Спустя двадцать лет после выхода книги де Бурбулон другим «ашеттовским» бестселлером «литературы путешествий» становится сочинение путешественника и журналиста Эдмона Котто (Edmond Cotteau, 1833–1896). Книга Котто «Путешествие из Парижа в Японию через Сибирь 6 мая – 7 августа 1881 года» (*De Paris au Japon à travers la Sibérie*) впервые изданная в 1883 г., в 1888 г. выдержала уже третье издание.³⁰ Котто был одним из профессиональных путешественников, работавших на издательство «Ашетт»: список его путешествий, опубликованный в одном из биографических словарей последнего десятилетия XIX в., способен поразить воображение современного читателя. Нужно отметить, что это всего лишь одно десятилетие активной деятельности Котто (цитируется в сокращении): «В 1876 г., по случаю Всемирной выставки, которая проходила в Филадельфии, Котто посетил Северную Америку, Канаду и Калифорнию. В 1877 г. он исследовал Южную Америку, в том числе посетил Бразилию, Чили, Перу, Эквадор. В 1878–79 годах последовало путешествие в Индию и на остров Цейлон. В 1881 г. Котто проехал насквозь Российскую Империю и достиг Японии (Илл. 4, с. 224). Далее он исследовал Китай и Индокитай, вернувшись во Францию через Суэцкий канал. В 1884 г. Котто предпринял кругосветное путешествие с посещением двух десятков государств и владений. В 1887 г., Котто путешествовал по Кавказу и Закаспийским областям. В 1888 г. Котто отправился на Канарские острова, за чем последовало путешествие по Северной Африке.»³¹

Котто публиковался в огромном числе французских географических журналов, в том числе, и в упомянутом *Le Tour du Monde* и был автором десятка монографий, половина из которых была издана в «Ашетт». Учитывая профессиональную хватку автора, книга о сибирском путешествии 1881 г. оказалась закономерным шедевром французской популярно-географической литературы 1880-х годов и, в определенном смысле, логическим завершением и вершиной исследуемой нами традиции.

³⁰ Cotteau 1888.

³¹ Gubernatis 1890 :712–713.

Илл. 4
Портрет Эдмона Котто в японском костюме
(фронтиспис книги Котто «Турист на Дальнем Востоке» [Un touriste
dans l'extrême Orient. Paris, Hachette, 1884]).

Сочинение Котто, преодолевшего летом 1881 г. на тарантасе многие километры сибирских дорог (Илл. 5), несомненно, представляет свой интерес в качестве отчета о реальном путешествии. Вместе с тем, приходится констатировать, что документальная составляющая книжки Котто до некоторой степени определяется уже известной нам литературной традицией, совокупностью нарративных приемов, стратегий и стереотипов, присущих французским описаниям Сибири, составленным до 1881 года.

Илл. 5

Путь Э. Котто из Казани до Самарова весной-летом 1881 г.
(фрагмент карты сибирского путешествия Котто
воспроизводится по изданию 1888 г.).

Э. Котто преодолел одиннадцать почтовых станций, отделявших Екатеринбург от Тюмени, 27–30 мая 1881 г. Этому путешествию посвящена пятая глава его книги. Указанная глава, как можно ожидать, обнаруживает зависимость от нескольких литературных источников. Одни из них названы и обсуждаются автором, другие возможно обнаружить, если сравнить текст пятой главы книги Котто с предшествующими описаниями этой же территории.

Подобный интертекстуальный анализ текста Котто дает неожиданно богатые плоды. Замечательной иллюстрацией писательского метода данного автора служит «энциклопедическая» часть составленного им описания Тюмени (см. Табл. 6, с. 226–227). Как мы видим, вводная характеристика первого сибирского города из

книги Котто может быть разъята на две части, одна из которых (*une fonderie de cloches*) восходит к тексту «Всеобщей географии» К. Мальт-Бруна, или, скорее, к тексту К. де Бурбулон, другая — к тексту «Всеобщей географии» Э. Реклю, соответствующий том которой был издан в 1881 г.³² Текст Котто, оформленный как простое и бесхитрое изложение событий и впечатлений путешествия, на деле часто оказывается искусной конструкцией из других текстов.

Таблица 6

МЕЖДУ МАЛЬТ-БРУНОМ И РЕКЛЮ:
СИНТЕТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ОПИСАНИЯ Г. ТЮМЕНИ
В СОЧИНЕНИИ Э. КОТТО

Сочинение	Текст	Перевод
“Précis de la Géographie universelle” К. Мальт-Бруна (1817, V, p. 53)	Tioumen, ville florissante, sur la rive droite de la Toura, a 10 000 habitants, y compris les Tatars qui habitent son faubourg, des manufactures de très jolis tapis, <i>des fonderies de cloches</i> , des fabriques de savons et des tanneries considérables. Cette ville est la première que les Russes bâtirent en Sibérie.	Тюмень, процветающий город на правом берегу Туры, имеет 10 000 жителей, включая сюда и татар, которые населяют свою слободу, мануфактуры по выделке весьма красивых ковров, <i>колокольные заводы</i> , мыловаренные заведения и значительные дубильни. Это первый город, основанный русскими в Сибири.
“De Paris au Japon à travers la Sibérie” Э. Котто (1883, p. 106)	Tiumen existait déjà à l'époque de l'arrivée des Russes dans le pays, en 1580. C'est aujourd'hui, au point de vue commercial et industriel, la plus importante cité de la Sibérie occidentale. Elle possède un atelier de construction de machines à vapeur, dirigé par des ingénieurs anglais, une fonderie de cloches, plusieurs tanneries et beaucoup d'autres usines dont le nombre s'accroît chaque année. On fabrique dans les environs des tapis	Город Тюмень, основанный еще до начала русского заселения Сибири в 1580 г., ныне, с точки зрения промышленной и торговой, является важнейшим из городов Западной Сибири. Здесь есть завод паровых машин, возглавляемый английскими инженерами, колокольный завод, несколько кожевенных и множество других заводов, число которых с каждым годом растет. В окрестностях города

³² Reclus 1881.

	très estimés, une quantité considérable de charrettes, de traîneaux et aussi toutes sortes d'ustensiles de ménage en bois, tels que cuves, seaux, baquets, pelles, ainsi que des cordes en écorce de tilleul. En outre, il s'y tient des foires annuelles très fréquentées.	изготавливаются ковры, хорошо себя зарекомендовавшие, во множестве телеги, деревянная утварь, чаны, ушаты, ведра, лопаты и лубяная бечева. Кроме того, здесь происходят каждый год весьма оживленные ярмарки.
“Nouvelle géographie universelle: la terre et les hommes” Э. Реклю (1881, VI, p. 692–693)	Tumen est devenue, <...> l'une des villes les plus commerçantes du bassin de l'Ob. Elle aussi a des foires annuelles, <...>, mais elle a surtout son industrie manufacturière, qui s'accroît d'année en année : <...> c'est de là que viennent les tapis employés dans presque toute la Russie asiatique. <...>, de nos jours on compte parmi ses établissements un atelier de machines à vapeur, une tannerie préparant des cuirs pour une valeur de près d'un million de roubles par an <...> La ville et les villages des environs fabriquent aussi beaucoup d'ustensiles de ménage en tilleul et de caisses en bois de toute espèce; on construit chaque année dans le district de Tumen environ 50000 chars et traîneaux. <...>	Тюмень сделался, <...> одним из важнейших городов Обского бассейна. Здесь тоже бывает каждый год значительная ярмарка, <...> но своим важным значением город обязан главным образом своей мануфактурной промышленности, которая год от году все более увеличивается. <...> и из его мастерских выходят, между прочим, ковры, употребляемые почти по всей Азиатской России. <...>, в наши дни между его промышленными заведениями существуют такие значительные, как мастерская для изготовления паровых машин, обширный кожевенный завод, выделяющий кожного товара на сумму около миллиона рублей в год <...> Город и окружающие его селения выделяют также в большом количестве разную домашнюю утварь и посуду из липы и деревянные ящики разного рода; в тюменском округе каждый год готовится около 50 000 штук телег и саней. <...> ³³

³³ Цит. по русскому переводу: Реклю 1898: 652–653.

«Открытые» источники «тюменского» текста Котто. В начальной главе своего сочинения Котто называет в качестве своих прямых предшественников двух авторов, проехавших через Сибирь соответственно в 1858 и 1873 годах. Первый из них, граф Генри Рассел-Киллог (или Анри Руссель-Киллуг, 1834–1909), поведал читателям о своем путешествии в книге «16 тысяч лье по Азии и Океании», выпущенной, как и книга Котто, издательством «Ашетт». Труд Руссель-Киллуга был переведен на русский язык, но ни в этом переводе, ни в подлиннике нет тюменского эпизода: Руссель-Киллуг въехал в Сибирь южнее, проследовав из Златоуста через Ишим на Томск³⁴. Другой не раз упомянутый Котто путешественник — Виктор Меньян (1846–18??), автор книги «Из Парижа в Пекин по суше» побывал в Тюмени в январе 1873 года³⁵.

Влияние указанных авторов на текст Котто очевидно в том смысле, что сам он рассматривал их как своих прямых предшественников. По утверждению Котто, сходные обстоятельства путешествий Руссель-Киллуга и Меньяна повлияли на замысел его собственного: «Два французских путешественника <...> совершили свои сухопутные переезды из Парижа в Пекин зимой, когда в Сибири вся земля застелена однообразным снежным покровом, а течение северных рек замирает под толстым слоем льда <...> Что до меня, то я намеревался посмотреть Сибирь летом <...> Другие видели и описывали Сибирь в снегах, я же хотел <...> увидеть Сибирь в цветении.»³⁶ Котто поддерживает диалог со своими авторитетными оппонентами, не увидевшими в Сибири ничего кроме снега, на протяжении всей книги: цитируя в тюменской главе слова В. Меньяна, Котто приступает к описанию весеннего сибирского пейзажа³⁷.

³⁴ Russel-Killough 1864.

³⁵ Meignan 1877: 116–119.

³⁶ Cotteau 1888:2–3.

³⁷ Cotteau 1888:99: «Француз, несколько лет тому назад проехавший той же дорогой, заканчивал свой рассказ <...> предостережением: “Не вздумайте туда поехать”. А я, однако, поехал, не остановясь вердиктом столь кратким, сколь и неутешительным. Он ведь писал о путешествии, совершавшемся глухою зимою, я же начинаю мое путешествие в начале лета, и потому надеюсь на лучшее».

Эта позиция, утверждающая новый по сравнению с предшествующими сочинениями вклад Котто в корпус французских текстов о Сибири, вероятно, почти исключает текстуальные заимствования: ведь он путешествует, чтобы увидеть то, чего не увидел В. Меньян. Если совпадения и существуют, то другого рода, и более высокого уровня: прежде всего, и тот и другой, будучи ориенталистами в том смысле, как об этом писал Э. Саид, уже на подъезде к первому сибирскому городу ищут во всем известные им стереотипные признаки Азии: при этом очевиден приоритет книжного знания над тем, что наблюдается в действительности³⁸. Русская западная Сибирь оказывается приписанной к Оrientsу, Востоку в чрезвычайно широком смысле: В. Меньян упоминает в качестве таких первых ласточек тюменские рынки и распевающих в кабаках цыганок³⁹, а Э. Котто вторит ему, рассказывая о тюменских ночных сторожах и застольных обычаях сибиряков⁴⁰.

Скрытые источники. Важен факт, что рассказ Котто текстуально близок сочинению де Бурбулон. Предшественники Котто — и Руссель-Киллуг, и Меньян открыто признают авторитет шотландской путешественницы⁴¹. Э. Котто же этого не делает, хотя, без сомнения, знаком с этим текстом.

О причинах такого умолчания трудно сказать что-то конкретное: приходит на ум лишь тот факт, что сибирское путешествие де Бурбулон тоже происходило летом. Французский посланник с супругой прибыли в Тюмень в июле 1862 г., и, по свидетельству С. Турбина, остановились в пригородном с. Богандин-

³⁸ Саид 2006: 145–146. См.: «Текстуальному подходу способствуют две ситуации. Одна из них — когда человек нос к носу сталкивается с чем-то неизвестным и пугающим, что прежде всегда находилось где-то там, далеко. В этом случае ему приходится искать опору, отыскивая нечто сходное не только в собственном прежнем опыте, но и в том, что ему известно из книг... идея состоит в том, что люди, места и опыт всегда можно описать в книге (или в тексте) так, что книга (или текст) обретает больший авторитет и даже пользу в сравнении с описываемой действительностью».

³⁹ Meignan, 1877: 117 :«Здесь еще едва обнаруживается соседство Востока: базары, расположенные, при всей суровости климата, на открытом воздухе, отдаленно напоминают базары Сирии или Африки. Иногда женщины, облаченные в шелковые одежды, невзирая на свои грязные нижние юбки, поют и пляшут в кафе для удовольствия посетителей».

⁴⁰ Cotteau 1888:110, 112–114.

⁴¹ Russel-Killough 1864: 242, 247–249 ; Meignan 1877: 177.

ском в доме одного из тюменских купцов⁴². По всей видимости, именно там состоялся торжественный обед в честь французов; сообщение де Бурбулон от 24 июля, в котором описывается меню и застольные нравы сибиряков, кажется, пригодились Котто, когда он описывал собственный обед у купца Колмогорова (см. Табл. 7, с. 230–231).

Таблица 7

МЕНЮ ТЮМЕНСКОГО ОБЕДА
В СОЧИНЕНИЯХ К. ДЕ БУРБУЛОН И Э. КОТТО

“Voyage en Chine et en Mongolie” К. де Бурбулон под ред. А. Пусьельга (1862, р. 436–437)	“De Paris au Japon à travers la Sibérie” Э. Котто (1883, р. 112–113)
<p>Вот меню обеда, которое я записала, чтобы вы могли себе это представить:</p> <p><i>Закуска</i>, сервированная отдельно, на маленьком столике: семга сырая и копченая, икра, селедка соленая, нарезанная кусочками, в уксусе, хлеб, масло, шнапс или водка, настоянная на анисовом семени, прозрачная как хрусталь и весьма хорошая. Вся эта закуска предназначена для того, чтобы возбудить аппетит и sprиснуть дальнейшие нештучные возлияния.</p> <p><i>Суп</i>: бульон душистый с тимьяном (<i>serpolet</i>), в который наломаны фаршированные печенья, вместо хлеба.</p>	<p>Чтобы составить у читателя самое общее представление о трапезе по-сибирски, бесполезно будет обратиться к некоторым подробностям. Первое блюдо выглядело как большие комья (<i>boulettes</i>) рубленого мяса; они, не знаю отчего, именуется здесь котлетами (<i>côtelettes</i>), хотя не имеют ни вкуса, ни формы.</p> <p>На второе подали суп: душистый бульон, в котором плавали кусочки фаршированного теста (<i>de petites pâtisseries farcies</i>); затем последовала рыба, называемая нельма (это деликатесная разновидность лосося), жареная тетерка и засахаренный салат (<i>salade au sucre</i>).</p> <p>В качестве антреме подавались ка-</p>

⁴² Турбин 1872: 50 «В с. Богандинском, первой станции за Тюменью, меня ввели в тот самый дом, в котором останавливался возвращавшийся из Пекина в Париж французский посланник Бурбулон. Об этом мне сейчас объявили хозяйка. Хозяйка, как видно, не раз уже осведомлявшаяся у проезжих, обратилась ко мне с вопросом, ходят ли француженки в шароварах. На мой отрицательный ответ, она высказала сомнение, основывая его на том, что жена посланника была одета по-мужски, то есть на ней была коническая шляпа и шаровары.

— Вероятно для того, что так покойнее ехать, — заметил я.

— Где там спокойнее. Надо быть, у них все так ходят, вот как татарки; а то как же женщине штаны надеть? Срам. Мало ли тут женщин проезжает: и генеральши, и чиновницы, и купчихи, все по-женски одеваются».

<p>Рыба в бульоне (<i>au court bouillon</i>), совокупно с холодным уксусным соусом, из множества составляющих.</p> <p>Рагу барашка и курочки с рисом.</p> <p>Кулебяка (<i>koulbac</i>) или пирог, с яичными желтками, рисом, мясом и отбивной дичью.</p> <p>Жаркое из гуся и петуха, в острой подливке, с шафраном, карри, и мускатным орехом.</p> <p><i>Антреме (entremets)</i>⁴³: красная капуста (<i>choux rouges</i>), фаршированная икрой, свекла и огурцы в сметане, или маринованные в рассоле, имбирный пирог, творожный пирог, сливки и замороженное желе.</p> <p>По окончании обеда, после чая, шампанское и наливки (<i>liqueurs</i>).</p>	<p>пуста, свекла, огурцы во льду и в сметане, пироги на кислом молоке, а также пироги, начиненные яичными желтками, рисом и дичью, и, наконец, в качестве десерта — сладкое желе и превосходные апельсины, которые стоят здесь очень дорого.</p> <p>Из напитков подавались вина крымские и вина шампанские, водки на фруктах и на злаках, коньяк, все, кроме воды.</p>
--	--

Совпадают не только порядок и названия некоторых блюд (это, может быть, и неудивительно; вероятно, сибирская кухня могла быть консервативной), но то же касается и других подробностей, в частности, сообщения об обычае, воспрещающем семье хозяина дома обедать вместе с гостями⁴⁴. Завершая описание этого эпизода, де Бурбулон, заметившая подглядывающее за ней в замочную скважину купеческое семейство, пишет: «Решительно, эти люди — настоящие дикари, но с мебелью *en bois de Boule*»⁴⁵. Котто вторит ей: «Это в очередной раз мне напомнило, что мы теперь в Азии».

⁴³ Часть трапезы после основного блюда, подготовительная по отношению к десерту.

⁴⁴ Poussielle 1866: 437: «Покуда купцы сибирские потчевали друг друга, хозяин дома, вместо того, чтобы прислуживать, как он сделал для нас, председательствовал трапезой, усевшись на одном конце стола вместе со всеми гостями мужского пола, в то время как дамы были отодвинуты на дальнюю его оконечность. Под конец ужина они вовсе удалились из-за стола, который обратился затем в сцену совершенной оргии, вызванной частыми возлияниями». Ср.: Cotteau 1888: 112: «Жена и сын г-на Колмогорова вдруг оставляют нас. По здешнему обычаю, когда глава семейства обедает с гостями, домашние не принимают участия в трапезе, но могут разве что лишь прислуживать: это в очередной раз мне напомнило, что мы теперь в Азии».

⁴⁵ Мебель в стиле Людовика XIV.

Заключение

Вышеприведенные примеры, вероятно, усложняют вопрос о жанровой природе подобных текстов и об их использовании в качестве исторического источника. Как литературный жанр, путевые описания весьма зависимы от предшествующих текстов. Критическая экспертиза путевых описаний, по-видимому, должна располагать некой шкалой, позволяющей определить степень самостоятельности текста. Французские путевые описания Западной Сибири эпохи модерна представляют собой лишь небольшой фрагмент корпуса разноязычных источников, повествующих о тех же самых дорогах. Наше нынешнее знакомство с несколькими десятками текстов XIX в., посвященных путешествиям по сибирскому тракту через уезды Тобольской губернии, позволяет видеть отчетливые параллели и рифмы в многочисленных описаниях этого весьма небольшого участка.

В первом приближении мы можем говорить о двух типах путевых описаний. Такие тексты, как записки де Бурбулон или монография Джорджа Кеннана (знаменитая «Сибирь и ссылка», обобщившая опыт сибирских путешествий 1880-х годов)⁴⁶ представляют собой корневые узлы традиции, оказывающие сильное, явное или скрытое, влияние на авторов других путевых описаний. Составление этих текстов, как составление любых монографических сочинений, предполагает аргументацию со ссылками на авторитетные источники, но при этом определяющим критерием является то, что повествование по большей части основано на собственных впечатлениях. В этом смысле подобные тексты самостоятельны. Отметим, что самостоятельность текста не подразумевает его «объективности». Авторы подобных текстов субъективны как все люди, они не видят всей картины, могут заблуждаться, активно выражать свою политическую позицию и «редактировать» наблюдаемую реальность в собственных целях. Однако материал, с которым они работают, есть материал непосредственного наблюдения. История этих текстов, как правило, находит отражение в параллельных источниках, момент пребывания путешественников в том или ином крупном центре хорошо документируется.

⁴⁶ Kennan 1891.

Тексты другого типа, в определенном смысле, представляют собой более сложный феномен. Историческая ценность сочинений Э. Котто или Г. де Уиндта (английский критик Дж. Кеннана)⁴⁷, находящихся по сравнению с текстами корневого типа ближе к литературе чистого вымысла, чем к репортажу, несомненна. В данном случае, однако, требуются изрядные критические усилия для того, чтобы отыскать факты действительного путешествия в текстах, значительная часть которых восходит к другим текстам. Пристальное чтение Э. Котто приводит к тому, что исследователь начинает испытывать к нему тотальное недоверие: так, теперь мы подозреваем его в школьных парафразах из Юлия Цезаря (см. эпиграф) — река Тура в пору наивысшего подъема воды, кажется, течет довольно быстро, но, что важнее, сразу после того, как Котто по-цезариански констатирует малоподвижность туринских вод, он пересказывает своими словами сначала Мальт-Бруна, а затем Реклю.

Возможно, что действительная историческая ценность подобных текстов лежит в несколько иной сфере. Тексты первой и второй групп соотносятся как вызов и ответ, реакция массовой культуры на репортаж очевидца. С этой точки зрения сочинение Э. Котто как феномен, порожденный индустрией познавательных развлечений, находится в одном ряду (как и книги Руссель-Киллуга, и книги Меньяна) с «Необыкновенными путешествиями» Жюль Верна, некоторыми книгами Л. Буссенара и т.п. Мы видели, что мрачный литературный образ преддверия Сибири, отвечавший, по всей вероятности, ожиданиям публики, формировался путем редакции текстов, такой мрачности отнюдь не допускавших.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Завалишин 1862 — *Завалишин И.И.* Описание Западной Сибири. М., 1862.
- Завалишин 2000 — *Завалишин И.* Путевые заметки (Тобольская губерния) // Лукич: краеведческий журнал. Тюмень, 2000. Т. 1 (11). С. 58–93.
- Записки 1885 — Записки о Китае госпожи Бурбулон. СПб., 1885.

⁴⁷ De Windt 1892.

- Записки 1863 — Записки Руфина Пиотровского. Россия и Сибирь, 1843–1846. Норккоеринг, 1863.
- Корандей 2012 — *Корандей Ф.С.* «Как ирландцы, питаются одним картофелем»: Сибирь 1890 года в исторической географии образов // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1 (1). С. 88–97.
- Памятная книжка 1864 — Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год / Изд. В. Ильиным. Тобольск, 1864.
- Реклю 1898 — *Реклю Э.* Земля и люди. Всеобщая география. Девятнадцать томов в десяти книгах / Пер. под ред. С.П. Зыкова. СПб., 1898. Кн. IV. Т. 6 и 7.
- Руссель Киллуг 1871 — *Руссель Киллуг А.* Чрез Сибирь в Австралию и Индию. СПб., 1871.
- Саид 2006 — *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. А.В. Говорунова. СПб., 2006.
- Турбин 1872 — *Турбин С.* Страна изгнания. Старожил. Исчезнувшие люди. СПб., 1872.
- Cotteau 1888 — *Cotteau E.* De Paris au Japon à travers la Sibérie : voyage exécuté du 6 mai au 7 août 1881 (Troisième édition). Paris, 1888.
- De Windt 1892 — *De Windt H.* Siberia as It is. London, 1892.
- Ferras 1989 — *Ferras R.* Les Géographies Universelles et le monde de leur temps. Montpellier, 1989.
- Geographies 2010 — Geographies of the Book / Ed. by C.W.J. Withers, M. Ogborn. Farnham, 2010.
- Godlewska 2000 — *Godlewska A.M.C.* Geography Unbound: French Geographic Science from Cassini to Humboldt. Chicago, 2000.
- Gubernatis 1890 — *Gubernatis A., de.* Edmond Cotteau // Dictionnaire international des écrivains du jour. Florence, 1890. Т. 2. P. 712–713.
- Jones 2008 — *Jones E.* Literature and New Cultural Geography // *New Anglia — Zeitschrift für englische Philologie.* 2008. Bd. 126. H. 2. S. 221–240.
- Kennan 1891 — *Kennan G.* Siberia and the exile system. New York, 1891. 2 vols.
- Lesclide 1870 — *Lesclide R.* (Grand Jacques). Le tour du monde en vélocipède. Paris, 1870.
- Malte-Brun 1845 — *Malte-Brun C.* Précis de la Géographie Universelle. Paris, 1845. Т. V: Asie Orientale et Afrique. 5-e édition.
- Meignan 1877 — *Meignan V.* De Paris à Pékin par terre. Sibérie — Mongolie. Paris, 1877.

- Neboit-Mombet 2005 — *Neboit-Mombet J.* L'image de la Russie dans le roman français (1859–1900). Clermont-Ferrand, 2005.
- Ogborn 2007 — *Ogborn M.* Indian ink: script and print in the making of the English East India Company. Chicago, 2007.
- Petrucelli de la Gattina 1869 — *Petrucelli de la Gattina F.* Les soirées des émigrés a Londres. P. II. Le comte Jean Lawanovicz // *Revue Moderne*. Paris, 1869. T. 53. P. 293–331.
- Piotrowski 1863 — *Piotrowski R.* My Escape from Siberia / Trans. by E.S. London, 1863.
- Poussielgue 1865 — *Poussielgue A.* Relation du voyage de Shang-Haï à Moscou, par Pékin, la Mongolie et la Russie asiatique, redigée d'après les notes de M. de Bouboulon, ministre de France en Chine, et de M-me de Bouboulon (1859–1862) // *Le Tour du Monde*. Paris, 1865. T. 11 (1–6). P. 234–272.
- Poussielgue 1866 — *Poussielgue A.* Voyage en Chine et en Mongolie de M. de Bouboulon et de Madame de Bouboulon. 1860–1861. Paris, 1866.
- Reclus 1881 — *Reclus É.* Nouvelle géographie universelle: la terre et les hommes. Paris, 1881. T. VI: L'Asie russe.
- Russel-Killough 1864 — *Russel-Killough H.* Seize mille lieues a travers L'Asie et L'Océanie. Voyage exécuté pendant les années 1858–1861. Paris, 1864. T. 1.
- Saunders 2010 — *Saunders A.* Literary geography: Reforging the Connections // *Progress in Human Geography*. 2010. Vol. 34. No. 4. P. 436–452.
- Thacker 2003 — *Thacker A.* Moving through Modernity: Space and Geography in Modernism. Manchester, 2003.
- Thacker 2005–2006 — *Thacker A.* The Idea of a Critical Literary Geography // *New Formations*. 2005–2006. Vol. 57. P. 56–73.
- Verne 1876 — *Verne J.* Michel Strogoff. Paris, 1876.
- Vsevolozhsky 1813 — *Vsevolozhsky N.S.* Dictionnaire géographique-historique de l'Empire de Russie, contenant le tableau politique et statistique de ce vaste pays. Moscou, 1813. T. 2.
- Withers 2001 — *Withers Ch.W.J.* Geography, Science and National Identity: Scotland since 1520. Cambridge, 2001.
- Withers 2011 — *Withers Ch.W.J., Keighren I.M.* Travels into print: authoring, editing and narratives of travel and exploration, c. 1815 – c. 1857 // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2011. Vol. 36. P. 560–573.

Ч. ВАН ДУЗЕР

ТЕКСТЫ О РОССИИ НА «МОРСКОЙ КАРТЕ» МАРТИНА ВАЛЬДЗЕЕМЮЛЛЕРА 1516 ГОДА

Аннотация: Статья посвящена «Морской карте» Мартина Вальдземюллера 1516 г. — важнейшей карте мира, напечатанной на двенадцати листах и сохранившейся в одном экземпляре. Приводятся основные сведения об истории карты и, в частности, о ее приобретении Библиотекой Конгресса США, а также транскрибируются и переводятся тексты на карте, относящиеся к России. Информация в этих описательных текстах необычайно актуальна для того времени. Картограф перечисляет свои источники в левом нижнем углу карты, но его информация о России ни к одному из этих источников не восходит. Возможно, он основывался на личной переписке либо на чьих-либо неопубликованных путевых заметках. Часть информации сходна с данными «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского, впервые опубликованного в 1517 г. Вероятно, у «Морской карты» и у «Трактата о двух Сарматиях» был общий источник.

Ключевые слова: Картография, Россия, Новгород, Татария, Рифейские горы, Волга, XVI в., Мартин Вальдземюллер, Матвей Меховский, Иоганн Шёнер.

В настоящей статье¹ обсуждаются описательные тексты о России на одной из наиболее значительных, но при этом наименее исследованных карт мира начала XVI в., «Морской карте» Мартина Вальдземюллера, которая была напечатана на двена-

¹ Статья написана по просьбе редколлегии «Исторической географии» в рамках подготовки монографии об описательных текстах на «Морской карте» Мартина Вальдземюллера 1516 г. Выражаю признательность Фонду им. Джея Кислака за стипендию им. Кислака, при поддержке которой начата работа над монографией, М.Д. Бухарину и А.А. Фролову за критические замечания, высказанные при подготовке настоящей статьи, и Л.С. Чекину за ценные советы и за его труд по переводу рукописи с английского на русский язык.

дцати листах в 1516 г. Вальдземюллер (около 1475–1520) жил в Сен-Дье, городке в Вогезских горах, в настоящее время располагающемся на востоке Франции². Совместно с небольшим кружком гуманистов, известным как «Вогезская гимназия» (*Gymnasium Vosagense*)³, он осуществил три важнейших картографических проекта — карту мира 1507 г., издание «Географии» Птолемея, опубликованное в 1513 г., и «Морскую карту» 1516 г., обсуждаемую в настоящей статье⁴. На «Морской карте» перечислены многие из использованных Вальдземюллером источников, но его тексты о России ни к одному из этих источников не восходят. Информация в этих текстах удивительно актуальна для своего времени, и происхождение их остается загадочным.

Карты мира Мартина Вальдземюллера 1507 и 1516 годов

Первая из крупных карт мира Вальдземюллера была опубликована в 1507 г. (Илл. 1, с. 256)⁵ в сопровождении пояснительной книжицы под названием «Введение в космографию»⁶ и печатных сегментов глобуса, по своему географическому содержанию сходного с картой мира⁷. Карта была отпечатана на двенадцати листах размером 45,5 x 62 см каждый⁸, из которых предпо-

² См. Wolff 1992; Van Duzer, Larger 2011.

³ См. d’Avezac 1867; Gallois 1900.

⁴ Краткий обзор картографических трудов Вальдземюллера см. в книге: Karrow 1993: 568–583; см. также: Meurer 2012.

⁵ В историографии в качестве места публикации карт 1507 и 1516 гг. иногда указываются Страсбург или Сен-Дье, но доказательств в пользу ни того, ни другого пока приведено не было. Факсимильная репродукция карты Вальдземюллера 1507 г. была опубликована Йозефом Фишером и Францем Риггером фон Визером (Fischer, Wieser 1903) с хорошим, но кратким предисловием, а также в книге: Hessler, Van Duzer 2012. На сайте Библиотеки Конгресса США представлены два изображения карты в высоком разрешении. Помимо предисловий к двум факсимильным изданиям, о карте 1507 г. см.: Harris 1985.

⁶ О «Введении в космографию» см.: Harrisse 1866: 89–96 (№ 44–47); факсимильное издание и английский перевод книги см.: Fischer, Wieser 1907. Новый перевод «Введения в космографию» на английский язык, вместе с подробным анализом трактата, см. в книге: Hessler 2008a. Существует также факсимильное издание, с транскрипцией текста и его переводом на немецкий язык: Lehmann 2010.

⁷ О печатных сегментах глобуса см.: Harrisse 1892: 440–442 (№ 67) и 467–468 (№ 82); Fischer, Wieser 1907: 23–30; Van Duzer 2012c.

⁸ Dunkelman 2007: 105.

лагалось составить единую настенную карту⁹. В заголовке картограф отмечает свою преемственность с Клавдием Птолемеем, о чем свидетельствует и большой портрет Птолемея в верхней рамке карты. Эта преемственность заключается в том, что карта основана на птолемеевской градусной сетке широт и долгот. В качестве непосредственной модели Вальдземюллер взял большую карту мира Генриха Мартелла, выполненную около 1491 г.¹⁰ и опирающуюся на птолемеевскую «Географию», и к этой картографической основе добавил описание Нового Света, восходящее к морской карте Николо де Каверио около 1504 г.¹¹ Карта Вальдземюллера 1507 г. знаменита тем, что на ней впервые Новый Свет обозначен именем «Америка».

По форме «Морская карта» сходна с картой 1507 г., она также напечатана на двенадцати листах того же размера (45,5 × 62 см), но картографически она совершенно иная. Всего через девять лет Вальдземюллер полностью поменял свои идеи о том, что должна представлять собой карта мира (Илл. 2, с. 257)¹².

⁹ Согласно вебсайту Библиотеки Конгресса, общий размер карты 128 × 233 см, а размеры листов «46 x 63 см или менее» — Электронный ресурс [режим доступа: [http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/h?ammem/-gmd:@field\(NUMBER+@band\(g3200+ct000725C\)\)](http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/h?ammem/-gmd:@field(NUMBER+@band(g3200+ct000725C)))], дата обращения — 20.01.2014]. В связи со строгим режимом хранения карт Вальдземюллера 1507 и 1516 годов мне не удалось провести собственных измерений, перспектива каковых особенно ненадежна в отношении карты 1507 г.: витрина, в которой эта карта запечатана, не будет вскрываться в течение 20 лет.

¹⁰ Большая карта мира Генриха Мартелла хранится в Библиотеке редких книг и рукописей Бейнеке в Йельском университете под шифром Art Store 1980.157. Об этой карте см.: Caraci 1978; перевод статьи на английский язык в книге: Caraci 2002: 281–291.

¹¹ Карта Каверио хранится в Париже, в Национальной библиотеке Франции (Cartes et plans, SH archives 1). Хорошую репродукцию карты (уменьшенную вчетверо) см.: Nebenzahl 1990: 41–43; черно-белое факсимиле на одиннадцати листах приложено к книге: Stevenson 1908. Репродукция в цвете (Planisphère 1992) уменьшена по сравнению с оригиналом в три раза. Об использовании Вальдземюллером карты Каверио в качестве источника см.: Fischer, Wieser 1903: 26–29.

¹² Факсимильную репродукцию «Морской карты» см.: Fischer, Wieser 1903; Hessler, Van Duzer 2012. Все топонимы «Морской карты», но не описательные тексты, транскрибированы в книге: Petrzilka 1970: 42–110. О «Морской карте» см. также: Schwartz 2007: 197–206. О различиях между картами Вальдземюллера 1507 и 1516 годов и об использовании на карте 1516 г. новейших источников см.: Van Duzer 2012a; Van Duzer 2012b.

«Морская карта» основывается не на «Географии» Птолемея, а на достижениях морской картографии начала XVI в., в частности, на карте Каверии около 1504 г. На своей карте 1507 г. Вальдземюллер отважно показал все 360° земной окружности, хотя в то время запад Нового Света и тихоокеанские просторы не были известны. На карте 1516 г. Тихого океана нет, представлены только те регионы, которые были известны и с которыми торговали европейцы. Поскольку более поздняя карта равна по размеру ранней, но охватывает меньшую часть земной поверхности, Вальдземюллер смог показать известные регионы более «крупным планом». В результате на «Морской карте» изображения известных регионов насыщены дополнительными иконографическими деталями и текстами, взятыми из недавних путевых заметок и другой литературы.

В XIX в. не было найдено ни одного экземпляра больших карт Вальдземюллера, однако об этих двух картах было известно, в частности, из упоминания карты 1507 г. во «Введении в космографию» и из уменьшенного переиздания «Морской карты» Лоренцем Фризом, впервые опубликованного в 1525 г.¹³ Затем, в 1901 г. Йозеф Фишер обнаружил в замке Вольфегг в Верхней Швабии кодекс, составленный Иоганном Шёнером (1477–1547), видным математиком, астрологом, географом и картографом¹⁴. Книжное и рукописное собрание Шёнера в настоящее время разбросано по различным библиотекам; тома с его собственноручными пометками есть и в Санкт-Петербургском филиале Российской академии наук¹⁵. Шёнер переплел двадцать четыре печатных листа двух карт вместе с выполненной им рукописной копией шестого листа «Морской карты» (изображающего западную Африку), экземпляром печатной карты звездного неба Альбрехта

¹³ Свидетельства о существовании карты 1507 г. обсуждаются в книге: Thacher 1896: 149–157. О переиздании «Морской карты» Фризом см.: Johnson 1963; карты Вальдземюллера и Фриза подробно сопоставляются на с. 51–71. Согласно данным на с. 53, карта Фриза уменьшена по сравнению с картой Вальдземюллера примерно на 36%.

¹⁴ Биографическую информацию о Шёнере см.: Reicke 1907; Maruska 2008; Hessler 2012.

¹⁵ Wawrik 1981; Wawrik 1985. О рукописях из его библиотеки в СПФ РАН см.: Zinner 1964: 317–318.

Дюрера 1515 г. и с другими материалами¹⁶. Через два года после того, как Фишер нашел этот кодекс, он совместно с Францем Риттером фон Визером ввел обе карты Вальдземюллера в научный оборот, опубликовав их факсимиле¹⁷. Оригиналы карт, находившиеся в замке Вольфегг, оставались мало доступными.

В настоящее время карты Вальдземюллера находятся в постоянной экспозиции в здании им. Томаса Джефферсона Библиотеки Конгресса США в г. Вашингтоне. На вебсайте Библиотеки представлены хорошие изображения карт, благодаря чему обе карты теперь относительно доступны как исследователям, так и общественности. Но их путешествие через Атлантический океан было не простым¹⁸. Так как на карте 1507 г. к Новому Свету было впервые применено название «Америка», возникла идея о том, что эта карта должна найти себе место в одном из американских собраний. В течение XX в. Библиотека Конгресса неоднократно выражала заинтересованность в приобретении карты. В 1992 г. князь Вальдбург-Вольфегг проявил желание продать карту, а в 1999 г. получил разрешение от правительства земли Баден-Вюртемберг на продажу за рубеж этого памятника культуры и начал предметные переговоры с Библиотекой. В июне 2001 г. Библиотека Конгресса согласилась приобрести двенадцать листов карты 1507 г. из кодекса Шёнера за десять миллионов долларов, самую большую сумму, когда-либо уплаченную за карту, а в мае 2003 г. успешно осуществила покупку благодаря привлечению государственных средств и частных пожертвований.

Кодекс Шёнера, в составе которого пока были листы «Морской карты», остался в Вольфегге, хотя и ненадолго. Князь Вальдбург-Вольфегг выразил желание продать остальную часть кодекса, и позже, в 2003 г., коллекционер Джей Кислак договорился о покупке остальной части за исключением печатной карты звездного неба Альбрехта Дюрера 1515 г., которую князь решил оставить у себя. Затем в апреле 2004 г. Кислак передал Библиотеке Конгресса значительную часть своего собрания книг и редкостей, посвященного ранним периодам культур и истории Северной

¹⁶ Об этом кодексе (известном как *Schöner Sammelband*) см.: Hessler 2007.

¹⁷ Fischer, Wieser 1903.

¹⁸ О приобретении карты 1507 г. Библиотекой Конгресса см.: Hébert 2003.

и Южной Америки, и таким образом обе карты воссоединились¹⁹. Обе ныне экспонируются в составе выставки «Начальные этапы исследования материков Америки» (*Exploring the Early Americas*). В конце выставки находятся две большие витрины, а между ними — витрина поменьше. В большой витрине слева выставлены оригиналы листов карты 1507 г., а в большой витрине справа — очень точные факсимильные репродукции листов карты 1516 г. Оригиналы листов «Морской карты» все еще вплетены в кодекс Шёнера, драгоценное местоположение, сохранившее для потомства обе карты. Этот кодекс, открытый на одном из листов карты, выставлен в маленькой витрине, находящейся между двумя большими.

В левом нижнем углу «Морской карты» Вальдземюллер перечислил некоторые из книг, которые он использовал при создании карты. Эти книги явились источниками иконографии и описательных текстов карты. Одной из этих книг является собрание путешествий, впервые опубликованное в 1507 г. на итальянском языке под заглавием «Недавно открытые страны» (*Paesi novamente ritrovati*) и вскоре переведенное на латинский и немецкий языки²⁰. Это собрание включает путешествие Альвизе Кадамосто (ок. 1432–1483), венецианского торговца и мореплавателя, исследовавшего западное побережье Африки в 1455 и 1456 гг. по поручению португальского принца Генриха²¹; отчет о плаваниях Педру Алвариша Кабрала (ок. 1467 – ок. 1520), португальского первопроходца, открывшего Бразилию, проплывшего в Индию и вернувшегося в Португалию в 1500–1501 гг.²²; а также сведения, переданные

¹⁹ О собрании Кислака в Библиотеке Конгресса см.: Dunkelmann 2007.

²⁰ Краткий анализ издания сборника «Недавно открытые страны» 1507 г. см.: HARRISSE 1866: 96d–99 (№ 48); ANDRADE 1972: 527–532. Наиболее подробный разбор «Недавно открытых стран» на английском см.: VALLAVANTHARA 1984: 11–24, 295–311. См. также: ANKENBAUER 2010, особ. 51–123. Наиболее доступным изданием является факсимильное воспроизведение издания 1508 г.: PAESI 1916. Так называемая рукопись Тревизана, послужившая основой для «Недавно открытых стран», хранится в Библиотеке Конгресса под шифром MSS Med. & Ren., 26; об этой рукописи см.: DURSTELER 2000. Документы, связанные с этой рукописью в Библиотеке Конгресса, включают копию диссертации, во втором томе которой содержится полная транскрипция рукописи: CHIARPELLI 1968.

²¹ CRONE 1937.

²² Об экспедиции Кабрала см.: GUEDES 2003 и литературу в следующей сноске.

Иосифом Индийским (он же священник Иосиф), христианским священником из Кранганора, который, пожелав посетить Рим и Иерусалим, присоединился к экспедиции Кабрала, возвращавшейся из Индии в Португалию²³. Другим важным источником Вальдземюллера было путешествие итальянца Лодовико ди Вартема (ок. 1470–1517), тонкого наблюдателя, который утверждал, что он ездил в Египет, на Ближний Восток, в Индию и на острова Индийского океана, хотя все еще существуют сомнения, побывал ли он где-либо восточнее Каира²⁴. После его возвращения в Европу в 1508 г. повествование Лодовико ди Вартема было опубликовано сперва на итальянском языке (1510), затем в 1511 г. — на латинском, а в 1515 г., с иллюстрациями — на немецком²⁵.

Но Вальдземюллер упомянул не все свои нарративные или иконографические источники. Например, в Южной Америке на «Морской карте» изображен опоссум. Это самое раннее из сохранившихся европейских изображений опоссума — первого сумчатого животного, с которым познакомились европейцы. На карте Вальдземюллера это диковинное существо представлено в деталях. Вполне вероятно, что изображение основано на более ранней, несохранившейся, иллюстрации, но источника Вальдземюллер не называет²⁶.

Неизвестен и источник, к которому могут восходить описательные тексты «Морской карты» о России. Более пятидесяти лет тому назад Л.С. Багров вкратце рассмотрел географические представления Вальдземюллера о России, отразившиеся на «Морской карте». Согласно его анализу топонимов карты, данные могли быть взяты из дорожников, описывавших пути в пределах Московского государства. К сожалению, он не учитывал существенный для анализа карты элемент — описательные тексты²⁷.

²³ Анализ информации, переданной Иосифом, см.: Vallavanthara 2001: 93–119. Перевод сообщения Иосифа на английский язык: Greenlee 1938.

²⁴ Полезный анализ путешествия Вартемы см.: Rubiés 2000: 125–163; перевод путешествия Вартемы на английский язык см.: Varthema 1863. О различных изданиях и переводах см. с. iii–xvi.

²⁵ Иллюстрированное издание: Varthema 1515.

²⁶ Анализ изображения опоссума и описательного текста на «Морской карте» см.: Ferro; Faldini; Milanese 1996: 546–547.

²⁷ Bagrow 1962: 34–36; Bagrow 1975: 44–48. Исключив из рассмотрения описательные тексты, Багров пришел к не вполне верному выводу о том, что

Другими исследователями описательные тексты также не затрагивались. Информация в них явно не происходит из источников, перечисленных Вальдземюллером в левом нижнем углу карты. Мне не удалось обнаружить таких источников ни в одном известном документе, созданном до публикации «Морской карты» в 1516 г.²⁸ Поскольку Вальдземюллер помещает на карте российский герб, можно предположить, что источник был иллюстрированным, хотя картограф мог и создать изображение на основе словесного описания. Источником могли быть письма путешественника или чьи-либо неопубликованные путевые заметки.

Транскрипция, перевод и анализ описательных текстов о России

Ниже предлагается транскрипция, перевод и анализ описательных текстов «Морской карты», относящихся к России, с привлечением более поздних документов, содержащих сходную информацию. Большинство описательных текстов о России находится в западной части листа три карты (нумерация начинается с крайнего северо-западного листа), который посвящен северу Азии, но один текст есть и в восточной части листа 2, посвященного Европе (Илл. 3, с. 258). Текст читается следующим образом:

Lappia: Regio hec mutua ditione Magni principis Russie et regis datie obtemperatur. Habitatores sunt homines inculti habentes facies adinstar Simearum.

Лапландия. Эта область подчиняется совместному господству великого князя России и короля Дании. Населена дикими людьми, которые лицами похожи на обезьян.

«Вальдземюллер дает новый и интересный материал только для территории собственно Московии, подробно описывая пути в ее пределах» (Bagrow 1962: 36; Bagrow 1975: 48). Как будет показано ниже, новый материал дается не только для территории собственно Московии, но и более южных и восточных территорий.

²⁸ Нет никаких свидетельств тому, что у Вальдземюллера был доступ к сообщению московского посла 1486 г. (см. переводы на русский и английский языки в статьях: Гуковский 1963; Crosky; Ronquist 1990), к «Вандалии» Альберта Кранца, которая, хотя и была опубликована в 1519 г. (Krantz 1519), была завершена уже к 1504 г. (см.: Пое 2000: 29); или к историческому труду Христиана Бомховера 1508 г. (Bomhover 1861). Библиографию путешествий в Московское государство см. в книгах: Adelong 1846; Аделунг 1864; Пое 1995; Пое 2000.

Мне не удалось найти источник ни одной из двух частей этого текста. Новгородско-норвежский договор 1326 г. определяет, какие саамы должны платить дань Новгороду, а какие — Норвегии. После датско-норвежской унии 1380 г. в Норвегии обычно властвовали датские короли, а с присоединением Новгорода к Москве в 1478 г. права на сбор дани с саамов перешли к Московскому государству²⁹, но мне не известен источник до 1516 г., который описывал бы отношения между Московским великим княжеством и Датским королевством в формулировках, похожих на ту, которой воспользовался Вальдземюллер³⁰. Что же касается сравнения лопарей с обезьянами, то Паоло Джовио упоминал в книге, впервые опубликованной в Риме в 1525 г. о том, что за лопарями, во тьме крайнего севера, живут пигмеи, не превосходящие размерами нашего десятилетнего мальчика. «Это люди от природы боязливые; свою речь они выражают щебетанием; они, по-видимому, настолько же близки к обезьяне, насколько по своему росту и чувствам далеки от человека надлежащего развития»³¹. Но источник ранее 1516 г., содержащий подобное сравнение, мне не известен. Неясно, опирались ли Джовио и Вальдземюллер на один и тот же источник; в любом случае источник Вальдземюллера остается загадкой.

²⁹ Текст договора 1326 г. см.: Валк 1949: 69–79. См. также: Шаскольский 1945; Шаскольский 1976; Линд 1997. О растущем интересе к региону в XV в. и о соперничестве Дании, Швеции и России в Лапландии см.: Lind 1993.

³⁰ Как мне указал при чтении чернового варианта статьи А.А. Фролов, «любопытно, что летом 1517 г. великий князь Василий III выдал грамоты сборщикам дани в Лопской земле, текст которых в переводе на датский язык (в копии) сохранился в документах в Дании и Норвегии (см.: Возгрин, Шаскольский, Шрадер 1998; Шилов 2009). Можно предположить, что выдача этих грамот была инспирирована результатами переговоров, которые велись в Копенгагене от имени великого князя Московского дьяком Василием Белым в 1514–1515 годах о продлении (уже вторично) русско-датского договора 1493 г. Продлен договор был в 1516 г., таким образом, эта информация была чрезвычайно актуальна на момент издания Морской карты».

³¹ Малеин 1908: 260. См. Giovio 1527: 17: “...meticulosum genus hominum & garritu sermonem exprimens, adeo ut tam Simiae propinqui quam statura ac sensibus ab iustae proceritatis homine remoti uideantur”. Об обезьяноподобных людях на севере см.: Чекин 1999: 229–230; Chekin 2006: 255–256. Благодарю М.Д. Бухарина за интересное предположение о том, что этноним «саамы» мог повлиять на такое сопоставление благодаря своему созвучию с латинским словом *simia*.

От легенды о Лапландии перейдем на восток, в западную часть листа 3. Здесь можно при внимательном рассмотрении увидеть пограничную линию (Илл. 4, с. 259). Линия проходит от побережья Северного океана (*Oceanus Septen[trionalis]*) в левой верхней части листа вниз, вдоль горного хребта, который более поздняя рука (Шёнера) назвала Гиперборейскими и Рифейскими горами³², вероятно, по аналогии с горным хребтом примерно в тех же местах на карте Вальдземюллера 1507 г. Далее линия проходит к Великому (совр. Черному) морю (*Mare Maior*). От восточного побережья Черного моря она проходит сперва к югу, а затем к востоку. Линия на листе 3 не обозначена, но на листе 4 говорится, что она отделяет Индию от Татарии. По-видимому, на листе 3 она также отмечает пределы Татарской империи: о большинстве правителей к востоку и северу от линии сказано, что они подчиняются Великому хану. Северный отрезок границы отделяет христиан от нехристиан, что показывают кресты, нанесенные непосредственно к западу от линии. Однако область между Черным и Каспийским морями, находящаяся к северу от линии и, следовательно, под татарским владычеством, заполнена крестами, что, несомненно, выражает беспокойство о судьбе христиан под властью татар.

К западу от стран, подчиненных татарам, находится большое озеро, называющееся *Lacus Albus*, а непосредственно у изображения озера, с юго-западной стороны, нанесен следующий текст:

...apud istum Laram [i.e. Lacam] reperiuntur Vrsi albi —

У этого озера встречаются белые медведи.

Мне не удалось найти источника названия *Lacus Albus* и сведений о полярных медведях на берегах озера. *Lacus Albus* — явно перевод русского названия «Белое озеро». Идентификация подтверждается присутствием города Каргополь (*Kargopolis*) к северу от озера и города Белоозеро (*Beloser*) на восточном берегу озера (современный г. Белозерск располагается на его южном берегу)³³. Краткий текст о полярных медведях нанесен на карте

³² Л.С. Багров отмечает наличие этой фразы, но всю ее не транскрибирует (Bagrow 1962: 32).

³³ Для определения источника информации важно учитывать, что уже в конце XIV в. Белоозеро было поселением незначительных размеров, а к кон-

Вальдземюллера 1507 г. на побережье Северного океана, но не ясно, есть ли связь между этой легендой и сведениями о полярных медведях на «Морской карте».

Непосредственно к югу от озера находится следующая легенда:

Hic dominatur (на карте dominator) Magnus princeps et Imperator Russie et Moscovie podolie ac plescovie rex —

Здесь господствует Великий князь и император России и Московии, государь Подолии и Плесковии.

Легенда нанесена над изображением императора, которое находится над виньеткой Москвы, где, по-видимому, император и пребывает. Использование титула «император», возможно, имеет политическое значение: этот титул мог применяться к московским великим князьям в дипломатических текстах на латинском языке со времен правления Ивана III, хотя такая практика была далеко не повсеместной и вызывала возражения³⁴. Ниже будет приведена легенда, согласно которой у крымского хана формально почти те же титулы, что и у московского «императора», однако в случае крымского хана *imperator* явно означает «командующий» многочисленными войсками.

Москва показана на реке Москве (*Mosca fl.*), представленной как приток реки Волги (*Volga fl.*), которая течет на запад и впадает в Нарву (*Narva fl.*) (две другие «Волги» — *Rha fl.* и *Tanais fl. sive Bulga*, в последнем случае смешаны Волга и Дон — текут на юг по другую сторону горного хребта). Плесковия — это Псковская земля, присоединенная к Великому княжеству Московскому в 1510 г., так что источник Вальдземюллера в данном случае достаточно актуальный. Подолия упомянута в «Книге хроник» Хартмана Шеделя 1493 г. в качестве ближайшего к России региона Польши³⁵, но не в качестве подвластной России территории.

цу XV в. даже местное население забыло о его существовании. См.: Захаров 2004: 97–100. На юго-восточном берегу озера на карте также показан город *Vklitsch* (чтения *Ustusch* в книге: Bagrow 1975: 46 и *Vflitsch* в книге: Petrzilka 1970: 85 неверны) — вероятно, это смещенный к северу Углич.

³⁴ Успенский 2000.

³⁵ См. «Книгу хроник» Хартмана Шеделя (раздел *De Sarmacia regione Europe*, глава *De regno Polonie et eius initio*). Перевод рассказа о Подолии на английский язык см. в книге: Schedel 1976: 17.

Возможно, в данном случае мы имеем дело с ошибкой Вальдземюллера или его источника. Подолия и Плесковия упомянуты Матвеем Меховским в «Трактате о двух Сарматиях», но эта книга была впервые опубликована в Кракове в 1517 г., через год после «Морской карты», так что, по-видимому, Вальдземюллер не мог ею воспользоваться³⁶.

Изображение императора и виньетка города Москвы подчеркивают принадлежность к христианскому миру и того, и другого. Императорская корона, украшенная сверху крестом, скорее похожа на митру епископа³⁷; возле его вытянутой шуйцы находится посох, также увенчанный крестом; крестом увенчано и здание, представляющее Москву.

Слева от текста об императоре помещен герб, в котором изображен восстающий лев, сражающийся с вздыбленным драконом. Анализ герба проблематичен по следующим причинам. Во-первых, неясно, относится ли герб к Новгороду (условный знак которого помещен ниже и левее), к императору, или к Москве. Во-вторых, хотя герб Москвы XVI в. включает изображение дракона (змия), змий не восстает, а стоит внизу герба, и его поражает всадник-змееборец. В-третьих, мне не удалось найти указаний на присутствие льва в геральдике Новгорода или Москвы того времени. На «Морской карте» Вальдземюллера показаны гербы нескольких европейских стран. Его интерес к геральдике также проявился на его дорожной карте Европы 1511 г. (*Carta Itineraria Europae*), которая сохранилась в единственном экземпляре тиража 1520 г.³⁸, и на карте Лотарингии из издания «Геогра-

³⁶ Подолия названа в кн. 1, трактат 1, гл. 3 и кн. 2, трактат 1, гл. 1, тогда как Плесковия упомянута в кн. 2, трактат 1, гл. 2 и 3. В издании Меховский 1936 упоминания Подолии см. на с. 131 и 174, упоминания Плесковии на с. 182–182, а более подробное описание — на с. 184–185. О книге Матвея Меховского см.: Zantuan 1968; Voisé 1977.

³⁷ Согласно точке зрения Й. Фишера, изображение императора указывает, что информация Вальдземюллера восходила к Николаю Поппелю, побывавшему в Москве и Новгороде в 1486 г. (Fischer 1915). Но, как отметил Багров (Bagrow 1962: 34; Bagrow 1975: 48), в данных Поппеля и образе России на карте Вальдземюллера нет ни одной характерной общей детали, которые могли бы свидетельствовать о непосредственной связи между двумя источниками.

³⁸ Этот экземпляр хранится в Инсбруке, Tiroler Landesmuseum Ferdinandeum, Historische Sammlungen, Kartographie, K 9/39. Его факсимильное

фии» Птолемея 1513 г., для которого Вальдземюллер разработал карты³⁹. Но остается неясным, откуда у него появился данный герб, нанесенный на «Морской карте» близ изображения московского «императора».

У западного (левого) края листа 3 «Морской карты» находится изображение города на берегу озера (Ильмень?), через которое протекает река *Volga fl.* К городу относится топоним «Новгород» (*Nouoguardia*) и, по-видимому, легенда, нанесенная между ним и изображением императора:

Ruteni sunt Cristiani cismatici Grecorum ritum seruantes habent specialem literam —

Рутены суть христиане-схизматики, которые, придерживаясь греческого обряда, имеют особую систему письма.

У Вальдземюллера были сведения о Новгороде, когда он в 1511 г. создавал карту Европы: хотя город на карте и не обозначен, он упоминается в тексте, написанном Матиасом Рингманом для брошюры, сопровождавшей карту (*Instrvctio 1511: 12r*): “*Russia ciuitatem permaximam Nogardiam appellatam: ad quam mercatores Theutonici magno labore perueniunt. huius regionis populi appellantur Rutheni: quos Strabo Crossones videtur nominare*” («Самый крупный город Руси называется Ногардия; до него с большими трудами добираются немецкие купцы. Население этой страны зовется рутенами, которых, по-видимому, Страбон назвал кроссонами»)⁴⁰. Однако при составлении «Морской карты» Вальдземюллер опирался на другой источник, так как Рингман не говорит об использовании рутенами греческого обряда или особого алфавита. О том, что у рутенов есть свой алфавит, но не о том, что рутены следуют греческому обряду, упоминает Джованни ПIANO Карпи-

издание см.: Waldseemüller 1972. Анализ карты см. также: Bagrow 1954; Meine 1971; Meurer 2001: 155–160.

³⁹ О карте герцогства Лотарингия см.: Gérardin 2008.

⁴⁰ Источником Рингмана в данном случае была, по-видимому, «Книга хроник» (Schedel 1493: 280v, “De Russia”): “*Rutheni quos appellant crossanos vt Strabo videtur lituanis contermini sunt... In hac gente ciuitatem permaximam [esse] tradunt Nogardiam appellatam. ad quam theutonici mercatores magno labore perueniunt*”, либо источник Шеделя, каковым была «Европа» Энея Сильвия Пикколомини. О сообщениях Пикколомини и Шеделя о Руси см. Чекин 2004: 11–13.

ни⁴¹. Конечно, из текста ПIANO Карпини можно понять, что рутены следуют греческому обряду, но однозначно он этого не формулирует. Вопрос об источнике Вальдземюллера остается открытым.

Более близкие Вальдземюллеру формулировки можно найти у Матвея Меховского: «В одежде и церковной службе рутены следуют грекам. У них есть свое письмо и алфавит по образцу греческого, очень с ним сходный»⁴². «Трактат о двух Сарматиях» был опубликован через год после «Морской карты». Возможно, Вальдземюллер и Матвей Меховский опирались на один и тот же источник.

На карте показаны два Новгорода, один под 63° с.ш., — это только что упомянутый Новгород Великий (58° с.ш.). Он стоит на озере, через которое протекает «Волга», в которую впадает Москва (как объяснил Л.С. Багров, речь идет о контаминации Волги и Волхова⁴³). Второй Новгород показан близ Днепра, под 54° с.ш.⁴⁴. Это Новгород-Северский (52° с.ш.). Имя города разделено течением Днепра (*Neper fl.*) и должно полностью читаться *nouoguardia seuerski*⁴⁵. Вальдземюллер показывает город на незадуманном притоке Днепра. Новгород-Северский находится на Десне, но Десна является левым притоком Днепра, а приток, на котором стоит Новгород-Северский на карте Вальдземюллера, впадает в Днепр справа⁴⁶. Понять, каким образом Вальдземюллер пришел к своему восприятию географии региона, непросто. Следует отметить, что хотя источник Вальдземюллера сохранил часть информации, которую мы находим и в «Трактате о

⁴¹ Pian di Carpine 1989: 325, 395.

⁴² “Ruteni habitu et ecclesiasticis officiis Graecos insequuntur habentque proprias litteras et abecedarium instar et proximum Graecis”, см.: Меховский 1936: 96–97, 174 (2.1.1).

⁴³ Bagrow 1975: 46.

⁴⁴ На карте Вальдземюллера, озаглавленной *Tabula moderna Sarmatie* и опубликованной в издании «Географии» Птолема 1513 г., также даны два Новгорода, один под 56° с.ш. (*nouogrado*), второй под 53° с.ш. (*nouogradectus*). Ни один из этих городов не помещен на реке. Неясно, имеются ли в виду те же два города, что и на «Морской карте», либо один из них и Нижний Новгород (56° с.ш.).

⁴⁵ В кн.: Petrzilka 1970: 87, 99, две части имени читаются как отдельные топонимы.

⁴⁶ Благодарю Митю Фрумина за его консультацию по поводу географии данного региона.

двух Сарматиях» Меховского, доступа у Вальдземюллера к рукописи Меховского, по-видимому, не было. Меховский помещает Новгород под 66° с.ш.⁴⁷, тогда как у Вальдземюллера он находится тремя градусами южнее.

Следует также упомянуть текст, не напечатанный на карте, но добавленный от руки одним из ее владельцев, Иоганном Шёнером. Текст нанесен вдоль изображения горной цепи, по которой проходит граница, разделяющая Россию от страны татар на востоке. Вальдземюллер эту горную цепь не назвал, но Шёнер одновременно ее идентифицирует и отрицает ее существование:

Hyperborei & Riphes montes non sunt in rerum natura —
Гипербореи и Рифейские горы в природе не существуют.

Отрицание существования гор, начертанное вдоль хребта, который можно идентифицировать с Рифейскими горами на карте Вальдземюллера 1507 г. и на карте в издании «Географии» Птолемея 1513 г., почти дословно восходит к сочинению Матвея Меховского, впервые опубликованному в 1517 г.: «Заметим, вчетвертых, что гор Рифейских и Гиперборейских в природе нет»⁴⁸. Это очень интересный и ранее не замеченный этап в восприятии труда Матвея Меховского⁴⁹. По-видимому, у Шёнера был доступ к экземпляру «Трактата о двух Сарматиях», хотя в

⁴⁷ “Habet elevationem poli Nowygrod sexaginta sex graduum”, см.: Меховский 1936: 184 (2.1.3).

⁴⁸ “Accipe quarto, quod montes Riphei et Hyperborei non sunt in rerum natura”, см.: Меховский 1936: 84, 163. Об отрицании существования Рифейских гор Меховским см.: Bagrow 1975: 48; Рое 1998: 91. Паоло Джовио также категорически отрицает существование этих гор, причем не только в тексте своей «Книги о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VIII», но и в самом заглавии, которое оканчивается следующим образом: «...Кроме того, указывается заблуждение Страбона, Птолемея и другие, писавших о географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно, в настоящее время нигде не существуют». В тексте самой книги говорится следующее: «...несмотря на неоднократные путешествия, в этой стране не найдено никаких гор, поэтому большинство из занимавшихся древней космографией признает совершенно баснословными Рифейские и Гиперборейские горы, которые столько раз прославляли древние» (“...nulli omnino montes ea in regione multa etiam hominum peregrinatione reperiantur, ita ut Rypheos montes & Hyperboreos toties ab antiquis celebratos plerique Cosmographiae ueteris studiosi penitus fabulosos esse arbitrentur”): Giovinetti 1527: 22; Малеев 1908: 264.

⁴⁹ О восприятии книги Меховского см. Барыц 1963.

пятой главе его «Небольшого труда по географии» (Schöner 1533) он все еще говорит о Рифейских горах (*Riphei montes*). Возможно, Шёнер приобрел труд Меховского, узнал о том, что Рифейских гор не существует, и начертал надпись на «Морской карте» позже, между 1533 г. и до 1547 г. (год смерти Шёнера).

Теперь рассмотрим тексты, нанесенные с восточной стороны Рифейских гор в их северной части. Для Вальдземюллера области к востоку от этих гор были Татарией, а не Россией, и некоторые из этих текстов восходят к источникам, перечисленным в юго-западном углу карты, а не к тем неизвестным источникам, которые он использовал для текстов к западу от Рифейских гор. Тем не менее, эти легенды, конечно, важны для истории становления представлений о европейской части теперешней России.

Там, где Рифейские горы подходят к Северному океану, помещен следующий текст: «на этих мысах встречаются белые соколы» (*in istis promontoriis reperiuntur falcones albi*). На некоторых морских картах есть легенды о соколах, встречающихся на Севере, но белые соколы упоминаются сравнительно редко. Подобная легенда есть на металлической карте мира Борджиа первой половины XV в.: «здесь белые соколы и медведи и подобные существа» (*hic sunt ursi et falcones albi et consimilia*)⁵⁰. В сходной легенде на утраченной морской карте середины XV в. говорилось о «белых птицах» (*aves albi*) в Норвегии⁵¹. Альберт Великий писал о белых соколах на крайнем Севере⁵², а в конце XIV в. Перо Лопес де Айяла в учебнике по соколиной охоте го-

⁵⁰ Карта мира Борджиа хранится в Ватиканской апостольской библиотеке, *Vorgia XVI*. Легенда о соколах транскрибирована в статье: Nordenskiöld 1891: 88. Помпоний Лэт в 1480-х гг. писал со слов «жителей истоков Танаиса» о большом острове недалеко от материка на северо-востоке, где все животные белые, особенно медведи, и где также летают соколы (“*animalia ibi omnia sunt alba, et praecipue ursi: et aves, quas a falcatis unguibus Falcones appellamus, sub hoc aere degere invenimus*”). См.: Чекин 2004: 22–24.

⁵¹ Легенды утраченной карты сохранились в рукописи Университетской библиотеке Генуи, MS B. I. 36. Они транскрибированы и переведены на французский язык в статье: Paviot 2001. Павио датирует карту концом XIV в., но, поскольку одна из легенд упоминает Антониотто Усодимаре (Paviot 2001: 88, 96–97, № 92), то карту следует относить ко времени не ранее 1455 г. Легенду о белых птицах см.: Paviot 2001: 79, 89 (№ 5).

⁵² См.: Albertus Magnus 1916: 1465 (23.11); Albertus Magnus 1999: 1586–1587.

ворил, что белых соколов обычно привозят из Норвегии⁵³. Но учитывая упоминание Вальдземюллером мысов, источником могла бы быть интерполированная версия описания Севера Клавдия Клавуса, которая сохранилась в рукописи Австрийской национальной библиотеки в Вене, Cod. Vindob. lat. 5277, ff. 271r–276r, и где содержится следующая фраза: «Мыс Листе, на котором ловят белых соколов» (*Liste promontorium, ubi capiuntur falcones albi*)⁵⁴. Этот текст был известен в Германии. Им пользовались Иоганн Шёнер и Франциск Иреник (Франц Фридлиб); Иреник даже повторяет фразу о белых соколах на мысе Листе (этот мыс мне идентифицировать не удалось)⁵⁵.

На Илл. 4 (с. 259), ниже легенды о белых соколах, мы видим начало следующей легенды:

DE TOTO ISTO LATERE SEPTENTRIO[NA]LI PORTANTVR
PELLES PRECIOSI AD PARTES OCCIDENTALES

Со всего этого северного побережья в западные страны вывозятся ценные меха.

Эта легенда — одна из немногих, перешедших сюда с карты Вальдземюллера 1507 г., на которой читаем следующее:

...hinc portantur pelles ferarum ad partes occidentales christianorum et qui habitant has regiones que longa est .10. dietarum habent regem de stirpe magni cham sunt idolatre et aliqui adorant natigas —

Отсюда меха диких зверей вывозятся в христианские страны Запада; обитатели этих земель, протяженность которых десять дней пути, подчиняются царю, происходящему от Великого хана; они язычники, и некоторые из них поклоняются Натигаю.

Вероятно, эту информацию Вальдземюллер почерпнул с одного из важнейших источников карты 1507 г., а именно вышеназванной Йельской карты Генриха Мартелла, где на том же

⁵³ См.: López de Ayala 1969: 71–72 (гл. 4).

⁵⁴ См.: Vjörnbo; Petersen 1909: 68, 81, 176.

⁵⁵ Schöner 1515; Irenicus 1518: 200r (ошибка в фолиации в. 198r; кн. 10, гл. 18): “Haud procul Lisce promontorium Noruegiae, ubi candidi falcones capiuntur, cuius dimensio 35, 62, 10 aestimatur”. О знакомстве Шёнера и Иреника с текстом Клавуса см.: Vjörnbo, Petersen: 48–63. Выражаю благодарность Кирстен Сивер за консультации по этим вопросам.

месте находится частично утраченная легенда, по-видимому, сходного содержания. Однако мне не удалось найти источник этого материала, предшествующий Йельской карте: он, по крайней мере, не восходит ни к Марко Поло, ни к Плано Карпини⁵⁶. Продажа пушнины из России во Фландрию контролировалась Ганзой, но около 1480 г. Российское государство начало ставить торговлю с Западом под свой контроль⁵⁷.

Далее на юг вдоль восточной стороны Рифейских гор на «Морской карте» мы видим следующую легенду:

Qui hanc habitant regionem Bileri vocantur et sunt sub mandato Tartarorum —

Жители этой страны называются Билеры, и они подчиняются татарам.

Эта легенда восходит к Джованни Плано Карпини, по словам которого Билеры были завоеваны татарами⁵⁸. Согласно объяснению Бизли, «Билеры, или Великая Булгария — это Старые или Черные Булгары, населявшие Булгар и Волгу ниже Казани, при ее слиянии с Камой; некоторые мусульманские географы и историки называют их биларами, например, Абу-ль-Фида и Рашид ад-Дин»⁵⁹.

Далее на юг вдоль Рифейских гор мы находим следующую легенду:

⁵⁶ На вышеупомянутой утраченной карте середины XV в. была легенда о пушной торговле между Россией и Фландрией, так что в традиции морской картографии эта информация присутствовала, хотя с уверенностью утверждать о том, что Мартелл взял ее с морской карты, мы не можем. Эта легенда следующая: «Также и немецкие суда сюда прибывают, то есть в Россию. Они нагружены мехами, воском и другими товарами, которые они везут во Фландрию» (“Item naues sunt Alamanorum, que huc veniunt, videlicet in Rosia. Et operantur pelipariis, cera et aliis mercibus. Et ipsas in Fiandriam conducunt”): Paviot 2001: 83, 93 (№ 52).

⁵⁷ В Церкви св. Николая в Штральзунде на резной панели XV–XIV вв. изображены русские охотники, передающие меха ганзейским купцам, см.: Sztetyho 2006: 319–327. Об усилиях Российского государства перенять контроль над торговлей у Ганзы см.: Тихонов 1982: 87–105. К сожалению, наиболее широко известный труд по пушной торговле в средневековой России (Martin 1986) ни в коей мере не помогает объяснить легенду на карте Вальдземюллера.

⁵⁸ Pian di Carpine 1989: 272, 298, 361, 371; Beazley 1903: 122.

⁵⁹ Beazley 1903: 285.

BVLGARIA MAGNA. A nepro flu[mine] usque huc ambulat et dominatur princeps tartarorum de Crema campestris et Gazarie dominus estque imperator super armatorum 600000 pro custodia contra cristianos —

Великая Булгария. От реки Днепра досюда кочует и господствует князь равнинных крымских татар и правитель Хазарии, командующий 600000 воинами для обороны против христиан.

Эта легенда восходит к Плано Карпини, который более подробно, чем Вальдземюллер, объясняет, что этот князь, Коренца (то есть Хурумши, вероятно, племянник Батые), обороняется против народов Запада, чтобы те неожиданно не напали на татар. Но Коренца кочует по части Куманской равнины, а Вальдземюллер делает его крымским ханом; ср. легенды GAZARIA на Крымском полуострове и CREMANI (дважды) и CAMPESTRIA TATARI к северу от полуострова⁶⁰. Вальдземюллер, вероятно, пользовался версией труда Плано Карпини, сохранившейся в составе «Исторического зеркала» Винсента Бовзского⁶¹. Согласно страсбургскому изданию 1473 г. (кн. 32, гл. 20), количество воинов у этого правителя 60 000, а не 600 000. Но Вальдземюллер, по-видимому, был убежден в правильности цифры 600 000, так как он повторил ее в списке исправлений, который был напечатан в двух нижних строках в юго-западном углу карты, но который сейчас закрыт небольшой бумажной заплатой⁶². Как уже говорилось выше, формально у крымского хана почти те же титулы, что и у московского «императора», но в данном случае *imperator* означает «командующий» многочисленными воинами.

Наконец, я рассмотрю текст, нанесенный далее к востоку от Рифейских гор, под рекой Ра, текущей с этих гор вниз, в Каспийское море (различные участки Волги показаны на карте как разные реки).

Hic ambulat et dominatur Bathot Magni imperatoris Cham princeps maximus de Casana et imperator super sexingenta [*sic*] m. armatorum virorum tam christianorum quam Saracenorum qui cum exercitu suo tempore Estuali super ripam fluminis ad montes ascendit, tempero uero hyemali ad mare descendit —

⁶⁰ См. Pian di Carpine 1989: 307, 309, 383, 384; Beazley 1903: 129–130.

⁶¹ См.: Guzman 1974.

⁶² Эти исправления перечислены в статьях: Fischer, Wieser 1903: 20–21; Hessler 2008b.

Здесь кочует и господствует Батот, величайший князь казанский великого императора Хама, командующий шестидесятью тысячами воинов, как христиан, так и сарацинов, который со своим войском в летнее время поднимается по берегам реки в горы, а в зимнее время спускается к морю.

Легенда Вальдземюллера восходит к ПIANO Карпини⁶³, но хан Батот (то есть упоминавшийся Карпини Батый) на «Морской карте» актуализируется, превращаясь в казанского хана. Таким образом, опираясь на ПIANO Карпини, Вальдземюллер осовременивает его сведения, показывая знание реальной географии Татарию своего времени. Непосредственно над легендой помещено изображение Батые, восседающего в своем шатре.

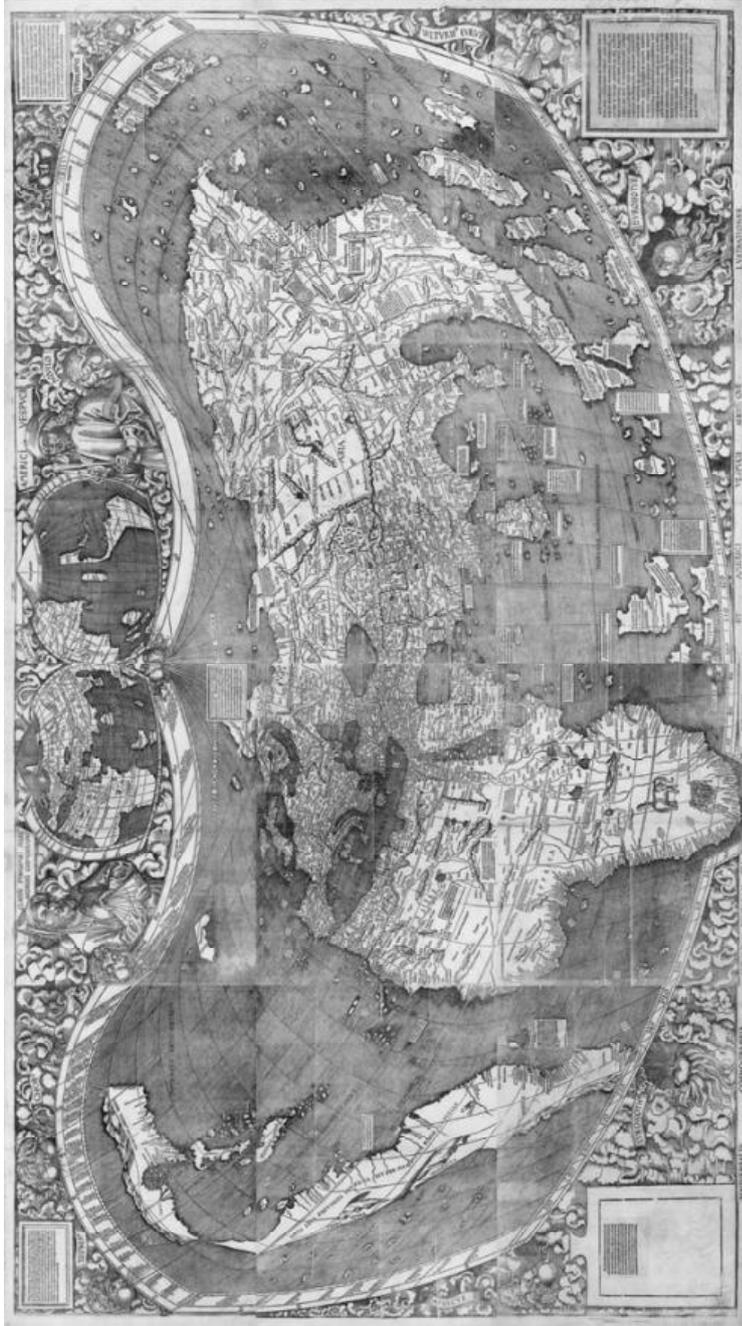
Легенды далее к востоку также восходят к источникам, которые Вальдземюллер перечисляет в левом нижнем углу карты. Таким образом, Рифейские горы, по-видимому, отделяют регион, изображенный Вальдземюллером на основании не известного нам источника, от тех областей, знания о которых восходят к источникам, указанным самим картографом.

Заключение

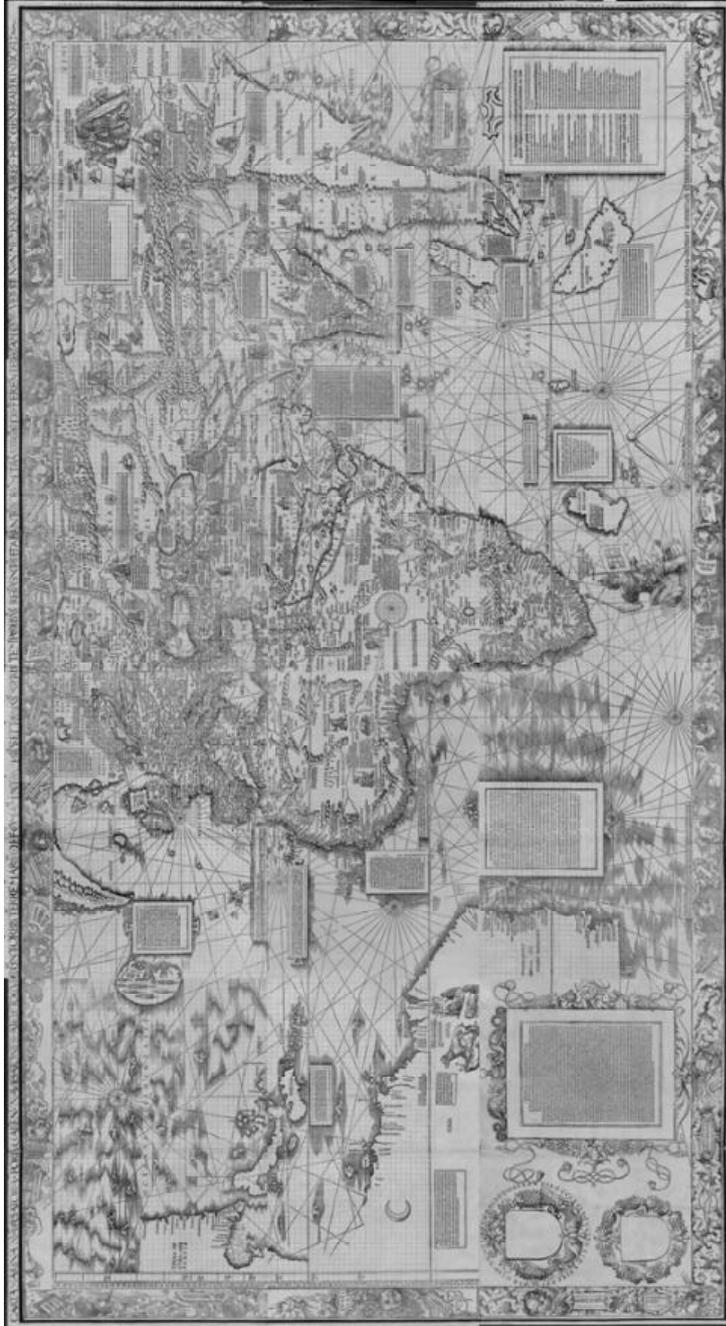
Тексты «Морской карты» Вальдземюллера, относящиеся к России западнее Рифейских гор, показывают, что у картографа был доступ к самой свежей информации о регионе, и подтверждают, что он, во-первых, вложил в карту много исследовательского труда, а во-вторых, обладал достаточными ресурсами для такого исследования. Вальдземюллер и его коллеги в Сен-Дье собрали замечательную библиотеку путешествий, космографических трудов и дорогостоящих карт. По-видимому, Вальдземюллер и его коллеги пользовались поддержкой лотарингского герцога Рене II до его смерти в 1508 г. «Морская карта» посвящена Тульскому епископу Гуго де Азар (de Hassard, des Hazards; Туль находится на востоке современной Франции примерно в 100 км к северо-западу от Сен-Дье)⁶⁴. Деньги епископа, несомненно, сыграли существенную роль в приобретении богатой коллекции документов, которая позволила создать замечательный образ мира на «Морская карта» 1516 года.

⁶³ См.: Pian di Carpine 1989: 309, 384.

⁶⁴ Об этом епископе см.: Guillaume 1843; Viard 2005; Notter 2010: 11–16.

Илл. 1
Карта Вальдземюллера 1507 г. Общий вид.

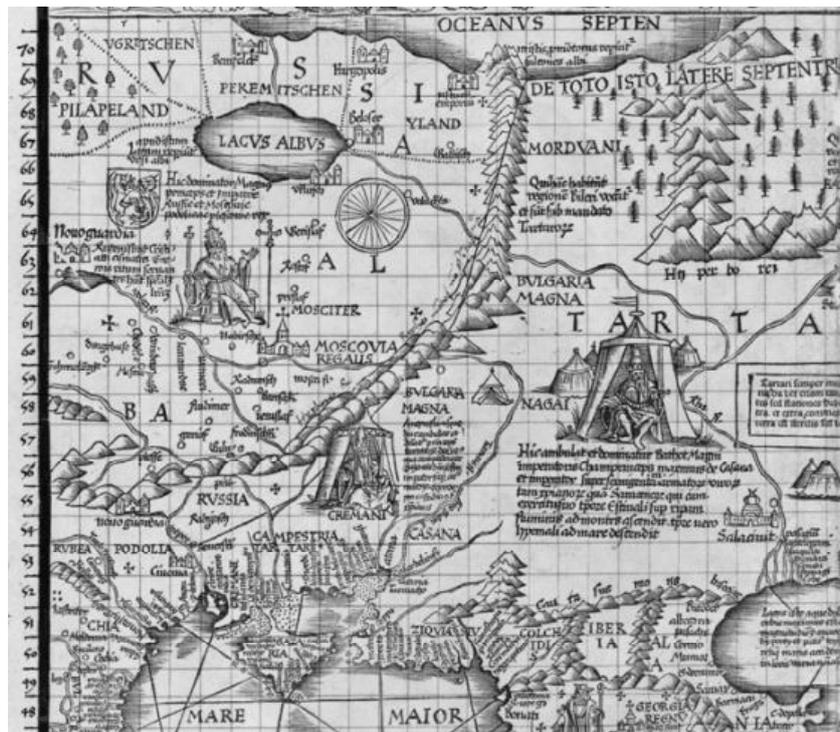

Илл. 2
«Морская карта» Вальдземюллера 1516 г. Общий вид.

Илл. 3

«Морская карта» Вальдземюллера 1516 г. Лист 2.

Илл. 4
«Морская карта» Вальдземюллера. Лист 3.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аделунг 1840 — *Аделунг Ф.П.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинений. М., 1864.
- Валк 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Возгрин, Шаскольский, Шрадер 1998 — *Возгрин В.Е., Шаскольский И.П., Шрадер Т.А.* Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // *Вспомогательные исторические дисциплины*. СПб., 1998. Вып. XXVI. С. 125–135.
- Герберштейн 1988 — *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М., 1988.
- Гуковский 1963 — *Гуковский М.А.* Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // *Вопросы историографии и источниковедения истории СССР*. М.; Л., 1963. С. 648–655 (Труды ЛОИИ. Вып. 5).
- Захаров 2004 — *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Линд 1997 — *Линд Дж.Х.* «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг. // *Новгородский исторический сборник*. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 135–143.
- Малеин 1908 — Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве / Введение, пер. и примечания А.И. Малеина. СПб., 1908.
- Меховский 1936 — *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях / Введение, пер. и комментарии С.А. Аннинского. М.; Л., 1936.
- Успенский 2000 — *Успенский Б.А.* Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.
- Чекин 1999 — *Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Чекин 2004 — *Чекин Л.С.* Открытие арктического острова русскими мореплавателями эпохи Колумба: Сводный анализ источников // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2004. № 3. С. 3–42.
- Шаскольский 1945 — *Шаскольский И.П.* Договоры Новгорода с Норвегией // *Исторические записки*. М., 1945. Т. 14. С. 38–61.
- Шаскольский 1970 — *Шаскольский И.П.* Русско-норвежский договор 1326 года // *Скандинавский сборник*. Таллин, 1970. Т. 15. С. 63–71.

- Шилов 2009 — *Шилов А.Л.* О пределах новгородских владений на Кольском полуострове в XIII–XV вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2009. Вып. 23. С. 339–345.
- Adelung 1846 — *Adelung Fr. von.* Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. Sankt Petersburg, 1846 (repr. Amsterdam, 1960).
- Albertus Magnus 1916 — *Albertus Magnus.* De animalibus libri XXVI, nach der Cölner Urschrift / Hrsg. von H. Stadler. Münster, 1916. Vol. 2.
- Albertus Magnus 1999 — *Albertus Magnus.* On Animals: A Medieval Summa Zoologica / Trans. by K.F. Kitchell, Jr., I.M. Resnick. Baltimore, 1999). Vol. 2.
- Andrade 1972 — *Andrade A.A.B. de.* Mundos novos do mundo: panorama da difusão, pela Europa, de notícias dos descobrimentos geográficos portugueses. Lisboa, 1972. Vol. 1.
- Ankenbauer 2010 — *Ankenbauer N.* Das ich mochte meer newer dyng erfahren': die Versprachlichung des Neuen in den 'Paesi novamente retrovati' (Vicenza, 1507) und in ihrer deutschen Übersetzung (Nürnberg, 1508). Berlin, 2010.
- d'Avezac 1867 — *d'Avezac M.* Martin Hylacomylus Waltzemüller, ses ouvrages et ses collaborateurs: voyage d'exploration et de découvertes à travers quelques épîtres dédicatoires, préfaces et opuscules en prose et en vers du commencement du XVI siècle: notes, causeries et digressions bibliographiques et autres. Paris, 1867.
- Bagrow 1954 — *Bagrow L.* 'Carta Itineraria Europae' Martini Ilacomili, 1511 // *Imago Mundi.* 1954. Vol. 11. P. 149–150.
- Bagrow 1962 — *Bagrow L.* At the Sources of the Cartography of Russia // *Imago Mundi.* 1962. Vol. 16. P. 33–48.
- Bagrow 1975 — *Bagrow L.* A History of the Cartography of Russia up to 1600 / Ed. by H.W. Castner. Wolfe Island, Ontario, 1975.
- Barycz 1963 — *Barycz H.* Kilka glos do znajomości Macieja z Miechowa w XVI i XVII wieku // *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki.* 1963. T. 8. S. 237–243.
- Beazley 1903 — The Texts and Versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis / Ed. by C.R. Beazley. London, 1903.
- Björnbo, Petersen 1909 — *Björnbo A.A., Petersen C.S.* Der Däne Claudius Claussøn Swart (Claudius Clavus): der älteste Kartograph des Nordens, der erste Ptolemäus-Epigon der Renaissance. Innsbruck, 1909.

- Bomhover 1861 — *Bomhover Chr.* Eynne schonne hystorie van vnderlyken gescheffthen der heren tho lyfflanth myth den Rüssen unde tataren / Hrsg. von G. Schirren // Archiv für die Geschichte Liv-, Est-, Curlands. 1861. Bd. 8. S. 113–265.
- Caraci 1978 — *Caraci I.L.* Il Planisfero di Enrico Martello della Yale University Library e i Fratelli Colombo // Rivista Geografica Italiana. 1978. T. 85. P. 132–143.
- Caraci 2002 — *Caraci I.L.* The Puzzling Hero: Studies on Christopher Columbus and the Culture of his Age. Rome, 2002. P. 281–291.
- Chekin 2006 — *Chekin L.S.* Northern Eurasia in Medieval Cartography: Inventory, Texts, Translation, and Commentary. Turnhout, 2006.
- Chiappelli 1968 — *Chiappelli F.* La relazione di Angelo Trevisan sui primi viaggi di Cristoforo Colombo. Mémoire de Licence. Université de Lausanne, 1968.
- Crone 1937 — The Voyages of Cadamosto and Other Documents on Western Africa in the Second Half of the Fifteenth Century / Ed. and trans. by G.R. Crone. London, 1937.
- Crosky, Ronquist 1990 — *Crosky R.M., Ronquist E.C.* George Trakhaniot's Description of Russia in 1486 // Russian History / Histoire Russe. 1990. Vol. 17. P. 55–64.
- Dunkelman 2007 — The Jay I. Kislak Collection at the Library of Congress: A Catalog of the Gift of the Jay I. Kislak Foundation to the Library of Congress / Ed. by A. Dunkelman. Washington, 2007.
- Dursteler 2000 — *Dursteler E.* Reverberations of the Voyages of Discovery in Venice, ca. 1501: The Trevisan Manuscript in the Library of Congress // Mediterranean Studies. 2000. Vol. 9. P. 43–64.
- Fischer 1915 — *Fischer J.* Die Entdeckung Russland durch Nikolaus Poppel in dem Jahren 1486–1489 // Stimmen der Zeit. 1915. Bd. 89. S. 395–400.
- Fischer 1916 — *Fischer J.* Der russische Zar als 'Kaiser' auf der Carta Marina Waldseemüllers vom Jahre 1516 // Stimmen der Zeit. 1916. Bd. 90. S. 108–116.
- Fischer, Wieser 1903 — *Fischer J., Wieser F. Ritter v.* Die älteste Karte mit dem Namen Amerika aus dem Jahre 1507 und die Carta marina aus dem Jahre 1516 des M. Waldseemüller. Innsbruck, 1903 (repr. Amsterdam, 1968).
- Fischer, Wieser 1907 — *Fischer J., Wieser F. Ritter v.* The 'Cosmographiae introductio' of Martin Waldseemüller in Facsimile, Followed by the Four Voyages of Amerigo Vespucci, with their Translation into English. New York, 1907.

- Gallois 1900 — *Gallois L.* Le Gymnase Vosgien // Bulletin de la Société de Géographie de l'Est. 1900. T. 21. P. 88–94.
- Gérardin 2008 — *Gérardin J.-M.* 1508–2008: A propos de la première carte imprimée du duché de Lorraine et du Vastum Regnum // L'Annuaire de la Société du Val de Villé. 2008. T. 33. P. 57–77.
- Giovio 1527 — Pavli Iovii Novocomensis Libellvs de legatione Basilij Magni principis Moschouiaë ad Clementem VII. pontificem max. Basileae, 1527.
- Greenlee 1938 — *Greenlee W.B.* The Account of Priest Joseph // The Voyage of Pedro Álvares Cabral to Brazil and India from Contemporary Documents and Narratives. London, 1938. P. 95–113.
- Guedes 2003 — A viagem de Pedro Alvares Cabral e o descobrimento do Brasil, 1500–1501 / Ed. por M.J. Guedes. Lisboa, 2003.
- Guzman 1974 — *Guzman G.G.* The Encyclopedist Vincent of Beauvais and His Mongol Extracts from John of Plano Carpini and Simon of Saint-Quentin // Speculum. 1974. Vol. 49. No. 2. P. 287–307.
- Harris 1985 — *Harris E.* The Waldseemüller World Map: A Typographic Appraisal // Imago Mundi. 1985. Vol. 37. P. 30–53.
- Harrisse 1866 — *Harrisse H.* Bibliotheca americana vetustissima: A Description of Works Relating to America, Published between the Years 1492 and 1551. New York, 1866.
- Harrisse 1892 — *Harrisse H.* The Discovery of North America. London, 1892 (repr. Amsterdam, 1961).
- Hébert 2003 — *Hébert J.* The Map that Named America: Martin Waldseemüller's 1507 World Map // Coordinates. August 2003. Series B. No. 4. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://purl.oclc.org/-coordinates/coordinates.htm>, дата обращения — 20.01.2014].
- Hessler 2007 — *Hessler J.W.* The Schöner Sammelband // *Dunkelman A.* The Jay I. Kislak Collection at the Library of Congress: A Catalog of the Gift of the Jay I. Kislak Foundation to the Library of Congress. Washington, DC, 2007. P. 99–108.
- Hessler 2008a — *Hessler J.W.* The Naming of America: Martin Waldseemüller's 1507 World Map and the 'Cosmographiae introductio'. London, 2008.
- Hessler 2008b — *Hessler J.W.* Correcting Waldseemüller: Analysis of Hyperspectral Images of the Pastedown Shield on the 1516 Carta Marina. 2008. — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.kislakfoundation.org/download/Hessler-Analysis_of_Hyperspectral_Images.pdf, дата обращения — 20.01.2014].

- Hessler 2012 — *Hessler J.W.* A Renaissance Globemaker's Toolbox: Johannes Schöner and the Revolution of Modern Science, 1475–1550. Washington, DC; London, 2012.
- Hessler, Van Duzer 2012 — *Hessler J.W., Van Duzer C.* Seeing the World Anew: The Radical Vision of Martin Waldseemüller's 1507 & 1516 World Maps. Washington, DC; Delray Beach, FL, 2012.
- Instrvctio 1511 — *Instrvctio manvduvctionem prestans in cartam itinerariam Martini Hilacomili.* Strasbourg, 1511.
- Irenicus 1518 — *Irenicus F.* Germaniae exegeseos volumina duodecim. Hagenaes, 1518.
- Johnson 1963 — *Johnson H.B.* Carta marina: World Geography in Strassburg, 1525. Minneapolis, MN, 1963.
- Karrow 1993 — *Karrow R.W., Jr.* Mapmakers of the Sixteenth Century and Their Maps. Chicago, 1993.
- Krantz 1519 — *Krantz A.* Wandalia in qua de Wandalorum populis et eorum patrio solo, ac in Italiam, Gallia, Hispanias, Aphricam, et Dalmatiam, migratione, et in eorum regibus, ac bellis domi, forisque gestis. Coloniae Agrippinae, 1519.
- Lehmann 2010 — *Lehmann M.* Die 'Cosmographiae Introductio' Matthias Ringmanns und die Weltkarte Martin Waldseemüllers aus dem Jahre 1507: Ein Meilenstein frühneuzeitlicher Kartographie. München, 2010.
- Lind 1993 — *Lind J.* Nordkalotten: Fra almindring til statterritorier: Konflikter og forvirring omkring grænserne ved Ishavet i 1500-tallet // Svantevit. 1993. Årgang 16. Nr. 1. S. 23–33.
- López de Ayala 1969 — *López de Ayala P.* Libro de la caza de las aves / Ed. por J. Fradejas Lebrero. Madrid, 1969.
- Martin 1986 — *Martin J.* Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and its Significance for Medieval Russia. Cambridge, 1986.
- Maruska 2008 — *Maruska M.* Johannes Schöner — 'Homo est nescio qualis': Leben und Werk eines fränkischen Wissenschafters an der Wende vom 15. zum 16. Jahrhundert. Diss. phil. Wien, 2008.
- Meine 1971 — *Meine K.-H.* Erläuterungen zur ersten gedruckten (Strassen) Wandkarte von Europa, der Carta itineraria Evropae der Jahre 1511 bzw. 1520 von Martin Waldseemüller (um 1470 bis etwa 1521), Kostbarkeit des Tiroler Landesmuseum Ferdinandeum, Innsbruck. Bonn-Bad Godesberg, 1971.
- Meurer 2001 — *Meurer P.H.* Corpus der älteren Germania-Karten: ein annotierter Katalog der gedruckten Gesamtkarten des deutschen Raumes von den Anfängen bis um 1650. Alphen aan den Rijn, 2001. S. 155–160.

- Meurer 2012 — *Meurer P.H.* Sechs Karten der westafrikanischen Küste aus der Waldseemüller-Schule // *Cartographica Helvetica*. 2012. H. 45. S. 15–26.
- Nebenzahl 1990 — *Nebenzahl K.* Atlas of Columbus and the Great Discoveries. Chicago, 1990.
- Nordenskiöld 1891 — *Nordenskiöld A.E.* Om ett aftryck från XV: de seklet af den i metall graverade världskarta, som förvarats i kardinal Stephan Borgias museum i Velletri, Med 1 facsimile // *Ymer*. 1891. Bd. 11. S. 83–92.
- Paesi 1916 — Paesi nouamente ritrovati & Novo mondo da Alberico Vesputio Florentino intitolato. Princeton, N.J., 1916 (Vespucci Reprints, Texts and Studies. Vol. 6).
- Paviot 2001 — *Paviot J.* Une mappemonde génoise disparue de la fin du XIVe siècle // *L'Iconographie: études sur les rapports entre textes et images dans l'Occident médiéval* / Ed. par G. Duchet-Suchaux. Paris, 2001. P. 69–97.
- Petrzilka 1970 — *Petrzilka M.* Die Karten des Laurent Fries von 1530 und 1531 und ihre Vorlage, die 'Carta Marina' aus dem Jahre 1516 von Martin Waldseemüller. Zürich, 1970.
- Pian di Carpine 1989 — *Pian di Carpine G. di.* Storia dei Mongoli / Testo latino cura di E. Menestò, traduzione italiana a cura di M.C. Lungarotti. Spoleto, 1989.
- Planisphère 1992 — Planisphère nautique sur vélin du Génois Nicolao de Caverio. Paris, 1992.
- Poe 1995 — *Poe M.* Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources. Columbus, OH, 1995.
- Poe 1998 — *Poe M.* Muscovy in European Cosmographies, 1504–1544 // *Russian History*. 1998. Vol. 25. No. 1–2. P. 89–106.
- Poe 2000 — *Poe M.* Terra Incognita: The Earliest European Descriptions of Muscovy // 'A People Born to Slavery': Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca; London, 2000. P. 11–38.
- Reicke 1907 — *Reicke E.* Aus dem Leben des Johann Schöner, ersten Professors für Mathematik und Geographie in Nürnberg // *Abhandlungen der Naturhistorischen Gesellschaft Nürnberg*. 1907. Bd. 17. H. 3. S. 41–59.
- Rubiés 2000 — *Rubiés J.-P.* Ludovico de Varthema: The Curious Traveller at the Time of Vasco da Gama and Columbus // *Rubiés J.-P.* Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European eyes, 1250–1625. Cambridge; New York, 2000. P. 125–163.

- Schedel 1493 — *Schedel H.* Liber chronicarum. Nürnberg, 1493.
- Schedel 1976 — *Schedel H.* Sarmatia, the Early Polish Kingdom: From the Original Nuremberg Chronicle, Printed by Anton Koberger in 1493 / Trans. B. Deresiewicz. Los Angeles, 1976.
- Schöner 1515 — *Schöner J.* Luculentissima quaedam terrae totius descriptio. Nürnberg, 1515.
- Schöner 1533 — *Schöner J.* Opusculum geographicum. Nürnberg, 1533.
- Schwartz 2007 — *Schwartz S.I.* Putting 'America' on the Map: The Story of the Most Important Graphic Document in the History of the United States. Amherst, NY, 2007.
- Stevenson 1908 — *Stevenson E.L.* Marine World Chart of Nicolo de Caneiro Januensis 1502 (circa). New York, 1908.
- Sztetyłło 2006 — *Sztetyłło J.* Wokół snycerki ze Stralsundu (Strzałowa) zdobięcej stalle hanzeatów kupczących w Nowogrodzie // O Rzeczach minionych: Scripta rerum historicarum Annae Rutkowska-Płachcińska oblate / Pod red. M. Młynarskiej-Kaletynowej, J. Kruppé. Warszawa, 2006. S. 319–327.
- Thacher 1896 — *Thacher J.B.* The Continent of America: Its Discovery and its Baptism. New York, 1896.
- Tihonov 1982 — *Tihonov Ju.A.* Feodaalisen Venäjän ulkomaankauppapolitiikka (ennen 1600-lukua) // Turun Historiallinen Arkisto. 1982. Vol. 36. S. 87–105.
- Vallavanthara 1984 — *Vallavanthara A.* India in 1500 A.D.: The Narratives of Joseph the Indian. Mannanam, 1984.
- Vallavanthara 2001 — *Vallavanthara A.* The Indian Coasts and the Malabar Society as Brought to the Notice of the Europeans by Joseph the Indian // The Portuguese and the Socio-Cultural Changes in India, 1500-1800 / Ed. by K.S. Mathew, T.R. de Souza, P. Malekandathil. Tellicherry, Kerala, 2001. P. 93–119.
- Van Duzer 2012a — *Van Duzer C.* Waldseemüller's World Maps of 1507 and 1516: Sources and Development of his Cartographical Thought // The Portolan. Winter, 2012. Issue 85. P. 8–20.
- Van Duzer 2012b — *Van Duzer C.* The Carta marina, 1516 // *Hessler J.W., Van Duzer C.* Seeing the World Anew: The Radical Vision of Martin Waldseemüller's 1507 & 1516 World Maps. Washington, DC; Delray Beach, FL, 2012. P. 49–68.
- Van Duzer 2012c — *Van Duzer C.* Details, Date, and Significance of the Fifth Set of Waldseemüller's Globe Gores Recently Discovered in the

- Munich University Library (= Detalles, fecha e importancia del quinto ejemplar del mapa en gajos del globo terráqueo de Martin Waldseemüller recientemente descubierto en la Biblioteca de la Universidad de Múnich) // Razón Cartográfica. — Электронный ресурс [режим доступа: www.razoncartografica.com, дата обращения — 21.01.2014].
- Van Duzer, Larger 2011 — *Van Duzer C., Larger B.* Martin Waldseemüller's Death Date // *Imago Mundi*. 2011. Vol. 63. Pt. 2. P. 217–219.
- Varthema 1515 — *Varthema L. de.* Die Ritterlich und lobwirdig rayß des gestrengen und über all ander weyt erfarnen ritters und Lantfarers herren Ludowico vartomans von Bolonia. Augsburg, 1515.
- Varthema 1863 — *Varthema L. de.* The Travels of Ludovico di Varthema in Egypt, Syria, Arabia Deserta and Arabia Felix, in Persia, India, and Ethiopia, A.D. 1503 to 1508 / Trans. by J.W. Jones, ed. by G.P. Badger. London, 1863.
- Voisé 1977 — *Voisé W.* The First Intellectual Exploration of Eastern Europe (Mathias de Miechovia: Tractatus de duabus Sarmatiis... Cracow 1517 // *Janus*. 1977. Vol. 64. P. 41–49.
- Waldseemüller 1972 — *Waldseemüller M.* Carta itineraria Evropeae. Bonn, 1972.
- Wawrik 1981 — *Wawrik F.* Kartographische Werke in der Österreichischen Nationalbibliothek aus dem Besitz Johannes Schöners // *International Yearbook of Cartography*. 1981. Vol. 21. P. 195–202.
- Wawrik 1981 — *Wawrik F.* The Johannes Schöner Collection of Cartographical Works in the Austrian National Library // *Imago et Mensura Mundi. Atti del IX Congresso Internazionale di Storia della Cartografia*. Roma, 1985. T. 1. P. 297–301.
- Wolff 1992 — *Wolff H.* Martin Waldseemüller: The Most Important Cosmographer in a Period of Dramatic Scientific Change // *America: Early Maps of the New World* / Ed. by H. Wolff, trans. by H. Beyer a.o. München, 1992. P. 111–126.
- Zantuan 1968 — *Zantuan K.* The Discovery of Modern Russia: Tractatus de duabus Sarmatiis // *Russian Review*. 1968. Vol. 27. No. 3. P. 327–337.
- Zinner 1964 — *Zinner E.* Einige Handschriften des Johann Regiomontan (aus Königsberg in Franken // *Bericht der Historischen Vereins für die Pflege der Geschichte des ehemaligen Fürstbistums Bamberg*. 1964. Bd. 100. S. 315–323.

О.В. ОКУНЕВА

**КАРТА БРАЗИЛИИ
ДЖАКОМО ГАСТАЛЬДИ
ИЗ ТРЕТЬЕГО ТОМА СОБРАНИЯ
ДЖОВАННИ БАТТИСТА РАМУЗИО
«О ПЛАВАНИЯХ И ПУТЕШЕСТВИЯХ»**

Аннотация: Статья посвящена анализу карты Бразилии, выполненной Д. Гастальди для третьего тома известного собрания географических текстов «О плаваниях и путешествиях» Д.Б. Рамузио (карта воспроизведена во всех трёх изданиях третьего тома данного собрания: 1556, 1656, 1606 гг.). Изучение различных элементов карты проводится в сравнении с текстом, который она сопровождает и «поясняет», а именно: «Речью известного французского морского капитана...», автором которой считается П. Криньон. Задачей работы является выявление особенностей разных изданий карты, а также анализ сходства и различия в описании Бразилии нарративными и иконографическими средствами.

Ключевые слова: Бразилия, Гастальди, Рамузио, Криньон.

Трехтомное собрание географических сочинений «О плаваниях и путешествиях», осуществленное венецианцем Джованни Баттиста Рамузио и оказавшее большое влияние на распространение в Европе как традиционных, так и новых сведений о различных частях света, включает в себя любопытную карту Бразилии XVI в., которая сопровождает рассказ о нескольких регионах Северной и Южной Америки, а также о Гвинее и Суматре.

Составитель этого собрания текстов венецианец Д.Б. Рамузио — дипломат, гуманист и любитель географии — распределил собранный им богатый материал в соответствии с географической принадлежностью земель, ставших предметом новых

(или выдержанных в традиционном ключе) описаний. Так, первый том «Плаваний и путешествий» посвящен Африке, второй — Азии, а третий, где помещена интересующая нас карта, — Новому Свету (Илл. 1, с. 291). Хотя в составлении всех трех томов Рамузио придерживался некоторых общих принципов, каждый том, являясь частью общего собрания, жил собственной жизнью. Так, «африканский» первый том удостоился самого большого количества переизданий, а «азиатский» том был подготовлен раньше «американского», но в свет вышел самым последним, уже после смерти Рамузио. Каждый том переиздавался сам по себе, без жесткой привязки к переизданию прочих томов собрания (лишь в 1606 г. были одновременно переизданы все три тома)¹.

Значительная часть жизни Рамузио прошла на службе Венецианской республики (он был членом нескольких дипломатических миссий, затем являлся секретарем Сената и одним из секретарей Совета Десяти). Рамузио участвовал также в том, что на языке сегодняшнего времени можно было бы назвать «практическим администрированием крупного собрания культурных ценностей» (речь идет об обширном собрании рукописей, составлявшим ядро будущей Библиотеки Марчианы); это свидетельствовало не только о его интересе к книжной культуре, но и о наличии практических навыков рутинной работы по систематизации и каталогизации большой коллекции².

Интерес Рамузио к географической литературе — рукописям или печатным изданиям сочинений о путешествиях и открытиях — был неотделим от его страстного почитания античной литературы и классических авторов, столь свойственного итальянскому Возрождению и гуманизму. Рамузио поддерживал тесные связи с такими гуманистами, как Пьетро Бембо, Андреа Наваджеро и Джироламо Фракасторо.

В эпоху, когда престиж птолемеевской «Географии» уже был поколеблен морскими плаваниями и открытиями, но тради-

¹ Три тома собрания Рамузио издавались и переиздавались в следующем порядке: том первый — 1550, 1554, 1563, 1588, 1606, 1613 гг.; том второй — 1559, 1574, 1583, 1606 гг.; том третий — 1556, 1565, 1606 гг. (Parks 1967: 1).

² Skelton 1967: VI–VII.

ция признания ее авторитета продолжала существовать, речь порой шла о попытках «совместить» сведения Птолемея и наблюдения путешественников, чтобы «дополнить и исправить» классическую модель представлений об окружающем мире. Подобная задача, как отмечают исследователи, ставилась Вальдземюллером в 1511 и отчасти в 1513 г.; схожей целью руководствовался и Рамузио, желавший снабдить читателя донесениями о путешествиях «из первых рук», чтобы на основе содержащихся в них разнообразных сведений, добытых на практике, составить новые карты³.

Воплотить эту задачу Рамузио был призван картограф Джакомо Гастальди, уроженец Пьемонта и официальный космограф Венецианской республики. Близкое знакомство Гастальди и Рамузио упрочивается к концу 1540-х гг., когда картограф начинает давать уроки географии сыну Рамузио⁴. Существует предположение, что работе Гастальди над обширным официальным заказом — обновить и подправить карты XV в. на стенах одного из залов Дворца Дожей — способствовала возможность черпать сведения из собрания Гастальди.

Именно Гастальди является автором гравированной карты Бразилии, являющейся предметом рассмотрения в настоящей статье. Всего в «Плаваниях и путешествиях» Гастальди выполнил двенадцать карт: три — для первого тома и девять — для третьего (из них семь относятся к Америке). Гастальди работал также и над отдельными картами по заказу меценатов⁵.

Некоторые общие принципы, которыми руководствовался Рамузио при составлении всех трех томов своего собрания, можно рассмотреть на примере сопровождающего карту Бразилии текста. Это сочинение озаглавлено «Речь известного французского морского капитана из Дьеппа о плаваниях, совершенных к новооткрытым землям Вест-Индий, названных Новой Францией [и расположенных] от 40 до 47 градуса... а также о Бразилии, Гвинее, острове Св. Лаврентия и острове Суматре, которых дос-

³ Skelton 1967: VI–VII.

⁴ Skelton 1967: XII.

⁵ Cosgrove 1992: 74.

тигли французские каравеллы и суда»⁶; оно представляет собой одну из заключительных частей третьего тома (Илл. 2, с. 292). Данное сочинение опубликовано по-итальянски, однако исходный текст был написан по-французски (оригинал его пока не выявлен); Рамузио указывал, что перевод «на наш язык», то есть на итальянский, был предпринят по его инициативе. Перевод с французского мог быть сделан даже самим Рамузио: современники отмечали его великолепное владение французским языком (вероятно, приобретённое во время дипломатической миссии во Францию), а также тот факт, что Рамузио исполнял обязанности переводчика с французского при доже⁷. «Речь известного французского морского капитана» могла быть частью тех материалов, которые Рамузио заказал для своей коллекции географических текстов в Париже в конце 1530-х–начале 1540-х годов⁸.

Включая данное сочинение в свое собрание, Рамузио не знал ни имени «известного французского морского капитана», ни автора текста (он полагал, что речь идет об одном и том же человеке; подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже). При этом отсутствие сведений об имени героя и рассказчика представлялось Рамузио весьма прискорбным обстоятельством, и он замечал:

Эта речь поистине прекрасна и достойна того, чтобы ее прочел каждый, но мы очень сожалеем о том, что не знаем имени автора, ведь если его имя не фигурирует [в тексте], это

⁶ *Discorso d'un gran capitano* 1556. Данное издание «Плаваний и путешествий» оцифровано и доступно исследователям на сайте университетской библиотеки Гейдельберга. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/ramusio1556bd3/0936>, дата обращения — 20.01.2014]. Существуют также факсимильные издания «Плаваний и путешествий»: Ramusio 1967–1970; Ramusio 1978 (автор выражает признательность М.В. Землякову за помощь в доступе к данным изданиям). Укажем здесь и издания различных переводов с итальянского «Речи известного французского морского капитана»: на французский язык — *Discours d'un grand navigateur* 1832; *Discours d'un grand capitaine de mer* 1990; на английский язык — Hoffman 1963.

⁷ О пребывании Рамузио во Франции и полученном там опыте см.: Parks 1955: 129–130.

⁸ Skelton 1967: IX.

нанесет ущерб памяти столь отважного и благородного дворянина⁹.

Текст донесения о путешествии и само путешествие оставались анонимными до 1830-х гг., когда в частных бумагах одного негоцианта из Руана была обнаружена рукопись, содержащая судовой журнал французской экспедиции на Суматру в 1529 г.; манускрипту был предпослан позднейший заголовок «Путешествие жителей Дьеппа»¹⁰. Поскольку в «Речи известного французского морского капитана» Суматра описывается в схожих выражениях, стало возможным провести аналогии между двумя текстами. В отличие от «Речи...», судовой журнал путешествия 1529 г. содержал в себе как имя капитана (Жан Пармантье), так и имя автора донесения (Пьер Криньон). На этом основании была произведена атрибуция непосредственно «Речи...». Французский историк Луи Эстанселен, первым предложивший считать автором Криньона, а капитаном — Жана Пармантье, утверждал в 1832 г., что

...обнаружение судового журнала, ставшее возможным благодаря счастливому случаю, не оставляет более никаких сомнений... Необходимо было целиком опубликовать судовой журнал и сочинение из собрания Рамузио; эти два взаимно подтверждающих текста способствуют тому, чтобы устранить малейшее сомнение в реальности... описываемого ими путешествия¹¹.

Таким образом, речь идет об экспедиции 1529 г., совершенной братьями Пармантье, Жаном и Раулем, на кораблях «Сокол» (*Le Sacre*) и «Помысел» (*La Pensée*). Являлось ли посещение Бразилии частью плавания к Суматре? Рамузио, помещая «Речь известного французского морского капитана», полагал, что это было именно так:

[Известный французский капитан] описывает совершенное им путешествие к новооткрытой земле Вест-Индий, которую мы ныне называем Новой Францией, а также к Бразилии в вышеназванных Вест-Индиях, к Гвинее и Перечному бере-

⁹ Discorso d'un gran capitano 1556: 417v.

¹⁰ Дьепп — важный центр нормандской морской торговли в XVI в., отправная точка многих трансатлантических и других дальних плаваний.

¹¹ Estancelin 1832 : 189.

гу¹² Африки, которые французы все время посещают на своих кораблях. Затем вышеназванный капитан с двумя кораблями, снаряженными в Дьеппе в Нормандии, добрался до острова Тапробана на востоке, ныне называемого Суматрой, где он совершил торговлю с местными жителями; нагрузившись специями, он возвратился домой¹³.

Из авторского комментария Рамузио может вытекать заключение, что капитан и рассказчик — это одно лицо. Однако в таком случае возникает хронологическая несостыковка: Рамузио утверждает, что «Речь известного французского морского капитана» относится к 1539 г.¹⁴, в то время как Жан Пармантье умер в 1531 или 1532 г. (об этом свидетельствует сборник его стихотворений, посмертно выпущенный соратником Пармантье, Пьером Криньоном; в этом сборнике, дата издания которого известна, Криньон оплакивает смерть братьев Пармантье)¹⁵. О том, что текст «Речи...» вряд ли мог быть написан до начала 1530-х гг., то есть при жизни Пармантье, свидетельствует еще один факт: в «Речи...» говорится, что часть Бразилии была открыта португальцами «примерно тридцать пять лет тому назад»¹⁶ (официальной датой открытия Бразилии португальцами считался 1500 г., однако в XVI в. его подчас соотносили с 1504 г. — датой второго путешествия Америго Веспуччи)¹⁷.

¹² Перечный берег (в итальянском оригинале у Рамузио — *costa delle Meleghuette*) — побережье Гвинейского залива.

¹³ *Discorso d'un gran capitano 1556: 417v.* Судовой журнал экспедиции на Суматру указывает, однако, что после отплытия из Дьеппа братья Пармантье обогнули Африку и далее двигались на восток, а не на запад. Таким образом, посещение Бразилии состоялось не в этот раз. Об обстоятельствах плавания Пармантье на Суматру в 1529 г. см. Schefer 1883; Nothnagle 1988: 97–99.

¹⁴ *Discorso d'un gran capitano 1556: 417v.*

¹⁵ Так, одна из частей указанного сборника озаглавлена “*Déploration sur la mort desditz Parmentiers composée par Pierre Crignon, compagnon desditz Parmentiers en ladicté nauigation*”. На последней странице сборника приведена дата выхода в свет — 7 января 1531 г. (поскольку в то время во Франции новый год отсчитывался с Пасхи, речь идет о 1532 г. по современному стилю). См.: Nothnagle 1990:10.

¹⁶ *Discorso d'un gran capitano 1556: 417v.*

¹⁷ 1504 г. в качестве даты открытия Бразилии фигурирует, например, на карте Америки в атласе А. Ортелиуса, где на контур Бразилии нанесена надпись “*Bresilia a Lusitanis A° 1504 inventa*” (Ortelius 1570: 2).

Иными словами, Пармантье вряд ли может претендовать на то, чтобы быть автором рассказа о собственном путешествии, но его друг и соратник Пьер Криньон вполне подходит на эту роль: он стремился увековечить память братьев-мореплавателей, и комплексное повествование об их путешествиях спустя десять лет после событий представляется явлением того же плана, что и осуществленное им посмертное издание стихов Пармантье.

После атрибуции Л. Эстанселена авторство Криньона более не подвергалось сомнению во французской историографии. Существуют, однако, и другие версии: к примеру, на роль автора «Речи известного французского морского капитана» предлагают французского космографа португальского происхождения Жана Альфонса, или предполагают, что Рамузио сам составил текст «Речи...» на основе «Космографии» Ж. Альфонса, а затем приписал «Речь...» некоему капитану¹⁸.

* * *

Обратимся теперь к анализу карты, которая сопровождает «Речь известного французского морского капитана». Как указывалось выше, существует три издания того тома «Плаваний и путешествий», в который помещены карта и текст: 1556, 1565 и 1606 гг. Издание 1565 г. воспроизводит издание 1556 г., и карта в обоих случаях находится на развороте страниц 427 и 428; издание 1606 г. несколько отличается от предыдущих, и карта помещена в нем на разворот страниц 356 и 357 (Илл. 3–5, с. 293–295).

Исходя из этого обстоятельства, логично было бы предположить, что возможные изменения самой карты скорее относятся к 1606 г., в то время как издания 1556 и 1565 гг., скорее всего, будут одинаковыми, коль скоро в типографском макете не произошло существенных изменений. Однако дело обстоит иначе: сравнение трех вариантов карты Бразилии¹⁹ показывает, что

¹⁸ Parks 1967: 35.

¹⁹ В качестве экземпляра 1556 г. использовалось указанное выше издание из библиотеки университета Гейдельберга (см. сн. 6); экземпляр 1565 г. хранится в Национальной библиотеке Бразилии. — Электронный ресурс [режим доступа: http://objdigital.bn.br/acervo_digital/div_cartografia/cart395-872.jpg, дата обращения — 20.01.2014]; издание 1606 г. хранится в Нацио-

идентичны как раз второй и третий варианты (1565 и 1606 гг.), в то время как первое издание от них отличается (Илл. 6, 7, с. 296–297).

Различия можно отнести к трем группам:

- типографские (более округлый шрифт в написании топонимов в 1556 г. сменяется шрифтом с более выраженными засечками; наблюдается разница в формате номера страницы 427; в надписях *Rio de la Plata* и *Mar dolce* то появляется, то исчезает пробел; ряд топонимов пишется то с точкой, то без точки);

- различия в иконографии: штриховка внутренних областей Бразилии, символизирующая собой рельеф, систематически различается в изданиях 1556 и 1565/1606 гг. — она не только более плавная и «рисованная» в 1556 г. и более «штриховая» и «рубленая» в 1565 и 1606 гг., но и часто не совпадает по сути; изображенный в центральной части карты персонаж с поднятым топором, намеревающийся срубить дерево, на карте 1556 г. держит топор повернутым влево, а в 1565 и 1606 гг. — вправо; персонаж, взваливший на плечо бревна, на карте 1556 г. несет два разновеликих ствола, а на картах 1565 и 1606 гг. — два одинаковых; стрелок из лука на карте 1556 г. изображен так, что непонятно, мужчина это или женщина, в то время как на карте 1565 и 1606 гг. сомнений в принадлежности к женскому полу нет; хвост обезьянки, помещенной в нижнюю часть контура Бразилии, закручен влево на карте 1556 г. и вправо — на картах 1565 и 1606 годов.

- различия в орфографии топонимов и в степени сохранности экземпляров различных годов выпуска: сравнение карт 1556, 1565 и 1606 гг. из трех различных собраний показало, что кажущаяся на первый взгляд разница в написании топонимов связана со степенью сохранности листов, на которых воспроизведена карта, и с условиями оцифровки этого изображения. Так, в экземпляре 1556 г. из библиотеки Гейдельберга обращает на себя внимание отсутствие одной буквы в надписях *Mulloban(b)a prov.*, *Terra no(n) descoperta*, *Ponen(t)e*, *Leva(n)te* и др. Пропава-

нальной библиотеке Франции. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k131851r/f791.image>, дата обращения — 20.01.2014].

шие буквы приходится на сгиб листа, и в определённых случаях можно различить их отдельные элементы. Иными словами, их «исчезновение» связано с заломом бумажного листа. Одновременно с этим сравнение надписей во всех трех изданиях выявило разницу в обозначении еще не открытых земель: в издании 1556 г. фигурирует *terra non discoperta*, в то время как в изданиях 1565 и 1606 г. эта же надпись выглядит как *terra non descoperta*.

Три варианта карт Бразилии, содержащиеся в изданиях третьего тома «Плаваний и путешествий» 1556, 1565 и 1606 гг., являются черно-белыми. Однако существует и раскрашенный вариант: так, университету Сан-Паулу (Бразилия) принадлежит издание 1556 г., карта Бразилии в котором расцвечена разными красками поверх черных контуров, штриховок и надписей²⁰. Определить время этой раскраски сложно (гравированная часть относится к 1556 г., что показывает сравнение с экземпляром из библиотеки университета Гейдельберга). Тем не менее можно констатировать, что раскраска карты *не* следует достаточно распространенной традиции XVI в. изображать разным цветом растущие и уже срубленные деревья (о том, что означает это цветовое различие применительно именно к Бразилии, речь пойдет ниже).

Общее представление о территории Бразилии и географическая номенклатура

Сравнение текста «Речи известного французского морского капитана» и карты Гастальди позволяет выявить в способах представления территории Бразилии как сходство, так и различие. В частности, в тексте утверждается, что «оконечностями» Бразилии являются мыс Одиннадцати тысяч дев (ныне мыс Вирхинес, Аргентина; самая южная точка Южной Америки) и река Мараньян (один из притоков Амазонки). Длина побережья между ними, согласно «Речи...», складывается из отрезков между наиболее важными реперными точками (после мыса Одиннадцати тысяч дев таковыми признаются Рио-де-Ла-Плата, мыс

²⁰ Электронный ресурс [режим доступа: http://www.cartografiahistorica.usp.br/index.php?option=com_jumi&fileid=14&Itemid=99&idMapa=579, дата обращения — 20.01.2014].

Св. Автустина, мыс Св. Рока, залив Св. Луки, Западный мыс, р. Мараньян). Выше р. Мараньян, утверждает автор «Речи...», находятся острова и земли Вест-Индии, открытые испанцами²¹. При этом общая характеристика Бразилии относится только к побережью и не затрагивает внутренних районов.

В отличие от текста, карта Гастальди представляет Бразилию немного иначе. Во-первых, карта ориентирована не привычным образом, по оси север-юг, а по оси запад-восток (впрочем, подобное представление Бразилии на картах XVI в. не редкость²²). Таким образом, линия атлантического побережья «читается» слева направо. Здесь выявляется первое различие текста и карты: вместо мыса Одиннадцати тысяч дев «оконечностью» Бразилии становится Рио-де-Ла-Плата. В легенде, сопровождающей этот топоним, упоминается первооткрыватель Рио-де-Ла-Платы, Хуан Солис Диас (*solis f. rio de la plata*).

Вторым отличием карты от текста становится представление не одного лишь побережья, но и внутренних (впрочем, совершенно не изученных к тому времени) районов страны. На карте в этих местах изображены горные цепи, текущие в долинах реки с притоками, купы деревьев; единственные надписи гласят: *Mullobanba prov.* и «Еще не открытая земля». Несмотря на то, что изображение внутренних районов Бразилии кажется в значительной степени условным и выполненным по принципу «что там могло бы быть», одна деталь наделена важным смыслом. Речь идет об изображении извергающегося вулкана, по обе стороны от которого расположены озера; в них берут начало реки Рио-де-Ла-Плата²³ и Мараньян. Гастальди принимает таким об-

²¹ Discorso d'un gran capitano 1556: 426r.

²² См., в частности, карту Бразилии из атласа нормандского мореплавателя и картографа Гийома Ле Тестю: *Le Testu 1556 : XLV, XLVI (Côtes du Brésil; Océan Atlantique Sud entre l'Afrique occidentale et le Brésil)*. Цветные репродукции этих карт см. в следующем издании: Montaigne 2000:17.

²³ Рио-де-Ла-Плата в строгом смысле слова — это обширный эстуарий при слиянии рек Парана и Уругвай, однако в XVI в. залив, глубоко врезающийся в сушу, принимался за устье реки: по такому принципу появился топоним «Рио-де-Жанейро» (досл. — «Январская река»), обозначавший залив Гуанабара. Таким образом, об «источке» или «течении» Рио-де-Ла-Платы можно говорить лишь в том значении, которое использовалось географами XVI в.

разом участие в картографической дискуссии о том, берут ли две крупнейшие реки Южной Америки исток в одном месте — некоем озере в самом центре континента. Логическим развитием идеи общего истока двух рек является вывод об «островном» положении Бразилии, коль скоро она «отделена» от континента водной границей, пусть даже не морской, а речной. Уже в XVI в. некоторые картографы именно так и изображали Бразилию²⁴; в XVII же столетии идея островного положения Бразилии приобрела политическое звучание, так как ее увязывали с проблемой демаркации испанских и португальских владений в Южной Америке²⁵. Карта Гастальди свидетельствует, что ее автор не разделял положения об общем истоке двух великих рек и об островном положении Бразилии, хотя он и располагает оба озера, где берут начало реки, достаточно близко друг от друга. Заметим также в этой связи, что подобный выбор Гастальди в издании, инициированном Рамузио, опровергает предположение, что «Речь известного французского морского капитана» навеяна «Космографией» Жана Альфонса: дело в том, что Ж. Альфонс как раз поддерживал тезис об общем истоке Рио-де-Ла-Платы и Амазонки²⁶.

Обратившись к сравнению географической номенклатуры в тексте и на карте, отметим, что здесь сходства больше, чем различий. Все топонимы, фигурирующие в «Речи...», присутствуют и на карте (за исключением Магелланова пролива и мыса Одиннадцати тысяч дев); кроме того, на карте обозначены и другие, дополнительные топонимы. Большинство из них связано с мысами (они начинаются с аббревиатуры *C.* — от итал. *capo*, следующими по численности являются обозначения рек (они, соответственно, начинаются с *R.* — итал. *rio*).

²⁴ См., в частности: *Rotz J. Voke of Idrography* (1542). Фрагмент карты мира из этого атласа, где Бразилия представляет собой остров, воспроизведен в: *Montaigne 2000: 15*.

²⁵ Подробнее об идее островного положения Бразилии см.: *Corteseo 1965; Leca De Biaggi, Droulers 1991: 42–43; Martiniere 2007: 27*.

²⁶ В XVI в. было составлено стихотворное переложение тезисов Ж. Альфонса, в том числе рассуждения об общем истоке двух великих рек Южной Америки: *Mallart J. Dernier livre de la Description de tous les Portz de mer de lunivers avecques sommaire mention des conditions differentes des peuples et adresse pour le Rung des Ventsz propre a naviguer* (Amérique 1972: 149–150).

Один из двух топонимов, не сопровождающийся никакой аббревиатурой, заслуживает особого внимания. Это Пернамбуку (в итальянском тексте *Fernanbuch*, на карте — *Fernanbus*). Автор «Речи...» особо отмечает его как единственный укрепленный пункт, принадлежащий португальцам на побережье:

Вдоль этого побережья к западу португальцы не возвели никакого замка или крепости; лишь в месте, называемом Фернанбук, которое расположено за мысом Св. Августина, находится маленькая деревянная крепость с небольшим числом изгнанных из Португалии²⁷.

Интересно отметить, что легенда «Фернанбук» на карте не сопровождается никаким рисунком или значком, обозначающим поселение (обычно это стилизованная башня замка или собора). При этом похожий значок все же присутствует (чуть выше мыса Св. Франциска), но никак не поясняется ни в самой карте, ни в тексте.

В любом случае пример «Фернанбука» свидетельствует о том, что опубликованная в середине 1550-х гг. карта не отражает реалий данного периода в том, что касается развития городов Бразилии²⁸; в этом отношении карта следует за текстом, составленным десятилетием раньше, а он, в свою очередь, восходит к еще более раннему путешествию.

Все флаги в гости будут к нам?

Присутствие иностранцев и франко-португальское соперничество в Бразилии

Хорошо известно, что в эпоху Возрождения географическая карта выполняет множество функций, и не последней из них является роль политического и дипломатического инструмента²⁹. На картах появляются посвящения знатым сеньорам, флаги и гербы государств и отдельных могущественных родов. Карта Гастальди также содержит в себе отсылки к политическим реалиям. Анализ этого «политического измерения» будет неполным

²⁷ Discorso d'un gran capitano 1556: 426r.

²⁸ К середине 1550-х гг. на побережье Бразилии уже существовали такие поселения, как Сан-Висенти (1532), Порту-Сегуру (1535), Ильеус (1536), Сантус (1536), Салвадор (1549), Эшпириту-Санту (1551).

²⁹ Брос 1986: 43.

без сравнения с текстом «Речи известного французского морского капитана» — именно здесь проявляются особенности представления информации на двух уровнях, нарративном и иконографическом.

На первый взгляд, изображение Бразилии предстает у Гастальди «политически нейтральным»: в самом контуре страны не помещено никаких гербов или надписей, указывающих на принадлежность страны той или иной колониальной державе или на подданство первооткрывателей этих земель. Однако Бразилия Гастальди все же является объектом политического соперничества: оно сосредоточено на подступах к стране. Речь идет о гербах и флагах кораблей, которые направляются к Бразилии или покидают ее прибрежные воды.

Все изображенные на карте корабли разные. Из двух листов, которые занимает карта, подавляющее большинство судов сосредоточено в левой части (с. 427); справа изображено лишь одно судно. На двух кораблях отчетливо различаются французские королевские лилии, на трех других — португальский герб (для большей наглядности гербы могут располагаться на парусах; в случае с дрейфующим с убранными парусами судном герб находится на вымпеле на верхушке мачты). Интересно, что три португальских корабля окружают Бразилию со всех сторон (с юга, востока и севера), а французские суда по отношению к ним находятся снаружи. Вероятно, именно так картограф хотел проиллюстрировать тезис Криньона о том, что португальцы преграждают французам доступ в Бразилию.

В любом случае самую выгодную позицию на карте занимает именно французский корабль: он самый крупный, наиболее тщательно прорисованный, он расположен на переднем плане и помещен практически в центр водного пространства, окружающего Бразилию; его паруса широко раздуты, что создает впечатление быстрого движения. Этот корабль направляется к побережью.

Подобное выгодное положение французского судна по отношению ко всем прочим изображенным на карте кораблям прекрасно отражает иконографическими средствами мысль, которую Криньон развивает в тексте «Речи...», и которая порой приобретает силу памфлета в защиту французской торговли в

Бразилии³⁰; эта торговля весьма негативно рассматривалась португальцами. Известно, что французское присутствие в Бразилии в 1530-х – 1540-х гг. было достаточно значительным³¹, в том числе благодаря тому, что Португалия не могла обеспечить эффективный контроль всего атлантического побережья своей американской колонии. Лакуны и прорехи в цепи береговых постов позволяли французам продолжать посещать Бразилию для ведения меновой торговли с индейцами или для того, чтобы нападать на португальские суда, груженные местными товарами (оба эти занятия дополняли друг друга, так как любое торговое судно, уходившее в дальнее плавание, вооружалось артиллерией).

Португальцев преследовал страх, что французы перейдут от регулярных, но единовременных визитов к заселению (то есть колонизации) Бразилии, но для рассматриваемого периода — первой половины XVI в. — эти страхи во многом оставались беспочвенными: кроме слухов, сопровождавших экспедицию Джованни Верраццано, флорентийца на службе у французской короны, и эпизода, описанного бароном Сен-Бланкаром в связи с захватом португальцами его судна, прямых или косвенных сведений о намерениях французов устроить постоянные поселения в Бразилии нет.

Ситуация, в которой основное соперничество разворачивается не столько в самой Бразилии, сколько на подступах к ней (именно возможность доступа к новым землям определяет дальнейшую тактику сторон), как раз и отражена на карте Гастальди. Сопровождающий же карту текст Криньона дает представление об аргументах, которыми пользовались как французы, так и португальцы.

Криньон развивает идею о праве французов посещать Бразилию на нескольких уровнях. Первый из них относится к праву первооткрывателя и связан с легитимностью, основанной на приоритете того, кто первым ступил на новую землю. Здесь автор «Речи известного французского морского капитана» вынуж-

³⁰ Discorso d'un gran capitano 1556: 426v.

³¹ К примеру, согласно испанскому отчету, составленному в 1541 г., по меньшей мере 30 французских кораблей направлялись к Южной Америке, где главным центром притяжения для них было именно бразильское побережье (Mollat 1964: 67).

ден, образно говоря, бороться с португальцами на их собственной территории их же оружием. Так, Криньон протестует против такого положения вещей, при котором

...лишь только португальцы проплыли вдоль какого-нибудь берега, они им завладевают и рассматривают его как свое завоевание, причем завоевание легкое и малозатратное, так как оно не потребовало ни натиска, ни сопротивления³².

С другой стороны, полностью лишить португальцев лавров первооткрывателей Бразилии Криньон не может. Поэтому он стремится лишить португальцев *монополии* на звание первооткрывателей и заявляет о заслугах своих соотечественников, также участвовавших в открытии Бразилии:

Часть территории Бразилии была поначалу открыта португальцами, и [произошло это] примерно тридцать пять лет назад. Дени из Онфлёра открыл другую часть двадцать лет назад, и с тех пор много прочих французских кораблей приставали к этому берегу, не встретив там ни малейшего следа португальского владычества. Жители также являются полностью свободными и не признают ни королевской власти, ни законов; они больше любят французов³³.

Заявление Криньона о том, что французы тоже являются первооткрывателями если не всей, то по крайней мере части Бразилии — не единственный в своем роде пример. В конце 1520-х годов подобный аргумент выдвинули бретонские купцы, которые подверглись нападению португальцев в Бразилии³⁴. Не-

³² Discorso d'un gran capitano 1556: 426v.

³³ Discorso d'un gran capitano 1556: 426v.

³⁴ Relações das [cartas] patentes 1528: 104. Эпизод с захватом трех бретонских кораблей в Бразилии в 1527 г., вызвавший судебное разбирательство (во время которого и прозвучал тезис о том, что бретонцы были первооткрывателями части бразильского побережья), известен по португальским переводам не сохранившихся до наших дней французских документов. В XIX в. копии этих португальских переводов XVI в. из архива Торре-ду-Томбу (Лиссабон) были переданы Национальной библиотеке Франции.

В свою очередь, заявление бретонцев из местечка Сен-Поль де Леон о праве называться первооткрывателями части Бразилии не сразу было признано французскими историками как подлинный документ. В конце XIX в. о его существовании упомянул известный историк французского флота Ш.

сколькими десятилетиями позже анонимный автор «Речи нормандцев в защиту торговли в Индиях» с горечью заметит, что «именно упомянутые французы первыми открыли часть того, чем ныне владеют другие»³⁵. В 1582 г. протестантский историк Ланселот Вуазен де Ла Поплиньер внесет свою лепту в развитие этой идеи, выразив сожаление, что у нормандцев и бретонцев «не было помысла и благоразумия, [чтобы] оставить хотя бы одно открытое письменное свидетельство в подтверждение своих помыслов, не менее возвышенных и благородных, чем у других»; в результате же Португалия, превосходящая все прочие страны и народы в теории и практике морских открытий, присвоила себе «преимущество быть... безмятежным владельцем [Бразилии] посредством [плавания] Педралвереша³⁶ [Кабрала]»³⁷. Наконец, в XVII в. идею приоритета французов в деле открытия части бразильского побережья упоминали путешественник Франсуа Пирар де Лаваль, побывавший в Бразилии³⁸, и иезуит отец Жорж Фурнье, автор объемной «Гидрографии»³⁹.

Возвращаясь к аргументации Криньона и к представлению ее иконографическими средствами у Гастальди, заметим, что речь идет в большей степени об отстаивании права французов посещать Бразилию и торговать с местным населением, нежели чем о праве обустривать там постоянные поселения. Не случайно на карте Гастальди европейцы под своими флагами представлены за пределами страны (из этого правила, впрочем, есть одно

де Ла Ронсьер. Португальский историк А. Пиментел не нашел в документе по приведенной архивной ссылке никаких упоминаний о Бразилии и счел информацию Ла Ронсьера недостоверной (об этом см., в частности, Julien 1948: 17). Лишь несколькими годами спустя французский исследователь М. Молла разрешил недоразумение, связанное с ошибкой в шифре архивного документа; заявление бретонцев было таким образом «восстановлено в правах» (Mollat 1952: 256, n. 35). Эпизод с захватом кораблей в 1527 г. рассматривается также в следующей работе: Ramalhosa Guerreiro 1973.

³⁵ Discours des Normands s.d.: 565.

³⁶ Имеется в виду «Pedro Alvares» (Педру Алвареш), однако в оригинале у Ла Поплиньера это имя написано слитно.

³⁷ La Popelinier 1997: 379, 380.

³⁸ Puyard de Laval 1998: 809.

³⁹ Fournier 1667: 245 (первое издание — 1643 г.); см. Также: Vergé-Franceschi 1998: 36.

исключение, которого мы коснемся в следующем разделе). Криньон настаивает на том, что его соотечественники издавна торгуют с местными жителями, и это происходит в отсутствие любого следа португальского владычества над теми территориями, которые посещают французы. Таким образом, их присутствие в этих областях легитимно и в силу права первооткрывателя, и в силу принципа *uti possidetis*, то есть реального долговременного нахождения на определенном участке побережья.

Подобные аргументы необходимо рассматривать в контексте франко-португальских разногласий первой половины XVI в. относительно свободы морей. Португалия придерживалась принципа «закрытого моря» (*mare clausum*), стремясь сохранить свою монополию на морских путях; французская же сторона требовала свободы мореплавания для всех стран⁴⁰. В этих условиях право посещения Бразилии и торговли с местным населением становилось производным от права свободного мореплавания⁴¹.

Рассмотрим же, как на карте Гастальди и в тексте Криньона представлена та меновая торговля французов с индейцами, для обоснования которой требовалось столько аргументов.

Меновая торговля французов с индейцами

Гастальди следует традиции своего времени и заполняет контуры Бразилии жанровыми сценками: поскольку внутренние районы страны остаются пока неисследованными, расположение рисунков на их месте не только не вредит информативности карты (основные сведения, как правило, относятся к побережью, где легенды имеют приоритет над рисунками), но и, напротив, повышают ее, представляя в наглядном виде сведения о флоре, фауне и повседневных занятиях местных жителей (заметим

⁴⁰ См., например, преамбулу к одному из каперских свидетельств (грамоты, позволявшие захватить иностранный корабль в счет нанесенного ранее ущерба), выдававшихся королем Франциском I: «И не принимает во внимание этот король [Португалии], что [пострадавшие] были всего лишь бедными наёмниками, зарабатывающими себе на жизнь плаваниями в морях, которые принадлежат всем...», «[король Португалии] преследовал до смерти упомянутых нами подданных, стараясь этим лишить нас средств и свободы плавать по морю, общему для всех». — Извещение о выдаче каперских свидетельств жителям Нормандии, Бретани и Прованса, в кн.: Guénin 1901: 194–195.

⁴¹ Mollat 1982: 119.

в скобках, что сведения эти не обязательно отражают реальное положение вещей, но, скорее, фиксируют наиболее устойчивые представления о той или иной новооткрытой местности).

Индейцы на карте Гастальди охотятся, стреляют из лука, качаются в гамаках, отдыхают в тени деревьев, а также занимаются заготовкой древесины: рубят деревья, обтесывают стволы и переносят бревна. Речь идет о заготовке знаменитого красного дерева «пау бразил» (*Caesalpinia echinata Lam.*), которое европейцы рассматривали как основное природное богатство Бразилии (и по имени которого страна, как считается, и получила свое название). Древесина «пау бразил» служила для извлечения красителя, используемого в дальнейшем для окрашивания тканей в красные тона, а также для приготовления соответствующих красок и лаков; кроме того, эта древесина хорошо поддавалась полировке и использовалась в изготовлении мебели и предметов декоративно-прикладного искусства (в настоящее время из нее делают смычки для струнных инструментов).

В своем исходном виде дерево «пау бразил» ничем не выделяет своих замечательных красящих свойств; его ствол покрыт буровато-серой корой с шипами (от которых и пошло латинское название *echinata*), которую необходимо снять, чтобы обнажить древесину красного цвета. Иными словами, красное дерево не является красным, пока растет в лесу. Художники XVI в. иногда обыгрывали эту разницу и изображали растущие деревья коричневым цветом, а срубленные стволы — красным⁴². С другой стороны, красный цвет ствола мог становиться тем знаком, который сообщал зрителю, что речь идет именно о деревьях «пау бразил», а не об обычной растительности: так, в 1550 г., когда в Руане проходили торжественные церемонии по случаю въезда в город Генриха II, организаторы организовали целый «бра-

42 Примером подобного точного соответствия реалиям являются изображения на карте Бразилии из так называемого атласа Миллера (1519), а также карты Бразилии Жана Розе (Джона Ротца) 1542 г. и карты из атласа Никола Вайяра (1547).

Оцифрованный вариант атласа Миллера доступен на сайте Национальной библиотеки Франции (<http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb40887479k>); цветные репродукции карт Ж. Розе и Н. Вайяра приведены в: Montaigne 2000: 15, 38.

зильский спектакль», для которого служившие декорациями деревья были выкрашены в красный цвет⁴³. Как уже упоминалось выше, в раскрашенном варианте карты Гастальди из библиотеки университета Сан-Паулу подобные цветовые приемы не используются, и красный цвет как обозначение именно деревьев (или древесины) «пау бразил» не применяется.

Красное дерево было одним из основных товаров, которые европейцы выменивали у индейцев в XVI в. Работа по заготовке древесины, обработке стволов, перетаскиванию их к месту погрузки возлагалось на местное население; платой за нее служили металлические орудия труда (индейцы не знали железа), ткани, зеркальца, стеклянные бусы и т.п. Вот как весь процесс описывается в «Речи известного французского морского капитана»:

[Индейцы] выменивают ценное дерево на топоры, железные заступы и ножи. В некоторых областях жители вынуждены отправляться на заготовку дерева на обмен подчас за тридцать лиг...Все несут свои бревна до берега, где передают их французам в обмен на несколько топоров, заступов, ножей и металлических предметов⁴⁴.

На карте Гастальди сразу несколько групп персонажей изображены за такой работой. Двое индейцев в левой части (между легендами Рио-де-Ла-Плата и мыс Св. Франциска) и два персонажа в центре (один с топором, другой с подобием серпа) рубят деревья и / или обрубает сучья со стволов. Не менее четырех других персонажей переносят бревна на плечах; кроме того, на земле изображены как отдельно лежащие бревна, так и их груды. Чтобы оживить сценку, художник вводит дополнительных действующих лиц — птиц (по всей видимости, попугаев): они восседают на лежащем на земле бревне или балансируют на стволе, который один из персонажей несет на плече⁴⁵.

⁴³ C'est la déduction du sumptueux ordre 1551 ; [74]

⁴⁴ Discorso d'un gran capitano 1556: 426r.

⁴⁵ Схожий мотив — попугаи, сидящие на бревнах, которые индейцы перетаскивают к французскому кораблю, — присутствует на деревянном барельефе, украшавшем в XVI в. купеческий дом в Руане, а ныне хранящемся в музее: Rouen. Musée départemental des Antiquités. № 53. Bas-relief de bois sculpté dit de "Isle du Brésil" provenant de la façade du 17, rue Malpalu, à Rouen.

Французские авторы XVI – начала XVII в. отмечали неравноценность тех значительных усилий, которые тратились индейцами на заготовку дерева, и оплаты в виде дешевых европейских товаров. Пьер Криньон заявлял, что местное население «ценит гвоздь превыше экю»⁴⁶; Андре Теве полагал, что индейцы хотят лучше услужить французам, которых они «любят, обихаживают и почитают»; Ив д'Эврё восхвалял здравый смысл тех, кто предпочитает пользу простых орудий труда мишуре и блеску предметов роскоши⁴⁷.

Сравнивая карту Гастальди и текст «Речи известного французского морского капитана», можно убедиться, что Гастальди следует указаниям Криньона и довольно точно «переводит» нарративную информацию в иконографическую. Так, в центральной части карты те, кто заготавливают дерево, помещены во внутренние районы, в то время как персонажи, переносящие бревна, изображены на побережье. Они образуют целую группу: пять персонажей (мужчины, женщины, животные) либо движутся слева направо, либо смотрят вправо — туда, где стоят французские купцы. По контрасту с изображением обнаженных индейцев у этих действующих лиц особенно тщательно обозначены европейские камзолы, штаны до колен, пояс со шпагой, головные уборы и бороды.

Место на карте, где изображены французские купцы, выбрано не случайно. Присмотревшись, можно заметить, что индеец, который протягивает руку европейцам и купец, отвечающий на этот жест, находятся на участке побережья, которому соответствуют подписи *R. Real*, *R. de S. Francisco*, *C. de S. Augustin*. Именно эти топонимы отмечены в «Речи...» как места, чаще всего посещаемые французами:

Наиболее посещаемая французами и бретонцами часть [побережья] располагается между мысом Св. Августина и Порт-ом-Реал, расположенным на 12°; здесь также растет самое лучшее дерево [пау бразил], и к тому же в больших количествах⁴⁸.

⁴⁶ Discorso d'un gran capitano 1556: 426r.

⁴⁷ Evreux 1985: 83–84.

⁴⁸ Discorso d'un gran capitano 1556: 426r.

Интересно, что схожие указания приводятся и в изданиях второй половины XVI, а также и в XVII в. Например, на карте Америки из атласа “Theatrum orbis terrarum” А. Ортелия (первое издание — 1570 г.) можно обнаружить надпись *Porto Real ad quem Galli mercatum navigant*⁴⁹ («Порто-Реал, куда плавают французские купцы») на уровне рек *Rio de São Francisco, Rio Real et Rio de São Agostinho*. Упомянувшийся выше протестантский историк Ла Поплиньер указывал в 1582 г., что «французы, и особенно нормандцы и бретонцы, утверждают, что издавна торгуют с бразильскими дикарями в окрестностях реки Св. Франциска в месте, которое после того назвали Пор-Руаяль»⁵⁰. В 1643 г. практически то же повторяет иезуит отец Фурнье: «Нормандцы и бретонцы утверждают, что с давних лет торгуют на реке Св. Франциска, откуда привозят дерево, которое они называют “Brésil”⁵¹, пригодное для окрашивания»⁵².

Таким образом, «Речь известного французского морского капитана» и карта Гастальди становятся, в некотором роде, зачинателями традиции, которая продлится во второй половине XVI и в XVII веке.

Отметим также, что композиция карты Гастальди, при которой взгляд падает, в первую очередь, именно на французский корабль и именно на ту группу персонажей, которая занимается меновой торговлей, переключается со следующим пассажем Криньона:

Если бы [король Франциск I] захотел немного отпустить узду купцам своей страны, они бы завоевали бы ему торговлю и дружбу жителей этой новой земли в четыре года или пять лет, и все это — лишь любовью и без применения силы⁵³.

⁴⁹ Ortelius 1570: 2.

⁵⁰ La Popeliniere 1997: 379, 380. Пор-Руаяль и Порто-Реал в данном случае — различные транскрипции одного и того же топонима на разных романских языках.

⁵¹ Хотя во французском языке страна «Бразилия» и красное дерево обозначаются одинаково — *Brésil*, у Фурнье с одинаковой частотой встречаются и *Brésil*, и *Brasil* (как по отношению к стране, так и по отношению к древесине): Fournier 1667: 245, 252, 253, 254.

⁵² Fournier 1667: 245.

⁵³ Discorso d'un gran capitano 1556: 426r.

Дальнейшее рассуждение Криньона о том, что в эти пять лет французы сделали бы больше, чем португальцы за полвека, и бразильские индейцы тогда объявили бы португальцев своим смертельными врагами (что и является, по Криньону, основной причиной запрета французам посещать эти земли и вести торговлю), станет примером использования полемических приемов при сопоставлении португальской и французской политики в Бразилии первой половины XVI в. Примечательно, однако, грамматическое оформление этого высказывания с использованием условного придаточного (“se volesse [il Re Francesco], loro conquistariano [li Francesi] i traffichi e amicitie delle genti”), что подразумевает наличие условия (воли короля) для реализации описанной программы в настоящем или будущем.

Подобный оттенок модальности («если бы король захотел» — но захочет ли?) можно объяснить противоречивой политикой Франциска I по отношению к заморским плаваниям, когда подданным французской короны то разрешалось, то запрещалось отправляться в новые земли. На конец 1530-х гг. пришелся как раз период смены курса с запрета на разрешение подобных плаваний⁵⁴.

Иллюстрация рассматриваемого положения Криньона на карте Гастальди 1556 г. не стала анахронизмом, подобно рассказу о «Фернамбуке», так как франко-португальское соперничество в Бразилии продолжалось.

* * *

Сравнительный анализ сведений о Бразилии из «Речи известного французского морского капитана» и из сопровождающей ее карты Гастальди показывает, что сходства между ними больше, чем различий. На карте представлено больше топонимов, чем в тексте; кроме того, она показывает не только побережье, но и внутренние районы страны (при всей условности представлений о них), в то время как «Бразилия» Криньона в большей степени синонимична «Южной Америке» в целом и характеризуется, в первую очередь, как атлантическое побережье. Однако в других вопросах, таких, как изображение Пернам-

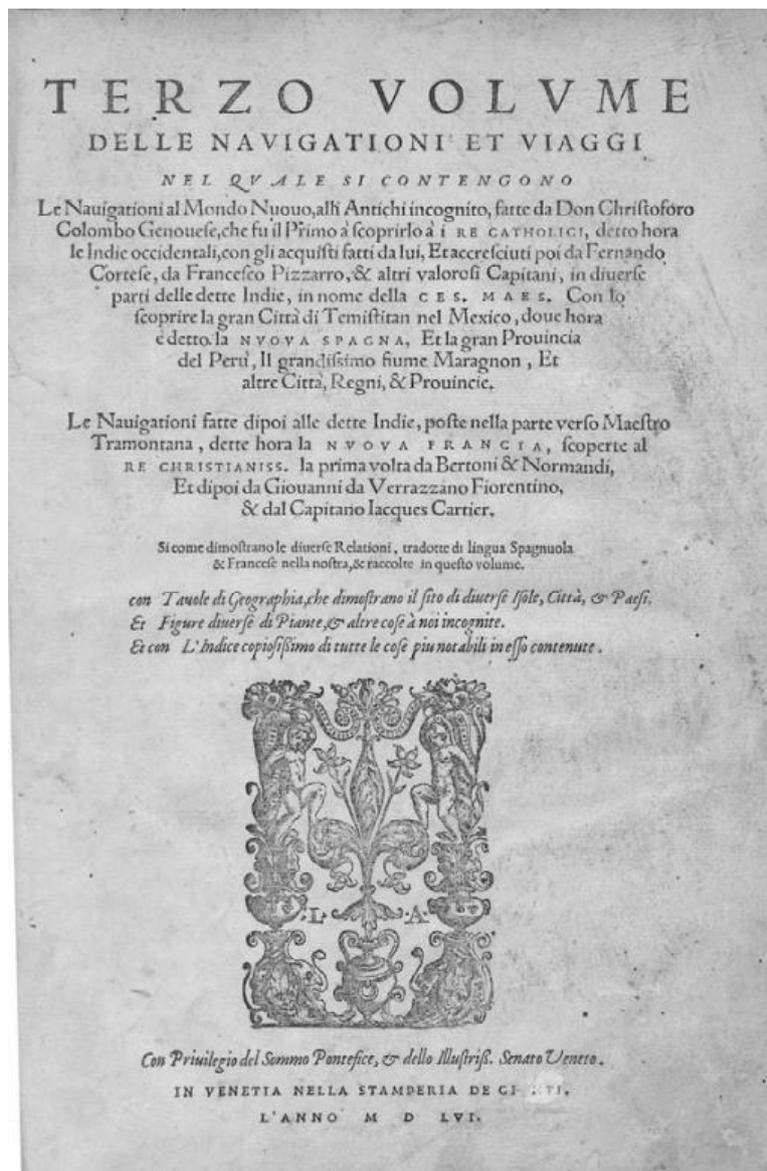
⁵⁴ Vergé-Franceschi 1998: 168.

буку в качестве единственного городского центра на побережье, Гастальди следует за Криньоном, хотя в 1556 г. (не говоря уже о последующих десятилетиях, когда переиздавался третий том «Плаваний и путешествий») информация 1539 г., опирающаяся на сведения 1529 г., уже изрядно устарела.

Пафос высказываний Криньона об успехах его соотечественников в торговле с бразильскими индейцами передан на карте с помощью соответствующих средств: французский корабль, направляющийся к берегам Бразилии, занимает привилегированное положение среди прочих судов; жанровые сценки заготовки и транспортировки «пау бразил» размещены в контурах страны там, где указано в тексте; французские купцы встречают своих индейских контрагентов в окрестностях тех мест, которые описаны в тексте как центры меновой торговли.

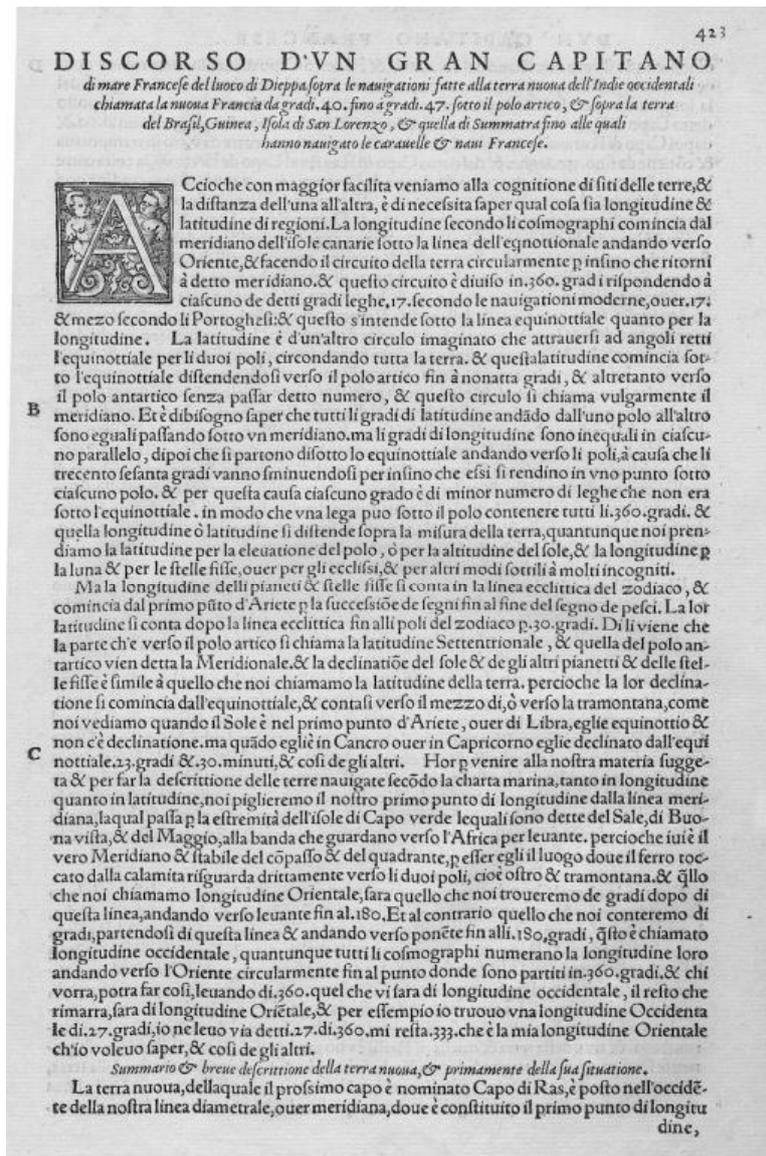
Принимая во внимание, что третий том «Плаваний и путешествий» несколько раз переиздавался, можно предположить связь между этим фактом и распространением определенного «французского взгляда на Бразилию». И хотя сложно утверждать со стопроцентной уверенностью, что Ла Поплиньер и отец Фурнье черпали информацию исключительно из «Речи известного французского морского капитана» (хотя существуют некоторые косвенные доказательства в пользу этого предположения⁵⁵), нельзя не признать сходства некоторых тезисов из их сочинений и «Речи...», опубликованной Рамузио и проиллюстрированной картой Гастальди.

⁵⁵ Так, например, в разделе, посвящённом испанской Америке, Ла Поплиньер ссылается на тех же авторов, которые фигурируют во введении к третьему тому «Плаваний и путешествий» Рамузио. Является ли это косвенным подтверждением знакомства с собранием Рамузио и, следовательно, с текстом Криньона? Сам Ла Поплиньер не указывает Рамузио в качестве цитируемого автора. См. комментарий А.-М. Больё в издании «Трёх миров» Ла Поплиньера: *La Popelinier* 197: 290.

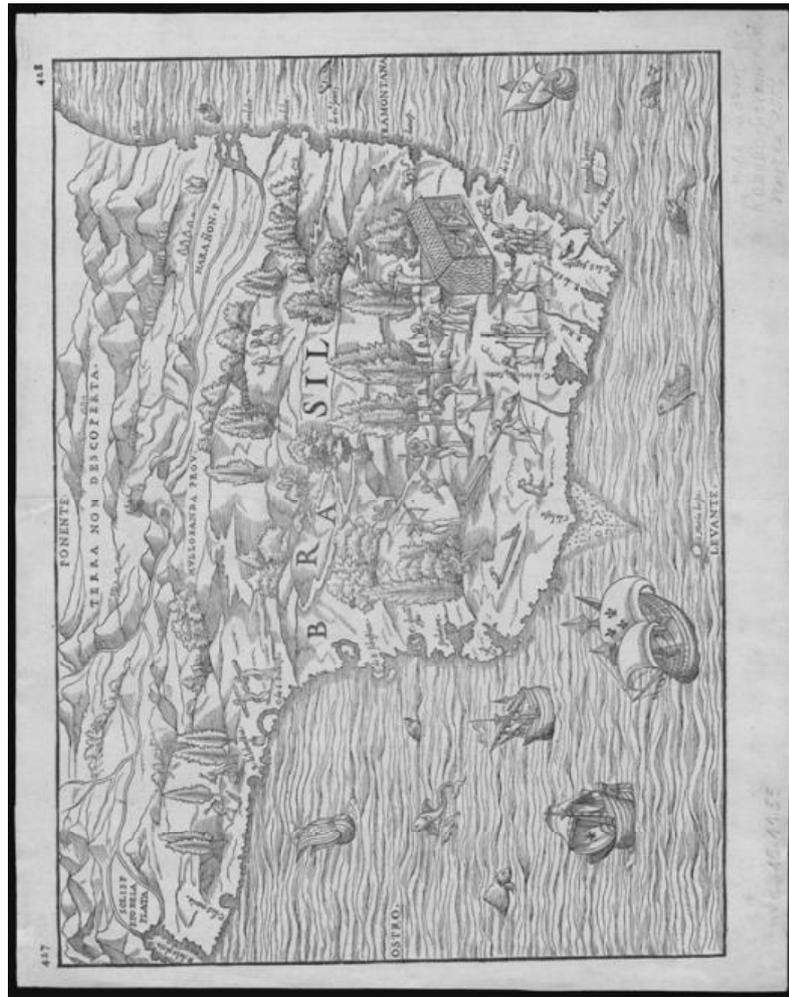
Илл. 1

Титульный лист третьего тома собрания географических текстов «О плаваниях и путешествиях» Д.Б. Рамузио (издание 1556 г.).

Илл. 2

Начало «Речи известного французского морского капитана из Дьеппа...», иллюстрацией к которой служат карты Д. Гастальди (издание 1556 г.).

Илл. 4. Карта Бразилии Д. Гастальди
(издание 1565 г., собрание Бразильской национальной библиотеки).

Илл. 5. Карта Бразилии Д. Гастальди
(издание 1606 г., собрание Национальной библиотеки Франции).

Илл. 7
Фрагмент карты 1565 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Amérique 1972 — *Amérique et les poètes français de la Renaissance* / Ed. par R. Le Moine. Ottawa, 1972.
- Broc 1986 — *Broc N. La géographie de la Renaissance*. Paris, 1986.
- C'est la déduction du sumptueux ordre 1551 — C'est la déduction du sumptueux ordre plaisantz spectacles et magnifiques théâtres dressés et exhibés par les citoyens de Rouen ville métropolitaine en pays de Normandie, A la sacré Maiesté du Treschristian Roy de France Henry second leur souverain Seigneur, Et à Tresillustre dame, ma Dame Katharine de Medicis, La Royne son espouze, lors de leur triumphant ioyeuls et nouvel advènement en icelle ville, qui fut es iours de Mercredi et ieudy premier et second iours d'octobre 1550... Rouen, chez Robert le Hoy, 1551.
- Corteseo 1965 — *Corteseo J. Historia do Brasil nos velhos mapas*. Rio de Janeiro, 1965. Vol. 1.
- Cosgrove 1992 — *Cosgrove D. Mapping New Worlds: Culture and Cartography in Sixteenth-Century Venice* // *Imago Mundi*. 1992. Vol. 44. P. 65–89.
- Discorso d'un gran capitano 1556 — *Discorso d'un gran capitano di mare francese del luco di Dieppa sopra le navigationi fatte alle Terra Nuova dell'Indie Occidentali, chiamata la Nuova Francia, da gradi 40 fino a gradi 47 sotto il Polo Arctico, & sopra la terra del Brasil, Guinea, Isola di San Lorenzo, & quelle di Sumatra, fino alle quali hano navigato le caravelle & navi francese* // Terzo Volume delle Navigationi et Viaggi, nel quale si contengono le Navigationi al Mondo Nuovo, à gli Antichi incognito, fatte da Christoforo Colombo Genovese, [...] & accresciuti poi da Fernando Corteze, da Francesco Pizarro, & altri valorosi Capitani, in diverse parti delle dette Indie, in nome di Carlo V imp [...], In Venetia nella stamperia de Giunti, l'anno MDLVI.
- Discours d'un grand capitaine de mer 1990 — *Discours d'un grand capitaine de mer français du lieu dit de Dieppe sur les navigations faites à la terre neuve des Indes Occidentales, nommé la Nouvelle France, [s'étendant] de 40° jusqu'à 47° sous le pôle arctique, et sur la terre du Brésil, de Guinée, de l'île Saint-Laurent et de celle de Sumatra, jusqu'ou ont navigué les caravelles et les navires français* // *Nothangle J. Pierre Crignon : poète et navigateur. Œuvres en prose et en vers, présentées et annotées par J. Nothangle*. Birmingham (Alabama), 1990. P. 95–113.

- Discours d'un grand navigateur 1832 — Discours d'un grand navigateur du port de Dieppe en France, sur les voyages faits aux terres nouvelles des Indes Occidentales, dans la partie appelée la Nouvelle France, depuis le 40° jusqu'au 47° degré, sous le pôle arctique, aux terres du Brésil, de la Guinée et aux îles de Saint Laurent et de Sumatra, jusqu'où sont parvenus les caravelles françaises // *Estancelin L.* Recherches sur les voyages et découvertes des navigateurs normands en Afrique, dans les Indes orientales et occidentales. Paris: édition de Gérard Monfort, 1832. P. 216–240.
- Discours des Normands s.d. — Discours des Normands pour le trafic aux Indes // *Anthiaume A.* Cartes marines. Constructions navales. Voyages et découvertes chez les Normands (1500–1650). Paris, 1916. Vol. 2.
- Estancelin 1832 — *Estancelin L.* Recherches sur les voyages et découvertes des navigateurs normands en Afrique, dans les Indes orientales et occidentales. Paris: édition de Gérard Monfort, 1832.
- Evreux 1985 — *Evreux Y. d'.* Suite de l'Histoire des choses plus mémorables advenues en l'île de Maragnan es années 1613 et 1614 // Voyage au nord du Brésil fait en 1613 et 1614 / Ed. par Y. d'Evreux, H. Clastres. Paris, 1985.
- Fournier 1667 — *Fournier G.* Hydrographie contenant la théorie et la pratique de toutes les parties de la navigation, composée par père Georges Fournier de la Compagnie de Jésus. Seconde édition, à Paris chez Jean Dupuis, MDCLXVII.
- Guénin 1901 — *Guénin E.* Ango et ses pilotes. D'après les documents inédits tirés des archives de France, de Portugal et d'Espagne. Paris, 1901.
- Hoffman 1963 — *Hoffman B. G.* Account of a Voyage Conducted in 1529 to the New World, Africa, Madagascar, and Sumatra, Translated from the Italian, with Notes and Comments // *Ethnohistory.* 1963. Vol. 10. No. 1. P. 1–79.
- Julien 1948 — *Julien Ch.-A.* Les débuts de l'expansion et de la colonisation française (XVe–XVIe siècles). Paris, 1948.
- La Popeliniere 1997 — *La Popeliniere.* Les trois mondes. Edition établie et annotée par A.-M. Beaulieu. Genève, 1997.
- Le Testu 1556 — *Le Testu G.* Cosmographie universelle selon les navigateurs, tant anciens que modernes, 1556 (Bibliothèque de Vincennes).
- Leca De Biaggi, Droulers 1991 — *Leca De Biaggi E., Droulers M.* Cartographie et formation territoriale // *Cahiers des Amériques latines.* 1991. No. 34. P. 39–59.

- Martinière 2007 — *Martinière G.* Le Brésil, terre d'enjeux de la colonisation européenne des temps modernes (XVIe – XVIIIe siècle) // Les aventures des Bretons au Brésil à l'époque coloniale / Dir. J.Y. Mérian. Rennes, 2007. P. 17–33.
- Mollat 1952 — *Mollat M.* Le commerce maritime normand à la fin du Moyen Age. Paris, 1952.
- Mollat 1964 — *Mollat M.* Premières relations entre la France et le Brésil : dès Verrazani à Villegaignon // Cahiers de l'Institut des Hautes Etudes de l'Amérique Latine. 1964. No. 6. P. 59–71.
- Mollat 1982 — *Mollat M., Haubert J.* Voyages et découvertes. Giovanni et Girolamo Verrazano navigateurs de François Ier. Dossiers de voyages établis et commentés par M. Mollat du Jourdin et J. Haubert. Paris, 1982.
- Montaigne 2000 — *Montaigne J.-M.* Le trafic du Brésil. Navigateurs Normands, Bois Rouge et Cannibales pendant la Renaissance. Rouen, 2000.
- Nothnagle 1988 — *Nothnagle J.* Two Early French Voyages to Sumatra // The Sixteenth Century Journal. 1988. Vol. 19. No. 1. P. 97–107.
- Nothnagle 1990 — *Nothnagle J.* Pierre Crignon: poète et navigateur. Œuvres en prose et en vers, présentées et annotées par J. Nothnagle. Birmingham (Alabama), 1990.
- Ortelius 1570 — *Ortelius A.* Theatrum orbis terrarum (1570). — ГМИИ им. А.С. Пушкина, Отдел графики, инв. № 1601.
- Parks 1955 — *Parks G.B.* Ramusio's Literary History // Studies in Philology [University of North Carolina Press]. 1955. Vol. 52. No. 2. P. 127–148.
- Parks 1967 — *Parks J.B.* The contents and sources of Ramusio's Navigazione. // *Ramusio G.B.* Navigazione et viaggi. Amsterdam, 1967–1970. Vol. 1. P. 1–39.
- Pyrard de Laval 1998 — [*Pyrard de Laval F.*] Voyage de Pyrrard de Laval aux Indes orientales (1601–1611), contenant sa navigation aux Maldives, Moluques, Brésil; les divers accidents, aventures et dangers qui lui sont arrivés en ce voyage, tant en allant et retournant, que pendant son séjour de dix ans en ces pays-là. Paris, 1998. Vol. 2.
- Ramalhosa Guerreiro 1973 — *Ramalhosa Guerreiro L.M.* La prise de trois navires bretons sur les côtes du Brésil en 1527 // La Bretagne, le Portugal, le Brésil : Echanges et rapports. Actes du Cinquantenaire de la création en Bretagne de l'enseignement du portugais. Paris, 1973. P. 103–111.

- Ramusio 1967–1970 — *Ramusio G.B. Navigazioni et viaggi.* Venice, 1563–1606. With an introd. by R.A. Skelton and an analysis of the contents by George B. Parks. Amsterdam, 1967–1970. 3 vol.
- Ramusio 1978 — *Ramusio G.B. Navigazioni et viaggi.* A cura di Marica Milanesi. Torino, 1978. 6 vols.
- Relações das [cartas] patentes 1528 — Relações das [cartas] patentes que mandou João da Silveira do a que veio o Rey d'armes [Helies Alesgle d'Angoulême], [1528?] // Bibliothèque nationale de France, Nouvelles Acq. Françaises, 9386, f. 104.
- Skelton 1967 — *Skelton R.A. Introduction // Ramusio G.B. Navigazioni et viaggi.* Amsterdam, 1967–1970. Vol. 1. P. I–XVI.
- Schefer 1883 — *Schefer Ch. Le discours de la navigation de Jean et Raoul Parmentier de Dieppe...* publié par M.Ch. Schefer. Paris, 1883.
- Vergé-Franceschi 1998 — *Vergé-Franceschi M. Chronique maritime de la France d'Ancien Régime.* Paris, 1998.

Е.Н. НАСЕДКИН

**РУКОПИСНЫЕ ЛЕСНЫЕ КАРТЫ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ XVIII ВЕКА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ
И ЛЕСНОГО ДЕЛА***

Аннотация: В России XVIII в. существовали специализированные карты, на которых указывались места произрастания леса, пригодного к строительству кораблей. В экспликациях на полях карт нередко помещались статистические данные о количестве, качестве и размерах деревьев. Несмотря на высокую информативность лесных карт, они остаются мало востребованными историками. Некоторые материалы лесных карт привлекались специалистами по лесоводству, которых интересовало сравнение экологической ситуации прошлого с нынешней. Вследствие этого оказались упущенными многие важнейшие источниковедческие аспекты изучения лесных карт и слабо отражен в научной литературе собственно исторический контекст их исследования. В статье прослеживается история возникновения комплекса лесных карт Среднего Поволжья 1765 г., вошедших в «Генеральный атлас лесов...» 1782 г.; рассматриваются перспективы дальнейшего исследования карт в ракурсе изучения истории землепользования, лесоохранной политики и порожденных ею социальных конфликтов.

Ключевые слова: корабельный лес, рукописные лесные карты, XVIII в., Среднее Поволжье, история землепользования.

Одним из важных источников по истории землепользования в России XVIII в. являются рукописные карты лесов, составлявшие-

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ «Природная среда и земельное освоение территории Европейской России в Раннее Новое время» № 12-06-33035.

ся в целях учета леса, пригодного к строительству кораблей. Система описания и охраны лесов, необходимых для нужд морского флота, началась с указа царя Петра I от 19 ноября 1703 г. Петр распорядился описать леса, удаленные от больших рек на расстояние до 50 верст и от малых, пригодных для сплава, на расстояние до 20 верст. В этих лесах запрещалось рубить дуб, клен, ильм, вяз, карагач, лиственницу и сосну «в 12 вершков в отрубе» (54 см) и толще¹.

Изначально управление лесами было поручено Морскому приказу (1700–1707), затем, в 1707 г., — Канцелярии военноморского флота. В 1722 г. был издан указ о создании специального ведомства — Вальдмейстерской канцелярии при Адмиралтействе. Вальдмейстеры выбирались из числа дворян и помещиков, живших по соседству с лесами, для того, чтобы они могли «иметь пропитание из своих деревень». Их помощники, лесные надзиратели, должны были получать в награду часть штрафов за незаконную вырубку².

В «Инструкции обер-вальдмейстеру» от 3 декабря 1723 г. «для особенного смотра и бережения лесов» было дано распоряжение «учинить ландкарты» заповедным лесам. В ландкартах должны были быть отмечены: «уезды, урочищи, реки и от них расстояние, и в чьих дачах, и к которым речным пристаням вывозкою быть способен, чтобы можно было впредь, на корабельные или другие [дела] употреблять»³. Таким образом, перед составителями карт была поставлена задача отобразить месторасположение адмиралтейских лесов и перспективы их сплава по рекам.

После смерти императора Петра I, в 1726 г., институт вальдмейстеров был упразднен, а охрана лесов передавалась в руки воевод, однако в 1732 г. должность вальдмейстера ввели снова. Другим известным мероприятием этого времени было приглашение иностранных специалистов-лесоводов, которые должны были описывать и благоустраивать леса, а также обучать этому русских учеников. В дальнейшем, с 1765 г., заповедные леса, которые получили название «корабельных», были переданы в Экспедицию генерал-интенданта при Адмиралтействе. В 1782 г. казенные корабельные леса передали в ведомство директоров экономии при

¹ ПСЗРИ 1830 (IV): 228 (№ 1950).

² ПСЗРИ 1830 (VII): 175–181 (№ 4379).

³ ПСЗРИ 1830 (VII): 175–181 (№ 4379).

Казенных палатах⁴. С 1798 г. леса были снова возвращены в ведение морского ведомства, ими стал заниматься Лесной департамент в составе Адмиралтейств-коллегии⁵.

Некоторая часть лесных карт XVIII в. сохранилась в собраниях российских архивов. Наиболее полным и репрезентативным памятником является «Генеральный атлас, сочиненной из имеющихся при адмиралтейской чертежной разных годов описей всякого рода лесам» 1782 г., из Эрмитажного собрания Отдела рукописей РНБ. Внутри самого атласа особо выделяется подборка планов корабельных рощ Среднего Поволжья⁶. Коллекция лесных карт находится в Отделе рукописей БАН⁷, карты имеются также в составе различных фондов РГАДА⁸.

В картах достаточно часто содержится информация не только о дислокации заповедных лесов, но и о количестве и размерах произрастающих в них деревьев разных пород. Эти сведения давались в экспликациях на полях. Например, подобными ведомостями снабжена большая часть карт, вошедших в Генеральный атлас лесов 1782 года⁹.

Наличие данных статистического характера о количестве деревьев является значительным отличием адмиралтейских ландкарт от материалов межевания, начатого в период правления императрицы Елизаветы Петровны (1741–1762) и продолженного в большем масштабе во времена императрицы Екатерины II (1762–1796). На межевых планах отмечались границы лесов¹⁰, в Экономических примечаниях также указывались породы деревьев, но количество деревьев никогда не подсчитывалось.

Несмотря на высокую информативность лесных карт, они остаются мало востребованными историками. При этом нельзя сказать, что о них ничего не сообщается в научной литературе.

⁴ Булгаков, Ялбулганов 1997: 24–30.

⁵ Истомина 1995: 34–51.

⁶ ОР РНБ. Эрм. собр. Д. 610. Планы № 34–43.

⁷ РО БАН. Собран. карт. Оп. осн. Д. 423, 424, 496, 497, 577.

⁸ Например: РГАДА Ф. 192. Оп. 1. Казанская губерния. № 2; Ф. 248. Оп. 160. Д. 544. План № 58, Д. 1673. План № 6747.

⁹ ОР РНБ. Эрм. собр. Д. 610. Планы № 34–43.

¹⁰ Во время Генерального межевания описывались все леса, хотя и отмечалось, корабельный лес или дровяной. Адмиралтейские описания и карты были сконцентрированы именно на участках заповедных лесов.

В работах по истории лесного законодательства и лесного хозяйства в России проанализированы основные указы, инициировавшие разработку лесных карт. Очерки об истории возникновения этого вида карт есть в работах географов М.А. Цветкова¹¹ и А.Э. Каримова¹². Не обходят стороной лесные карты и авторы диссертаций, посвященных обобщающим исследованиям российского картографирования и источниковедению карт¹³. Однако статей, направленных на специальное изучение конкретных планов лесов и истории их создания, немного¹⁴.

Генеральный атлас лесов был кратко описан в 1949 г.¹⁵. Упоминания об атласе имеются в отдельных книгах по исторической географии и справочной литературе¹⁶; некоторые данные, взятые из него, использовались учеными-лесоводами¹⁷.

История лесной отрасли изначально привлекала внимание не столько историков, сколько специалистов естественных дисциплин. Как пишет Э.Г. Истомина, «конкретная история лесного хозяйства XVIII – начала XX в. нашла отражение главным образом в трудах не историков, а дореволюционных специалистов лесного дела — практиков, ученых-юристов, чьи работы были подчинены интересам решения острых моментов современного им “лесного вопроса”»¹⁸. При этом, несмотря на сугубо практическую направленность этих исследований, ученые XIX – начала XX в. тщательно изучали лесоохранное законодательство XVIII в. В советский период вышла фундаментальная обобщающая работа эконом-географа и лесовода М.А. Цветкова по истории лесного хозяйства¹⁹.

Современные лесоводы также касаются проблем истории лесного хозяйства²⁰, но главным образом их интересует сравнение

¹¹ Цветков 1950: 65–70.

¹² Каримов 2007: 66.

¹³ Сотникова 1990: 309–310.

¹⁴ В.С. Кусов описал и датировал «Чертеж досматривания лесов» 1700 г. Н.П. Воскобойникова изучала, как происходило описание и картографирование известного воронежского «Шипова леса» в 1767–1770 гг. См.: Воскобойникова 2005: 34–48.; Кусов 1976: 115–120.

¹⁵ Лебедев, Потулов 1949: 108–109.

¹⁶ Никулин 1997: 90–91; Постников 1989.

¹⁷ Редько 1997: 7–9; Смирнов 2005: 60–68.

¹⁸ Истомина 1995: 34–51.

¹⁹ Цветков 1950.

²⁰ Редько, Бабич:1993.

экологической ситуации прошлого с нынешней, и основным объектом их изучения является, в первую очередь, состояние лесных массивов на настоящий момент. Однако вне естественнонаучного подхода оказываются важнейшие источниковедческие аспекты, собственно исторический контекст исследования остается неясен.

Например, специалист по лесоводству и историк леса Г.И. Редько на основании статистических данных из Генерального атласа лесов 1782 г. подсчитывал количество и исследовал качество дубов в адмиралтейских лесах, произраставших по южному берегу Волги от Свияжска до Козьмодемьянска²¹. При подсчетах он пользовался цифрами, приведенными в экспликациях к картам, однако не учитывал, в какой мере приблизительны сведения из источника, насколько адекватно лесная статистика XVIII в. отражала современную ей реальность. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо реконструировать историю возникновения комплекса карт и планов корабельных лесов Среднего Поволжья, вошедших в атлас.

Стоит отметить, что в последнее время вышел ряд статей профессиональных историков, посвященных некоторым аспектам лесного хозяйства. Внутренние противоречия лесоохранной политики XVIII в. были проанализированы Э.Г. Истоминой²². История освоения лесов такого важного региона заготовки строевого леса, как Среднее Поволжье, частично получила освещение в работах, посвященных Казанскому адмиралтейству, которое ведало корабельными рощами²³, а также в исследованиях правового положения местного населения, приписанного к работам в этих рощах²⁴. Такая специфическая тема, как транспортировка и хранение срубленных корабельных деревьев, оказалась предметом изучения Г.А. Гребеншиковой²⁵. Д.А. Быков обратился к конфликтам, возникавшим вокруг леса между помещиком и крепостным крестьянином²⁶.

Наличие этих работ говорит о существовании определенного интереса к истории лесопользования, однако систематическое изучение этого вопроса не предпринималось, и исследований, проведенных историками, остается крайне мало.

²¹ Редько 1997: 7–9.

²² Истомина 1995.

²³ Долгова 2004: 69–73; Мансурова 2010.

²⁴ Ногманов 2005.

²⁵ Гребеншикова 2007.

²⁶ Быков 2009.

Есть и другая причина, почему лесные карты остаются недостаточно задействованными историками. Несмотря на существование фундаментальных работ по истории картографии XVIII века, таких как труды С.Е. Феля, А.В. Постникова и В.С. Кусова²⁷, любой историк, пытающийся соотнести изображение старинных планов и чертежей с современными картами и реконструировать географическое пространство прошлого, столкнется с тем, что эти проблемы ему придется решать индивидуально, в зависимости от особенностей документа. Со времен петровских преобразований облик карт приобретал все более и более «академический» вид, но внешнее впечатление обманчиво: при ближайшем знакомстве с картой выясняется наличие в ней огромного количества искажений. Впрочем, исследователям удается справиться с подобными трудностями. Например, А.А. Фролов и Н.В. Пиотух успешно использовали межевые планы и Экономические примечания для локализации населенных пунктов, известных по писцовым книгам XV века²⁸.

Сложности интерпретации картографического материала не исчерпываются «техническими» проблемами. Сама по себе отдельно взятая карта XVIII в. — источник сравнительно незначительной информативности. Конечно, можно подробно описать карту или использовать ее как иллюстративный материал, но для полноценной исследовательской работы одного этого может оказаться мало. Карту необходимо ввести в некий более широкий исторический контекст. Так, например, речные карты XVIII в., рассмотренные Э.Г. Истоминой в широком социально-экономическом контексте, сделали их ценным источником по условиям эксплуатации гидрографической системы и ее роли в экономической жизни страны²⁹. Новый ракурс также может расширить область применения карты. Например, в недавней работе В. Кивельсон, выполненной в русле современных взглядов на природу карт, чертежи XVII в. предстают как источник по изучению представлений современников о географическом пространстве³⁰.

Существующая литература по истории лесного дела сама подсказывает возможное контекстуальное поле, в котором могут

²⁷ Постников 1989; Постников 1996; Кусов 2003; Кусов 2009; Фель 1960.

²⁸ Фролов, Пиотух 2008.

²⁹ Истомина 1982.

³⁰ Кивельсон 2012.

быть использованы лесные карты. Практически все исследователи, затрагивавшие тематику лесного права, описывают заповедные леса как точку пересечения интересов государства, озабоченного пополнением стратегических древесных ресурсов для флота, и крестьянством, которому ограничивался доступ в жизненно важные для него леса. Вторая проблема, которой также касается каждый исследователь, — это проблема антропогенного влияния, то есть уничтожения ценных лесов вследствие их эксплуатации государством и незаконной вырубке крестьянством³¹. Особенно остро этот вопрос встал после указа от 22 сентября 1782 г., когда надзор за пригодными корабельными лесами, находившимися в частных владениях, был снят. Могут ли лесные карты прояснить, как менялся лесной ландшафт во времени? Для ответа на этот вопрос необходимо провести первичный источниковедческий анализ хотя бы некоторых из них.

Для этого необходимо, в первую очередь, подробно описать карту и прокомментировать экспликации на полях, затем изучить историю возникновения памятника и выяснить, каким образом производилась съемка местности и собиралась сопровождающая карты статистическая информация. Это поможет адекватно оценить степень точности картографического и статистического материала карт. Кроме того, подобное исследование введет нас в исторический контекст, в котором существовала карта, что, в свою очередь, откроет перспективы дальнейшего изучения.

* * *

Обратимся к материалам из Генерального атласа 1782 г.³² и некоторым другим лесным картам. В Атласе собраны 52 адмиралтейские рукописные карты лесов. Карты охватывают следующую территорию: от Архангельской губернии на севере до Белгородской и Воронежской губерний на юге; от западных границ Российской империи до Поволжья и Урала на востоке. Протографы вошедших в атлас карт были составлены в 1732–1782 гг. Хотя масштаб колеблется в промежутке от 150 саженей до 20 верст в дюйме, в атласе преобладают мелкомасштабные карты. На картах

³¹ См., например: Быков 2009; Истомина 1995: 34–51; Цветков 1950; Ногманов 2005; Шелгунов 1857.

³² ОР РНБ. Эрм. собр. Д. 610.

нанесены реки, озера, населенные пункты (города, села и т.д.), границы уездов.

На каждой из карт обозначено местонахождение лесов, годных для кораблестроения. На месте расположения корабельной рощи стоит номер. По этому номеру можно найти статистические сведения о данной роще, приводимые в ведомости, имеющейся в экспликации на полях карты. В большей части ведомостей указывается месторасположение земельной дачи, в которой находится корабельная роща, виды деревьев, их количество и их размеры.

Расположение дач обычно указывалось относительно рек, озер и населенных пунктов. Привязка к рекам понятна: согласно указам и инструкциям, леса описывались в первую очередь вблизи рек, так как именно по ним этот лес сплавлялся. Однако в некоторых ведомостях дается лишь название села и имя его владельца, а водные пути не упоминаются. Создатели ведомостей чаще всего выделяли сосновые и еловые леса. Сведения о дубовых лесах появляются в экспликациях к планам, начиная с Тверской губернии, далее к картам юго-восточных территорий. Особо выделяются такие регионы произрастания дубовых лесов, как Воронежская и Нижегородская губернии, Среднее Поволжье. Упоминания кленов, ильмов, вязов встречаются гораздо реже. В некоторых ведомостях лес просто делится на «лиственный» и «сосновый».

Количество подсчитанных деревьев в заповедном лесу может колебаться от десятка до нескольких сотен тысяч. Здесь необходимо отметить, что описывались только участки, где росли годные для корабельного дела деревья, окружавший лес никак не фиксировался. На некоторых картах указывались лишь территории, где рос «годный» и «не годный» лес, никаких других сведений не приводилось. Практически на всех картах сообщаются высота и толщина деревьев «в отрубе».

Приведем пример более или менее стандартной строки из ведомости (см. Табл. на с. 310).

Статистическая информация о лесах присутствует в атласе не только на полях карт. На первых листах атласа представлена сводная ведомость о количестве годных адмиралтейских лесов³³, в которой сведены и обобщены данные атласа.

³³ ОР РНБ. Эрм. собр. Д. 610. Л. 1–4.

№ леса на карте	Расположение	Длина ствола (саж.)	Толщина ствола (дюймы)	Соснового (шт)	Елового (шт)
24	В дачах коронных крестьян озера Корбоселка, Карелин, Мандуас и выходящих из оных рекам, деревни Корбоселка, Чопи и Кокар.	От 3 до 5	От 11 до 15	418950	
		3–5	11–13		133000

В энциклопедических статьях, посвященных атласу, указывается, что контуров заповедных лесов на картах атласа не отмечено³⁴. В действительности это не совсем так. На многих ландкартах корабельные леса или лесные массивы, внутри которых они находились, изображены в виде плотно расположенных друг к другу деревьев — эти рисунки имеют отчетливые края. Более того, иногда можно встретить следы прорисовывания абриса вокруг рисунка, обозначающего лес. Такие карандашные абрисы возникли при перерисовывании карт с их протографов. Внимательное отношение составителей атласа к такой детали, как граница лесных угодий, свидетельствует о ее значимости.

Вопрос о том, насколько контуры лесов и количественные данные о деревьях соответствуют действительности, сложен. Карты атласа создавались в разные годы и в разном масштабе. Поэтому необходимо исследовать историю создания каждой из карт в отдельности.

В предлагаемой статье мы остановимся на лесных картах и планах Среднего Поволжья, относящихся к 1765 г.³⁵. Данный комплекс отличается особой подробностью и информативностью. Открывает его большая карта (ее масштаб: 10 верст в дюйме), на которой отображена территория на стыке между Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерниями в бассейне рек Суры и Волги. Она включает несколько уездов Нижегородской губернии (восточную часть Арзамасского у., Алатырский у., Курмышский у., Ядринский у.) и Казанской губернии — Козьмодемьян-

³⁴ Никулин 1997: 90–91.

³⁵ ОР РНБ. Эрм. собр. Д. 610. Планы № 34–43.

ский у., Чебоксарский у., Цивильский у., Кокшайский у. (часть его на южном берегу Волги), Свияжский у., Саранский у., Пензенский у., Симбирский у., Петрушенский у. (г. Петровск)³⁶.

Данный регион давно привлекал к себе внимание государства большими запасами ценного в корабельном деле дуба. Если вырубка лесов на корабельные нужды началась в нем с 1710-х гг., то первая тематическая лесная карта датируется 1700 г. Чертеж охватывает площадь от Нижнего Новгорода до Казани, по своему исполнению он довольно приблизителен, выполнен в стилистике XVII века³⁷.

Контроль за лесами и организация лесозаготовок в этом регионе были поручены Казанскому адмиралтейству, образованному в 1718 г.³⁸. Большая работа по картографированию лесов Среднего Поволжья и Нижегородской губернии была проделана в начале 1730-х гг. Среди ландкарт, присланных в Сенат в 1733 г., числятся следующие карты и чертежи:

- «Подчищенных дубовых лесов в Свияжском, в Кокшайском, Кузьмодемьянском, в Чебоксарском уездах. <...>;
- Казанского уезду Алацкой Галецкой дороги и Уржумскаго да Свияжской правинции городов, Какшайского, Цареваксанчуйского, Еранского, и часть Кузьмодемьянского и Галицко-го уездов дубовым и сосновым лесам;
- Синбирской правинции, Самарского и Петровского и часть Казанского и прочих уездов дубовым и сосновым лесам;
- Свияжской правинции городов, карабельным и всяким лесам;
- Арзамаской правинции городов, карабельным и всяким лесам;
- Алатурской правинции городов, карабельным и всяким лесам;
- Часть Нижегородского уезду карабельным лесам;
- Ландкарты Казанской и Нижегородской губерний и Синбирской провинции дубовым и прочим карабельным лесам;
- Нижегородского и Балахонского уездам лесам и при каких местах обретаются»³⁹.

³⁶ ОР РНБ. Эрм. собр. Д. 610. План № 34.

³⁷ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Казанская губерния № 2.

³⁸ ПСЗРИ 1830 (V): 15–16 (№ 2647); Ногманов 2005: 133.

³⁹ РГАДА. Ф. 17. Д. 55. Л. 24 об.–25.

По всей видимости, некоторые из перечисленных карт сохранились. В Генеральный атлас 1782 г. вошла карта дубовых лесов Казанской губернии севернее Волги: Казанского, Кокшайского, Царевкокшайского и Царевоксанчурского уездов, датированная в самом атласе 1733 г. На ней отмечены месторасположение дубрав и степень их годности⁴⁰. Однако в атлас вошла лишь копия с этой карты, оригиналы лесных карт Нижегородской губернии (Нижегородского и Арзамасского уездов), относящиеся к первой половине XVIII в., хранятся в Отделе рукописей БАН. На ландкарты нанесены основные реки, населенные пункты, дороги, уже имеется определенный математический аппарат. В них очерчены контуры крупных лесных массивов и подписаны корабельные дубовые и сосновые леса. Статистических данных в этих картах нет.

Самой ранней (после «Чертежа досмотра лесов» 1700 г.) обнаруженной картой, отображающей территории Казанской губернии к югу от Волги, является план нескольких заповедных лесов. На плане довольно схематично нанесены контуры дубрав, произраставших по берегам Волги в Чебоксарском уезде в 1730-е гг. Эти дубравы были подчищены и обработаны немецкими специалистами Иоганном Фалентином и Мелигером Зелнгером. В экспликациях указаны длина и ширина рощ и расстояние, отделяющее их от Волги⁴¹. После окончания работ немецкими лесными знатоками-форштмейстерами «смотрение» за лесами было передано в руки российских форштмейстеров и вальдмейстеров.

В 1763 г. в Среднее Поволжье и Казанскую губернию для осмотра и описания дубовых лесов была направлена комиссия подполковника Александра Свечина. Свечин получил следующую инструкцию от Сената. В первую очередь, Сенат интересовало, как исполняются указы о разведении лесов, как леса подчищаются и сажаются. Затем от Свечина требовалось узнать: «есть ли где вновь для посева лесов способные места и сколько примером посеяно и размножено быть может и какими людьми? Учinia весь тот осмотр и описи, в каком числе помянутые леса в которых местах состоят, хотя б примером каждому месту сделать карты с показанные расстояния от рек»⁴².

⁴⁰ ОР РНБ. Эрм. собр. Д. 610. План № 33.

⁴¹ РГАДА. Ф. 248. Оп 160. Д. 544. План № 58.

⁴² РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 47.

Кроме описания корабельных лесов Свечину было поручено собрать сведения о населенных пунктах, которые будут попадаться на пути, узнать о проблемах и притеснениях местного населения. Работа экспедиции растянулась на несколько лет и была завершена в 1766 г. Комиссия Свечина не ограничилась только лишь исследованиями лесов и формальными отчетами. Он изучил исторические факты о посещенных им местах и даже запечатлел с помощью камеры-обскуры виды многих провинциальных российских городов⁴³. Именно Свечиным вместе с его подчиненным геодезистом капитаном Кушинковым и была составлена карта поволжских дубовых лесов 1765 г., список с которой позже вошел в Генеральный атлас лесов 1782 года.

Как же отразил на ней казанские леса подполковник Свечин? При первом взгляде на карту бросаются в глаза крупные лесные массивы, обозначенные зеленым цветом. Заповедные территории находились внутри этих больших лесов. Из изучения рисунка карты остается неясно, в каких случаях границы адмиралтейских участков совпадали с контурами больших лесов; однако в экспликации на полях даются длины окружностей участков — это существенным образом выделяет ведомость Поволжских лесов из всех остальных экспликаций, вошедших в атлас. Всего составители карты отметили 335 мест произрастания годных к корабельному делу деревьев. В подавляющем большинстве случаев это места произрастания дуба, хотя также встречаются упоминания и о сосновых борах. В сводной ведомости также имеются сведения о таких «неадмиралтейских» сортах деревьев, как береза, ива, липа. В общем списке отмечены даже два места, где рос «негодный дуб»⁴⁴. Согласно «Инструкции вальдмейстерам» 1723 г., для строительства кораблей не подходили деревья, усохшие до половины или с самых корней, поломанные ветром, а также те древесные стволы, которые «зяблины» имеют и впредь годными быть не могут» (то есть поврежденные морозом)⁴⁵.

⁴³ Материалы экспедиции Свечина см. также в: Архив РАН в СПб. Ф. 3. Оп. 10. Д. 140. О Свечине см.: Гнучева 1940: 93–95; Зерцалов 1896; Гуркин 2000: 145–154. Гуркин 2005: 133–153.

⁴⁴ ОР РНБ. Эрм. собр. Д. 610. План. № 34.

⁴⁵ ПСЗРИ 1830 (VII): 175 (№ 4379).

В ведомости, представленной в экспликации, заповедные территории были разделены на «рощи» и «дикие леса». В данном конкретном случае «рощами» назывались места произрастания обработанного человеком леса, значение термина «дикий лес» особых пояснений не требует. Обработка адмиралтейских дубовых рощ заключалась в их подчистке, выращивании новых лесов из саженцев или пересадке взрослых деревьев. Всего, согласно ведомости, было подчищено 34 дубовые рощи и две выращены из желудей и пересаженных деревьев. Эти рощи располагались на южном берегу Волги в Свияжском, Кокшайском, Козьмодемьянском и Чебоксарском уездах.

По каждой обработанной роще указываются: длина ее окружности, расстояние от нее до крупной реки, количество годных дубов, дубов с трещинами, «совсем посохших». Данных о средней высоте и толщине деревьев нет. Кроме того, даются подсчеты «неклеяемых пней». Здесь надо сделать пояснение, что после первых петровских, почти тотальных, запретов на рубку в заповедных лесах некоторые небольшие исключения все-таки были сделаны, и — по «Инструкции вальдмейстеру» — позволялось использовать на мелкие «домовые нужды», производство мебели, телег и пр. из числа заповедных деревьев негодные и мелкие. Деревья под рубку должны были специально выбираться вальдмейстерами и клеймиться у самых корней, чтобы потом можно было отделить следы законной рубки от незаконной⁴⁶.

Подсчеты неклеяемых пней, представленные в ведомости, могут служить источником сведений о том, как происходила незаконная вырубка дубовых рощ. Отметим, что кроме дубовых неклеяемых пней в ведомости фигурируют вязовые пни, а вот растущих вязов в рощах вдоль Волги не наблюдалось. Об участках нетронутых, «диких» лесах в экспликации к карте сообщается лишь длина их окружности, расстояние до крупной реки.

Вслед за основной обобщающей картой лесов Среднего Поволжья идут подробные планы 36 дубовых рощ и примыкавших к ним 29 диких лесов. Масштаб планов составляет одну версту в дюйме. Подобного такого же комплекса чертежей к другим картам атласа не прилагалось. При работе с материалами планов необходимо учитывать, что нумерация участков в экспликации

⁴⁶ ПСЗРИ 1830 (VII): 175 (№ 4379).

к главной карте не совпадает с нумерацией роц и лесов на планах, хотя речь будет идти об одном и том же месте. Например, роща № 1 и дикий лес № 2 (по экспликации к главной карте) объединены на плане как роща № 1⁴⁷.

На планах изображены границы лесных массивов, находящихся внутри них подчищенных роц и необработанных «диких лесов», большие и малые реки, дороги, овраги, лесные поляны, окружающие деревни, места бывших вырубок, пашни. В экспликациях к планам представлены подробные ведомости, значительно дополняющие данные обобщающей карты лесов Среднего Поволжья.

Кроме длины окружности рощи или дикого леса в экспликациях к планам подсчитана их площадь. Также указывается площадь дорог, оврагов, сенокосных и распаханых полей внутри заповедной территории. В планах даются не только сведения о количестве годных деревьев, но указывается и число негодных, потрескавшихся и засохших дубов. Представлены также сведения о нетронутых лесах. Правда, отмечается, что дубы подсчитывались по пропорции: одно дерево на четыре сажени; эта формула содержалась в инструкции из Адмиралтейств коллегии от 7 сентября 1738 года⁴⁸.

Обязательно указывается тип почвы, на котором стоял корабельный лес. В экспликациях к планам сообщалось о форштмейстере, в чьем ведомстве состояла роща, когда последний раз в ней проводилась подчистка, сколько надо человек и какое время потребуется для новой подчистки рощи. Особое внимание заслуживают планы двух искусственно выращенных дубрав, в пояснениях к этим чертежам показано соотношение между изначальным количеством посаженных в 1730-е гг. желудей и количеством дубов к 1765 году⁴⁹.

Итоговые результаты обследования лесов Среднего Поволжья были следующие:

В «диких лесах»:

- дубов годных (рассчитано по пропорции) — 638123;
- впредь годных дубов (рассчитано по пропорции) — 1416435;

⁴⁷ ОР РНБ. Эрм. собр. Д. 610. План. № 34–35.

⁴⁸ ОР РНБ. Эрм. собр. Д. 610. План № 34.

⁴⁹ ОР РНБ. Эрм. собр. Д. 610. План № 43.

- мачтовых сосен — 1549;
- молодых сосен — 10;
- кленов — 300.

В подчищенных и посеянных рощах:

- дубов годных — 1716543;
- дубов с трещинами — 87319;
- между подчищенными участками дубов (рассчитано по пропорции) — 7581724.

Статистические данные в генеральной карте и планах рощ впечатляют, а сами планы поражают своей подробностью. На планах рощ по периметру обследованных лесных массивов нанесены прямые линии, которые, скорее всего, обозначают какие-то промеры, проводившиеся глазомерным способом или при помощи землемерных приспособлений (например, цепи). Однако, даже если линии, прочерченные на планах, возникли в результате промеров, это еще не свидетельствует о точности планов.

У любого историка возникает вопрос, в какой мере эти планы отражают современную им обстановку? Действительно ли в подчищенных рощах подсчитывался каждый дуб? Для этого обратимся к истории создания карты, некоторые эпизоды ее разработки отразились в сохранившихся отчетах Свечина.

Подполковник Свечин ехал в Казанскую губернию в надежде увидеть миллионы посаженных дубов, как это следовало из рапортов Адмиралтейской комиссии, однако по приезду Свечина ждало разочарование. Вот как он пишет сам об этом: «Несмотря на поданные от учрежденной в начале сего года для флота и Адмиралтейства комиссии рапорты, в коих показано для будущего на корабли запаса несколько миллионов молодых дубков вновь подчищено и посажено, не найдется тамо и нескольких сот дерев вновь посаженных дубков»⁵⁰. Конечно, это были первые и сильно обостренные впечатления от столкновения с огромной фальсификацией. Позже он найдет около 10 тыс. выращенных дубов из желудей в двух рощах, но никак не миллионы.

Ситуация с подчисткой рощ тоже была не лучше: «Что, как те, так и собою растущия и в невеликом расстоянии мест, дубки не подчищаются более. Только как у растущих у самой большой дороги сучья обрублены, а затем ни в которую сторону пешей

⁵⁰ РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 37 об.

человек в две сажень пройти не может»⁵¹. То есть роща была подчищена только лишь на две сажени вдоль дороги, дальше начинались такие заросли, что человек через них пройти не мог.

Такое халатное обращение с подчисткой рощи сказывалось, по словам Свечина, на состоянии корабельных деревьев: «...так молодой нечастой дуб растет в негодные кривули. А между сею чащею растущей в невероятном множестве орешник, малинник и другой кустарник, отнимает у дуба пищу и силу, так что и одного большего и хорошего дерева в великой чаще нет». Хорошим состоянием могли похвастаться лишь отдельно выросшие сами по себе дубы: «А которой и есть тот собою растущей особняком да и оной не близко к рекам лежит, но где случилось»⁵².

Хорошие, пригодные для засеваия желудями, с точки зрения Свечина, места никак не использовались, хотя работники для этого были: «А на плодоносных и тою же жирной землей покрытых берегах совсем ничего нет, хотя к размножению всего представлено людей одних жалованных с восемьсот, да приписных крестьян тысяча семьдесят»⁵³.

Свечину предписывалось получить от местных учреждений ведомости о количестве подчищенных дубов и проверить их, однако, по его словам, сделать было это невозможно, «потому что от Казанской адмиралтейской канторы по требованию моему ведомость, которого году и которым форштмейстером было молодых дубков подчищено, хотя и прислано, но точностию они совсем не основательны». Причина неточности и «неосновательности» ведомостей заключалась в самом способе их составления. В графах данные по Свияжскому, Цивильскому и Козмодемьянскому уездам давались одной цифрой за каждый год. Не отмечалось, в каких дачах проводилась подчистка, также не указывалось, где дубрава обрабатывалась впервые, а где чистили лес и «поправляли» дубки повторно⁵⁴.

Однако Свечин все-таки предпринял попытку разобраться на месте, какие конкретно деревья и в какие годы были подчищены.

⁵¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 37 об.

⁵² РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 37 об.

⁵³ РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 37 об.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 304 об.

Попытка удалась отчасти, по словам Свечина: «хотя срески суковья и видны, и того которого года оныя суковья подрезаваны распознать нельзя, ибо по примеру где в 1756 году дубкам подчистка была, да и после, в 1757 году тут же подрезкой суковья подправлено, то оную подрезку разделить способа не нахожу». Таким образом, Свечин обнаружил следы подрезания сучьев в 1756–1757 гг., но различить, в какой именно год было подрезано то или иное дерево, он не смог. Также, с его точки зрения, точной датировке подрезки сучьев мешал тот факт, что срезы и зарубки «оплывали», то есть зарастали по-разному на деревьях, растущих в топких низинах и на «малосочных» высоких местах. Внимание к деталям — характерная черта работы Свечина.

Кроме ведомостей из Казанской адмиралтейской конторы, Свечин запросил сведения у форштмейстера Селиванова. Однако Селиванов смог предоставить лишь ведомости за 1757–1763 гг. Ведомости за 1729–1756 гг., по словам Селиванова, якобы сгорели в пожаре. Сопоставление документов Селиванова и Казанской адмиралтейской конторы выявило «некоторое несходство»⁵⁵.

Были у Свечина и другие претензии к составлявшимся до него ведомостям. Согласно инструкциям Сената, он должен был сопоставить ширину и высоту обследованных им деревьям с данными ведомостей. В данном случае, его критике подверглись сами методы проведения предыдущих описаний. Его предшественники, и лесные «знатели» из Германии, и — в дальнейшем — русские форштмейстеры, подсчитывали ширину деревьев «в окружении», то есть по окружности. Свечин применял иной, более точный способ, он определял диаметр при помощи кронциркуля. Он считал, что его измерения вряд ли сопоставимы с данными предшественников, а именно подобного анализа от него требовал Сенат⁵⁶.

Окончательно невозможной эту задачу делало следующее обстоятельство: в одном из рапортов, поданных от форштмейстера Селиванова Свечину, указывалось, что толщина и высота деревьев рассчитывалась «не по действительной мере», но по разработанной «форштмейстерами-германцами» пропорции⁵⁷.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 305 об.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 305 об.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 306.

Каким образом производился счет по данной пропорции — об этом в источнике ничего не сказано, однако Свечин высказывал сомнения в правильности данных пропорций. Наблюдения, проведенные им за год в искусственно выращенной дубраве у дер. Тогаево, показали неравномерность роста деревьев: какие-то пошли в рост и никак не изменились в толщину, другие же, наоборот, практически не выросли, но зато расширились, — отсюда Свечин сделал вывод о сомнительности измерений на основании пропорций⁵⁸.

Как уже отмечалось выше, статистики по высоте и ширине деревьев в экспликации к картам адмиралтейских роц 1765 г. нет. Однако в материалах отчетов Свечина сохранились как некоторые данные из обработанных им ведомостей о размерах дубов, полученных им от местных учреждений, так и фрагменты его собственных рапортов о подчистке роц. Например, сохранились сведения проведенной под его руководством работе за 1763 г. В этих рапортах указывается, вокруг какого количества дубов и в каких рощах была подчищена территория. Здесь же отмечается, какого диаметра в дюймах были эти самые деревья. Свечин фиксировал информацию о дубах шириной от двух до 25 дюймов⁵⁹.

Работы по уборке кустарника, валежника и обрезке нижних сучьев могли происходить только в теплое и относительно сухое летнее время года. Осенью возникали дополнительные проблемы: описанию и подчистке препятствовали не только дождь, ветер и стужа, но и сырость деревьев, не позволявшая отделить живые деревья от сухостоя. Зимой Свечин занимался тем, что правил нарисованные за лето карты и писал отчеты⁶⁰.

Обратим внимание, что, прежде чем подсчитать количество дубов в роще, ее надо было почистить. По-другому быть и не могло ввиду плотности подлеска — выше уже приводился рассказ Свечина, что дубовая роща могла зарости так, что внутрь ее было не пройти. Невозможность пересчитывать дубы поштучно в таких зарослях стала одной из причин того, что количество дубов в «диких», необработанных человеком лесах, приходилось

⁵⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 306.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 307 – 310.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 343.

подсчитывать по пропорции, хотя особого доверия к «пропорциям» дотошный Свечин не испытывал. Скрупулезность рапортов Свечина свидетельствует в пользу того, что приведенные им в экспликациях к картам данные о количестве дубов на подчищенных участках реальны.

Подсчеты Свечина выявили гигантское расхождение с предыдущими данными Селиванова. У Свечина оказалось на 19059 дубков меньше, чем у Селиванова. Селиванов заявлял, что он дополнительно считал также и молодые тонкие дубки (от двух до пяти дюймов в диаметре), которые Свечин не заметил. Свечин в такие подсчеты не очень верил, так как получалось, что Селиванов подчищал и подсчитывал прутья. Свечин к 11 октября 1763 г. подсчитал 737760 дубов, а у Селиванова указывался 881181 дуб⁶¹.

Ревизия лесного хозяйства явно раздражала казанских чиновников, Свечин постоянно сталкивался с сопротивлением и, фактически, с саботажем со стороны местных органов управления. Например, в феврале 1764 г. Свечин записал в своем дневнике, что Казанская Адмиралтейская контора не собирается предоставлять ему мастеровых людей для запланированной на весну подчистки и подсчетов леса без особого указа. Согласно сообщению из конторы, мастеровые люди в это время должны были быть заняты на постройке ботов. Поскольку людей ему не дали, Свечин решил с весны уехать обследовать «дикие леса» и снимать планы⁶².

Критику Свечина, безусловно, необходимо учитывать при изучении более ранних ведомостей по данной территории. Однако и у него самого могли быть серьезные просчеты и ошибки. Тем более, что квалифицированных помощников у него было немного. Изначально от Адмиралтейства Свечину были направлены капитан Кушников, поручики Лукин и Соколов, а также « навигацких наук подмастерье», который вскоре умер. Потом, после неоднократных просьб, экспедиции Свечина прислали подмогу: флота капитана третьего ранга Савву Назимова, капитан-лейтенанта Ивана Пазухина, а для составления карт были приданы штурман и подштурман⁶³.

⁶¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 316 – 316 об.

⁶² РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 445.

⁶³ РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 46.

Среди документов экспедиции сохранились отрывочные сведения, свидетельствующие о том, что этим офицерам, действительно, приходилось ездить по огромной территории Среднего Поволжья и описывать леса. С Иваном Пазухиным у Свечина случился конфликт из-за этого: Пазухин не захотел ехать в дальнюю глушь обследовать леса⁶⁴.

Можно предположить, что обобщающая карта и планы рощ отражают не столько современную Свечину реальность, «как она была на самом деле», а то, как его команде удалось ее снять и перенести на бумагу. Ввиду несовершенства методов геодезической съемки, малочисленности помощников и мелкому масштабу, неточности в большой карте Среднего Поволжья неизбежны. Гораздо интереснее, насколько точно удалось изобразить заповедные леса. Для этого попробуем реконструировать на современной карте одну или несколько рощ, нарисованных на планах, и определить основные искажения, допущенные Свечиным.

Возьмем план, на котором изображены две граничащие друг с другом рощи № 1 и № 2. Роща № 1 является участком «дикого леса», который Свечин начал расчищать в 1763 г. Роща же № 2 была обработана еще в 1737 г. Как кажется на первый взгляд, для «привязки» к современной карте есть все условия. На плане обозначены расположенные вокруг этих рощ деревни, все они сохранились до наших дней. Это деревни Карцев Починок, Решетниково, Тоганашево, Тюрлема, Альменьево, Васюково и село Воробьевка⁶⁵. Нанесены на план 1765 г. р. Белая Волошка, исток реки Цивиль и система оврагов. Однако в действительности оказывается, что многие овраги отображены на лесном чертеже довольно приблизительно, а речки и ручьи повернуты не совсем правильно. Скорректировать реконструкцию помогли значительно более точные двухверстные планы Генерального межевания конца XVIII века⁶⁶.

Получившаяся реконструкция, конечно, далеко не стопроцентно точна: например, если с юга роща, согласно лесным и межевым планам, совершенно точно ограничивается деревнями

⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 507.

⁶⁵ Другое название — Покровское.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1254. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1201.

Альменево, Васюково и р. Секерка, то у северо-восточной оконечности границы рощи таких ориентиров нет и очерчивать контур в этом месте приходится условно (см. Карту 1, с. 325).

В процессе «дешифровки» старинных планов и соотнесения их с современной топографической картой сразу же выявляются основные ошибки, допущенные Свечиным. Назовем основные и самые существенные. На плане 1765 г. деревни Альменева и Васюково стоят на одной реке, в действительности же они стоят на разных реках, но близко друг от друга. Деревню Тюрлема Свечин поместил на р. Белая Волошка, текущей, по его мнению, с юга на север. Тюрлема, на самом деле, стоит на некоем ручье, текущем в этом направлении и впадающем в Белую Волошку. Из-за этой ошибки Свечин значительно приуменьшил площадь рощи № 1 и неверно сориентировал местоположение рощи № 2, которая подступала к самому берегу Белой Волошки. При этом контуры рощи № 2 очерчены им на удивление точно.

Этому может быть дано следующее объяснение: обе реки, введшие его в заблуждение, текли через глухой нечищенный лес. В отличие от рощи № 2, через которую можно было пройти вдоль и поперек, лесные реки он осмотреть не мог. В целом, контуры реконструированной рощи во многом совпадают с контурами на плане 1765 г., но только пропорции и площади получаются разными.

Все это говорит о том, что к статистическим данным о площади заповедных лесов Поволжья из экспликаций к картам и других описаний надо относиться осторожно, в особенности к сведениям о диких лесах. Их площадь можно вычислить точнее, проанализировав их изображение на планах и перенеся на современную карту. Для определения количества произрастающих дубов следует сопоставить известное из ведомостей количество деревьев на подчищенных участках с найденной площадью этих участков. Полученную пропорцию можно аккуратно экстраполировать на территории нетронутого подчистками леса, но такие подсчеты должны вестись совместными усилиями историков со специалистами по лесоводству.

Воссоздание территории дубовых поволжских рощ на современной карте открывает перспективы и для историков. Для продолжения исследования необходимо рассматривать реконст-

руированные карты рощ в контексте истории лесного хозяйства и лесной политики в целом.

Отчеты Свечина включают в себя большое количество информации о том, как проходило освоение лесных угодий Среднего Поволжья в XVIII в. В ходе экспедиции он собрал все сведения, доступные ему из ведомостей, о том, когда, какая и в какой роще проводилась работа. Пробелы в ведомостях он старался заполнить сведениями, полученными из опросов местного населения. Полученные данные он представил в своих отчетах в систематизированном виде. По сути дела, он создал источник по истории освоения дубрав вдоль Волги⁶⁷. Сопоставление собранного им материала с картами рощ дает возможность наглядно представить, как проходила обработка лесов Поволжского региона.

Реконструкция даже одной отдельной рощи показывает, насколько сложной и трудоемкой была задача по обработке адмиралтейских дубовых лесов. Если посмотреть на участок леса, который успел расчистить Свечин за 1763 г. (см. Карту 1, с. 325), то становится очевидным, что, несмотря на прилагавшиеся усилия, ему удалось подчистить лишь малую часть заповедной рощи.

Дальнейшее изучение процесса освоения лесных массивов Среднего Поволжья с использованием материалов карт и делопроизводства можно рассматривать в разных ракурсах. Изучение мероприятий по обустройству лесов в русле истории государственных институтов покажет на локальном уровне, как функционировала важная лесная отрасль в отдаленном от центра регионе. Возможно изучение темы и сквозь призму конфликта интересов людей, живущих рядом с лесом, и государства.

Хорошо известно, что к подчистке и другим видам лесной работы в Поволжском регионе были приписаны представители местных иноверческих народов⁶⁸. Эта служба была невероятно тяжела для них. Да и для крещеных крестьян соседство с казенным лесом сулило сплошные ограничения. В обязанности Свечина входил сбор жалоб местного населения на притеснения. В результате едва ли не четверть его отчетов Сенату составили своды

⁶⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 307–330.

⁶⁸ Со временем категории населения приписанные к лесным работам получили название «лашманов». О правовом положении лашманов подробнее: Ногманов 2005: 132–181.

этих жалоб. А ведь респондентами Свечина были в основном люди, проживавшие в тех самых деревнях, которые мы видим на лесных планах.

Анализ содержания этих жалоб с учетом географической привязки к населенному пункту, откуда поступила жалоба, истории освоения находящегося по соседству заповедного леса позволит «визуализировать» пространство конфликта на карте и рассмотреть его в русле истории повседневности.

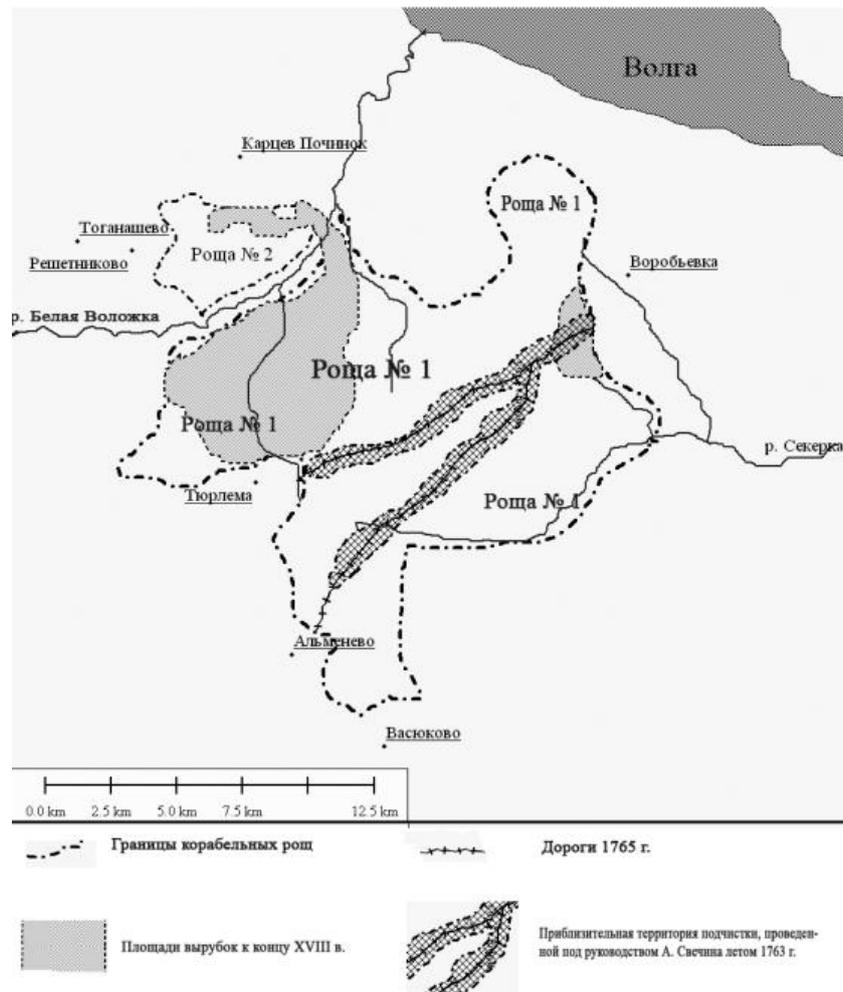
Например, изучение прошений населения Казанской губернии показывает, как удаленность губернии от центра и вследствие этого слабый контроль из столицы за деятельностью местной лесной администрации провоцировали обострение и без того сложного лесного вопроса.

Первые же жалобщики, опрошенные Свечиным, рассказывали, что «в самую бедность приведены и без дозволения лесных смотрителей не смеют содержать одного поросенка, будто для того, чтоб они дубовых желудей не жрали», — однако, как сделал вывод сам Свечин, ни одного реального дубка там посеяно на самом деле не было⁶⁹.

Также можно идти и по пути расширения контекста исследования. Сопоставление чертежа двух рощ 1765 г. с планами Генерального межевания конца XVIII в. выявило массовые вырубki, которых в середине XVIII в. еще не было (см. Карту 1, с. 325)⁷⁰. На основании реконструкции истории двух, пусть даже и значительных по размеру, рощ делать окончательный вывод о причинах вырубки вряд ли допустимо, однако можно предположить, что это сокращение площади лесов было связано с действием указа 1782 г., позволившего частным владельцам самостоятельно управлять своим лесным хозяйством. В связи с этим изучение изменений размеров заповедных дубрав и других лесных массивов представляется весьма перспективным.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Ч. 1. Л. 37 об.

⁷⁰ Часть дубовой рощи № 1, согласно современной карте, сохранилась до сих пор. Подчищенная роща № 2 произрастает в границах, близких к ее контурам конца XVIII в. (см. Карту 2, с. 326).

Карта 1
Реконструкция территории рощи № 1 и № 2.

Границы бывших корабельных рощ

Территории нынешних лесов

Карта 2
Современное состояние территории бывших корабельных рощ.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Булгаков, Ялбулганов 1997 — *Булгаков М.Б., Ялбулганов А.А.* Российское природоохранное законодательство XI – начала XX вв. М., 1997.
- Быков 2009 — *Быков Д.А.* Организация рационального использования древесной растительности в крупных имениях Центральной России второй половины XVIII – начала XIX в. // Особенности российского исторического процесса. Сб. статей памяти академика Л.В. Милова / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2009. С. 338–352.
- Воскобойникова 2005 — *Воскобойникова Н.П.* «Описание Шипова леса» (1767–1770 гг.) // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2005. Вып. 13. С. 34–48.
- Гнучева 1940 — *Гнучева В.Ф.* Материалы для истории экспедиций АН в XVIII и XIX веках // Труды Архива АН СССР. М.; Л., 1940. Вып. 4. С. 93–95.
- Гребеншикова 2007 — *Гребеншикова Г.А.* Проблема сохранности корабельного леса в XVIII веке // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 136–141.
- Гуркин 2000 — *Гуркин В.А.* Симбирская черта. М.; Ульяновск, 2000.
- Гуркин 2005 — *Гуркин В.А.* Среднее Поволжье глазами картографов XVII–XVIII веков // Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 1. С. 133–153.
- Долгова 2004 — *Долгова С.* «Для разводу вновь корабельных лесов удобные места осмотреть»: из истории охраны корабельных лесов в Казанском крае // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2004. № 2. С. 69–73.
- Зерцалов 1886 — *Зерцалов А.Н.* Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашпира во второй половине XVIII века. Симбирск, 1896.
- Истомина 1982 — *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX вв. М., 1982.
- Истомина 1995 — *Истомина Э.Г.* Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX века // Отечественная история. 1995. № 4. С. 34–51.
- Каримов 2007 — *Каримов А.Э.* Докуда топор и соха ходили: очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI – начала XX века. М., 2007.
- Кивельсон 2012 — *Кивельсон В.* Картографии царства: земля и ее значения в России XVII в. М., 2012.

- Кусов 1976 — *Кусов В.С.* Чертеж досматривания лесов 1700 года // Известия вузов. Геодезия и аэрофотосъемка. 1976. № 1. С. 115–120.
- Кусов 1989 — *Кусов В.С.* Картографическое искусство русского государства. М., 1989.
- Кусов 2003 — *Кусов В.С.* Памятники отечественной картографии. М., 2003.
- Кусов 2009 — *Кусов В.С.* Измерение земли. М., 2009.
- Лебедев, Потулов 1949 — *Лебедев Д.М., Потулов А.А.* Рукописный атлас лесов 1782 г. // Вестник АН СССР. 1949. № 10. С. 108–109.
- Мансурова 2010 — *Мансурова Ю.В.* Казанская адмиралтейская слобода в XVIII–XIX вв.: Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Казань. 2010.
- Никулин 1997 — *Никулин М.В.* Лесной атлас // Российская историческая картография (XV – начало XX в.). М., 1997. С. 90–91.
- Ногманов 2005 — *Ногманов А.И.* Очерк самодержавной политики второй половины XVI–XVIII вв. Казань, 2005.
- Постников 1989 — *Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989.
- Постников 1996 — *Постников А.В.* Карты земель российских: очерк истории географического изучения и картографирования нашего отечества. М., 1996.
- ПСЗРИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. IV, V; VII.
- Редько 1997 — *Редько Г.И. и др.* Корабельные дубравы Чувашии: история и современное состояние. Чебоксары, 1997.
- Редько, Бабич 1993 — *Редько Г.И., Бабич Н.А.* Корабельный лес во славу флота российского. Архангельск, 1993.
- Смирнов 2005 — *Смирнов И.А.* Особенности распространения широколиственных лесов в Новгородской области: Дисс. на соискание ученой степени канд. сельхоз. наук. М., 2005.
- Сотникова 1990 — *Сотникова С.И.* Источниковедение русских карт XVII – начала XX в.: Дисс. на соискание ученой степени д-ра ист. наук. М., 1990.
- Фель 1960 — *Фель С.Е.* Картография России XVIII века. М., 1960.
- Фролов, Пиотух 2008 — *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). СПб., 2008. Т. 1–3.

- Цветков 1950 — *Цветков М.А.* Лесные карты и методика их составления. М.; Л., 1950.
- Шелгунов 1857 — *Шелгунов Н.В.* История русского лесного законодательства. СПб., 1857.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- ОР БАН — Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук. Собрание карт. Опись основная. Д. 423, 424, 496, 497, 577.
- ОР РНБ — Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки. Эрмитажное собрание. Д. 610. Планы № 33–43.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 192. Картографический отдел библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел. Оп. 1. Казанская губерния № 2; Ф. 248. Сенат и его учреждения. Оп. 160. Д. 544. План № 58, Д. 1673. План № 6747; Ф. 248. Д. 3419. Ч. 1. Л. 37 об.; Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1254. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1201.

М.Д. БУХАРИН

ΠΟΝΤΟΣ ΕΥΞΕΙΝΟΣ, ΠΟΝΤΟΣ ΑΞΕΙΝΟΣ И «ЧЕРНОТА» ЧЕРНОГО МОРЯ ВОПРОС В ИСТОРИИ, ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Аннотация: Происхождение названий Πόντος Εὔξεινος, Πόντος Ἀξεινος и Ἐρυθρὰ θάλασσα не имеет внятного объяснения. Одна из гипотез связывает происхождение гидронима Πόντος Εὔξεινος с античными представлениями о «загробном мире» как о «гостеприимном царстве мертвых». Другие теории рассматривают в качестве источника «черноты» Понта понятия, так или иначе связанные с «темнотой», «чернотой» в языках иранских кочевников, обитавших в Причерноморье: др.гр. талассоним Πόντος Ἀξεινος должен был отражать др.ир. *axšaina- в значении «не-светлый», якобы усвоенное греками в форме ἄξεινος, а затем переосмысленное в εὔξεινος.

Против правдоподобия данной гипотезы говорит несовпадение тюркских и иранских географических цветообозначений, отсутствие символики «черноты» и «темноты» в средне- и новоиранских рефлексах *axšaina-, отсутствие связи между расположением относительно осей север–юг и запад–восток и цветовым обозначением в самой иранской традиции, а также невыявленность механизма предполагаемой передачи китайской цветовой геосимволики через (прото-?)тюрков иранцам.

Однако обозначение ἄξεινος в наименовании Понта не могло восходить к др.ир. *axšaina-, так как семантически эти понятия различны. Этимологически др.ир. *axšaina- следует, скорее, трактовать как «бледный», а не «темный». Среди древнеиранских припонтийских этнонимов также отсутствуют названия с надежной цветовой этимологией.

Ключевые слова: Черное море, цветовая символика, геосимволика, Понт, скифы, древние тюрки.

Проблема происхождения названия «Черное море» привлекает к себе внимание научного сообщества уже почти два столетия. Большинство его средневековых названий не требуют уг-

лубленного анализа. Такие наименования как Хазарское, Сурожское, Кафское, Румское, Трапезундское море возникали по доминирующему географическому или этническому названию в той или иной его части. Древнерусские названия — Понетское море, Експонт и схожие с ними — свидетельствовали лишь об усвоении на Руси античной географической традиции.

Само понятие «Черное море» (в разных средневековых традициях — *Nigrum Pontum*, *Svartahaf*, Μαύρη θάλασσα, возможно, и Синее море) возникло как продукт переосмысления тюркского наименования *karā*, которое, в свою очередь, в значении «великий» должно было восходить к *mare magnum*, или в значении «суровый» — к Πόντος Ἄξεινος. В средневековой же латинской, византийской, славянской и скандинавской традициях возобладала его «цветовая» трактовка¹.

Значительно больше трудностей представляет собой вопрос о появлении древнегреческих названий Πόντος Ἄξεινος и Πόντος Εὐξεινος. Эти талассонимы не укладываются в привычные схемы образования названий морей, выделяясь среди них своей метафоричностью. Попытки самих греков осмыслить наименования акватории Понта как ἄξεινος и εὐξεινος были рационалистичны², но они свидетельствуют лишь о том, что исходное значение названий современного им Понта было давно забыто теми или вовсе не было известно тем, кто эти попытки предпринимал.

¹ Подробнее см.: Бухарин 2013а: 473–495.

² Strabo. VII. 3. 6: ἄλλοι γὰρ εἶναι τότε τὴν θάλατταν ταύτην καὶ καλεῖσθαι Ἄξεινον διὰ τὸ δυσχεῖμερον καὶ τὴν ἀγριότητα τῶν περιουκούντων ἔθνων καὶ μάλιστα τῶν Σκυθικῶν, ξενοθυτούντων καὶ σαρκοφαγούντων καὶ τοῖς κρανίοις ἐκλώμασι χρωμένων· ὕστερον δ' Εὐξεινον κεκλήσθαι τῶν Ἰώνων ἐν τῇ παραλίᾳ πόλεις κτισάντων (Это и естественно, потому что в те времена это море было недоступно для плавания и называлось «Аксинским» из-за зимних бурь и дикости окрестных племен, особенно скифов, так как последние приносили в жертву чужестранцев, поедали их мясо, а черепа употребляли вместо кубков. Впоследствии, после основания ионянами городов на побережье, это море было названо «Евксинским». — Пер. Г.А. Стратановского; цит. по: Стратановский 1994: 273).

Некоторые другие воззрения самих античных писателей, в частности, Софокла, считавшего, что наименование ἄξεινος происходит от отсутствия островов в понтийской акватории, приведены и рассмотрены в соответствующей статье энциклопедии Паули-Виссова (Danoff 1962: 953).

В историографии предпринималось несколько попыток вывести название «Черное» море из античных географических или этнических названий или мифологических представлений, свойственных античному мировоззрению.

I. 1. Πόντος Εὐξεινος как «гостеприимное море царства мертвых»

Одна из гипотез о происхождении античных названий современного Черного моря исходит из представлений о его акватории как о «гостеприимном море царства мертвых»³. Эта идея, с одной стороны, до сих пор присутствует в современной историографии как заслуживающая доверия точка зрения⁴, с другой — вызывает категорическое неприятие⁵.

О. Группе, первым сформулировавший эту точку зрения⁶, приводит характеристики подземного мира как *πολυδέκτης* / *πολυδέγμων* («вмещающий многих»), *πολυδαίμων* («вмещающий многих мертвых»), *νεκροδέγμων* («приемлющий мертвых»), *πάνδοκος* («принимающий всех»), *πολύξενος* («гостеприимный», «посещаемый многими»), *πάγκοινος* («доступный для всех»), *παγκοίτης* («всеусыпляющий»), а его обитатели как *πολύανδροι* («многочисленные»). Однако лишь из примечания к предыдущему пассажиру⁷ можно сделать вывод о существовавшей, по мнению Группе, связи между происхождением названия Черного моря (*εὐξεινος*) и этими эпитетами.

Гипотеза о собственно древнегреческом происхождении названия Πόντος Εὐξεινος методологически предпочтительнее теорий о заимствовании понятий *ἄξεινος* / *εὐξεινος* из иных традиций, так как исходит из данных лишь самой античной традиции, тем более что древние источники не содержат указаний на определения Понта, созвучные с *ἄξεινος* или *εὐξεινος*.

Действительно, древнейшая засвидетельствованная античная традиция вплоть до VII в. до н.э. рассматривала Понт как часть

³ Толстой 1966: 234.

⁴ Скржинская 2001: 21; Иванчик 2005: 81.

⁵ Тохтасьев 2008: 199.

⁶ Gruppe 1906: 400 (Anm. 2).

⁷ Gruppe 1906: 389; здесь же дается ссылка на продолжение данной темы на с. 400.

Океана, окружавшего ойкумену, и не имела представлений о его северном и восточном побережье: переправившись через Океан, можно было попасть в «мир иной». При этом знакомство античной традиции с понтийскими реалиями восходит еще к догомеровской эпохе. В то время, когда Черное море считалось частью Океана, было возможно отождествление легендарной страны Эи, связанной с мифом о загробном мире, с черноморскими реалиями⁸.

Более того, античная традиция сохранила элементы восприятия Черного моря как пути в «царство усопших»⁹. В качестве одного из показателей такого восприятия можно рассматривать распространенность киммерийской топонимии на Боспоре. При этом следует учитывать, что с реальными киммерийцами происхождение соответствующих географических названий не связано, как не связана с реальными киммерийцами аналогичная топонимия в Италии: там, где античная традиция располагала вход в царство мертвых, можно было ожидать появления мифологических киммерийцев¹⁰. Кроме того, и другие причерноморские топонимы можно рассматривать в аналогичном ключе. Так, в топониме Μυχολόντιον, локализуемом на южном берегу Черного моря, выделяется семантика «переправы в пропасть», то есть в царство Аида¹¹. Плиний Старший называет остров Ахилла (Левка), лежащий перед устьем Борисфена, островом Блаженных: *ante Borysthenen Achillea est supra dicta, eadem Leuce et Macaron appellata* (IV. 93). Острова Блаженных (Νῆσοι τῶν Μακάρων, Μακάρων Νῆσοι), или Счастливые острова (νῆσοι εὐδαίμονες) античная традиция располагала на окраинах известного мира: и на крайнем юге (ср. Agath. De magi. 105a), и на крайнем западе (Hes. Op. et dies. 171). Северное Причерноморье также было частью традиции о поселении душ умерших на неких островах в Океане на границе «мира иного».

Однако из предполагаемой ассоциации «края света» с путем (Понтом) в царство Аида нельзя вывести рождение талассониμα Πόντος Εὔξεινος: эти вопросы следует разделить друг от друга.

⁸ Подробнее см.: Иванчик 2008a: 106–111.

⁹ Подробно см.: Подосинов 2011: 347–348.

¹⁰ Подробнее см.: Иванчик 2010: 321–322.

¹¹ Подосинов 2011: 348–349. Впрочем, принимая во внимание множественность значений μυχός (например, «залив», «ущелье»), можно предположить, что топоним Μυχολόντιον допускает иные трактовки.

Еще менее приложима эта гипотеза к одному конкретному водоему — в противном случае можно и нужно было бы ожидать появление Гостеприимных морей в самых разных краях ойкумены, которые ассоциировались в античном географическом и мифологическом сознании с переходом в «мир иной» (в Италии, Южной Аравии, совр. Западной Африке и др.). В исследовательской литературе указывается и на то, что древнейшая античная традиция, упоминающая современное Черное море как Πόντος, в лице Гекатея Милетского не наделяла его каким-либо дополнительными определениями¹², то есть Понт как предполагаемый путь в «царство мертвых» не мог дать наименование Εὐξεινος на основе одной этой своей характеристики.

Таким образом, представление о современном Черном море как о водном бассейне, путь через который ведет в царство мертвых, выразившееся, в частности, в мифе об аргонавтах, хронологически предшествует появлению обозначения Понта как εὐξεινος, что также является важной предпосылкой для возможной дополнительной аргументации рассматриваемой теории.

Существует и типологическое сходство с «гостеприимностью» «иноного мира», на которое до некоторой степени можно было бы опереться при обосновании правомочности выведения самого понятия «Гостеприимное море» из античной традиции. Так, П. Тиме выводил др.-инд. понятие *aryá-* из **ari-* («чужак», то есть «гость») и трактовал его как «состоящий в сношениях с чужаками», то есть «гостеприимный», и даже считал Арьямана божеством гостеприимства¹³. Впрочем, эта точка зрения на происхождение понятия «арий» далеко не единственная и не является господствующей в индологии¹⁴.

До некоторой степени подтверждением гипотезы Группе является упоминание «многого понта» Евстафием Фессалоникийским, эквивалентного «понту Аксинскому» и «погибели»¹⁵, и

¹² Danoff 1962: 951; впрочем, указывается и на то, что соответствующие фрагменты сочинения Гекатея едва ли возможно воспринимать как дословные цитаты.

¹³ Thieme 1939.

¹⁴ Подробнее о дискуссии см.: Дюмезиль 1986: 173–192; см. также: Лелеков 1982: 149–150.

¹⁵ Comm. ad Homeri Od. I. 6: Ὅτι πόντος κυρίως τὸ καὶ κοινῶς, πᾶν πέλαγος. ὡς δηλοῖ κἀνταῦθα τὸ, πολλὰ δ' ὄγ' ἐν πόντῳ πάθεν ἄλγεα. ἰδίως δὲ

«Эпитафия погибшему в море», приписанная Симониду¹⁶. Однако в данном случае «погибель», скорее всего, является метафорическим выражением трудностей плавания и суровых природных условий, и в данном контексте Евстафий лишь следует точке зрения Страбона. В эпитафии же, приписанной Симониду, Понт Эвксинский является обозначением места кончины погибшего моряка, но не местом упокоения его души.

Однако в том виде, в котором воззрение на Понт Эвксинский как на «гостеприимную обитель царства мертвых» было сформулировано О. Группе¹⁷ и И.И. Толстым¹⁸ (без ссылки на Группе), по целому ряду причин не может быть принято¹⁹.

πόντος παρὰ τοῖς ὕστερον, καὶ ὁ Εὐξεινος, ἐκπλήττων αὐτὸς τοὺς Ἕλληνας διὰ τὸ ἐκτετοπίσθαι. διὸ φασὶ τοὺς ποντικούς ἀνθρώπους ἔλεγον εἶπου φαίνοντο, ἐκ τοῦ πολλοῦ ἦκειν πόντου. ὡς εἶπερ ἔλεγον ἐξ ὀλέρου (Понтом в главном и общем значении называлось всякое море... в частности же у позднейших — Понт Эвксинский; он был страшен эллинам по своей отдаленности... Поэтому, говорят, про понтийских людей, где-либо появлявшихся, говорили, что они прибыли «из многого понта», что было равносильно выражению «из погибели»). — Пер. В.В. Латышева; цит. по: Латышев 1947а: 290).

¹⁶ Antholog. Palat. VII. 510:

Σῶμα μὲν ἀλλοδαπῇ κεῖθαι κόνις, ἐν δὲ σε πόντῳ,
Κλεισθενες, Εὐξείνῳ μοῖρ' ἔκτεν θανάτου
πλαζόμενον· γλυκεροῦ δὲ μελίφρονος οἴκαδε νόστου
ἤμπλακες οὐδ' ἴκευ Χίον ἐπ' ἀμφιρύτην.
Тело твое, Клисфен, чужая земля прикрывает;
В плавании дальнем твоим гостеприимный Эвксин
Смерть уготовил тебе и лишил тебя сладкой надежды
Хиос увидеть родной, остров средь зыби родной.

— Пер. М.Л. Гаспарова; цит. по: Чистякова 1993: 29.

¹⁷ «... griechischer Name Pontos Euxeinos vielleicht einer Hadesbezeichnung entlehnt ist...» (Gruppe 1906: 389).

¹⁸ «Того же порядка мифологическая символика ясно просвечивает и в античном названии моря: “Понт Гостеприимный”. Эвфемистически названо здесь *гостеприимным* загробное море, конечно, в том именно смысле, в каком “гостеприимным” величается и Аид, бог подземного царства, “ὁ πολυξενώτατος Ζεὺς κεκμηκότων (Aesch. Suppl. 156 sq)”» (Толстой 1918: 153). В исследовательской литературе встречаются неверные ссылки на работу И.И. Толстого, в которой разбирается вопрос о происхождении названия Πόντος Εὐξεινος. Ошибочно указывается (Тохтасьев 2008: 199, прим. 26) статья «Черноморская легенда о Геракле и змееной деве» (Толстой 1966: 234), в которой эта проблема не затрагивается.

¹⁹ Эта точка зрения отклонена и С.Р. Тохтасьевым (Тохтасьев 2008: 199), ограничившимся, однако, ссылкой на теорию М. Фасмера — Р. Шмитта.

Во-первых, О. Группе не касается наименования ἄξεινος. Даже если удалось бы доказать связь определения Понта как εὐξεινος с тем или иным набором эпитетов Аида или представлений о «загробном мире» в античной традиции, потребовалось бы встроить в эту канву и второе определение, то есть обратиться к тезису о вторичности ἄξεινος по отношению к εὐξεινος и о переосмыслении εὐξεινος > ἄξεινος. Этот тезис потребовал бы аргументированного опровержения данных самой античной географической традиции, которая устами Страбона²⁰ и свидетельствует об обратной интерпретации: ἄξεινος > εὐξεινος. Гипотетическая же связь названия Πόντος Εὐξεινος с островами Блаженных в контексте локализации царства душ усопших подразумевала бы иное название самого моря.

Во-вторых, эта теория выглядела бы значительно правдоподобнее, если бы Аид — царство мертвых — в целом воспринимался в том контексте, который реконструирует О. Группе. Показательно, что Аид в эпитафиях воспринимался горестно и скорбно: στυγνός («страшный», «угрюмый»), πένθιμος («скорбный», «печальный»), δυσπενθής («причиняющий ужасные страдания»), βαρύς («тяжкий», «невыносимый»), βάσκανος («злой»). При этом определения Аида такого же рода были распространены не только в Причерноморье, но и во многих других регионах античного мира²¹.

Показательна в этом отношении «Эпитафия утонувшему» поэта Леонида Тарентского (III в. до н.э.), вошедшая в «Палатинскую антологию», в которой море именуется λαῖτμα κακόξενον («негостеприимной пучиной»), путь через которую ведет к гаваням Аида (τοῖς Ἄιδεω προσπελάσῃ λιμέσι)²². А в эпиграмме Анти-

²⁰ Strabo. VII. 3. 6: ὕστερον δ' Εὐξεινον κεκλήσθαι τῶν Ἰώνων ἐν τῇ παραλίᾳ πόλεις κτισάντων (Впоследствии, после основания ионянами городов на побережье, это море было названо Эвксинским. — Пер. Г.А. Стратановского; цит. по: Стратановский 1994: 273).

²¹ Подробнее см.: Завойкина 2007: 310–312.

²² Antologia Palatina. VII. 264:

Εἴη ποντοπόρῳ πλόος οὐριος· ἦν δ' ἄρ' ἀήτης,
ὡς ἐμέ, τοῖς Ἄιδεω προσπελάσῃ λιμέσι,
μεμφέσθω μὴ λαῖτμα κακόξενον, ἀλλ' ἔο τόλμαν,
ὅστις ἀφ' ἡμετέρου πείσματ' ἔλυσε τάφου.

фила Византийского говорится о том, что Аид схож с Понтом: καὶ ἦν ἴσος Ἄϊδι πόντος (Antologia Palatina. VII. 630). Данные источники позволяют, скорее, сделать вывод о негостеприимности как Понта, так и Аида.

Единственной же надписью, в которой можно проследить обозначение подземного мира (χθών) как εὔξεινος, является эпитафия Bernand, Inscr. Métr. 33 из египетского *Herakleopolis Magna* (совр. *Ihnasya al-Madīna*), в которой говорится о «гостеприимной земле», принявшей почившего: ξείνην εὔξεινος χθών ἔχει Ἡρακλέους.

Однако этот источник является чуть ли не единственным в своем роде, и едва ли оправданно на таком скудном основании делать далеко идущие выводы, общие для всей античной мифологической и географической традиции. И, даже если бы само значение «благой к гостям» в контексте попадания в загробный мир можно было бы признать вполне соответствующим античной традиции, то сводить весь спектр обозначений подземного мира к понятию εὔξεινος, упомянутому в отношении подземного мира лишь один раз, методологически не оправданно.

Не спасет гипотезу Группе — Толстого и гипотетическая ссылка на представление об обитателях «царства мертвых» как о благосклонно относящихся к миру живых. Так, «скиф» Токсарис говорит Мнесиппу — другому герою диалога Лукиана «Токсарис или дружба»: Οὐ χεῖρον μὲν ἴσως, εἰ καὶ οἱ νεκροὶ ἡμῖν εὐμενεῖς εἶεν («Было бы неплохо, если бы и мертвые были к нам благосклонны») (Лис. Тох. 1). Умилостивление покойных жертвами для завоевания их расположения, а именно в этом контексте произнесена эта фраза, — характерная черта многих архаических религий, в том числе, вероятно, и скифской. Однако и это представление не объяснит появления определения εὔξεινος в наименовании Понта. Кроме того, название Πόντος Εὔξεινος родилось в греческой традиции, в которой жертвы покойным для завоевания их благого расположения по отношению к живым не имели принципиального значения.

(Счастливо путь соверши! Но, если мятежные ветры,
В пристань Аида тебя мне по следам поведут,
Моря сердитых валов не вини. Зачем дерзновенный
Снялся ты с якоря здесь, гроба узревши урок.
— Пер. Д. Дашкова; цит. по: Чистякова 1993: 140).

Наибольший интерес из эпитетов, приведенных О. Группе в подтверждение своей точки зрения, вызывает *πολύξενος*, встречающийся, как указывает сам Группе, в трагедии Эсхила «Семеро против Фив»²³, а также в форме *πύλαισι . . . πολυξένοις* в трагедии Софокла «Эдип в Колоне»²⁴. Значение *πολύξενος*, однако, не тождественно, и даже не вполне синонимично *εὐξείνος*: *πολύξενος* имеет «количественное» значение, точно соответствующее всем прочим характеристикам подземного мира, приводимым О. Группе, тогда как *εὐξείνος* — «качественное», обозначающее благое расположение к гостям вне зависимости от их количества. Во всяком случае, *πολύξενος* вполне может не быть *εὐξείνος*.

Кроме того, *πολύξενος* в указанном фрагменте «Эдипа в Колоне» относится даже не к самому Аиду, а воротам, предваряющим вход в него. Следовало бы в таком случае говорить о том, что Черное море являлось не «гостеприимным царством мертвых», а «богатыми гостями вратами» в него. Однако Понт ни в одном источнике не именуется *πολύξε(ι)νος*. Отождествление *πολύξε(ι)νος* > *εὐξείνος* явилось бы недопустимой методологической натяжкой.

Еще одно немаловажное обстоятельство не учтено при обосновании данной гипотезы: к середине I тыс. до н.э. Черное море перестало считаться крайними пределами ойкумены, ведущими в «мир иной». Ассоциации Софокла могут быть приложимы к мировому Океану в целом, но не к Понту. Да и других схожих метафорических наименований морей античная традиция не знает.

Если в античной традиции и имелась ассоциация Понта Эвксинского как «гостеприимного» с «Царством мертвых», то возникнуть она могла, скорее, на основе наименования Πόντος

²³ Ζαγρεῖ τε νῦν μοι καὶ πολυξένῳ <πατρί> χαίρειν ... (Загрею же ныне мне и отцу, гостями обильному, радоваться... — 157; fr. 228).

²⁴ ὦ χθόνια θεαὶ σῶμά τ' ἀνικάτου

θηρὸς ὃν ἐν πύλαισι

ταῖσδε πολυξένοις

εὐνᾶσθαι

[Силы подземные!

Необоримый зверь —

Ты, что у врат, всем открытых

Бодрствуешь день и ночь...

(1568–1571. — Пер. Ф.Ф. Зелинского, цит. по: Гаспаров, Ярхо 1990: 116).

Εὐξεινος, сформировавшегося к тому моменту на иной, немифологической, основе. Однако эта ассоциация выглядит сомнительной уже потому, что ко времени первых фиксаций Πόντος Εὐξεινος как талассонима современное Черное море перестало рассматриваться в античной традиции как часть Океана, ведущего в «мир иной». Таким образом, мнение о происхождении обозначения Понта Эвксинского от эпитетов Аида следует отклонить, как не основанное на материале источников.

1. 2. Источник «черноты» Понта: концепция заимствования

1. 2. 1. *Temarunda*

Плиний Старший сообщает, что *Temarunda* — название Меотиды, принятое у скифов, и что оно означает «мать моря»²⁵. В этом контексте *Temarunda* является синонимом Μαῖωτις — древнегреческого названия Азовского моря, если данное наименование возводить к др.-гр. μαῖα («мама») и не воспринимать метафорически как ссылку на «вытекание» Меотиды из Понта, — и подтверждает сообщение Геродота (IV. 86) о значении гидронима Μαῖητις: «...Μαῖητις τε καλέεται καὶ μήτηρ τοῦ Πόντου».

А.И. Соболевский, этимологизируя имя «скифского Посейдона», упоминаемого Геродотом (IV. 59) — рукописные формы его имени Θαῦμασάδας, Θαμψασάδας и Θαῦμασά²⁶, — и анализируя название Меотиды *Temarunda*, переданное Плинием Старшим, выделил в обоих названиях компонент *Tam-*, *Tama-* и предположил связь его с корнем, обозначающим «темноту», «черноту». Соболевский посчитал, что вторая часть имени Θαῦμασάδας / Θαμψασάδας может быть интерпретирована на основе др.-ир **mazdā(h)* («владыка»), что Таг(м)имасад тождественен Ахиллу Понтарху, а, следовательно, «Там — то же, что Понт»²⁷. Название *Temarunda* возводится им к той же основе (**tam-*), к которой якобы присоединено причастие женского рода **arant-* (или **rant-*) от глагола **ar-*, родственного лат. *orior*, в

²⁵ NH. VI. 20: *Tanaim ipsum Scythae Sinum vocant, Maeotim Temarundam, quo significant matrem maris* (Сам Танаис скифы называют *Sinum*, а Меотиду — *Temarunda*, что означает «мать моря»).

²⁶ См. критический аппарат к соответствующему фрагменту: Medaglia 2001: 70.

²⁷ Соболевский 1921: 37–39.

значении «рождающая». Таким образом, название *Temarunda*, согласно Соболевскому, следует интерпретировать как «рождающая темноту», при этом «темнота» должна была обозначать «Черное (темное) море».

Основу **tam-* Соболевский видит и в топониме Ταμυράκη²⁸, который он сближает с топонимом Тендра и семантически отождествляет с Αχιλλεος δρόμος. В качестве альтернативного варианта на основе др.-ир. **rik-/*raik-* («оставлять»²⁹) он готов видеть в Ταμυράκη «свободное место для Тама». Также Соболевский выделяет топоним Ταμάταρχα³⁰ с этой же основой. Итог выглядит следующим образом: «Почему греки отождествили скифского владыку Понта со своим Ахиллом, трудно догадаться, как трудно догадаться и о причинах отождествления скифского Таргитая с Гераклом. Связь скифского названия Черного моря *Tam-*, *Tama-* со словами от корня **tam-*, означающего темноту (слав. тьма и т.п.), черноту, — возможна»³¹.

Хотя мнение Соболевского было объявлено О.Н. Трубачевым «заблуждением», сам он читал *Temarunda* «как **tem-arun-da-* “кормилица Черного моря”, причем последний компонент ... как **d(h)ā* - < и.е. **dhē-* “кормить (грудью)”»³². В более поздней публикации была предложена упрощенная трактовка *Temarunda* от

²⁸ Упоминается в целом ряде источников (Strabo. VII. 3. 18–19; Ptol. Geogr. III. 5. 8; VIII. 10. 3; Flav. Arr. Per. Pont. Eux. 20. 1, Ps.-Arr. Per. Pont. Eux. 57). Топоним Ταμυράκη не привлекал внимание специалистов по исторической географии — можно вспомнить курьезную интерпретацию как «морской угол» на основе ταμυρ + ακη в рецензии Й. Беккеринга Винкерса (Beckerling Vinckers 1862: 162); см. также Зубарев 2005: 98–99, 191–193 (предположительное отождествление с Бакальской косой или Тарханкутом в Западном Крыму).

²⁹ В словаре Х. Бартоломе этот корень описан в форме **raēk* (Bartholomae 1904: 1479).

³⁰ Упоминается в трактате «Об управлении империей» византийского императора Константина Багрянородного (напр.: 42.11). Название крепости Ταμάταρχα, расположенной на восточном берегу Керченского пролива и идентичной Тмутаракани, однако, не имеет отношения к корню *tam-*, так как отражает форму τὰ Μάταρχα (подробнее см.: Литаврин, Новосельцев 1989: 401).

³¹ Соболевский 1921: 39.

³² Трубачев 1975: 46.

инд.ар. **tem-arun-* — «Черное море», что должно, в частности, свидетельствовать против рассмотрения «всех скифов как иранцев»³³.

Название *Temarunda* едва ли допускает однозначное толкование: его составные элементы имеют сходство с целым рядом древнеиранских корневых основ. Так, вторая часть гидронима *Temarunda* гипотетически могла бы быть сопоставлена с др.-ир. глаголом **aud-* : *ud-* («пробиваться родником», «сочиться»)³⁴, **raud-* («течь»), **raud-* : *rud-* («красный»), **uār-* («увлажнять», «уводнять»)³⁵, хеттск. *aruna-* («море»)³⁶ — этот список можно разнообразить ссылками и на иные родственные традиции. С другой стороны, анализ происхождения названия древнего Понта в значении «Черное море» на основе *Temarunda* наталкивается и на целый ряд других соображений, которые ставят под сомнение гипотезу Соболевского.

Во-первых, значение этого талассонима передано Плинием как «мать моря»: ни «темноты», ни «черноты» в нем нет. Можно, конечно, не доверять сообщению или чтению Плиния (так, К. Мюлленхофф предлагал читать *Metar-* или *Mater-* для того, чтобы привести чтение в соответствие данному Плинием значению³⁷), однако для его опровержения необходимо представить соответствующую аргументацию.

Во-вторых, гидроним *Temarunda* относился к современному Азовскому, а не Черному морю. Хотя в античной географической традиции оба эти водоема образовывали единое целое, составные части этого целого имели четкие границы и определенные наименования. Едва ли методологически оправданным является предположение, что, если одна часть (Меотида) в какой-либо традиции считалась «черной», то и бассейн древнего Понта также должен был считаться «черным»: *pars pro toto!*

³³ Трубачев 1981: 5.

³⁴ В данном контексте можно привести в качестве возможной параллели крымский гидроним Аунда, трактуемый О.Н. Трубачевым как **avunda* в предположительном значении «колодец», «источник» или «овечий источник» (Трубачев 1999: 229).

³⁵ О значении этих глаголов см.: Эдельман 2009: 66, 73, 173, 180, 186.

³⁶ О понятии *aruna-* см. подробнее: Иванов 1987: 38–39.

³⁷ Müllenhoff 1866: 556.

В-третьих, хотя значение авест. **təmah-* (др.ир. *tamah*-³⁸) как «темнота» вполне точно установлено³⁹, то есть гипотетически механическим сложением производных от двух основ (например, **tamah-* + **raud-*; ср. авест. *uruuant-*) можно прийти к значению «темное море». Однако нельзя быть полностью уверенным в том, что именно основа **tamah-*, да и вообще основа с начальным **t*, присутствует в наименовании *Temarunda*. Начальный **t* мог, как в гидрониме *Tánaïç*, появиться и из др.-ир. **d* (об альтернативной гипотезе Г. Хольцера см. ниже). Не выглядит объяснимым появление *e* вместо др.-ир. **a*. Само чтение *Θαμιασάδας* является лишь одним из рукописных вариантов наряду с *Θαυμιασάδας* и другими вариантами, и обращение к нему требует тщательного анализа всей рукописной традиции.

Кроме того, вызывает сомнение в возможности возводить к одной древнеиранской основе словоформы с начальными **t-* и **th-*. Как показывают исследования по исторической фонетике скифского языка, *θ* в древнегреческих передачах скифских слов соответствует др.-ир. **ś*, и переход др.ир. **ś* > скиф. *θ* был регулярным⁴⁰. Так что и при анализе данного имени эту историко-фонетическую особенность следует учитывать.

Кроме того, совершенно произвольным выглядит отождествление Понта с начальным элементом имени *Θαμιασάδας* на основе его отождествления с именем Ахилла Понтарха: тождество этих персонажей двух разных мифологических традиций продекларировано, но не подкреплено аргументами. Древнеиранское сочетание **-zd-* едва ли могло передаваться в греческом через *-σαδ-*⁴¹ (при этом передача др.-ир. **mzdā(h)-* через *-μσδ-/μασδ-*

³⁸ О соответствии авест. *ə* др.ир. **a* см.: Kellens, Pirart 1988: 56; транскрипция *tamah-* приводится, в частности, в Beekes 1988: 71, 95.

³⁹ Bartholomae 1904: 648–649.

⁴⁰ Кулланда 2011: 20.

⁴¹ Иванчик 2009: 73. Предлагалось рассматривать аналогичный элемент в имени *Ἰοταμιασάδης* не как *-μιασάδας*, а отделять от него слог *μα-* и возводить оставшуюся часть к др.ир. **šjāta-* — «счастливый» (Тохтасьев 2005: 98–99). Эта точка зрения предпочтительна уже потому, что дает объяснение и присутствию в скифском имени интервокальной дельты (см. также: Кулланда, Раевский 2004: 91, прим. 54).

В древнегреческих надписях из Малой Азии встречаются имена, в структуре которых также встречается данный элемент. Так, имя *Μασαδοῦς* зафиксиро-

хорошо известна⁴²) и, соответственно, интерпретация Θαιψασάδας / Θαιψασάδας как «владыка тьмы» неверна.

Кроме того, если рассматривать *Temarunda* в том значении, которое указал Плиний Старший, то начальный элемент этого названия должен обозначать «море», «воду», но не «темноту». Выделенные же Соболевским топонимы концентрируются в одном определенном регионе на берегах современного Керченского пролива⁴³, и вряд ли столь узкая локальная традиция, даже если принять интерпретацию *Temarunda* как «Черное (море)», бытовавшая на берегах Меотиды, могла породить в греческой географии наименование Черного моря.

Отдельное исследование анализируемому названию посвятил Г. Хольцер. По его мнению, написание *Temariinda* следует признать отражением теметатийской (киммерийской) формы **temariindā*, которая восходит к праиндоевропейской форме **dhēmarientā*. Название *Temariinda* состоит из глагола *te-* (< *dhē*) в значении «кормить грудью» и *marindā* («море»). Последняя форма, в свою очередь, является производным от праиндоевропейской формы **mari-* («море»). В целом в интерпретации Хольцера гидроним *Temariinda* значит «Meeressäugerin», то есть «кормилица моря»⁴⁴, повторяя идею О.Н. Трубачева.

Интерпретацию Хольцера следует, вероятно, отклонить. В первых, написание *Temariinda* так же является лишь одним из многих рукописных чтений. Хотя сам автор анализируемой идеи понимает сложность оперирования такой ненадежной рукопис-

вано в трех надписях из Малой Азии: МAMA 7 373 из Галатии, IIsinda 19 (I–II вв. н.э.) из Писидии и Sterrett, EJ 98,66 из Ликии. Это имя известно из малоазийских надписей еще со времени путешествия Дж.Р. Ситлингтона Стерретта летом 1884 г. и публикации его результатов (Sterrett 1888: 98; сама надпись скопирована У.М. Рамзеем). По аналогии с теофорным именем Μασδύης, многократно встречающемся в надписях из Мизии и один раз — из Лидии (об имени Μασδύης см.: Robert 1963: 101–102), имя Μασαδος также, вероятно, должно рассматриваться как восходящее к той же малоазийской теофорной основе. Однако эти имена нескифские, они связаны с названием города Μασδύη в Западной Пафлагони (Protz, Kolbe 1902: 109–111), и их структурное сходство с именами Θαιψασάδας / Θαιψασάδας лишь кажущееся.

⁴² Грантовский 2007: 96, 110, 347.

⁴³ В этом случае, вероятно, оправданными оказываются сопоставления названия *Temarunda* не только с Ταψυράκη, но Таманью и Темрюком.

⁴⁴ Holzer 1989: 192–197.

ной базой⁴⁵, вряд ли оправданно строить на ней далеко идущие выводы. Во-вторых, значение «кормилица моря» вовсе не идентично «матери моря», как передают Плиний (VI. 20) и Геродот (IV. 86). Акт рождения отнюдь не тождественен акту вскармливания, и далеко не всякая кормилица является матерью вскармливаемого. Семантически интерпретация Хольцера представляется очевидной натяжкой.

Следует признать, что этимология гидронима *Temarunda* остается непроясненной.

I. 2. 2. *kers-mar

Среди точек зрения, не привлечших к себе внимания и представляющих уже лишь историографический интерес, можно упомянуть предположение о том, что название «Черное море» восходит к реконструированному фракийскому этнониму *kers-mar: на фракийской языковой почве этноним Κιττιέριοι якобы мог иметь вид *kir(s)-mar-io, где *kers — «черный», а *mar- / *mor- — «море», и означать «черноморские»⁴⁶. Эта гипотеза в современной историографии уже попала в разряд «фантастических»⁴⁷.

Предполагалась также связь названия Черного моря (Понта Аксинского) с топонимом Ἀσκανίη — названия самого южного из Кикладских островов и озер, расположенных на юго-западе Вифинии рядом с берегом Пропонтиды в Южной Фригии, от которого якобы произошло наименование *Askenaz*, трансформированное в Πόντος Ἰσκιονος, то есть «Фригийское море»⁴⁸. Едва ли эта точка зрения заслуживает длительного рассмотрения: несхожесть названий, отсутствие связи между причерноморским названием и ассирийским наименованием скифов более чем очевидно⁴⁹. Конечно, имелись и собственно греческие причерноморские топонимы со значением «черный», например, «Черный мыс, ныне на-

⁴⁵ “Bei aller gebotenen Vorsicht darf man vielleicht doch *Temariinda* als die ursprünglichste betrachten...” («Со всей необходимой осторожностью название *Temariinda* можно, вероятно, рассматривать как исходное») (Holzer 1989: 195).

⁴⁶ Трубачев 1975: 42.

⁴⁷ Иванчик 1996: 136; о происхождении названия киммерийцев см.: Иванчик 1996: 132–154.

⁴⁸ Neumann 1855: 347.

⁴⁹ Критика также приведена в: Moorhouse 1940: 124–125.

зываемый красивым»⁵⁰, однако трудно представить, чтобы от одного локального названия, к тому же трактуемого как устаревшее, уступившее место другому («черный» — «красивый») могло родиться название всего Понта.

Параллельно с развитием идеи о «черноте» моря как рожденной самой античной культурой развивались представления о ее заимствовании.

1. 2. 3. Гипотеза Л. де Соссюра

В июльском выпуске журнала «Домашний друг» за 1854 г. неким С.А.Л. приводится ссылка на исследование другого забытого ныне автора, М. Пекавея (М. Pacavey), который представил в своем эссе (название которого опущено) критику попыток связать цветообозначение морей с микроорганизмами, якобы придававшими воде тот или иной (красный, желтый, зеленый, белый и т.д.) оттенок. Более страницы заняты цитатами из этого труда. Суть же его конструктивной части сводится к следующему: в древней Сирии (Ассирии) была выработана система цветовой геосимволики. Центр обозначался желтым цветом, север — черным, юг — красным, восток — зеленым, запад — белым. Соответственно, и моря получили наименования «черного» и «красного» по расположению к северу и югу от предполагаемого центра, локализованного вдоль Яксарта (в интерпретации автора — «Желтой реки»). Скифы распространили идею цветовой геосимволики на территорию Китая, где она была усвоена, и назвали «Ледяной океан» «темным», то есть «черным». Каспийское море — центральное — стало «желтым», Красное — «красным», Средиземное — «белым», Персидский залив, а затем моря вдоль побережья современного Китая — «зелеными».

Несмотря на то, что в представленной гипотезе присутствует множество нелепостей (распространение скифами на территорию Китая ассирийской геосимволики) и неясностей (трактовка названия Яксарт как «Желтая река»⁵¹), возможно, именно некий

⁵⁰ Ἄλλο δὲ Ῥήβα ποταμοῦ εἰς Μέλαιαν, τὴν νῦν λεγομένην Καλὴν ἄκραν... (Ps.-Agt. Per. Pont. Eux. 3).

⁵¹ В тюркских (см. примеры: Матвеев 2008: 242–243) и иранских (ср., однако, возможное отражение в Ἰαζάρτης др.-ир. *zarta- — «желтый») географических названиях определение стоит перед определяемым.

М. Пекавей был первым, кто еще в 20-е гг. XIX в. ассоциировал наименование «черное море» с его расположением на севере от предполагаемого центра, а «красное море» — на юге, и обнаружил эту схему в китайской традиции. Нельзя не согласиться с неизвестным рецензентом, по мнению которого, “this explanation, whether the true one or not, is to say the least, ingenious, and not unworthy of further consideration”⁵².

Если же согласиться с тем, что «все новое — лишь хорошо забытое старое», то придется признать, что исследователь древнекитайской астрономической традиции Леопольд де Соссюр основательно забыл тезис М. Пекавея. Через столетие после выхода в свет труда, даже название которого установить ныне затруднительно, де Соссюр опубликовал целый ряд работ по древнекитайскому гео- и космографическому символизму, которым предстояло сыграть значительную роль не только в решении частного вопроса о происхождении названия Черного моря, но и в исследованиях о цветовой геосимволике в целом.

Формулируя принципы древнекитайской геосимволики, де Соссюр указывает, что в ее основе лежат принципы взаимодействия *инь* и *ян*: *инь* — темный, холодный, влажный⁵³, полый, тайный, связанный с женским началом, *ян* — теплый, светлый, сухой, полный, явный, связанный с мужским началом. Юг в этой системе взглядов ассоциируется с днем, с теплым началом (летом), север — с ночью, с холодным началом (зимой), восток — с весной, а запад — с осенью⁵⁴. Обращаясь же к фундаментальному принципу всего китайского мировоззрения — разделению небесной и земной сфер на пять регионов (центр, окруженный четырьмя областями, соответствующих временам года), де Соссюр не выделяет их цветовые обозначения⁵⁵.

В следующей публикации (небольшой заметке «Китайское происхождение иранской космологии») Л. де Соссюр обращает внимание (по его мнению, первым из исследователей) на сходст-

⁵² «Это объяснение, правильно оно или неверно, во всяком случае, оригинально и вполне заслуживает дальнейшего рассмотрения» ([С.А.Л. 1854: 331]).

⁵³ Также и в монгольской традиции, заимствованной, вероятно, из китайской, север ассоциируется с «водой» (Khabtagaeva 2001: 90).

⁵⁴ de Saussure 1923: 246.

⁵⁵ de Saussure 1920: 58, 60, 85.

во дуалистических принципов древнекитайского и древнеиранского, реконструируемого на основе «Авесты» и «Бундахишна», мировоззрений. Это сходство проявляющееся, по его мнению, в симметричности космологических схем и их составе из пяти регионов (центр, ассоциируемый с Полярной звездой, и окружающие «периферии»). Общее дуалистическое и космогоническое сходство позволяют де Соссюру утверждать факт заимствования иранцами китайской системы взглядов⁵⁶. Вопрос же о возможном заимствовании цветовой геосимволики из китайской в иранскую традицию не поднимался.

В следующей пространной статье под характерным заглавием «Сино-иранская космологическая система»⁵⁷ вопрос о предполагаемом заимствовании китайской гео- и космографической схемы (принципы дуализма и симметричной пятичленной схемы деления пространства) в иранскую традицию рассматривается во всех деталях в том, что касается китайской системы. Однако и в данной статье вопрос о существовании иранской цветовой геосимволики затронут не был.

Выводы, сделанные в указанных публикациях, Л. де Соссюр приложил к происхождению названий «Черное» и «Красное» море. Признавая крайнюю скудость и фрагментарность сведений о цветовой геосимволике в иранской традиции, де Соссюр все же исходит из того, что начальный импульс в распространении противопоставления «черного» (северного) принципа «красному» (южному) следует искать в древнекитайской картине мира: «центр», ассоциируемый с желтым цветом, был окружен четырьмя началами, ассоциировавшимися с черным (север), красным (юг), зеленым (восток) и белым (запад) началами. Эта концепция, воспринятая тюркскими, монгольскими и иранскими кочевниками, и должна была, по мысли де Соссюра, получить распространение на западе, так что уже Геродот мог оперировать именно этими унаследованными из Китая категориями⁵⁸.

⁵⁶ de Saussure 1922: 302–306.

⁵⁷ de Saussure 1923: 235–297; особ. 236–258.

⁵⁸ “Les symboles zoaires (tels que la tortue, associée au nord, à minuit et à l’humidité) apparaissent fragmentairement dans les débris, malheureusement très incomplets, de la littérature iranienne. L’association chinoise aux cinq points cardinaux, spécifiée par les textes pehlevi, permet déjà d’induire que la théorie des

ассоциируется не с красным, а серым (голубым, зеленым) началом⁶³. Представляется весьма странным, что предполагаемое древнеиранское обозначение Красного моря никак не отразилось в древнееврейской традиции, длительное время находившейся под давлением персидского мировоззрения. Определенное влияние древнеиранской традиции на древнееврейскую или хотя бы отражение первой во второй было бы вполне ожидаемы, и отсутствие идеи «красного» или «южного» моря в древнееврейской традиции косвенно может указывать на то, что эта особенность географического мировоззрения не была свойственна и древнеиранской традиции.

Сходства в китайской и иранской космографиях де Соссюр именуется «очень редкими»⁶⁴. «Редкость» этих совпадений усиливается еще значительно, если принять во внимание принципиальные отличия между двумя системами. Так, в иранской традиции Сатурн ассоциируется с Полярной звездой⁶⁵, то есть с севером, тогда как в китайской — с центром⁶⁶. В иранской традиции с севером ассоциируется и Марс, тогда как в китайской Марс из-за своего красноватого цвета ассоциировался с югом и огнем⁶⁷. Попытки Л. де Соссюра найти этим расхождениям хоть какое-то объяснение⁶⁸ выглядят не более чем стремлением спасти колосса на глиняных ногах, этого спасения вовсе не заслуживающего. Для рассматриваемого сюжета более важным, однако, представляется то, что цветовая геосимволика в древнеиранской традиции не поддается реконструкции ни сама по себе, ни в качестве предполагаемого заимствования из китайской традиции⁶⁹. Во всяком

⁶³ de Saussure 1922: 305. Предполагается также, что «Видение Захарии» позволяет лишь ассоциировать север с черным цветом, а «пегий (серый)» — с югом (дискуссию см.: Подосинов 1999: 211–213). Приводится и более подробная цветовая ориентация: север ассоциируется с черным цветом, «пегий» — с югом, белый — с востоком, красный — с западом (Подосинов 1999: 308).

⁶⁴ “Ces indications, fort rares...” (de Saussure 1923: 258).

⁶⁵ de Saussure 1923: 259, 272.

⁶⁶ de Saussure 1923: 270, 272; Подосинов 1999: 55.

⁶⁷ de Saussure 1923: 264–265; Подосинов 1999: 55.

⁶⁸ Например: de Saussure 1923: 264–267.

⁶⁹ Так, показательное отсутствие соответствующего материала в исчерпывающей работе А.В. Подосинова (Подосинов 1999). Отсутствует древнеиранский материал и в исследовании древнейшей индоевропейской астроно-

случае, гипотетически родственная иранской индийская традиция демонстрирует разительные отличия от китайской: восток ассоциируется с белым началом, юг — с желто-синим, запад — с черным, север — с красным⁷⁰.

Гипотеза де Соссюра включает в себе серьезный методологический изъян. Следуя мнению о происхождении основных принципов цветообозначения в географических названиях из китайской астрономической традиции, легко поддаться соблазну и абсолютизировать этот принцип, исключая влияние иных, как универсальных, так и локальных факторов. Полагая, что тюркские, монгольские и иранские кочевники перемещались практически по всему пространству азиатского континента севернее Китая, любой пример цветообозначения географического или этнического названия с набором пяти традиционных китайских цветовых символов можно объяснить влиянием китайской астрономии.

I. 2. 4. Гипотеза М. Фасмера: грецизация **axšaina*-

Другие точки зрения исходят из того, что название «Черное море» напрямую связано с представлениями о нем как о «черном», якобы существовавшими уже в древних традициях. Так, предлагалось даже интерпретировать название «Черное море» как иранское заимствование в значении «темное», то есть названия «погруженной в темноту родины киммерийцев»⁷¹. Эта теория

мической цветосимволики (Норманская 2005: 237–260). Вывод, сделанный в данной работе, весьма важен: древнейшая прототипическая цветовая символика в отношении солнца, луны и звезд связана с белым цветом (Норманская 2005: 253), так что цветовые ассоциации в отношении небесных светил должны использоваться в работах по реконструкции световой геосимволики с предельной осторожностью.

⁷⁰ Подробнее см.: Подосинов 1999: 112–113.

⁷¹ Hinge 2005: 107; эта идея могла быть выведена из рассуждений М.И. Ростовцева, хотя она и не была сформулирована в них столь однозначно: “We hear in the Odyssey of a people called Cimmerians who lived in a mythical country of fog and darkness on the shore of the Euxine. Greek mythology always connected the Black Sea, the Euxine, with the world of departed spirits” («Мы слышим в Одиссее о народе, называемом киммерийцами, который жил в мифической стране туманов и тьмы на берегах Эвксина. Греческая мифология всегда соединяла Черное море с миром потусторонних духов» — Rostovtzeff 1922: 36).

Нельзя не отметить того, что идея рассматривать наименование Черного моря в связи с погруженной во тьму родиной киммерийцев, отождествляе-

невольно объединяет в себе исходные формулировки О. Группе, И.И. Толстого, О.Н. Трубачева с гипотезой М. Фасмера, в своей основе весьма схожей с концепцией Л. де Соссюра и развивавшей ее на материале античной и иранской традиций.

По мнению М. Фасмера, название Πόντος Εὔξεινος — «слишком поэтическое», и этот тезис явился отправной точкой для обоснования необходимости поиска исходной формы этого названия⁷². Фасмер считал, что ἄξεινος является «народной этимологией», а источник греческого определения Понта он видел в иранской традиции в целом и в частности — в авестийском *axšaēna* (др.-ир. **axšaina-*) в значении «темный»⁷³. По мнению Фасмера, выделение *axšaēna* в качестве исходной формы для образования греческого названия Черного моря может быть обосновано его аналогичным обозначением во многих языках⁷⁴. Фасмер даже реконструировал предполагаемое название Черного

мым с ночным небом, была высказано еще в 1884 г. Л.Ф. Воеводским (Воеводский 1888: 124–128).

⁷² “Ein so poetischer Name ist mir sonst weder in den alten noch in neuen Sprachstadien begegnet. Ich sehe mich daher berechtigt für sein Aufkommen eine besondere Erklärung zu suchen” («Столь поэтическое название не встречалось мне ни в древних, ни в современных языках. Я чувствую вполне оправданным мое стремление найти для его происхождения особое объяснение» — Vasmer 1921: 3; цитаты из работы М. Фасмера даются в современной орфографии. — М.Б.).

⁷³ “Nach dem oben über die Namen der Meere Bemerkten, halte ich mich nun für berechtigt in Ἄξεινος eine Volksetymologie zu sehen und leite den Namen aus dem iranischen her. Hier sehe ich seine Quelle in avest. *axšaēna*- «dunkelfarbig»... Da iran. *aē* auch sonst durch gr. *ei* wiedergegeben wird, z.B. in *παράδεισος* aus iran. *pairidaēza-*, so stösst diese Erklärung auf keinerlei lautliche Schwierigkeiten” («На основании вышесказанного о названии морей я считаю оправданным видеть в Ἄξεινος народную этимологию и выводить это название из иранского языка. Здесь я вижу его источник в авестийском *axšaēna*- “темный”. Так как иранское *aē* передается и в иных случаях через греческое *ei*, например в *παράδεισος* из иранского *pairidaēza-*, данное объяснение не встречает никаких фонетических возражений». — Vasmer 1921: 4).

⁷⁴ “Semasiologisch hat sie aber den Vorzug, dass sie dann für den Namen des Schwarzen Meeres eine Bedeutung sichert, die in einer sehr grossen Anzahl von Sprachen vorliegt” («Семасиологически у него есть уже то преимущество, что оно возводит название Черного моря к значению, которое присутствует в огромном количестве языков». — Vasmer 1921: 4).

моря в скифском языке — *zrayō (zrayas) axšaēnam — и для подкрепления своего тезиса сослался на две публикации, которые якобы приводят данные о существовании топонимов, образованных от рефлексов др.-ир. *axšaina⁷⁵.

С одной стороны, ссылки М. Фасмера на «народную этимологию» как на механизм появления ἄξεινος для обозначения Понта исключают заимствование самой концепции «темноты»: *Interpretatio graeca* такого рода возможна тогда, когда местное название адаптируется к нормам греческой фонетики, а сама идея, лежащая в основе этого названия, остается незаимствованной. Этот механизм, как кажется, и имел в виду Фасмер при анализе наименования Πόντος Ἄξεινος. С другой стороны, Фасмер полагал, что обозначение современного Черного моря как «черно-синего» или «черного» было вполне свойственно самой античной традиции⁷⁶, что было связано с сине-черным или черным цветом воды современного Черного моря. Это утверждение противоречит тезису о «народной этимологии». Если бы в античной традиции бытовало самостоятельно выработанное представление о современном Черном море как о «черном» (а во всех приводимых Фасмером примерах дается ссылка на темный оттенок вод Понта), то не было бы никакой необходимости заимствовать какое-либо понятие, том числе иранское, для цветообозначения, а само море так и называлось бы: Черное. В противном случае придется признать, что и само представление о черноте Черного моря было также заимствовано из иранской традиции. Однако и в данном случае следовало бы ожидать его именно такого — «цветового» — обозначения.

Однако, по мнению самого Фасмера, это предполагаемое заимствование было сделано в форме «народной этимологии», что исключает заимствование исходной идеи: вряд ли в античной традиции могло подспудно жить точное понимание исходного смысла скифского понятия (др.-ир. *axšaina-), предположительно

⁷⁵ В статье Г. Хюбшманна (Hübschmann 1884: 427–428) сведения о таких топонимах не приводятся; в работе В. Томашека (Tomaschek 1905: 1668) указывается лишь некий пруд, вода которого окрашивает белье в голубоватый цвет.

⁷⁶ “Die blauschwarze bzw. Schwarze Färbung des Schwarzen Meeres fiel schon den alten auf...” («На черно-синюю или черную окраску Черного моря обращали внимание уже древние...»). — Vasmer 1921: 5)

(по мысли Фасмера) породившего древнегреческие определения современного Черного моря со скрытым смыслом «черноты», переданным в средневековые тюркам, при том, что античное название, основанное на нем, никак с цветообозначением не связано. Даже если заимствование **axšaina-* > ἄξεινος и имело место, то при нем не был (и не мог быть) передан смысл исходного иранского понятия.

Тем не менее, Фасмер ссылался на фрагменты сочинений Сенеки (I в. н.э.) (*Euxini caeruleae aquae*)⁷⁷, Авиена (IV в.) (*Vaga glauci marmora Ponti*)⁷⁸, «Лексикон» Гезихия (VI в.) (μελανίζουσα θάλασσα)⁷⁹. Последним Фасмер цитирует Еврипида («πόντος μέλας»). Следуя логике Фасмера, к этому списку можно было бы добавить ссылку на сочинение Феофраста «О водах», в котором говорится о темно-синих водах Борисфена (Днепра)⁸⁰, и Григория Богослова (IV в.), который в своих «Письмах» упоминает «пон-

⁷⁷ Agamemnon. 66–70:
*non Euxini turget ab imis
 commota uadis
 unda niuali uicina polo,
 ubi caeruleis immunis aquis
 lucida uersat plaustra Bootes
 ut praecipites regum casus
 Fortuna rotat.*

(Ни студеный Евксин, от донных глубин
 Вздымая волну, не взбухает так
 Близ небесной оси,
 Где лазурную гладь минуя, Воот
 По кругу ведет блистающий Воз.

— Пер. С.А. Ошерова; цит. по: Ошеров, Рабинович 1983: 267).

⁷⁸ *vaga glauci marmora ponti* («зыбучие воды голубого Понта») (Periegesis seu Descriptio Orbis Terrarum. 245). — Пер. В.В. Латышева; цит. по: Латышев 1949: 239).

⁷⁹ Текст «Лексикона» Гезихия, цитируемый Фасмером, таков: ἐμπερκάζουσαν· ὑποθάλλουσαν· μελανίζουσαν (Υ 41054).

⁸⁰ Fr. 159: Τὸ δὲ τοῦ Βορυσθένους κατὰ τινὰς χρόνους ἰοβαφὲς, καίπερ ὄντος δι' ὑπερβολὴν λεπτῷ σημείον δέ· τοῦ Ὑπάνιος ἐπάνω γίνεται διὰ κουφότητα τοῖς βορείοις («Вода Борисфена по временам бывает темносинего цвета, несмотря на чрезвычайную легкость. Доказательством служит то, что вследствие легкости она и при северных ветрах течет поверх воды Гипаниса». — Пер. В.В. Латышева; цит. по: Латышев 1947в: 245).

тийский мрак»⁸¹, а, может быть, и иных, еще более поздних, писателей.

Ссылки на «синие евксинские воды» Сенеки и «мраморные воды лазоревого Понта» Авиена представляются не вполне корректными, так как предполагают слишком широкую трактовку «темноты» вод современного Черного моря, фактически уравнивая «синеву» и «черноту» по линии «темноцветности». Кроме того, латинское *glaucus* (греч. γλαυκός) не включает в себе оттенка «темной синевы», а сами «воды» названы *marmora* (в переводе Латышева — «зыбучими»), то есть белыми (уместен также перевод «гладкими»). Прилагательные *glaucus* / γλαυκός трактуются как «сизый», «серый», «лазоревый», «серо-голубой», «зеленоватый», «светло-зеленый»; γλαυκός — в первоначальном значении «блестящий» — противопоставляется понятию μέλας как «светло-синий» «темно-синему»⁸². Ссылка на «Лексикон» Гезихия лишена смысла, так как не имеет отношения к Понту (современному Черному морю). И даже упоминание «понтийского мрака» Григорием Богословом вряд ли может принципиально изменить представление о взгляде древних греков и римлян на Понт, как на водный бассейн, не наделенный цветовой символикой. Великий каппадокиец жил в IV в. н.э., и воззрениями данного периода едва ли следует подкреплять суждения, относящиеся к первой половине I тыс. до н.э. Кроме того, само понятие ποντική ξουφηρία не относится к цвету воды Черного моря. Во всяком случае, античная традиция ассоциировала Понт скорее с белым началом, как о том свидетельствует Аристотель: вода Понта считалась светлее вод Эгейского моря⁸³. И ссылки на πόντος μέλας

⁸¹ IV. ad Euagrium: Ἐγὼ δὲ σοῦ τὸν Πόντον θαυμάσομαι καὶ τὴν ποντικὴν ξουφηρίαν καὶ τὴν φυγῆς ἀξίαν μονήν («...Я буду удивляться твоему Понту, и понтийскому мраку, и жилищу, достойному быть местом изгнания...»). — Пер. А.И. Малеина; цит. по: Латышев 1900: 713).

⁸² Liddell, Scott 1996: 350–351; о цветовых определениях в греческой поэзии см.: Irwin 1974.

⁸³ Probl. XXIII. 6: Διὰ τί ἡ θάλαττα λευκότερα ἢ ἐν τῷ Πόντῳ ἢ ἢ ἐν τῷ Αἰγαίῳ; πότερον διὰ τὴν ἀνάκλασιν τῆς ὄψεως τὴν γινομένην ἀπὸ τῆς θαλάττης εἰς τὸν ἄερα; ὁ μὲν γὰρ περὶ τὸν Πόντον ἀπὸ παλαιοῦ καὶ λευκός, ὥστε καὶ τῆς θαλάττης ἡ ἐπιφάνεια τοιαύτη φαίνεται, ὁ δὲ ἐν τῷ Αἰγαίῳ κυανοῦς διὰ τὸ μέχρι πόρρω εἶναι καθαρός, ὥστε καὶ ἡ θάλαττα ἀνταγωδῶς τοιαύτη φαίνεται. ἢ ὅτι πᾶσαι αἱ λίμναι

как на модель, по которой греками было заимствовано определение Πόντος Ἄξεινος⁸⁴, едва ли оправданы в этом контексте.

Таким образом, идея «черноты» современного Черного моря (если таковая существовала) должна была быть рождена в рамках самой античной традиции: если бы такая идея была заимствована из иранской традиции, то море обозначалось бы просто по цветовому оттенку. Однако это не произошло. Трудно представить себе, что практически вся античная и византийская литературная традиция, в частности авторы, столь подробно описывавшие его (Геродот, Страбон, Плиний Старший, Аммиан Марцеллин, Константин Багрянородный) ни словом не обмолвились о его «черноте» или хотя бы «темноте». В данном контексте важным представляется не поиск намеков на темноту или черноту Понта у маргинальных авторов вроде Авиена, а определение того, что наиболее значимые фигуры в античной историко-географической традиции не знали этой концепции.

Фактически единственным свидетельством предполагаемой «черноты» Понта — современного Черного моря — и основой всей теории Фасмера о заимствовании греками наименования современного Черного моря из др.-ир. **axšaina*- в форме ἄξεινος с последующим переосмыслением в εὐξεινος — является следующий фрагмент «Ифигении в Тавриде» (104–112) Еврипида (414 г. до н.э.):

φεύγειν μὲν οὐκ ἀνεκτὸν οὐδ' εἰώθαμεν,
τὸν τοῦ θεοῦ δὲ χρησμὸν οὐκ ἀπιστέον.
ναοῦ δ' ἀπαλλαχθέντε κρύψωμεν δέμας

λευκότεραι τῆς θαλάττης; ὁ δὲ Πόντος ἐστὶ λιμνώδης διὰ τὸ πολλοὺς ποταμοὺς εἰς αὐτὸν ρεῖν. αἱ δὲ λίμναι διαλευκότεραι τῆς θαλάττης καὶ τῶν ποταμῶν · γράφουσι γοῦν οἱ γραφεῖς τοὺς μὲν ποταμοὺς ὠχροὺς, τὴν δὲ θάλατταν κυανέαν («Почему же морская вода в Понте белее, чем в Эгейском море? Не вследствие ли преломления зрения, происходящего от моря в воздухе? Ибо воздух, окружающий Понт, густ и бел, вследствие чего и поверхность моря кажется таковою же, а над Эгейским морем он голубой, вследствие того, что чист на далекое пространство, так что и отражающее его море кажется таким же. Или потому, что все озера белее моря, а Понт изобилует озерами (лиманами) вследствие того, что в него текут многие реки? А озера белесоватее моря и рек; по крайней мере, живописцы рисуют реки бледными, а море голубым». — Пер. В.В. Латышева; цит. по: Латышев 1947б: 329).

⁸⁴ Schmitt 1985: 410.

κατ' ἄντρον ἃ πόντος νοτίδι διακλύζει μέλας
 νεὼς ἄλωθεν, μή τις εἰσιδὼν σκάφος
 βασιλεῦσιν εἴπη κάτα ληφθῶμεν βίαι.
 ὅταν δὲ νυκτὸς ὄμμα λυγαίας μόληι,
 τολμητέον τοι ξεστὸν ἐκ ναοῦ λαβεῖν⁸⁵.
 ἄγαλμα πάσας προσφέροντε μηχανάς.

Однако эта ссылка на «темноту»⁸⁶ волн Понта является единственной из всей античной литературы, цитированной Фасмером, в которой отражается идея «темноты»! Кроме того, Р. Шмитт уже указывал на то, что аналогичный «темный Понт» (μεῖλανι πόντω) встречается в «Илиаде» Гомера (XXIV. 79) и в отношении Эгейского моря⁸⁷, что позволяет рассматривать этот оборот как поэтическую метафору, приложимую к разным морям, а не характеристику исключительно черноморского бассейна. Да и вряд ли возможно уравнивать значения «темный» или «темно-синий» в указанном выше фрагменте «Ифигении в Тавриде» Еврипида⁸⁸ и «черный».

Удивительным образом от внимания Фасмера и других исследователей ускользнул следующий фрагмент «Аргонавтики» Аполлония Родосского: “κεῖθεν δ’ εἰρεσίη Μέλανος διὰ βένθεα Πόντου” (I. 922). В этом фрагменте Понт также характеризуется как μέλας, и в нем же дается объяснение появлению этого определения — глубина Понта. Интересно, что Геллеспонт обозначается как πορφύρεος (I. 936), то есть цвет воды вряд ли мог влиять на формирование цветообозначения Понта.

⁸⁵ Не думай о победе... Или нам
 Привычно это дело? Иль веленьем
 Небесным мы решимся пренебречь?
 Нет, лучше, храм покинув, в глубь пещеры
 Сокроемся, куда волною море,
 Чернея, плещет; только в стороне
 От корабля, чтобы, увидев мачту,
 Кто не сказал царю и силой нас
 Не взяли бы. ... (Пер. И. Анненского; цит. по: Гаспаров, Ярхо 1999: 500).

⁸⁶ В.В. Иванов интерпретирует «πόντος ... μέλας» «в соответствии с общевосточной космологической схемой» как «северное море», а следовательно — «черное» (Иванов 1987: 39).

⁸⁷ Schmitt 1985: 410.

⁸⁸ Значение μέλας, в основном, определяется как “dark”, значение “black” выделяется для метафорических обозначений (Liddell, Scott 1996: 1095–1096).

Таким образом, эпизодическое обозначение Понта «темным» никак не связано с предполагаемой «чернотой», якобы лежащей в основе определения ἄξεινος и, скорее всего, может рассматриваться лишь как поэтическая метафора. Возведение древнегреческих определений современного Черного моря ἄξεινος / εὔξεινος к др.-ир. *axšaina- вряд ли может быть доказано на материале античных источников: это предположение зиждется на представлении о «черноте» Понта, якобы бытовавшем уже в середине I тыс. до н.э. Это же представление является и исходным посылом для постулирования самого факта заимствования. Можно ли ожидать, что греки, имея собственную модель образования названий морей, заимствовали название морского бассейна, даже не поинтересовавшись его значением, «просто» приспособив его к особенностям своего языка?

Судя по тому, что в дальнейшей древнегреческой, также ранне- и средневизантийской литературе современное Черное море не именуется «черным», но — лишь, изредка, Понтом Аксинским («негостеприимным») или Эвксинским («гостеприимным»), можно с уверенностью утверждать, что данное «цветовое» определение не воспринималось в античном мире как неотъемлемое свойство самого моря, но было использовано лишь как разовый эпитет. Об этом говорит и тот факт, что и сам Еврипид в этом же произведении называет современное Черное море «аксинским» без какой-либо дополнительной цветовой характеристики (напр.: Iphigen. Taug. 125, 218, 438).

I. 2. 4. 1. Дискуссия: Г. Якобсон, А. Мурхауз и У. Аллен

Теория М. Фасмера, уже столь привычная в историографии вопроса⁸⁹, встретила как восторженный⁹⁰, так и критический при-

⁸⁹ Авторство М. Фасмера в некоторых публикациях упускается из виду; ср.: “Doubtless one must accept the thesis of Aurel Decei..., who supposes the existence of an ancient Iranian name (from aḥsaena “dark, sombre”), Hellenized in ἄξεινος by false etymology, then transformed because of superstition into Εὔξεινος; this would have survived with its original meaning in the East-Pontic regions, where the Turks came into contact with geographical concept” (de Planhol 1990: 575).

⁹⁰ “...la thèse défendue par M. Vasmer me paraît de tous points irréfutable” (Boisacq 1924: 316); “Vasmer hat in seinem Aufsatz ‘Osteuropäische Ortsnamen’... den ältesten Namen, den der Πόντος Εὔξεινος führte, Πόντος ἄξεινος, ganz

ем. Так, тема, поднятая Фасмером, была развита Г. Якобсоном. Отталкиваясь от идей, высказанных Фасмером, он также пишет о том, что в основе древнегреческого названия Понта ἄξεινος лежало авестийское определение «*oxšaino-* (вульгата *axšaēna-*) в значении “синий”, “темного цвета”». Проникновение этого определения Якобсон связывает с появлением первых ионийских колоний на северном побережье современного Черного моря. По его мнению, ко времени Геродота уже свершилось переосмысление ἄξεινος в εὔξεινος, так что знакомство греков с этим скифским определением Понта должно восходить, самое позднее, в VII в. до н.э. (эта интерпретация поддерживается и в более современных исследованиях⁹¹). Якобсон также поддержал мнение Л. де Соссюра о паназиатском распространении цветообозначения в географической номенклатуре в связи с противопоставлением «красного» (южного) начала «черному» (северному)⁹², то есть, следуя логике самого Якобсона, для скифов современное Черное море должно было быть «северным».

wunderschön erklärt” (Jacobsohn 1927: 254); «M. Vasmer в своих исследованиях высказал весьма убедительную мысль..., что термин ἄξεινος отражает иранское *axšaēna*... Таким образом, блестящая мысль M. Vasmer’a получает свое подтверждение на среднеперсидском документе» (Фрейман 1930: 650); «Этот вывод известного лингвиста М. Фасмера вошел в число общепризнанных достижений индоевропейской этимологии» (Абаев 1949: 158); “Denn Max Vasmer hat ebenso geistreich wie überzeugend ... das determinierende Adjektiv in dem Namen Πόντος ἄξεινος ... als die griechische Wiedergabe von iran. **axšaina-* „dunkelfarbig“ erklärt...” (Schmitt 1985: 409); “Max Vasmer has pointed out in a manner as ingenious as it is convincing that the determining adjective in the name Πόντος ἄξεινος/Pontus *Axīnus* is nothing else than the Greek rendering of an Iranian **axšaina-* “dark coloured”” (Schmitt 1996: 220).

Точка зрения М. Фасмера поддержана во многих других работах, напр.: Трубочев 1975: 38; Абаев 1981: 75; Грантовский, Раевский 1984: 50; Куклина 1985: 75; Расторгуева, Эдельман 2000: 284; Бонгард-Левин, Грантовский 2001: 24 («здесь, безусловно, не простое созвучие, а непосредственная связь названий...; известно, что в древности и в Иране Черное море именовалось «морем Ахшен» (от более древнего Ахшайна)»); Иванчик 2005: 81; Тохтасев 2008: 199; Дьяконов 2008: 368 (прим. 22: «греч. *Akseinos* — из скифского!»).

⁹¹ “Zweifelloos ist der Name Πόντος *Εὔξεινος* aus euphemistischen Erwähnungen heraus entstanden” (Danoff 1962: 953).

⁹² Jacobsohn 1927: 254–255.

Исходную древнеиранскую форму для названия Понта Якобсон вслед за Фасмером реконструирует как **oxšoinom zroyo*. Единственная трудность для окончательного принятия теории о соответствии этого названия др.-гр. ἄξεινος, по мнению Якобсона, заключается в возможности обосновать соответствие др.-ир. дифтонга **oi* (**ai*) др.-гр. дифтонгу ει. По его мнению, такое соответствие невозможно, так как «...в ξείνος из ξένος, как каждый знает, ει всего лишь пишется для обозначения долгого закрытого ē»⁹³. Эту трудность Якобсон преодолевает рассмотрением исходного скифского обозначения Понта не по законам авестийской (древнеиранской) фонетики с сохранением дифтонга, а как отражение среднеиранской формы **oxšēno-* с переходом **oi* (**ai*) в ē, а «то, что ионийцы открытый иранский звук *o* восприняли через *a*, а не через закрытый *o* — совершенно понятно»⁹⁴.

Дальнейший древнеиранский материал в греческой передаче используется в статье Якобсона для попытки обоснования среднеиранского состояния скифского языка в VIII–VI вв. до н.э. Смешение Якобсоном данных самых разных эпох (от анализа имени Ξέρξης < **xšouδršo* в реконструкции Якобсона до надписей II–III вв. из Причерноморья) в стремлении доказать монофтонгизацию дифтонгов в скифском и персидском и обосновать тезис о принадлежности скифского к среднеиранским языкам, позволяет оставить рассмотрение этой гипотезы за рамками данной работы.

А. Мурхауз стремился показать, что нет свидетельств применения каких-либо авестийских определений к Черному морю, как и нет данных, подтверждавших бы наличие прямых контактов между носителями авестийского и греческого языков. Предполагаемое Мурхаузом исходное значение *πόντος* («путь») делало бы из названия Черного моря («темный путь») совершенно неправдоподобную конструкцию, заимствование из др.-ир. **axšaina-* (авест. *axšaēna*) должно было дать в греческом форму ἄξεινος, а не «стандартную» и более древнюю ἄξεινος⁹⁵, использо-

⁹³ Jacobsohn 1927: 255.

⁹⁴ Jacobsohn 1927: 255–256.

⁹⁵ Так же «стандартной» наряду с ἄξεινος (а не ἄξεινος) Мурхауз считал форму εὔξεινος (а не εὔξεινος). Интересно, что имена собственные от εὔξει(ι)νος встречаются в северопричерноморской эпиграфике лишь в «усеченной» форме Εὔξεινος (КБН 1137 300–250 гг. до н.э. из Горгиипии; IosPE I2 25 — IV в.

вавшуюся Страбоном и восходящую к его более ранним ионийским информаторам⁹⁶.

Эти обстоятельства, как полагает Мурхауз, говорят о том, что гипотеза о грецизации др.-ир. **axšaina-* (авест. *axšaēna*) при образовании ἄξεινος неверна, а изначальным названием современного Черного моря было «ἄξεινος πόντος» — «негостеприимный путь». Это понятие, по мнению Мурхауза, появилось еще в догомеровскую эпоху в результате миграций из Фракии в Малую Азию через современный пролив Босфор, сокращенное Гомером до πόντος (так как было общепонятным⁹⁷), и противопоставленное в качестве обозначения конкретного моря понятию πόντος, обозначавшему «море» в целом. Акватория Черного моря была противопоставлена Босфору или Геллеспонту как «негостеприимный путь» (ἄξεινος πόντος) «гостеприимному» — πόντος без каких-либо дополнительных определений, в частности, дважды у Геродота (VII. 36, 95)⁹⁸. В целом, эти выводы были повторены и в следующей по времени публикации⁹⁹.

У.С. Аллен со ссылкой на работу А.А. Фреймана¹⁰⁰ выступил с критикой идеи Мурхауза и в поддержку концепции М. Фасмера об иранском заимствовании при образовании названия

до н.э. из Ольвии; IosPE I2 201 — III в. до н.э. из Ольвии). Форма Εὔξεινος фиксируется южнее — во Фракии (IK Byzantion 6 478 г. до н.э. — фактически цитата из «Пира мудрецов» Афиня (XII. 50A); IScM I 227 = SEG 32.684 — III в. н.э. из Малой Скифии). Таким образом, обе формы εὔξεινος и εὔξεινος имели хождение приблизительно в одно время.

⁹⁶ Moorhouse 1940: 125.

⁹⁷ Слабость этой точки зрения, не основывающейся на конкретных источниках, выделял и сам Мурхауз, признававший ее недоказуемость (Moorhouse 1940: 126).

⁹⁸ Moorhouse 1940: 126–128.

⁹⁹ "... the phrase ὁ ἄξεινος πόντος (from which ὁ εὔξεινος πόντος, the name of the Black Sea in Greek) meant 'the inhospitable sea'; and that then, from this phrase πόντος was abstracted with the meaning 'sea'... πόντος is not a term interchangeable at all with θάλασσα. The explanation of this restriction of use must be sought in the origin of πόντος" (Moorhouse 1941: 96).

¹⁰⁰ Фрейман 1930: 647–651 (исследовательская методика и выводы Фреймана были поддержаны в специальном параграфе «О наименовании Черного моря в древности» статьи Л.А. Ельницкого — Ельницкий 1950: 196–197); Allen 1947: 86–88.

Εὐξεινος Πόντος, грецизированного в середине VI в. до н.э. В частности, он отстаивал закономерность перехода авест. *axšaēna* > ἄξεινος¹⁰¹. Аллен основывается на распространенности иранских языков, родственных авестийскому, в Северном Причерноморье, где первые эолийские торговцы и должны были заимствовать это понятие для обозначения Понта, а также на исправлении¹⁰² Jahbun (или иных предлагавшихся написаний) в главе XIII индийского извода XIV в. среднеперсидского текста *Zandāgāhīh* (из «Бундахишна») на XŠYN (*xašen*) при обозначении некоего «римского» моря, предложенном А.А. Фрейманом¹⁰³. Слабость аргументации на основе исправления манускрипта, выбивающегося из общей рукописной традиции, и отличия которой считаются поздними инновациями, была очевидна и У.С. Аллену¹⁰⁴: знакомство скифо-сарматских племен с акваторией Черного моря как с «темным» в форме *axšaēna* остается не доказанным. К тому же под Римским морем в арабской географической традиции, влияние которой на средневековую персидскую вполне объяснимо, понималось современное Средиземное море¹⁰⁵. Показательно, что и Р. Шмитт сначала воспринял аргументацию на основе исправлений в «Бундахишне» как «до сих пор не отмеченное свидетельство»¹⁰⁶, а затем отверг¹⁰⁷.

¹⁰¹ С закономерностью перехода согласился и Мурхауз (Moorhouse 1948: 59).

¹⁰² Рукописная традиция *Zandāgāhīh* не позволяет надеяться на однозначность интерпретации анализируемого фрагмента: «Написания этого названия в дошедших до нас средневековых источниках не совпадают; еще более расходятся чтения этого названия учеными, занимавшимися данным памятником... Сравнивая приведенные начертания, мы видим, что они допускают возможность различного чтения» (Фрейман 1930: 649). Далее Фрейман предлагает не иное чтение установившегося начертания, а исправление самого текста: «В самом деле, стоит только соединить в начертании третий знак со следующим за ним, и мы получаем XŠYN...» (Фрейман 1930: 651).

¹⁰³ Allen 1947: 86–88; Allen 1948: 60.

¹⁰⁴ Сам Аллен заключает: “The stemma of the Bundahišn MSS. ... suggests that any divergence in K. 20 from the general consensus of the other manuscripts is likely to be an innovation; since this is the manuscript most favourable to Freiman’s conjecture, some further doubt is cast on his claim” (Allen 1948: 60).

¹⁰⁵ Подробнее см.: Nazmi 2007: 220–226.

¹⁰⁶ Schmitt 1985: 410.

Дискуссия между Мурхаузом и Алленом продолжилась далее. Мурхауз настаивал на том, что основным препятствием для того, чтобы принять теорию Фасмера и ее сторонников, в том числе Аллена, является само понятие *πόντος* в гидрониме *Πόντος Ἰξείνος* / *Εὔξεινος*: *πόντος* изначально значило «путь» и смысл «море» приобрело лишь, будучи использовано в названии *ὁ Ἰξείνος Πόντος*. Исходный смысл понятия *πόντος* виден в названии *Ἑλλήσποντος*, употребленном Геродотом для обозначения Пропонтиды и ее округи, то есть современного Мраморного моря и Дарданелл.

По мнению Мурхауза, *πόντος* — поэтическое название особых морей в языке Гомера, классической греческой прозе и поэзии. Предположение же о заимствовании *Ἰξείνος* < **axšaina*- не объясняет ни связи понятия *πόντος* с Пропонтидой и Геллеспонтом (Босфором), ни (если понятие *πόντος* в момент заимствования все еще значило «путь») причины его использования для обозначения современного Черного моря в сочетании с авест. *axšaēna*. Если же предположить, что *πόντος* к этому времени уже значило «море», а *axšaēna* было к нему лишь присоединено, то снова возникает тот же вопрос: как понятие *πόντος* приобрело значение «море».

В качестве итога Мурхауз заключает: «Название *ὁ Ἰξείνος πόντος* является наиболее примечательным *как целое*: оно должно рассматриваться в его целостности». Последняя фраза особенно характерна для точности передачи теории Мурхауза: «Анализировать термин *Ἰξείνος* сам по себе значит не столько ставить телегу впереди лошади, сколько обходиться без лошади вообще»¹⁰⁸.

Нельзя не отметить того, что оба термина — *Ἰξείνος* и *Εὔξεινος* — в отношении Понта впервые фиксируются в греческой литературе одновременно в первой половине V в. до н.э. в одах Пиндара:

...ἐν δ' Εὐξείνῳ πελάγει φαεινὸν Ἀχιλεὺς νῆσον ...
«И Ахилл в Эвксинском море (держит) сияющий остров...».
(Nem. IV. 49 – ок. 473 г. до н.э.);

¹⁰⁷ Schmitt 1996: 221.

¹⁰⁸ “To deal with *Ἰξείνος* by itself is not so much putting the cart before the horse as doing without the horse altogether” (Moorhouse 1948: 59–60).

...σὺν Νότου δ' αὔραις ἐπ' Ἀξεινοῦ στόμα πεμπόμενοι ἦλυθον¹⁰⁹
 «Гонимые дуновением южного ветра, устья Аксина достигли они».
 (Pythia. IV. 203 – около 462 г. до н.э.).

В первом цитированном фрагменте «море» упоминается как πέλαγος, что обесценивает аргумент Мурхауза о неразрывности связи между πόντος и ἄξεινος в названии Πόντος ἄξεινος, а во втором не упоминается вовсе — Пиндар говорит лишь об «Аксине». Отсутствие неразрывной связи между πόντος и его определением в древнегреческом названии современного Черного моря видна и из того, что еще Гомером «понтом» обозначалось Икарийское море (II. II. 145), а Геродотом — Эгейское (II. 97), тогда как Евпипид обозначал Понт как ἄξεινος πόρος (Iphig. Taug. 253). Причина появления определения ἄξεινος в отношении Понта в схеме Мурхауза остается неясной. Очевидно, что древнегреческие определения Понта появились вне зависимости от самого понятия πόντος.

I. 2. 5. Гипотеза Г. Хирта и Р. Шмитта

В исследованиях по истории названий морей предполагается не только связь между древнегреческими названиями современного Черного моря и др.-ир. *axšaina-. Г. Хирт еще в 1926 г., то есть ранее Г. Якобсона, попытался соединить теории М. Фасмера и Л. де Соссюра и высказался в пользу происхождения др.-ир. понятия *axšaina-, якобы бытовавшего для обозначения Черного моря, из противопоставления цветообозначений «черный» — «красный» по линии «север» — «юг», свойственного, в частности, китайской традиции. Однако, в отличие от Якобсона (и М. Пекавея!), Хирт не связывал появление этого понятия со скифами. Породить это название, по мнению Хирта, мог только народ, знавший берега обоих морей, то есть, предположительно, «персы или иной древний этнос»¹¹⁰.

В дальнейшем эти идеи де Соссюра, Фасмера и Хирта были развиты в работах Р. Шмитта¹¹¹. По его мнению, в иранской и тюркской традициях черным цветом обозначался север, а «черное» и «красное» начала противопоставлялись по линии «се-

¹⁰⁹ Цит. по: Race 1997: 284.

¹¹⁰ Hirt 1926: 430–431 (Hirt 1940: 260); также см.: Lommel 1926: 150–155.

¹¹¹ Schmitt 1978: 29; Schmitt 1985: 409–415; Schmitt 1996: 219–224.

вер» — «юг»¹¹². Шмитт признает, что такие талассонимы как «черное» или «темное» море не зафиксированы в источниках, но, тем не менее, настаивает на том, что именно такое исходное древнеиранское определение было усвоено греческими поселенцами Северного Причерноморья и переосмыслен в духе «народной этимологии»¹¹³.

В исследованиях Р. Шмитта предполагается, что исходный смысл названия Понта — «черный», заключенный в иранском

¹¹² “Vielmehr ist der Name, zumal er ja mit zumindest dem des «Roten Meeres» in einem Systemzusammenhang steht, mit kosmologisch-kosmographischen Vorstellungen zu verknüpfen, die im Fernen Osten deutlich zutage treten, die den Iranern offenbar nicht fremd gewesen sind und auf die als erster Saussure 1924 hingewiesen hat” (Schmitt 1985: 411); “Instead of names like East being ‘towards the sunrise’ or being ‘in front of us’ [здесь идет полемика с Л. де Соссюром (de Saussure 1924: 29–30). — М.Б.] we find here the four cardinal points designated in a symbolic manner by colour names, as they are widely attested around the globe, and in that part of the world chiefly in a way that black (or dark) stands for north, red for south, white for west, and green [к сожалению, в своем исследовании Р. Шмитт не обращается к данным арабской географической литературы, в которой зеленый цвет прилагался именно к западному — Атлантическому океану. — М.Б.] or light blue for east. There can be no reasonable doubt that the appellations of the *Black Sea* and the *Red Sea* are remnants of such a system... ‘Black Sea’, as reflected in Iranian **Axšaina-*, is then the natural designation for the counterpart in the north...” (Schmitt 1996: 221–222).

¹¹³ “Dieser (in alter Zeit allerdings nicht bezeugte) iranische Name des Schwarzen Meeres ist von Griechen wohl des Pontos-Bereiches in seiner fremden Lautung entlehnt...” (Schmitt 1985: 410); “The Iranian name of the Black sea, thought being not attested as a thalassonym in ancient times, initially has been adopted in its foreign shape by the Greeks, very probably by those in the cities on the northern shore of the Black sea, and then has been slightly altered by popular etymology and by an assimilation to Ionian Greek ἄξεινος ‘inhospitable’ (Schmitt 1996: 220).

Тем удивительнее выглядят ссылки на др.-ир. **axšaina-* как источник древних названий Черного моря, как на данность, не требующую дополнительных комментариев, например: «Название возникло в глубокой древности. Наиболее ранняя из известных форм — иран. *Ахшаена* («темное»)). Отсюда заимствовано древними греками как в переводной форме — *Понтас Мелос* («Черное море»), так и в переосмысленной *Аксеинос* «негостеприимное». Позже с развитием греческой колонизации берегов моря, оно стало называться *Эвксеинос* (*Понт Эвксинский*) «гостеприимное». Происхождение названия связано с распространенным в вост. странах цветовым обозначением стран света, согласно которому черный цвет обозначал С., т.е. *Черное море* «северное море» (Поспелов 2008: 485; сохранена орфография оригинала. — М.Б.).

термине, был сохранен и каким-то образом передан в тюркскую традицию¹¹⁴. В последней по времени публикации, в которой затрагивается происхождение древнегреческих названий современного Черного моря, гипотеза о заимствовании **axšaina-* > ἄξεινος в значении «темное», то есть «северное» (море) > «негостеприимное» преподносится как «хорошо известный» факт¹¹⁵. Гипотеза Р. Шмитта пользуется безоговорочной поддержкой в современном антиковедении¹¹⁶.

С одной стороны, Шмитт, как кажется, преодолевает одну из трудностей, встающих при рассмотрении гипотезы Фасмера: название «темное море» в смысле «северное» не могло быть дано скифами, так как для них современное Черное море было бы южным. По его мнению, это название появляется при Ахеменидах, которые непосредственно знали и Черное и Красное моря (Пер-

¹¹⁴ “Da andererseits nun aber in der Antike und im lateinischen Mittelalter die Begriffe Πόντος Εὔξεινος / Pontus Euxinus ... gebräuchlich gewesen sind, kann der Betrachter nicht umhin anzunehmen, daß der ‘alte’ Name ‘Schwarzes Meer’ im Vorderen Orient erhalten geblieben ist, bis die nach Westen vordringenden Türken ihn aufnahmen und ihm erneute, weitere Verbreitung sicherten” (Schmitt 1985: 410); “In more recent times we find this name of the Black Sea only since the 13th century, e.g. in Turkish *Kara Deniz*, Arabic *al-Baḥr al-Aswad*... Never the less this name, as we have seen, actually is much older... one can not but assume that the ‘old’ name of the *Black Sea* has survived with its original meaning in the Near East, until the Turks borrowed it and propagated anew” (Schmitt 1996: 220–221).

¹¹⁵ “It is well known that the Greeks’ name for the Black Sea Πόντος Εὔξεινος ‘the Hospital Sea’, is nothing other than the result of a euphemistic antiphrasis. It was created as the opposite to Πόντος ἄξεινος, a name which they obviously understood as ‘the Inhospitable Sea’. Both of these forms are relatively old and are first attested in Pindar. Now this ‘Inhospitable Sea’ is a rather strange thalassonym, which demands an explanation. The answer to this puzzling question is that in reality the name is of Iranian origin; it is Old Iranian *axšaina-* ‘dark-coloured’, which in a symbolic manner also has the meaning ‘northern’. Long before the time of its first attestation in an Iranian language the Greeks must have adopted this name, which from the view-point of the Iranian name-givers denoted the ‘North Sea’, and they changed it slightly by assimilating it to the Ionic ἄξεινος ‘inhospitable’” (Schmitt 2007: 140).

¹¹⁶ Например: “Im übrigen hatte Vasmer’s Deutung seit Boisacq 1924 praktisch allgemein Zustimmung gefunden” [Schmitt 1985: 414 (Anm. 2)]; Тохтасьев 2008: 199–200 (происхождение ἄξεινος из др.-перс. *axšēn* со ссылкой на работы Р. Шмитта); Дан 2008: 179–180.

сидский залив и совр. Красное море), которые были для них северным и южным соответственно¹¹⁷.

Однако, теория Хирта — Шмитта признает возможность цветовой ассоциации морского бассейна, свойственной, прежде всего, иранским кочевникам, лишь за персами, тогда как современное Черное море могло оказаться для причерноморских скифов, контакты которых до расселения в Восточной Европе с прототюрками и китайцами, выглядят хотя бы отчасти правдоподобными, и «западным» (в VIII в. до н.э. скифы кочевали на Кавказе¹¹⁸), и даже «северным» (в VII в. до н.э. скифы активно действовали на просторах Северной Месопотамии, дойдя и до южных пределов Восточного Средиземноморья). В этот период скифы определенно вступали в контакт с персами, а на раннем этапе греческой колонизации Понта — с греками, и можно предполагать, что информация о современном Черном море могла быть доступна и персам, и грекам в скифской передаче.

Несмотря на решительные утверждения Р. Шмитта (“there can be no reasonable doubt...”), имеются и другие весьма резонные сомнения в правдоподобии гипотезы о происхождении древнегреческих определений Понта путем «народного этимологизирования» др.-ир. *axšaina-. Прежде всего, такой механизм образования талассонима совершенно не свойственен античной традиции: выйдя на берега моря, нового для греков, с которым им еще только предстояло познакомиться, иные факторы должны были обусловить формирование названия моря, а именно: название доминирующей

¹¹⁷ “As the name must come from a people that knew both the Black Sea in the North and the Red Sea in the south and as such terms were unknown to the peoples of the ancient Near East, it seems very probable that these names came into being under the Achaemenids. Since both appellations are attested first in the 5th century B.C., that very century is the latest possible date which may be assumed for the origin of this particular system of names, which, however, can not be older, because the former Mesopotamian peoples did never use and obviously did not know such names. And since these names can have originated only in the lands between the Black Sea and the several parts of the Ἐρυθρὴ θάλασσα, the idea suggests itself that this geographic nomenclature has been formed in the early period of the Achaemenid Empire, which in the north, as is well known, included part of the Black Sea and in the south all the lands along that ‘Southern Sea’ from the Indus River to the Nile” (Schmitt 1996: 222).

¹¹⁸ Подробнее см.: Иванчик 2001: 137–228.

местности, этноса, близость иных уже известных мест или связь с каким-либо легендарным героем греческой традиции. Данный механизм прослеживается практически по всем талассонимам, известным из античной географической традиции.

Обозначения морей в античной традиции в целом можно подразделить на несколько легко вычленимых групп. Не стремясь исчерпать все засвидетельствованные в античной традиции талассонимы, можно ограничиться характерными примерами из наиболее авторитетных источников, прежде всего сочинений Геродота, Страбона и Клавдия Птолемея.

К первой группе можно отнести абстрактные названия, как, например, Μεγάλη θάλασσα, под которым в истории индийского похода Александра Македонского подразумевается современное Аравийское море — северная часть Индийского океана, ἡ καθ' ἡμᾶς θαλάττη (Strabo. II. 5. 25), *Mare nostrum*, *Mare internum* (*intestinum*) или *Mare magnum* — обозначения современного Средиземного моря¹¹⁹. К этой же группе можно отнести и такие названия как Южное — ἡ νοτιή θάλασσα (напр.: Herod. III. 17), Северное — ἡ βορρῆη θάλασσα (напр.: Herod. II. 32), Западное и Восточное моря — обозначения, использовавшиеся *ad hoc*, для обозначения не какого-то конкретного водоема, за которым это название было бы закреплено в качестве постоянного талассонима [так, Каспийское море у Страбона выступает и как «восточное» — ἡ Ἐφῆ θαλάττα (II. 5. 14)], а для ссылки на море, географически противопоставленное иному морскому бассейну.

Ко второй группе можно отнести названия, данные по имени какого-либо легендарного персонажа. Таковыми являются Эгейское, Икарийское, Атлантическое или Гиппалийское моря:

Πόντος Ἰκαρίος (Hom. II. II. 144–145), Πόντος Αἰγαίος (Herod. II. 97), θάλασσα ἡ Ἀτλαντὶς καλεομένη (Herod. I. 203), τὸ Αἰγαῖον π., τὸ Ἰκάριον π. (Strabo. II. 5. 21), τὸ πέλαγος Ἰππάδος (ἢ Ἰππαλον) (Ptol. Geogr. IV. 8. 41)¹²⁰, τὸ Ἀδριατικὸν π. (Ptol. Geogr. III. 1. 10).

¹¹⁹ Античные названия Средиземного моря и его частей проанализированы в капитальном исследовании Виктора Бурра, не утратившем своей ценности до настоящего времени (Burr 1932).

¹²⁰ Анонимный автор «Перипла Эритрейского моря» (57: 19. 2–6) при описании пути между Южной Аравией и Индией не называет это море Гиппалийским (он использует талассоним τὸ Ἰνδικὸν πέλαγος), а указывает лишь

К третьей группе относятся моря, названия которых восходят к наименованию той или иной области, расположенной на его берегах, например:

ἡ τῆς Αἰγύπτου π. (Herod. II. 97), τὸ Σαρδόνιον π. (Herod. I. 166), ἡ τῆς Ὑρκανίας θάλασσα (Strabo. II. 1. 3; Ptol. Geogr. I. 12. 6), ἡ θάλαττα ἡ Κιλίκιος καὶ ἡ Συριακή (Strabo. II. 1. 31), τὸ Αἰγαῖον π. (Aesch. Agamemnon. 659, Ptol. Geogr. III. 11. 9), τὸ Λιβυκὸν π., τὸ Ἴβηρικὸν π., τὸ Λιγυστικὸν π., τὸ Σαρδόνιον π., τὸ Τυρρηρικὸν π. (Strabo. II. 5. 19, Thuc. IV. 24. 5), τὸ Αὐσόνιον μὲν πάλαι νῦν δὲ καλούμενον Σικελικὸν (Strabo. II. 5. 20, Thuc. IV. 24. 5), τὸ Κρητικὸν π., τὸ Σαρωνικὸν π., τὸ Μυρτώον π., τὸ Καρπάθιον π., τὸ Αἰγύπτιον π., τὸ Παμφύλιον, τὸ Ἴσσηρικὸν (Strabo. II. 5. 24), τὸ Βαλλιαρικὸν π. (Ptol. Geogr. II. 4. 2), τὸ Λιγυστικὸν π. (III. 1. 2), τὸ Ἴόνιον π. (Ptol. Geogr. III. 1. 12), τὸ Ἀφρικάνον π. (Ptol. Geogr. III. 4. 3), τὸ Βαρβαρικὸν π. (Ptol. Geogr. IV. 7. 4), τὸ Βαρβαρικὸν π. (Ptol. Geogr. IV. 7. 4), τὸ Ἰνδικὸν π. (Ptol. Geogr. IV. 8. 41), τὸ Ῥοδιακὸν π. (Ptol. Geogr. V. 2. 11), τὸ Λυκιακὸν π. (Ptol. Geogr. V. 3. 1), τὸ Παμφυλιὸν π. (Ptol. Geogr. V. 5. 1), ἡ Γαλλικὴ θάλασσα (Ptol. Geogr. VIII. 5. 2).

Так как названия народов и областей, как правило, тесно связаны, нередко невозможно определить от названия области или народа произошел тот или иной талассоним.

Некоторые морские бассейны не имели определенного названия, а обозначались по доминирующим местностям по принципу «море возле»: ἡ κατὰ Σύμην τε καὶ Ῥόδον θάλασσα (Herod. I. 174), ἡ ἐπὶ στήλας θαλάττη (Strabo. II. 1. 31), τό τε πρὸ τῶν Σύρτεων καὶ τῆς Κυρηναίας καὶ αὐτὰι αἱ Σύρτεες (Strabo. II. 5. 20). Этот ряд названий можно продолжить и Пропонтидой — «Μορεμ рядом с Понтом» — «τὸ Αἰγαῖον καὶ ὁ Ἑλλήσποντος ἐκδίδωσι πρὸς ἄρκτον εἰς ἄλλο πέλαγος, ὃ καλοῦσι Προποντίδα» (Strabo. II. 5. 22), и иными талассонимами, например, ἡ θαλάττη τῆς τε Κασπίας καὶ τῆς Κολχικῆς (Strabo. XI. 1. 6).

на то, что в честь Гиппала названы муссоны, с помощью которых Гиппал первым проложил путь через открытое море между Южной Аравией и Индией. Гиппалийские ветры, но не море, упоминает и Плиний Старший (VI. 100). Подробнее см.: Бухарин 2007: 174–186.

К этой же, четвертой, группе можно отнести и те талассонимы, названия которых восходят не к конкретным топонимам, а к «местам» вообще: *Mare mediterraneum* или ἡ ἔξω <Ἡρακλέων> στηλέων θάλασσα (Herod. I. 203 = «Море за (Геракловыми) Столбами», то есть современный Атлантический океан).

Происхождение некоторых названий до сих пор не нашло однозначного толкования, например — обозначения Азовского моря Μαῖωτις и *Temarunda* (Plin. NH. VI. 20) или Каспийского — Κασπίη θάλασσα (Herod. I. 202–203).

Таким образом, «народная этимология» заимствованного цветового обозначения не укладывается в нормы образования названий морей в античной традиции ни в целом, ни в частности.

Кроме того, предполагаемая особенность мировоззрения иранских народов — обозначение севера черным цветом, появление в этой связи и бытование наименования «Черное море» в значении «северное» в иранской, и в античной традиции осталась не проиллюстрированной. Сами древнеиранские термины **apāxtara-*, **apaxādra-* («назад», то есть «севернее»¹²¹) и **ra-piθwā-* («полдень»), **rapīθwānatara-*, **rapīθwitara-* («южнее», «южный»)¹²² не выдают какой-либо связи с цветовой символикой и говорят против ассоциирования севера с черным, а юга — с красным цветом.

Обращаясь к китайской космографии, можно обнаружить, что цветовые ассоциации имели второстепенное значение при обозначении стран света. В древнекитайской астрономии имелось пять созвездий — созвездий Пяти Императоров, имевших определенные цветовые обозначения: восточному соответствовал синий цвет¹²³, южному — красный, центральному — желтый, западному — белый, северному — черный¹²⁴. Однако первичными являются ассоциации сторон света по императорам: сами по себе цвета не существуют. Схема цветовой геосимволики, предложенная Шмиттом, принципиально отличается от нее: «центр» никаким цветом не обозначен, тогда как восток, якобы, обозначался желтым, зеленым или синим началом¹²⁵.

¹²¹ Bartholomae 1904: 79.

¹²² Bartholomae 1904: 1509.

¹²³ Указывается также «зеленый или светло-синий», напр.: de Saussure 1924: 25.

¹²⁴ Таскин 1992: 292; Подосинов 1999: 50–51, 55.

¹²⁵ Schmitt 1985: 411.

Из реконструированной же де Соссюром системы древнекитайской гео- и космографии был взят лишь один принцип: отождествление севера с темным, а юга со светлым началами. С одной стороны, понятием «Юду» (букв. «обитель мрака») обозначались отдаленные земли на севере¹²⁶. Однако и данный аспект необходимо рассматривать в контексте не цвето-, а, скорее, «светообозначения» (в данном аспекте китайские космографические представления совпадают с арабскими). При этом в современных исследованиях существенно смещаются акценты — «черное» начало китайской превращается в «темное» иранской¹²⁷.

В исследованиях, опирающихся на схему де Соссюра, упускается из виду, что ассоциация цвета со стороной света было вторичным отражением схемы Пяти Фаз (иногда называемых «сферами»), в которой цвет, наряду с животными, временами года, органами тела, вкусом, числом и прочими составляющими, был лишь одним из многих проявлений Земли, Дерева, Металла, Огня и Воды¹²⁸. При этом отмечается влияние тюрков при династиях Цинь (221–206 гг. до н.э.) и Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) на распространение именно зодиакальной, а не цветовой, символики¹²⁹.

Еще более важным для рассматриваемого сюжета является то обстоятельство, что первоначально схема Пяти Фаз представляла собой комбинацию из четырех элементов, и что Вода, ассоциируемая с черным цветом появилась в этой схеме позднее других элементов, — в период правления династии Хань при том, что сама схема из четырех сфер должна была появиться в период династии Цинь¹³⁰ или, по более смелым предположениям, в период Сражающихся царств (453–221 гг. до н.э.)¹³¹.

¹²⁶ Таскин 1990: 167.

¹²⁷ Сам Л. де Соссюр противопоставлял север и юг как «темное» (черепаха, свинью, крысу, быка) и светлое или «красное» начала (птицу, змею, лошадь, барана) (de Saussure 1920: 58, 85).

¹²⁸ Bielenstein 1986: 230; Loewe 1986: 690.

¹²⁹ de Saussure 1920: 87.

¹³⁰ Bodde 1986: 30; Loewe 1986: 662–663.

¹³¹ “C’est précisément à l’époque des Royaumes combattants que paraissent avoir été systématisées les théories classificatrices héritées des milieux de devins qui mettent en corrélation et regroupent dans des ensembles spatio-temporels des vertus fondamentales à la fois opposées et contemporaines (*yin* et *yang*, puis sences mâles et femelle, et Cinq Éléments)” (Gernet 1972: 94–95).

Таким образом, ко времени первых фиксаций гидронима Πόντος Ἰξείνος, элемент Ἰξείνος в котором, якобы восходит в конечном итоге к китайской традиции, сама схема, в которой черный цвет, ассоциируемый с севером, является проявлением Воды, в самой китайской традиции еще не сформировалась и, соответственно, не могла быть распространена среди тюркских и иранских народов. Следовательно, один из основных элементов теории де Соссюра лишен основания.

Показательно, что разделение вселенной на четыре части и центр и ассоциация частей с социальными классами и жертвенными животными (конь, корова, овца, коза), без дополнительного цветообозначения, были свойственны и древнеиндийской традиции. При этом отмечается совпадение животных, перечисленных в данном контексте в «Артхашастре» Каутильи, изображениям на некоторых памятниках скифского изобразительного искусства и делается вывод, что данная символика восходит, как минимум, ко времени индоиранского единства¹³².

Вызывает серьезные сомнения и уравнивание иранской и тюркской цветовой геомиволики. На ее несовпадение указывает, например, гидроним Сефидруд (*Safīdrūd* — «белая река») — персидское наименование реки Ἰμαρδός (Ptol. Geogr. VI. 2. 2)¹³³, впадавшей в Каспийское море. В тюркской традиции (вероятно, уже в XI в.) он передан как *Kizil-özän*, а в монгольской — как *Hülän-mürān* («красная река»): «белое», то есть по схеме де Соссюра, «западное» начало в иранской традиции было отождествлено с «красным», т.е. «южным», в тюркской¹³⁴. Последнее вполне объяснимо, если не упускать из вида, что тюрки пришли в данный регион с севера. Однако, если принять Сефидруд за отражение исходного иранского названия и иранской цветовой геосимволики, то расположение Сефидруда к северу от основного ареала обитания иранских племен на территории современного Ирана могло бы указать на связь севера с обозначением белым, но не черным, цветом. Впрочем, происхождение гидронима Сефидруд остается неясным.

¹³² См. подробнее: Никольская 2005–2009: 373–375.

¹³³ Andreas 1894: 1734.

¹³⁴ Подробнее см.: Minorsky 1957: 66; ссылкой на этот пример я обязан профессору Д.Т. Поттсу (Сидней).

Интересно, что у Пянджа имеется южный приток, в тюркском названии которого прослеживается цветовая семантика: тюркский Кызылсу («красная вода»). Пяндж при слиянии с Вахшем образует современное течение Амударьи (древний Окс, то есть Вахш в его главном течении). У Амударьи имеется уже северный приток, иранское название которого, однако, содержит ту же цветовую семантику — Сурхандарья. Таким образом, и в данном случае тюркское и иранское название с одинаковой семантикой относятся к двум противоположно текущим рекам.

Практически все среднеиранские рефлексы др.-ир. **axšaina* имеют значение «голубой», «синий», «небесный», «зеленый»¹³⁵. Следовательно, какая-либо связь между гипотетическим обозначением севера в иранской геосимволике именно с черным цветом и др.-ир. **axšaina* едва ли может быть надежно обоснована, и название Черного моря не может быть пережитком (*remnant / Rudimente*¹³⁶) этого мировоззрения — следовало бы ожидать или иного цветообозначения или появления в древнегреческом определении «темное». Однако какого-либо персидского и вообще иранского обозначения Черного моря (как и иных морей) в древности не зафиксировано. Следовательно анализировать некое исходное иранское обозначение Черного моря, от которого могло произойти его древнегреческое обозначение, методологически некорректно.

И как могло быть заимствовано понятие в значении «темный» < «северный», если для значительной части иранских кочевников, прежде всего скифов, живших севернее современного Черного моря, это море было «южным», то есть, если следовать де Соссюру и Шмитту, — «красным»? В таком случае в отношении современного Черного моря следовало бы ожидать рождение у скифов гидронима «Красное море».

Показательно, что в северопричерноморских надписях встречается значительное количество сарматских имен собственных, интерпретируемых на основе осетинского **sāw* («черный»)¹³⁷, восходящего к др.-ир. **syāca*. Если верно чтение в тек-

¹³⁵ Hübschmann 1884: 427–428; Лившиц, Хромов 1981: 397.

¹³⁶ Schmitt 1985: 411.

¹³⁷ Подробнее см.: Иванчик 2008б: 66–76.

сте Геродота (IV. 76) Σαυαῖος вместо Σαύλιος¹³⁸, то и в скифском мире обозначение «черноты» основывалось на рефлексах др.ир. **syāuca*¹³⁹. Если бы идея «черноты» Понта была свойственна древнеиранской традиции, то ее анализ был бы методологически более оправдан при обращении к такому, в отличие от производных от **axšaina*- засвидетельствованному в источниках, цветообозначению. В противном случае пришлось бы уравнивать «черноту» и «не-светлость», «бледность».

Слишком большое количество необходимых допущений и вопросов без ответов говорит против того, что понятие ἄξεινος в отношении Понта было рождено персами в значении «северное». Таким образом, практически единственным аргументом в пользу гипотезы Р. Шмитта остается созвучие рефлексов др.-ир. **axšaina*- и др.-гр. ἄξεινος.

1. 3. ἄξεινος ≠ др.ир. **axšaina*-

Существует целый ряд причин, по которым теория М. Фасмера не может быть принята.

1. 3. 1. Семантические несоответствия

Одним из главных контраргументом против идеи о заимствовании ἄξεινος из каких-либо рефлексов др.-ир. **axšaina*- (авест. *axšaēna* или ср.перс. *axšēn*) является несоответствие исходного понятия его предполагаемой семантике.

1. 3. 1. 1. Этимология др.ир. **axšaina*-

При предполагаемом заимствовании **axšaina*- в форме ἄξεινος и ее переосмыслении в εὔξεινος не была перенята точная семантика обозначения Понта. С одной стороны, это и не удивительно: ведь греки переняли не идею (хотя М. Фасмер настаивал на наличии представлений о «черноте Понта» в античной традиции), а, по мнению Р. Шмитта, лишь название. С другой стороны, если бы идея «черноты» современного Черного моря бытовала

¹³⁸ Schmitt 2003: 18; Иванчик 2009: 72.

¹³⁹ В.И. Абаев приводит десять имен собственных и этнических названий, которые могут быть возведены к **syāuca* (Абаев 1949: 183–184). О трудностях этимологического анализа этих прилагательных свидетельствует тот факт, что родственные ему *сивый* в русском и *šivas* в литовском имеют прямо противоположное значение — «светлый», «белый».

в иранской традиции, то вряд ли для соответствующего обозначения был бы выбран термин **axšaina-* и его рефлекс в персидском или авестийском.

Точное «цветовое» определение др.-ир. **axšaina-* как «темный» (“dunkelfarbig”, “nichtlicht”)¹⁴⁰, «черный» представляется едва ли доказуемым. Согласно этимологическим исследованиям, авест. *axšaēna* означало «синий», «голубой», «зеленый», «сизый», «серый», «не-светлый»¹⁴¹. Рефлексы общеиранского **axšaina-* от корня **xša(i)-* обычно обозначают «темно-синий», «синий», «голубой», «сизый», «зеленый» цвет¹⁴². В древнеперсидском (DSf 39) прилагательное *axšaina* используется в частности для описания бирюзы¹⁴³, и фраза *kāsaka | hya | axšaina* трактуется «камень, который синий / голубой»¹⁴⁴). Данное цветообозначение при все полисемантической значении *axšaina* вряд ли может соответствовать предполагаемой «черноте» Понта. «Несветлость» бирюзы вовсе не тождественна «черноте» моря, постулируемой на основе данного заимствования.

В иранских языках имелись и другие термины со схожим значением, например, др.-перс. *kapautaka-* — «синий», ср.-перс. *tārīk*, авест. *sāma* — «темный», согд. *š'w*¹⁴⁵, хор. *s'w*¹⁴⁶, ишк. *šū*¹⁴⁷, авест. *taθriya* (< др.-ир. **tā(n)θra-/ *ta(n)θrija-*)¹⁴⁸; др.-ир. **har-*¹⁴⁹. Почему же для предполагаемого цветообозначения Понта должен

¹⁴⁰ Bartholomae 1904: 51; упоминается в: Aog. 79, V. 22. 4 (“...on to three will I give in return a thousand brown oxen, in which there is no blemish...”; цит. по: Darmesteter 1880: 231).

¹⁴¹ Ср.: «голубиный» (Miller 1903: 90); «голубой» (Geiger 1895–1901: 306; Gray 1902: 11; Morgenstierne 1929: 409); «зеленый» (Gray 1902: 40); «сине-зеленый» (Hinz 1975: 25; Tavernier 2007: 548); «сине-черный (камень)» (Frisk 1966: 212).

¹⁴² Cheung 2002: 169; Эдельман 2009: 71, 184.

¹⁴³ Предлагаются следующие варианты трактовки: бирюза, янтарь, гематит (красный железняк); подробнее см.: Kent 1931: 207; Kent 1933: 18.

¹⁴⁴ Подробнее см.: Расторгуева, Эдельман 2000: 284; de Blois 2007: 4–8.

¹⁴⁵ Лившиц 2006: 214.

¹⁴⁶ Эдельман 2008: 17.

¹⁴⁷ Grierson 1920: 20, 120.

¹⁴⁸ Эдельман 2008: 16.

¹⁴⁹ О значении древнеиранских обозначений «черноты», «темноты» см.: Эдельман 2009: 71–72, 184–185.

был быть выбран именно термин, производный от **axšaina-*? И каким образом из семантически столь размытого понятия с вариациями от серого (голубинового) и зеленого до синего могло родиться представление о «черноте»? Показательно, что в исследованиях по авестийскому языку указывается на то, что авестийский суффикс *-aēna* (< др.-ир. **-aina*) вообще не использовался для цветообозначения, но употреблялся для образования прилагательных от названий материй («железо», «серебро», «кожа» и др.)¹⁵⁰.

Само предложенное «цветовое» значение («не-светлый») для др.-ир. **axšaina-* представляется также не вполне точным. Значение **axšaina-* следует, вероятно, трактовать не по линии «светлый» — «темный», а по линии «яркий» — «неяркий», «бледный»¹⁵¹. На это, в частности, указывают как значение глагола *kṣā* и его производных в санскрите, в том числе в ведийском — «жечь», и его производных в значении «свет», «блеск»¹⁵², так и значение др.-ир. **xšaēta* — «светлый»¹⁵³.

Таким образом, значение др.-ир. **axšaina-* и его рефлексов в иранских языках следует скорее определить как «бледный», «неяркий», что ни имеет ничего общего с предполагаемой «темной», «не-светлостью». Соответственно при попытке обосновать происхождение древнегреческих названий современного Черного моря и сохранения семантики рассматриваемого гидронима следует скорее исходить из значения «бледный» для **axšaina-*.

Согласно другой точке зрения, **axšaina-* этимологическим восходит к **axša-* + *-ina* в значении «цвета купороса»¹⁵⁴. Против возведения **axšaina-* к **a-xšaina-*, как кажется, говорит то, что авестийский суффикс *-ina* использовался в значении «состоящий из чего-либо», «принадлежащий к чему- / кому-либо»¹⁵⁵.

¹⁵⁰ Williams Jackson 1892: 229.

¹⁵¹ Ср., например, имя *Xšēt* в согдийских документах из Нисы в значении “light red” (MacKenzie 1986: 110). Его антоним следовало бы трактовать как «неяркий», «бледный». См. также: Бухарин 2013б.

¹⁵² Böhtlingk 1881: 123; Елизаренкова 1982: 40.

¹⁵³ Bartholomae 1904: 541.

¹⁵⁴ Bailey 1951: 194; Расторгуева, Эдельман 2000: 284; de Blois 2007: 8; о возможности сопоставления др.-ир. **axšaina-* и авест. *axšaēna* с **akša* см.: Mayrhofer 1986: 3; Эдельман 2009: 71.

¹⁵⁵ Williams Jackson 1892: 230–231.

Трактовка **axšaina-* как **axša-ina-* в значении «купоросного цвета», «зеленый», то есть «молодой», «юный»¹⁵⁶, противоречит этому положению.

Если же тем не менее следовать гипотезе о происхождении ἄξεινος из др.-ир. **axšaina-* и последующем переосмыслении ἄξεινος в εὔξεινος, то уместно поставить вопрос о происхождении самой идеи, заложенной в основе предполагаемого древнеиранского обозначения. Определенно, этой идеей не могла быть «чернота».

I. 3. 1. 2. Цветовое обозначение моря в древнеперсидской традиции

Данные древнеперсидских надписей свидетельствуют, что «море» как в целом, так и в частности — какой-либо конкретный водный бассейн, — был лишен цветообозначения. Так, при упоминании «ионийцев, которые живут на море» (*Yaunā : tyā : drayahiyā dārayatīy* (XPh. 23–24)) или «ионийцев, которые [живут] на суше и на море» (*Yaunā : tyaiy : uškahyā : utā : tyaiy : drayahyā* (DPe 12–14), см. также: DSe 28–29), или «скифов, [которые живут] за морем» (*sakā : paradraiya* (A2Pa 24, DNa 28–29)), это гипотетическое море, как и море при упоминании Египта, было просто «морем»¹⁵⁷ и никаким цветом или иным образом (по

¹⁵⁶ de Blois 2007: 8.

¹⁵⁷ Термин *paradraiya* при дословном понимании точно соответствует двум географическим понятиям: ДЮА 'BR NHRN (Трансевфратена; о соответствии см.: Бухарин 2009: 49) и Мавераннахру (араб. *mā warā' an-nahr* — «то, что за Рекой», то есть Трансоксиана). Вряд ли что-то могло связывать саков (скифов) с Трансевфратеной в период Дария I. Учитывая, что к скифам, которые обитали за «морем», Дарий I отправился (*yadiy \ abiy \ draya \ avārasam \ parašim \ avadā \ hadā \ kārā \ visā \ viyatarayam* — DB. V/23–25) сразу же от скифов, которые носят остроконечные шлемы (*adam \ ašiyavam \ abiy - \ Sakām \ pasā \ Sakā \ tyaiy \ xaudām \ tigrām* — DB. V/22–23), едва ли речь может идти о прибытии к собственно «морю» и о его пересечении. В данном контексте др.-перс. **drayah-* следует трактовать расширительно: «обширная водная масса», «озеро», «большая река» (подробнее о значении **drayah-* см.: Эдельман 2009: 31–32, 66). При сопоставлении *paradraiya* с Трансоксианой в *sakā paradraiya* можно видеть не причерноморских скифов (как, например, в: Дандамаев 1985: 111), а среднеазиатских. Небезынтересным в данном контексте представляется мнение А.-П. Франкфора о том, что *sakā paradraiya* является «альтернативным» наименованием дахов (Francfort 1988: 173). Ско-

сторонам света) не обозначалось. Также и при обращении к современному Черному морю в древнеперсидских надписях оно лишено каких-либо дополнительных обозначений, будучи просто «морем», например, в Бехистунской надписи¹⁵⁸. Показательно, что Р. Шмитт, естественно, обративший на это внимание¹⁵⁹, не дает этому обстоятельству никакого объяснения.

Если бы противопоставление севера и юга по линии «черный» — «красный» было органически свойственно персидской традиции и не было заимствовано из иной традиции, то оно было бы свойственно иранской традиции в целом, то есть и скифам. Если же предположить вслед за Л. де Соссюром, что эта система была унаследована персами от китайцев, то требует ответа вопрос о механизме проникновения такой геосимволики именно к персам.

Заимствование иранского определения для обозначения акватории современного Черного было бы правдоподобным, если бы можно было доказать, что сами иранцы использовали это понятие в тех же целях. Однако таких свидетельств нет.

Таким образом, суть идеи о заимствовании греками названия современного Черного моря от рефлексов др.-ир. *axšaina- в формах ἄξεινος > εὔξεινος в значительной степени основывается

рее, речь может идти о том, что обе группы саков, упоминаемые Дарием («носящие острые шлемы» и *paradraiya*), жили по разным сторонам «реки».

Дарий говорит в анализируемом пассаже, что он пересек *draya* на бревне: *draxtā ava hadā kārā visā viyatarayam*. Р. Шмитт переводит данный фрагмент так, что *draya* оказывается морем: “By means of a tree-trunk with the whole army I crossed it” (Schmitt 1991: 76). Конечно, пересечение моря на бревне, да еще и «со всей армией», — весьма рискованное предприятие. В данном случае, однако, может иметься в виду переправа на деревянной конструкции, подобной понтонному мосту, который мог быть проложен как через реку, так и через Боспор Фракийский (см. Herod. IV. 83).

Нельзя не отметить и того, что текст Бехистунской надписи в данном фрагменте сильно испорчен, и это обстоятельство вызывало к жизни различные варианты прочтения (см. подробнее: Schmitt 1990: 69–71). Сам издатель не вполне уверен, что предложенное чтение *[d]-r-x-[t]-a* заполняет имеющуюся лакуну: “I wonder, however, whether the restoration really fills the space available” (Schmitt 1991: 76).

¹⁵⁸ *Yadi \ abi \ draya \ avārasam...* [«Когда я прибыл к морю...» (DB V/23–24)]; об интерпретации *draya* в персидских царских надписях и анализ предшествующей литературы об отождествлении *draya* см.: Szemerényi 1980: 7–16.

¹⁵⁹ Schmitt 1985: 413.

на том, что в ираноязычной среде обитателей причерноморских степей (в формулировке М. Фасмера) или в древнеперсидском обществе (тезис Р. Шмитта) бытовало представление о Понте как о «черном» море. Однако это предположение само базируется на предполагаемом же заимствовании цветового обозначения Понта из **axšaina-* в греческий в предполагаемом значении «черный». Логически гипотеза о появлении названия Черного моря (Понта Эвксинского / Аксинского) из др.-ир. **axšaina-* противоречива: одно предположение, требующее обоснования (заимствование греками) обосновывается предполагаемым наличием идеи о «черноте» Понта из-за его расположения «на севере» в мировоззрении древних иранцев, в частности персов.

Р. Шмитт же принимает обозначение «севера» черным цветом в иранском мировоззрении как данность, не требующую доказательств. Показательно, что В.В. Иванов, в целом поддерживавший построения Шмитта¹⁶⁰, указал также и на то, что и хетты, и персы называли Черное море просто «морем» или «соленым морем»¹⁶¹. Тем не менее в его исследовании не был поставлен вопрос о возникновении противопоставления «черного» моря «красному» по линии «север» — «юг», якобы зародившегося «в области расселения древних иранцев, скорее всего в древнеперсидском царстве»¹⁶². Сторонники этой гипотезы не ставят вопрос о том, почему в определенный момент времени это противопоставление должно было зародиться.

В данной связи напрашивается и другой вопрос: если в хеттской и персидской традициях современное Черное море называлось просто «морем» (или иногда «соленым морем»), почему в какой-то момент времени оно приобрело какие-то дополнительные цветовые характеристики? Если эти характеристики, а именно — «чернота», бытовали в греческой традиции, что, как было показано выше (I. 2. 4), неверно, то почему же греки должны были заимствовать из древнеиранской традиции некое определение, никогда в этой традиции к морю не прилагавшееся? Отсутствие убедительных ответов на эти вопросы позволяет

¹⁶⁰ Иванов 1987: 39.

¹⁶¹ Иванов 1987: 38–39.

¹⁶² Иванов 1987: 30, со ссылками на работы Г. Хирта и Р. Шмитта.

поставить под сомнение схему, выработанную в трудах Р. Шмитта.

Нельзя не отметить и опасности в сопоставлении космографических мифологем с действительными географическими понятиями (в данном случае — с Черным морем), расположение которых едва ли можно согласовать с мировоззренческими представлениями. Так, например, Северным морем (*baḥr aš-šāmī*) в арабской географической традиции по инерции обозначалось Средиземное море: та его часть, которая омывала Сирию (*šām* — «север» и «Сирия»), хотя арабские географы были прекрасно осведомлены и о более северных регионах вплоть до современной Скандинавии. Тюркская географическая традиция также приспосабливала такие понятия как «Северное» или «Западное» море к конкретной историко-географической ситуации. Так, по словам китайской летописи, Муган-каган в середине VI в. владел землями от Северного моря (озера Байкал) до Западного (совр. Каспийского моря)¹⁶³.

Имеющаяся информация не позволяет подтвердить предположение Р. Шмитта о заимствовании причерноморскими греками «иранского» обозначения Черного моря, а идея о противопоставлении «черного» и «красного» по линии «север» — «юг» у народов Центральной Азии, во всяком случае, иранских, не подтверждается данными источников.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев 1949 — *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949.
- Абаев 1981 — *Абаев В.И.* Σκύθαι γεωρούοι // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 74–76.
- Бонгард-Левин, Грантовский 2001 — *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. Изд. 3-е. СПб., 2001.
- Бухарин 2009 — *Бухарин М.Д.* Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье: торговые и историко-культурные связи. М., 2009.
- Бухарин 2013а — *Бухарин М.Д.* Возникновение понятия «Черное море» в средневековых географических традициях // Monumentum

¹⁶³ Цит. по: Кляшторный 1992: 127.

- Gregorianum. Сб. научных статей памяти акад. Г.М. Бонгард-Левина. М., 2013. С. 473–495.
- Бухарин 2013б — *Бухарин М.Д.* Рефлексы **axšaina-* в иранской гидронимии // *Scripta antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2013. Вып. III. К 70-летию Э.В. Ртвеладзе (в печати).
- Воеводский 1888 — *Воеводский Л.Ф.* О происхождении названия Черного моря // Труды VI археологического съезда в Одессе в 1884 г. Одесса, 1888. Т. II. С. 124–128.
- Гаспаров, Ярхо 1990 — *Софокл*. Драмы / Изд. подг. М.Л. Гаспаров, В.Н. Ярхо. М., 1990.
- Грантовский 2007 — *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. Изд. 2-е. М., 2007.
- Дандамаев 1985 — *Дандамаев М.А.* Политическая история ахеменидской державы. М., 1985.
- Дьяконов 2008 — *Дьяконов И.М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э. / Под ред. С.Р. Тохтасьева и В.А. Якобсона. Изд. 2-е, доп. СПб., 2008.
- Дюмезиль 1986 — *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
- Елизаренкова 1982 — *Елизаренкова Т.Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982.
- Ельницкий 1950 — *Ельницкий Л.А.* Северочерноморские заметки // ВДИ. 1950. № 1. С. 188–197.
- Завойкина 2007 — *Завойкина Н.В.* ΑΙΔΗΣ в боспорских эпитафиях (предварительные наблюдения) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Мат-лы международной науч. конф. СПб., 2007. Ч. 2. С. 309–313.
- Зубарев 2005 — *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005.
- Иванов 1987 — *Иванов В.В.* Микенское и гомеровское греческое название соленого моря в свете сравнительного языкознания // Античная балканистика. М., 1987. С. 36–42.
- Иванчик 1996 — *Иванчик А.И.* Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н.э. М., 1996.
- Иванчик 2001 — *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточно-европейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001 (Степные народы Евразии. II).

- Иванчик 2005 — *Иванчик А.И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература, история. М.; Берлин, 2005 (Pontus septentrionalis III).
- Иванчик 2008а — *Иванчик А.И.* Аргонавтика, Океан и Черное море // Аверинцевские чтения. К 70-летию со дня рождения академика С.С. Аверинцева. М., 2008. С. 104–112.
- Иванчик 2008б — *Иванчик А.И.* Три надписи фиасов эллинистического времени из Танаиса (Новые данные о греко-иранском взаимодействии в Танаисе допалеонтологической эпохи) // ВДИ. 2008. № 2. С. 57–73.
- Иванчик 2009 — *Иванчик А.И.* К вопросу о скифском языке // ВДИ. 2009. № 2. С. 62–88.
- Иванчик 2010 — *Иванчик А.И.* Античная литературная традиция // Античное наследие Кубани / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова. М., 2010. Т. 1. С. 318–359.
- Кляшторный 1992 — *Кляшторный С.Г.* Хунны и тюрки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. М., 1992. С. 116–157.
- Куклина 1985 — *Куклина И.В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
- Кулланда 2011 — *Кулланда С.В.* Скифы: язык и этнос // Вестник РГГУ. Сер. «Востоковедение. Африканистика». 2011. № 2 (63). С. 9–47.
- Кулланда, Раевский 2004 — *Кулланда С.В., Раевский Д.С.* Эминак в ряду владык Скифии // ВДИ. 2004. № 1. С. 79–96.
- Латышев 1900 — Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1900. Т. I: Греческие писатели. Вып. 3 / Собрал и издал с русским переводом В.В. Латышев.
- Латышев 1947а — *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 1. С. 253–316.
- Латышев 1947б — *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2. С. 249–332.
- Латышев 1947в — *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3. С. 235–315.
- Латышев 1949 — *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 4. С. 227–287.
- Лелеков 1982 — *Лелеков Л.А.* Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традициях // Древняя Индия. Историко-

- культурные связи / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин. М., 1982. С. 148–164.
- Лившиц 2006 — *Лившиц В.А.* Предводитель чачского народа в согдийских надписях и монетных легендах // *Иранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сб. статей к 75-летию проф. А.Л. Грюнберга (1930–1995)* / Отв. ред. М.Н. Боголюбов. СПб., 2006. С. 213–220.
- Лившиц, Хромов 1981 — *Лившиц В.А., Хромов А.Л.* Согдийский язык // *Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки.* М., 1981. С. 347–515.
- Литаврин, Новосельцев 1989 — *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.
- Матвеев 2008 — *Матвеев А.К.* Географические названия Урала. Топонимический словарь. Екатеринбург, 2008.
- Никольская 2005–2009 — *Никольская К.Д.* О странном наследстве в III книге «Артхашастры» Каутильи // *Stratum-plus. Культурная антропология и археология.* 2005–2009. № 3. Скифские интерпретации. С. 371–376.
- Норманская 2005 — *Норманская Ю.В.* Цветообозначения по отношению к светилам и источникам света в древних индоевропейских языках // *Orientalia et classica: Труды Института восточных культур и античности.* М., 2005. Вып. VI. Аспекты компаративистики. С. 237–260.
- Ошеров, Рабинович 1983 — *Луций Анней Сенека.* Трагедии / Пер. С.А. Ошерова, коммент. Е.Г. Рабинович. М., 1983.
- Подосинов 1999 — *Подосинов А.В.* Ex Oriente Lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.
- Подосинов 2011 — *Подосинов А.В.* Океан, моря, проливы и реки в архаической картине мира древних греков // *Висы дружбы. Сб. статей в честь Т.Н. Джаксон* / Под ред. Н.Ю. Гвоздецкой, И.Г. Коноваловой, Е.А. Мельниковой, А.В. Подосинова. М., 2011. С. 345–357.
- Поспелов 2008 — *Поспелов Е.М.* Географические названия России. Топонимический словарь. М., 2008.
- Расторгуева, Эдельман 2000 — *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. М., 2000. Т. 1.
- Скржинская 2001 — *Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. 2-е изд. СПб., 2001.

- Соболевский 1921 — *Соболевский А.И.* Русско-скифские этюды. I–XII // Изв. Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1921 (1923). Т. 26. С. 1–44.
- Стратановский 1994 — *Страбон.* География в 17 книгах / Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. М., 1994.
- Таскин 1990 — Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. М., 1990. Вып. 2. Цзе / Пер. с кит., введение и примеч. В.С. Таскина.
- Таскин 1992 — Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. М., 1992. Вып. 3. Мужуны / Пер. с кит., введение и примеч. В.С. Таскина.
- Толстой 1918 — *Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918.
- Толстой 1966 — *Толстой И.И.* Черноморская легенда о Геракле и змее-ногой деде // *Толстой И.И.* Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966. С. 232–248.
- Тохтасьев 2005 — *Тохтасьев С.Р.* Проблема скифского языка в современной науке // *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest.* Iași, 2005. P. 59–108.
- Тохтасьев 2008 — *Тохтасьев С.Р.* Рец.: *Иванчик А.И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции. Фольклор, литература, история. М.; Берлин: Палеограф, 2005 (*Pontus septentrionalis III*) // ВДИ. 2008. № 1. С. 193–204.
- Трубачев 1975 — *Трубачев О.Н.* *Temarundam “matrem maris”.* К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья // *Античная балканистика.* 1975. Т. 2. Предварительные материалы. С. 38–47.
- Трубачев 1981 — *Трубачев О.Н.* *Indoagica* в Северном Причерноморье // *Вопросы языкознания.* 1981. № 2. С. 3–21.
- Трубачев 1999 — *Трубачев О.Н.* *Indoiranica* в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999.
- Фрейман 1930 — *Фрейман А.А.* Название Черного моря в домусульманской Персии // *Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР.* Л., 1930. Т. 5. С. 647–651.
- Чистякова 1993 — *Греческая эпиграмма* / Изд. подг. Н.А. Чистякова. СПб., 1993.

- Эдельман 2009 — *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточно-иранских языков. Лексика. М., 2009.
- Allen 1947 — *Allen W.S.* The Name of the Black Sea in Greek // *The Classical Quarterly*. 1947. Vol. 41. No. 3/4. P. 86–88.
- Allen 1948 — *Allen W.S.* Supplementary Note on the Name of the Black Sea // *Classical Quarterly*. 1948. Vol. 42. No. 1/2. P. 60.
- Andreas 1894 — *Andreas F.C.* Amardos // *RE*. 1894. Bd. 2. Col. 1734–1740.
- Bailey 1951 — *Bailey H.W.* Review: Kent R.G. *Old Persian Grammar, Texts, Lexicon* // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1951. Vol. 83. No. 3/4. P. 193–195.
- Bartholomae 1904 — *Bartholomae Chr.* *Altiranisches Wörterbuch*. Straßburg, 1904.
- Beckerling Vinckers 1862 — *Beckerling Vinckers J.* Louis de Baecker. *Analogie de la langue des Goths et des Francs avec le Sanskrit* // *De Gids*. 1863 (1862). Derde Serie. Vol. 1. P. 159–168.
- Beekes 1988 — *Beekes R. S.P.* *A Grammar of Gatha-Avestan*. Leiden; New York; København; Köln, 1988.
- Bielenstein 1986 — *Bielenstein H.* Wang mang, the Restoration of the Han Dynasty, and Later Han // *The Cambridge History of China*. Cambridge, 1986. Vol. I. The Ch'in and Han Empires, 221 B.C. – A.D. 220 / Ed. D. Twitchett and M. Loewe. P. 223–291.
- de Blois 2007 — *de Blois F.* The Name of the Black Sea // *Iranian Languages and Texts from Iran and Turan: Ronald E. Emmerick Memorial Volume* / Ed. by M. Macuch, M. Maggi, W. Sundermann. Wiesbaden, 2007. P. 1–9.
- Bodde 1986 — *Bodde D.* The State and Empire of Ch'in // *The Cambridge History of China*. Cambridge, 1986. Vol. I. The Ch'in and Han Empires, 221 B.C. – A.D. 220 / Ed. D. Twitchett and M. Loewe. P. 21–103.
- Boisacq 1924 — *Boisacq É.* Le nom de la mer Noire en grec ancien // *Révue Belge de Philologie et d'Histoire*. 1924. T. 3. P. 315–317.
- Böhtlingk 1881 — *Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung* / Bearbeitet von O. Böhtlingk. St.-Petersburg, 1881. Zweiter Theil.
- Brătianu 1969 — *Brătianu G.I.* *La mer Noire: des origins à la conquête ottomane*. München, 1969.
- [C.A.J.] 1854 — [C.A.J.] Names of Seas. Why the Black, Red, Yellow, and Green Seas are so Called // *The Home Friend*. New Series. 1854. July. Vol. 1. No. 1. P. 329–331.

- Cheung 2002 — *Cheung J.* Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism. Wiesbaden, 2002.
- Dan 2008 — *Dan A.* Du Pont à la Mer Majeure: notes de philologie et d'histoire // *Peuce*. 2008. VI (XIX). P. 165–188.
- Danoff 1962 — *Danoff Chr.M.* Pontos Euxeinos // *RE*. 1962. IX Spplbd. Col. 866–1175.
- Darmesteter 1880 — *The Zend-Avesta. Part I. The Vendidad* / Transl. J. Darmesteter. Oxford, 1880.
- Francfort 1988 — *Francfort H.-P.* Central Asia and the Eastern Iran // *The Cambridge Ancient History*. Cambridge, 1988. Vol. IV. Persian, Greece and the Western Mediterranean c. 525–479 B.C.
- Frisk 1966 — *Frisk H.* Über den Gebrauch der Privativpräfixes im indogermanischen Adjektiv // *Frisk H.* Kleine Schriften zur Indogermanistik und griechischen Wortkunde. Göteborg, 1966. S. 183–229.
- Gabain 1962 — *Gabain A. von* Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnung // *Acta Orientalia Academiae scientiarum Hungaricae*. 1962. Vol. 15, 1–3. S. 111–117 (то же — на турецком яз.: *Renklerin Sembolik Anlamları* // *Türkoloji Dergisi*. 1968. III/1. P. 107–113).
- Geiger 1895–1901 — *Geiger W.* Kleine Dialekte und Dialektgruppen. I. Die Pämirdialekte // *Grundriß der iranischen Philologie* / Hrsg. W. Geiger, E. Kuhn. Strassburg, 1895–1901. Bd. 1. Abt. 1. S. 288–334.
- Gernet 1972 — *Gernet J.* Le monde chinois. Paris, 1972.
- Gray 1902 — *Gray L.H.* Indo-Iranian Phonology with Special Reference to the Middle and New Indo-Iranian Languages. New York, 1902.
- Grierson 1920 — *Grierson G.A.* Ishkashmi, Zebaki and Yazghulami. An Account of three Eranian Dialects. London, 1920.
- Gruppe 1906 — *Gruppe O.* Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906. Bd. I–II.
- Hinge 2005 — *Hinge G.* Herodot zur scythischen Sprache. Arimaspen, Amazonen und die Entdeckung des Schwarzen Meeres // *Glotta*. 2005. Bd. 81. S. 86–115.
- Hirt 1926 — *Hirt H.* Schwarzes und rotes Meer // *Geographische Zeitschrift*. 1926. Bd. 32. S. 430–431 (перепечатано в: *Hirt H.* Indogermanica. Forschungen über Sprache und Geschichte Alteuropas / Ausgewählt und herausgegeben von Helmut Arntz. Halle, 1940. S. 259–261).
- Holzer 1989 — *Holzer G.* Entlehnungen aus einer bisher unbekanntem Sprache im Urslavischen und Urbaltischen. Wien, 1989.
- Hübschmann 1884 — *Hübschmann H.* Iranica // *ZDMG*. 1884. Bd. 38. S. 423–433.

- Irwin 1974 — *Irwin E.* Colour Terms in Greek Poetry. Toronto, 1974.
- Jacobsohn 1927 — *Jacobsohn H.* Σκουθικά // ZFS. 1927. Bd. 54. S. 254–286.
- Karatay 2011 — *Karatay O.* On the Origins of the Name for the Black Sea // Journal of Historical Geography. 2011. Vol. 37. No. 1. P. 1–11.
- Kellens, Pirart 1988 — *Kellens J., Pirart E.* Les Textes vieil-avestiques. Wiesbaden, 1988. Vol. I: Introduction, texte et traduction.
- Kent 1931 — *Kent R.G.* The Recently Published Old Persian Inscriptions // Journal of the American Oriental Society. 1931. Vol. 3. P. 198–240.
- Kent 1933 — *Kent R.G.* The Record of Darius' Palace at Susa // Journal of the American Oriental Society. 1933. Vol. 53. No. 1. P. 1–23.
- Khabtagaeva 2001 — *Khabtagaeva B.* Colour Names and Their Suffixes. A Study on the History of Mongolian Word Formation // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2001. Vol. 54. No. 1. P. 85–165.
- Liddell, Scott 1996 — *Liddell H.G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.
- Loewe 1986 — *Loewe M.* The Religious and Intellectual Background // The Cambridge History of China. Cambridge, 1986. Vol. I: The Ch'in and Han Empires, 221 B.C. – A.D. 220 / Ed. D. Twitchett and M. Loewe. P. 649–726.
- Lommel 1926 — *Lommel H.* Besprechung von Vasmer 1923 // Archiv für slavische Philologie. 1926. Bd. 40. S. 150–155.
- MacKenzie 1986 — *MacKenzie D.N.* Some Names from Nisa // Переднеазиатский сборник. М., 1986. Вып. IV. Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока. С. 105–115.
- Mayrhofer 1986 — *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1986. Bd. 1.
- Medaglia 2001 — Erodoto. Le Storie. Volume IV. Libro IV. La Sicilia e la Libia / Ed. S.M. Medaglia. Roma, 2001.
- Miller 1903 — *Miller W.* Die Sprache der Osseten // Grundriß der iranischen Philologie. Straßburg, 1903. Bd. 1. Abt. 2 / Hrsg. W. Geiger, E. Kuhn. S. 1–111.
- Minorsky 1957 — *Minorsky V.* Mongol Place-Names in Mukri Kurdistan (Mongolica, 4) // BSOAS. 1957. Vol. 19. No. 1. P. 58–81.
- Moorhouse 1940 — *Moorhouse A.C.* The Name of the Euxine Pontus // Classical Quarterly. 1940. VI. 34. No. 3/4. P. 124–128.
- Moorhouse 1941 — *Moorhouse A.* IE. *Pent- and Its Derivatives // Classical Quarterly. 1941. Vol. 35. No. 1/2. P. 90–96.

- Moorhouse 1948 — *Moorhouse A.* The Name of the Euxine Pontus Again // *Classical Quarterly*. 1948. Vol. 42. No. 1/2. P. 59–60.
- Mordtmann 1987 — *Mordtmann J.H.* Καρα Deniz // *EI NE*. 1978. Vol. IV. P. 730–731.
- Morgenstierne 1929 — *Morgenstierne G.* Indo-Iranian Frontier Languages. Oslo, 1929. Vol. I: Parachi and Ormuri.
- Müllenhoff 1866 — *Müllenhoff K.* Über die Herkunft und Sprache der pontischen Skythen und Sarmaten // *Monatsberichte der Königlichen preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. 1867 (1866). Bd. VIII. S. 549–576.
- Nazmi 2007 — *Nazmi A.* The Muslim Geographical Image of the World in the Middle Ages: A Source Study. Warsaw, 2007.
- Neumann 1855 — *Neumann K.* Hellenen im Skythenlande. Ein Beitrag zur alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte. Berlin, 1855. Bd. 1.
- de Planhol 1990 — *de Planhol X.* Καρα Deniz // *EI NE*. 1978. Vol. IV. P. 575–577.
- Protz, Kolbe 1902 — *von Protz H., Kolbe W.* Die 1900–1901 in Pergamon gefundenen Inschriften // *Mitteilungen des Kaiserlichen Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abteilung*. 1902. Bd. XXVII. S. 44–151.
- Race 1997 — *Pindar.* Olympian Odes. Pythian Odes / Ed. and Transl. by W.H. Race. Cambridge; London, 1997 (LCL 56).
- Robert 1963 — *Robert L.* Noms indigènes dans l'Asie Mineure gréco-romaine. Paris, 1963. Pt. 1.
- Rostovtzeff 1922 — *Rostovtzeff M.I.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
- de Saussure 1920 — *de Saussure L.* Le cycle des douze animaux et le symbolisme cosmologique des Chinois // *JA*. 1920. Ser. 11. T. 15. P. 55–88.
- de Saussure 1922 — *de Saussure L.* Origine chinoise de la cosmologie irnienne // *JA*. 1922. Ser. 11. T. 20. P. 302–306.
- de Saussure 1923 — *de Saussure L.* Le système cosmologique sino-iranien // *JA*. 1923. T. 202. P. 235–297.
- de Saussure 1924 — *de Saussure L.* L'origine des noms de Mer Rouge, Mer Blanche et Mer Noire // *Le Globe. Organe de la Société de géographie de Genève*. 1924. T. 63. P. 23–36.
- de Saussure 1937 — *de Saussure R.* Léopold de Saussure (1866–1925) // *Isis*. 1937. Vol. 27. No. 2. P. 286–305.

- Schmitt 1978 — *Schmitt R.* Die Iranier-Namen bei Aischylos. Wien, 1978.
- Schmitt 1985 — *Schmitt R.* Namenkundlicher Streifzug ums Schwarze Meer // Sprachwissenschaftliche Forschungen. Festschrift für Johann Knobloch. Zum 65. Geburtstag am 5. Januar 1984 dargebracht von Freunden und Kollegen / Hrsg. von H.M. Ölberg (Innsbruck), G. Schmidt (Bonn), unter Mitarbeit von H. Bothien (Bonn). Innsbruck, 1985. S. 409–415.
- Schmitt 1990 — *Schmitt R.* Epigraphisch-exegetische Noten zu Dareios' Bīsūtūn Inschriften // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. 1990. Bd. 561.
- Schmitt 1991 — *Schmitt R.* The Bisutun Inscriptions of Darius the Great. Old Persian Text. London, 1991.
- Schmitt 1996 — *Schmitt R.* Considerations of the Names of the Black Sea // Hellas und der griechische Osten. Festschrift Peter R. Franke / Hrsg. W. Leschhorn, A.V.B. Miron. Saarbrücken, 1996. S. 219–224.
- Schmitt 2003 — *Schmitt R.* Die skythischen Personennamen bei Herodot // AION. 2003. Vol. 63. P. 1–31.
- Schmitt 2007 — *Schmitt R.* Greek Reinterpretation of Iranian Names by Folk Etymology // Old and New Worlds in Greek Onomastics / Ed. E. Matthews. Oxford, 2007. P. 135–151.
- Sondén 1957 — Porträttmatrikel över Ledamöter av Kungl. Vitterhetsakademien och Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 1753–1958 / Ed. M. Sondén. Stockholm, 1957.
- Sterrett 1888 — *Sterrett Sitlington J.R.* An Epigraphical Journey in Asia Minor. Boston, 1888.
- Szemerényi 1980 — *Szemerényi O.* Four Old Iranian Ethnic Names: Scythian — Skudra — Sogdian — Saka. Wien, 1980.
- Thieme 1939 — *Thieme P.* Der Fremdling im R̥gveda. Eine Studie über die Bedeutung der Worte ari, aryá, aryamán und áryá. Leipzig, 1938.
- Tomaschek 1905 — *Tomaschek W.* Dratinus // RE. 1905. Bd. V. Col. 1668.
- Vasmer 1921 — *Vasmer M.* Osteuropäische Ortsnamen // Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis. 1921. Ser. 1. Bd. 1. Nr. 3. S. 1–16.
- Vasmer 1923 — *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. Leipzig, 1923. Bd. I: Die Iranier in Südrußland.
- Williams Jackson 1892 — *William Jackson A.V.* An Avesta Grammar in Comparison with Sanskrit. Stuttgart, 1892. Pt. 1: Phonology, Inflection, Word-Formation.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.Р.А. УЛУНЯН

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ТУРЕЦКИЙ ДИСКУРС «ГЕОИСТОРИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ» ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ*

Аннотация: Современная внешнеполитическая мысль Республики Турция находится под серьезным влиянием политически мотивированных концепций, имеющих глубокие корни в истории и культуре. Поиск новой этнической и государственной идентичности, инициированной «сверху» в ранние годы существования Республики и усилившийся позже в 30-х гг. XX в. встретился с идеологическими теориями, получившими широкое распространение среди определенных общественных кругов в годы существования Османской империи. Историческая география стала частью сформировавшихся концепций и способствовала включению некоторых из них во внешнеполитические доктрины Турции уже в 80-е гг. XX в. и в первое десятилетие XXI в. Особую роль среди них играли связанные с «геоисторическим конструированием», такие как «Анатолизм», концепция «стратегической глубины», «нео-оттоманизм», «нео-евразийство» и «Османское сообщество народов».

Ключевые слова: Республика Турция, геоисторическое конструирование, историческая география, внешнеполитическая мысль, «Анатолизм», концепция «стратегической глубины», «нео-оттоманизм», «нео-евразийство», «Османское сообщество народов», Османская империя.

Изменение системы международных отношений после окончания холодной войны, появление новых государств на постсоветском пространстве, в Центрально-Восточной Европе и на Балканах, с одной стороны, расширило общеевропейское геополити-

* Работа выполнена в рамках проекта «Географическая концептуализация государственного пространства: От Средневековья до Новейшего времени» Программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

ческое пространство, а с другой, способствовало усилению региональной составляющей не только европейской, но и мировой политики в целом. Получившие развитие на протяжении 90-х годов XX в. – первых лет XXI в. геопрограмственные проекты «Большого Ближнего / Среднего Востока», «Новых Балкан», «Большой Центральной Азии», «Шелкового пути», «Нового Междуморья», помимо политической составляющей, во многом базируются на культурно-исторической и историко-географической аргументации¹. Появление еще в 1978 г. ставшей широко известной впоследствии книги «Ориентализм», автором которой являлся американский политолог арабского происхождения Эдвард Саид, было одним из первых свидетельств отмечавшейся исследователями взаимосвязи между негативистским и мало соответствовавшим действительности восприятием Востока политическими и общественными кругами западных государств и внешнеполитическими действиями западных государств в отношении стран и народов Востока. В начале 90-х годов XX в. на волне внутривосточного кризиса в Югославии, последовавшего после ее распада, американскими историками — супругами Милицей Бакич-Хейден и Робертом Хейденом, специализировавшимися в области внешней политики и международных отношений, — была предпринята попытка систематизировать составлявшие «ориенталистский образ» элементы и определить роль этих представлений в общественно-политическом дискурсе Запада с целью объяснить закономерности появления негативистских имиджевых характеристик конкретных регионов². В более развернутом виде тема ориентализма применительно к балканским региональным условиям были изложены американско-болгарским историком Марией Тодоровой, опубликовавшей в США книгу «Воображая Балканы»³, впоследствии переизданную в Болгарии под названием «Балканы. Балканизм»⁴. В ней были изложены близкие по своему содержанию постулатам Э. Саида положения об отрицательном представлении стереотипе

¹ См. об этом: Улуния 2009.

² Bakić-Hayden, Hayden 1992; Bakić-Hayden 1995.

³ Todorova 1997.

⁴ Тодорова 1999. Книга приобрела столь высокую популярность, что переиздавалась в 2002 и 2008 годах.

Балкан в западной политической культуре и общественном дискурсе как факторе, влиявшем на принятие соответствующих внешнеполитических решений и обуславливавшем стремление Европы отказаться от признания Балкан своей неотъемлемой частью. Получивший в современной международной практике развитие процесс «геопространственного конструирования», постепенно приобретающий уже определенные конкретные формы в виде развития и укрепления региональной идентичности внутри национальных государственных границ ряда стран, стал важной особенностью внешнеполитических доктрин отдельных государств, включая Турцию.

К концу 80-х годов XX в., по мере того, как становилось очевидно изменение системы международных отношений ввиду обострившегося общественно-политического кризиса Восточного блока, в турецких академических кругах, а затем уже и на уровне общественного дискурса усиливалось обсуждение позиции Турции в новой международной обстановке. Отдельные турецкие исследователи, в частности, Эркин Динч, уже в начале XXI в., пытаясь определить причины происходивших серьезных общественно-политических изменений в стране в этот период, отмечали, что начиная с 70-х годов XX в. усилилось присутствие так называемого синтеза тюрко-ислама в учебных программах по общественным наукам в старших классах школы, когда «история и география были заменены на курсы национальной истории и национальной географии в 1984 г.»⁵. Другие, из числа специалистов по раннему периоду республики, приходили к заключению о том, что еще на раннем этапе, в годы нахождения у власти Мустафы Кемаля Ататюрка были заложены основы тюрко-ислама при конструировании национальной истории⁶.

В этой связи вполне естественной стала актуализация темы исторического наследия Османской империи и обращение к историко-географическому фактору, что нашло свое отражение в ставшей популярной в Турции работе Орала Сандера «Взлет и падение Феникса. Очерки истории османской дипломатии»⁷.

⁵ Dinç 2006: 254.

⁶ Meydan 2010.

⁷ Sander 1987.

Особое внимание в ней было уделено историко-географическому аспекту расселения тюрок и географическому позиционированию Османской империи, эволюции самого географического понятия «Ближний Восток», тесно связанного с пространственными владениями Османской империи. В этой связи Сандер отмечал сокращение географического пространства «Ближнего Востока» (англ. *Near East*, тур. *Yakındoğu*) в англо-саксонской политической и академической традиции, и появление понятия «Средний Восток» (англ. *Middle East*, тур. *Ortadoğu*)⁸ для обозначения более узкого географического региона. Из всех использовавшихся в англоязычной традиции определений — «Средний Восток», «Ближний Восток», «Восточное Средиземноморье» (тур. *Doğu Akdeniz*), «Центральная область» (тур. *Merkezî Bölge*) и «регион пяти морей» (тур. *Beş Deniz bölgesi*) — автор, при определенной редакции термина, был сторонником последнего понятия. Он модифицировал его, превратив в историко-географический термин «земля [плато] пяти морей» (*Beş Deniz yaylası*) для обозначения объединенного геопропространственного массива двух областей — Анатолии и Месопотамии. Используемые Сандером аргументы в пользу такого подхода имели культурно-исторический и этногеографический характер. Он обращал внимание на то, что «колыбель первых цивилизаций в районах Месопотамии и Анатолии окружена этими морями [Каспийским, Черным, Средиземном, Красным и Аравийским], которые определяют их (этих двух районов. — *Ap. V.*) границы, и как в ранние периоды истории она (территория «колыбели». — *Ap. V.*) является ныне наиболее стратегически важной мировой точкой. Сюда постепенно продвигались тюрки из Центральной Азии, начиная заселять эту область, эту землю пяти морей»⁹. Данная точка зрения на взаимосвязь прекращения существования Османской империи и эволюцию понятия «Ближний Восток» в сторону его сужения была вновь продемонстрирована в 2011 г. уже в контексте обсуждения современных проблем международных отношений в конкретных мировых регионах¹⁰.

⁸ Sander 1987: 5.

⁹ Sander 1987: 6.

¹⁰ Taşlıgil, Şahin 2011.

В то же время в 80-х годах XX в. усилился европейский вектор во внешней политике Турции, что стало особенно отчетливо проявляться с приходом к власти Партии Отечества (*Anavatan Partisi*) во главе с ее основателем и лидером Тургутом Озалом, занявшим в 1983 г. пост премьер-министра. Вступление страны в Евросоюз, являвшееся основным тезисом программы главы правительства, затруднялось многими причинами, одной из которых (хотя официально и не озвучивавшейся противниками участия Турции в этом объединении) была ее большая культурно-политическая близость к Востоку, чем к Западу. Этот факт достаточно остро воспринимался в проевропейском секторе турецких общественно-политических кругов, что способствовало использованию сторонниками евроинтеграции культурно-исторической и историко-географической аргументации для обоснования исторической принадлежности Турции европейскому геополитическому пространству и наличия исторических и культурных связей между турками и древними жителями Анатолии. Суть взглядов Т. Озала была охарактеризована впоследствии обозревателем турецкой газеты "Radikal" Айше Хюр как «Анатолийские исторические тезисы» (*Anadolu Tarih Tezi*)¹¹, по аналогии с «Тезисами турецкой истории» периода Мустафы Кемаля Ататюрка, являвшимися идейно-политической основой для формирования национально-государственной идентичности Турции в 20-е – 30-е годы XX в. Значимость Анатолии как «геополитической платформы» турецкой государственности рассматривалась Озалом как базовый принцип формулировавшейся им концепции геоисторической принадлежности страны как Западу, так и Востоку¹². В этой связи, в узком кругу своих сотрудников он однажды озвучил вопрос о том, что было бы, если бы Ататюрк назвал современное турецкое государство не Турецкой, а Анатолийской республикой¹³. Система аргументации в пользу европейской и азиатской принадлежности страны была изложена в изданной специально на французском языке в 1988 г. книге Т. Озала (активное участие в ее написании принимал его советник, дипломат Гюндюз Супхи

¹¹ Hür 2013a.

¹² См. об этой проблеме в: Üstel 1993.

¹³ Hür 2013b.

Актан) под названием «Турция в Европе»¹⁴. Лишь в 1991 г., когда Т. Озал занимал пост президента страны, она была переиздана на английском языке, но не в Великобритании или в США, а на Северном Кипре и под названием «Турция в Европе и Европа в Турции»¹⁵. На турецком языке она вышла только в 2010 г., спустя семь лет после смерти ее автора и называлась «История и наследие. Анатолии со времен античности до Республики, турецкая и исламская цивилизация»¹⁶. Изложенные в ней основные положения были призваны подчеркнуть принадлежность Турции и турок Европе и включали ряд положений, составлявших законченный идеологический конструкт. Его основу составляет концепция, в соответствии с которой турки населяли Анатолию на протяжении тысячелетия и являются наследниками древних цивилизаций, которые существовали здесь ранее. Сочетание анатолийской культуры и ее наследия с исламом, который принесли с собой турки из Центральной Азии, представляет собой уникальный синтез. Ссылки на неолитическую революцию, совершенную в этом регионе в древности, а также утверждения о принадлежности древних шумеров группе туранских (к которым относятся и турки) народов были призваны подчеркнуть так называемый цивилизационный континуитет. Творцами анатолийской цивилизации и коренными народами назывались хетты и лувийцы, которые, как и ионийцы и фригийцы, принадлежали к индоевропейцам и были ассимилированы после их миграции в Анатолию. При этом ионийцы объявлялись коренным христианским населением Анатолии, в отличие от армян и курдов.

Изложенные в книге Озала идеи не были новыми для турецкого дискурса. В общественно-политических кругах Турции еще на протяжении второй половины XIX – начала XX в., в период существования Османской империи, а также в первые десятилетия Республики в 20-е – 30-е годы XX в., формулировались ос-

¹⁴ Özal 1988. Выбор французского языка не был случайным, так как из двух других распространенных европейских языков — английского и немецкого — первый ассоциировался, прежде всего, с США, ближайшим союзником Турции по НАТО, а второй — с ФРГ, страной, наиболее связанной из всех европейских с Турцией.

¹⁵ Özal 1991.

¹⁶ Özal 2010.

новые концепции этнополитической и этнонациональной идентичности, с присущей им культурно-исторической и историко-географической составляющей в форме идеологически оформленных конструктов османизма (*osmanlıcılık*), исламизма (*islamcılık*), тюркизма (*Türkçülük*), туранизма (*Turancılık*) и анатолизма (*Anadoluculuk*)¹⁷. Поэтому изложенный в книге Т. Озала «исторический конструкт» не являлся неожиданным или новым, а представлял собой модифицированную версию создававшейся на протяжении 20-х – 30-х годов XX в. концепции национальной истории турок, сформулированной в так называемых «Тезисах турецкой истории» (*Türk Tarih Tezi*). Алгоритм создания нового этногеографического конструкта проходил в трех направлениях: 1) определение внешнего геопространства, 2) определение внутреннего пространства; 3) «родинизация» или «внутренняя территориязация» (*vatanlaştırılması*), то есть придание пространству черт Родины, в данном случае — Родины турок Турецкой Республики, география которой определялась как «география Отчизны» (*coğrafyadan Vatana*). В то же время сохранялась определенная разница между двумя терминами, один из которых — *anavatan* — служил для обозначения понятия «Родина» применительно к Центральной Азии, откуда происходила миграция тюрок в Анатолию, а другой — *vatan* — служил для обозначения «имеющейся / нынешней Отчизны» (*mevcut vatan*)¹⁸. В контексте предпринимаемых шагов большое внимание уделялось физической географии, исторической памяти и определению «параметров» современной Родины с указанием ее политических границ, идентичности и существующих знаний об этом пространстве¹⁹.

Формулирование концепции национальной истории проходило при личном активном участии Мустафы Кемала Ататюрка,

¹⁷ См.: Çubukçu 1991; Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce 2001–2009; Yazıcı 2002.

¹⁸ Эта особенность была отмечена турецким ученым Сезги Дургуном, который предлагал интерпретировать термин *anavatan* как «Родина» применительно к пространству Средней Азии, а *mevcut vatan* как «территория»: Durgun 2012.

¹⁹ Durgun 2011: 15. Рецензия Эмре Эршена на книгу С. Дургуна, опубликованную под названием «Переосмысливая географию», см. в: Erşen 2011. См. также: Aktar 2010.

когда по его распоряжению в 1923 г. была создана комиссия историков Стамбульского Университета с целью разработать основы национальной истории. Турецкие историки, объединенные в Турецкое общество исторических исследований (*Türk Tarihi Tetkik Cemiyeti*), получили поручение Ататюрка, сформулированное в виде вопросов, ответы на которые были призваны составить идеологический фундамент исторической концепции развития турок как народа и Турции как государства. Главными среди них являлись: кто были коренными народами Турции; кто и как создал первую цивилизацию на территории Турции; какова роль турок (тюрок) в истории мировых цивилизаций; какова подлинная сущность ислама и в чем заключается роль турок в истории ислама. Одновременно Ататюрк требовал от историков выработать соответствующую концепцию, объясняющую факт создания государства в Анатолии, но при этом отказаться от мифологизированной «племенной версии» установления государственности в Анатолии тюрками-огузами²⁰.

После пробного издания в 1928 г. работы в количестве 100 экземпляров, предназначенных для дальнейшего обсуждения работы историков, довольно серьезно переработавших начальный вариант, в 1931 г. был опубликован 4-х томный учебник «Основные положения турецкой истории» (*Türk Tarihinin Ana Hatları*). На проходивших в 1932 и 1936 гг. конгрессах по турецкой истории были закреплены базовые тезисы, изложенные в этом издании. Главными элементами конструкта национальной истории были постулаты о том, что турки выступали наследниками доисламской цивилизации хеттов, оказавшей влияние на греческую цивилизацию²¹. Они объявлялись коренным народом Анатолии, жившим задолго до появления здесь греков и армян. Сами турки рассматривались как народ, сделавший вклад в мировую историю

²⁰ Atakuman 2008: 218. Об эволюции взглядов в новейшей турецкой историографии на ряд проблем истории и этногенеза турок-сельджуков, а также роль дискурса по данной теме в академических кругах страны в формировании общественных настроений см. работу Д. Гюрпынара, представленную на соискание степени *Master of Arts*: Gürpınar 2004. См. также: *Türk Tarihinin Ana Hatları* 1996.

²¹ О формулировании концепта см. в: Özdoğan 1998; Tanyeri-Erdemir 2006.

наравне с хеттами, шумерами и другими древними народами, включая древних египтян. Одновременно заявлялось о принадлежности турок к белой расе и об их связях с народами Европы, что ставилось под сомнение в европейском научном сообществе того времени. В соответствии с этой концепцией за 10 тыс. лет до н.э. тюрки занимали территорию вокруг так называемого внутреннего моря, расположенного между Каспийским морем, Гиндукушем и Гималаями, но в конце ледникового периода они были вынуждены покинуть эти места из-за начавшегося меняться климата и наступавшей засухи. Тюрки объявлялись создателями региональной цивилизации Центральной Азии, а их миграция обуславливалась изменением экологических условий. Развитие европейской цивилизации связывалось с массовой миграцией народов, включая тюрков, из Азии, а Анатолия выделялась как одно из важных мировых цивилизационных геопространств. Центральная Азия, откуда шла миграция тюрков в Анатолию, рассматривалась как место происхождения белой расы. Факт появления тюрков-огузов в Анатолии в XI в. интерпретировался как их воссоединение с прототюрками, прибывшими сюда из Центральной Азии ранее²². Подчеркивалось участие тюрков в становлении имевших мировое значение цивилизаций Китая, Индии, Египта, Месопотамии, Ирана, Греции, Италии и Анатолии. Последняя в этой «цивилизационной цепи» занимала особое место, став в новом историческом конструкте «второй родиной тюрков»²³, приобретавшей значение «турецкой колыбели, насчитывающей 7000 лет» (*Anadolu 7000 yıllık Türk beşiğidir*). Явная попытка удревления истории тюрков и их этнической идентичности обуславливалась стремлением создателей этой концепции доказать культурно-историческое равенство тюрков с соседними народами, а также их вовлеченность в мировые исторические процессы²⁴. Тезис равенства тюрков и европейцев в культурно-историческом отношении служил идейно-политическим обоснованием проводимой Ататюрком программы вестернизации как процесса возвращения турок в Европу²⁵. Одновременно происходило дистанцирование

²² Atakuman 2008: 225, 226.

²³ Atakuman: 219.

²⁴ Подробнее см. в: Ersanli 2001.

²⁵ Atakuman 2008: 219.

от Османской империи и подчеркивался секулярный компонент истории тюрков, чему служило обращение к доосманскому периоду истории как Центральной Азии, так и Анатолии. Конструирование при явной иницирующей роли властей концепции исторического развития тюрков сопровождалось формулированием в 1935 г. лингвистической теории происхождения и развития турецкого языка, вошедшей в историю под название «Солнечная теория языка» (*Güneş Dil Teorisi*). Её основным постулатом было утверждение о том, что тюрки Центральной Азии, для которых солнце имело сакральное значение, первыми прибегли к осмысленному использованию звуков для его обозначения²⁶. Прото-тюркский язык, таким образом, объявлялся основой всех существовавших языков. В определенной степени при разработке этой концепции учитывалась появившаяся и развивавшаяся в СССР так называемая яфетическая теория происхождения языков, автором которой был академик Н.А. Марр²⁷. Как исторический, так и лингвистический конструкт, несмотря на активную деятельность властей и лично Ататюрка уже с момента их появления вызывали критику не только зарубежных, но и скептическое отношение ряда турецких историков и филологов, на которых власти оказывали давление. Исторический и лингвистический конструкт являлись составными частями выстраиваемой властями и лично Ататюрком концепции этнонациональной идентичности тюрков после распада Османской империи и создания нового государства — Турецкой Республики²⁸. Именно этот аспект подчеркивал в изданной в 2011 г. статье «Идеологический и политический характер официальной историографии раннего республиканского времени как часть “Тезисов турецкой истории”» современный турецкий историк Ш.Т. Акман, объясняя причины создания «нового конструкта» истории тюрков²⁹.

В 1936 г. особое место в этом процессе неожиданно заняла теория «исчезнувшего континента Му» (Илл. 1, с. 399).

²⁶ Подробнее об этой теории см: Zürcher 1984.

²⁷ Алпатов 1991.

²⁸ О конструировании древней истории тюрков в ранние годы существования республиканской Турции см. в: Shaw 2004: 133–137.

²⁹ Akman 2011.

Илл. 1
Географическое расположение Му.

Появление в XIX в. самого названия, а затем и соответствующего «учения», связанного с существованием Му, было обязано ошибке при переводе надписей майя французским лингвистом аббатом Шарль-Этьен Брассёр де Бурбуром, который утверждал о существовавшем в Атлантике в древности, а затем исчезнувшем континенте Му, якобы являвшемся прародиной всех цивилизаций. В конце XIX в. известный во французских и англо-американских научных кругах своими квазинаучными интерпретациями древней истории народов и, в частности, майя, Огюст Лё-Плонжон³⁰, а вслед за ним британский оккультист и популяризатор псевдоисторических концепций Джеймс Чёрчвард, уже в первой четверти XX в. локализовывали «континент Му» в Тихом океане между Северной и Южной Америкой, Восточной частью Евразии и Австралией³¹. В соответствии с утверждениями Чёрчварда цивилизация континента Му, погибшего в результате вулканической катастрофы, дала начало цивилизации-

³⁰ Le Plongeon 1896.

³¹ Churchward 1926.

ям древнего Египта, Центральной Америки и Восточной Евразии, включая и Великую уйгурскую империю, насчитывавшую 70 тыс. лет и простиравшуюся до Европы. Именно благодаря последнему эта концепция привлекла внимание лично Ататюрка, ознакомившегося с книгой Дж. Чёрчварда «Исчезнувший континент Му» (первое издание 1931, переиздание 1934 г.)³², которая являлась переизданием его книги 1926 г. «Исчезнувший континент Му: родина человека»³³. Более того, Ататюрк отдал распоряжение Хасану Тахсину, направленному послом в Мексику, изучить проблему возможных исторических связей майя и тюрок. Получивший за свои знания в области культуры и языка майя прозвище «Майятепек», дипломат направил более десятка донесений главе Турции по данному вопросу³⁴.

Выдвинутая Чёрчвардом теория усиливала конструируемую концепцию турецкой идентичности и государственности, получавшую историческое обоснование ее древности, тесной связи с общетюркским пространством и миграционными процессами с более далекого расстояния, чем Центральная Азия. Таким образом, география «нового турецкого конструкта» расширялась, способствуя усилению значимости тюрок в мировой истории. После смерти основателя Турецкой Республики в 1938 г. как «Солнечная теория языка», так и теория «исчезнувшего континента Му» (*Kayıp Kıta Mu*), поддерживавшиеся ранее личным авторитетом Ататюрка, начали быстро терять свое место в общественном и научном дискурсе страны из-за их явной мифологичности.

Начало 90-х годов XX в. было отмечено постепенной трансформацией международной роли Турции как члена НАТО — важного элемента системы обороны Запада на южном фланге альянса, — отвечавшего за «советское» направление в этом секторе³⁵, на статус региональной державы³⁶. В политических и во-

³² Именно издание 1934 г. было переведено в 1936 г. на турецкий язык, но далее машинописной рукописи работа над ним не пошла, так как после смерти Мустафы Кемала Ататюрка в 1938 г. тема «исчезнувшего континента» перестала быть актуальной.

³³ Churchward 1931.

³⁴ Подробнее в: Şenoğlu 2006.

³⁵ См. подробнее: Улуян 2001.

³⁶ Friedman 2012.

енных кругах, а также общественном и научно-академическом дискурсе страны активизировалось обсуждение этой темы в контексте проходившего процесса поиска геополитической идентичности Турции и путей реализации наиболее приемлемой для нее внешнеполитической доктрины. В складывавшихся условиях историко-географический фактор превращался в значимую тему общенационального дискурса. Одной из выдвигавшихся концепций становился так называемый тюркоцентричный туранский и туркестанский конструкт, сочетавший геоэтнические, геоисторические и геокультурные элементы существовавших ранее как отдельные геополитические проекты, планы и идеологические программы. Организационная работа по реализации геопрограммы тюркского проекта стала вестись наиболее активно в начале 90-х годов XX в., когда в январе 1992 г. было создано Турецкое агентство сотрудничества и развития (*TİKA*) при МИД Турции. Особую роль в представленных моделях тюркского геоконцепта начинает приобретать тенденция укрупнения регионов, определяемых в системе координат исторической географии как его составные элементы. Наиболее значимыми среди них стали Туркестан, включающий западную часть (бывшую советскую Среднюю Азию) и восточную, так называемый Уйгуристан или Восточный Туркестан (Синзян-Уйгурский Автономный район КНР); Идель-Урал (включающий современные российские республики Татарстан, Башкортостан, Чувашию, Мордовию, Марий Эл и Удмуртию, а в ряде интерпретаций и более широкий географический район, связанный с расселением тюркских народов). В соответствии с озвученной Анкарой в конце 90-х годов XX в. ролью Турции на международной арене, она, как отмечалось, «стала мостом на восток» для тюркских центрально-азиатских стран³⁷.

Во второй половине 90-х годов XX в. в турецких политических и экспертных кругах начался процесс более комплексного осмысления внешнеполитических реалий, «появилась турецкая школа геополитики, пытающаяся обосновать доминирующую роль Турции в Евразии; на ее основе была сформулирована и быстро получила широкое распространение концепция “турецкого

³⁷ Подробнее об этом см.: Kuru 1998: 84–85.

евразийства”, которая отвоевывает все больше пространства у кемализма. В результате постепенно усилились позиции тех группировок политического и даже военного истеблишмента, которые в принципе допускали возможность альтернативы прозападному стратегическому курсу кемализма»³⁸. Это нашло свое проявление в том, что уже, как отмечали исследователи, в начале XXI в. «национализм в Турции имеет отчетливый антиамериканский и, временами, антизападный оттенок. В соответствии с некоторыми исследованиями общественного мнения, Турция сейчас уже является наиболее отчужденной и антиамериканской страной в Европе»³⁹, чему, вероятно, в немалой степени способствовало «воссоединение Западной и Центральной Европы, [которое] поставило вопрос о том, “кто является европейцем” в более острой форме, создав трудности европейским надеждам Турции»⁴⁰.

Одним из наиболее характерных примеров евразийского направления в общественно-политической мысли Турции является работа М. Перинчека «Евразийство: теория и практика в турецкой интерпретации»⁴¹, отражающая взгляды лево-националистического спектра общественной жизни Турции. Автор этой книги, имеющей характер манифеста, — сын известного в Турции левого радикального политика-националиста, руководителя Рабочей партии Д. Перинчека, арестованного в 2008 г. за участие в деятельности подпольной заговорщицкой организации националистической направленности «Эргенекон», которая, как выявило следствие, ставила целью проведение государственного переворота в Турции. В турецкой прессе обсуждались и связи «Эргенекона» с лидерами российского евразийства, включая А.Г. Дугина — руководителя так называемого Международного Евразийского движения⁴². Однако одной из оценок евразийства в национальном дискурсе была крайне негативная характеристика этой идеи, рассматривавшейся как колониальный план России, Китая⁴³ и США. В то же время, и об этом писал Шенер Юшюмезсой в

³⁸ Сафрастян 2005: 58.

³⁹ Menon, Wimbush 2007: 17.

⁴⁰ Khalilzad, Lesser, Larrabee 2000: 4.

⁴¹ Perinçek 2006.

⁴² Подробнее об этом: Akkan, Niyazbayev 2008; Kesler 2008.

⁴³ Deniz 2008.

своей монографии «Тюркская геостратегия: Евразийская революция», отмечалась естественная в пространственном отношении осевая роль Турции и тюрков в самом евразийском проекте, но уже с точки зрения реализации турецкой стороной этого концепта с учетом турецкой истории и географии, а также появления мегаэтнических проектов в системе международных отношений⁴⁴. Само евразийство и евразийское геопространство интерпретировались в турецком научном дискурсе как в контексте традиционных историко-географических и этно-исторических факторов, так и в рамках теории международных отношений с определением основных акторов и их интересов на этом пространстве и в связи с внешнеполитической повесткой дня Турции на отдельных направлениях в Евразии⁴⁵. При этом турецкими исследователями подчеркивалась «роль географических представлений при разработке региональной политики» для понимания внешней политики Турции в отношении Евразии⁴⁶. Одновременно отмечалось, что «новые географические представления способствуют появлению новых толкований евразийского региона теми, кто занимается разработкой внешней политики». В этой связи утверждалось: «Несмотря на то, что границы Турции остались прежними, новые географические представления и обосновываемая по-новому уверенность в себе турецких разработчиков политики создали условия для расширения турецкой сферы влияния на Среднем Востоке, в регионе Залива, в Центральной Азии и далее»⁴⁷.

Сами турецкие исследователи обращали внимание на происходящие в начале XXI в. изменения в национальном дискурсе страны по вопросам внешней политики и отмечали, что «творцы турецкой политики представляют Турцию как посредника / миротворца между Западом и Востоком, Турция упоминается также как страна, находящаяся на этапе перехода от положения среднего государства к великой державе»⁴⁸. Они обращали внимание на то, что этот этап находит выражение в том, что подчеркивание «усредненной позиции» страны, находящейся между Западом и

⁴⁴ Üşümezsoy 2004.

⁴⁵ Akgül 2009; İlhan 2007; İşyar 2010.

⁴⁶ Bülent, Fidan 2009: 197.

⁴⁷ Bülent, Fidan 2009: 199.

⁴⁸ Yanık 2011: 80.

Востоком, способствует формированию мнения о ней, основывающегося «на гибридизированном представлении ее географии и истории», а «гибридизация географии строится в различных дискурсивных практиках таким образом, что представляет Турцию как место встречи различных регионов и континентов... Гибридизация означает, что прошлое Турции, особенно ее османское мультиэтническое и мультикофессиональное прошлое вспоминается и представляется в мультикультурном виде. Иными словами, турецкая история и география, а также ее пороговый статус представляются в мировой политике, таким образом, как исключительные»⁴⁹. Однако, в конечном счете, произошел отказ от ее идентичности «соединяющей страны» и замена его на идентичность «центральной страны»⁵⁰.

Историзация геопространственных концептов в Евразии, прослеживаемая и в тюркском геоконструкте, получила не только расширительное толкование географического пространства обитания и расселения отдельных этносов и принадлежащих к определенным языковым группам народов, но и была направлена на реинтерпретацию их генезиса, акцентируя внимание на принадлежности как европейскому, так и азиатскому геоисторическому наследию.

Произошедший после 1991 г. дрейф во внешней политике, как отмечали турецкие аналитики, имея в виду Балканы и Ближний Восток, можно было бы назвать неоосманизмом, «хотя неоосманская внешняя политика (*Yeni-Osmanlıcı Türk Dış Politikası*) была также заменена в 2002 г., то есть с приходом к власти в Турции Партии Справедливости и Развития (*Adalet ve Kalkınma Partisi*, сокр. *AKP*) на доктрину «стратегической глубины»⁵¹. В действительности это утверждение не совсем соответствует действительности, так как османское историческое наследие продолжало являться одним из элементов этой доктрины.

⁴⁹ Yanık 2011: P. 80.

⁵⁰ Bülent, Fidan 2009: 201.

⁵¹ Karadeli 2007: 35. В российской историографии отсутствуют на данный момент научные исследования, в которых этот феномен рассматривается в системном виде. Из публицистических материалов, имеющих, однако, вполне конкретную политическую направленность, следует отметить: Бахревский 2011.

Ее основы были сформулированы профессором Ахметом Давутоглу, являвшимся советником премьер-министра Т.Р. Эрдогана. Он выступил в 2001 г. с ее развернутым изложением в одноименной работе — «Стратегическая глубина: Международное положение Турции»⁵². По мысли Давутоглу, Анкара должна была использовать культурно-политическое наследие, уходящее в османское прошлое; активно пользоваться особенностями географического расположения Турции как страны, одновременно являющейся, по мнению автора концепции, европейской и азиатской страной, имеющей непосредственное отношение к нескольким географическим регионам (Кавказу, Черноморью, Средиземноморью, Ближнему Востоку), что позволяет ей выступать в роли одного из центральных государств и перестать выполнять функции страны, обеспечивающей «фланговую безопасность» НАТО, являясь, также, либо «мостом» между Западом и Востоком, либо лишь региональной державой. Примечательно, что обращение к историческому наследию Османской империи в контексте задачи определения направлений внешней политики современной Турции было сформулировано А. Давутоглу еще в 1999 г. в его статье «Методологическая роль развития исторических знаний: цивилизационное взаимодействие мировой и османской истории»⁵³.

Как считал автор этой доктрины, ее реализация давала Анкаре возможность, во-первых, обратиться к исторической традиции при взаимоотношениях со странами, образованными на пространстве бывшей Османской империи, подчеркнув при этом общность исторического, культурного и политического прошлого, либо, если власть Порты не распространялась на какие-либо народы, но она имела отношение к их культурно-историческому или этнолингвистическому прошлому, возобновить такие связи. Во-вторых, концепт неоосманизма был призван решить проблему этнических меньшинств, рассматриваемых властями страны очень часто как потенциальная угроза территориальной целостности Турции, так как обращение к позднеосманской традиции интерпретации гражданства снимала с повестки дня вопрос их

⁵² Davutoğlu 2001. Подробнее о доктрине см.: Murinson 2006.

⁵³ Davutoğlu 1999.

этнической принадлежности, превращая Турцию официально в многонациональное государство. Наконец, в-третьих, Анкара в соответствии с этим конструктом ориентировалась на реализацию традиционной политики Османской империи, которая имела тесные отношения как с Западом, так и с Востоком, которому, по мнению А. Давутоглу, за время существования кемалистской Турции уделялось меньше внимания за счет западного направления⁵⁴.

Объяснение политики султана Абдулхамид II и его попыток проведения сбалансированной и тонкой политики, базировалось на утверждении о том, что в ее основе лежала идея усиления «козырной карты» в лице мусульман, «проживавших за пределами османских исторических границ в колониях», и создание своего рода хинтерланда. Для перевода этого термина на турецкий язык А. Давутоглу использовал слово *arkabahçe* (букв. «задний двор»), хотя и не отказывался от его английского варианта — *Hinterland*⁵⁵. Политика империи, как отмечал Давутоглу, реализовывалась в двух направлениях: во-первых, в сохранении института халифата для противоборства с колониальными странами, находившимися во враждебных отношениях с Османской империей, и, во-вторых, в поддержке исламских стран, которые находились в составе колониальных государств⁵⁶. В целом, характеристика действий Оттоманской Порты делалась автором книги с позиций оправдания ее оборонительной позиции на международной арене и при явном игнорировании подлинного отношения завоеванных народов Османской империи к этому теократическому образованию.

Приход к власти в Турции в конце 2002 г. Партии Справедливости и Развития серьезно повлиял на сущностное содержание тюркского геопропространственного проекта и его форму. Формирование основ нового подхода к нему происходило в первые годы XXI в. в условиях изменения всей внешнеполитической линии Турции, которая выступила с этим проектом в начале 90-х годов XX в., но не смогла реализовать его в достаточной степени. К началу 2004 г. определены основы тюркского и/или турано-

⁵⁴ Taspınar 2008: 14–17.

⁵⁵ Davutoğlu 2001: 129.

⁵⁶ Davutoğlu 2001: 67.

тюркского проекта оказалось более комплексным, чем это было ранее, а сам процесс его артикуляции испытал воздействие как внутривосточной ситуации в самой Турции, так складывавшегося в системе международных отношений положения. Имея в виду особую роль пантюркизма для культурно-политической традиции Турции, турецкие исследователи обращались к этой теме и в XXI в. после начавшейся актуализации в общественном дискурсе различных форм ретроконцептов. Они обращали внимание на то, что усиление пантюркизма в общественно-политической мысли начала XX в. способствовало укреплению позиций этногеографического концепта Турана, объявлявшегося это пространство географической родиной тюрков⁵⁷. Часть представителей данного течения рассматривали Центральную Азию как географическую родину турок. Однако «эта ситуация, — что отмечалось в одной из квалификационных работ, защищенных в Университете Билкент в 2007 г., — была одной из важнейших причин, по которым Ататюрк отвергал пантюркистскую идеологию, так как формирование коллективного сознания, основывающегося на центрально-азиатской идентичности, могло способствовать появлению у анатолийских турок настроений вернуться обратно на родные земли тюрков». Именно поэтому он выступал против того, чтобы рассматривать Центральную Азию, а не Анатолию, как родину турок⁵⁸. Усиление влияния в общественном дискурсе Турции концепции единой тюркской цивилизации, локализовавшейся на широком историко-географическом пространстве, формулировалось в ряде научных работ первого десятилетия XXI в. в виде утверждения: «Вместе с Мавераннахром или Хорасаном, Ираном, Азербайджаном и Анатолийскими тюрками, с расширением территории Сельджукской империи, продолженной Караханидским и Газневидским государствами, появились первые тюркско-исламские государства. Находившееся на севере от Каспийского моря на Итиле (Волге) Булгарское ханство было одним из первых тюркских государств, принявших ислам. Среди княжеств или больших государств следует отметить политические объединения, созданные в Туркестане и в Анато-

⁵⁷ Ahibay 2007: 17.

⁵⁸ Ahibay 2007: 18.

лии, а также на Балканах и вокруг Средиземного моря, где проявилось влияние тюркской культуры и цивилизации»⁵⁹. Данная концепция популяризировалась и на официальном уровне, когда в специально рассчитанном на иностранцев издании Министерства культуры и туризма давались краткие данные о том, что существовали древние азиатские турецкие (в англоязычном издании дается прилагательное *Turkish*, а не *Turkic*. — *Ap. V.*) государства (империя гуннов, гектиюрки, уйгуры, Тюркешский каганат, кыргызы, карлуки и огузы), ранние средневековые восточно-европейские турецкие племена и государства, первые турецкие мусульманские государства, империя Великих сельджуков, турецкие государства в Египте и Сирии, Анатолийское (турецкое) государство сельджуков, турецкие ханства в северном Причерноморье, турецкие государства, основанные в Анатолии и Персии, Османская империя, основание Турецкой республики⁶⁰.

В этом контексте программным с политической точки зрения становится двусмысленный по своему содержанию тезис, высказанный премьер-министром Турции Тайипом Реджепом Эрдоганом в его выступлении в американском Совете по внешней политике в январе 2004 г. С одной стороны, в нем содержалась констатация того, что «Турция считает географический детерминизм, другими словами — тот факт, что география полностью диктует внешнюю политику, — как нечто устаревшее в наши дни и в наш век. В этом смысле невозможно определить мировую геополитику XXI века в категориях обычной политики государства»⁶¹. Этот заявление находилось в явном противоречии с принятой в качестве инструмента внешней политики доктрины «стратегической глубины», в которой география играла одну из немаловажных ролей. Одновременно Эрдоган заявил о необходимости «принимать во внимание такие аспекты, как политические и социальные ценности, взаимодействие общества, идентичности и культурной гармонии»⁶², что фактически имело непосредственное отношение к теме тюркского проекта как объеди-

⁵⁹ Şeker, Genç 1999: 14.

⁶⁰ Seydi 2009.

⁶¹ Erdogan 2004.

⁶² Erdogan 2004.

няющего родственные и близкие в культурно-историческом и языковом отношении народы. Фактор исторической традиции в новых условиях конца XX – начала XXI в. приобретал особое значение в контексте определения внешнеполитического курса Анкары, и логика его влияния на выработку решений нередко сводится к тезису: «Турецкая история восходит к Османской империи, которая влияла на эволюцию и формулирование турецкой политики в международных отношениях и безопасности. Лозаннский мирный договор 1923 г. является одним из базовых документов, подписанных основателями современной Турции и аннулирующий Севрский договор 1920 г., подписанный Османским правительством, разделявшим оттоманские земли между победителями в Первой мировой войне»⁶³.

Обращение в первое десятилетие XXI в. к политически оформленной концепции «Османского Содружества Наций» (*Osmanlı Milletler Topluluğu*), базирующейся на историко-географических реалиях периода наибольших территориальных владений Османской империи XVII в., порождало среди определенной группы турецких политологов уверенность в необходимости реализации этого проекта. Ведущая роль Турции как наследницы Оттоманской Порты и демократического республиканского государства, расположенного на перекрестке континентов, становились главными аргументами в пользу создания этого объединения⁶⁴. В июне 2010 г. А. Давутоглу заявил на турецко-арабском форуме, проходившем в Стамбуле: «От Карса в Турции до Марокко и Мавритании, от Синопа в Турции до Судана, от Босфора до Аденского залива, турецкая и арабская география составляют один из наиболее стратегически значимых поясов в мире... Мы хотим превратить его (арабо-турецкое сотрудничество. — *Ар. У.*) в пояс безопасности и экономической интеграции»⁶⁵.

Появление в начале декабря 2010 г. в газете “*Vatan*” («Родина») серии статей либерального политика Джелала Хасана Гюзеля — бывшего советника премьер-министра, а затем президента Турции Тургута Озала — под заголовком «Создано “Османское

⁶³ Udum 2007: 3.

⁶⁴ Çemrek 2011.

⁶⁵ Küçükkoşum 2010.

Содружество Наций»⁶⁶ стало одним из важных моментов развития общенационального дискурса по вопросам внешней политики и ее связи с историческим наследием, включая историко-географический фактор. В одной из этих публикаций заявлялось о том, что Турция является «легитимным наследником» Османской империи, хотя и отличается от нее по форме своего государственно-политического устройства. В то же время говорилось о том, что «имея в виду перспективу континуитета истории, произошло восприятие османского социального, экономического и культурного наследия», которое было принято избирательно. Одновременно на повестку дня ставился вопрос создания Османского Содружества Наций по примеру того, как это сделали Великобритания и Франция⁶⁷. Отмечая, что в новых условиях не стоит вопрос изменения существующих границ или подчинения Турции возникших на постосманском пространстве независимых государств, Гюзель полагал, что, несмотря на это, «Османская география, в частности, “Проект Большого Среднего Востока”, рассчитанный на установление мира и демократии в регионе, едином с точки зрения культуры и истории, требует реализации под руководством Турции». Ее действия не должны были ограничиваться только этим регионом, но и распространяться на Кавказ и Балканы⁶⁸. Суть этой программы заключалась в том, чтобы в рамках Османской географии, оказавшей влияние на развитие стран и народов в бывших границах империи, создать некое подобие “*Rah Ottomanica*”, в основе которого лежали принципы дружбы, мира и демократии и обеспечение «мирного создания цивилизации». В рамках османской географии государства, созданные в ее бывших владениях, должны были бы тесно взаимодействовать в области экономики, социальных вопросов и культуры. Им предстояло также выработать формулу взаимодействия, обеспечивавшую единую позицию по внешнеполитическим вопросам⁶⁹. Организационная форма «Османского Содружества Наций» предусматривала руководящую роль Турции в организации, при этом

⁶⁶ Güzel 2010 (1–3).

⁶⁷ Güzel 2010 (2).

⁶⁸ Güzel 2010.

⁶⁹ Güzel 2010 (3).

суверенитет стран, входивших в организацию, не был бы ограничен. Вступление в «Содружество» определялось османской географией, но могло быть и расширено. Штаб-квартира организации должна была находиться в Стамбуле, предусматривалось проведение региональных встреч, а высшим органом предстояло стать Генеральной Ассамблее, которая собиралась бы ежегодно на свои заседания. Предстояло отказаться от въездных виз для стран-участниц «Содружества»⁷⁰. Идея создания «Османского Содружества Наций» достаточно широко обсуждалась в национальном дискурсе Турции представителями общественных и экспертных кругов страны (Илл. 2).

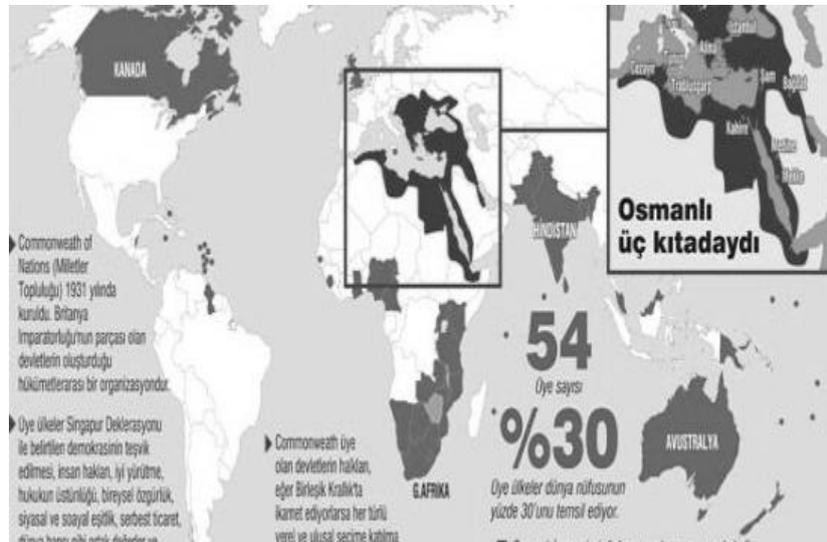
Илл. 2

Надпись на карте: «Такова новая карта Турции по Оджалану».

Это нашло свое проявление и во введенном в публичное пространство термине «Османский мир» (*Osmanlı Barışı* или *Pax Ottomana*), легитимация которого походила на существующую традицию осовременивания аналогичных европейских приме-

⁷⁰ Güzel 2010 (3).

ров — *Pax Romana* и *Pax Britannica*. «Османский аналог», использовавшийся ранее турецкими историками из числа апологетов Османской империи и служивший для характеристики якобы «гармоничного развития» этого государственного образования в период его наибольших территориальных захватов (с конца XVI и на протяжении XVII в.), был актуализирован в первое десятилетие XXI века (Илл. 3).

Илл. 3

Надпись на карте:

«Сообщество Наций распространяется на все семь континентов».

Однако сам глава турецкого МИДа А. Давутоглу во второй половине декабря 2010 г. опровергал, что использовал в своих выступлениях упоминания об «Османском Содружестве Наций» как о цели своей деятельности⁷¹. В то же время, ссылки представителей политических кругов *АКР* на историческое наследие постоянно находились в центре общенационального дискурса, а оценка этого внешнеполитического курса иногда выражалась

⁷¹ Demir 2010.

в местных влиятельных изданиях с определенной долей остроты, что нашло свое отражение в одной из публикаций конца 2012 г. под названием «Эрдоган и история. Внешняя политика предков признана доктриной»⁷², критически рассматривавшей идею неосманизма. В то же время у этой идеи были и сторонники, которые видели в Турции наследницу империи, но не в смысле восстановления ее территориальных владений, а занятия ею лидирующих позиций на бывшем постосманском пространстве⁷³.

Многие новые понятия, вошедшие в общенациональный дискурс, были обязаны своим появлением нескольким, ставшим популярными, политологическим работам турецких авторов. Одной из первых в их ряду стала книга А. Давутоглу, что отметили и ее рецензенты из числа представителей академического сообщества. Среди новых понятий, введенных автором, был служивший для более точного и осовремененного определения внешнеполитических реалий термин «сфера» (*havza*), образованный из традиционно использовавшегося ранее для обозначения понятия физической географии «бассейн» (рек и озер). Одновременно Давутоглу четко разделил понятие «граница» и «рубеж» (*sınır*), использующийся в государственно-правовом смысле и понятие «линия» (*hat*), которому он придал значение «культурно-политической границы»⁷⁴. Культурно-исторический аспект выдвинутой Давутоглу внешнеполитической доктрины привлекал внимание и аналитиков и общества в силу созвучности излагавшихся в книге аргументов с общественно-политическими настроениями в стране. Более того, сама доктрина «стратегической глубины» характеризовалась иногда турецкими аналитиками как «стратегия исторической глубины» (*tarihsel derinlik*)⁷⁵.

Особое внимание в турецком общественно-политическом дискурсе начала XXI в., судя по одной из первых рецензий на книгу Давутоглу, уделялось нескольким проблемам, которые и были выделены в работе будущего главы турецкого МИДа. Так, в частности, отмечалось значение «исторического наследия для

⁷² Ergin 2012.

⁷³ Kaniş 2010.

⁷⁴ См. об этом в: Yenigün 2002: 299, 300.

⁷⁵ Yeşiltaş, Balcı 2011: 22.

внутри- и внешнеполитических факторов, влияющих на международные отношения». Не меньшее внимание придавалось и объединению государств по четырем категориям «в зависимости от их возможностей стратегического и тактического маневра: сверхдержавы, стремящиеся расширить свой хинтерланд; основные государства, стремящиеся усилить свои позиции и расширить свои владения перед лицом великих держав с помощью договоров; региональные державы, которые вынуждены вести свою политику с учетом политики великих держав, с которыми они в союзе (а если они не действуют таким образом, они наказываются сверхдержавой, как была наказана Турция с помощью эмбарго во время кипрской операции 1974 г.); малые государства, возможности маневра которых достаточно ограничены»⁷⁶. В конкретно-политическом отношении особый интерес представляла «систематизация» геополитических пространств, включающих географические регионы, имеющие традиционное геоисторическое значение для Турции. Их условная стратификация, на что обращалось внимание рецензентами книги, не вызывала у них сомнений: «Ближайшая сухопутная сфера» (*Yakın kara havzası*) — Балканы, Средний Восток и Кавказ⁷⁷, «Ближайшая морская сфера» (*Yakın deniz havzası*) — Черное море, Адриатическое море, Восточное Средиземноморье, Красное море, Персидский залив и Каспийское море) и, наконец, «Ближайшая континентальная сфера» (*Yakın kıta havzası*) — Европа, Северная Америка, Южная, Центральная и Восточная Азия⁷⁸. Введения понятия «гибкие существующие границы сухопутной сферы» (*Yakın Kara Havzasındaki Sınır Esneklikleri*)⁷⁹ для определения взаимоотношений с соседними государствами в определенной степени ассоциировалось с понятием культурно-исторических областей, не имеющих четко очерченных границ. Стратификация геополитического пространства в виде триады *yakın kara, yakın deniz ve yakın kıta havzaları* рассматривалось турецкими аналитиками, в частности, Адемом Палабийыком, как совершенно новый под-

⁷⁶ См. об этом в: Yenigün 2002: 300.

⁷⁷ Davutoğlu 2001: 119.

⁷⁸ См. об этом в: Yenigün 2002: 301.

⁷⁹ Davutoğlu 2001: 143.

ход к формулированию приоритетов турецкой внешней политики, основывающейся на географии с учетом исторического и культурного наследия, которое не было одномерным, что и обуславливало необходимость проведения многовекторной политики⁸⁰. Оценка зарубежными политологами выдвинутой Давутоглу концепции базировалась на учете геоисторического фактора во внешней политике Турции, что нашло свое отражение в заключении о том, что «широко известная как доктрина “стратегической глубины”, эта концепция являлась попыткой укрепить Оттоманскую легитимность Турции, делая особый акцент на оттоманскую особенность — строительство широких блоков сотрудничества в целях реализации более активной роли в региональной политике, которая могла быть в интересах Турции. Иными словами, восстановление оттоманской легитимности может рассматриваться как реинтеграция или восстановление страны в регионе, который являлся всегда ее географической частью»⁸¹. Другие зарубежные ученые склонялись к мысли о функциональном характере выдвинутой доктрины, аргументы которой были призваны лишь усилить региональные позиции Турции⁸². Весьма примечательной в этой связи была позиция А. Давутоглу по поводу перевода его книги на английский язык, о чем стало известно аналитиками “Stratfor”, которые отмечали летом 2011 г., что «Давутоглу не желает перевода его 500-страничной книги “Стратегическая глубина” на английский язык, хотя она была переведена на арабский и русский». Такая позиция главы турецкого МИД была обусловлена, по сообщению информатора “Stratfor” тем, что он не считал английский язык *lingua franca*, что объяснялось аналитиками этой организации нежеланием признавать мощь США и «стремлением подтвердить, что Турция независима от США»⁸³.

⁸⁰ Palabıyık 2010: 738.

⁸¹ Rapidis 2010.

⁸² Walker 2011: 7.

⁸³ Re: [MESA] Fwd: [alpha] INSIGHT - TURKEY - AKP's foreign policy. Email-ID 71381. Date 2011-06-02 16:21:31. Released on 2012-03-07 14:00 GMT//WikiLeaks. The Global Intelligence Files. — Электронный ресурс [режим доступа: http://wikileaks.org/gifiles/docs/71/71381_re-mesa-fwd-alpha-insight-turkey-akp-s-foreign-policy-.html], дата обращения — 20.01.2014]. Автор сообщения Эмре Догру (Emre Dogru).

Серьезные изменения понятийно-терминологического словаря научного, а вслед за ним и общественно-политического дискурса при обращении к внешнеполитическим проблемам страны стали заметны все больше в начале XXI в. Использование политическими кругами правящей АКР определенной терминологии, как то «историческое измерение» (*tarihsel boyut*), «сотрудничество цивилизаций» (*medeniyetler arası işbirliği*), «историческое наследие» (*tarihsel miras*), «историческая ответственность» (*tarihsel sorumluluk*) и др. было связано с историко-географическим фактором, выступавшим нередко как аргумент в политической полемике по вопросам проведения в жизнь доктрины «стратегической глубины»⁸⁴. Эта терминология постепенно стала также употребляться не только в научном, но и общественном дискурсе. Среди получивших наибольшее распространение устойчивых понятий, носивших историко-географический характер, были те, которые так или иначе уже существовали в научной и общественно-политической традиции Турции, но на данном этапе приобрели особую актуальность. Так, в частности, для описания мультикультурной многомерности и принадлежности страны Западу и Востоку с учетом географического расположения Стамбула была предпринята достаточно успешная попытка использования термина «наши полуострова» (*Yarımadalarımızda*), то есть Фракия и Анатолия⁸⁵. Особое звучание имеет популярный и активно присутствующий в турецком научном и общественном дискурсе при явной поддержке левых националистических кругов общества термин «турецкая страна Анатолия» (*Türk Yurdu Anadolu*), служащий для подчеркивания автохтонности тюрок / турок в этом регионе и как аргумент в споре для доказательства пришлости других народов (армян, греков, курдов)⁸⁶. С другой стороны, присутствующее в сложившейся в 20-е – 30-е годы XX в. турецкой традиции понятие «Анатолия — колыбель цивилизации» (*uygarlığın beşiği Anadolu*), будучи частью геоисторического конструкта современного анатолизма, популярно в общественном дискурсе как форма легитимации тезиса равновеликости анатолийской / анатолийских цивилизаций с другими.

⁸⁴ Yeşiltaş, Balcı 2001: 10, 23.

⁸⁵ Güney, Güney 2011.

⁸⁶ Çulhaoğlu 2011.

Актуализация темы «анатолизма» в общественно-политическом дискурсе первого десятилетия XXI в. способствовала и активизации научных исследований в Турции по данной проблеме. Характеристика анатолизма в турецком научном дискурсе начала XXI в. нашла свое отражение и в квалификационных работах, защищавшихся в это время в виде магистерских и докторских диссертаций в турецких университетах. Так, в частности, в одной из них, диссертации Метина Чынара «Развитие анатолийского движения и взаимоотношения анатолистов с Народно-республиканской партией (1943–1950)», отмечалось, что Анатолийская идея появилась на повестке дня как способ решения кризиса в ходе крушения Османской империи и что она «не признает границ», выступая как реакция против освободительных идеологий. По сути, это обуславливалось историческим опытом «двух с половиной веков изгнания, отступлений и возвращений». Произшедшее являлось «последствием пространственного сжатия в последние годы существования империи и стала “идеологией сжатия”»⁸⁷. Взяв за основу концепцию британского социолога Э. Смита⁸⁸, и, в частности, его теоретическое положение о роли географии в формировании национальной идентичности, М. Чынар отмечал, что концепт анатолизма принял за основу тезис тысячелетней исторической «географической родины», придал ему тюркско-исламскую форму и объявил это пространство центром идентичности страны⁸⁹.

В ряде научных публикаций и исследований отмечалось, что новизна анатолийского историко-географического конструкта в 40-х годах XX в. заключалась в том, что Анатолия рассматривалась как новая родина тюрков после их прихода сюда в 1071 г., а это вело к отказу от историко-культурного наследия предшествовавших цивилизаций, не имевших связей с тюрками⁹⁰. Одновременно проводился активный процесс тюркизации названий, сохранившихся с древнейших времен и данных народами, которые проживали здесь ранее. Возобладавшая концепция политического анатолизма выступила в роли «альтернативного направления, ко-

⁸⁷ Çınar 2007: 1.

⁸⁸ Smith 1987.

⁸⁹ Çınar 2007: 1.

⁹⁰ Ahibay 2007: 52.

торое позиционировало себя между современными идеологиями — кемалистским национализмом и туранизмом»⁹¹. Одной из версий, объяснявших взаимопротивоположности идеологических концепций, которые определяли и геопространственные конструкции, являлось утверждение Фуата Хаджисалихоглу, сделанное им в диссертации «Турецкая историография концепции анатолизма», о том, что «османизм был реакцией на туранизм, а западничество — на исламизм»⁹², а «анатолизм подпитывал туранизм»⁹³. В то же время, как отмечал турецкий ученый Левент Байрактар в опубликованной в 2009 г. статье «Анатолизм как школа мысли», уже ни исламизм, ни османизм, ни туранизм не могли выступать основой этно-национальной идентичности тюрков⁹⁴. В свою очередь, «исламоориентированный анатолистский взгляд на мир стал популярным, породив новую идеологию, названную “тюрко-исламским синтезом”». Основанный на тюркских и исламских ценностях, синтез был, по сути, реакцией на гуманистическую позицию 40-х – 50-х годов, когда древнегреческая и древнеримская цивилизации прославлялись как часть нового вестернизаторского процесса, проводимого правительством Инёню. С этой точки зрения, тюрко-исламский синтез можно было бы определить как антизападную идеологию, которая знаменует возвращение к турецкой националистической культуре»⁹⁵. Интерес к цивилизациям между Тигром и Евфратом был связан с усилением значимости Восточной и Юго-Восточной Анатолии⁹⁶ для внутри и внешнеполитических интересов страны.

В рамках процесса эволюции «анатолийского концепта» проходила актуализация «дотюркской тематики» в исторических исследованиях, посвященных изучению государства Урарту⁹⁷, хеттов и шумеров, а также выявлению их связей с тюрками⁹⁸.

⁹¹ Ahibay 2007: 54.

⁹² Hacısalihoglu 2005: 32.

⁹³ Hacısalihoglu 2005: 33.

⁹⁴ Bayraktar 2009: 70.

⁹⁵ Ahibay 2007: 70.

⁹⁶ Ahibay 2007: 74.

⁹⁷ Çilingiroğlu 1984; Erzen 1986; Pınarcık 2012.

⁹⁸ См. работы профессора факультета языка, истории и географии Анкарского университета Тургута Йигита: Yiğit 1995; Yiğit 1997a; Yiğit 1997b; Yiğit 2000; Yiğit 2002; Yiğit 2003.

В отдельных квалификационных работах, защищенных в турецких университетах, возобновилась тенденция доказательства исторического континуитета и даже параллельного сосуществования древних народов Анатолии и Месопотамии и тюрок Анатолии в конце третьего тысячелетия до н.э.,⁹⁹ а также расселения «тюркских общин» (*Türk toplulukları*) в широком географическом ареале от Рейна до Хингана и Индии¹⁰⁰. В определенной степени эта позиция обуславливалась полемикой об историческом наследии между Турцией и Азербайджаном, с одной стороны, а, с другой стороны, Ираном¹⁰¹.

Примечательной в контексте «анатолийской тематики» общественного дискурса была публикация в 2005 г. книги турецкой специалистки в области археологии и ассиролога Муазез Илмийи Чиг, посвященной исследованию существующей в тюркском этнокультурном нарративе легенде о Вселенском потопе на основании шумерских источников об этом явлении. Само название книги «Шумерский потоп потопа тюрок»¹⁰² уже привлекало к себе внимание широкой читательской аудитории. Являясь старейшим представителем турецкого академического сообщества и известным общественным деятелем, активно выступающим за секулярное развитие Турции, она инициировала не только академические обсуждения, но и смогла вновь актуализировать в общественном дискурсе проблему исторического наследия древних народов, живших в Анатолии (хеттов и шумеров), в истории тюрок. Обращение к проблеме праисторического наследия в общественном дискурсе реанимировало тему «Ататюрк и создание истории турок». В определенной степени это отражало позицию тех представителей общественно-политических и академических кругов Турции, которые увидели в действиях *АКР* постепенный отход от секуляризма и базовых принципов государственно-политического устройства страны, провозглашенных основателем Турецкой Республики. В изданной в 2005 г. и выдержавшей несколько изданий работе Синана Мейдана, специалиста по истории Турции периода пребывания у власти Ататюрка, книге

⁹⁹ Yılmaz 2010–2011a.

¹⁰⁰ Yılmaz 2010–2011b.

¹⁰¹ Eltürk 2011.

¹⁰² Çiğ 2005. Книга выдержала впоследствии несколько переизданий.

«Ататюрк и исчезнувший континент Му» основное внимание уделялось, прежде всего, событиям, связанным с появлением теории «исчезнувшего континента Му» в турецком общественно-политическом и научном дискурсе, а также определялся общественно-политический контекст ее распространения¹⁰³. Публикация в 2006 г. книги Кемаля Шеноглу «Донесения Майтепека. Тезисы турецкой истории и континент Му»¹⁰⁴ также преследовала явную цель ответить критикам, которые отмечали увлечение Ататюрка мифологизацией истории, что являлось, по мнению автора, частью более общей кампании против кемализма в целом. При этом следует отметить, что сама книга Дж. Чёрчварда впервые появилась на турецком языке лишь в 2000 г.¹⁰⁵. Основное внимание в работе К. Шеноглу было уделено как публикации документальных материалов переписки Хасана Тахсина Майятепе с Мустафой Кемалем Ататюрком, а также свидетельств отношения Кемала к теории «исчезнувшего континента Му», призванной наряду с «Солнечной теорией языка» и «Тезисами турецкой истории» стать частью общей идеологической концепции, формулировавшейся в определенный исторический период и с определенной политической целью — способствовать формированию турецкой этнополитической идентичности. В рецензии на книгу С. Мейдана, ее автор Халук Хепкон объяснял появление «Тезисов турецкой истории», «Солнечной теории языка», а также теории «исчезнувшего континента Му» своего рода попыткой Ататюрка дать ответ на евроцентричную модель истории, доминировавшую тогда в мире¹⁰⁶.

Немаловажное место в формулировании повестки дня общенационального дискурса занимает особая геопространственная и геокультурная роль Анатолии. Эта тема — одна из тех, которая актуализирует в общественном и научном дискурсе проблему «анатолийского связующего звена» мировой политики, что проявилось в академических публикациях по исторической географии Восточного Черноморья. В данной связи турецкий историк

¹⁰³ Meydan 2005.

¹⁰⁴ Şenoğlu 2006.

¹⁰⁵ Churchward 2000.

¹⁰⁶ Hepkon 2005.

Вели Юнсал отмечал в 2006 г., во-первых, что «благодаря своему географическому расположению как в Азии, так и Европе, Анатолия практически выступает в роли моста, обеспечивающего связь между ними. В дополнение к этому, через Черноморские проливы, она является своего рода водным путем, который соединяет их со Средиземным морем»¹⁰⁷. Во-вторых, он подчеркивал значение Анатолии как перекрестка мировых цивилизаций¹⁰⁸. Тема особого географического положения Турции исторически выступает в роли одного из главных иницирующих факторов общенационального дискурса. А. Давутоглу, обращаясь к этой теме в специальной публикации в 2008 г. отмечал: «В смысле географии Турция занимает уникальное место. Являясь большой страной в центре обширного афро-евразийского массива, она может считаться центральной страной с различными региональными идентичностями, которые не могут сводиться к единому характеру. Как Россия, Германия, Иран и Египет, Турция не может быть объяснена географически или в культурном плане только лишь будучи ассоциирована с единственным регионом»¹⁰⁹. Поэтому геоисторическое позиционирование страны давалось им в широкой перспективе: Турция является страной Среднего Востока, Балканской страной, Кавказской, Центрально-Азиатской, Каспийской, Средиземноморской, Черноморской и государством [Персидского] залива¹¹⁰.

Понятие «цивилизационного пространства (букв. «цивилизационного бассейна» — *Medeniyet Havzası*), использовавшееся в турецком политическом дискурсе, сочетало в себе культурно-исторический и географический элементы, что свидетельствовало о формировании в отдельных общественно-политических кругах страны так называемых цивилизационного сознания и цивилизационной идентичности¹¹¹. Этот факт проявился и в утверждениях самих турецких внешнеполитических аналитиков, один из которых — Сюлейман Гёк, являвшийся координатором программ Центра афро-азиатских стратегических исследований (*Afro-*

¹⁰⁷ Ünsal 2006: 130.

¹⁰⁸ Ünsal 2006: 137.

¹⁰⁹ Davutoğlu 2008: 78.

¹¹⁰ Davutoğlu 2008: 79.

¹¹¹ О развитии этих явлений см.: Хачатурян 2010: 220.

Avrasya Stratejik Araştırmalar Merkezi), отмечал в июле 2012 г. в материале «География цивилизационного бассейна: Балканы», что, «касаясь балканской политики Турции, Давутоглу (министр иностранных дел с мая 2009 г. — *Ap. U.*) достаточно прозрачно заявил о том, что “Турция отличается от других балканских стран, и ее главной особенностью является важное стратегическое преимущество, которым она обладает на Ближнем Востоке, в Восточном Средиземноморье и в отношении кавказских государств. Никакое другое балканское государство не имеет во внешней политике такого количества регионов”¹¹². Вывод, сделанный в этой связи, заключался в том, что география Балканского цивилизационного бассейна определяет его положение как «связующей точки четырех разных культур» (Древней Греции и Рима, Византии, Османской империи и католической Европы), при этом высказывалась мысль о том, что историческое и культурное наследие Османской империи необходимо комбинировать с «динамичностью существующей Турецкой Республики»¹¹³. Появление концепции «турецкой исторической геополитической оси» (*Türk tarihinin jeopolitik eksenini*) в данном контексте также свидетельствовало о попытках формулирования в турецком общественно-политическом и научном дискурсе аргументов в пользу единого геоисторического цивилизационного пространства, где Турция выступала в роли его главного модератора. Саит Ыылмаз, руководитель Центра исследований и реализации национальной безопасности и стратегии Стамбульского Университет Айдын, обращаясь к этой теме, писал, что «подводя итог геополитической оси в турецкой истории, можно видеть определенный ландшафт; на протяжении первой тысячи лет основная тюркская историческая азиатская ось преобразуется; несмотря на то, что во втором тысячелетии османское владычество распространилось на три континента, в центре нашего внимания была Европа»¹¹⁴. Таким образом, фактически, речь шла о базовой внешнеполитической теме — тюркской цивилизации и появлении новой геополитики, в которой геоэкономическая, геостратегическая и геокультурная составляющие бы-

¹¹² Gök 2012.

¹¹³ Gök 2012.

¹¹⁴ Yılmaz б. д.

ли призваны «заново интерпретировать историческую ось» во внешней политике страны. В этой связи за основу бралась историко-географическая значимость в период существования Османской империи особенностей конкретных географических районов. Анатолия в этой системе выполняла «блокирующую роль» для проникновения извне; продвижение на запад, к Дунаю и Вене обеспечивало «естественные границы»; происходило объединение населения на завоеванных территориях в единые политические и экономические системы; Крым выполнял роль форпоста на севере, а Средиземноморье порождало для Османской империи экономические и политические возможности¹¹⁵. В то же время признавалась и трудность в деле соединения географии и культуры¹¹⁶ в условиях Османской империи, а в современных условиях, как утверждалось, «Турция и в географическом смысле влияет на баланс мировых центров силы в регионе, на непрерывные и многомерные интересы и конфликты этих сил, она обладает критическим географическим положением»¹¹⁷.

В определенном смысле в турецком общенациональном дискурсе нашла свое проявление концепция «исторического мезорегиона» (хотя и не называемая так самими участниками этого дискурса). В ее основе лежит утверждение о существовании транснационального, лишённого внутренних границ геопространства, состоящего из малых пространств (территорий), объединённых на основании принципа их культурно-исторической схожести или родства. Концепция «нестойких регионов с неотчетливыми границами», при том, что «один мезорегион может быть понят в контексте других»,¹¹⁸ получила широкое распространение в европейской политологии. Такой подход усилился после произошедшего в 80-х годах XX в. в мировом культурно-историческом и политическом дискурсах «пространственного поворота» (*spatial turn*), когда геотопографическая ориентационная составляющая, основывающаяся на традиционных представлениях о географических регионах, стала постепенно изменяться

¹¹⁵ Yılmaz б. д.: 6.

¹¹⁶ Yılmaz б. д.: 7.

¹¹⁷ Yılmaz б. д.: 8.

¹¹⁸ Troebst 2003: 173, 174.

на восприятие больших геопространств с учетом геоисторических и культурно-исторических факторов¹¹⁹. В современном общенациональном турецком дискурсе был сформулирован тезис об изменении географических пространств в прошлом и настоящем в зависимости от происходивших (происходящих) международных событий, что аргументируется историческими судьбами Римской, Византийской и Османской империй¹²⁰. Историко-географический фактор приобрел в оценках многих турецких политологов решающее значение для турецкой внешней политики, так как «стратегическое расположение Турции на перекрестке трех континентов исторически выступало в роли движущей силы в деле формирования ее внешней политики». В эру глобализации география продолжает сохранять свою важность, хотя и приобретает новое значение. Сейчас «новая география», формируя внешнюю политику Турции, преодолевает пределы географического пространства... Иными словами, «новая география» частично относится к экономической сфере, частично — к политической, социальной и культурной»¹²¹. Одновременно само понятие «новая география» приобретало в турецком публичном дискурсе еще одно значение: оно употреблялось для обозначения изменений, происходивших в регионах, ранее являвшихся частью «османской исторической географии»¹²². В условиях современной Турции данное явление частично нашло свое отражение в усилении научного и общественно-политического интереса, при явном политическом запросе властей, к проблеме истории тюркской государственности, ядром которой начинал выступать Румский, или Сельджукский султанат, существовавший на протяжении 1077–1307 годов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Анатолии, что, в определенной степени, можно было бы назвать геоконцептом неанатолизма¹²³.

Историко-географический фактор проявился и в «объединении» физической географии (расположение современной Турции) с цивилизационной «составляющей» в форме популярного и вос-

¹¹⁹ Spatial Turn 2008; Bavaj 2006; The Spatial Turn 2008.

¹²⁰ Çay 2012.

¹²¹ Aybar 2012: 4.

¹²² Balkan 2012.

¹²³ History 2007.

требованного в общественном дискурсе страны тезиса «Турция пяти морей» (букв. «Пять морских бассейнов Турции» — *Beş deniz havzasında Türkiye*), под которыми имеются в виду Средиземноморье, Персидский (в турецкой традиции — Басрский) залив, Красное, Черное и Каспийское моря¹²⁴. По мере приобретения популярности в политических и научных кругах Турции актуализированного и модернизированного геотранспортного проекта исторического «Шелкового пути», в котором его турецкая часть занимает особое связующее Европу и Азию место, сам этот термин — «Шелковый путь» (*İpek Yolu*) — также занял важное место в общенациональном дискурсе. Введенное турецкими политиками в конце 90-х годов XX в. – начале 2000-х годов словосочетание «смещение оси в турецкой внешней политике» (*Türk dış politikasında eksen kayması*), служившее в научном и общественном дискурсе для обозначения начавшегося «многовекторного» курса турецкой внешней политики¹²⁵ часто ассоциируется с историко-географическим позиционированием Турции как евроазиатской страны с имеющимся у нее цивилизационным историческим опытом. Особое место среди как появившихся новых, так и актуализированных традиционных понятий, присутствующих в современном общенациональном политическом и научно-академическом дискурсе, занимают традиционно-исторические пространственные категории. Неурегулированность взаимоотношений Турции с рядом соседей — Грецией и Арменией, заключающаяся в территориальном споре с Афинами и отказом от признания Геноцида армян в 1915 г., а также курдская проблема и сложности во взаимоотношениях с несколькими арабскими странами и с Ираном, способствовали появлению в современном турецком «политологическом словаре», а затем и в ряде дискурсов выражения «картографическая обеспокоенность» (*kartografik endişe*)¹²⁶. Оно служит для обозначения опасений, проявляемых в Турции по поводу гипотетического расширения отдельных государств с последующим включением в их состав территорий, находящихся в границах современной Турецкой Республики.

¹²⁴ Aydın, Erhan 2006.

¹²⁵ Kardaş 2011; Şamiloğlu 2010.

¹²⁶ Kaya 2012.

Обращение турецких исследователей к теме формирования конструкта «географической родины» (*coğrafyadan vatana*), базирующегося на принципе «национального пространства» (*ulusal alan*), делается в контексте существующих теоретических концепций, распространенных в западно-европейской и американской историографии. В этой связи, один из них — Сезги Дургун — обращает внимание на то, что «националистический и географический дискурсы сочетают две основные черты: 1) их инициаторы используют язык, часто задевающий «ботаническую» терминологию (укорененность, происхождение); 2) единственно-исключительный характер географического расположения, страна «избранного народа» является священным местом и также в обоих дискурсах существует представление о естественной связи между нацией и родиной, землей и кровью; этот дискурс определяет националистические чувства и подпитывает представления, влияние которых неоспоримо»¹²⁷. Примечательным фактом в этой связи стало использование в общественно-политическом и научном дискурсе Турции терминов «национальная география» (*Ulusal coğrafya*), выступающего в роли эквивалента «география страны», и «национальная география» (*Milli Coğrafya*) как в большей степени синонима «этнической географии», имеющая определенную связь с исторической географией¹²⁸. Особое место при усилении этноцентрического характера дискурса в нем актуализируются «мифогеографические»¹²⁹ квазиисторико-пространственные конструкты — «география Эргенекона» (*Ergenekon coğrafyası*) и «география Турана» (*Turan coğrafyası*), имевшие непосредственное отношение к существующей в политической традиции современной Турции системе взглядов, формулировавшихся еще во второй половине XIX – начале XX в. Геопространственная мифологема Эргенекона — мифического места в междугорье, в равнинной части Алтая, где Бумын-каган собрал тюрков и откуда началось движение тюрков на запад, в этой связи приобретает форму историко-географического аргумента в пользу расширительного тол-

¹²⁷ Durgun 2012: 3.

¹²⁸ Такая интерпретация просматривается в: Vora 2006.

¹²⁹ См. подробнее об этом: Митин 2006.

кования общетюркского пространства и общетюркской солидарности. Аналогичной цели, но в еще более широком смысле, служит геопространственный проект, базирующийся на историко-географической и этнолингвистической интерпретации единства тюркоязычных и финно-угорских народов.

Актуализация историко-географической и этнокультурной тематики в современном турецком общенациональном дискурсе по внешнеполитической ориентации страны отражает общую тенденцию, проявившуюся в 90-е годы XX в. после начавшегося переформатирования мирового пространства, изменения государственно-политических реалий в Евразии и серьезных социально-политических трансформаций в регионах Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока. Отличительной чертой турецкого варианта обращения к модернизированным формам пространственных ретроконцептов стала попытка создания внешнеполитической доктрины, сочетающей «имперское наследие», отвергавшееся ранее турецкими политическими кругами по внутри и внешнеполитическим причинам, конструкт «Анатолийской цивилизации» с сильным тюрко-исламским присутствием и «мультигеографическую» характеристику историко-географического позиционирования Турции, традиционно принадлежащей сразу нескольким культурно-историческим областям. В процессе формулирования повестки дня общенационального дискурса страны выявилась тенденция «геоисторической географизации» аргументов и появление новой, либо модернизация уже существовавшей категориально-понятийной системы.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Илл. 1. Географическое расположение Му (из книги: Churchward J. The Lost Continent of Mu, the Motherland of Man. New York 1926).
- Илл. 2. Надпись на карте: «Такова новая карта Турции по Оджалану» (RotaHaber, 23.03.2013. — Электронный ресурс [режим доступа: http://haber.rotahaber.com/iste-ocalanin-yeni-turkiye-haritasi_354684.html, дата обращения — 20.01.2014].)
- Илл. 3. Надпись на карте: «Сообщество Наций распространяется на все семь континентов» (из: Davutoğlu'nun hayali Osmanlı Milletler Topluluğu // Milliyet 07.12.2010).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алпатов 1991 — *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991.
- Бахревский 2011 — *Бахревский Е.* Политика «нового османизма» Турции и постсоветское пространство. 16.11.2011 — Электронный ресурс [режим доступа: <http://regnum.ru/news/1467970.html><http://regnum.ru/news/1467970.html>], дата обращения — 20.01.2014].
- Митин 2006 — *Митин И.И.* Мифогеография Европейского Севера: семиотико-мифологическая модель культурного ландшафта // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2006. Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России / Отв. ред. Н.М. Терехин. С. 46–53.
- Сафрастьян 2005 — *Сафрастьян Р.* Турция и кипрская проблема: эпизоды «Большой игры» // 21-й век: Информационно-аналитический журнал. 2005. № 2. С. 54–66.
- Тодорова 1999 — *Тодорова М.* Балкани. Балканизъм. София, 1999.
- Улуния 2001 — *Улуния Ар.А.* Балканы: Горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945–1960. М., 2001.
- Улуния 2009 — *Улуния Ар.А.* Новая политическая география: Переформируя Евразию. Историзированные зарубежные геоконцепты. Конец XX в. – начало XXI в. М., 2009.
- Хачатурян 2010 — *Хачатурян В.М.* Человек в пространстве цивилизаций: проблема цивилизационной идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 218–240.
- Ahibay 2007 — *Ahibay B.* Theoretical approaches in Turkish archaeology. The Institute of Economics and Social Sciences of Bilkent University. The department of Archeology and History of Art Bilkent University. Thesis Master of Arts. Ankara, 2007.
- Akgül 2009 — *Akgül F.* Rusya ve Türkiyede Avrasyacılık. İstanbul, 2009.
- Akkan, Niyazbayev 2008 — *Akkan F., Niyazbayev Y.* “I support neo-Eurasianism, not Ergenekon”, says Dugin // Today’s Zaman, 20.10.2008.
- Akman 2011 — *Akman T.Ş.* Türk Tarih Tezi Bağlamında Erken Cumhuriyet Dönemi Resmî Tarih Yazımının İdeolojik ve Politik Karakteri // Hacettepe Hukuk Fakültesi Dergisi. 2011. Cilt 1. Sayı 1. S. 80–109.
- Aktar 2010 — *Aktar A.* Conversion of a “Country” into a “Fatherland”: The Case of Turkification Examined, 1922–1932 // Nationalism in the

- Troubled Triangle. Cyprus, Greece and Turkey / Ed. by A. Aktar, N. Kızılyürek, U. Ozkırımlı. London, 2010. P. 21–35.
- Atakuman 2008 — *Atakuman Ç.* Cradle or crucible: Anatolia and archaeology in the early years of the Turkish Republic (1923–1938) // *Journal of Social Archaeology*. 2008. Vol. 8. No. 2. P. 214–235.
- Aybar 2012 — *Aybar S.* Turkey's Middle Eastern Policy and the "New Geography" // *Perspectives — Political analysis and commentary from Turkey*. 2012. No. 2. P. 4–8.
- Aydin, Erhan 2006 — *Aydin M., Erhan Ç.* Beş deniz havzasında Türkiye. Ankara, 2006.
- Bakić-Hayden, Hayden 1992 — *Bakić-Hayden M., Hayden R.* Orientalist Variations on the Theme "Balkans": Symbolic Geography in Recent Yugoslav Cultural Politics // *Slavic review*. 1992. Vol. 51. No. 1. P. 1–15.
- Bakić-Hayden 1995 — *Bakić-Hayden M.* Nesting Orientalism: The Case of Former Yugoslavia // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. No. 4. P. 917–931.
- Balkan 2012 — *Balkan coğrafyasında yeni siyasi dönem* // *Dünya Bülteni*. 18.10.2012 — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.dunyabulteni.net/?aType=haber&ArticleID=231685>, дата обращения — 20.01.2014].
- Bavaj 2006 — *Bavaj R.* Was bringt der "Spatial Turn" der Regionalgeschichte? Ein Beitrag zur Methodendiskussion // *Westfälische Forschungen*. 2006. Bd. 56. S. 457–484.
- Bayraktar 2009 — *Bayraktar L.* Bir Düşünce Ekolü Olarak Anadoluculuk // *Felsefe Dünyası*. 2009. Cilt 1. Sayı 49. S. 69–80.
- Bora 2006 — *Bora T.* Milli Coğrafya'ya Bakmak // *Birikim. Aylık Sosyalist Kültür Dergisi*, 26.10.2006.
- Bülent, Fidan 2009 — *Bülent A., Fidan H.* Turkey and Eurasia: Frontiers of a new geographic imagination // *New Perspectives on Turkey*. 2009. No. 40. P. 195–217.
- Çay 2012 — *Çay S.* "Merkez Eksen" Türkiye. 7.12.2012 // *Name Haber — Sadece Haber — Электронный ресурс* [режим доступа: <http://www.namehaber.com/yazi/saadettin-cay/91-merkez-eksen-turkiye/>, дата обращения — 20.01.2014].
- Churchward 1926 — *Churchward J.* The Lost Continent of Mu: Motherland of Man. New York, 1926.
- Churchward 2000 — *Churchward J.* Kayıp Kıta Mu. Ankara, 2000.
- Çemrek 2011 — *Çemrek M.* Osmanlı Milletler Topluluğu: İmparatorluğun İmkânlarını Keşfetmek // *Stratejik Düşünce Enstitüsü— Institute of Strategic Thinking*. 7.03.2011 — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.sde.org.tr/tr/haberler/1404/osmanli-milletler-toplulugu->

- imparatorlugun-imbkanlarini-kesfetmek.aspx/, дата обращения — 20.01.2014].
- Çığ 2005 — Çığ M.İ. Sümerlilerde Tufan Tufan'da Türkler. İstanbul, 2005.
- Çilingiroğlu 1984 — Çilingiroğlu A. Urartu ve Kuzey Suriye Siyasal ve Kültürel İlişkiler. İzmir, 1984.
- Çınar 2007 — Çınar M. Anadoluçuluk hareketinin gelişimi ve Anadoluçular ile Cumhuriyet Halk Partisi arasındaki ilişkiler (1943–1950). Doktora Tezi. Ankara Üniversitesi Doktora Kamu Yönetimi Ve Siyaset Bilimi Anabilim Dalı. Ankara, 2007.
- Çubukçu 1991 — Çubukçu İ.A. Türk Düşünce Tarihinde Felsefe Hareketleri. Ankara, 1991.
- Çulhaoğlu 2011 — Çulhaoğlu G.F. Türk Yurdu Anadolu (Ermeni, Yunan Ve Kürt İddialarına Yanıtlar). İstanbul, 2011.
- Davutoğlu 1999 — Davutoğlu A. Tarih İdraki Oluşumunda Metodolojinin Rolü: Medeniyetlerarası Etkileşim Açısından Dünya Tarihi ve Osmanlı // Divan. 1999/2. S. 1–63.
- Davutoğlu 2001 — Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul, 2001.
- Davutoğlu 2008 — Davutoğlu A. Turkey's Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007 // Insight Turkey. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 77–96.
- Demir 2010 — Demir M. “Osmanlı Milletler Topluluğu” demedim // Hürriyet. 20.12.2010.
- Deniz 2008 — Deniz A. Perinçek, Çin ve Rus servisleriyle çalışıyor // Yeni Şafak, 23.3.2008.
- Dinç 2006 — Dinç E. Changes In The Turkish History Curriculum and The Place Of European History // Ahi Evran Üniversitesi Kırşehir Eğitim Fakültesi Dergisi (KEFAD). 2006. Cilt 7. Sayı 2. S. 247–261.
- Durgun 2011 — Durgun S. Memalik-i Şahane'den Vatan'a. İstanbul, 2011.
- Durgun 2012 — Durgun S. Yer Bilgisi'nden Milli Coğrafya'ya // Mekân Kimlik, Güç ve Dış Politika / Ed. Doç. Dr. Gülden Ayman. İstanbul, 2012.
- Eltürk 2011 — Eltürk E. Türkiyeli arxeoloq Adil Yılmaz: “İran adlanan coğrafiyanın ən qədim sakinləri türklərdir”. 13.11.2011 // Gün. Az. Azərbaycan Xəbərləri. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.gun.az/politics/20230>, дата обращения — 20.01.2014].
- Erdogan 2004 — Erdogan T. Turkish Foreign Policy for the 21st Century. January 26, 2004 // Council on Foreign Relations. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.cfr.org/publication.html?id=6717>, дата обращения — 20.01.2014].

- Ergin 2012 — *Ergin S.* Erdoğan ve tarih. Dış politika ecdadı sahiplenme doktrini // *Hürriyet*. 1.12.2012.
- Ersanli 2001 — *Ersanli B.* “Turkish History Thesis” and its Aftermath. A Story of Modus Operandi // *Konstruktion nationaler Identität und der Umgang mit Geschichte* / Hg. H.-L. Kieser, S. Naef, C. Windler. Berlin, 2001. S. 7–29 (Asien, Afrika, Lateinamerika. Wissenschaftliche Zeitschrift. Bd. 29).
- Erşen 2011 — *Erşen E.* Coğrafyayı yeniden düşünmek // *Radikal*. 29.7.2011.
- Erzen 1986 — *Erzen A.* Doğu Anadolu ve Urartular. Ankara, 1986
- Friedman 2012 — *Friedman G.* Turkey's Strategy // *Geopolitical Weekly. The State Of The World* // Stratfor. Global Intelligence. April 17, 2012.
- Gök 2012 — *Gök S.* Medeniyet Havzası İçinde Bir Coğrafya: Balkanlar // Afro-Avrasya Stratejik Araştırmalar Merkezi. 19.07.2012. Электронный ресурс [режим доступа: <http://afasam.org/tr/bolgeler/balkanlar/medeniyet-havzasi-icinde-bir-cografya-balkanlar/>, дата обращения — 20.01.2014].
- Güney, Güney 2011 — *Güney E., Güney U.* Türkiye Coğrafyasının Uygarlıkları. Anadolu'nun Trakya'nın Tarihi Coğrafya Bölgeleri ve Antik Kentleri. Ankara, 2011.
- Gürpınar 2004 — *Gürpınar D.* The Seljuks of Rum in Turkish Republican Nationalist Historiography. Sabancı University. June 2004.
- Güzel 2010 (1–3) — *Güzel H.C.* “Osmanlı Milletler Topluluğu” kurulmalıdır // *Vatan Gazetesi*. 9.12.2010; 10.12.2010; 12.12.2010.
- Hacısalihioğlu 2005 — *Hacısalihioğlu F.* Türk Tarihçiliğinde Anadoluculuk Düşüncesi, Yüksek Lisans Tezi. A.Ü. Sosyal Bilimler Enstitüsü, Tarih (Genel Türk Tarihi) Ana Bilim Dalı, Ankara, 2005. S. 32.
- Hepkon 2005 — *Hepkon H.* Mu kıtası ve Türk tarih tezi // *Radikal*. 28.10.2005.
- Hür 2013a — *Hür A.* Turgut Özal'ın Anadolu Cumhuriyeti // *Bandırma Haber*. 13.01.2013.
- Hür 2013b — *Hür A.* Türkiye yerine 'Anadolu Cumhuriyeti' olsaydı ne olurdu? // *Radikal*. 13.01.2013.
- İlhan 2007 — *İlhan S.* Türklerin Jeopolitiği ve Avrasyacılık. Ankara, 2007.
- İşyar 2010 — *İşyar Ö.G.* Avrasya ve Avrasyacılık. Ankara, 2010.
- Karadeli 2007 — *Karadeli C.* Orta Doğu'ya Yönelik Türk Dış Politikasında Kırılmalar ve Yenilikler // *Akademik ORTA DOĞU*. 2007. Cilt 2. Sayı 1. S. 35–48.
- Kamış 2010 — *Kamış M.* Türkiye yeni Osmanlı olur mu? // *Zaman*. 8.12.2010.

- Kardaş 2011 — *Kardaş Ş.* Türk Dış Politikasında Eksen Kayması mı? // *Akademik ORTA DOĞU*. 2011. Cilt 5. Sayı 2. S. 19–42.
- Kaya 2012 — *Kaya R.* Coğrafyanın Vatanlaşması // *Kaos GL Derneği*. 2012. Mart-Nisan. Sayı 123. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.kaosgldergi.com/dosyasayfa.php?id=596>, дата обращения — 20.01.2014].
- Kesler 2008 — *Kesler M.* Putin'in adamları Ergenekon dosyasında // *Miliyet*. 12.8.2008.
- Khalilzad, Lesser, Larrabee 2000 — *Khalilzad Z., Lesser I., Larrabee S.* The Future of Turkish-Western Relations: Toward A Strategic Plan. New York, 2000.
- Kuru 1998 — *Kuru A.* Türkiye'nin Orta Asya'ya Yönelişi: Dokuz Asır Sonra Politika Değişimi // *Türkiye Günlüğü*. 1998. Sayı 51. S. 78–88.
- Küçükkoşum 2010 — *Küçükkoşum S.* As EU vision fades, “MEU vision” emerges among Turkey, neighbors // *Hürriyet Daily News*. 11.6.2010.
- Le Plongeon 1896 — *Le Plongeon A.* Queen Máo and The Egyptian Sphinx. New York, 1896.
- Menon, Wimbush 2007 — *Menon R., Wimbush S.E.* Is the United States Losing Turkey? // *Hudson Institute*. 25.03.2007.
- Meydan 2005 — *Meydan S.* Atatürk ve Kayıp Kıta Mu. İstanbul, 2005.
- Meydan 2010 — *Meydan S.* Atatürk ve Türklerin Saklı Tarihi: Türk Tarih Tezinden Türk İslam Sentezi'ne. İstanbul, 2010.
- Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce 2001–2009 — *Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce*. İstanbul, 2001–2009. Cilt 1–9.
- History 2007 — *History and Ideology: Architectural Heritage of the “Lands of Rum”* / Ed. by S. Bozdoğan and G. Necipoğlu. Leiden; Boston, 2007 (Muqarnas. Vol. 24).
- Murinson 2006 — *Murinson A.* The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign Policy // *Middle Eastern Studies*. 2006. Vol. 42. No. 6. P. 945–994.
- Özal 1988 — *Özal T.* La Turquie en Europe. Paris, 1988.
- Özal 1991 — *Özal T.* Turkey in Europe and Europe in Turkey. Nicosia, 1991.
- Özal 2010 — *Özal T.* Tarih ve Miras. Antik Çağdan Cumhuriyete Anadolu, Türk ve İslam Medeniyeti. İstanbul, 2010.
- Özdoğan 1998 — *Özdoğan M.* Ideology and archaeology in Turkey // *Archaeology under fire: nationalism, politics and heritage in the Eastern Mediterranean and Middle East* / Ed. by L. Meskell. London, 1998.

- Palabıyık 2010 — *Palabıyık A.* Kriz sonrası yeni uluslar arası siyaset bağlamında yenilenen. Türk dış politikası ve Ahmet Davutoğlu // Turgut Özal Uluslararası Ekonomi ve Siyaset Kongresi-1. Küresel Krizler ve Ekonomik Yönetişim Bildirler Kitabı / Ed. A. Koçyiğit, L. Gökdemir, H. Erkuş, R. Karabulut, S. Bakan, S. Ergün. 15–16 Nisan 2010. Malatya, 2010. S. 735–764.
- Perinçek 2006 — *Perinçek M.* Avrasyacılık: Türkiye'deki Teori ve Pratiği. Ankara, 2006.
- Pınarcık 2012 — *Pınarcık P.* Urartu Krallığı'nın Tarihi Coğrafyası Hakkında Yeni Öneriler // Tarih İncelemeleri Dergisi. 2012. Cilt XXVII. Sayı 2. S. 459–482.
- Rapidis 2010 — *Rapidis D.* Turkey's Geopolitical Assertiveness: Re-evaluating the Balance of Power in terms of Political and Economic Leverage in Southeastern Europe, the Middle East, and the Caspian Region // Global Political Trends Center Policy Brief. 11.05.2010 — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.gpotcenter.org/dosyalar/GeopoliticalAssertiveness.pdf>, дата обращения — 20.01.2014].
- Sander 1987 — *Sander O.* Anka'nın Yükselişi Ve Düşüşü. Osmanlı Diploması Tarihi Üzerine bir Deneme. Ankara, 1987.
- Seydi 2009 — *Seydi S.* An Outline of 2000 Years of Turkish History. Ankara, 2009.
- Shaw 2004 — *Shaw W.M.K.* Whose Hittites, and Why? Language, Archeology and the Quest for the Original Turks // Archaeology Under Dictatorship / Ed. M.L. Galaty, C. Watkinson. New York, 2004. P. 131–153.
- Smith 1987 — *Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1987.
- Spatial Turn 2008 — Spatial Turn: Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften / Hg. von J. Döring, T. Thielmann. Wetzlar, 2008.
- Şamiloğlu 2010 — *Şamiloğlu F.* Türk Dış Politikasında Eksen Kayması Var mı? // USAK. 21.01.2010.
- Şeker, Genç 1999 — *Şeker M., Genç S.* Türk Medeniyet Tarihi. Eskişehir, 1999.
- Şenoğlu 2006 — *Şenoğlu K.* Mayatepek Raporları Türk Tarih Tezi ve Muhtırası. İstanbul, 2006.
- Tanyeri-Erdemir 2006 — *Tanyeri-Erdemir T.* Archaeology as a source of national pride in the early years of the Turkish Republic // Journal of Field Archaeology. 2006. Vol. 31. No. 4. P. 381–393.
- Taspınar 2008 — *Taspınar Ö.* Turkey's Middle East Policies. Between Neo-Ottomanism and Kemalism. Washington, 2008 (Carnegie Middle East Center. No. 10).

- Taşlıgil, Şahin 2011 — *Taşlıgil N., Şahin G. Ortadoęu Kavramı Ve Türkiye’de Ortadoęu Coęrafyası İle İlgili Bir Literatür Çalıřması // Akademik ORTA DOęU. 2011. Cilt 6. Sayı 1. S. 141–158.*
- The Spatial Turn 2008 — *The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives / Ed. by B. Warf, S. Arias. London, 2008.*
- Todorova 1997 — *Todorova M. Imagining the Balkans. New York, 1997.*
- Troebst 2003 — *Troebst S. Introduction: What’s in a Historical Region? A Teutonic Perspective // European Review of History. 2003. Vol. 10. No. 2. P. 173–188.*
- Türk Tarihinin Ana Hatları 1996 — *Türk Tarihinin Ana Hatları: Kemalîst Yönetimin Resmi Tarih Tezi. İstanbul, 1996.*
- Udum 2007 — *Udum S. Turkish Foreign and Security Policy in the Current Era. Bilkent University Department of International Relations, Turkey. Agder University College, 2007.*
- Ünsal 2006 — *Ünsal V. Doęu Karadeniz’in Tarihi Coęrafyası // Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2006. Cilt 8. Sayı 2. S. 129–144.*
- Üstel 1993 — *Üstel F. Türk Milliyetçilięinde Anadolu Metaforu // Tarih ve Toplum. 1993. Cilt 19. Sayı 109. S. 51–55.*
- Üşümezsoy 2004 — *Üşümezsoy Ş. Türk Jeostratejisi: Avrasya’da Devrim. İstanbul, 2004.*
- Walker 2011 — *Walker J.W. Introduction: The Sources of Turkish Grand Strategy — “Strategic Depth” and “Zero-Problems” in Context // Turkey’s Global Strategy. London, 2011. P. 6–12 (LSE IDEAS).*
- Yanık 2011 — *Yanık L.K. Constructing Turkish “exceptionalism”: Discourses of liminality and hybridity in post-Cold War Turkish foreign policy // Political Geography. 2011. Vol. 30. No. 2. P. 80–89.*
- Yazıcı 2002 — *Yazıcı N. Osmanlılık Fikri ve Genç Osmanlılar Cemiyeti. Ankara, 2002.*
- Yenigün 2002 — *Yenigün C. [Review]: Davutoęlu A. Stratejik Derinlik. Türkiye’nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001, xiii + 584 pages // The Turkish Yearbook of International Relations. 2002. Vol. 33. P. 299–305.*
- Yeşiltaş, Balcı 2011 — *Yeşiltaş M., Balcı A. Ak Parti Dönemi Türk Dıř Politikası Sözlüğü: Kavramsal Bir Harita // Bilgi. 2011. Vol. 23. S. 9–34.*
- Yięit 1995 — *Yięit T. Tarih Öncesi ve Hitit Döneminde İsuwa Bölgesi // Tarih Arařtırmaları Dergisi. 1995. Cilt 17. Sayı 28. S. 233–251.*
- Yięit 1997a — *Yięit T. Eski Anadolu Kentlerinden Luhuzatia / Lawazantiya’nın Tarihi ve Lokalizasyonu Üzerine // Belleten. 1997. Cilt 41. Sayı 230. S. 1–14.*

- Yiğit 1997, — *Yiğit T.* M.Ö. II. Binyıl Anadolu Kentlerinden Şamuha'nın Tarihi ve Lokalizasyonu Üzerine // Tarih Araştırmaları Dergisi. 1997. Sayı 30. S. 273–287.
- Yiğit 2000 — *Yiğit T.* Asur Ticaret Kolonileri ve Hitit Çağında Anadolu. Ankara, 2000.
- Yiğit 2002 — *Yiğit T.* Eski Hitit Döneminde ve Sonrasında Bazı Anadolu Kentlerinde Yerleşimin Kesilmesi Üzerine // Argos Gemicileri. 2002. Sayı 7. S. 41–44.
- Yiğit 2003 — *Yiğit T.* İlk Tunç Çağı'nın Son Evresinde Anadolu'nun Siyasal Görünümü // Tarih Araştırmaları Dergisi. 2003. Sayı 33. S. 167–182.
- Yılmaz 2010–2011a — *Yılmaz A.* Eski Mezopotamya tablerinde geçen Turki-Turukku adının kökeni // Genel Türk Tarihi Kaynakları Dersi 2010–2011 Güz Dönemi Ödevi. — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.academia.edu/834177/DOGU_ANADOLUDA_TURKLER дата обращения — 20.01.2014].
- Yılmaz 2010–2011b — *Yılmaz A.* Tarihi ve çağdaş Türk coğrafyası // Tarihi ve Çağdaş Türk Coğrafyası Dersi 2010–2011 Güz Dönemi Ödevi. — Электронный ресурс [режим доступа: http://www.academia.edu/1041502/TARİHİ_TURK_COGRAFYASI/, дата обращения — 20.01.2014].
- Yılmaz б. д. — *Yılmaz S.* Jeopolitik ve Türkiye // USAM Bülteni (б. д.) — Электронный ресурс [режим доступа: http://usam.aydin.edu.tr/analiz/TURKIYE_ICIN_JEOPOLTK.pdf, дата обращения — 20.01.2014].
- Zürcher 1984 — *Zürcher E.J.* La théorie du “langage-soleil” et sa place dans la reforme du langue turque // La linguistique fantastique / Ed. S. Augoux. Paris, 1984. P. 83–91.

С.В. РАССКАЗОВ

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
И ПАРАДИГМЫ
РОССИЙСКОЙ ГЕОГРАФИИ**

КРАТКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ДЛЯ ИСТОРИКОВ

В данном тексте автор не собирается давать очередной полный обзор истории географии, ее парадигм и методов, в силу того, что таковых написано довольно много¹, в том числе применительно к исторической географии². Основная задача статьи — дать общую характеристику географии в том виде, в каком с ней могут столкнуться российские историко-географы гуманитарного направления (преимущественно историки), то есть в лицах, группах и доминирующих идеях, владеющих учетными и научными коллективами. Соответственно, отправной точкой изложения будет состояние российской географии, ее подразделение на фракции и группы, идейный багаж, восходящий к тем или иным этапам развития европейской науки. Другие национальные географические традиции будут охарактеризованы лишь в той мере, в какой это будет необходимо для характеристики локального научного дискурса.

¹ Голубчик и др. 1998; Holt-Jensen 1999; Knox, Marston 2003 — наиболее доступные и качественные обзоры, одновременно студенческие пособия. Поддержанные издания книги А. Холт-Йенсена и учебника Пола Нокса и Салли Марстон продаются через различные книжные интернет-магазины, например abe-books.com. Частично доступны в Google Books.

² Яцунский 1955. Монография В.К. Яцунского отсканирована и доступна в ряде интернет-библиотек, в том числе в библиотеке ЖЖ-сообщества [ru-geography](http://ru-geography.livejournal.com/707.html) — Электронный ресурс [режим доступа: <http://ru-geography.livejournal.com/707.html>, дата обращения — 20.01.2014].

Автор также исходит из того представления, что существование двух мало пересекающихся исторических географий (одной — со стороны круга исторических дисциплин, другой — со стороны географии) не является нормальным. Оптимальным, на наш взгляд, было бы более детальное оформление междисциплинарного поля между историей и географией, но притом с большим числом взаимных пересечений основных наук и более частым сотрудничеством географов и историков. Именно поэтому изложение материала также будет попыткой рассказать о точках соприкосновения историков и географов и возможном общем языке взаимодействия.

* * *

Первой проблемой большинства междисциплинарных исследований в России является восприятие смежных наук через популярные быденные образы, нивелирующие собственно научное содержание тех или иных дисциплин. Соответственно, география до сих пор пользуется среди неспециалистов репутацией «расплывчатой области знания, связанной с путешествиями» или, как максимум — с широкой эрудицией в плане знания и различения государств, их областей, столиц и множества разрозненных страноведческих фактов³ (в свою очередь, подавляющая масса географов недалеко ушла от представлений об истории как своде хронологических таблиц и энциклопедических справок о ключевых событиях, привязанных к различным странам и городам). Понятно, что подобный подход не может здесь рассматриваться всерьез — самообразование пока доступно российским исследователям, по какой-то причине вынужденным выходить за рамки «родных» дисциплин.

³ На Западе ситуация отличается не принципиально: “It is still common to meet people who think that geography must have to learn a mass of facts, must know the population of towns all over the world and can name and locate all the new states in Africa. [...] People also have an idea that geography has something to do with maps. [...] A third view is that geographers write travel descriptions” («До сих пор легко встретить людей, которые думают, что география должна изучать большой объем фактов, должна иметь дело с численностью населения городов по всему миру, названиями и расположением всех новых африканских государств [...] Люди также склонны думать, что география имеет какое-то отношение к картам. [...] Наконец, географы, видимо, создают путевые описания») (Holt-Jensen 1999: 1; перевод автора).

Второй проблемой является запутанность и неоднозначность интегральных характеристик различных дисциплин в собственно научном плане. География в этом отношении особо выделяется, так как соединяет в себе минимум два раздела: в советской терминологии, это экономическая и физическая география, первая из которых ближе к общественным наукам, вторая — к естественным. Соответственно, общаясь с представителями экономического или естественного крыла можно вынести порой противоположные представления о сути и методах географии как науки⁴. Учитывая сталинское наследие, в соответствии с которым даже «нефизический» раздел отечественной географии оказался строго завязан на задачи промышленного развития, практическое позитивистское мышление и экономический детерминизм⁵, можно очень долго искать взаимопонимания с географами самых разных изводов.

Для одних география будет естественной наукой о Земле как планетном теле, другие будут говорить о географической оболочке, то есть в основном о поверхности планеты, третьи вспомнят о человеке, но лишь в контексте влияния на него окружающей среды и обратного «разрушительного» воздействия,

⁴ Очевидны даже серьезные методические различия между географическими науками естественного плана. Постоянно поднимается вопрос об уместности соединения частных естественных и общественных дисциплин под одной крышей и единстве географии в широких границах.

⁵ Этот багаж определил экономический фокус того раздела советской географии, аналог которого в Европе и Северной Америке обычно называется «географией человека» (*human geography, géographie humaine, Anthropogeographie*). До конца 40-х гг. XX в. представление о том, что экономика определяет все прочие стороны жизни общества оставалось доминирующим, с середины 1950-х гг. начинается робкое развитие социальной географии как вспомогательной дисциплины, позволяющей изучать различные неэкономические аспекты жизни людей, которые недостаточно подробно раскрывались в рамках методологического ядра экономической географии. После 1990-го г. равенство «экономического» и «социального» разделов было признано и закреплено в названиях кафедр экономической географии, ставших почти повсеместно кафедрами географии социально-экономической. Впрочем, этот терминологический переход слабо сказался на методах работы и основных интересах их сотрудников, так и оставшихся в рамках промышленной географии или страноведения энциклопедического толка. Географов, воспринимающих свою науку как дисциплину широкого общественного плана или преимущественно гуманитарную, на подобных кафедрах единицы.

четвертые будут больше похожи на «красных директоров» образца 1990-х гг., пятые окажутся близки к макроэкономике, опросной социологии и демографии и лишь с последней группой географов, близких гуманитарной методологии, возможно, удастся найти общий язык, да и то не со всеми.

В качестве примера можно привести ситуацию на географическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Из 15 его кафедр десять являются физико-географическими, причем три из них (гидрологии, океанологии и метеорологии) относятся к чистому комплексному естествознанию, мало связанному с какими бы то ни было общественными науками. Студенты и преподаватели этих кафедр держатся особняком относительно прочего факультета. Фокус исследований на пяти других физико-географических кафедрах (различные науки о Земле) имеет касательное отношение к проблемам социального плана, две кафедры практикуют комплексное ландшафтоведение, трактуя ландшафт как среду обитания человека. Кафедра картографии занимается скорее техническими методами отображения самой разнородной пространственной информации.

Оставшиеся четыре кафедры по старой классификации относятся к экономико-географическому профилю. При этом две из них в полной мере указанному профилю соответствуют, уделяя внимание, в основном, размещению промышленности России и мира; одна кафедра считает себя наследницей традиции комплексного страноведения, что дает некоторую методическую свободу, но и эта свобода редко используется сотрудниками; последняя кафедра, сравнительно недавно созданная, посвящена проблемам туризма и четкого методологического профиля пока не имеет. Даже те сотрудники экономико-географических кафедр, в деятельности которых очевиден сдвиг к изучению общества в чуть большем наборе его характеристик, чем только экономическая деятельность, составляют по отношению к своим коллегам меньшинство, а большинство успешно продолжает работать в методологии 1930-х гг. Среди этого меньшинства есть еще одно (за глаза считающееся маргинальным), полагающее, что в географии применимы не только методы социальных, но и гуманитарных наук⁶.

⁶ В англо-саксонской географии соотношение более равномерно — значение крыла географии человека не меньше, а порой и больше, чем крыла

В академическом Институте географии соотношение специальностей похоже: из 14 подразделений два являются социально-экономическими, два — картографическими, остальные связаны с физической географией. В других относительно старых центрах географического образования и науки соотношение в пользу физической географии еще более впечатляющее: в университетах, преобразованных в советское время из педагогических институтов, кафедры экономической географии обычно занимаются только подготовкой школьных учителей.

И, наконец, третья проблема отечественной географии — это серьезное методологическое и теоретическое отставание как от зарубежных коллег (чьи работы максимум могут быть прочитаны, но чаще игнорируются, в том числе в силу плохого знания языков), так и от отечественных партнеров по смежным наукам (российские экономико-географы совершенно незнакомы и малоинтересны российским экономистам, среди представителей социальной и политической географии известных исследователей — единицы, видные исследователи в географии физической принадлежат к предыдущим поколениям). Эта проблема в основном влияет на качество самопрезентации и степень современности внутренних взглядов на суть дисциплины. Трудности такого

физико-географического, первое также имеет более четкую структуру и внятные институты, что позволяет географам общественного плана иногда «перетягивать одеяло» презентации «единой науки» на себя. Похожая ситуация сложилась и во французской национальной традиции, где в принципе разрыв между географией и гуманитарными науками в силу особенностей развития образовательной системы был менее выражен и прошел мягче. Немецкая традиция имеет значительный физико-географический уклон (в виде концентрации на вопросах природопользования и взаимоотношений человека и среды), но он не похож на российский, хотя бы потому, что естествознание образца XIX в. для немецкой науки — уже пройденный этап. При этом западная география также обладает некоторым клеймом методологической заторможенности: среди специалистов по географии человека доминируют квазипозитивистские настроения, делающие дисциплину мозаикой исследований, близких к пространственной социологии образца 1950–60-х гг. Культурная и гуманистическая география также охватывает меньшинство исследователей, однако, это меньшинство хорошо оформленное, структурированное, вписанное в академическую среду и имеющее доступ к таким классическим журналам как *Progress in Human Geography*.

рода обусловлены не только «тяжелым советским наследием» (экономическая география в 1930-х гг. находилась на пике политической конъюнктуры, физической географии уделялось пристальное внимание в связи с разработкой ресурсной базы экономики и геополитическими устремлениями советского руководства).

Само рождение российской (и русскоязычной) географии как самостоятельной страновой традиции в 1840–50-х гг. было шагом в сторону от мировых трендов, квазиизоляционистской попыткой поставить конгломерат наук о Земле того времени на службу исключительно Российскому государству и первым робким общественным проектам националистического характера⁷. Можно сказать, что мы до сих пор пожинаем плоды усилий того времени: современная российская география до сих пор остается преимущественно позитивистской, ориентированной на круг дисциплин естествознания и внутренние методологические споры, игнорируя то, что происходит в науке за пределами страны.

* * *

Вкратце и поверхностно охарактеризовав структуру современной российской географической науки, стоит через описание актуальных подходов, методологий и парадигм обозначить важнейшие группировки российских географов. Ряд групп будет охарактеризован просто в силу их многочисленности и влиятельности, хотя возможная эффективность взаимодействия с ними в поле исторической географии стремится к нулю. Соответственно, небольшие группы и отдельные исследователи, мало влияющие на картину отечественной географии в целом, будут удостоены пристального внимания в виду, напротив, их важности с точки зрения возможного сотрудничества. В рамках изложения каждого подхода мы попытаемся охарактеризовать также теоретический и практический взгляд представителей разных методологических школ на проблему единства географии. Именно через призму этого вопроса яснее всего вскрываются представления о сути географической науки и возможные перспективы налаживания мостов между историками и разными группами географов.

⁷ Найт 2003; статья доступна в библиотеке сообщества [ru_geography](http://ru_geography.ru).

Парадигма комплексного естествознания

Если в целом среди российских географов доминируют физико-географы, то данная парадигма является ключевой для специалистов естественного направления в описываемой науке. Ее зарождение, видимо, можно отнести к XVI–XVIII вв., то есть это самая ранняя в географии концепция собственно научного, а не натурфилософского характера. Хотя на заре эпохи Великих географических открытий люди, сейчас считающиеся родителями современной географии, вряд ли имели репутацию ученых, скорее, их можно назвать организаторами, дипломатами, торговцами, авантюристами, в лучшем случае это были носители прикладных знаний — конгломерата технических, астрономических, навигационных и картографических методов, позволяющих собирать информацию для успешного ведения торговли и внешней политики, «инженеры дальних путешествий». Собственно наукой для того времени, видимо, была «высокая география» древних, доступная в переводах. Впрочем, именно этот практицизм, возможно, помог новой области знания довольно быстро принять «неклассические» космологические представления и оказаться на переднем крае научной революции Нового времени.

К XVIII в. данная практическая область приобретает академическую репутацию, обрастая ботанико-зоологическими, океанографическими, этнографическими и другими исследованиями, требующими полевой работы. До уровня же «высокого», почти философского знания о мироздании в целом ее довели работы Александра фон Гумбольдта⁸. Последний, очевидно, и должен быть признан автором законченной парадигмы комплексного естествознания, отображённой в пятитомном труде «Космос». Именно Гумбольдту удалось представить набор ситуативных практик по обследованию новых территорий и посильной обработке данных экспедиций в качестве особой формы познания вселенной, внимательной одновременно к законам природы и их конкретному проявлению по всей нашей планете. Гумбольдт же первым сформулировал и доказал на конкретных первичных данных некоторые из закономерностей подобного рода (закон широтной зональности, в общих чертах доступный еще древним,

⁸ Брат Вильгельма фон Гумбольдта, филолога и основателя современной системы университетского обучения.

был доказан им по показаниям первых метеорологических станций в Европе и Северной Америке, а также дополнен представлениями о континентальном и морском типах климата). Кроме того, как ученого еще энциклопедического склада его интересовало очень многое — от геологии и внутреннего строения Земли до вопросов астрономии⁹. Собственно географию при этом он определял довольно узко, как науку, «которая занимается изучением множества разнообразных ... предметов и явлений, которые совместно существуют на отдельных территориях»¹⁰, но в России, кажется, обратили на это мало внимания¹¹.

Как раз в год выхода первого тома «Космоса» (1845) было основано Русское географическое общество, с которого началось формирование самостоятельной географической науки в России. Для общества, озадаченного геостратегическими, политическими и инвентаризационными вопросами, вполне подошла бы и предыдущая схема географии как конгломерата практических сфер деятельности и разрозненных концепций. Однако, соблазн свежих европейских теорий, к тому же немецкого происхождения, оказался слишком велик и представление о географической науке как об области знания, исследующей Землю как природное (планетное) тело, закрепилось на полтора столетия. В настоящее время большинством российских историков науки Гумбольдт трактуется как ключевой географ, а его работы целиком относят к географии.

⁹ Человека при этом он представлял как еще один элемент естественной жизни. «Общая картина природы, которую я старался изобразить, останется неполной, если у меня не останется смелости представить тут в немногих чертах и род человеческий в его различных физических оттенках, в географическом распределении современно-существующих типов его, в том влиянии, которые оказывают над ним земные силы и обратно, в том влиянии, хотя более слабом, которое он сам мог иметь на них. Зависимый, хотя и в меньшей степени, нежели растения и животные, от почвы и метеорологических процессов воздушного круга, легко уклоняющийся от сил природы деятельностью духа и постепенно возвышающимся разумом, как и удивительной гибкостью организма, приспособляющегося ко всем климатам, род человеческий существенно участвует во всей жизни». Гумбольдт 1848: 249.

¹⁰ Джеймс, Мартин 1988: 189.

¹¹ Справедливости ради надо сказать, что и часть западных ученых восприняла общенаучную естественную практику Гумбольдта как программу выстраивания системы географических наук.

Слабое место парадигмы комплексного естествознания состоит в том, что именно она формирует географическую идентичность через ставшие почти анекдотическими упоминания о великих путешественниках и открытиях. То, что было еще свежо и актуально в середине XIX в., в настоящее время превратилось в расхожие штампы. Собственно же научное содержание конкретных естественно-географических субдисциплин данную идентичность размывает, не оставляя за географией какого-то особого места, уничтожая ее старые границы (так как естествознание и космология шире по предмету исследования) и возводя новые внутри нее¹². Носители этой парадигмы при решении вопроса о единстве географической науки часто вынуждены прибегать к ответам, родившимся в рамках иных парадигм, или говорить о том, что странная ситуация двуединства «сложилась исторически».

Соответственно, для большинства российских географов их наука ни в коем случае не является областью гуманитарного знания. Более того, учитывая соотношение кафедр на географических факультетах и количество обучающихся там студентов, можно утверждать, что примерно для двух третей специалистов в нашей области география — это в первую очередь естественная дисциплина с не очень понятным довеском в виде географии экономической, связи которой даже с социологией могут стать откровением для многих физико-географов. Понятно, что при подобном подходе междисциплинарное поле между такой областью знания как история и любой естественной наукой не может быть очень широким, а продуктом возделывания этого поля может стать только небольшая вспомогательная специальная субдисциплина.

¹² С середины XIX в. быстрое самостоятельное развитие составляющих физическую географию дисциплин привело с одной стороны к разрыву единого проблемного поля этой науки, а с другой — к тесному переплетению «географических субдисциплин» со смежными основными — геоморфологии и тектоники с геологией, биогеографии — с биологией, климатологии с физикой атмосферы и т.п. Перспективы дальнейшего использования данной парадигмы, на наш взгляд, связаны с астрономией, так привлекавшей «отцов» ранней географии, вернее, с исследованием других планет Солнечной системы. В этом ракурсе комплексное естествознание превращается в сравнительную планетологию с куда больше подходящим настоящей науке обилием объектов исследования, вместо одного уникального.

Биологи и биогеографы могут дать в руки историков спорово-пыльцевой метод, максимум — некоторые природно-исторические реконструкции для каких-то регионов и стран, метеорологи и климатологи — указать на длинные тренды климатических изменений вроде довольно популярного в последнее время «малого ледникового периода» XV–XVIII вв. Собственно, неудивительно, что такие направления как история климата или разного рода природные реконструкции нередко стоят особняком в качестве самостоятельных фрагментов исследований, за границами исторической географии или, по крайней мере, ее ядра, а сама историческая география оперирует имплицитным видением, почерпнутым из других географических парадигм. Со своей стороны, физико-географы указанного направления имеют собственный пространственно-временной извод исследований, известный как палеогеография (или эволюционное естествознание). Эта субдисциплина тесно связана с геологической историей Земли и в очень малой своей части касается истории человечества как такового.

Парадигма «среды обитания», или экологическая

Данный подход отчасти может быть связан со стремлением отдельных географов конца XIX в. отмежеваться от геологов, сосредоточившись на изучении не всей Земли, а только земной поверхности. По сути, так называемая географическая оболочка¹³ и есть ключевой, признаваемый, в том числе и представителями парадигмы комплексного естествознания, объект изучения географии, однако практическая ориентация данного рода исследователей заставляет усомниться в методологической адекватности заявлений об обособленном от геологии существовании. Тем более что земледоведение (обзорная дисциплина, включающая основные сведения о форме и строении нашей планеты) до сих пор считается не общей для географии и геологии базой, а разделом географических наук. Более последовательными скорее были те ученые, которые не только пытались отстоять некий особый объект дисциплины¹⁴, но и более широко оценивали наследие «клас-

¹³ Пересечение или фокус других оболочек — литосферы, атмосферы, гидросферы и биосферы, вертикальная мощность которой в разных вариантах определяется от нескольких сотен метров до сотен километров.

¹⁴ В 1930-х гг. в советской географии дошло до деклараций об особой географической форме движения материи.

сической географии» натурфилософского периода. В ней также можно выделить два крыла — космологическое и страноведческое (хорологическое). В описаниях окружающего мира, представленных, скажем, в различных религиозных текстах древности, эти два аспекта неразрывны: взгляд архаического человека легко устремляется от пределов родных окрестностей к пределам мира и «шатру небес над головой». Однако уже Эратосфен и Птолемей были склонны интересоваться больше космологией, чем описанием различных земель, подход Страбона, напротив, более хорологичен¹⁵. Соответственно, новую парадигму мы соотносим с признанием важности второго землеописательного или страноведческого крыла классической географии. Главным отличием древних текстов от географических описаний, в том виде, как они сложились к середине XIX в., была своеобразная гармоничность широкого взгляда на отдельные части мироздания, охватывавшая равно как природную среду, так и человека, в этой среде творившего, действовавшего, создававшего города, объединения и государства. Географическому естествознанию же в стремлении к методической стройности и соответствию отдельных сведений своему объекту пришлось человеком и обществом пожертвовать.

Но именно этот древний образ географии, органично сочетавшей описания природоведческие и социальные, не давал и не дает покоя множеству теоретиков, пытающихся найти ключ к единой науке, связывающей оформлявшиеся уже на тот момент физическое и социальное крыло географии не только декларативно или институционально. Родоначальником подобного подхода можно назвать Карла Риттера, современника и сотрудника Гумбольдта, а также его коллегу по географическому обществу, и Элизе Реклю, называвшего себя учеником Риттера. Именно Риттер писал о том, что «...Общее Землеведение должно рассматривать землю как жилище рода человеческого»¹⁶, а в работах Реклю действительно довольно органично сочетались как результаты новейших естественных исследований, так и исторические, этнографические, экономические и прочие социальные характери-

¹⁵ Вполне возможно, что на становлении концепции комплексного естествознания сказалось широкое распространение среди европейцев, в первую очередь, переводов Птолемея.

¹⁶ Риттер 1867: 7.

стики. Сама методология рассматриваемого подхода определяла объектом географии Землю не столько как планетное тело — здесь она ближе к «делам человеческим», — а как среду, сцену действия, на которой разворачивалась человеческая история и жизнь.

Книги Реклю были достаточно популярны по всей Европе в конце XIX в. и имели подражателей и продолжателей, в том числе и в России. В европейской науке идея изучения природы как среды обитания человека легла в основу множества направлений — ландшафтоведения (ландшафтной экологии), региональных исследований, собственно экологии¹⁷, а также, похоже, сделала популярными размышления о роли природных условий в развитии человеческого общества. Последние уместились в широкий диапазон интеллектуальных высказываний — от довольно наивных спекуляций, таких как географический детерминизм и ранняя геополитика, до оригинальных пространственно- и естественноисторических исследований. В России предреволюционная наука в соответствующем масштабе отражала многие из этих интеллектуальных процессов — в настоящее время данное широкое поле заимствованных дискурсов чаще именуют русской антропогеографией¹⁸. Однако затем за дело взялись «твердые марксисты», под натиском которых это направление в отечественной науке исчезло, частично по естественным причинам, частично в силу давления и запретов на определенные взгляды¹⁹.

¹⁷ Собственно термин экология придумал в 1866 г. Эрнст Геккель — биолог и чистый естествовед, в трактовке которого он обозначал исследовательское поле о взаимодействии живых организмов с окружающей средой. Однако уже в 1930-х гг. определённое перетолкование термина осуществили Артур Тенсли и Карл Тролль. Первый ввел понятие экосистемы (ключевое для современной экологии; здесь уже можно найти место человеку как одному из ее участников или внешней воздействующей на экосистему силе), второй — геоэкологии как науки, объединяющей экологические и географические исследования экосистем. Впоследствии корень *οἶκος* (дом, домашняя среда) все больше и больше понимался как относящийся к человеку, а не к живым организмам вообще. Именно в этом смысле мы именуем средовую концепцию также экологической.

¹⁸ Последний большой текст в этой традиции: Семёнов-Тян-Шанский 1928; доступен в библиотеке сообщества ru_geography.

¹⁹ Геополитика, при очевидном увлечении советского руководства разными формами экспансии, очень быстро оказалась в разряде «агрессивных,

В итоге концепция Риттера и Реклю в советской науке оказывала влияние в основном на дисциплины физико-географического раздела, да и то, например, в советском ландшафтоведении или географии почв часто лучше слышен голос чистых естественников, чем действительных энтузиастов двуединой науки. В экономической географии слабые отголоски ее слышны только в концепции страноведения. Причины такой подвижности опять же в большем или меньшем упорстве в обретении географией строгого и логичного предмета изучения. Ученые, увлеченные логикой содержания своих исследований, как правило, сдвигаются либо к более чистому естествознанию (с придатком вопросов «влияния среды на общество», оформляющихся в довольно простые прикладные области — инженерную геоморфологию или ландшафтно-экологическую экспертизу) либо к социально-экономическому страноведению, в котором физико-географическое содержание остается, скорее, «для галочки»²⁰. Подобные проблемы в рамках средовой концепции были решены всего один раз и в довольно радикальном варианте — через прекращение методологических споров о том является ли география единой областью знания или пересечением нескольких (см. следующий аб-

буржуазных и реакционных концепций», а географический детерминизм, несмотря на его внутреннюю наивность, решили на всякий случай запретить также и механически; возможно, именно в виду этого он так часто попадает в работах российских физико-географов в виде имплицитной и не проговоренной, но твердой концепции.

²⁰ Как полноценная традиция советское страноведение было основано в 1930-х гг. И.А. Витвером, и в этом виде оно имело куда больше связей со средовой концепцией и двуедиными характеристиками стран. С 1950-х гг. страноведение получило очевидный политический заказ — географы создавали информационную подкладку под советскую политику поощрения деколонизации и поддержки стран третьего мира, в связи с чем и образовался очевидный социально-экономический крен, сопровождавшийся переходом большинства специалистов на платформу пространственной (описанной ниже) парадигмы. Страноведы были тесно связаны с редакцией Большой советской энциклопедии, в которой отчасти и отлились классические послевоенные формы этой традиции, в неизменном виде традиция воспроизводится и сейчас — в томах Большой российской энциклопедии. Наиболее оригинальный и свежий текст, представляющий в том числе и школу страноведения: Трейвиш 2009.

зац). Соответственно, в отечественной науке парадигма среды обитания — это, как правило, смягчённый вариант отвлеченной естественной дисциплины, представители которой чуть более лояльны к социогуманитарным интервенциям в «комплекс наук о Земле».

Если брать средовую парадигму в ее изначальном виде, то фронт соприкосновения с историей и возможное поле для возделывания исторической географии оказывается куда шире. Лучшие примеры представляет череда исследователей, появившихся на родине Реклю. Поль Видаль де ла Блаш, выпускник *École Normale Supérieure* по направлениям история и география, изучавший затем древнюю историю, античную археологию и литературу, заняв в 1899 г. место главы кафедры географии в Сорбонне положил начало особому французскому изводу географии, просуществовавшему на одном методическом фундаменте до 1950-х гг. Подобного рода единство было связано в том числе с административными факторами: факультеты и кафедры географии в университетах Франции за пределами Сорбонны стали появляться после 1899 г. и заполнялись в основном учениками де ла Блаша (Люсьен Галуа, Жан Брюн, Эммануэль де Мартонн и др.). Внедряемая повсеместно исследовательская программа предполагала акцент на разностороннем изучении историко-культурных регионов страны (так называемых *raus*). Имея единую рамку общепризнанных регионов, можно было заниматься естественными, ландшафтными, социальными, историческими, экономическими и тому подобными исследованиями в едином ключе, рассматривая влияние одной стороны реальности на другую в пределах не очень обширной территории.

В подобном духе была описана вся Франция, а затем разработана программа описания всего мира по регионам, представлявшим адекватными аналогами французских *raus*. Последняя была реализована окончательно в 1930-х гг., уже после смерти П. Видяля де ла Блаша. Представляется, что на формирование общенаучных и междисциплинарных взглядов Ф. Броделя, а также основателей школы «Анналов» Л. Февра и М. Блока *la tradition vidalienne* оказала весьма значительное влияние. По крайней мере, два обзорных труда Броделя — «Средиземное море ...

в эпоху Филиппа II» и «Что такое Франция»²¹ — являются классическим (но и трудноповторимым) примером использования в истории «средовой концепции».

В России де ла Блаш и его взгляды весьма популярны среди небольшой группы ландшафтоведов, претендующих на владение секретом «единой географии»²². Бродель, после выхода переводов его книг на русский, стал неплохо известен многим географам и порой считается «за своего», а теоретическое наследие школы «Анналов» включается в короткие списки ключевых концепций уже собственно историко-географами с дипломами географических факультетов. Проблема здесь только в том, что появление в современной российской науке исследователей с такой широкой эрудицией, глубоким знанием источников и пространственными междисциплинарными интересами в ближайшее время маловероятно. Некоторой проблемой, видимо, является и то, что популярные среди отдельных российских географов французы по итогам развития исторической науки уже должны перейти в разряд классиков. Соответственно, труды в духе «Что такое Россия», если и будут написаны, то, скорее всего, любителями, но, разговор в данном тематическом поле уже возможен, как, видимо, и небольшие локализованные историко-географические исследования, использующие модернизированную «французскую методику».

Пространственная парадигма (хорологическая)

Концепция географии как науки о пространстве складывалась в явном виде на протяжении XIX в. во многом параллельно естественным изводам той же науки, более того, на развитие идей этого направления повлияли многие из уже вышеперечисленных ученых. Однако многие имплицитные определения в рамках данной парадигмы встречаются и у более ранних авторов и также

²¹ Бродель 2002–2004; Бродель 1994–1995.

²² В советской географии существовал специфический вариант физической исторической географии, ориентированный на историю ландшафтов и природопользования. После его родоначальника В.С. Жекулина (Жекулин 1982) осталось несколько учеников. Сейчас группа историко-географов ландшафтоведов представлена в основном петербургскими исследователями, в некотором смысле опекаемыми одним из ученых старшего поколения, корифеем советского ландшафтоведения А.Г. Исаченко. Это Л.Б. Вампилова (Вампилова 2008), А.Г. Манаков, А.А. Соколова.

могут быть возведены к наследию классической географии. Так, Иммануил Кант, сорок лет читавший в Кенигсбергском университете курс географии, говорил о логической и физической классификации наук, организующих изучение явлений и предметов по их внутренней сути и происхождению или же по их распространению в одно время и в одном месте. В соответствии со вторым типом классификации необходимо было выделять историю как науку, описывающую явления окружающего мира в их распределении во времени, и географию, занимающуюся распределением явлений и предметов по территории, в пространстве.

При этом обозреватели идей Канта отмечают, что он не давал ссылок на других исследователей, высказывая данный подход к разделению дисциплин как нечто само собой разумеющееся²³. Хотя близкие к кантовским идеи высказывали и К. Риттер²⁴, и А. фон Гумбольдт, и Фердинанд фон Рихтгофен (ключевая фигура второй половины XIX в. с точки зрения институционализации немецкой географии), а фраза Э. Реклю о том, что «география — это история в пространстве, в то время как история — это география во времени», претендует на статус крылатой, основателем и главным ответственным за хронологическую концепцию, по крайней мере в России, считается немецкий географ Альфред Гёттнер²⁵. Свои методологические взгляды он высказывал с 1895 по 1930-е гг. в целом ряде публикаций, определяя единство географии не через единство предмета, а через единство метода, состоящего в исследовании развития человечества и природы в пространственных вариациях²⁶.

²³ Джеймс, Мартин 1988: 169–170.

²⁴ Существует мнение, что права «родителя» хронологической концепции надо отдать именно Риттеру (Стрелецкий 2004), хотя вопрос о первенстве, видимо, довольно условен — большинство упомянутых здесь ученых XIX в. были весьма разносторонни в своих интересах, вряд ли могут быть «присвоены» только одной географией и тем более только одной ее парадигмой.

²⁵ Первый после Риттера немецкий профессор, получивший специальное географическое образование, также изучал философию. Первые работы посвящены климату Чили и Патагонии, а также геоморфологии.

²⁶ «Цель хронологической концепции есть познание характера стран и местностей, исходящее из понимания сосуществования и взаимодействия различных царств природы и их различных форм, а также познание всей земной поверхности в ее естественном разделении на части света, страны, ланд-

Иронично, что Кант после двоякого определения классификации наук делал вывод о том, что «логические» дисциплины, к примеру, физика, имеют более теоретический характер и способны к определению законов мироздания, в то время как география, в силу ее хронологического характера, скорее должна остаться описательной наукой. В то же время первые модели в географии, поднявшие ее на несколько иной уровень в общей системе наук, появились именно в рамках пространственного подхода. Более того, если география как комплексное естествознание или делит багаж своих «естественных законов» с другими науками или использует в целях их присвоения собственно пространственную аргументацию, то рассматриваемая парадигма позволяет отнести возможные закономерности пространственного развития к собственному багажу географии, создавая тем самым для этой области знания яркую идентичность и возможность, если не предметной, то весьма отчетливой методической цельности. География, занимающаяся самым широким спектром явлений — от квазифизических особенностей движения воздушных и водных масс до социальных характеристик малых групп людей, — таким образом, оказывается единой наукой в силу того, что ко всему этому многообразию она подходит с одним набором вопросов: как и почему эти явления расположены (размещены) в пространстве и есть ли в этом какая-то собственно пространственная логика.

Несмотря на естественные компетенции Гёттнера и первых его последователей сейчас можно сказать, что пространственная парадигма оказалась присвоенной скорее географами общественного направления — как на Западе, так и в России. Большинство моделей пространственного развития, превращавших географию в довольно респектабельную позитивистскую науку «со своими законами», имеют отношение к географии человека. Первым, еще изолированным от общей логики научного развития, примером разработки пространственных моделей считается труд 1826 г. померанского помещика Иоганна Генриха фон Тюнена «Изолированное государство»²⁷. Вторыми в этом ряду обычно идут до-

шафты и местности» (Гёттнер 1930: 120). Книга доступна в библиотеке сообщества ru_geography.

²⁷ Thünen 1826.

вольно близкие модели Вальтера Кристаллера (так называемая Теория центральных мест, разработанная в 1920-х гг. на примере южной Германии) и Августа Лёша (концепция экономического ландшафта, которая была разработана в 1930-х гг. и получила большую популярность в послевоенные годы, в силу более рыночного ее характера)²⁸. При этом уже 1910–1920-е гг. были довольно богаты на результаты теоретизирования в пространственном духе, предпринятого немецкими и американскими экономистами (теории размещения производства и рыночных зон). Классикой экономической теории стала одна из разработок того времени — так называемая задача Хоттелинга, или «задача о продавцах мороженого»²⁹).

Советская география в 1920–1940-х гг. развивалась примерно в том же направлении (пространственно-территориальная методология использовалась для прикладных задач по планированию промышленного и шире — экономического развития отдельных территорий и страны в целом), с той поправкой, что хорологическая концепция Гёттнера в СССР была официально отвергнута и достаточно регулярно подвергалась ритуальному осуждению. В этих условиях, учитывая также целостность «естественной концепции», взгляды, выраженные немецким географом, практически никак не сказались на советской физической географии. При этом, в 1930 г. успел выйти перевод книги Гёттнера «География: ее история, сущность и методы» под редакцией и с предисловием главного на ближайшие десятилетия советского экономико-географа Н.Н. Баранского, а советскую районную школу — детище последнего — совершенно невозможно вывести за рамки пространственной парадигмы. Это несколько изолированный (о Кристаллере и Лёше открыто заговорили в студенческих аудиториях уже после 1991 г., а эконометрические модели до сих пор куда лучше известны российским экономистам, чем географам), жестко ограниченный наследием советской ментальности, с локальным акцентом на выделение районов и райониро-

²⁸ Christaller 1933; Lösch 1938.

²⁹ На русском языке литература малодоступна, максимально простой способ познакомиться подробнее с данной задачей — запросы на английском языке *Hottelling's law*, *Hotteling location model* или *linear city model*.

вание (это еще дореволюционное наследие), но все же — местный извод хорологической концепции.

Несколько оживили советскую экономическую географию перипетии научных споров в США 1950–1960-х гг., где сравнительно молодое поколение ученых восстало против гегемонии местного последователя Гёттнера — Ричарда Хартшорна, который к концу 1940-х гг. успешно сформировал образ американской географии как двуединой дисциплины о высококлассных районных описаниях хорологического характера. Спор американской «молодежи» с «буржуазным классиком», названный количественной революцией³⁰, и ее собственные левые симпатии позволили перевести в конце 1960-х – начале 1970-х гг. на русский язык несколько ключевых книг³¹, представивших англо-саксонскую школу пространственного анализа (по сути, это всего лишь другой вариант пространственной парадигмы, только куда более математизированный и ориентированный на производство моделей как основной научный продукт). К тому времени развитие науки в США и других странах Запада уже двинулось дальше, в сторону новых концепций, однако, в российской экономической географии владение данным материалом до сих пор является знаком особых компетенций, и, можно сказать, что методологически данная дисциплина в России до сих пор далее 1960-х гг. не продвинулась³².

Тем не менее, совмещение географии неопозитивистского извода с историческими дисциплинами создает обширное пространство для сотрудничества. В его рамках сложно говорить всерьез об источниках, их авторах и возможном спектре интерпретации источников, но для прикладной исторической социологии в рамках этой парадигмы существует немало интересных приёмов, методов и моделей. Начать можно с того, что все лока-

³⁰ Движение в англо-саксонской географии на базе неопозитивизма, представители которого отстаивали необходимость широкого внедрения математических методов и моделей в дисциплину и борьбы с прежним «качественным уклоном» в пространственных исследованиях.

³¹ Изард 1966, Бунге 1967, Хаггет 1968, Харвей 1974.

³² Лучший из новых трудов, написанных близко к методологии пространственного анализа: Тархов 2005. В сообществе ru_geography доступен текст диссертации С.А. Тархова.

лизационные задачи в исторической географии так или иначе восходят к пространственной парадигме — это именно попытки найти место для того или иного объекта или явления на территории (в пространстве). Кому-то может показаться, что для успешного решения этих задач достаточно географической эрудиции, но, как показывает опыт, эрудиция не решает всех проблем. Нужна постоянная практика решения пространственных задач, умение оперировать общими терминами и закономерностями распространения явлений в пространстве. Следовательно, необходимо хотя бы поверхностное знакомство с методами хорологической парадигмы или сотрудничество с местными экономико-географами.

Географам подобного толка, работающим в основном со статистическими данными, наиболее интересны будут источники формально-числового характера, отражающие торговлю, перевозки, другие виды экономической деятельности, типы землепользования, численность населения. Плюсы, которые может дать это сотрудничество, состоят в умении подняться над локальной спецификой, найти общее в параллельных процессах, сопоставить данные из нескольких точек и наметить контуры более выпуклой региональной «картинки», провести районирование или, как минимум, разграничение соседних территорий³³. Кроме

³³ К примеру, главная проблема совершенно позитивистских по духу советских работ по исторической экономике городов Сибири — это следующее за источниками (разного рода описями, сказками и писцовыми книгами) торжество локалистики. Между тем, гипотезы о типологической схожести городских обществ примерно одного размера, зависимости их развития от окружающей территории (хинтерланда), соседских связей, положения в пределах транспортных сетей и политических полей, применение сравнительного метода и картографических иллюстраций могли бы значительно обогатить эти тексты. Но, все, что имеется в распоряжении, — это, как правило, разрозненные интерпретации тех или иных отдельных фактов и изолированных цифр, помогающих представить некоторые элементы повседневности городской жизни в Сибири XVII–XVIII вв., но бесполезных для системных характеристик общества того времени. Такие результаты входят в ироническое противоречие с декларируемой марксистской методологией и позитивистскими установками работ советских историков. Более цельны в этом отношении труды небольшого коллектива, существовавшего на рубеже 1940–1950-х гг. и включавшего как историков, так и географов (В.И. Шунков, Р. Кабо, Л.Е. Ио-

того, географам обычно более доступны различные картографические компетенции — кроме владения конкретными программными продуктами очень важны сами принципы отображения пространственной информации, ориентация в методах и некоторый «картографический вкус», чему студентов географических факультетов учат хотя бы поверхностно. Другой вопрос — насколько актуальна подобного рода позитивистская историческая география с отсылками максимум к теоретическому багажу экономики и социологии 1950–1960-х гг. Однако, учитывая средний уровень теоретического развития российской науки, а особенно — уровень запросов потребителей научного знания, как и близкую к нулю степень разработанности подобного тематического поля в России³⁴, рискнем сказать, что некоторая актуальность за такого рода штудиями сохраняется.

Культурно-географическая парадигма

Говоря о последнем, четвертом подходе, представленном в российской географии, необходимо заметить, что это скорее конгломерат концептов и идей, и цельным он может казаться только в местной ситуации — на фоне доминирования естественной традиции. Название его тоже несколько произвольно, так как давшие ему жизнь новые направления западной географии именуются достаточно многообразно. Собственно культурная география в своем изначальном виде довольно тесно связана с концепцией культурного ландшафта. Сам термин выдвинул Отто Шлюттер (как противоположность *Urlandschaft* — естественному, первозданному ландшафту), в дальнейшем его концепция была несколько расширена и под культурным ландшафтом стала пониматься освоенная людьми территория, в которой ярко проявляются характерные черты этого освоения, соответственно, возможно множество культурных ландшафтов как возможно множество культур.

фа, В.В. Покшишевский), — здесь заявленная методология вполне соответствует как методам, так и результатам. К сожалению, деятельность группы прервалась со смертью основных ее участников, а ученики быстро распределились по узко специализированным нишам.

³⁴ В западной науке направление статистического историко-социологического анализа до сих пор довольно востребовано и имеет стабильный муниципальный или государственный заказ.

Целая школа культурной (и исторической³⁵) географии была основана в Беркли Карлом Ортвином Зауэром, который в программной статье 1925 г. «Морфология ландшафта»³⁶ сформулировал ее основные принципы: изучение процессов развития культурных ландшафтов из природных, исследование закономерностей общественного и природного развития путем углубления в их пространственную неоднородность, рассмотрение взаимосвязей предметов и явлений в пределах одной области или района. Здесь совершенно очевидна перекличка и с идеями В. де ла Блаша (французская школа при выявлении областей изучения оперировала понятием «образа жизни», близкого к локальной культуре, создающей культурный ландшафт) и Гёттнера (хорологическая метода, упор на исследование регионов как комплексов взаимосвязанных предметов и явлений). Вышеупомянутый Р. Хартшорн может быть отнесен к поколению молодых американских географов, на формирование которых Зауэр оказал ключевое влияние. В дальнейшем к этому широкому пониманию культурной географии присоединилось и более узкое — как изучение конкретных культур, их артефактов или культурной инфраструктуры (последнее направление, вылившееся порой в подсчеты количества библиотек и музеев на душу населения, было единственной данью рассматриваемому направлению в советской социальной географии).

С 1950-х гг., однако, началось более серьезное проникновение социальных и гуманитарных наук в географию. Поначалу оно шло в стороне от культурной географии — американских психологов заинтересовали аспекты пространственного поведения и мышления людей, а некоторые урбанисты, двигаясь в похожем направлении, заговорили о повседневных практиках обычного городского населения, образах районов, пространственной ориентации и представлениях. Данное направление, чаще называемое бихевиористским подходом в географии или же бихевиори-

³⁵ Зауэр вместе с историком Боултоном и антропологом Кробером создал в Беркли кружок исторической географии, поощрявший студентов, интересующихся междисциплинарными исследованиями. Целый ряд историко-географических монографий был написан Зауэром в соавторстве со студентами, например: Sauer, Brand 1932.

³⁶ Sauer 1925; статья доступна в библиотеке сообщества ru_geography.

стской (поведенческой) географией, развивалось параллельно «количественной революции» и становлению школы пространственного анализа. Однако когда и гегемония неопозитивизма стала беспокоить следующие поколения исследователей, произошла закономерная реакция — в конце 1960–1970-х гг. западная (в первую очередь, американская) география взорвалась целым салютом околочеловеческих концепций. Протест против чрезмерного увлечения большими структурами и объективными, математизированными закономерностями отлился в интерес к когнитивным наукам, феноменологии, герменевтике, гендерным исследованиям, символическим, образным репрезентациям и т.п. Подчеркивая возрождение непосредственного интереса к человеку, этот методологический конгломерат называют гуманистической географией.

Второе рождение пережила и культурная география, которую в новом облике вряд ли можно четко отделить от гуманистической, впрочем, ее движение шло от интереса к этническим, религиозным, социальным и прочим общностям, меньшинствам, группам. Также данные течения отличаются привкусом радикальных (левое теоретизирование с широкой критикой капитализма, неолиберализма и общества потребления) и критических подходов (деконструкция больших идейных и идеологических структур), увлечением французскими постструктуралистами и концепциями общества постмодерна.

Эти несколько строк, посвященные половине столетия в истории науки на Западе, мало что говорят об авторах, содержании идей, спорах и развитии дисциплин, зато они полно (или даже чрезмерно) отражают тот объем знаний о новой географии, что в среднем доступен российским специалистам³⁷. Для отечественной науки все это многообразие новых веяний стало доступным в 1990-е гг., но жесткая конструкция географических концепций и институтов, обилие и объем иноязычной литературы, а порой и некоторая сложность идей, привели скорее к отторжению многоголовой географии на новый лад. Недоумение физико-

³⁷ Детальный очерк см. в: Стрелецкий 2004; статья доступна в библиотеке сообщества [ru_geography](http://ru.geography). Более подробно: Джонстон 1987: 176–278 (по состоянию на конец 1970-х гг.); Holt-Jensen 1999: 115–144.

географов здесь можно понять, но и многие представители нефизической географии предпочли объявить последним достижением западной науки концепцию пространственного анализа, а новые течения упадочными, ненаучными и бесперспективными, а после — методологически вернуться в милые сердцу 1960-е годы.

Соответственно о каком-то серьезном заимствовании всего этого поверхностно описанного многообразия культурно-географических подходов и концепций в России говорить не приходится. Поле отечественной культурной географии конституируется небольшим количеством исследователей, которых можно перечислить поименно. Российским гуманитариям лучше всего может быть известен В.Л. Каганский. Ученый широкого кругозора, занимавшийся как вопросами экономической, так и физической географии, теоретик и районолог, активно внедрял семиотический подход в географические исследования, впервые сформулировал на русском посттрадиционное определение культурного ландшафта (как любого участка земной поверхности хотя бы даже осмысленного одним человеком или группой людей, что уже является освоением). Каганский известен большим количеством статей и эссе, описывающим советское и постсоветское пространство через призму ряда оригинальных теоретических пространственных конструкций и общего к нему подхода как «особому советскому культурному ландшафту»³⁸.

Интерес к теоретизированию этого исследователя может быть отчасти связан с влиянием Б.Б. Родомана, которому Каганский приходится одновременно учеником, коллегой и в некотором роде конкурентом. Родоман — живой классик для небольшой, но продуктивной среды локальных географов; он относится к поколению учёных, чье активное творчество пришлось на 1950–1970-е гг. Его итоговый трехтомный труд «Теоретическая география»³⁹ при этом был выпущен сравнительно недавно — в 1999–2005 гг. Подход, отраженный в этом тексте, ближе к позитивистским изводам географии и порой напоминает локальную версию пространственного анализа — с меньшим объемом математических построений и большей опорой на полевой опыт, но

³⁸ Каганский 2001.

³⁹ Родоман 1999–2005.

с такой же острой тягой к моделированию и обобщениям высокого уровня. Главная же специфика работ Родомана — это отображение все того же уникального в мировой перспективе советского культурного ландшафта, построенного на специфических антропологических и социальных основаниях. В проблемной области исследования советского обитаемого пространства Родоман и Каганский остаются первыми и пока единственными, а потому уникальными специалистами.

Другим автором оригинальной локальной концепции является Д.Н. Замятин, сначала связывавший свою идентичность с культурной географией (разрабатываемая им география образов или образная география мыслилась как часть этого поля), однако затем переопределивший собственные исследовательские владения как пограничную и ничью почти для всех дисциплин, с привкусом неформальной институционализации, область гуманитарной географии⁴⁰. Отчасти учеником, отчасти коллегой и конкурентом Замятина является И.И. Митин — главный редактор сетевого научного журнала «Культурная и гуманитарная география»⁴¹. Разработки Н.Ю. Замятиной теоретически ближе к западной традиции. Для схожих, в общем-то, прикладных работ по географии образов используются наработки когнитивной теории, в связи с чем, в конце 1990-х гг. ею был выдвинут проект когнитивной географии, курс которой Замятина читает на географическом факультете Московского университета⁴².

Хронологическое первенство в рассматриваемой области принадлежит Ю.А. Веденину, опубликовавшему статью о культурном ландшафте в Известиях АН СССР еще в 1990 г.⁴³ Подход Веденина ближе к школе К. Зауэра и даже средовой парадигме⁴⁴, хотя в принципе и сам Зауэр, как указано несколько выше, в данном разделе появился скорее по генетическим и терминологиче-

⁴⁰ Космарский, Рассказов 2005.

⁴¹ Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.gumgeo.ru/index.php/-gumgeo/index>, дата обращения — 20.01.2014].

⁴² Замятина 2004, Замятина 2009.

⁴³ Веденин 1990.

⁴⁴ Согласно Веденину, культурный ландшафт включает два слоя: природный (естественная и преобразованная человеком природа) и собственно (люди, живущие в данном ландшафте, их материальная и духовная культура).

ским причинам. Появившаяся благодаря Веденину «умеренная» версия культурной географии, отдающая дань более ранним географическим парадигмам (то есть в том числе и естественнонаучной ориентации в исследованиях) и традиционному для России интересу к этничности, является наиболее устойчивой, теоретически и институционально организованной. Ключевой для нее термин, концепт и объект исследования — культурный ландшафт, очень часто понимаемый как ландшафт этнокультурный, пространство проявления традиционной культуры.

Меньшее сопротивление среды подобного рода исследованиям, очевидно, привело к появлению и других ученых, занимающихся сходными темами сравнительно независимо. Это В.Н. Калуцков и М.В. Рагулина. В.Н. Калуцков — сотрудник кафедры ландшафтоведения Московского университета, большая часть работников которой по своим взглядам может быть причислена к сторонникам первой и второй описанных парадигм в географии. Свои прикладные исследования он посвятил традиционной культуре Поморского Севера и пространственной картине мира поморов⁴⁵. Теоретические взгляды Калуцкова являются скорее обобщением его прикладных работ, определенное влияние оказывает и работа на естественной кафедре. Двадцать лет он возглавляет семинар «Культурный ландшафт». М.В. Рагулина — сотрудник Института географии СО РАН (Иркутск), в своих работах, посвященных этнокультурной картине Прибайкалья, прямо оперирует термином «этноландшафт»⁴⁶. Ее ученица В.В. Куклина также является специалистом по этнокультурной картине Байкальского региона и малым народностям⁴⁷.

Кроме того, представляется принципиально важным вклад ряда ученых в популяризацию новых идей, систематизацию, обобщение и описание имеющегося опыта, поощрение молодых

⁴⁵ Калуцков 2000.

⁴⁶ Рагулина 2004; Рагулина 2005 (доступны в библиотеке сообщества ru_geography). Ключевая концепция указанных работ при этом — культурный ландшафт, который трактуется с опорой на разработки Ю.А. Веденина, В.Н. Калуцкова и В.Л. Каганского, но с акцентом на процессах деятельности и коммуникации (Рагулина 2004: 100).

⁴⁷ Куклина 2003; Куклина 2006. Монография 2006 г. доступна в библиотеке сообщества ru_geography.

исследователей, институциональную работу. Это Ю.А. Веденин, Г.Д. Костинский⁴⁸, А.В. Новиков (автор курса по культурной географии в Московском университете), М.В. Рагулина⁴⁹, Л.В. Смирнягин и В.Н. Стрелецкий⁵⁰.

Очевидно, что максимально продуктивным может быть поле пересечения истории с современной западной географией неопозитивистского плана, но для подобной работы сложно дать какие-либо рекомендации. В отношении западной науки и российские историки, и российские географы находятся в примерно равной позиции — изучение текстов, освоение методологий, установление контактов здесь может зависеть только от личной энергии конкретного специалиста. Российские культур-географы, как видно, люди в основном сложившиеся и не обязательно работающие в поле исторической географии.

Это, впрочем, не касается В.Н. Стрелецкого — руководителя семинара по исторической географии при институте географии РАН, и лишь частично касается Д.Н. Замятина, часть работ которого имеют явные пересечения с историко-географической тематикой. Кроме того, книги Замятина, посвященные методологии гуманитарной географии и довольно широко распространявшиеся в торговой сети, показали не только, что печатным словом можно до сих пор приобретать сторонников, но и то, что их автор нашел тот язык рассказа о географии и пространстве, что адекватно воспринимается историками⁵¹. Наконец, все указанные исследователи в той или иной степени задевают проблемы пространственно-временного синтеза, небезынтересны в плане междисциплинарного общения и именно с них и их работ инте-

⁴⁸ Костинский 1976; Костинский 1990.

⁴⁹ Монография и докторская диссертация М.В. Рагулиной на две трети представляют собой обстоятельный обзор поля культурной и гуманистической географии, в том числе в России.

⁵⁰ Стрелецкий 2002; Стрелецкий 2004.

⁵¹ То есть, кроме случаев появления соответствующих тем географических дипломных работ и диссертаций в провинциальных институтах под влиянием одних только дошедших до провинции книг, автор несколько раз встречался с грамотными историко-географическими текстами, вышедшими из-под пера молодых историков, особенностью которых было достаточно обильное цитирование текстов Д.Н. Замятина. Порекомендовать можно: Замятин 2003, Замятин и др. 2008.

ресующимся представителям гуманитарных наук, очевидно, стоит начинать углубленное знакомство с географией. Наконец, несмотря на трудности взаимопонимания с коллегами, держащими иных концептуальных взглядов на географию, постепенно позиции описанных учёных укрепляются, растёт число признанных работ, выпущенных студентов, то есть в перспективе знакомство с идейным багажом данной группы может превратиться в капитал сотрудничества с новыми поколениями географов, более лояльных к гуманитарным методологиям. Историко-географические сюжеты, в которых знакомство с работами и личное общение с российскими культур-географами может помочь, — это анализ географических образов, пространственных практик и представлений, картин мира в источниках, разработка языка пространственных понятий для подобного рода исследований.

* * *

Описанные четыре парадигмы распространены в российской географии совершенно неравномерно и из четырех случайных географов отнюдь не с тремя историками удастся найти общий язык. От половины до двух третей специалистов в области «наук о Земле» будут строгими естественниками, искать с которыми взаимопонимания будет чрезвычайно затруднительно и малопродуктивно, если вести речь о пользе именно для исторической географии. Вторая — средовая парадигма — имеет совсем немного чистых сторонников, очень часто она составляет предмет дополнительных увлечений, тем для интересных, но нерабочих разговоров, не влияя на методы конкретных исследований. Пространственная парадигма в разных формах в принципе является общепринятой среди экономико-географов, притом, что самих их немного, но и здесь более популярны строго позитивистские ее изводы и, что логично, опыт, примеры и концепты советской промышленной географии⁵². Разговор о хронологической пара-

⁵² Притом, что в 1950-х гг. на стыке советской географии и истории существовала вышеупомянутая довольно влиятельная группа историко-географов, годы самостоятельных занятий географией и обучения в университете не дали автору никаких даже поверхностных сведений о ней. Обнаружение соответствующих авторов и текстов было для автора чем-то вроде личного открытия.

дигме во множестве ее проявлений, текстах западных географов и пространственно-временных проблемах возможен с, условно говоря, наиболее продвинутой и передовой частью экономико-географической среды. Для того чтобы оценить численность тех, с кем стоит вести адекватный разговор о западной географии после 1960-х гг. и ее влиянии в России, достаточно количество перечисленных в последнем разделе ученых умножить максимум на три. Таким образом, разработка исторической географии современного облика в России всё же остается поприщем индивидуальных усилий энтузиастов — мощной традиции или школы, к которой можно было бы присоединиться, не существует. Как показывает опыт автора, наиболее продуктивен тут личный и долговременный контакт историков и географов, когда нужные подходы и парадигмы осваиваются в процессе совместной работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бродель 1994–1995 — *Бродель Ф.* Что такое Франция. М., 1994–1995. Т. 1–2.
- Бродель 2002–2004 — *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., 2002–2004. Т. 1–3.
- Бунге 1967 — *Бунге В.* Теоретическая география // Пер. с англ. В.Я. Барласа, В.Б. Кузнецова, Ю.В. Медведкова. М., 1967.
- Вампилова 2008 — *Вампилова Л.Б.* Региональный историко-географический анализ: система методов исследований в исторической географии. СПб, 2008. Кн. 2.
- Веденин 1990 — *Веденин Ю.А.* Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Сер. географическая. 1990. № 5. С. 5–17.
- Гёттнер 1930 — *Гёттнер А.* География: ее история, сущность и методы. М., Л., 1928.
- Голубчик и др. 1998 — *Голубчик М.М., Евдокимов С.П., Максимов Г.Н.* История географии: учебное пособие. Смоленск, 1998.
- Гумбольдт 1848 — *Гумбольдт А.* Космос. Опыт физического землеописания. М., 1848. Т. 1.
- Джеймс, Мартин 1988 — *Джеймс П., Мартин Дж.* Все возможные миры: История географических идей // Пер. с англ. Л.Н. Кудряшовой, под ред. А.Г. Исаченко. М., 1988.

- Джонстон 1987 — *Джонстон Р. Дж.* География и географы: Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 года // Пер. с англ. Н.М. Алаевой, под ред. Э.Б. Алаева. М., 1987.
- Жекулин 1982 — *Жекулин В.С.* Историческая география. Предмет и методы. Л., 1982.
- Замятин 2003 — *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб, 2003.
- Замятин и др. 2008 — *Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И.* Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы / Отв. ред. Д.Н. Замятин. М., 2008.
- Замятина 2004 — *Замятина Н.Ю.* Принципы создания образа места // География и экология в школе XXI века. 2004. № 2. С. 3–11.
- Замятина 2009 — *Замятина Н.Ю.* Когнитивная география: предмет и основные понятия // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Смоленск, 2009. № 18. С. 57–69.
- Изард 1966 — *Изард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах // Пер. с англ. В.М. Хомана, Ю.Г. Липеца, С.Н. Тагера. М., 1966.
- Каганский 2001 — *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М., 2001.
- Калуцков 2000 — *Калуцков В.Н.* Основы этнокультурного ландшафтоведения. М., 2000.
- Космарский, Рассказов 2005 — *Артём Космарский, Сергей Рассказов* Интервью с Д.Н. Замятиным // *Communitas*: научный альманах. 2005. Вып. 2: Российское пространство, взгляд географа. — Электронный ресурс [режим доступа: http://communitas.narod.ru/2-Communitas_2_2005_Zamyatin.pdf, дата обращения — 20.01.2014].
- Костинский 1976 — *Костинский Г.Д.* вопросы поведения человека и восприятия среды в зарубежной географии (обзор) // Известия РАН. Сер. географическая. 1976. № 5. С. 143–148.
- Костинский 1990 — *Костинский Г.Д.* Установка сознания и представление о различных традициях в географии // Известия РАН. Сер. географическая. 1990. № 5. С. 123–128.
- Куклина 2003 — *Куклина В.В.* Хозяйственно-культурный комплекс в полиэтничной среде: факторы консолидации и эволюции (На примере локальных общин Приангарья). Диссертация на соискание ученой степени канд. геогр. наук. Иркутск, 2003.

- Куклина 2006 — *Куклина В.В.* Локальные сообщества Южной Сибири в полиэтничной среде: культурно-географический срез. Новосибирск, 2006.
- Найт 2003 — *Найт Н.* Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 155–198.
- Рагулина 2004 — *Рагулина М.В.* Культурная география: Теории, методы, региональный синтез. Иркутск, 2004.
- Рагулина 2005 — *Рагулина М.В.* Культурная география: Теории, методы, региональный синтез. Диссертация на соискание ученой степени доктора геогр. наук. Иркутск, 2005.
- Риттер 1867 — *Риттер К.* Землеведение Азии. СПб., 1867. Т. 1: География стран, входящих в состав Азиатской России или пограничных с нею.
- Родоман 1999–2005 — *Родоман Б.Б.* Теоретическая география. Смоленск, 1999–2005. Т. 1–3.
- Семёнов-Тян-Шанский 1928 — *Семёнов-Тян-Шанский В.П.* Район и страна. М.; Л., 1928.
- Стрелецкий 2002 — *Стрелецкий В.Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. географическая. 2002. № 4. С. 18–28.
- Стрелецкий 2004 — *Стрелецкий В.Н.* Парадигмы геопространства и методология культурной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. М., 2004. Вып. 1. С. 95–119.
- Тархов 2005 — *Тархов С.А.* Эволюционная морфология транспортных сетей. Смоленск; М., 2005.
- Трейвиш 2009 — *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир: Развитие России глазами страноведа. М., 2009.
- Хаггет 1968 — *Хаггет П.* Пространственный анализ в экономической географии // Пер. с англ. Ю.Г. Липеца, С.Н. Тагера. М., 1968.
- Харвей 1974 — *Харвей Д.* Научное объяснение в географии: Общая методология науки и методология географии // Пер. с англ. В.Я. Барласа, В.В. Голосова. М., 1974.
- Яцунский 1955 — *Яцунский В.К.* Историческая география: История ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М., 1955.

- Christaller 1933 — *Christaller W.* Die zentralen Orte in Süddeutschland: Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen. Jena, 1933.
- Holt-Jensen 1999 — *Holt-Jensen A.* Geography: History and Concepts. A Student's Guide. London, 1999.
- Knox, Marston 2003 — *Knox P.L., Marston S.A.* Human Geography: Places and Regions in Global Context. Toronto, 2003.
- Lösch 1938 — *Lösch A.* The nature of economic regions // Southern Economic Journal. 1938. No. 5. P. 71–78.
- Sauer 1925 — *Sauer C.O.* The Morphology of Landscape // University of California Publications in Geography. 1925. Vol. 2. No. 2. P. 19–53.
- Sauer, Brand 1932 — *Sauer C.O., Brand D.D.* Aztatlán, Prehistoric Mexican Frontier on the Pacific Coast. Berkeley and Los Angeles, 1932 (Ibero-Americana 1).
- Thünen 1826 — *von Thünen J.H.* Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie. Hamburg, 1826. Bd. 1.

Ф.С. КОРАНДЕЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РЕК*

Британский историко-географ А. Бейкер, описывая на страницах своей монографии стандартные для современной историографии модели историко-географической регионализации, замечал, что реки, пожалуй, наиболее часто выступают в качестве «естественно-природного» организационного принципа историко-географических исследований¹. Исследования истории и географии речных бассейнов, порождающих особые ландшафты, экономику и культуру, по всей вероятности, могут составить целую библиотеку. Бейкер упоминает некоторые классические монографии минувшего столетия, которые могли бы в ней находиться (для более раннего периода см. статью Смита)². Здесь и книги французской школы региональной географии, авторы которых весьма часто предпочитали заниматься описанием ландшафтов и моделей жизнеобеспечения локальных обществ именно речных бассейнов, и целый ряд американских и английских исследований разного масштаба³.

Из библиографии последних лет можно сделать вывод, что тема отнюдь не исчерпала себя. Ниже следует несколько тому подтверждений.

Rivers in history: perspectives on waterways in Europe and North America / Ed. by Chr. Mauch, Th. Zeller. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2008. ix + 229 p.

Кристоф Маух (Christof Mauch, Мюнхен) и Томас Целлер (Thomas Zeller, Мэриленд), редакторы-составители сборника ста-

* Работа подготовлена в рамках библиографического обзора по проекту, поддержанному грантом Президента РФ для государственной поддержки молодых ученых (МК-200.2014.6).

¹ Baker 2003: 180–181.

² Smith 1971: 20–29.

³ Baker 2003: 180–181; Broek 1932; Deffontaines 1925; Dion 1934.

тей, выпущенного в 2008 г. издательством Питтсбургского университета (США, Пенсильвания), оговаривая во введении центральную тему этого коллективного издания, утверждали необходимость исследования рек в качестве полноценного актора исторического процесса. «Несмотря на все их значение, реки обыкновенно рассматривались в историографии не в качестве действующей силы, но как нейтральное место действия» (“as a neutral setting rather than a dynamic force”, p. 2). Книга, несомненно, представляет собой очередной опыт преодоления этой тенденции. В основу издания легли материалы конференции «Реки в истории: устройство и восприятие речных путей в Европе и Северной Америке», которая состоялась в начале декабря 2003 г. в Германском Историческом Институте в Вашингтоне⁴. Этим объясняются и характерные методологические акценты, общие для большинства вошедших в книгу работ: во-первых, в центре внимания находились антропогенные изменения рек и речных долин эпохи Нового и Новейшего времени; во-вторых, судьба отдельных речных путей всегда рассматривалась в сравнительном европейско-американском контексте (p. 7).

С точки зрения представляемой дисциплины, большинство авторов сборника относится к сообществу *environmental historians*. Все они плодотворно работают в своей сфере и хорошо известны друг другу. Цели же книги, скорее, лежат за пределами этого цеха: она была составлена как своеобразная витрина направления, представлявшая лучшие достижения десятилетия в области исследования экологической истории речных бассейнов. Это следует хотя бы из того, что часть статей, включенных в издание, представляет собой авторские рефераты книг, выпущенных ранее, или еще готовящихся к публикации. Остановимся на некоторых, наиболее интересных, на наш взгляд, работах.

Открывающая книгу статья гарвардского историка Дэвида Блэкторна (David Blackbourn), в сущности, синопсис первой, второй и четвертой глав его монографии 2006 г.⁵, была посвящена

⁴ “Rivers in History: Designing and Conceiving Waterways in Europe and North America”, German Historical Institute (USA, Washington, DC), December 4–7, 2003. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.ghi-dc.org/publications/ghipubs/bu/034/34.220.pdf>, дата обращения — 21.01.2014].

⁵ Blackbourn 2006.

исследованию культурно-политических стереотипов, складывавшихся вокруг некоторых немецких водоемов в ходе их материальных трансформаций XVIII–XIX вв. Блэкборн описывает историю трех важнейших «политико-гидротехнических метафор» германской истории Нового Времени. Это, прежде всего, риторика «завоевания болотного края», сопровождавшая проекты по осушению русла Одера в середине XVIII в., затем — лозунг «выпрямления Рейна» в XIX в. и манифесты проектов по устройству речных дамб в 1890 гг. Движимые политическими лозунгами, отвечавшими потребностям национальной мобилизации в условиях государственного строительства, эти проекты не вполне достигали заявленных целей, зато порождали негативные экологические эффекты, не меньшие по тяжести, нежели те, которые предполагалось с их помощью исправить.

В теоретико-методологической части статьи Блэкборна были сформулированы несколько тезисов, бывших, в той или иной степени, лейтмотивом большинства остальных работ (р. 23–25). Задаваясь вопросом о ценности исторического изучения рек, он отвечал на него следующим образом. Очевидно, что реки представляют собой важнейшие хранилища смыслов, опоры духовной культуры и коллективной идентичности социальных групп. Трансформации связанных с реками природных ландшафтов предполагают трансформацию их места в культуре (свидетельство тому — варианты «укрощения рек» в немецкой истории, рассмотренные автором). Более того, именно эта перспектива придает изучению гидротехнической истории рек подлинно историческое и социологическое измерение: характер использования речных ресурсов находится в несомненной зависимости от географических масштабов, внутри которых мыслят себя управляющие рекой общества и группы, связан с их иерархиями, соперничеством и распределением власти. Отсюда же следует и наиболее сложный, по мнению Блэкборна, вопрос об антропоцентризме, который присущ любым нарративам, связанным с реками, от историографии до экологической публицистики и государственной пропаганды. Хотя реки могут существовать и без человека, написать историю реки без участия человека едва ли возможно. Необходимо помнить, что неизбежная при этом критика и деконструкция политических стереотипов, описывающих

отношения человека и ландшафта (преобразовательный и противоположный ему алармистский подходы), зачастую оперирует еще одним мифом — представлением об утраченном «естественном» состоянии водоема. «Однако в нашем распоряжении нет точки отсчета, с помощью которой мы могли бы измерить, насколько сегодняшнее состояние отличается от “утраченного” природного» (р. 25).

В статье профессора Парижской школы Высших Исследований Изабель Бакуш (Isabelle Baskouche, EHESS) излагались основные тезисы ее работы «Речной путь: Париж и Сена в 1750–1850 гг.», изданной в 2000 г.⁶ На основе анализа большого корпуса источников, связанных с использованием городского пространства в бассейне Сены, Бакуш выделяла границы периода коренных трансформаций в использовании реки. Между 1750 и 1850 гг. Сена в черте Парижа превращается из пространства общего использования и, если можно так выразиться, многоукладной городской экономики (*un espace partagé*) в специализированную транспортную артерию национального значения. Хронология «отчуждения» Сены от Парижа, ее рутинизации (*banalisation du fleuve*) конца XVIII – начала XIX в., указывала Бакуш, должна рассматриваться с точки зрения соперничества между муниципальными властями, стремившимися сохранить контроль над городом и собственные столичные прерогативы, и национальным правительством, которому удалось употребить себе на пользу драматические события Французской революции, подчинив связанную с рекой повседневность мятежных жителей Парижа значительно более жесткой рационализации, чем ранее (р. 27).

Для отечественного читателя представляет интерес работа Дороти Цайслер-Фралстед (Dorothy Zeisler-Vralsted, Университет Восточного Вашингтона, шт. Вашингтон, Eastern Washington University), предметом которой был сравнительный анализ причин и следствий крупнейших гидротехнических проектов 1930-х гг. в США и СССР. Волга и Миссисипи, занимавшие в русской и американской культуре XIX – начала XX в. место главных национальных рек, подверглись в 1930-х гг. масштабным инженерным трансформациям (канал им. Москвы, система каналов и шлюзов на

⁶ Baskouche 2000.

верхней Миссисипи), что повлекло за собой и трансформацию их культурного статуса. Хотя инициаторы развертывания проектов по переустройству рек в СССР и США исходили из принципиально различных соображений (внеэкономических, как указывает автор, в советском случае, и несомненно экономических — в американском), их последствия, как экологические, так и эстетические, оказались весьма похожими. «Матушка Волга» и “Old Man River” переосмысляются в 1930-х гг. как символы модернизации и индустриального государства, высшее проявление эффективности коммунистического строя и американской демократии. Важно отметить, например, «экспортный потенциал» технологий, разработанных в процессе осуществления этих проектов. В послевоенный период экспорт подобных инженерных проектов, неразрывно связанный с экспортом идеологии, в страны третьего мира, служит одним из орудий геополитической борьбы как с американской, так и с советской стороны (р. 77).

Наконец, хотелось бы обратить внимание на статью берлинской исследовательницы Уте Хазенорль (Ute Hasenöhr), посвященную истории экологического движения, связанного с баварской рекой Лех. В центре статьи — приемы полемики, сопровождавшей реализацию проектов по строительству гидроэлектростанций на этом притоке Дуная в 1945–1980-х гг. Хазенорль отмечает, что обе стороны — и сторонники этих инженерных проектов, и их противники, общественные деятели, ратовавшие за сохранение нетронутого речного ландшафта (консервационисты), — отстаивали свою позицию весьма похожим образом, указывая на то, какие последствия исход дела окажет на развитие туризма в регионе. Модели туризма, конечно, имелись в виду разные: массовый туризм первых противопоставлялся «зеленому» экологическому туризму вторых. Выводы, которые Хазенорль делает из этого *case study*, осуществленного на материале одного небольшого региона, имеют отношение к процессам, которые носят едва ли не всеобщий характер. Исследование экологической публицистики на большом временном промежутке хорошо подтверждает конструктивистский характер популярных представлений о природной норме, которые за четыре десятилетия могли меняться весьма радикально (в 1950-х гг. призывы к переустройству рек были гораздо популярнее в немецкой прессе, нежели природоохранный риторика, р. 146).

Сборник также включает в себя статьи по экологической истории р. Огайо, Изера, Рейна, Висконсин.

***Havrelock R. River Jordan: the mythology of a dividing line.*
Chicago: University of Chicago Press, 2011. 320 p.**

Автор следующей работы — представитель того типа междисциплинарности в гуманитаристике, который составляет мейнстрим университетского образования и науки в США. Р. Хэврлок (Rachel Havrelock), специалист в области еврейских исследований, английского языка и гендерных исследований из университета Иллинойс в Чикаго, выпустила в 2011 г. книгу, посвященную мифологии реки Иордан. Автор никак не связывает свой труд с дискурсом современной исторической географии (в тексте книги словосочетание *historical geography* используется только при ссылках на работу М. Ави-Йоны⁷); с точки зрения метода работа сочетает стандартный культурологический набор структуралистских и постструктуралистских приемов с приемами библейской критики. Из этого набора, а именно у Б. Андерсона, без особой дополнительной рефлексии заимствована в качестве основного инструмента идея национального самосознания: «В этом исследовании я придерживаюсь мнения, что три основных национальных критерия, выделенных Андерсоном, а именно, перепись, карта и музей, могут быть обнаружены (*can be identified*) в текстах еврейской Библии» (р. 5). Утверждение, что у древних евреев существовала нация, звучит как анахронизм. Возможно, использование такой терминологии связано с тем, что отправная точка исследовательского поиска находится в современности: автор, в подробностях описывающий историю одной из стержневых традиций, с древности формировавших коллективные идентичности весьма разных по своей природе групп, в первую очередь, озабочен вопросами новейшей истории Израиля и Палестины.

Книга эта, по большей части, как и тот географический объект, который в ней исследуется, не глубока, и в смысле методологии, которая с самого начала задает специфические ожидания (структура мифа и т.д.), и в смысле анализа и критики источни-

⁷ Avi-Yonah 1979.

ков: читатель должен быть готов к обильным, обширным и самодостаточным парафразам библейского текста, которыми иллюстрируются заявленные во введении оппозиции древнееврейской истории. Автор редко останавливается на характеристике используемых методико-географических приемов, хотя, при этом, самым важным и последовательным инструментом книги являются карты, причем по большей части не рисованные (карт в собственном смысле слова в книге не так много, и, например, те, что относятся к древности, восходят к уже упомянутой книге М. Ави-Йоны), но текстовые, род экфрасиса.

Развитое картографическое мышление и техника — такая же примета современности, и такой же анахронизм, как мышление с помощью наций. Однако с этих, современных позиций, вводится на начальных страницах книги формирующая каркас исследования оппозиция. Хэврлок повествует о двух картах, которыми были отмечены начало и конец ее взросления: первой была школьная карта библейского Израиля, представлявшая страну пророков нераздельным единством, противопоставленным безмянному хаосу заиорданских племен; второй — карта Палестины, увиденная автором в палестинском университете Бирцайт на Западном берегу р. Иордан. Вторая была полной противоположностью первой, и ни словом не упоминала о существовании Израиля. «Обе карты представляли отдельные национальные группы, отрицая тот факт, что Израиль и Палестина — накладывающиеся друг на друга (*overlapping*) единства... Как часть мифологии, карта придает легенде точность, фактуальность; легенды же способствуют тому, что карта наполняется индивидуальными страстями и коллективной памятью», — пишет Хэврлок. Целью книги, таким образом, является объяснение этого картографического разделения на основании анализа библейского текста, некоторых позднеантичных и современных источников (р. 2–3).

Все последующее содержание книги может быть представлено в виде линии карт, демонстрирующих культурные оппозиции Палестины в основном с точки зрения групп, которые формировали в свое время те или иные части ветхозаветного канона.

В первой главе книги обсуждаются две древнейшие «конфликтные версии» (*conflicting versions*, р. 18) национальной территории Израиля. Составители некоторых текстов Пятикнижия,

в частности, Книги Чисел (*Priestly Myth*, по Хэврлок) ограничили территорию Израиля побережьем Средиземного моря и р. Иордан на востоке; вторая версия, наиболее характерная для текстов Второзакония (*Deuteronomistic myth*) полагала восточной границей Израиля не Иордан, но р. Евфрат. По мнению автора, это разные версии идентичности: текстовые карты первой группы описывали территорию Израиля как провинции Египта при Рамсесе II (1270 г. до н.э.), карты второй группы представляли Израиль в качестве аналога месопотамских государств, в частности, Вавилона (р. 30–31). Таким образом, оба ранних варианта конструирования национальной территории Израиля заимствованы из «имперской картографии» (*imperial cartography*) его агрессивных соседей, указывает автор. Две накладывающихся друг на друга карты отражают стремление групп, населяющих страну, к созданию независимого политического и территориального единства, цитирует Хэврлок слова Я. Ассмана (р. 39). Тем не менее, в обеих версиях Ханаан, территория к западу от Иордана, понимается как законная земля народа Израиля.

Во второй главе, также на текстах Пятикнижия описывается ранняя версия оппозиции двух берегов Иордана. История Авраама и Лота (Быт. 18–19), рассматриваемая как ключевой момент разделения израильтян и моавитян, исследуется с точки зрения методологии *women's studies*. Восточный берег р. Иордан последовательно кодируется в ранних библейских текстах как анти-Израиль, территория гендерной девиации, где женщины исполняют мужские роли.

Третья глава посвящена анализу географической основы легенды об Иакове. Некоторые противоречия, которые содержит в себе цикл историй, связанных с Иаковом, связаны с их различным происхождением. Так, по мнению автора, легенда об Иакове и Исаве восходит к традиции, связанной с южным Иудейским царством, а легенда о сватовстве Иакова и его связях с Лаваном и его дочерьми относится к истории отношений Северного Израильского царства и Арама. Две версии скитаний Иакова, отражающие североизраильскую и иудейскую версии идентичности, в корне отличаются именно в вопросе о границах. Карта, восходящая к северо-израильской традиции, не предполагает восприятия Иордана как жесткой границы. Именно на заиорданских

территориях, в пространстве диаспоры и Галаада (Быт. 31), согласно историям об Иакове, рождается идентичность Израиля (р. 65). С другой стороны, история о пересечении Иаковом границы Эдома (Быт. 32), отражает другой тип пространственных взаимоотношений, предполагающий четкие границы и ожесточенные конфликты. Автор связывает это с влиянием южной, иудейской традиции.

В четвертой главе рассматривается комплекс текстов, повествующих о завоевании Ханаана под предводительством Иисуса Навина. Противоречия и повторы в описании переправы еврейского войска через Иордан трактуются как следствие компиляции нескольких текстовых традиций, отражающих разные волны заселения Ханаана. В этом варианте текстовой карты Иордан также не является конечным пределом. Об этом, по мнению Хэврлок, свидетельствует предание о двух с половиной коленах Израиля, которые остаются на восточном берегу. Исследование этого сюжета продолжается в пятой главе. В ней с помощью ряда примеров из книги Иисуса Навина деконструируется библейский топос восточного берега Иордана как периферии, места ссылки и диаспоры.

Шестая глава открывает ряд исследований, посвященных эволюции р. Иордан из персонажа этнополитической истории еврейского народа в константу иудейской и христианской метафизики. Отмечая структурный параллелизм трех сюжетов, связанных с инициацией библейских пророков (Моисей / Иисус Навин; Илия / Елисей; Иоанн Креститель / Иисус Христос), автор отмечает, что самым главным связующим звеном этих сюжетов является Иордан как место ритуала, способствующее ненаследственной передаче власти, соединению земного и небесного, превращению выдающихся людей в бессмертных пророков (р. 173). В седьмой главе исследуется развитие теологии ритуала крещения в библейских текстах: ветхозаветная р. Иордан, понимаемая как географическая граница между богоизбранным народом и остальными, осмысляется в Евангелиях как граница между проклятыми и спасенными внутри самого Израиля, приобретает характер внешнегеографического рубежа между жизнью земной и жизнью вечной. В восьмой главе сходный процесс трансформации библейского Иордана в образ иудейской эсхатологии рас-

считается на материале равнинистической литературы (трактаты Вавилонского Талмуда).

Заключительная глава книги посвящена пограничному статусу р. Иордан в современной израильской и палестинской национальной мифологиях. Центральное место в ответе на поставленный в начале книги вопрос о конфликтной территориальной идентичности Израиля и Палестины, однако, отводится топографическим картам, имеющим лишь косвенное отношение к библейскому тексту: большая часть главы представляет собой экскурс в историю колониальной картографии Палестины. Наиболее важная для этого вопроса карта Западной Палестины, составленная Британским Фондом Исследований Палестины (*Palestine Exploration Fund*) и изданная в 1880 г., была ограничена на востоке Иорданом не из теологических соображений, но по причинам практическим и логистическим (р. 221). Границы 1880 г. легли в основу карты Британского Палестинского мандата (1920 г.), утвердив в качестве факта международной политики разделение Палестины и Трансиордании. По причине того, что других современных карт не существовало (р. 233), британская карта была принята лидерами национальных движений в качестве основы собственных территориальных притязаний.

Утверждая, что использование библейского текста было центральным элементом в идеологии конструирования территории Израиля и Палестины, автор, однако, почти не занимается историей конкретных идеологов, использовавшихся в этой практике. В ходе очерка событий новейшей истории Израиля и Палестины, автор лишь периодически напоминает об этой связи национальных лозунгов с текстами Библии: таково утверждение о том, что занятие израильянами Западного берега реки Иордан вдохновлялось желанием восстановления библейского Израиля (р. 239). Книга оказывается гораздо содержательнее в части, посвященной анализу библейских текстов об Иордане, в то время, как часть, связанная с действительной историей национального строительства в регионе, едва ли может претендовать на полноту раскрытия темы.

Thonemann P. The Maeander Valley: A Historical Geography From Antiquity to Byzantium. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. xxiii + 386 p.

Новая книга о долине Меандра, на наш взгляд, заслуживает особого внимания, как во многих отношениях образцовый современный опыт историко-географического синтеза. Автор труда — историк античности Питер Тоунманн (Peter Thonemann) из оксфордского Уодем-колледжа, оказался способен соединить в одном исследовании впечатляющий инструментарий историка-источниковеда с тем, что географы старого времени называли «географическим мышлением». Книга представляет собой ряд источниковедческих (в том числе нумизматических, эпиграфических и просопографических) исследований разных аспектов политической, экономической и культурной жизни обществ долины Меандра в античный и византийский периоды (IV в. до н.э. — XIII в. н.э.). При своей частности, выводы каждого из этих исследований являются очередным аргументом, работающим на раскрытие общих тенденций экологической истории долины, все обсуждаемые предметы мыслятся как часть территориальных комплексов локального и регионального масштаба, элементы эволюционирующих систем пространственных связей.

В этой связи, наиболее интересной представляется рефлексия автора по поводу методических приемов географического описания в историко-географическом исследовании (введение) и непосредственное воплощение этих принципов в тексте книги.

Во введении к монографии утверждается подвижность и полимасштабность территориальных рамок исследования.

Во-первых, процессы социальной географии (*human geography*) и экологической истории долины Меандра показываются с нескольких точек зрения (р. XIV): 1) вертикальной (долина Меандра как плоская пойма, исторически характеризовавшаяся интенсивной, но весьма фрагментированной земледельческой экономикой, тесно связанной с животноводческой экономикой горных хребтов, обрамляющих равнину, гл. 1, 5–7); 2) широтной (долина Меандра как последовательность отдельных регионов, характеризовавшихся интенсивной коммуникацией между севером и югом, гл. 2–3); 3) долготной (долина Меандра как вытянутый с востока на запад единый регион с четко определенными

границами: форпост на границе с внутренней Анатолией на востоке и клапан средиземноморской коммуникации и обмена на западе, гл. 4, 7–8).

Во-вторых, автор полагает справедливым сосредоточиться на исследовании эндогенных процессов географии региона, оставляя в стороне процессы экзогенные, связанные с его положением в составе империй и средиземноморских экономик (р. XV–XVI). Такое масштабирование, предполагающее вместо построения неизбежно упрощенных моделей большой размерности понимание частного (*understanding the particular*), безусловно, оправдывает микроисторический уровень многочисленных источниковедческих разделов книги и отвечает современной программе историко-географического исследования микрорегионов Средиземноморья, в духе которой, например, была написана монография Хордена и Перселла о Средиземном море⁸.

В-третьих, проблема изложения избыточного материала также решается с помощью географического приема: территориальные рамки шести основных глав книги соответствуют движению вниз по течению Меандра от источника вблизи античных Келен-Апамеи (гл. 2–3) по верхнему Меандру (гл. 4) до нагорья Чал и равнины Денизли (гл. 5–6), а затем по нижнему течению и дельте вплоть до Милета (гл. 7).

В-четвертых, Тоунманн последовательно отрицает инвайронментализм при изучении социальной географии своего объекта: «Долина Меандра может с большой пользой исследоваться в качестве географического, социального и концептуального единства (региона), и эта региональность сама по себе — социальный конструкт, а не какое-то изначальное внутреннее качество ландшафта, пассивно ожидающее человека, чтобы быть проявленным в его деятельности» (р. XIV).

Раскрытию вышеприведенного тезиса, ключевого для всей монографии, посвящено начало книги, и, в частности, первая глава. Река, в отличие от водосборного бассейна или водораздела, не факт физической географии, но реальность, определяемая сетями социальных отношений. Пространство производится (*production of space*, р. 339) обществами, которые в каждый из периодов ис-

⁸ Horden, Purcell 2000.

тории весьма избирательно используют возможности, предоставляемые им природой. Тоунманн приводит достаточно примеров этой избирательности, каждый раз перекраивавшей социальные границы региона: так, в античности считали, что истоки Меандра находятся вблизи от Апамеи, в турецкое время, когда Апамея утратила свой статус, их «перенесли» в другое место (р. 21). Фундаментальная роль социального воображения в создании долины Меандра, которая никогда не была «естественным» гомогенным регионом ни с этно-политической, ни с археологической, ни с ландшафтной точки зрения, утверждается в замечательном эссе о происхождении орнаментальной символики меандра. Воспроизведение этого знака на монетах среднего и нижнего Меандра позднеклассической и эллинистической эпохи, по мнению Тоунманна, свидетельствует о региональной солидарности ассоциации местных городов, сопротивлявшихся попыткам римской администрации изменить привычную политическую географию долины (р. 33–46). Во второй главе тезис о том, что характер использования конкретного ландшафта невозможно напрямую увязывать с его природными условиями, доказывается на примере исторической географии разведения оливковых деревьев в южной Фригии: исчезновение местной культуры оливы в постантичный период может быть объяснено только социокультурными причинами, природные условия региона не изменились (р. 54–55). В третьей главе описано создание фригийского койнона (сообщества городов) вокруг Апамеи: это событие I в. н.э., известное по нумизматическим источникам, в частности, по монетам этого союза, которые чеканились во время ежегодных празднеств, автор трактует как факт географии присвоения (*geography of appropriation*) этнокультурной ассоциацией пространства римского административного деления, как еще один пример социального производства пространства региона (р. 109–117).

Обращаясь далее от истоков к верхнему Меандру, автор рассматривает в четвертой главе историю крепости Евмении (II в. до н.э. – XII в.). Цели основания этого гарнизона были неочевидны: возведенная во времена Атталидов крепость, не имевшая конкретных стратегических задач, служила задачам имперской географии, воплощая собой восточный предел территории пергамского государства. Подобная геополитическая символическая

роль была причиной существования крепости и в римский период, в эпоху минимальной военной угрозы.

Пятая глава открывает цикл исследований другой значительной темы монографии — пространственного измерения производственных отношений (*spatial dimension of productive relations*) в долине Меандра. В центре внимания — располагавшийся в среднем течении реки район малоазийского текстильного производства (Филадельфия, Иераполис и Лаодикея). Развитие животноводства в этом регионе объясняется не географическими условиями, но экономической целесообразностью, выгодами, которые сулила местным элитам физическая концентрация текстильного производства на небольшом пространстве (р. 187). Существование специализированного пастбищного животноводства, в культурном смысле противопоставлявшегося городскому образу жизни и городской экономике, на деле было с ним тесно связано. Шестая глава посвящена просопографии упомянутой элиты, провинциальных нобилей среднего Меандра в раннеримский период. В седьмой главе описывается эволюция сельскохозяйственной экономики в нижнем течении и дельте Меандра в период с IV в. до н.э. по XIII в. Несмотря на относительное изобилие источников, которые содержат в себе сведения по землепользованию и сельской экономике этого района (р. 291–292), картина развития остается ясной только в общих чертах: на всем протяжении этого периода сельскохозяйственные производственные отношения подчинялись специфической пространственной логике. На нижнем Меандре никогда не было латифундий, аграрный ландшафт был фрагментирован, небольшие хозяйства долины находились в тесных экономических связях со скотоводческими хозяйствами горных окраин; экономика городов дельты Меандра зависела от отношений обмена с близлежащими островами (Патмос, Лерос и Липсия).

В финальной главе исследуются социальные феномены, порождавшиеся аллювиальным процессом дельты Меандра. Особое внимание здесь уделяется истории Милета — важнейшего центра этого региона, который характеризовался особыми условиями экономики и экологии. Тоунманн описывает преимущества, которые приморское положение предоставляло полисам дельты, но также исследует и специфические проблемы, которые вставали

перед их населением при ведении хозяйства в аллювиальном ландшафте.

Хотелось бы отметить картографический и, особенно, иллюстративный ряд книги. Карты многочисленны, подробны и адекватно информируют читателя о географическом расположении описываемых объектов. Несомненно, впрочем, что использование карт не выходит за пределы этого стандартного для исторических монографий информационно-иллюстративного подхода: самостоятельных задач они не решают. Несомненной удачей книги является иллюстративный ряд. Десятки превосходных фотографий (как исторических, так и современных), репрезентирующих характерные виды ландшафтов Меандра, формируют еще один, параллельный основному, нарратив, выступая не только в качестве иллюстраций к конкретным местам текста, но в качестве подробного справочника по геоморфологии и экологии региона.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Avi-Yonah 1979 — *Avi-Yonah M.* The Holy Land: from the Persian to the Arab Conquest (536 B.C. – A.D. 640). Grand Rapids, Michigan, 1979.
- Baker 2003 — *Baker A.R.H.* Geography and History: Bridging the Divide. Cambridge, 2003 (Cambridge Studies in Historical Geography).
- Backouche 2000 — *Backouche I.* La trace du fleuve: La Seine et Paris, 1750–1850. Paris, 2000.
- Backouche 2008 — *Backouche I.* From Parisian River to National Waterway. The Social Functions of the Seine, 1750–1850 // Rivers in history: perspectives on waterways in Europe and North America / Ed. by Chr. Mauch, Th. Zeller. Pittsburgh, 2008. P. 26–40.
- Blackbourn 2008 — *Blackbourn D.* “Time is a violent torrent”. Constructing and Reconstructing Rivers in Modern German History // Rivers in history: perspectives on waterways in Europe and North America / Ed. by Chr. Mauch, Th. Zeller. Pittsburgh, 2008. P. 11–25.
- Blackbourn 2006 — *Blackbourn D.* The Conquest of Nature: Water, Landscape and the Making of Modern Germany. New York, 2006.
- Broek 1932 — *Broek J.O.* The Santa Clara Valley, California: A Study in Landscape Changes. Utrecht, 1932.
- Deffontaines 1925 — *Deffontaines P.* Les hommes et leurs travaux dans les pays de la moyenne Garonne (Agenaix, Bas-Quercy). Lille, 1925.

- Dion 1934 — *Dion R.* Le val de Loire: Étude de géographie régionale. Tours, 1934.
- Horden, Purcell 2000 — *Horden P., Purcell N.* The Corrupting Sea: A Study of Mediterranean History. Oxford; Malden, Mass., 2000.
- Smith 1971 — *Smith C.T.* The drainage basin as an historical basis for human activity // Introduction to Geographical Hydrology: Spatial Aspects of the Interactions Between Water Occurrence and Human Activity / Ed. by R.J. Chorley. London, 1971. P. 20–29.
- Zeisler-Vralsted 2008 — *Zeisler-Vralsted D.* The Cultural and Hydrological Development of the Mississippi and Volga Rivers // Rivers in history: perspectives on waterways in Europe and North America / Ed. by Chr. Mauch, Th. Zeller. Pittsburgh, 2008. P. 63–77.

И.И. Еремеев, О.Ф. Дзюба. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки: археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с., ил. (Труды Ин-та истории материальной культуры. Т. XXXIII).

Монументальное исследование, изданное под именами двух уважаемых авторов — археолога и палинолога, как явствует из добавления к названию на титульном листе монографии, выполнено при участии О.В. Лисицыной, О.А. Тарабардиной, И.Ю. Дымской, М.В. Саблина, А.В. Даниловой, Е.Ю. Мещеряковой. Широкий спектр привлеченных к исследованию специалистов отражает междисциплинарный подход авторов, активно использовавших в работе не только результаты исследований в области археологии и палинологии, но также данные палеоботаники, ландшафтоведения, остеологии, карпологии, радиоуглеродной и дендрохронологии. В этом отношении монография является примером комплексного историко-географического исследования, совмещающего исторический и палеогеографический взгляды на предмет.

В центре внимания авторов — анализ культурно-исторических процессов, протекавших на обширной территории между озером Ильмень и бассейном верхнего течения Западной Двины во второй половине I тыс. н.э. и приведших к формированию северного участка Пути из варяг в греки. Авторы резонно отмечают, что тема формирования Пути из варяг в греки, проливающая свет на такие важные проблемы русской истории, как становление древнерусской государственности, градообразование, внешнеполитическая деятельность Киевской Руси, роль норманнов в истории Восточной Европы, не может быть осмыслена достаточно полно без выяснения важнейших вопросов о характере и хронологии славянской колонизации Верхнего Поднепровья, Приильменья и Поволховья. «Именно колонизационное движение славян на северо-восток, установив прочные культурные связи между Днестром и Ильменем, и сделало

путь возможным» (с. 7)¹. В качестве конечной цели работы авторы обозначили «наблюдения за тем, как южные, славянские, культурные влияния в пределах “Днепровско-Ильменского коридора” сменяются северными, варяго-русскими» (с. 9).

Система расселения и развитие сельского хозяйства на этой территории в V–IX вв. представляют собой известное «белое пятно» исторического знания. Древности этого периода все еще слабо изучены, мнения о преобладающих формах ведения хозяйства, представленные в историографии, значительно разнятся. В данных обстоятельствах закономерной представляется избранная стратегия исследования — комплексное изучение ряда «контрольных участков», наиболее удачно совмещающих наличие памятников второй половины I тыс. н.э. и присутствие природного объекта (обычно торфяника), которое позволяет реконструировать «ландшафтную динамику» на длительном отрезке времени. Эти участки отбирались так, чтобы они представляли различные ландшафты, доступные для использования населением раннего Средневековья.

Естественно, что помимо материалов разведочных и раскопочных работ И.И. Еремеева, к анализу привлечены данные других исследователей. В частности, немногочисленность специальных публикаций вынудила авторов включить в свою книгу подробное описание коллекций лепной посуды из раскопок крупных белорусских городищ — Витебска и Лукомля.

Значительное место палеоботанического материала в археологических исследованиях — заметная тенденция историографии последних десятилетий. Для рассматриваемого региона во второй половине I тыс. н.э. актуальными оказались следующие вопросы к палеоботанике (с. 10): 1) какова независимая от археологических источников хронология аграрного освоения Северо-Запада? 2) увязывается ли с этой хронологией археологически фиксируемая динамика культурных трансформаций? 3) можно ли на палеоботаническом материале выделить и датировать периоды крупных миграций земледельческого населения?

Материалы, привлеченные авторами монографии, с разной степенью определенности позволили предложить ответы на поставленные вопросы.

¹ Здесь и далее ссылки на страницы рецензируемой книги даются в тексте.

Даже первый подход к теме о расселении славян на Северо-Западе обнаруживает всю расплывчатость наших представлений о проблеме. И.И. Еремеев разделяет скепсис ряда исследователей, которые критикуют устоявшийся еще в советское время стереотип о соответствии первоначальной области расселения словен новгородских и территории, маркированной монументальными сооружениями — сопками, насыпавшимися на пространстве всего Северо-Запада в IX–X вв. По его мнению, предположение о сопках как особенности культуры только новгородских словен остается недоказанным, а сами эти насыпи стали возводить намного позже появления славян в Приильменье (с. 11).

Вообще, в данном вопросе авторский взгляд существенно отличается от сформировавшейся в отечественной историографии точки зрения, согласно которой курганный обряд является важнейшим признаком, позволяющим идентифицировать археологическую культуру. И.И. Еремеев справедливо полагает (опираясь на знание материалов по Северо-Западу), что коллективы, дифференцируемые только по наличию или отсутствию курганного обряда, могут обладать в остальном достаточно однородной материальной культурой (с. 380).

С другой стороны, не вполне оправданным представляется И.И. Еремееву и сужение «коренной племенной территории словен» (определение А.Н. Насонова) до Верхнего Поволжья и Поозерья. По его мнению, этому противоречит та огромная роль, которую словене сыграли в раннесредневековой истории Восточной Европы. Аргумент, конечно, не вполне строгий. Исследователь предлагает свой взгляд, «ландшафтный»: «представляется, что летописной областью «около озера Ильмень» более корректно считать те территории, жизнь которых была в той или иной степени в хозяйственном отношении связана с озером и специфическими ландшафтами озерной котловины» (с. 11).

Пожалуй, осторожность примененной формулировки («более корректно») себя оправдывает: летописец, безусловно, обладавший познаниями о географии лесной полосы Восточной Европы, нигде в тексте не обещал читателю сообщить исчерпывающие данные о географии «племен», а тем более — об их связи со специфическими ландшафтами. Во время написания ПВЛ безальтернативным центром региона являлся Новгород, поэтому упомина-

ния оз. Ильмень в качестве главного ориентира было достаточно — независимо от того, насколько далеко и в каких направлениях от него лежали земли, вошедшие в этот «союз племен». Хотя, безусловно, автор прав в том смысле, что именно в Ильменской озерной котловине следует ожидать открытия самых ранних для этой территории славянских поселений. Материальная культура Помостья второй половины I тыс. н.э., например, обнаруживает значительное сходство с культурой Приильменя и даже Подвинья (на что указывают неоднократно и сам исследователь), поэтому предположение об ограниченности территории, первоначально освоенной словенами, собственно озерной котловиной также не кажется обоснованным.

Структура монографии определяется стратегией исследования. Глава 1 посвящена описанию физико-географических районов Ильменско-Западнодвинского пространства. Глава 2 содержит изложение результатов археологических и палеогеографических исследований на четырех «контрольных участках» в 1997–2008 гг. Глава 3 суммирует наблюдения, сделанные во второй главе, предлагает общую картину реконструируемых процессов в культурно-историческом контексте «Днепровско-Ильменского коридора».

Характеризуя в главе 1 природно-климатические свойства обследуемой территории, авторы отмечают, что самым благоприятным регионом для земледельческой деятельности в пределах Северо-Запада России является Центральное Приильменье (с. 17). До сих пор, согласно сложившимся представлениям, такой территорией считалась только северная и северо-западная части Ильменской котловины, в первую очередь, Поозерье².

Недостатком базы археологических источников является очевидная неполнота археологической карты. Это является следствием, во-первых, небольшого количества микрорегионов, где проводились научные изыскания, включающие программу разведочного обследования территории, во-вторых, несомненного существования у части населения бескурганых могильников, выявление которых даже при целенаправленных поисках затруднено.

Информативные возможности археологической карты, кроме того, существенно ограничены из-за невозможности точно датиро-

² Носов 1982: 31; Конецкий 1989: 12–13.

вать большинство археологических памятников без их раскопок. Это касается как поселений, так и могильников. Стремление И.И. Еремеева датировать нераскопанные курганные группы и жалыничные могильники в наиболее вероятном хронологическом диапазоне оборачивается чрезвычайной широтой этого диапазона (V–XIII вв. и вторая половина XI–XVII вв. соответственно). Однако принципиально важно для оценки природы «белого пятна», который является середина – третья четверть I тыс. н.э., отмеченное автором присутствие на многих памятниках VIII–X вв. переотложенных материалов предыдущих столетий, а на поселениях второй и третьей четверти I тыс. — материалов VIII–X вв. (с. 18).

Анализируя систему расселения, автор оперирует тремя понятиями, содержание которых раскрывает во вводной части монографии: «ресурсная зона поселения», «археологический микрорегион» и «археологическая область». Если смысловая нагрузка первого и третьего из определений ясна, то определение понятия «археологический микрорегион» (АМ) представляется несколько противоречивым. «Под археологическим микрорегионом мы подразумеваем совокупность поселений, существовавших в хронологических пределах III–X вв. и объединенных общим типом хозяйства, отраженным в едином ландшафтной приуроченности» (с. 21). С одной стороны, АМ охватывает целиком некоторую территорию, но с другой — включает памятники только с определенным типом хозяйства и, соответственно, в определенном ландшафтном контексте. Куда же относятся памятники в других ландшафтах, расположенные чересполосно с памятниками определяемого АМ? Образуют ли они другой АМ на той же самой территории?

Больше половины объема монографии занимает глава 2 с результатами исследований контрольных участков (фактически, археологических микрорегионов второй половины I тыс. н.э.), приуроченных, с одной стороны, к различным природным районам северо-запада Русской равнины, с другой стороны, к стратегически важным участкам путей сообщения. Их изучение проводилось по единой методике, включающей в себя: описание и картографирование почвенно-геоморфологических («ландшафтных») особенностей и современной растительности микрорегиона; пространственный анализ размещения археологических памятников; раскопки широкой площадью одного, наиболее информативного поселения и рекогносцировочные исследования на соседних памятниках; по-

лучение разреза торфяника (обычно пойменного), описание его литологии, построение спорово-пыльцевой диаграммы, датирование полученной колонки радиоуглеродным методом.

Последовательное применение этой методики позволило авторам получить для каждого из участков однородные, корректно сопоставимые данные, характеризующие ландшафтную приуроченность археологических памятников, их хронологию, периодизацию и культурную принадлежность, маршруты раннесредневековых путей сообщения, а также эволюцию природной среды и динамику антропогенного (в первую очередь, земледельческого) воздействия на нее в позднем голоцене.

Первый из таких участков, Бронницкий, ближе всего находится к Новгороду. Он расположен в дельте р. Мсты и на восточном берегу оз. Ильмень, в районе с преобладанием пойменных и озерно-ледниковых отложений. Картина расселения в Приильменской низине характеризуется памятниками археологии Бронницкого и Наволокского комплексов, которые содержат материалы от неолита до средневековья. Весьма обстоятелен анализ изображений XVIII–XIX вв. Бронницкой горы и расположенной рядом группы сопок, позволяющий судить о численности насыпей и характере укреплений на городище (с. 30–32).

По материалам разреза на Наволокском торфянике, вскрывшего органические отложения от раннеатлантического времени до современности, первые следы аграрного освоения микрорегиона удалось отнести к середине I тыс. до н.э., то есть ко времени задолго до появления здесь славянского населения. Уже для этого периода авторы отдают предпочтение пашенной форме земледелия в пойменных ландшафтах. Они констатируют упадок земледельческой активности в римское время, накануне прихода сюда славян, и второй аграрный пик, охватывающий несколько столетий начиная с 540–680 гг. (с. 47).

Центральное место монографии и, во всяком случае, второй главы, занимают публикация и анализ материалов, полученных при исследовании Парфинского участка в Юго-Восточном Приильменье, где преобладают ландшафты моренных и озерно-ледниковых равнин. Опорным памятником здесь стало городище, входящее в археологический комплекс у д. Городок («Городок на Маяте»), на котором И.И. Еремеев вскрыл 772 кв. м (еще 80 кв. м раскопано на примыкающем к нему селище). Исследовались не

только жилая площадка с остатками построек различного назначения, но и оборонительные сооружения городища с деревянными конструкциями хорошей сохранности. По образцам из раскопок городища получено более 40 радиоуглеродных дат, что позволило достаточно точно датировать основные этапы существования крепости.

Древнейшие укрепления, которые датируются интервалом 430–560 гг., представляли собой бревенчатую стену, установленную на невысоком валу по краю площадки, окруженной двухступенчатыми эскарпами. Вдоль внутренней стороны вала располагалась кольцевая (?) наземная постройка с отопительными устройствами, сложенными из камней. Поиск аналогий укреплениям в синхронных культурах Восточной Европы привел И.И. Еремеева к выводу о происхождении этой инженерной традиции в приемах фортификации населения раннего железного века, унаследованных ранними славянами (с. 153).

Для уяснения ее связей с традициями северо-восточной периферии славянской пражской культуры в Белорусском Полесье исследователю пришлось пересмотреть интерпретацию давно опубликованных материалов раскопок городища Хотомель, которая легла в основу укоренившихся в историографии представлений о бытовании в пражской культуре техники укрепления вальных конструкций клетями. И.И. Еремеев показал недостаточность аргументации этого тезиса и пришел к выводу о том, что здесь, как и в Городке на Маяте, использовалась техника эскарпов и наборных стен (с. 146–148).

В VI в. первоначальная оборонительная конструкция Городка на Маяте гибнет в результате штурма, и через несколько десятилетий, в первой половине VII в., на ее месте сооружается новая — высокий вал, укрепленный бревенчатыми накатами, вероятно, с деревянными конструкциями по гребню. Для так называемой «перекладной» техники укрепления вала известны аналогии в Германии и Польше IX–XI вв., поэтому материалы Городка на Маяте трактуются автором раскопок как один из первых опытов строительства фортификационных сооружений такого рода. При этом ее вероятные прототипы И.И. Еремеев выявил на городищах колочинской культуры V–VII вв. (с. 158).

Традиции домостроительства и изготовления лепной посуды жителей археологического поселения являются признанными ин-

дикаторами его этнокультурной принадлежности. Материалы V–VII вв. городка на Маяте находят наиболее явные параллели в древностях раннеславянского населения Центральной Белоруссии и Полоцко-Витебского Подвинья (с. 115, 123).

Последний период функционирования городища относится к «преддревнерусской» культуре и датирован IX – началом X в. В это время верхняя часть вала VII в. была скрыта, а новые укрепления, по-видимому, не возводились вовсе. Среди лепной керамики и вещевых находок выделены группы, характерные для населения последней четверти I тыс., во-первых, Приильменя и Поволховья, во-вторых, Верхнего Поднепровья и Подвинья, есть также несколько предметов скандинавского происхождения.

Окончательную гибель поселения в пожаре И.И. Еремеев относит к концу IX – началу X в. на основании отсутствия на памятнике круговой керамики (с. 219). Однако такой аргумент в пользу столь ранней даты финала городища не представляется убедительным, поскольку круговая керамика появляется на тех или иных поселениях Приильменя в разное время: если на Рюриковом городище это происходит уже в начале X в. (причем до середины столетия ее там очень мало), то, например, на селище Васильевское в Ильменском Поозерье — только во второй половине X века³.

Разрез пойменного торфяника в окрестностях городища Сельцо, аналогичного и синхронного Городку на Маяте, вскрыл отложения последних 7000 лет, однако надежные следы земледельческой активности зафиксированы в нем только с рубежа I и II тыс. н.э. Тем не менее прямые и косвенные данные (в том числе карпологические), полученные при раскопках обоих укрепленных поселений, свидетельствуют о занятии их жителей земледелием по крайней мере с середины I тысячелетия.

Третий, Назимовский, участок занимает гребень Двинско-Ловатского водораздела в верхнем течении р. Кунья и характеризуется доминированием ландшафтов конечноморенных гряд. Микрорегион был заселен в раннем железном веке и более интенсивно — в VIII–X вв., памятники середины – третьей четверти I тыс. н.э. здесь отсутствуют. Раскопки И.И. Еремеева на селище Хачёво (вскрыта площадь 336 кв. м) выявили два периода его

³ Носов, Горюнова, Плохов 2005: 135.

функционирования — вторая половина VIII–IX в. и X–XI вв., — между которыми был некоторый перерыв.

Изменения экологической обстановки с суббореального периода до наших дней отражены в материалах из разреза торфяника на берегу оз. Балничевского, расположенного поблизости от селища. Вместе с результатами спорово-пыльцевых исследований заполнения материковых ям на селище они свидетельствуют об аграрном воздействии на природную среду, начиная с суббореала (не позднее II тыс. до н.э.). Особенно активным это воздействие становится в последней четверти I – начале II тыс. (с. 315).

Неблагоприятные для ранних земледельцев условия, среди которых авторы называют тяжелые почвы, сильнопересеченный рельеф, отсутствие значительных водоемов и открытых пространств, в том числе участков, отвоеванных у леса в предыдущую эпоху, сделали актуальным освоение водораздела только в связи с формированием Пути из варяг в греки (с. 315–316). Можно согласиться с авторами в том, что именно становление системы коммуникаций, соединившей Верхнее Поднепровье с Центральным Приильменьем, сделало востребованным появление здесь поселенцев, которые обеспечивали преодоление путешественниками труднопроходимой и лишенной надежных ориентиров водораздельной гряды.

Четвертым участком исследований стал Мёжский, расположенный на Западной Двине в районе впадения в нее р. Мёжа, где преобладают ландшафты озерно-ледниковых равнин. Раскопки И.И. Еремеева на селищах Горяне I (360 кв. м) и Горяне II (32 кв. м) позволили выделить три культурно-хронологических этапа заселения микрорегиона: V–VII вв., вторая половина VIII – начало X в., X–XIII вв. Для второго из этих периодов на селище Горяне I удалось проследить технику домостроительства, которая свидетельствует о том, что здесь сочетались северная традиция наземного сруба с печью-каменкой и южная практика конструирования печи из глины. Традиции изготовления лепной посуды имеют много общего с материалами поселений северо-восточной Белоруссии и Смоленщины.

«Изюминкой» исследований Мёжского участка являются наблюдения над монументальной насыпью, сооруженной прямо на слое пожара, который разрушил поселение второй половины VIII – начала X в. Во-первых, уникальные стратиграфические ус-

ловия, в которых оказались погребенные слои селища Горяне I, делают чрезвычайно значимым тот факт, что $\frac{1}{3}$ от определимых зерен культурных злаков в отмывках из верхнего горизонта культурного слоя принадлежит ржи (с. 358, 360–361). Это влечет за собой пересмотр интерпретации находок пыльцы и зерен ржи на ряде других памятников Северо-Запада последней четверти I тыс. н.э., в том числе в культурном слое IX–X вв. Городка на Маяте (с. 247), и корректировку общепринятой точки зрения о целенаправленной культивации этого злака в лесной зоне Восточной Европы только с начала II тыс. н.э.⁴ На основании сделанных наблюдений авторы формулируют очень важный вывод о том, что уже в IX в. на Северо-Западе России довольно широко в качестве самостоятельной агрикультуры использовалась рожь.

Во-вторых, наблюдения над структурой насыпи дают основания трактовать ее как памятник северорусской традиции сооружения сопок. И.И. Еремеев предполагает, что курган в Горянах может быть связан с появлением на Западной Двине первых групп варяго-русского населения. При этом стратиграфия насыпи как будто указывает на стремление строителей создать на ее вершине горизонтальную площадку, что имело бы смысл, «если бы вершина кургана предназначалась для каких-то действий, предполагавших размещение большого количества людей, — общинных собраний или жертвоприношений» (с. 347). Впрочем, убедительность данного предположения снижается тем фактом, что к началу раскопок вершина сопковидной насыпи оказалась разрушенной, и ее первоначальная форма неизвестна (с. 346). Между тем горизонтальные площадки, иногда фиксируемые на вершинах новгородских сопок, зачастую возникали в результате позднейших деформаций, а горизонтальные прослойки в теле сопки далеко не всегда коррелируют с плоской вершиной⁵.

Рассмотрение особенностей группировки средневековых памятников Велижского Подвинья, на территории которого расположен археологический комплекс Горяне, свидетельствует о концентрации поселений близ крупнейших порогов на Западной Двине. При этом важное место в погребальной обрядности людей, которые жили в IX–X вв. на берегах реки между Крестовскими и

⁴ Кирьянова, 1992: 19–20.

⁵ Носов, 1974: 219–221; Петренко, 1994: 48.

Пушкарскими порогами, занимала традиция возведения сопок, происходящая с севера Руси (с. 348–351). Так что материалы исследований Мёжского участка наглядно характеризуют интеграцию местного населения в формирующуюся инфраструктуру речного пути.

Вместе с тем, как справедливо отмечает И.И. Еремеев, долина Западной Двины от Велижа до Суража с тремя другими порожистыми участками в VIII–X вв. была заселена значительно слабее из-за малопригодных для земледелия песчаных почв (с. 351). К этому можно добавить, что ни один памятник на данном отрезке реки сегодня не может быть уверенно датирован последней четвертью I тыс., поэтому прохождение по нему транзитного пути остается, строго говоря, не доказанным.

Экологическую ситуацию в ближайшей округе исследованных поселений характеризует разрез торфяника в пойме Западной Двины. Совокупность естественнонаучных данных, полученных при исследованиях микрорегиона, позволила датировать начало его сельскохозяйственного освоения V–VII вв., а начало распашки поймы — временем не позднее VIII–IX вв. Дополнительную информацию дал еще один разрез, сделанный значительно ниже по течению Западной Двины, в окрестностях Витебска, возле городища Лужесно второй половины I тыс. н.э. Вскрытые торфяные отложения охватывают большую часть голоцена с начала бореального периода, а наиболее ранние признаки земледелия зафиксированы в конце суббореала (около середины II тыс. до н.э.) (с. 371).

Завершая обзор второй главы, стоит отметить, что в некоторых случаях палинозоны на спорово-пыльцевых диаграммах, отнесенные О.Ф. Дзюбой к определенным природным эпохам, не вполне корректно соотносятся с радиоуглеродными датами. Например, граница палинозон конца суббореала и начала субатлантики проведена на диаграмме торфяника на Парфинском участке между датами 680 ± 90 и 1750 ± 70 л.н. (рис. 32), та же граница на диаграмме торфяника на Мёжском участке — в районе даты 2940 ± 35 л.н. (рис. 321), а граница между второй и третьей фазами субатлантического периода на диаграмме Наволокского торфяника — между датами 1420 ± 70 и 1600 ± 90 л.н. (рис. 25а). Однако начало субатлантического периода имеет надежный радиоуглеродный возраст около 2500 лет назад, а рубеж SA2/SA3 — около

800 лет назад⁶. К сожалению, существенные расхождения палинологической периодизации с радиоуглеродной хронологией опубликованных разрезов авторами не прокомментированы.

Глава 3, целиком написанная И.И. Еремеевым, предлагает читателю воспарить над подробно исследованными контрольными участками, чтобы увидеть общую картину расселения во второй половине I тыс. н.э. на всем исследуемом пространстве. Доступные без раскопок данные о памятниках Ильменской котловины позволяют характеризовать расселение VIII–IX вв., то есть времени накануне образования древнерусского государства. В книге выделено несколько микрорегионов, где группировалось население в этот период. По мнению И.И. Еремеева, в описанных микрорегионах сложились малые территориально-племенные образования (вероятно, точнее было бы определить их как вождества), названные в древнейших летописных источниках «родами» (с. 379). В качестве древнейших автор указывает пять (исток Волхова, Поозерье, низовья Шелони, междуречье Маяты и Пола, Бронницкая гряда), среди которых Поозерье никак не выделяется.

Особое внимание уделено характеристике ландшафтов, в которых осели словене на оз. Ильмень. Она свидетельствует о том, что в IX в. решающую роль в историческом развитии микрорегионов играет уже не столько богатство ресурсной базы, сколько возможности контроля над торговыми путями и удобство административного управления территориями, то есть политические факторы (с. 380). Чтобы проследить, как происходило формирование системы микрорегионов Приильменя в предыдущие столетия, И.И. Еремеев обращается к анализу процессов расселения в Верхнем Половатье и Подвинье, поскольку именно оттуда, как было показано в главе 2, шло заселение славянами озерной котловины.

Здесь древности середины – третьей четверти I тыс. н.э. формируют несколько областей. Оригинальным взглядом на исторические ландшафты этих территорий является предположение (апеллирующее к мнению Л.Р. Лаасимера о сходных ландшафтах юго-восточной Эстонии) о том, что современные боровые ландшафты на водно-ледниковых супесях не отражают природную обстановку I тыс. Они рассматриваются как результат обеднения

⁶ Хотинский, 1989.

почв минеральными солями вследствие многовековой подсеки, которая привела к исчезновению произраставших здесь широколиственно-еловых лесов. Аргументом является резкое сокращение пыльцы широколиственных пород в спектрах спорово-пыльцевой диаграммы торфяника в долине Западной Двины ко второй половине VIII–IX в. (с. 385–386). Данное наблюдение смыкается еще с одним — о том, что уже населению, оставившему псковские длинные курганы VI–X вв., было известно не только подсечное, но и пашенное земледелие. В итоге объяснение, предлагаемое некоторыми исследователями, о причинах слабой освоенности Приильменской низины в третьей четверти I тыс. н.э. (жесткая связь носителей культуры псковских длинных курганов с боровыми ландшафтами, пригодными только для подсечного земледелия), кажется не столь убедительным.

Однако следует признать, что здесь И.И. Еремеев затрагивает вопросы, далекие от окончательного решения. Широколиственные леса, по данным тех же спектров, вытесняются елью, а не сосной (произрастание сосны здесь может рассматриваться как относительно кратковременная стадия сукцессии). Безусловно, необходимы новые целенаправленные работы, которые прояснят вопрос о естественных ландшафтах региона до его масштабной земледельческой колонизации. С другой стороны, поскольку прямые свидетельства использования пашенного земледелия для этого периода на северо-западе Восточной Европы практически отсутствуют, открытым остается вопрос о масштабах применения этой агротехники и возможности совмещения пашенного и подсечного земледелия в рамках одного хозяйственно-культурного типа.

Во всяком случае, не вызывает возражений вывод о приуроченности большинства памятников археологии середины – третьей четверти I тыс. к легким супесчаным почвам и аллювиальным почвам речных и озерных пойм и надпойменных террас. Тогда же началось освоение и более тяжелых суглинистых почв на стыке ландшафтов, по краям моренного пояса (с. 387). Однако вершины моренных гряд, разъединявшие области компактного расселения («главный моренный вал»: Валдайская возвышенность с юго-западными отрогами — Воробьевыми горами), оставались неосвоенными и были покрыты дикими, почти непроходимыми лесами. Последние, по мысли И.И. Еремеева, с одной стороны, представляли собой определенное препятствие для переселенцев с юга в

Приильменскую низину, с другой — как бы «привязывали» к себе окрестное население, будучи удобным убежищем в случае военной опасности (с. 386, 393–394).

Заслуживает внимания и предположение о том, что ограниченность территорий, благоприятных для расселения и сельскохозяйственного освоения в раннем средневековье (границы моренных и озерно-ледниковых равнин, а также конечноморенных гряд и водно-ледниковых равнин), во-первых, способствовала оформлению «локальных этнополитических структур», во-вторых, создавала условия для конкуренции и даже военных столкновений между ними за земельные угодья (с. 391, 392).

Рассматривая обстоятельства образования государственности в Северной Руси, И.И. Еремеев разделяет представления, сформировавшиеся в историографии к середине 1990-х гг., на два полюса: концепции ранней земледельческой и поздней торгово-промышленной колонизации. В настоящее время господствует последняя, против которой автор приводит ряд аргументов. Согласно ей, самостоятельное развитие «родоплеменных» образований в Центральном Приильменье происходило в очень короткие сроки в пределах VIII в. С середины VIII в. на Волхове появились скандинавы, и на первый план выходит «внешний» фактор — трансевропейская пушная и серебряная торговля. Под ее влиянием и формируется поселенческая структура Ильмень-Волховского коридора в связи с организацией Балтийско-Волжского водного пути. Е.Н. Носов в связи с этим пишет об особом пути развития городов в Северной Руси: не город возникает из сельской округи, а округа формируется вокруг города⁷.

Конечно, и «особость» пути становления города, и «ударные темпы» формирования местных социо-территориальных структур делают чрезвычайно актуальным поиск более ранних следов присутствия славян в Приильменье. Именно материалы, опубликованные в монографии, а также заново проанализированные данные, полученные другими исследователями, обнаруживают в Ильменской котловине пласт славянских древностей V–VII веков.

Как становится теперь ясно, формирование территориальных структур славянского населения началось здесь задолго до появления варягов. Не только рядовые поселения, но и центральные

⁷ Носов, Горюнова, Плохов, 2005: 23.

пункты, концентрирующие новые социальные силы, существовали вне международных путей. Они ориентировались значительно больше на ландшафты, пригодные для развития аграрной экономики, располагаясь скорее вдоль «лесной тропы», нежели некой трансевропейской транспортной артерии (с. 403, 416).

Что касается «особого пути» возникновения городов, то И.И. Еремеев выделяет две разновидности городищ Приильменья. Одни возникли в основном в третьей четверти I тыс. н.э., являясь типичными городищами-убежищами и органичной частью местной системы расселения (Городок на Маяте, Сельцо, Бронница, Холопий Городок). Другие были построены во второй половине IX – начале X в. и идентичны скандинавским викам, представляя собой защищенные корабельные стоянки руси и находясь в некотором отрыве от аграрной округи (Рюриково Городище, Георгий, Сергово) (с. 415–416).

Таким образом, процессам формирования транзитных военно-торговых путей, образования городов и государства на севере Руси предшествовала не связанная с ними напрямую сельскохозяйственная раннеславянская колонизация, исходными регионами которой были, как полагает автор, Белорусское Поднепровье, Центральная и Северная Белоруссия, то есть районы распространения колочинской, банцеровской, а возможно, и пражской культур (с. 416–417).

Заключительные разделы третьей главы посвящены историческим процессам, происходившим в «Днепровско-Ильменском коридоре» в последней четверти I тыс. н.э. — второй волне славянского расселения в VIII–IX вв. и формированию северной части Пути из варяг в греки в IX–X веках.

Обращая внимание на отсутствие преемственности между славянскими культурами третьей и четвертой четвертей I тыс. на пространстве от Подвинья до Приильменья, И.И. Еремеев справедливо видит причину «культурно-исторического кризиса» конца VII–VIII в. не в климатических изменениях, которые были не столь существенны, чтобы привести к крушению экономики раннеславянского населения, а в новой волне славянского расселения на северо-запад Восточной Европы (с. 434). В качестве признака одной из этих миграций исследователь рассматривает присутствие в Приильменье и Поволховье древностей, характерных для культуры смоленско-полоцких длинных курганов (КСДК). Попутно он

приводит ряд аргументов в пользу славянской (а не балтской в своей основе, как до сих пор полагают многие археологи) этнической принадлежности ее носителей.

Исходной территорией расселения носителей КСДК в Приильменье во второй половине VIII – первой половине IX в. И.И. Еремеев считает Северную Белоруссию — западную часть ареала КСДК, поскольку там в это время, вероятно, отсутствовал курганный обряд погребения. Последний неизвестен в VIII-X вв. и в Ильменско-Волховском регионе, тогда как в Смоленском Поднеровье курганы стали сооружать уже в VIII в. (с. 437–438).

Признавая весомость этого аргумента, отметим, что, хотя самые ранние подкурганные погребения КСДК в Смоленском Поднепровье датируются серединой – второй половиной VIII в. (Нефёдов, 2000), степень распространения курганного обряда на территории Смоленщины в VIII – начале IX в. остается неясной. Поэтому смоленскую часть Днепро-Двинского междуречья все же не следует исключать из числа исходных регионов второй волны славянского расселения на Северо-Запад.

Для более надежного обоснования своего вывода И.И. Еремеев сравнил наборы лепной керамики последней четверти I тыс. городищ Белорусского Подвинья Лукомль и Витебск, селищ Двинско-Ловатского междуречья Горяне и Хачево, а также ряда поселений Ильменской котловины. Попутно им разработана весьма убедительная типология этой керамики (с. 481–482), что само по себе является важным вкладом в изучение славянских древностей VIII–X вв. лесной зоны Восточной Европы.

Как выяснилось, наибольшую близость керамическим сериям археологических памятников Подвинья демонстрирует в Приильменье посуда Городка на Маяте. Это позволило автору рассматривать Восточное Приильменье как область, теснее всего связанную с южной (верхнеднепровской и верхнедвинской) культурной традицией (с. 482). Именно неоднократные перемещения славян из Подвинья через моренный водораздел в Ильменскую котловину на протяжении второй половины I тыс. н.э. создали условия для последующего формирования Пути из варяг в греки (с. 485).

Анализ находок вещей североевропейских типов (включая предметы вооружения), а также кладов и отдельных находок куфических монет в Днепро-Ловатском междуречье позволил

И.И. Еремееву подтвердить высказывавшиеся в литературе предположения о первом появлении здесь скандинавов уже в IX в. и о начале активного функционирования «волоков» между Ловатью и Днепром не ранее конца этого столетия (с. 505). Отмечая немногочисленность известных в этом регионе собственно скандинавских древностей, особенно погребений, автор полагает, что проникновение туда «северного» влияния проявилось главным образом в традиции сооружения сопок и других монументальных насыпей, подчеркивавших могущество социума и его лидеров (с. 509).

Для иллюстрации этого тезиса исследователь привлекает материалы раскопок нескольких насыпей высотой около 3 м и более в Двинско-Ловатском междуречье и левобережном Подвинье — сопки, курганов с трупосожжением «гнездовского типа» и курганов КСДК. Впрочем, рассмотренные насыпи не объединяет ничего, кроме относительно большой высоты. Но сама по себе она не может указывать на принадлежность погребально-культурного сооружения в изучаемом регионе к некоей русско-скандинавской традиции, пришедшей из Северной Руси в IX–X вв., тем более, что, как отмечает автор, такие сооружения нередко возводили и носители культуры псковских длинных курганов на протяжении второй половины I тыс. (с. 510).

С другой стороны, И.И. Еремеев убедительно выделил в Верхнем Подвинье и Двинско-Ловатском междуречье несколько скоплений памятников с сопками, которые явно были частью инфраструктуры транзитных военно-торговых путей конца I тыс. По его мнению, распространение здесь этой культурной традиции было вызвано не столько миграциями населения из Приильменя, сколько влиянием «северной языческой идеологии». Оно было обусловлено социально-политическими процессами, едиными на всей территории между Западной Двиной и Волховом (с. 516–517). Носителем этой идеологии автор считает летописную русь, хотя остается неясным, кто же тогда способствовал распространению в Поднепровье и некоторых соседних регионах курганов «гнездовского типа». Древнерусские курганы с трупосожжением нередко (и не только в раннегородских центрах) достигают громадных размеров, но имеют мало общего с сопками.

Несмотря на ряд сомнений и вопросов, отчасти изложенных нами выше, нельзя не оценить рецензируемую монографию как

огромный вклад в изучение славянских древностей второй половины I тыс. н.э. между Подвиньем и Приильменьем и шире — в лесной зоне Восточной Европы. Основываясь на обширном комплексе тщательно проанализированных археологических и палеогеографических данных, большинство из которых впервые введено в научный оборот, авторы создали в целом непротиворечивую картину двух этапов земледельческой славянской колонизации Приильменья. Эта колонизация сопровождалась созданием единого культурного пространства между Приильменьем и Днепродвинским регионом, хотя и проходила, как можно предполагать, в обстановке острой борьбы за плодородные земли. Исследователям удалось убедительно доказать (во многих аспектах также впервые) вывод о том, что формирование славянского «Днепровско-Ильменского коридора» на протяжении V–IX вв. было одним из главных факторов возникновения Пути из варяг в греки — этого «станового хребта» Древнерусского государства.

В.С. Нефедов, А.А. Фролов

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кирьянова 1992 — *Кирьянова Н.А.* Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв. М., 1992.
- Конецкий 1989 — *Конецкий В.Я.* Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородский исторический сборник. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 3–19.
- Нефёдов 2000 — *Нефёдов В.С.* О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара. 1996–1999. Псков, 2000. С. 196–197.
- Носов 1974 — *Носов Е.Н.* Источники по славянской колонизации Новгородской земли // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Вып. 6. С. 212–240.
- Носов 1984 — *Носов Е.Н.* Новгород и Новгородская округа IX–X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о

возникновении Новгорода) // Новгородский исторический вестник. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 3–38.

Носов, Горюнова, Плохов 2005 — *Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселения северного Приильменя. СПб., 2005.

Петренко 1994 — *Петренко В.П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994.

Хотинский 1989 — *Хотинский Н.А.* Дискуссионные проблемы реконструкции и корреляции палеоклиматов голоцена // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М., 1989.

Van Gestel-van het Schip P., Kaashoek J., Molenaar J., Poelijoe R., Schipper H., van der Zwan H. Maps in Books of Russia and Poland Published in the Netherlands to 1800. Houten: HES & De Graaf, 2011. 724 p. (Research Programme Explokart. Utrecht Studies in the History of Cartography. Vol. 13).

Рецензируемый том готовился с 1993 г. в рамках исследовательской программы Утрехтского университета по истории картографии «Эксплокарт» и издан под университетским грифом. Внешне книга выглядит превосходно: суперобложка, великолепная бумага, множество иллюстраций, богатейшие справочные разделы. Указанные на обложке авторы — исследователи-«волонтеры» с опытом работы в самых различных областях, в свое время прослушавшие лекции известного утрехтского историка картографии Гюнтера Шильдера и решившие посвятить свое время изучению и систематизации картографических изображений в старинных книгах. Задачей возникшей таким образом программы «Эксплокарт» является задействовать в интересах науки огромный потенциал коллекционеров и любителей старых карт. Возглавляет авторский коллектив П. ван Гестель-ван хет Схип, являющаяся главным редактором программы «Эксплокарт». Авторов консультировали профессиональные историки картографии в Утрехтском университете, Э. Окхёйсен, П. ван дер Крогт и П. ван дер Бринк и один из лучших голландских книговедов, П.Г. Хофтейзер (Лейденский университет). Некоторые из вступительных статей также написаны профессиональными исследователями.

Авторы просмотрели книги, опубликованные или перепечатанные в Нидерландах с конца XVI в. по 1800 г. и имеющиеся в нидерландских книжных собраниях. Определение, которое авторы дают термину «книга», не охватывает атласов карт (в отличие от карт в атласах, где текст играет вспомогательную роль по отношению к карте, в «книге» карта дополняет текст). С целью ограни-

чить объем материала авторы также исключили из рассмотрения брошюры, периодические издания, художественную литературу. Практически они ограничились путевыми заметками, историческими и географическими трудами, в которых описывается территория Российской империи и Польши, а также биографиями людей, игравших важную роль в истории региона.

Первая часть книги содержит ряд статей как энциклопедического, так и исследовательского характера. Это наиболее неудачная часть, которую я подробно разберу ниже. Для того, чтобы по достоинству оценить работу авторского коллектива (члены которого, за единственным исключением П. ван Гестель-ван хет Схип, в написание первой части вклада не вносили), я бы рекомендовал читателям начать со следующей части, озаглавленной «Картобиблиография» (с. 149–494). Авторы выявили и описали более 600 изображений¹, в том числе карт, планов и видов городов. Большинство выявленных изображений воспроизведено, но во многих случаях формат значительно уменьшен, и отдельные легенды не всегда читаются. Картобиблиографическая часть организована по региональному принципу. Она делится на пять разделов: 1) Российская империя (с подразделами: вся империя, европейская часть, азиатская часть, отдельные регионы и населенные пункты, арктическое побережье, тихоокеанское побережье); 2) западные приграничные регионы (Речь Посполитая и Эстония, Украина и Молдавия, отдельные регионы и населенные пункты в Польше и Литве, балтийские населенные пункты, украинские населенные пункты, молдавские населенные пункты); 3) южные приграничные регионы (Черное море и Крым, кавказские государства, Каспийское море, Казахстан); 4) более крупные регионы (Европа, Арктические регионы в полярной проекции, Азия, Евразия, мир); 5) многочастные гравюры (то есть с более чем одним изображением).

За информацией о конкретной книге и ее авторе читателю следует обращаться к третьей крупной части тома, озаглавленной

¹ В книге приводятся различные данные о количестве выявленных изображений: почти 600 карт (с. 11), более 600 отдельных изображений плюс 39 составных изображений (с. 151), более 700 карт (аннотация на суперобложке).

«Библиография» (с. 495–663). Эта часть содержит подробные описания почти 330 книг в алфавитном порядке фамилий авторов, с краткими биографическими данными, библиотечными шифрами экземпляров, хранящихся в голландских коллекциях (авторы описали *de visu* по крайней мере три экземпляра в тех случаях «когда это целесообразно»), ссылками и перечислением картографических иллюстраций. Различные издания одной книги описываются отдельно. Примерно половина книг, описанных в «Библиографии», не содержат относящихся к теме изображений, и в результате эти книги в «Картобиблиографию» включены не были.

Отдельные статьи в «Картобиблиографии» и в «Библиографии» выполнены очень тщательно, но заметны и недостатки редакторской работы. Так, биография И.Э. Идеса озаглавлена “Ides, Eberhard Isbrand”, тогда как в тексте картографа назвали “Evert Ysbrand Ides” (с. 572). В именном указателе дан третий вариант: “Ides, Evert Ijsbrandtsz” (с. 711). Эти варианты должны быть унифицированы, кроме, конечно, тех случаев, когда они являются частью библиографического описания.

«Библиография» также богато иллюстрирована репродукциями титульных листов, дополнительных планов и видов городов, другими изображениями, относящимися к этнографии и путешествиям, а также портретами. Любители русской истории оценят такие иллюстрации, как изображение идолов Перуна, Мокоши, Хорса и Стрибога из книги М. ван Оппенбусха «Религия московитов» 1698 г. (с. 610, илл. В96) или сценка укорачивания боярских кафтанов из книги И.Ф. Рейтца «Старинное и новое положение Российской или Московской империи» 1744 г. (с. 617, илл. В101).

Приложения (с. 665–698) включают алфавитный указатель граверов, алфавитный указатель заглавий карт, хронологический указатель карт, алфавитный указатель заглавий книг, хронологический указатель книг, а также указатель книг в алфавитном порядке мест издания. Следует учитывать, что, в отличие от, например, системы Библиотеки Конгресса США, в алфавитных указателях карт и заглавий книг начальные артикли не опускаются. В результате карта Витсена *La Tartarie* и карта Олеария *Tartaria* оказываются под разными литерами, соответственно *L* и *T*. Оба хронологических указателя начинаются с книги Геррита де Вера 1598 г., повествующей о плаваниях Виллема Баренца в поисках

Северо-Восточного прохода. Самая поздняя карта выявлена в книге Жана-Батиста Бартеlemi де Лессепа (1791) и изображает Камчатку; указатель книг оканчивается трехтомной историей суворовских походов, которая приписывается Матъё Дюма (1799–1800). Том завершается списком учреждений, предоставивших фоторепродукции, списком голландских библиотек, в которых работали авторы, и зарубежных библиотек, электронными ресурсами которых авторы пользовались, списком литературы, именным и географическим указателями и биографическими данными об авторах.

В кармашке на нахзаце находится сложенная впятеро длинная вкладка (30 x 185 см), на которой воспроизведен вид Москвы от Новодевичьего до Даниловского монастыря с Воробьевых гор, опубликованный в книге К. де Брёйна «Путешествие через Московию» (по второму изданию 1714 г.).

В отличие от информативных и хорошо организованных библиографических частей, статьи в первой части тома неравноценны. Общие обзоры российской истории и кампаний Карла XII, принадлежащие перу П. ван Гестель-ван хет Схип, звучат наивно, как будто они списаны с не самых ярких образцов историографии XVIII в. В то же время эти общие обзоры полезны тем, что содержат, либо в самом тексте, либо в примечаниях, ссылки на описанные в «Библиографии» книги, в которых идет речь о том или ином историческом деятеле (Петр I, Екатерина II, Ян III Собеский, Станислав I Лещинский, Карл XII).

Статья И. Владимирова (Igor Wladimiroff) «О голландском вкладе в картографию России до 1800 г.» содержит множество фактов и имен и представляет собой подробный и достоверный обзор деятельности голландских картографов в России. Тем не менее заявленная в заголовке статьи тема до конца не исчерпана: в статье не объясняется, насколько участие голландцев сопоставимо со вкладом других национальных картографических традиций, играли ли голландцы ведущую роль в картографировании России, и до какого времени на картах России можно проследить специфически голландское влияние. Собственно российская картография в статье оценивается противоречиво. Автор считает, что у русских не было «достоверных» карт (с. 52), но вместе с тем признает, что основным фактором, благодаря которому Николас Витсен стал

ведущим западным картографом России и Сибири, был исходный собственно российский картографический материал (с. 58, ср. с. 645).

В статье, озаглавленной «Географические названия в Восточной Европе и Северной Азии», авторский вклад Ф. Ормелинга, крупного специалиста по картографии и ономастике, не вполне ясен. В оглавлении книги он назван вместе с П. ван Гестель, но тексту статьи предпослано только его имя. В статье объясняется историческое содержание названий «Скифия», «Сарматия», «Русь», «Россия», «Татария» и «Московия»; краткие разделы посвящены также Украине, Польше, Бессарабии и Каспийскому морю. К статье приложена хронологическая таблица вариантов географических названий на старинных картах. Удивительно, что составители таблицы обнаружили самое раннее упоминание имени «Русь» в Каталанском атласе 1375 г., не заметив вариантов того же имени на Эбсторфской, Херефордской, Солийской картах и карте Санудо-Весконте (все эти карты в таблице есть).

Историческое повествование в статье о географических названиях более приемлемо, чем в обзорных исторических статьях, но и здесь есть свои проблемы. Например, автор пытается объяснить названия Белой, Черной и Красной Руси, исходя из предположения, что в славянской и тюркской цветовой символике запад был красным, юг — черным, а север — белым (с. 62–63). В литературе вопроса даются иные данные. Как у тюрков, так и у восточных славян запад обычно соответствовал белому цвету, юг — красному, а север — черному². Хотя и существовали различные варианты системы, представляется, что автор, который не подкрепляет свое предположение ссылками на литературу, допустил элементарную ошибку.

Другой пример: обозначение Каспийского моря *Mare de Sala* переведено как «Соленое море» (с. 68). Кроме грамматических проблем, связанных с таким толкованием, утверждение, что море было так названо благодаря «высокому содержанию солей» удивит каждого, кто пробовал на вкус его солоноватую воду³. Более прав-

² Ludat 1953; Mańczak 1975; Подосинов 1999.

³ О содержании солей в Каспийском море сказано в другом месте книги: оно «содержит соленые воды (в восточном заливе Кара-Богаз соленость до 30 %)» (с. 76). Эти данные вводят в заблуждение: Кара-Богаз-Гол является

доподобна гипотеза, возводящая название *Mare de Sala* к гидрониму «Море Сарая» — обозначению, которое применял к Каспийскому морю Марко Поло в честь столицы Золотой Орды⁴.

Следующие две статьи посвящены картографированию отдельных объектов, а именно Каспийского моря (авторы — П. ван Гестель-ван хет Схип и И. Владимиров), Аральского моря и проектируемого Волго-Донского канала (обе статьи написаны П. ван Гестель-ван хет Схип). Голландцы внесли значительный вклад в картографирование Каспийского моря, чем, по-видимому, и обусловлен выбор данного объекта. Причины выбора двух других объектов не столь очевидны.

Из всех статей первой части самой длинной, но и наиболее разочаровывающей является «Картографирование Аральского моря». Тема, конечно, очень привлекательна. Береговая линия этого внутриматерикового озера сильно менялась, а в недавнее время Аральское море было на грани полного исчезновения. Историко-географы изучали очертания Аральского моря, пытаясь решить проблему направления и нижнего течения Амударьи, реки, определившей развитие великих цивилизаций в своей долине. Автор статьи, П. ван Гестель-ван хет Схип, верно поняла, что хороший англоязычный обзор картографии Аральского моря был бы очень важным вкладом в историографию. Но с работой предшественников автор не ознакомилась. По ее признанию, «обзор картографирования Аральского моря ... основан на личных исследованиях [автора]. По этой теме не было найдено почти никакой литературы, за исключением Берг 1908 и немногих небольших статей, Берг 1939 и Шафрановский 1952» (с. 85, сн. 161). К сожалению, даже к этой литературе автор отнеслась невнимательно, судя по ошибкам в освещении картографии до середины XVIII века.

исключением, представляя собой почти замкнутый залив. В других местах соленость Каспийского моря составляет 1.1–1.3 %, а близ устья Волги снижается до 0.005 %. Конечно, вкусовые ощущения относительны: Обри де ла Мотрэ, попробовав воду Каспия между устьями Кумы и Волги, отметил, что она столь же солоня, как и в Черном море (De la Motraye 1723: 62). Соленость Черного моря, впрочем, также невелика (1.8 %). С большей надежностью спасти «соляную» этимологию могла бы ссылка на прикаспийские соляные копи — при условии, что удастся удовлетворительно объяснить окончание *-a* в *de Sala*.

⁴ Берг 1940: 161; Pelliot 1959: 62.

Конечно, по теме есть и другая литература, не найденная автором. Ранний период был исследован российским востоковедом В.В. Бартольд, книга которого вышла как на русском языке, так и, в дополненном варианте, на немецком⁵. Из более недавних работ следует отметить раздел об Аральском море в многотомном труде Ф. Зецига, который, в частности, изучил российские и западноевропейские карты, стараясь выявить их предполагаемые арабо-исламские образцы⁶. Общий список научной литературы в конце книги включает работы Бартольда и Зецига, а один из томов Зецига, содержащий карты, даже использован в качестве источника репродукций (илл. 65а и 65с), но в тексте П. ван Гестель-ван хет Схип никаких следов знакомства с этими работами нет⁷.

Среди недостатков статьи наибольшую тревогу внушает использование в качестве полноценных исторических источников карт, которые были реконструированы или переведены И. Лелевелем и К. Миллером. Создается впечатление, что автор верит, что такие легенды, как *Lacus Khovarezm*, наносились на карты арабскими учеными (с. 85–89). Конечно, это латинские переводы на реконструкциях и перерисовках И. Лелевеля.

Автор также позволяет немислимое для специалиста утверждение, что «этот тип карт был разработан в школе Балхи, в которой трудились (*were employed*) такие географы и картографы, как ал-Истахри, Ибн Хаукаль и ал-Мукаддаси» (с. 85). Судя по сноске, в которой описывается местоположение современного города Балх, автор предполагает, что эта «школа» представляла собой учреждение, подобное Утрехтскому университету, нанимавшее на работу исследователей и преподавателей. Это предположение, конечно, неверно. Географы и картографы, которых назвала П. ван Гестель-ван хет Схип, были последователями Абу Зайда Ахмеда Ибн Сахль ал-Балхи, отчего современные исследователи и относят их к «школе Балхи»⁸.

⁵ Бартольд 1902; Barthold 1910.

⁶ Sezgin 2005: 515–526.

⁷ Кроме того, много материала по картографированию Арала содержится в двух общих историях картографирования Центральной Азии: Федчина 1967; Постников 2007.

⁸ Tibbetts 1992: 108.

Западноевропейским картам с XIV до начала XVIII в., «на которых можно предположить потенциальное изображение Аральского моря...» (с. 89), посвящено всего два абзаца, тогда как Олеарий, Дапперт, Витсен и Идес перечисляются на одном дыхании, без всякого анализа созданных ими карт. Однако Витсен и Идес привлекали при картографировании Центральной Азии русские источники и, в частности, ввели в западноевропейский научный оборот русское название Аральского моря, «море Синее», использовавшееся на картах И.Г. Спафария и С.У. Ремезова (Илл. 1, с. 516)⁹.

«Первое узнаваемое» западноевропейское изображение Аральского моря в книге Обри де ла Мотрэ 1723 г. представлено как одно из важнейших открытий, сделанных благодаря работе над рецензируемым томом (с. 90–94, 132). К сожалению, это не так. Автору следовало отметить вклад Л.С. Берга, который обнаружил русскую карту Каспийского и Аральского морей в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук (№ 3373) и определил ее как источник карты де ла Мотрэ¹⁰. К.И. Шафрановский и Е.А. Княжецкая обнаружили, по-видимому, другой экземпляр той же карты (Библиотека Академии наук, № 641)¹¹, и определили ее как одну из карт, составленных в результате экспедиций 1714–1715 гг. под руководством князя Александра Бековича-Черкасского. В 1960 г. Княжецкая четко сформулировала то, что ныне, более чем через пятьдесят лет, П. ван Гестель-ван хет Схип попытается представить как свое научное открытие — то, что первой картой, опубликованной в Западной Европе и показавшей правильные очертания Аральского моря, была карта в книге де ла Мотрэ¹².

Наконец, Княжецкая опубликовала книгу о Бековиче-Черкасском и его картах, которые после трагической гибели князя близ Хивы в 1717 г. были незаслуженно забыты в России. В этой

⁹ Берг 1960: 191–192 (перепечатка первой, исторической главы из монографии 1908 г.); Федчина 1967: 36; Sezgin 2005: 521, 524–525.

¹⁰ Берг 1939: 1480–1486. Не характерным для Берга упущением является то, что он не заметил сообщения о карте в тексте де ла Мотрэ (с. 1482: «В тексте нет никаких ссылок на карту»).

¹¹ Шафрановский, Княжецкая 1952: 539–551. Федчина 1967: 51 подтверждает, что это другой экземпляр.

¹² Княжецкая 1960: 99.

книге Княжецкая вновь описала карту, опубликованную де ла Мотрэ, как почти точную копию (за исключением искаженных названий на латинском языке) карты Средней Азии Бековича-Черкасского. Она изучила книгу де ла Мотрэ и нашла рассказ о том, как де ла Мотрэ получил эту карту в 1720 г. от адмирала Джона Норриса, которому передал ее доктор Роберт Арескин (около 1677 – 15 января 1719), шотландец по происхождению, лейб-медик Петра I, возглавлявший главные научные учреждения России и сыгравший ведущую роль в основании Академии наук. Доктор Арескин, в свою очередь, получил карту от самого царя¹³.

Княжецкая, как и Л.С. Берг до нее, и П. ван Гестель-ван хет Схип после, пользовалась вторым, франкоязычным изданием книги де ла Мотрэ, опубликованным в Гааге в 1727 г. Карта Средней Азии в этом издании (Илл. 2, с. 517) идентична карте в первом, англоязычном издании 1723 г., однако текст первого издания дополняет историю карты де ла Мотрэ интригующими подробностями. Де ла Мотрэ сообщает, что он «получил карту благодаря любезности адмирала Норриса, которому она была передана доктором Арескином, одним из фаворитов царя, тогда, когда ее иначе получить было бы невозможно. В те времена его царское величество (хотя с тех пор он переменял свое мнение) столь ревниво оберегал эту карту от слишком широкого распространения, что доктор Арескин, передавая ее сэру Джону, поставил условие, чтобы ее не публиковать, так как ее не было ни у кого, кроме как у него самого и у царя. Она выполнена очень точно, и те, кто ее чертили, об этом всячески позаботились»¹⁴.

Царь Петр должен был получить карту Средней Азии от А. Бековича-Черкасского в Либаве в феврале 1716 г. вместе с картой Каспийского моря. Эти карты, по-видимому, перестали быть секретными к 18 июня 1718 г., когда Петр в Париже показал карту Каспийского моря и, по всей вероятности, также карту Средней Азии Гильому Делилю¹⁵. Злоупотребил ли доктор Арескин доверием своего суверена и передал карту возможному противнику, или же он передал карту Норрису по поручению царя?

¹³ Княжецкая 1964: 103–104.

¹⁴ De la Motraye 1723: 68.

¹⁵ Княжецкая 1964: 100.

В конце своей книги Княжецкая цитирует сообщение К. Грау, который «в одном из архивов ГДР» обнаружил рукописную копию карты Средней Азии с латинскими легендами и надписью на немецком «Копия ландкарты, составленной по приказу его царского величества и переданной в 1717 г. лейб-медиком Арескином». К сожалению, в опубликованной Грау статье о докторе Арескине эта карта не упоминается¹⁶.

И карта Бековича-Черкасского, и ее копия в книге де ла Мотрэ заслуживают дальнейшего изучения. Справедливости ради следует отметить, что П. ван Гестель-ван хет Схип также смогла добавить новые данные, а именно свои наблюдения над влиянием де ла Мотрэ на карты в других книгах¹⁷. Тем не менее, со своим главным «открытием» она опоздала более чем на пятьдесят лет.

Заключительная статья первой части, «Карта России и Польши в голландских атласах шестнадцатого и начала семнадцатого веков», написанная П. ван дер Крогтом, отличается своей добротностью. Атласы не включены в третью часть тома («Библиографию»), но они нередко служили источниками картографических материалов для перечисленных там книг. Поскольку вторая половина XVI в. и весь XVII в. справедливо считаются «голландским периодом» коммерческой картографии, атласы, выполненные в то время Нидерландах, повлияли на изображение России и Польши на картах, проанализированных в данном томе.

В языковом отношении том представляет собой парадоксальное явление. Эта книга была создана в Нидерландах, речь в ней идет о голландских книжных собраниях, написана она на голландском языке, но опубликована в переводе на английский. В книге имеются резюме ее основных частей на русском и польском языках (с. 133–148, 152–154, 506–509, 511–512), также переведенные с голландских оригиналов. В результате доминирующий язык данного тома присутствует в нем в скрытом виде. Тем не менее можно

¹⁶ Княжецкая 1964: 104; Grau 1976. Личный фонд Конрада Грау (1932–2000) хранится в Берлине, Archiv der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften (ABBAW): Personalakte Conrad Grau.

¹⁷ Наиболее важной является находка той же карты в английском переводе книги Ф.-Х. Вебера «Преображенная Россия», опубликованном под заглавием «Нынешнее положение России» в 1723 г., где в предисловии переводчик ссылается на де ла Мотрэ (с. 94 рецензируемого тома).

различить несоответствия между имплицитным голландским оригиналом, с любовью созданным авторами, коммерческим английским переводом и безнадежно неудачным переводом на русский язык. Перевод на английский был выполнен силами компании с ограниченной ответственностью “Concorde Groupe BV, Amstelveen”. Перевод на русский язык принадлежит Юлии Тележке. Польский текст, который данному рецензенту показался вполне элегантным, был создан Евой Юсевич-Кальтер.

Перевод на английский язык нуждается в очень серьезной редакторской правке. Конкретные примеры странных грамматических конструкций и неуклюжего словоупотребления даны в англоязычном варианте моей рецензии¹⁸.

Здесь я упомяну только о некоторых следах голландского оригинала, проступающих сквозь английский перевод. Русский монастырь на Белом море назван “St. Nicolaes monastery” (вместо “St. Nicholas”, с. 47), международное сообщество ученых XVII в. названо “Republiek der Letteren” (вместо “Republic of Letters”, с. 58), «История» Геродота названа “Historiën by Herodote” (вместо “The Histories of Herodotus”, с. 76), а в пересказе путевых заметок французского автора начала XVIII в. появляются “the Nogaïsche Horde” и “Circassiërs” (с. 90) (на деле де ла Мотрэ писал о *Keddis Noghaiens*, стоянках кочевых ногайцев, и о *Circassiens*, черкесах).

Разделы на русском языке написаны еще менее грациозно, начиная с самой первой фразы: «Целью данного исследования карт в книгах, прежде всего, является анализ этих карт с точки зрения картографии». Однако некоторые фразы и абзацы приемлемы и явно принадлежат носителю русского языка. Голландский заголовок основного раздела, переведенный на английский как “Summary” (резюме), на русский был переведен как «Автореферат диссертации». Это, возможно, и объясняет неадекватность перевода в целом. Думая, что перед ней автореферат, Ю. Тележка не подозревала, что ее неряшливая работа испортит дорогостоящую книгу.

¹⁸ Chekin 2012. Пользуюсь случаем поблагодарить главного редактора журнала «Портолан» Т.Ф. Сэндера (Thomas F. Sander) за переданную мне книгу и за разрешение опубликовать вариант рецензии на русском языке. В данном варианте учтены письма о профессионализме в истории картографии, опубликованные в последующих выпусках «Портолана»: Delano-Smith 2013; Chekin 2013.

Конечно, не имея перед собой голландского оригинала, несправедливо всю вину приписывать переводчику. В некоторых случаях Ю. Тележка лишь пародийно усугубила наивность авторского текста. «Так называемая “Российская империя” — как уже несколько веков называется эта самая большая страна — предположительно возникла в VIII веке до н.э. В то время на территории между реками Висла и Дон, грубо говоря, от Балтийского до Черного моря проживала горстка славянских кочевых племен. ... Так называемые скифы обосновались на территории к северу от Черного моря и подчинили живущих там славян своим правилам и законам. Те славяне, которые не приняли их порядки, были вынуждены уйти дальше на север или в направлении Балкан... Скифы разделились на различные “орды”, каждая со своим собственным королем, и мирно торговали друг с другом и с греками» (с. 135).

Благодаря своей комичности, орды с королями несколько снимают раздражение от текста, но когда речь заходит о действительных достижениях авторов книги, подобные нелепости серьезно вредят делу. Например, утверждается, что авторами «на основании известной редкой карты Гесселя Герритса, описано новое государство. В литературе были известны два государства, которые оказались первым и третьим. Второе государство впервые описано в этой картобиблиографии» (с. 140). Что это за неизвестное государство, открытое неутомимыми голландскими исследователями? Только обращение к польскому резюме (с. 148) позволяет понять, что имеется в виду «состояние» гравюры, то есть особая версия, отражающая определенный этап работы гравера над медной доской, с которой печатается карта. Исследователи обнаружили промежуточное состояние между ранее известными. Это состояние отныне считается хронологически вторым, а ранее известные состояния оказываются первым и третьим. У голландского слова *staat* несколько значений, из которых переводчик вместо «состояние» выбрал совершенно не подходящее «государство».

Польскому переводчику удалось избежать и других ошибок, допущенных в русском переводе. «С Крымским каганатом» правильно переведено на польский “z Chanatem Krymskim” (с. 134, 142). Неправдоподобная похвальба русского текста о том, что антверпенские и амстердамские издатели «обеспечивали весь из-

вестный объем карт, атласов и глобусов» корректируется польским переводом, где говорится, что они лишь «обеспечивали весь известный мир картами, атласами и глобусами» (с. 139, 147).

Все это особенно печально потому, что издатели явно полагались на русское резюме для продвижения своей книги. На презентации в амстердамском Эрмитаже книга была торжественно передана советнику-посланнику посольства Российской Федерации в Нидерландах В.В. Масленникову. Книга также рекламировалась во время Двадцать четвертой международной конференция по истории картографии в Москве в июле 2011 года.

Это не означает, что книга не заслуживала усилий по ее продвижению. Авторы провели необходимую и тщательную работу по идентификации и описанию нового корпуса картографических материалов. Книга прекрасно издана, и она принесет несомненную пользу всем, кто интересуется старыми картами и книгами. Идея мобилизации неспециалистов-волонтеров с целью внести настоящий вклад в историко-картографическую науку оказалась плодотворной. Такую работу следует поддержать и продолжить. Но необходимо установить и четкие границы для непрофессиональной деятельности. При знакомстве со статьями первой части становится очевидным, что исторические и топонимические обобщения находятся за этими границами.

Тексты на русском языке могут послужить хорошим уроком для переводчиков. Любую работу, сколь бы незначительной она ни казалась, следует делать хорошо — ведь никогда не знаешь, какая именно «халтура» может подорвать репутацию. И, конечно, издатели не должны экономить на редакторах и корректорах, если уж было решено издать такой роскошный и дорогостоящий том под грифом одного из лучших европейских университетов.

Л.С. Чекин

Илл. 1

«Море Синее» на карте Идеса в обработке И.Б. Хоманна. Фрагмент из: Johann Baptist Homann. Generalis totius imperii Moscovitici novissima tabula. Norimbergae, 1704?. Вашингтон. Library of Congress Map and Geography Room G7000 1704 .H6. <http://hdl.loc.gov/loc.gmd/g7000.ct000625>.

Илл. 2

«Море Стралское» на копии русской карты Средней Азии, фрагмент из *Voyages du Sr. A. de la Motraye, en Europe, Asie & Afrique*. La Haye: Johnson & Van Duren, 1727, Carte C. Вашингтон. Library of Congress Rare Book and Special Collections Division D917 .L33.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бартольд 1902 — *Бартольд В.В.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века. Ташкент, 1902 (Известия Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества. Т. IV. Научные результаты Аральской экспедиции. Вып. 2).
- Берг 1908 — *Берг Л.С.* Аральское море. Опыт физико-географической монографии. Ташкент, 1908. (Известия Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества. Т. V. Научные результаты Аральской экспедиции. Вып. 9).
- Берг 1939 — *Берг Л.С.* Две карты Аральского моря первой половины XVIII века // Известия Государственного географического общества. 1939. Т. 71. Вып. 10. С. 1480–1486.
- Берг 1940 — *Берг Л.С.* Первые русские карты Каспийского моря // Известия Академии наук СССР. Сер. географическая и геофизическая. 1940. № 2. С. 160–165.
- Берг 1960 — *Берг Л.С.* Очерк истории исследований в связи с историей картографии Аральского моря // *Берг Л.С.* Избранные труды. М., 1960. Т. III. С. 167–250.
- Княжецкая 1960 — *Княжецкая Е.А.* Новые известия об экспедициях Александра Бековича-Черкасского // Известия АН СССР. Сер. географическая. 1960. № 1. С. 91–100.
- Княжецкая 1964 — *Княжецкая Е.А.* Судьба одной карты. М., 1964.
- Подосинов 1999 — *Подосинов А.В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.
- Постников 2007 — *Постников А.В.* Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.). Роль историко-картографических исследований и картографирования. Монография в документах. М., 2007.
- Федчина 1967 — *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967.
- Шафрановский, Княжецкая 1952 — *Шафрановский К.И., Княжецкая Е.А.* Карты Каспийского и Аральского морей, составленные в результате экспедиции Александра Бековича-Черкасского 1715 года // Известия Всесоюзного географического общества. 1952. Т. 84. Вып. 6. С. 539–551.
- Barthold 1910 — *Barthold W.* Nachrichten über den Aral-See und den unteren Lauf des Amu-darja von den ältesten Zeiten bis zum XVII. Jahrhundert.

- Deutsche Ausgabe mit Berichtigungen und Ergänzungen vom Verfasser / Übers. von H. von Foth. Leipzig, 1910.
- Chekin 2012 — *Chekin L.S.* The Maps of Russia, Poland and the Aral Sea — The Benefits of Volunteer Work and the Perils of Bad Translation // *The Portolan*. 2012. No. 84. P. 38–45.
- Chekin 2013 — *Chekin L.S.* Letter to the Editor // *The Portolan*. 2013. No. 88. P. 64.
- Delano-Smith 2013 — *Delano-Smith C.* Letter to the Editor // *The Portolan*. 2013. No. 87. P. 71.
- Grau 1976 — *Grau C.* Robert Areskin und die Vorgeschichte der Petersburger Akademie der Wissenschaften. Wissenschaftsorganisation und Forschungsreisen in Rußland im zweiten Jahrzehnt des 18. Jahrhunderts // *Jahrbuch für Geschichte*. 1976. Bd. 16. S. 7–31.
- Ludat 1953 — *Ludat H.* Farbezeichnungen in Völkernamen: Ein Beitrag zu asiatisch-osteuropäischen Kulturbeziehungen // *Saeculum*. 1953. Bd. 4. S. 138–155.
- Mańczak 1975 — *Mańczak W.* Biała, Czarna i Czerwona Ruś // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1975. Vol. 19. P. 31–39.
- de la Motraye 1723 — A. de la Motraye's Travels through Europe, Asia, and into part of Africa. London, 1723. Vol. 2.
- Pelliot 1959 — *Pelliot P.* Notes on Marco Polo. Paris, 1959. Vol. 1.
- Sezgin 2005 — *Sezgin F.* The Aral Sea // *Sezgin F.* Mathematical Geography and Cartography in Islam and their Continuation in the Occident. I. Historical Presentation. Pt. 1 / Trans. by G. Moore, G. Sammon. Frankfurt am Main, 2005. P. 515–526.
- Tibbetts 1992 — *Tibbetts G.R.* The Balkhī School of Geographers // *The History of Cartography*. Chicago, 1992. Vol. 2. Pt. 1. Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. P. 108–136.

XV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

ПРАГА, 6–10 АВГУСТА 2012 г.

Международные конференции по исторической географии (International Conference of Historical Geographers, ICHG) проводятся с 1975 г. и созываются раз в три года. Очередная, пятнадцатая по счету, конференция прошла в Праге в августе 2012 г., принимающей организацией был факультет естествознания Карлова университета. Организаторы конференции приятно удивили безупречной четкостью, с которой проводились заседания: благодаря точному до минуты соблюдению регламента, отсутствию замен и перестановок перемещаться между многочисленными секциями можно было, ориентируясь только на программу выступлений.

На конференции было заслушано около 300 докладов¹, представленных участниками из 46 стран мира. Явными лидерами конференции по числу докладов стали Великобритания и Чехия, за которыми с небольшим отрывом следуют США, Япония, Германия. Весьма многочисленными были также доклады исследователей из Канады, России, Польши, Израиля, Румынии, Швеции, Венгрии, Нидерландов, Франции.

Открывавшее конференцию пленарное заседание было целиком посвящено исторической географии Чехии, благодаря чему у всех участников конференции была возможность познакомиться с положением дел в чешской исторической географии и ее ключевыми персонами.

¹ Тезисы докладов (включая постеры) см.: XV International Conference of Historical Geographers. 6–10.8.2012. Prague, Czechia. Charles University in Prague, Faculty of Science. Book of Abstracts / Ed. P. Chromý, Z. Kučera, L. Jeleček, D. Fialová. Prague, 2012. 249 p. Программа конференции доступна на сайте: http://www.homeofgeography.org/uk/events_2012/Prague-2012.pdf (дата обращения — 20.01.2014).

Из 27 проведенных тематических сессий 13 были посвящены исторической климатологии и истории климата, четыре — теме «География и религия», остальные касались роли природных факторов, региональной истории, миграционным моделям, средствам связи и фотографии, а также исторической географии науки и проблемам популяризации исторической географии. Еще 50 заседаний были сформированы на базе индивидуальных докладов. Тематика этих заседаний оказалась весьма разнообразной: землепользование (этому вопросу было посвящено шесть заседаний), природа, общество и изменение окружающей среды (четыре заседания), исторический ландшафт, урбанистика и наследие (по четыре заседания), история географии, история картографии, границы, разные виды пространств (по три заседания), миграции и расселение (два заседания). По одному заседанию пришлось на такие проблемы, как природные угрозы в истории, здоровье и эпидемии, историческая география туризма и отдыха, повседневной жизни, производства продуктов и даже энтузиазма.

Несмотря на смешанный, междисциплинарный по заявленной теме характер конференции, атмосферу и тон мероприятия задавали географы, доклады которых показывали неплохое владение собственно историческим материалом. В методологическом плане многие доклады были выдержаны в духе позитивистской социологии, а влияние географов культурно-гуманитарной направленности оказалось не столь велико. Большинство докладов были ориентированы на исследование историко-географических проблем с точки зрения современности.

Следует отметить высокий технический уровень большинства представленных докладов, продуманность презентаций, хорошую ориентацию в фактологии, осторожность и фундированность выводов. Многие участники конференции при подготовке докладов использовали геоинформационные системы (ГИС). О глубоком проникновении последних в практику историко-географических исследований свидетельствует и то, что оба круглых стола, проведенных в рамках конференции, были посвящены обсуждению применения ГИС в национальных и наднациональных ГИС-проектах.

Одной из базовых тем, представленных на конференции, стала историческая география землепользования и ландшафтов —

прежде всего, по материалам кадастровых картографических источников, интегрированных в ГИС. К примеру, А. Аффек (Andrzej Affek) рассмотрел изменения в землепользовании Польши за последние 230 лет в районе польско-украинской границы. Л. Купкова (Lucie Kupková) и И. Бичик (Ivan Bičík) реконструировали развитие землепользования в Чехии по материалам земельного кадастра XIX–XX вв. Я. Кабрда (Jan Kabrda) проанализировал сравнительную динамику развития в Чехии в 1960–2010 гг. двух типов землепользования, связанных с выращиванием хмеля и винограда, и показал связь выявленных им изменений со структурой потребления пива и вина и со структурой экспорта этих продуктов.

Помимо кадастровых материалов, предоставляющих информацию в основном с XVIII–XX вв., для изучения истории землепользования и ландшафтов, были рассмотрены и другие источники. Широкую картину изменения ландшафтов и систем землепользования в Южной Сибири от палеолита до современности показала Е.М. Тюменцева. Детальное исследование пространственных моделей освоения ландшафтов Южной Сибири на основе анализа археологической карты региона представили А. Глебова и К. Чистяков, продемонстрировавшие пространственные и хронологические связи между ландшафтом и местами проживания различных этнических групп в разные периоды. Подобная же работа для Нижнего Поднестровья VI–II вв. до н.э. была проделана В. Кишляруком, отметившим рост доли земледелия за счет кочевнического хозяйства в связи с климатическими изменениями в регионе. В этом же ключе на материале таежной зоны Восточной Европы (Новгородская земля) О. Трапезникова выявила взаимосвязь поселенческой структуры и системы землепользования с ландшафтными условиями.

На специальном заседании были рассмотрены вопросы методики использования ГИС в исследованиях систем землепользования. О. Бендер (Oliver Bender) представил междисциплинарную концепцию анализа изменений исторического ландшафта (HLCA), построенную на материале европейских земельных кадастров XVIII–XX вв., а К. Юпитер (Kristofer Jupiter) рассказал о возможностях ГИС в классификации и изучении системы землепользования, существовавшей в западных районах позднесредневековой Швеции.

Серия докладов касалась исследования городских ландшафтов. Пленарный доклад Э. Семотановой (Eva Semotanová) был посвящен истории пражского ландшафта. Об отражении революционных событий 1848 г. в топографии Праги и Будапешта рассказал М. Винклер (Matthias Winkler). Э. Сарно (Emilia Sarno) рассмотрела влияние наполеоновского владычества в Италии на изменение элементов городского ландшафта и инфраструктуры. А. Ямамура (Aki Yamamura) показала, как в формировании облика японских портовых городов взаимодействовали антропогенные и ландшафтные факторы.

Ряд докладов был посвящен проблемам охраны историко-культурного и природного наследия. Г. Ашуэрт (Gregory J. Ashworth) рассказал о парадоксальном положении 250 памятников ЮНЕСКО, расположенных в Парамарибо, историческом центре столицы Суринама. Из-за того, что местные жители воспринимают эти объекты как напоминание о колониальном прошлом своей страны, они фактически оказались бесхозными и лишены должной охраны. М. Сомунджу (Mehmet Somuncu) и А. Ахмад Хан (Ashfaq Ahmad Khan) сделали доклад об охране памятников ЮНЕСКО в одном из районов Турции — Сафранболу.

Чтобы дать более подробное представление о характере докладов, прозвучавших на конференции, остановимся более подробно на одном из заседаний. Оно было посвящено пограничной проблематике — истории шведско-финского и русского пограничья с XVII до начала XX в. В центре внимания докладчиков оказался регион, нередко именуемый в современной историографии “землей ссор” (“a land of quarrels”). Первый мирный договор, разграничивший сферы влияния соперничающих государств, был подписан в 1323 г. В дальнейшем вопрос о пределах юрисдикции государств еще не раз поднимался политическими элитами, при этом камнем преткновения в российско-шведских территориальных спорах всегда являлся статус карельских земель, в первую очередь Карельского перешейка. С 1323 г. по 1721 г. Карельский перешеек входил в состав Шведского королевства, с 1721 г. по 1917 г. — Российской империи (причем с 1812 г. был включен в земли Великого Княжества Финляндского), с 1917 г. по 1940 г. — независимой Финляндии. В результате многочисленных военных столкновений и мирных переговоров линия границы подвергалась постоянным

изменениям, что, безусловно, влекло политические, экономические, культурные и социальные перемены в карельском приграничье. Темой, объединившей все четыре доклада, представленные на заседании, стало изучение социально-политической обстановки и влияние, оказываемое географическим положением Карельского перешейка.

К. Иссакайнен (K. Issakainen) рассмотрела шведскую политику в отношении города и горожан на примере Выборга — крупнейшего ремесленного центра в восточной части Шведского королевства, имевшего разнородное в этническом плане население (шведы, немцы и финны), национальная принадлежность которого была теснейшим образом связана с социальным статусом. Высшая буржуазия в Выборге была представлена немцами и шведами, а низшая буржуазия в основном происходила из финнов. Низшая буржуазия, в том числе ремесленники, была ограничена в своих возможностях пользоваться городским пространством, так например, существовал запрет на использовании торговых площадей, гаваней и других публичных мест. По данным К. Иссакайнен, запреты такого рода отражались самым негативным образом на повседневной жизни низшей буржуазии, преимущественно финской, порождая социальную напряженность, бедность и маргинальность. Используя планы города XVII и XVIII вв. и возможности мультимедийной презентации, докладчице удалось показать зонирование Выборга и границы городского района, за пределами которого финским ремесленникам и торговцам запрещено было открывать лавки.

Доклад М.Е. Проскуряковой «Социальная среда российских гарнизонных служащих в 1710-е — 1730-е гг.» также был посвящен Выборгу, который в рассматриваемый период являлся пограничной крепостью Российской империи. Докладчица исследовала социальные связи служащих российского гарнизона с местным населением Выборга и его окрестностей и установила, каким образом они использовали пространство исполнения своих обязанностей для удовлетворения личных потребностей, а также выявила восприятие гражданским населением края представителей новой власти. По мнению М. Проскуряковой, российские военные встретили готовность к сотрудничеству со стороны местного населения. На ярких примерах из архивных материалов она проанализирова-

ла случаи, когда российские служащие и представители гражданского населения Карельского перешейка организовывали совместные предприятия, нанимали и нанимались на работу, вступали в браки.

Совершенно иными предстали взаимоотношения финских крестьян и российских помещиков в докладе Р. Мюллис (Riikka Mullys) «Спротивление финляндских крестьян в восточном приграничье в 1830-е гг.». Докладчица показала воздействие географической отдаленности пограничных территорий на степень социальной напряженности на примере событий 1830-х гг. в трех финских приходах Салми, Саккола и Валкярви, располагавшихся вблизи российско-шведской границы. По мнению Р. Мюллис, чем дальше от регионального центра располагались деревни, охваченные волнениями, тем дольше продолжалась борьба и более жесткие формы она принимала.

Завершила работу секции ее организатор М. Ляхтенмяки (M. Lähteenmäki), выступившая с докладом «Туристические места в финляндско-советском приграничье в 1920-е гг.», в период, когда территории Карельского перешейка находилась в составе Финляндии, причем приграничные финские деревни оказались расположенными в непосредственной близости от Петрограда. Местный туризм в пограничный регион финские власти решили использовать как инструмент в создании негативного образа соседа. Туристические поездки на границу с СССР служили единой задаче, сформулированной финляндской политической элитой, — сделать пограничный регион этнически и культурно более финским и более однородным.

Следующая, XVI Международная конференция по исторической географии пройдет в Лондоне с 5 по 10 июля 2015 г. (см. информацию на сайте конференции: <http://www.ichg2015.org/>).

*И.Г. Коновалова, М.Е. Проскурякова,
С.В. Рассказов, А.А. Фролов*

25th INTERNATIONAL CONFERENCE ON THE HISTORY OF CARTOGRAPHY

HELSINKI, JUNE 30 TO JULY 5, 2013

From June 30 to July 5 of 2013 the 25th International Conference on the History of Cartography (ICHC) took place in Helsinki. This iteration of the conference, which is held biennially and was organized in this case by the Cartographic Society of Finland (*Suomen Kartografisen Seura*) in co-operation with Imago Mundi Ltd., was well attended, with about 200 participants, and expertly directed by Dr. Antti Jakobsson and his team.

The conference proper was preceded on June 29 by meetings of the International Society of Curators of Early Map, and the International Cartographic Association's Commission on History of Cartography. The former included a presentation of the Wikimaps project, and discussion of problems related to digitized maps collections, particularly about what kinds of metadata are desirable or necessary for digitized maps; the second of these included five papers on the theme "Important 19th and Early 20th Century Maps of the Baltic Area." The morning of June 30, before the opening of ICHC, there was a meeting of the International Society for the History of the Map, a recently founded group whose function is still unclear.

The conference proper included 58 papers and 26 posters. One overarching impression from the conference is that the quality of papers by graduate students was high: in general their talks were clearly presented with good structures, and the illustrations well-chosen, well labeled, and of a high quality. This development bodes very well for the future of the field, and the graduate students are to be congratulated for taking the time necessary to develop and practice their presentations. One unintended effect of the high quality of the presentations by graduate students was to place in a harsh light deficiencies in some of the presentations by more senior scholars.

The program of the conference is available on the conference website (<http://ichc2013.fi/>), but unfortunately the abstracts of the papers are not available. The abstracts were published in a volume distributed to conference participants titled *The Four Elements: The Essentials of the History of Cartography* (Helsinki: The Cartographic Society of Finland, 2013) (ISBN: 978-952-93-2507-8). Noteworthy talks of the conference included the following (discussed in the order of their delivery at the conference).

Paul D.A. Harvey's paper titled "Local Maps on Medieval Seals" was of great interest to anyone working on medieval cartography, as it opened up a largely unexplored area of study: there are some seals that show the principal monuments of towns surrounded by their walls, in a bird's-eye view. The paper was clearly the fruit of extensive research, as good catalogs do not exist for the seals of many countries. I trust that this paper will be turned into an article, and when this happens I hope that the author will have the opportunity to address issue of the criteria that should be used to distinguish a map from an image of the most important monument of a city.

Catherine Dunlop's presentation, titled "The Woman who Mapped the French Republic: Augustine Fouillée's Cartographic 'Tour de France'," was a model of clarity, and explored the renewed interest in making territorial knowledge a fundamental part of French patriotism in the years following France's defeat by Germany in 1871, and the role of Augustine Fouillée's popular book *Le Tour de la France par deux enfants* (1877), which is illustrated with many regional maps, as a part of that process.

A strong and engaging paper titled "The 1899 *Atlas de Finlande: A Model in Questions*" was delivered by Gilles Palsky, in which he examined the paradoxical reception of the *Atlas de Finlande*: on the one hand, it received many awards, but on the other, the model of a national atlas that it provided was little followed by other countries until the 1940s.

Mario Cams, a Ph. D. candidate at the University of Leuven, delivered an excellent paper titled "The China Maps of Jean-Baptiste Bourguignon d'Anville: Provenance and Production Contexts," in which he convincingly identified the Chinese sources of the 41 maps of China by d'Anville in the *Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise* (1735).

A joint paper by Marina Rajaković, Ivka Kljajić, and Miljenko Lapaine (all of the University of Zagreb) titled “Map Projection and Accuracy of One Mercator’s Map” examined the map *Sclavonia, Croatia, Bosnia cum Dalmatiae parte* by Gerard Mercator. The authors were able to determine that Mercator had located the cities on the map in relation to the (pre-drawn) coastline, rather than according to their coordinates, a very interesting insight into Mercator’s mapmaking procedures.

Joaquim Alves Gaspar, continuing his series of cartometric studies of important early sixteenth-century nautical charts, analyzed the chart made by Juan de la Cosa in his paper “‘Juan de la Cosa la hizo en año de 1500’: Revisiting the Old Nautical Planisphere with a New Quantitative Approach.” Gaspar concluded that although the map includes the Equator and Tropic of Cancer in approximately their correct locations, the chart was constructed using magnetic courses and estimates of distances, rather than observed latitudes.

A Ph. D. student at the University of Pittsburg, Madalina Valeria Veres, spoke on “Mapping Eastern and Western Habsburg Borders in the Second Half of the Eighteenth Century.” With great energy and clarity she showed that during the second half of the eighteenth century, maps acquired a new and more important role in border negotiations: they went from being appendices to treaties to tools for negotiation and border demarcation.

John Louis Cruickshank spoke on “Maps ‘For the Needs of the People’s Economy’: The Civil Topographic Mapping of the USSR,” presenting a history of the SK63 series of civil topographic maps of the USSR, authorized in 1963, and its relationship with the earlier SK42 military topographic maps. In the SK63 series, the 1:25,000 and 1:100,000 maps were derived from the then-outdated SK42 maps, while the 1:10,000 maps in the SK63 series, produced in the mid-1980s, were based on new surveys, and were thus more up to date and accurate than contemporary military maps.

In the final session of the conference, Stella Chrysochoou gave a lucid exposition on “The Rebirth of Antiquity in Byzantium: The Construction of Ptolemaic Maps by Thirteenth-Century Byzantine Scholars Without the Use of Ancient Exemplars.” During the discussion, Juha Nurminen of the John Nurminen Foundation remarked that Ptolemy’s data does not provide many points on the coast, and speculated that the intervening coastline had been filled in by the Byzantine scholars recreating Ptolemy’s maps by consulting contemporary (thir-

teenth-century) nautical charts. Dr. Chrysochoou astutely pointed out that this could not be the case, as the Ptolemaic maps contain errors in their depiction of areas near Byzantium that certainly would have been corrected if the scholars had had access to such nautical charts.

The conference's poster session was held on July 2. It was here that the only flaw in the organization of the conference surfaced, which was that the stands for the posters were too close together, so that it was difficult to circulate among them. Two of the posters listed in the program that sounded interesting were unfortunately not presented: these were Alexander Vasiljevich Podossinov's poster on a "Newly-Found Byzantine World Map of the 15th Century," and Frederik Muller's on "Two Manuscript *Tabulae modernae*, designed for the 1525 Ptolemy." The poster by Regine Gerhardt and Barbara Uppenkamp on "Daniel Frese: A Renaissance Cartographer to be Discovered," was of a very high caliber indeed, and I look forward to seeing the author's forthcoming publications about Frese. Lucyna Szaniawska presented an interesting poster titled "Comparing the Sea and Ocean Areas Displayed in Ptolemy's *Geographia* in Editions of Nicolaus Germanus (ca 1467) and of Gerard Mercator (1578)," which provided good evidence that the comparison of the maps in different manuscripts and editions of Ptolemy is a fruitful area for research.

The conference's cultural program was rich, and took good advantage of two large collections of maps in Helsinki, those of A.E. Nordenskiöld and Juha Nurminen. It included visits to the exhibition "The Emerging World: Map Treasures from the A.E. Nordenskiöld Collection" at the National Museum of Finland; the presentation of the Imago Mundi Prize — to Carme Montaner and José Luis Urteaga González for their article "Italian Mapmakers in the Spanish Civil War (1937–1939)" — at the City Hall of Helsinki; an exhibition of maps at the National Archives of Finland; and an exhibition of maps in the private collection of Juha Nurminen at the John Nurminen Foundation. Conference participants received a presentation volume on the latter collection titled *Juha Nurminen Collection of World Maps: Maps Atlases, Books and Globes* (Helsinki: Juha Nurminen, 2013) (ISBN 978-952-9745-37-1).

The next ICHC will be held in Antwerp, 12–17 July 2015, with the theme of "Theatre of the World in Four Dimensions" (<http://www.ichc2015.be/>).

Chet Van Duzer

КОНФЕРЕНЦИЯ «ГРАНИЦЫ И ПРИГРАНИЧЬЕ. ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ И ЗАВТРАШНИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ»

12–15 сентября 2012 г. в Лиссабоне состоялась очередная европейская конференция, проведенная под эгидой международной Ассоциации исследований приграничья (*Association for Borderland Studies* — далее ABS)¹. Данная Ассоциация была создана в 1976 г. с целью объединить исследователей американо-мексиканской границы и прилегающих к ней регионов². С течением времени численность членов ABS росла, объединяя специалистов в области политических наук, географов, социологов, экономистов, историков, лингвистов, филологов и искусствоведов из Америки, Азии, Африки и Европы. Постепенно расширялись тематика и ареал исследований. Изучение границы между Соединенными Штатами Америки и Мексикой все больше отходило на второй план, уступая место штудиям о европейских и азиатских границах. На протяжении двух последних десятилетий в фокусе внимания как членов ABS, так и независимых исследователей, участвующих в конференциях, проектах и публикациях ABS, оказались вопросы Европейской интеграции, дезинтеграции Советского Союза и возникновения новых границ в Восточной Европе, Закавказье, России и Средней Азии. При этом ключевыми темами научных работ, которые курируются ABS, является изучение миграции и этнических конфликтов в приграничных ре-

¹ См. подробнее: *Borders and Borderlands 2012*. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://bordersandborderlands2012.weebly.com/>, дата обращения — 11.07.2013].

² См. подробнее: *Association for Borderlands Studies*. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.absborderlands.org/>, дата обращения — 11.07.2013].

гионах, экономическое развитие зон, прилегающих к границе, открытость и безопасность границ. Безусловно, основной акцент в исследованиях делается на изучении недавнего прошлого и современных проблем. Однако экскурсии в историю являются, как правило, неотъемлемой частью научных работ о границе и приграничных регионах. Наиболее значимыми достижениями ABS следует считать учреждение рецензируемого журнала, специализирующегося на публикации результатов исследований в области гуманитарных и социальных наук “The Journal of Borderlands Studies”³, и организацию международных конференций, которые с завидной регулярностью проходят в ведущих университетах и научных институтах по всему миру.

Одним из важнейших мероприятий, проводимых ABS, являются европейские конференции. В сентябре 2012 г. хозяевами очередной конференции ABS стали сотрудники Факультета географии и регионального планирования университета Лиссабона. Конференция, получившая название «Границы и приграничье. Проблемы сегодняшнего дня и завтрашние перспективы» (“Borders and Borderlands: Today’s Challenges and Tomorrow’s Prospects”), по мысли организаторов, должна была привлечь внимание не только представителей научного сообщества, но и сотрудников государственных и частных структур, которые вовлечены в трансграничное сотрудничество и ежедневно сталкиваются с проблемами существования или, напротив, отсутствия границ. В научный комитет конференции вошли Ива Пирес, Диего де Абреу (Ун-т Лиссабона, Португалия), Ансси Пааси (Ун-т Оулу, Финляндия), Эммануэль Брюне-Жайлли (Ун-т Виктории, Канада), Джеймс Скотт (Ун-т Восточной Финляндии) и другие известные специалисты из Греции, Испании, Нидерландов, Португалии и Франции. В работе конференции приняли участие более шестидесяти докладчиков из стран Европейского союза, а также Австралии, Бразилии, Израиля, Индии, Канады, Сербии, США, Турции и Японии. Особенно следует отметить активное участие в работе конференции ученых и аспирантов из Финляндии, в частности, Университета Восточной Финляндии.

³ См. подробнее: Journal of Borderlands Studies. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://journals.uvic.ca/index.php/borderlands>, дата обращения — 11.17.2013.]

За три рабочих дня конференции было заслушано свыше пятидесяти докладов. Заседания проходили по пяти секциям: “Borderless Europe and the Borders of Comfort” («Европа без границ и комфортные границы»); “Cross-Border Cooperation and Territorial Cohesion Governance” («Трансграничное сотрудничество и управление территориальным единством»); “Borderlands Development” («Развитие приграничных регионов»); “Challenging Borders” («Проблемные границы»); “Experiences Learned from Cross-Border Cooperation” («Опыт трансграничного сотрудничества»). Несмотря на европейский статус конференции, докладчики не были ограничены какими-либо территориальными рамками. Вследствие этого прозвучали выступления, посвященные как границе между Россией и Финляндией, так и между Израилем и Иорданией, США и Мексикой, Гонконгом и Китаем.

Доклады, открывавшие конференцию, были посвящены теоретическим проблемам изучения границ. Э. Брюне-Жайлли представил собственное видение успехов междисциплинарного подхода и плодотворности теоретических дискуссий последних лет⁴. Дэвид Ньюман (Ун-т им. Бен-Гуриона, Израиль), напротив, поднял волновавший многих исследователей вопрос об отсутствии новых подходов и теоретических открытий в области исследования границ. По словам Д. Ньюмана, последние двадцать лет — это эпоха возрождения в изучении границ и приграничья. За эти годы было реализовано большое количество научных проектов и изучены границы в самых разных контекстах, но теоретические подвиги исследователей все это время оставались очень скромными. Выступление Д. Ньюмана открыло дискуссию между ведущими специалистами. В ответ на замечания А. Пааси, выступившего в защиту плюралистического подхода, Д. Ньюман уточнил, что вместо единой всеобщей теории нужно поставить новые вопросы, которые помогут лучше понять роль границ в обществе. Д. Ньюман также проанализировал два течения, параллельно существующие в исследованиях границ последних десятилетий. Первое, возникшее в 1980-е и наиболее популярное в

⁴ Здесь и далее тезисы докладов см.: Programme and Abstracts. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://bordersandborderlands2012.weebly.com/uploads/9/1/0/9/9109366/bookofabstracts.pdf>, дата обращения — 11.07.2013].

1990-е годы, отражает идею глобализации и ликвидации границ, разделяющих государства и общества. Второе направление появилось в исследованиях, увидевших свет после 11 сентября 2001 г., и характеризуется восприятием границ, как необходимых барьеров, препятствующих «чуждому и незаконному». Д. Ньюман сумел дать обширную панораму современного состояния исследований границ и пограничных регионов и сформулировать задачи для будущих научных проектов.

Джеймс Скотт обратил внимание слушателей на появление этического подхода в области исследования границ. Так называемая “Border ethics” («Этика границ») изучает управление границами в демократических государствах и те способы, которыми границы дискурсивно и политически конструируются. Сергей Голунов (Ун-т Тарту, Эстония), проанализировав недостатки постпозитивистского подхода, господствующего в исследованиях границ, представил сформулированный им метод, который предполагает включение в исследование не только критики современных политических и экономических реалий, но и практические предложения о решении существующих проблем. Дискурсивный метод, сформулированный С. Голуновым, позволяет начать диалог между теми, кто пересекает границы, и теми, кто принимает решения о процессе оформления документов и пограничном контроле.

Абсолютное большинство выступлений, прозвучавших на секционных заседаниях, были посвящены вопросам современного развития пограничных областей и трансграничного сотрудничества. Так, например, Йони Вирккунен (Ун-т Восточной Финляндии) познакомил участников конференции с современной ситуацией в пограничных регионах Таджикистана и Кыргызстана. Результаты исследования группы европейских ученых наглядно показали, что население двух среднеазиатских государств стало заложником новых политических и экономических реалий. Нерегулированная граница не только препятствует развитию торговли и поддержанию традиционных семейных и дружеских связей, но и способствует разжиганию межнациональных конфликтов. Петер Балугх (Ун-т Седертерн, Швеция) в ходе реализации своего исследовательского проекта выяснил, что в связи со свободным передвижением работников внутри Европейского

союза появилась новая специфическая форма международной миграции. П. Балугх изучил особенности повседневной жизни польских переселенцев, которые переезжают на постоянное жительство в приграничные регионы Германии (особенно активно с 2007 г. — в связи с отменой ограничений на рынке труда для жителей из государств-новых членов ЕС). Большинство этих переселенцев продолжают работать и вести общественную жизнь в Польше. Таким образом, они пересекают физическую, но не ментальную границу между двумя странами. П. Балугх отказывается называть подобную миграцию транснациональной и предлагает использовать термин *cross-border residential mobility* (трансграничная мобильность, связанная с местом жительства).

Вирпи Кайсто (Технологический ун-т г. Лаппеенранта, Финляндия) представила результаты международного проекта *Ulysses*, направленного на изучение развития шести «Еврорегионов», разделенных границей между двумя или несколькими государствами, таких, например, как Карелия (Финляндия и Россия), Померания (Польша, Германия и Швеция) и Пиренеи (Испания и Франция). Группе исследователей удалось установить, что в приграничных областях в разных частях Европы существуют одинаковые проблемы, такие как уменьшение численности сельского населения, сосредоточение населения в городах, старение населения и слабый рост инновационной экономики. Кроме того, анализ собранных материалов показал, что приграничные территории следуют по пути развития регионов, расположенных внутри стран, а не близлежащих регионов в соседней стране. Проект *Ulysses* является одним из нескольких исследований, в которых нашел применение количественный метод в изучении пограничных территорий. В. Кайсто в своей презентации смогла показать преимущества и недостатки такого подхода. В рамках исследований, которые базируются на статистических данных, представляется возможным проиллюстрировать тенденции территориального развития и сопоставить приграничные регионы по различным параметрам. Однако серьезной проблемой для количественных исследований является отсутствие данных, которые описывают влияние границы на близлежащие регионы.

Одним из важнейших аспектом прошедшей конференции следует считать обращение некоторых докладчиков к истории

границ и культуре приграничных регионов. Причем нередко внимание авторов оказывалось приковано к границам России. В семи выступлениях были представлены результаты исследований отношений России и соседних стран. В этой связи необходимо отметить выступление Акихиро Ивашита (Ун-т Хоккайдо, Япония) об истории о-ва Большой Уссурийский и условиях его раздела между Россией и Китаем в ноябре 2004 г. Японский исследователь предпринял попытку проанализировать официальные заявления российских и китайских властей о принятии окончательного решения о размежевании земель. С точки зрения А. Ивашита, существует несоответствие между декларируемой демаркацией государственной российско-китайской границы и фактической ситуацией в регионе. Интерес слушателей также вызвало выступление Юсси Лайне (Ун-т Восточной Финляндии), который, изучив комплекс писем к главному редактору центральной финляндской ежедневной газеты, смог наглядно показать изменение отношения финнов к СССР и России на протяжении двух десятилетий. Ю. Лайне установил, что вместо доминирующего в начале 1990-х годов отношения к России как соседней стране и партнеру, несколько схожего у всех читателей газеты, читатели XXI в. сильно расходятся в своих взглядах и оценках. По мнению Ю. Лайне, это связано со все возрастающим количеством контактов и взаимодействия между жителями соседних стран. Тууликки Курки (Ун-т Восточной Финляндии) темой исследования избрала особенности взаимоотношений и культурных связей финнов, карелов и русских. Она на примере работ российских и финляндских писателей показала, каким образом автор литературного произведения пересекает в своем творчестве культурные, символические и метафорические границы и в какой степени на его работу оказывает влияние опыт проживания в приграничном регионе.

Хорошей традицией для европейской конференции ABS, стали сессии, организованные специально для молодых исследователей. В этот раз заседание, на котором были заслушаны доклады аспирантов, организаторы решили провести накануне официального открытия конференции. На него были приглашены ведущие специалисты в области изучения границ. Приехав в Лиссабон за день до начала конференции, они приняли участие

в обсуждении докладов аспирантов. Еще одной традицией, которой строго придерживаются организаторы конференций ABS, является небольшое однодневное путешествие на границу. В этот раз хозяева конференции решили познакомить гостей как с успехами современного трансграничного сотрудничества между Португалией и Испанией, центром которого является город Эвора, так и с многовековой историей противостояния двух стран Пиренейского полуострова. Символом соперничества Португалии и Испании является цепь укрепленных городов, растянувшаяся вдоль границы. Участникам конференции удалось посетить три португальские города-крепости — Монсараш, Оливенса и Элваш. Любопытно, что один из них — Оливенса — в настоящее время входит в состав Испании, хотя жители приграничных районов Португалии так и не смирились с его потерей.

Одним из важнейших грядущих мероприятий ABS является Первая всемирная конференция, которая запланирована на 9–13 июня 2014 г. Местом ее проведения станут сразу две страны — Финляндия (Йоэнсуу) и Россия (Санкт-Петербург). Конференция получила название “Post-Cold War Borders: Global Trends and Regional Responses” («Границы после окончания Холодной войны: Глобальные тенденции и региональные ответы»). Организатором конференции стал Карельский институт Ун-та Восточной Финляндии, пригласивший к сотрудничеству российских коллег — Центр независимых социологических исследований и Европейский университет в Санкт-Петербурге. На конференции предлагается рассмотреть роль границ в современном мире, пережившем как Холодную войну, так и иллюзию о возможности мирного сосуществования народов, культур, религий без границ. С точки зрения организаторов конференции пришло время, используя накопленный за годы исследований опыт, обсудить «старые и новые границы»⁵.

М.Е. Проскуракова, В. Кайсто

⁵ См. подробнее: Itä-Suomen yliopisto — ABS 2014 World Conference/ — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.uef.fi/abs2014world>, дата обращения — 20.01.2014].

КОНФЕРЕНЦИЯ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ В ЕВРОПЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ»*

29 ноября – 1 декабря 2012 г. в Аосте (итальянском городе, расположенном в Альпах, вблизи швейцарской и французской границ) состоялась международная конференция по теме «Образовательные и конфессиональные границы в Европе Нового времени. Идентичность, обмены, сопротивления». В конференции участвовали специалисты по истории образования, истории религии, истории культуры из Италии, Франции, Польши, Испании и России. Главной проблемой, поставленной на конференции, была проблема границы, понимаемой не только как географический рубеж, но и как культурное явление, особенно ярко проявляющее себя в таких областях, как образование и религия. Проведение подобной конференции именно в Аосте было знаменательным в связи с тем, что этот небольшой населенный пункт (обладающий, тем не менее, одним из активно развивающихся университетов Европы) находится в пограничном регионе, где, с одной стороны, в результате многократных изменений границ переплелись культурные типы соседних стран — Франции, Швейцарии, Австрии, а с другой — где труднодоступный горный район Южных Альп создал собственный неповторимый самобытный тип культуры. Проблема границы для этого региона является той матрицей, которая его характеризует и определяет его социальное, экономическое и культурное развитие.

Конференция, состоявшаяся в Аосте, стала частью исследовательского проекта, в основе которого лежат два понятия: граница и идентичность. В последнее десятилетие понятие границы

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 13-01-00217).

стало предметом уже достаточно многочисленных исследований на Западе, в том числе и в Италии, в которых подчеркивались его многозначность, сложность и, в числе прочих, его вспомогательный характер. Среди реализованных исследовательских проектов можно назвать проекты, получившие финансовую поддержку в 2003–2005 и 2005–2007 гг.: «Граница: сословия, территории, культуры в Италии Нового времени» и «Приграничные города, населенные пункты и пути коммуникаций в альпийском регионе в Новое время». За сведениями относительно проведенных в последнее 10–15 лет конференций и опубликованных работ можно обратиться к итальянским и французским интернет-порталам, таким как: www.stmoderna.it и <http://calenda.revues.org/>.

Наиболее краткое определение границы, разработанное и использованное в ходе этих исследований, сводится к следующему: граница — это некая реальная или виртуальная линия, разделяющая два различных объекта. В качестве таковой она знаменует некое отличие одного объекта от другого (причем этим объектом могут быть, как государства, так и общности людей другого рода, религии и т.д.), являющееся антонимом идентичности, которую, вместе с тем, она сама и порождает, очерчивая ее контуры.

Идентичность при этом понимается как феномен, сложившийся в ходе исторического развития и диалектического взаимодействия множественных, зачастую противоречащих друг другу факторов, определяющих принадлежность человека либо к территории, либо к типу культуры, либо к религии, либо к политической системе и т.д. Для представляемого исследовательского проекта важнейшей гранью идентичности является в первую очередь та, которая характеризует идентичность как некий меняющийся параметр, имеющий тем больший потенциал к изменениям, чем больше эта идентичность находится в контакте с другими идентичностями.

Таким образом, это понятие особым образом коррелируется с другим ключевым понятием проекта — понятием границы. Граница в данном случае становится символом противопоставления культур, находящихся порой в конфликтном противоречии друг с другом, а порой в диалектическом диалоге. В любом из этих случаев в этом понятии заложена возможность / эвентуаль-

ность трансформаций для обеих сторон. Противопоставление идентичности отличию (которое вполне можно заменить понятием «другой») может приводить как к изоляции некой общности, так и к активному развитию общения и обменов, как к усилению различий, так и к сближению, в зависимости от природы этих различий.

В рассматриваемом проекте на первый план выдвигаются границы, имеющие совершенно различные природу и историю. Речь, во-первых, идет о религиозных границах, границах между Востоком и Западом, сформировавшихся, начиная с первого тысячелетия, а также о границах, связанных с эпохой конфессионализации. Хотя этим проблемам в прошлом были посвящены многочисленные исследования, они и поныне являются актуальными и продолжают оставаться предметом внимания многих историков.

Напротив, изучение образовательных границ — это относительно новое поле исследований. Точнее сказать, историки образования часто говорят об образовательных границах, имея в виду возрастные и социальные границы. Однако ставить проблему соотношения образовательных границ с границами религиозными начали не так давно. Именно размышления о самом понятии образовательной границы, которое еще нужно дополнять и уточнять, являлось одной из задач проведенной конференции.

Более конкретно, организаторы конференции ставили цели выявить совпадения или несовпадения религиозных и образовательных границ в рассматриваемом регионе, существование образовательных моделей и их зависимости от той или иной конфессии, специфику той или иной модели, пути взаимовлияния, взаимообменов, скрещивания и слияний.

В течение двух дней конференции были заслушаны доклады, в которых рассматривались проблемы образовательных и религиозных границ для регионов Южной Франции, Пиренеев, Савойи, Венеции, Эльзаса, Мальты и Валле д'Аоста (наибольший интерес вызвали доклады французских исследователей Бориса Ногеса и Сержа Томамишеля, испанского ученого Франсиско Хавьера Ласпаласа Переса, итальянских профессоров Маурицио Пизери и Маурицио Сангалли). Особый интерес представил доклад, посвященный образовательной системе вальденсов (Габри-

элла Балецио). Большое внимание итальянские исследователи уделили докладам ученых из России и Польши, которые ставили вопрос о сопоставлении образовательных и конфессиональных границ между православием и «латинством» на территориях России, Украины, Белоруссии и Польши. Здесь хотелось бы назвать доклады российских ученых М.В. Дмитриева («Две образовательные модели как отражение двух конфессиональных моделей православия и “латинства” в Рутении — Украине и Белоруссии — в XVI–XVII вв.»), Л.А. Пименовой («Образовательные модели и границы в Новороссии в конце XVIII – начале XIX в.»), Д.В. Шмониной («Академии, Университеты и философское образование в России в XVIII в.»), а также ученых из Польши: Тадеуша Борковского («Специфика социологических границ в Польше»), Вита Пасербека («Особенности совпадения образовательных и религиозных границ в Польше») и Томаша Хома («Особенности культурных границ в Польше»).

В последовавшем за конференцией небольшом совещании, посвященном итогам конференции и перспективам развития проекта, была признана безусловная научная значимость состоявшегося мероприятия (его успешности способствовала прекрасная организация, характеризующаяся четкостью и гостеприимством итальянских коллег) и принято решение о дальнейшей разработке указанной темы.

Е.С. Токарева

ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ

Состоявшийся 10–13 июня 2013 г. в Кемере (Турция) третий международный географический симпозиум собрал около 350 участников, представивших 239 устных и 50 постерных докладов. В конференции приняли участие исследователи более чем из 40 стран Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки, а также Австралии. Предыдущие два симпозиума проводились также в Турции в 2007 и 2010 годах.

Выступления были сгруппированы в 16 сессий, объединенных в три секции. Несколько неожиданным элементом организации стало разделение всей программы на два потока: англоязычный (секции 1 и 2) и преимущественно тюркоязычный (секция 3), собравших почти одинаковое число устных и стендовых докладов. Вместе с тем, на секции 3 часть докладов была заявлена на английском языке.

Среди англоязычных докладов (143 презентации и 31 постер) на конференции были представлены преимущественно доклады «географического» профиля, посвященные изучению вопросов географии населения, этнической географии, географии государственных флагов, географии образования, землепользования, антропогенного воздействия на окружающую среду, биоразнообразия и развития территорий, экологии, ландшафтоведения, геоморфологии, изменений климата в последние десятилетия, международного туризма, полярных исследований и др.

Среди всей массы докладов¹ остановлюсь на тех, что имеют отношение к исторической географии. Одним из историко-географических направлений была тематика изучения и охраны памятников историко-культурного наследия. В докладе А. Меды

¹ См.: The 3rd International Geography Symposium: June 10–13, 2013 — Kemer, Antalya, Turkey. Abstracts / Ed. by Prof. Dr. h.c. Ibrahim Atalay, Prof. Dr. Recep Efe. Istanbul: Inkilap Publishing, 2013. 336 p.

(Alejandra Meda, Италия) обсуждалась концепция мер по изучению и охране культурных ландшафтов в области Абруццо в Италии. О приемах оценки состояния и мониторинга особо ценных территорий регионального уровня на Украине методами анализа данных дистанционного зондирования и ГИС-технологий рассказали Т. Евсюков и И. Опенко (Украина).

Вклад иностранного частного бизнеса в возрождение исторических центров городов испанской Каталонии проанализировал П.С. Дель Позо (Pau Serra Del Pozo, Испания).

Е. Окладникова (Россия) посвятила доклад результатам полевого изучения двух каменных «лабиринтов» Кольского полуострова, семиотический анализ которых был помещен в археологический и этнографический контексты.

Коллектив ученых из Словакии — М. Сламова (Martina Slamova), Б. Белацек (Boris Belacek), Я. Беляк (Jan Beljak), Н. Пазинова (Noemi Pazinova), Ф. Худи (Frantisek Chudy) — исследовал археологическую структуру расселения, ее связь с ландшафтными нишами, в основном на материалах славянского периода и более позднего времени, одного из микрорегионов Словакии. С помощью ГИС была выявлена связь средневековых дорог с особенностями ландшафта.

Датский исследователь Дж.Г. Якобсен (Johnny Grandjean Jakobsen) продемонстрировал результаты новой попытки обобщения комплекса данных по исторической географии (археологических материалов, данных о храмовом строительстве, поселенческой структуре, топонимике) стран Скандинавии в 800–1300 годы.

В докладе российской исследовательницы А. Глебовой были определены пространственные характеристики освоения человеком ландшафтов Алтая на различных этапах истории, начиная с каменного века. Исследование проведено на основе анализа с помощью ГИС данных о 1200 памятниках археологии.

Коллектив российских ученых (А. Дарин, И. Калугин, Н. Максимова, Я. Ракшун, Ф. Дарин, Д. Сороколетов) привел результаты геохимического анализа донных отложений озер Алтая и предложил реконструкцию динамики климатических изменений в регионе за последнее тысячелетие, а также прогноз этой динамики на будущие годы.

Российские исследователи В. и О. Хромых продемонстрировали результаты работы над ландшафтной картой Томской долины на базе ГИС-технологий и данных дистанционного зондирования. Для отслеживания изменений привлечена топографическая съемка, выполненная при строительстве Транссибирской железной дороги в 1896 году.

Древнейшие русские писцовые описания как возможный источник сведений о качестве средневековых пашен рассмотрены А.А. Фроловым и О.Н. Трапезниковой. Предложена методика проверки гипотезы Л.В. Милова о том, что новгородская окладная единица XV в. «обжа» являлась архаичной формой «одабривания» земель, при которой пашня худого качества большей площади приравнивалась к пашне доброго качества меньшей площади.

ГИС-технологии и данные дистанционного зондирования для анализа динамики изменений в землепользовании в долинах крупных рек Украины применили также В. Богданец и А. Влаев (Украина).

О демографической динамике на территории Боснии и Герцеговины в период, охваченный правительственными статистическими описаниями 1851–1991 гг., рассказали М. Лукич (Mariana Lukič), С. Пасалич (Stevo Pasalič), Е. Голиянин (Jelena Golijanin). В связи с полученными результатами они также рассмотрели современные проблемы демографии региона.

Следует отметить и ряд постерных докладов. Е. Окладникова в материале о фантастическом хищнике, изображенном среди петроглифов Калбак-Таша (Алтай) эпохи неолита и поздней бронзы, предложила интерпретацию этого образа в соответствии со знаниями о мифологических представлениях алтайских племен этого периода.

Коллектив авторов из Словакии, Э. Михаэли (Eva Michaeli), М. Иванова (Monika Ivanová), Ш. Коцо (Štefan Koco), представили оценку антропогенного воздействия на стабильность ландшафтов в период в 1956–2009 годах.

Материал Ю. Като (Yukimasa Kato) и М. Сано (Mitsuru Sano) был посвящен сравнению международной системы охраны памятников историко-культурного наследия с японской системой национальных парков. Авторы констатировали необходимость пересмотра заложенных в их основе принципов формирования и управления.

Несмотря на то, что историко-географические сюжеты не являлись ключевыми для конференции, участие в ней, тем не менее, оказалось полезно, особенно в плане знакомства с проблемным полем и исследовательскими методиками современной географической науки.

А.А. Фролов

СОКРАЩЕНИЯ

ВВ	— Византийский временник. М.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВЕДС	— Восточная Европа в древности и средневековье. Материалы конференции, посвященной чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.
ДГ	— Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования (с 1975 по 1993 г.); Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования (с 1994 г.). М.
ДЮА	— древнеюжноаравийский.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов.
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет.
РНБ	— Российская национальная библиотека.
СПФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
AION	— Annali, Univesità degli studi di Napoli “L’Orientale”.
BSOAS	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London.
EI NE	— The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden.
JA	— Journal Asiatique. Paris.
RE	— Pauly’s Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearb., begonnen von G. Wissowa; Hg. W. Kroll. Stuttgart.
SÖAW	— Sitzubgsberichte der Österreichen Akademie der Wissenschaften.
ZDMG	— Zeirschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig.
ZFS	— Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung aus dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.

ABSTRACTS

Mikhail D. BUKHARIN

**Πόντος Εὔξεινος, Πόντος Ἄξεινος
and the “Blackness” of the Black Sea:
the Question in History and the History of the Question**

The ancient Greek names for the modern Black Sea, Πόντος Εὔξεινος and Πόντος Ἄξεινος, have no clear explanation. One view on the source of the name of Πόντος Εὔξεινος links it to the idea of the “other world” as the “hospitable kingdom of the dead”. Other scholars have looked for the source of the presumed “blackness” of the Black Sea in the languages of the Iranian nomads of the Black Sea region: OIr **axšaina-* in the meaning of “not light”, “dark”, “black”, could have given rise to the name of Πόντος Ἄξεινος to be later reinterpreted as εὔξεινος.

The mismatch of the color designations in the Turkic and Iranian toponymy, lack of the meaning of “blackness” or “darkness” in Mİr and Nİr reflections of **axšaina-*, and absence of any connection between geographical orientation and color designation in the ancient Iranian tradition testify against the hypothesis that the name was related to the color symbolism for geographical orientation somehow transmitted from the Chinese geo-symbolism through (proto-)Turks to the Iranian nomads. The designation Ἄξεινος in the name of the Pontus could not go back to OIr **axšaina-*, since the meaning of these notions did not coincide. Etymologically OIr **axšaina-* has to be interpreted as “pale” rather than “dark”. Likewise, a reliable color etymology cannot be determined for any of the Pontic Iranian ethnic names.

Black Sea, color symbolism, geosymbolism, Pontus, Scythians, ancient Turks

Alexei A. FROLOV

Some Results and Possibilities of the Historical Geographical Study of the Medieval *volosti* of Buitsy and Lopastitsy

The article describes the first results of an analysis of geographic information in Russian documents related to the history of the southern frontier of the Novgorod region. Mapping of the district boundaries, landowning structure, and settlement system of the fifteenth to eighteenth centuries sheds light on such topics in the history of Russian feudalism as the content of Prince Mstislav's charter of 1130 A.D. and the phenomenon of *chernokunstvo* on the Novgorod-Lithuanian frontier. The approach raises a number of new issues that are essential for the further analysis of the mentioned topics. For example, the *chernokuntsy* who are known from fifteenth-century international agreements are considered to be a small population which existed in the framework of the "servant organization" and paid levies with furs. It remains to be seen how this phenomenon was integrated into the Novgorod state-corporate management system. The presented data also open new routes to study the scope of rights that had been transferred about 1130 to the Yuriev Monastery by the charter of Prince Mstislav.

Historical geography of the Middle Ages, southern frontier of the Novgorod land, administrative system, "servant organization", land-ownership, settlement.

Timofei V. GIMON, Zoia Iu. METLITSKAIA

The borders of Annalist's Ecumene: Foreign Events Reported by the Annals of England, Ireland, and Rus

The authors study three early medieval annalistic traditions: Anglo-Saxon (the late 9th to early 12th centuries), Irish (up to the mid-12th century), and Rus (the 11th to early 14th centuries). The authors analyze the cases in which the annalists reported events that took place outside their home countries. Such entries are not numerous in any of the three traditions. The Irish tradition was the most concerned with the events abroad (primarily in the British Isles). The annalists in England and, especially, in Rus, did not pay much attention to events

abroad. If they did so, in most cases their interest can be explained by political and dynastic links or even by direct connections between an event abroad and events inside the country. All the three traditions demonstrate the biggest interest in foreign events in the initial parts of the annals, where the annalists use written sources with the objective of grafting their home history onto that of the Christian world.

Middle Ages, annals, chronicles, England, Ireland, Rus, comparative studies.

Anatolii L. GRIAZNOV

**The Ancestral Landownership of Princes Sheleshpalskie
in the Fifteenth and Sixteenth Centuries**

This article analyzes the landowning acts of the sixteenth century that deal with the lands of the Sheleshpalskie princes. The borders of Sheleshpalskie princes' lands and their history are reconstructed on the basis of place names in documents of the 15th to 18th centuries. In turn, this provides reliable material for a comparative study of ancestral landownership in other princely dynasties of the North-Eastern Rus' as well as a proven methodology to conduct such studies.

Feudalism, land ownership, principedom, principality, landowning acts.

Tatjana N. JACKSON

Adam of Bremen's *Scythia*: Formation of an Image

In Adam of Bremen's *Gesta hammaburgensis ecclesiae pontificum* (*History of the Archbishops of Hamburg-Bremen*), in his original text and the scholia, none of which in this particular case were added by Adam himself, the "Scythian names" include an ethnic name "Scythians" (*Scythae, Scytae, Scitae*) (in 3+1 cases), horonyms "Scythia" (*Scythia, Scithia, Scitia*) (3+3) and "Scythian regions" (*Scithicae regiones*) (1+0), hydronyms "Scythian sea" (*pelagus Scythicum/Sciticum, mare Scythicum/Scithicum*) (3+2), "Scythian, or Meotic, marshes" (*Scyticae paludes, Scithicae vel Meoticae paludes*)

(1+2), the name “Scythian shore” (*Scithicum littus*) (1+1); and “Scythian Diana” (*Scythica Diana*) (1+0) that appears in a quotation from Lucan. Thematically, there are four blocks of information where the “Scythian names” are used. The paper investigates the meaning and significance of this set of names and the related historical and geographical images.

Adam of Bremen, Scythia, the Baltic Sea, the Meotic marshes, historical and geographical images.

Fedor S. KORANDEI

The Bell Foundry of Conrad Malte-Brun: The Geography of Western Siberia in French Travel Writing, 1860–1880

Popular French travel writing about Siberia published from 1860 to 1880 employed elements of academic geographical narrative that had been perfected in *Géographies universelles* of Conrad Malte-Brun and Élisée Reclus. This study focuses on the history of the canonical representations of Great Siberian Post-Road between Tyumen and Yekaterinburg in the popular books of Catherine de Bourboulon, Jules Verne, Ferdinando Petrucelli della Gattina, Richard Lesclide and Edmond Cotteau. The southwestern region of Siberia was portrayed as a frontier with features that were metonymically extended to Siberia as a whole.

Siberia, historical geography of geographical knowledge, historical geography of geographical images, critical literary geography, travel writing, Siberian Post-Road, Tyumen, Yekaterinburg, Conrad Malte-Brun, Élisée Reclus, Catherine de Bourboulon, Edmond Cotteau.

Egor N. NASEDKIN

Handwritten Eighteenth-Century Forest Maps of the Central Volga Area as a Historical Source on Land Use and Forestry

In 18th-century Russia, specialized maps showed timber suitable for shipbuilding. The margins of such “forest maps” often presented statistics on the quantity, quality and size of the trees. Despite the high

informational value of forest maps, they have not been investigated by historians. Some materials in forest maps have been used by specialists in modern forestry, in comparing the past and present ecological situations. As a result, scholars disregarded many essential aspects of forest maps as historical sources and paid insufficient attention to their historical context. This article investigates the history of forest maps of the Central Volga Area made in 1765 and included in *The general atlas of the woods ...* of 1782, and paves the way for a further study of maps in the context of land use and the conflicts generated by forest preservation policy.

Timber, hand-written forest maps, 18th century, Central Volga Area, land use history.

Olga V. OKUNEVA

**Gastaldi's Map of Brazil from the Third Volume of Ramusio's
Navigazioni et Viaggi (1556, 1565, 1606)**

The article examines the map of Brazil created by Giacomo Gastaldi for the third volume of the significant collection of geographic texts *Delle Navigazioni et Viaggi* published by Giovanni Battista Ramusio. As the map was re-edited three times (in 1556, 1565 and 1606), it is important to reveal the differences between the three versions and to compare the map with the corresponding text (*Discorso d'un gran capitano di mare francese* by Pierre Crignon). The objective is to analyze how the information on Brazil was transmitted by narrative and iconographic means.

Brazil, Gastaldi, Ramusio, Crignon.

Alexei S. SHCHAVELEV, Alexandr A. FETISOV

**Towards Historical Geography of Eastern Europe
from the Ninth to the Early Tenth Century:
A Map of Hoards and Configuration of Trade Routes**

The paper deals with the problems of historical geography of Eastern Europe from the 9th to the first half of the 10th century. The

paper presents an original map of the 9th-century hoards in the Eastern Slavic area. It proposes a reconstruction of the chronology and formation of the route “from the Varangians to the Greeks” in the 9th to 10th centuries and demonstrates that the route “from the Varangians to the Greeks and from the Greeks” as a transit trade artery was formed in the middle of the 10th century. The archaeological material helps to specify the chronology of the appearance of “the Russian Land in the narrow sense”, or the domain of the Kievan Rjurikids, which was taking shape during the 10th century. Analysis of archaeological, historical and geographical data shows that Eastern European trade route logistics of the 9th century differed significantly from those of the 10th century. The development of the economic infrastructure of ancient Rus’ started only at the turn of the 9th and the 10th centuries and proceeded through the first half of the 10th century.

Historical geography, historical archeology, map of the hoards in Eastern Europe, trade route, the route “from the Varangians to the Greeks”, the domain of the Kievan Rjurikids.

Arutian A. ULUNIAN

Nationwide Turkish Discourse of “Geohistorical Construction” in Foreign Policy thought in Modern Turkey

Current foreign policy thought in the Republic of Turkey is seriously influenced by several politically motivated conceptions with deep roots in history and culture. The search for a new ethnic and state identity, which was initiated from above in the earliest years of the Republic and strengthened later in the 1930s, interacted with ideological theories that had been spread among certain strata of Turkish society since the years of the Ottoman Empire. Turkish foreign policy doctrines included references to historical geography already in the 1980s and during the first decades of the 21st century. Those conceptions which were closely linked to geohistorical construction, such as “Anatolism,” “Strategic depth theory”, “Neo- Ottomanism”, “Neo-Eurasianism” and the “Ottoman Commonwealth of Nations”, played a particularly important role.

Republic of Turkey, geohistorical construction, historical geography, foreign policy thought, “Anatolism,” “Strategic depth theory”,

“Neo- Ottomanism”, “Neo-Eurasianism”, “Ottoman Commonwealth of Nations”, Ottoman Empire.

Chet VAN DUZER

**The Legends about Russia on Martin Waldseemüller’s
Carta marina of 1516**

This article discusses Martin Waldseemüller’s *Carta marina* of 1516, an important world map printed on twelve sheets that survives in just one exemplar. After providing background information about the map and its acquisition by the Library of Congress, the author transcribes and translates the map’s legends relating to Russia. The information in these legends is remarkably current, and it is not clear how Waldseemüller obtained it. The cartographer lists his sources in the lower left-hand corner of the map, but his information about Russia does not come from any of those sources. He may have used the letters of a traveler, or perhaps a manuscript treatise by a traveler that was never published, but it does not seem possible to be sure. Some of this information is similar to that in Maciej z Miechowa’s *Tractatus de duabus Sarmatiis*, first published in 1517, so the map and Miechowa’s book may have shared a source.

Cartography, Russia, Novgorod, Tartary, Rhiphaean Mountains, Volga, sixteenth century, Martin Waldseemüller, Maciej z Miechowa, Johann Schöner.

CONTENTS

HISTORICAL GEOGRAPHY OF THE RUSSIAN MIDDLE AGES

- A.S. SHCHAVELEV, A.A. FETISOV*
Towards Historical Geography of Eastern Europe from the Ninth to the
Early Tenth Century: A Map of Hoards and Configuration of Trade Routes. 7
- A.A. FROLOV*
Some Results and Possibilities of the Historical Geographical Study of the
Medieval *volosti* of Buitsy and Lopastitsy..... 54
- A.L. GRIAZNOV*
The Ancestral Landownership of Princes Sheleshpalskie in the Fifteenth
and Sixteenth Centuries..... 105

GEOGRAPHICAL IMAGES

- T.N. JACKSON*
Adam of Bremen's *Scythia*: Formation of an Image..... 152
- T.V. GIMON, Z.IU. METLITSKAIA*
The borders of Annalist's Ecumene: Foreign Events Reported by the
Annals of England, Ireland, and Rus..... 171
- F.S. KORANDEI*
The Bell Foundry of Conrad Malte-Brun: The Geography of Western
Siberia in French Travel Writing, 1860–1880..... 201

HISTORY OF CARTOGRAPHY

- CHET VAN DUZER*
The Legends about Russia on Martin Waldseemüller's
Carta marina of 1516..... 236
- O.V. OKUNEVA*
Gastaldi's Map of Brazil from the Third Volume of Ramusio's
Navigazioni et Viaggi (1556, 1565, 1606)..... 268

PRIMARY SOURCES

- E.N. NASEDKIN*
Handwritten Eighteenth-Century Forest Maps of the Central Volga Area as a
Historical Source on Land Use and Forestry..... 302

HISTORICAL TOPONYMY

- M.D. BUKHARIN*
Πόντος Εἰξείνιος, Πόντος Ἀξεινός and the “Blackness” of the Black Sea: the
Question in History and the History of the Question..... 330

HISTORICAL GEOGRAPHY AND THE PRESENT

<i>A.R.A. ULUNIAN</i> Nationwide Turkish Discourse of “Geohistorical Construction” in Foreign Policy thought in Modern Turkey.....	389
--	-----

SURVEYS

<i>S.V. RASSKAZOV</i> Main Trends and Paradigms in Russian Geography Studies. A Brief Guide for Historians.....	436
<i>F.S. KORANDEI</i> The Historical Geography of Rivers.....	468

BOOK REVIEWS

<i>I.I. Eremeev, O.F. Dziuba.</i> Essays in the Historical Geography of the Forest Part of the Route from the Varangians to the Greeks: The Archeological and Paleogeographical Investigations Between the Western Dvina and Lake Ilmen. Saint Petersburg: Nestor-Istoria, 2010. 670 p., ill. (Proceedings of the Institute for the History of Material Culture. Vol. XXXIII) (<i>V.S. NEFEDOV, A.A. FROLOV</i>).....	484
<i>Van Gestel-van het Schip P., Kaashoek J., Molenaar J., Poelijoe R., Schipper H., van der Zwan H.</i> Maps in Books of Russia and Poland Published in the Netherlands to 1800. Houten: HES & De Graaf, 2011. 724 p. (Research Programme Explokart. Utrecht Studies in the History of Cartography. Vol. 13) (<i>L.S. CHEKIN</i>).....	503

CHRONICLE

15 th International Conference of Historical Geographers. Prague, August 6 to 10, 2012 (<i>I.G. KONOVALOVA, M.E. PROSKURIAKOVA, S.V. RASSKAZOV, A.A. FROLOV</i>).....	520
25 th International Conference on the History of Cartography. Helsinki, June 30 to July 5, 2013 (<i>CHET VAN DUZER</i>).....	526
Conference “Borders and Borderlands. Today’s Challenges and Tomorrow’s Prospects” (<i>M.E. PROSKURIAKOVA, V. KAISTO</i>).....	530
Conference “Educational and Confessional Boundaries in Early Modern Europe. Identity, Exchanges, Resistance” (<i>E.S. TOKAREVA</i>).....	537
3 rd International Geographical Symposium (<i>A.A. FROLOV</i>).....	541
ABBREVIATIONS.....	545
ABSTRACTS.....	546
CONTENTS.....	553
ABOUT THE AUTHORS.....	555

ОБ АВТОРАХ

БУХАРИН Михаил Дмитриевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром истории древнего Востока Института всеобщей истории РАН, vdi@igh.ras.ru

ВАН ДУЗЕР Чет (Chet VAN DUZER) — исследователь-стипендиат Библиотеки Джона Картера Брауна, chet.van.duzer@gmail.com

ГИМОН Тимофей Валентинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, guimontv@mail.ru

ГРЯЗНОВ Анатолий Леонидович — независимый исследователь, rubicon@vologda.ru, rubicon-2@yandex.ru

ДЖАКСОН Татьяна Николаевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, tatjana.jackson@gmail.com

КАЙСТО Вирпи (Virpi KAISTO) — исследователь Южно-Карельского института Технологического университета г. Лаппеенранта, Финляндия, Virpi.Kaisto@lut.fi

КОНОВАЛОВА Ирина Геннадиевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, konovalova@igh.ru

КОРАНДЕЙ Федор Сергеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков Тюменского ГУ, зав. Отделом редких книг Информационно-библиотечного центра Тюменского ГУ, brecht_1@mail.ru

МЕТЛИЦКАЯ Зоя Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сектора истории Древнего мира и Средних веков Института научной информации по общественным наукам РАН, cerdic@yandex.ru

- НАСЕДКИН Егор Николаевич — кандидат исторических наук, специалист первой категории РГАДА, egor.nasedkin@rambler.ru
- НЕФЁДОВ Василий Сергеевич — научный сотрудник Института археологии РАН, vnefyodov@yandex.ru
- ОКУНЕВА Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, доктор университета Париж-Сорбонна, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, ассоциированный исследователь Центра им. Ролана Мунье (университет Париж-Сорбонна — Национальный центр научных исследований), olga.okuneva@gmail.com
- ПРОСКУРЯКОВА Мария Евгеньевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, докторант Карельского института Университета Восточной Финляндии, maria.proskuriakova@uef.fi
- РАССКАЗОВ Сергей Валерьевич — кандидат географических наук, независимый исследователь, sergei.rasskazov@gmail.com
- ТОКАРЕВА Евгения Сергеевна — доктор исторических наук, заведующая Центром истории религии и церкви Института всеобщей истории РАН, tokareva.evgenia@gmail.com
- УЛУНЯН Артём Акопович — доктор исторических наук, заведующий Центром кавказских и центрально-азиатских исследований Института всеобщей истории РАН, mirditahavlar21@gmail.com
- ФЕТИСОВ Александр Анатольевич — научный сотрудник Государственного музея искусства народов Востока, afetisov@inbox.ru
- ФРОЛОВ Алексей Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, npkfrolov@rambler.ru
- ЧЕКИН Леонид Сергеевич — доктор географических наук, член Вашингтонского картографического общества, chekinls@gmail.com
- ЩАВЕЛЕВ Алексей Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, alexis-schavelev@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ

В сборнике «Историческая география» публикуются различные материалы по историко-географической проблематике: исследовательские статьи и сообщения (включая публикацию источников), историографические и тематические обзоры, рецензии, научная хроника. К рассмотрению принимаются материалы по всем аспектам исторической географии, без ограничений по хронологии и региону исследования.

Объем каждого выпуска сборника — более 30 а.л.

Все материалы, присланные в редколлегию ежегодника, проходят внутреннюю рецензию.

Прием статей и других материалов для публикации в ежегоднике осуществляется круглый год по адресу: hg.ed@bk.ru или konovalova@igh.ru.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Объем статьи до 1 а.л. (40 000 знаков, включая пробелы между словами).

Гарнитура текста — Times New Roman. Просьба избегать шрифтов, не входящих в основной комплект Times New Roman. Если Вам необходимо использовать особые символы, пожалуйста, пришлите дополнительные шрифты одновременно со статьей.

Знаки переноса не используются.

Сноски даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией. Образец оформления сносок: Иванов 2008: 34.

В конце статьи необходимо привести список использованных источников и литературы в алфавитном порядке, а также список сокращений.

Вместе со статьей нужно прислать:

- краткую (один абзац до 1000 знаков) аннотацию на русском и английском языках с заголовком;
- ключевые слова (до 10 слов) на русском и английском языке;
- информацию об авторе (Ф.И.О., уч. степень и звание, место работы, должность, контактный телефон, e-mail).

Образец оформления библиографии в списке источников и литературы:

- КНИГА — Фамилия автора и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора курсивом. Название. Место издания. Год издания.

Мурзаев 1996 — *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М., 1996.

Barber, Harper 2010 — *Barber P., Harper T.* Magnificent Maps: Power, Propaganda and Art. London, 2010.

- СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ СТАТЕЙ — Фамилия автора и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора курсивом. Название статьи (без точки), две косые черты, название сборника, косая черта, редактор (инициалы, затем фамилия). Место издания. Год издания. Страницы.

Пьянков 2010 — *Пьянков И.В.* Согдиана Птолемея // *Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, Г.Р. Цецхладзе.* М., 2010. С. 318–324.

Lafrenz 2010 — *Lafrenz J.* The metrological analysis of town-plans of Early Modern Times // *Proceedings of the 14th International Conference of Historical Geographers, Kyoto 2009 / Ed. A. Kinda et al.* Kyoto, 2010. P. 133–134.

- СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ — Фамилия автора и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора курсивом. Название статьи (без точки), две косые черты, название журнала (полное или аб-

бrevиатура, вынесенная в общий список сокращений). Год издания. Том. Номер. Страницы.

Чернов 2009 — *Чернов С.З.* О комплексных методах в русской средневековой археологии // Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2009. Вып. 70 (3). С. 98–131.

Painter 2010 — *Painter J.* Rethinking Territory // Antipode. 2010. Vol. 42. N. 5. P. 1090–1118.

- ИСТОЧНИК — Автор и год издания. Тире. Автор (курсивом). Название (без точки), косая черта, издатель (инициалы, затем фамилия, прямым шрифтом, без точки), две косые черты, серия (или сборник), точка. Место издания. Год издания. Страницы. В скобках — указание на серию.

Геродот 1993 — *Геродот.* История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. М., 1993.

Чекин 1999 — *Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв: Тексты, перевод, комментарий. М., 1999 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Miller 1926 — *Miller K.* Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten. Stuttgart, 1926. Bd. I.

- ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ (карты, схемы, рисунки, фотографии) предоставляются в формате *.jpg (предпочтительно) или *.tif, *.bmp, *.gif.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

ТОМ 2

Ответственный редактор
Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН*

Директор издательства *М. С. Петрова*
Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Корректор *С. Ю. Королева*

Подписано в печать 17. 02. 2014
Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35. Тираж 500. Заказ № 00000

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924 97 30
e-mail: aquilopress@gmail.com

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография 'Наука'»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6.

ISBN 978-5-906578-02-0

ISSN 2307-8200
ISBN 978-5-906578-02-0